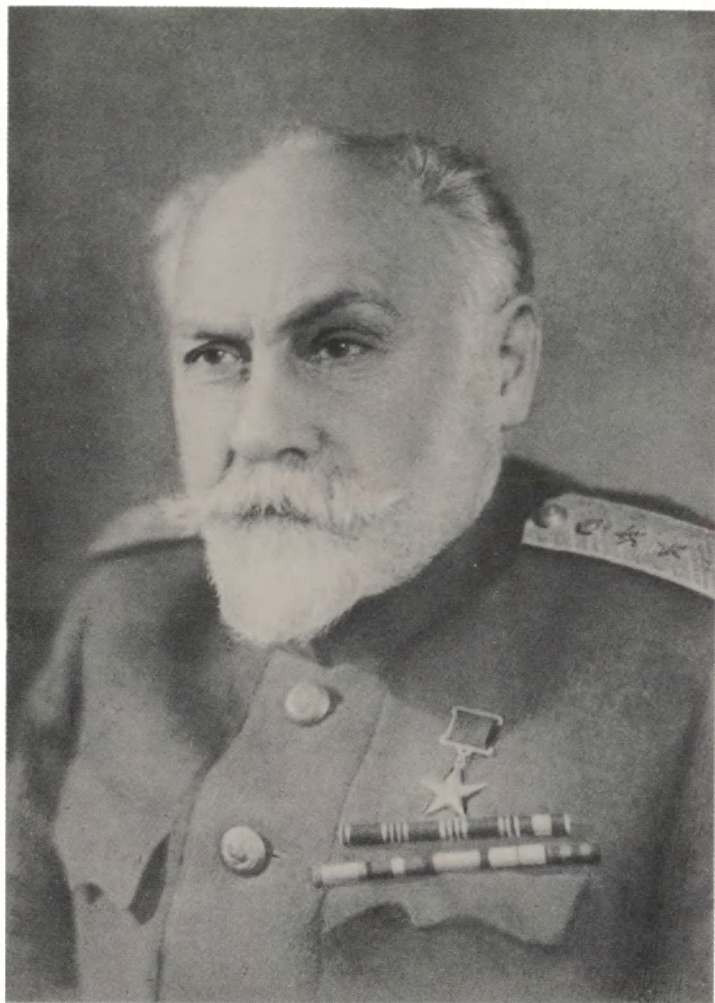

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Академик
ЛЕОН АБГАРОВИЧ
ОРБЕЛИ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Академик ЛЕОН АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ

ЛЕОН АБГАРОВИЧ
ОРБЕЛИ
(1882–1958)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХИВ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА
МЕМОРИАЛ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ОРБЕЛИ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

**Серия основана
академиком С.И. Вавиловым в 1948 г.
Возобновлена в 1980 г.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**академик П.В. Волобуев (председатель),
кандидат исторических наук Н.В. Бойко (ученый секретарь),
академик Г.М. Бонгард-Левин,
академик В.И. Гольдманский,
доктор исторических наук В.Д. Есаков,
кандидат технических наук Э.П. Карпеев,
академик И.Д. Ковальченко,
доктор исторических наук В.П. Козлов,
доктор исторических наук А.В. Кольцов,
доктор исторических наук Б.В. Левшин,
академик И.М. Макаров,
член-корреспондент РАН В.С. Мясников,
доктор исторических наук В.С. Соболев,
доктор исторических наук Е.В. Соболева,
академик Б.С. Соколов,
доктор химических наук Ю.И. Соловьев,
академик Латвийской АН Я.П. Страдынь,
академик Российской академии образования С.О. Шмидт**

**МОСКВА "НАУКА"
1997**

НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Том 26

**Академик
ЛЕОН АБГАРОВИЧ
ОРБЕЛИ**

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Составитель,
автор вступительной статьи
и комментариев

доктор медицинских наук **Н.А. ГРИГОРЬЯН**

Ответственный редактор
академик **В.Л. СВИДЕРСКИЙ**

МОСКВА "НАУКА"
1997

ББК 28.903

А 38

УДК 612

Рецензенты:

академик Т.М. ТУРПАЕВ,

доктор биологических наук Э.Н. МИРЗОЯН

Академик Леон Абгарович Орбели: Научное наследие. – М.: Наука,
А 38 1997. – 349 с., ил. – (Науч. наследство; Т. 26).
ISBN 5-02-001922-4

Том научного наследия академика Л.А. Орбели содержит неопубликовавшиеся ранее труды и документы: статьи, доклады, выступления; его переписку с известными учеными – С.И. Вавиловым, В.Л. Комаровым, Н.К. Кольцовым, А.А. Заварзиным, А.Г. Гинецинским и др.; ходатайства о реабилитации ученых и материалы, раскрывающие положение дел в физиологии в конце 1940-х – начале 1950-х годов; роль Л.А. Орбели и других ученых в оздоровлении нравственной атмосферы в науке. Собранные материалы и документы расширяют и по-новому освещают деятельность Л.А. Орбели как крупного организатора науки государственного масштаба, создателя большой школы отечественной физиологии, его взаимоотношения с властями. В книгу включены не изданные ранее воспоминания о Л.А. Орбели. Том иллюстрирован фотографиями, представленными семьей академика Л.А. Орбели.

Для физиологов, биологов, историков науки.

А $\frac{1903010000-004}{042(02)-97}$ 217-96, II полугодие

ББК 28.903

ISBN 5-02-001922-4

- © Н.А. Григорьян, составление, вступительная статья, комментарии, именной указатель, 1997
- © В.Л. Свидерский, предисловие, 1997
- © Российская академия наук и издательство "Наука", серия "Научное наследство" (разработка, составление, художественное оформление), 1948 (год основания), 1997

ОТ РЕДАКТОРА

Внимание исследователей жизни и творчества академика Леона Абгаровича Орбели до настоящего времени было сосредоточено главным образом на анализе и освещении его научной деятельности, его оригинального вклада в общую и эволюционную физиологию, физиологию высшей нервной деятельности и экстремальных состояний. Мы хорошо знаем, что сделано Л.А. Орбели и его школой для развития мировой науки. Между тем не менее важным является знание того, в каких условиях работал ученый, как он мыслил и добивался значительных успехов в науке, что его волновало, что служило ему опорой в трудные, драматические периоды его жизни. Ответы на эти и другие социально-психологически значимые вопросы нельзя найти в экспериментально-физиологических исследованиях ученого. Этим объясняется ценность настоящего тома научного наследия Л.А. Орбели, в котором собраны неопубликованные рукописи ученого по наиболее общим проблемам науки и образования, по таким значимым проблемам, как социальная функция науки и социальная ответственность ученого, ученый и его окружение, наука и власть, наука и нравственность, наука и гуманизм, составляющие предмет нового направления в современной истории науки, интенсивно разрабатываемого во всем мире. Взгляды Л.А. Орбели по социальной истории науки отражены в его публичных выступлениях и докладах, речах, официальных записках и письмах, хранящихся в различных архивах и главным образом в Санкт-Петербургском филиале АРАН.

С именем Л.А. Орбели связан 60-летний период развития науки и образования в нашей стране – время поворотных этапов в советский период жизни страны, развитии медико-биологических наук в целом. В материалах тома отражен полувековой творческий путь Л.А. Орбели – от первого конспекта лекции младшего врача гвардейского экипажа о значении учения об условном рефлексе в 1906 г. до последних его публичных выступлений в 1956–1957 гг. о задачах и методах эволюционной физиологии, об эффективной организации науки и подготовке физиологов высшей квалификации.

Материалы тома значительно расширяют и обогащают наши представления о путях и особенностях развития и организации науки и образования в современный период истории нашей страны. В свете сказанного выход в свет тома научного наследия Л.А. Орбели является событием в истории науки.

Академик В. Л. Свидерский

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Прошло почти сорок лет после смерти Леона Абгаровича Орбели. За это время издательством "Наука" опубликованы пять томов "Избранных трудов" Л.А. Орбели (1961–1968 гг.), две биографии ученого (Лейбсон Л.Г. Леон Абгарович Орбели. Л., 1973. 450 с. Он же: Академик Л.А. Орбели: Неопубликованные главы биографии. Л., 1990. 192 с.); монография Н.А. Григорьян. Л.А. Орбели и развитие советской физиологии. М.: Медицина, 1985. 104 с.; сборник "Л.А. Орбели в воспоминаниях современников: К 100-летию со дня рождения". Л.: Наука, 1983. 158 с.; Н.А. Григорьян. Л.А. Орбели и его окружение: (Новые архивные материалы) // Вестн. РАН. 1992. № 5. С. 118–139; Леон Абгарович Орбели. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1994. 126 с. (Материалы к биобиблиогр. ученых. Сер. биол. наук. Физиология; Вып. 17). Специальный выпуск "Вестника архивов Армении" (1982. № 1. 230 с.), посвященный 100-летию со дня рождения Л.А. Орбели, содержит документы из архивов Санкт-Петербурга.

Для увековечивания памяти Орбели сделано много. Вместе с тем в АРАН в Санкт-Петербурге и Москве, а также в других архивах хранится большой материал, раскрывающий неизвестные стороны научно-организационной, общественной и педагогической деятельности ученого. Фонд Орбели, хранящийся главным образом в СПбФ АРАН, мы начали изучать в 1990 г. Непосредственным поводом к изучению фонда Орбели послужил следующий факт. 31 мая 1990 г. в газете "Правда" в интервью академик А.А. Баев сказал, что кандидатскую диссертацию в Физиологическом институте АН СССР он защитил в июне 1947 г., будучи репрессированным. Директором института в то время был Л.А. Орбели. В фонде Орбели в СПбФ АРАН были найдены документы о защите диссертации А.А. Баевым. Из своего личного архива А.А. Баев передал нам копии ходатайств, направленных Л.А. Орбели Берии, начальнику Норильского комбината и в другие инстанции. Это послужило началом целенаправленной и систематической работы в архивах, позволившей обнаружить неопубликованные рукописи Леона Абгаровича, его переписку, воспоминания о нем, представляющие большой историко-научный и общественно-культурный интерес, раскрывающие неизвестные страницы истории науки, особенности ее организации и развития в СССР.

В результате был собран большой материал, включенный в настоящую книгу. Том научного наследия Л.А. Орбели состоит из трех разделов: первый составляют неопубликованные доклады и выступления Орбели, отзывы о научных трудах, характеристики ученых, официальные обращения и др. Среди материалов первого раздела следует выделить некоторые наиболее важные, на документальной основе раскрывающие такие темы, как И.П. Павлов и Орбели; единство науки и образования как основы формирования научных школ; международное научное сотрудничество (доклад о XVII Международном физиологическом конгрессе в Оксфорде в 1947 г.); перелом событий в физиологии, связанных с "павловской" сессией (доклад Орбели на Бюро ОБН 12 апреля 1955 г.). Удивительно, но факт, что такой поворот событий в области физиологии И.А. Ефремов предсказал еще за год. В письме А.П. Быстрову 17 мая 1954 г. он писал: "С биологией назревает команда: К расчету стройся! Кажется, наверху начали понимать, вряд ли полностью, всю бездну, в которую ввергли нашу науку разные карьеристы, проходимцы и научные прости-

тутки, стоявшие много лет у кормила биологии... Пока это выразится в перевыборах (срочных) Бюро Биоотделения, пересмотре физиологических дел..." (Научное наследство. М.: Наука, 1944. Т. 22. 141 с.).

Второй раздел составляет переписка Л.А. Орбели. Эпистолярное наследие Орбели отличается следующей особенностью. Большинство писем адресованы ученому. Сам Орбели мало писал писем. В студенческие годы он регулярно переписывался с родителями – эти письма хранятся в Музее братьев Орбели в Цахкадзоре (Армения). Выдержки из некоторых писем этого периода опубликованы в монографии Л.Г. Лейбсона (1973 г.). Позднее, когда он занимал много ответственных должностей, ему просто некогда было писать. Вместе с тем он не оставлял без внимания ни одну просьбу, обращенную к нему. Публикуемые в этом томе письма в основном научного содержания. Некоторые письма Н.К. Кольцова, А.А. Заварзина, И.И. Шмальгаузена и С.Н. Давиденкова, частично включенные в это издание, были опубликованы ранее: Вестн. АН СССР. 1992. № 5; Природа. 1993. № 1. Письма известных ученых – С.И. Вавилова, К.И. Скрябина, В.Н. Сукачева, И.И. Шмальгаузена и других, адресованные Л.А. Орбели, касаются главным образом проблем развития медико-биологических наук и их организации, содержат просьбы об участии и помощи ученого в решении конкретных задач научно-организационного характера.

Письма же самого Орбели – это в основном просьбы и ходатайства о помощи и поддержке ученых, о приеме в аспирантуру, о реабилитации репрессированных ученых, о предоставлении квартир и прописки, об оказании медицинской и иной помощи.

Третий раздел – воспоминания учеников и сотрудников Л.А. Орбели, среди которых хочется особенно отметить воспоминания З.И. Барбашовой и Т.Н. Несмеяновой.

Представленный в данном томе материал группируется вокруг следующих вопросов.

1. Л.А. Орбели – организатор новых физиологических кафедр, лабораторий и институтов в 1920–1930-е годы; автор программ подготовки научно-исследовательских и преподавательских кадров – физиологов высшей квалификации; воспитатель военных врачей; инициатор создания биохимических и биофизических лабораторий в физиологических институтах.

2. Роль Л.А. Орбели в создании новых и специальных направлений в физиологии, особенно прикладной физиологии (физиология водолазного дела и подводного плавания, скоростных и высотных полетов, космической физиологии и медицины). Л.А. Орбели – организатор медико-биологических исследований оборонного значения.

В связи с тем что в литературу иногда просачиваются непроверенные факты (речь идет о степени участия Л.А. Орбели в исследованиях по прикладной физиологии), требуется уточнение.

Известный австрийский врач и историк медицины Гуго Глязер в книге "Драматическая медицина" (1962 г.) писал о том, что Орбели в 1933 г. поставил на себе опыт в барокамере, при этом он потерял сознание, когда оставшееся в камере количество воздуха соответствовало примерно его плотности на высоте 12000 м. В.В. Парин, сославшись на этот источник, в беседе с писателем Володиным подтвердил, что Орбели проводил опыты на себе (Новый мир. 1962. № 11. С. 186).

Е.М. Крепс, постоянный участник и основной помощник Орбели в организации исследований в области прикладной физиологии, в своем письме В.В. Парину писал, что все, что написано о Леоне Абгаровиче в "Драматической медицине", – вымысел. "Никогда никаких опытов этого рода Л.А. на себе не проводил. Он нередко, когда позволяло время, присутствовал при исследованиях в барокамерах, охотно выезжал на морские испытания. Но неужели мы, сотрудники его, могли бы до-

пустить, чтобы он, тогда уже немолодой человек, которому перевалило 50 лет, пошел бы в барокамеру и стал испытывать на себе такое разрежение! Да и в чем смысл такого с позволения сказать опыта.

...Эта книга Глязера внесла сумятицу в умы сотрудников Л.А. ...Меня засыпали вопросами со всех сторон – правда ли это?!.. При личной встрече поговорили подробнее, и, может быть, удастся выяснить откуда пошел этот слух". (Письмо Е.М. Крепса от декабря 1962 г. В.В. Парину. Личный архив В.В. Парина.)

3. Архивные материалы раскрывают обстоятельства возрождения эволюционного направления в физиологии, историю создания Института эволюционной физиологии АН СССР (ныне Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН).

4. Специальный интерес представляют материалы, раскрывающие личность Л.А. Орбели как заступника в реабилитации репрессированных ученых: будущих академиков А.А. Баева и Е.М. Крепса, профессоров В.В. Опеля, Л.А. Зильбера, Л.Т. Загоруйко и других менее известных ученых, просто людей, попавших в беду.

5. Представленный архивный материал имеет большую ценность для истории гуманистических традиций в отечественной науке. Документы свидетельствуют об определяющей роли нравственных факторов как в жизни научного сообщества, так и в поведении отдельного конкретного ученого. При всех обстоятельствах Л.А. Орбели действовал исходя из решающей роли нравственности и морали в поступках, в поведении людей. Особенно важное значение он придавал воспитанию моральных устоев у молодых ученых, полагая, что научное сообщество может успешно функционировать только на нравственности.

6. Самостоятельное значение представляют материалы, связанные с известными событиями в биологии и физиологии в конце 1940–начале 1950-х годов. Эти события, круто изменившие судьбу Л.А. Орбели и его школы, получили отражение во многих документах, хранящихся в РЦХИДНИ: выступление Л.А. Орбели на расширенном Президиуме АН СССР в связи с письмом Г. Дейла, его выступления, связанные с августовской сессией ВАСХНИЛ (1948 г.) и Объединенной сессией АН СССР и АМН СССР (1950 г.), доклад Орбели на сессии Научного совета (декабрь 1952 г.), а также документы Отдела науки ЦК ВКП(б). Ценность этих материалов заключается в том, что они позволяют воссоздать историю того, что произошло с физиологией и с физиологами; как воспринял и оценивал происшедшее Л.А. Орбели, каково было его душевное состояние, что он предпринимал для защиты науки. В документах нашли отражение самоанализ и самооценка ситуации в физиологии, психологические аспекты происшедшего. Свои размышления и думы о происшедшем ученый изложил в записках, письмах, направленных И.В. Сталину, Г.М. Маленкову и др. Однако ответов он не получал. С письмами Орбели, его учеников, заступавшихся за учителя, знакомился Ю.А. Жданов, он же давал письменные разъяснения, только не Орбели и его ученикам, а Сталину и Молотову. Изучение этих документов вызывает двойное чувство: с одной стороны, Орбели не в чем себя винить, он действительно поддерживал генетику и помогал генетикам, благодаря чему генетические исследования могли развиваться в институтах АН СССР. С другой стороны, социально-политическая ситуация в стране была такова и идеологическое давление было так велико, что Леон Абгарович вынужден был признать свою "аполитичность", недостаточную компетентность в философии. Взяв всю "вину" на себя, тем самым он выручал других, спасал науку.

Документы свидетельствуют о ситуации абсурда, когда вопреки здравому смыслу и интересам науки была парализована деятельность ведущих физиологических школ, крупных ученых. На протяжении длительного времени (семи-восьми лет) сложилась ситуация, когда были противопоставлены две группы ученых: одна, наделенная властными полномочиями, на "законном" основании мешала работать –

травила, унижала и "разоблачала" выдающихся ученых с мировыми именами. Другая – понимая ситуацию, должна была защищаться. Вся история этой драматической ситуации в науке отражена в рукописях и письмах Л.А. Орбели, в воспоминаниях и комментариях.

Документы этого периода позволяют раскрыть не только общее, но и специфические отличия двух сессий – сессии ВАСХНИЛ (1948 г.) и Объединенной сессии (1950 г.). Общим являлось то, что обе сессии были инициированы и подготовлены сверху, конкретно Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). На обеих сессиях громили и травили истинных ученых, разрушали известные научные школы, раскачивали нравственные устои науки.

Отличались сессии тем, что "знаменем" сессии ВАСХНИЛ служил И.В. Мичурин, хороший агроном и селекционер. Сессия же 1950-го года вошла в историю науки как "павловская", т.е. названа именем великого ученого, основателя физиологии высшей нервной деятельности, первого лауреата Нобелевской премии в области медицины и физиологии.

Главным действующим лицом на сессии ВАСХНИЛ был Т.Д. Лысенко. На Объединенной сессии основными докладчиками были ученики Павлова: академик К.М. Быков и профессор А.Г. Иванов-Смоленский.

АН СССР не участвовала в работе сессии ВАСХНИЛ, "павловская" сессия проходила под эгидой двух академий: АН СССР и АМН СССР.

Последствие сессии ВАСХНИЛ длилось долго – целых 16 лет, в физиологии ситуация стала меняться к лучшему через четыре года. На очередном VIII Всесоюзном съезде физиологов (май 1955 г.) деятельность "павловского" совета была осуждена.

Большое место занимают в книге материалы, в которых отражены взгляды и концепция Орбели на организацию науки, подготовку аспирантов, роль отдельных научных учреждений и вузов в развитии науки и высшего медицинского образования.

Принципиальное значение имеет статья о В.В. Савиче, в которой раскрывается роль Савича в цементировании павловской школы. Мысль Леона Абгаровича о том, что распад школы Павлова начался не со смерти Павлова, а после смерти Савича, заставляет задуматься о многом. Большой общественный интерес представляет доклад Орбели о XVII Международном конгрессе физиологов (Оксфорд, июль 1947 г.). Он свидетельствует не только о научной и дружеской атмосфере конгресса, но и о социально-политической ситуации в послевоенной Европе, а также о роли США в Европе, в частности в Англии. В освещении и оценке этих фактов Орбели проявил политическую мудрость и трезвый взгляд на мировые события.

Небольшое выступление Л.А. Орбели в связи с письмом Г. Дейла отражает мировоззрение гражданина, для которого честь и достоинство Родины превыше всего. "Я как гражданин Советского Союза, – говорил Орбели, – могу пользоваться защитой и покровительством только нашего правительства, нашего народа и никого больше". Свои проблемы мы должны решать сами.

Как изменилась, однако, ситуация, когда решение всех проблем стали искать за границей, вне своего дома. Диссидентское мышление основано на совершенно иных принципах.

Все материалы тома расположены в хронологическом порядке. Подавляющая часть материала публикуется впервые. Все случаи предыдущих публикаций оговариваются.

Тексты документов даются, как правило, полностью, без сокращения. Небольшие сокращения касаются несущественного, общеизвестного. В частности, в документах, относящихся к событиям 1948–1950-х годов, опущена общеизвестная официальная оценка их, а также повторы.

Том снабжен научно-справочным материалом, куда входят комментарии и именной указатель. Комментарии, объясняющие научные понятия, а также датировки документов даны в подстрочных примечаниях; комментарии по содержанию, служащие дополнением и характеризующие события и факты, вынесены в конец книги. Сюда же помещен список сокращений, встречающихся в тексте.

Том научного наследства академика Л.А. Орбели является результатом последних семи лет работы в архивах РАН в Санкт-Петербурге и Москве, в РЦХИДНИ. Прежде всего, хочу выразить свою искреннюю благодарность директору Института истории естествознания и техники РАН доктору экономических наук В.М. Орлу за предоставленную возможность работать в архиве Санкт-Петербурга (финансирование командировок), директору АРАН доктору исторических наук Б.В. Левшину, сотрудникам АРАН в Санкт-Петербурге и в Москве, а также внуку Л.А. Орбели – Абгару Леоновичу Орбели за предоставление материалов и фотографий из домашнего архива, Нине Львовне Лейбсон – дочери биографа Орбели – профессора Льва Германовича Лейбсона за предоставление материалов из личного архива отца. Мы также весьма признательны академику А.А. Бaeву за передачу писем Л.А. Орбели из личного архива.

Настоящий том был дополнен интересными материалами благодаря советам и консультациям ученого секретаря редакционной коллегии серии "Научное наследство" кандидата исторических наук Надежды Владимировны Бойко, за что выражаем ей сердечную благодарность и признательность.

Мы признательны академику В.Л. Свидерскому – ответственному редактору тома, директору ИЭФиБ РАН за большой труд и поддержку работы над томом научного наследства Л.А. Орбели.

НОВОЕ ОБ АКАДЕМИКЕ ЛЕОНЕ АБГАРОВИЧЕ ОРБЕЛИ

Леон (Левон) Абгарович Орбели – выдающийся физиолог, крупный организатор науки и общественный деятель, ближайший ученик и преемник академика И.П. Павлова, создатель большой научной школы.

Л.А. Орбели и его школа развивали новые направления в физиологии: эволюционную физиологию, теорию адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы, учение о координации функций и нейроэндокринных регуляций в организме. Л.А. Орбели внес значительный вклад в разработку физиологии мозжечка и органов чувств, почек, экстремальных состояний (физиологии глубоководных спусков, высотных и скоростных полетов), а также боли.

Орбели родился 7 июля 1882 г. в одном из красивейших уголков Армении с поэтическим названием Цахкадзор (долина цветов), в семье известного судебного деятеля Закавказья – Абгара Иосифовича Орбели, воспитанника Петербургского университета. Детские и юношеские годы Леона Абгаровича прошли в Грузии – он окончил 3-ю классическую гимназию в Тифлисе. С 17 лет и до конца жизни, почти 60 лет (с 1899 по 1958 г.), он жил и работал в России, в Петербурге.

Орбели вместе со своими братьями – Рубеном (один из основателей подводной археологии) и Иосифом (известный археолог, востоковед, академик, директор Эрмитажа) – воспитывался в семье с давними традициями, в атмосфере уважения к древней культуре Армении, поклонения красоте, высоким нравственным идеалам и духовным ценностям. Неотступная правдивость, душевная щедрость, честность и принципиальность были характерны для всех Орбели. Семейные традиции определили будущее Леона Абгаровича – человека большого личного достоинства и мужества, широкого образования и глубоких знаний в области естественных и гуманитарных наук, музыки и театра.

Нравственное влияние Орбели – великого гуманиста, мыслителя и заступника, наряду с его интеллектуальной деятельностью, на современников было огромно.

В день своего 75-летия Орбели сказал, что он родился "в сорочке" и ему всю жизнь "везет, везет и везет". Повезло ему в том, что он принадлежит к древнейшей нации, которая на протяжении веков разрабатывала культуру, что рос в интеллигентной семье, члены которой были тружениками, достигшими своим трудом уважения и признания в обществе. В гимназии он имел хороших учителей и преданных друзей.

Учился Орбели в лучшей высшей медицинской школе России – Военно-медицинской академии, в которой преподавали такие известные ученые, как гистолог М.Д. Лавдовский и зоолог Н.А. Холодковский (переводчик Фауста). Физиологию он изучал у великого Павлова. Здесь Леон Абгарович встретил искренних и близких друзей: В.В. Савича, И.С. Цитовича, Е.А. Ганике, М.И. Аствацатурова, с которыми уже никогда не расставался.

Своим первым учителям Орбели обязан широким биологическим образованием, эволюционным мышлением. Замечательный коллектив павловской школы, в которую попал Орбели в студенческие годы, стал для него родным.

В личной жизни Орбели был счастлив – спутницей его жизни стала Елизавета Иоакимовна Аладжалова, воспитанная на традициях 1860-х годов. Ее дед А.М. Худобашев был действительным статским советником, видным деятелем армянской общины в Петербурге. Он переводил книги, писал учебники и словари, был тесно связан с Лазаревским институтом в Москве.

Наряду с Военно-медицинской академией значительную и особую роль в творческой жизни Орбели сыграл Естественно-научный институт им. П.Ф. Лесгафта, в организации которого принимал участие и сам Орбели. "Этот институт был для меня большой школой", – с признательностью говорил Орбели. Здесь царили исключительная честность и преданность труду, независимо от материального вознаграждения; добрые, уважительные отношения между руководителями и подчиненными.

Школа Орбели формировалась в трудные 1920-е годы: гражданская война, голод, разруха. Днем в лаборатории, ночью зарабатывали на хлеб. Трудились безвозмездно, интересуясь только наукой, традиция бескорыстного служения науке сохранилась на всю жизнь. И в этих условиях делались большие открытия. Залог успеха, жизнеспособности школы заключался в том, что учитель поощрял творческие успехи учеников, считая, что каждый из них в каком-нибудь отношении может превзойти учителя. Вклад Орбели и его школы в физиологию и медицину огромен.

Необходимо подчеркнуть, что свою карьеру Леон Абгарович начал военноморским врачом. Этим он гордился, много сделал для военно-морского флота, его заслуги были высоко оценены. "Я должен подчеркнуть мою исключительную благодарность нашему замечательному флоту, – говорил Орбели в день своего 75-летия. – До сих пор я не могу видеть матросов без душевного волнения. Морская служба, именно флот, обеспечила мне возможность продолжать научную работу в лаборатории Ивана Петровича, а в дальнейшем связала с такими интересными научными проблемами, которые не всякому физиологу доступны. Поэтому я не могу не чувствовать глубочайшей благодарности всему составу русского флота как царского, так и советского, что мое участие в этих работах находит себе отклик в сердцах наших моряков" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 164).

Научная деятельность Орбели освещена нами в "Кратком очерке научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности" (см. Леон Абгарович Орбели. Биобиблиография ученых. М.: Наука, 1994. С. 9–28). В данной статье мы уделили внимание главным образом тем сторонам деятельности Орбели, которые мало известны. Это прежде всего научно-организационный и социально-нравственные аспекты его деятельности, вопросы, имеющие непосредственное отношение к социальной истории науки, до последнего времени не привлекавшие внимание биографов ученого.

Общеизвестны факты о том, что Орбели был академиком-секретарем Отделения биологических наук АН СССР, начальником Военно-медицинской академии, учеником и преемником научного дела И.П. Павлова, и многое другое, однако эти стороны его деятельности не получили должного освещения на основе первоисточников. Как это не покажется странным, но о взаимоотношениях между Павловым и Орбели написано очень мало, более того, в 1950-е годы труды Орбели в области высшей нервной деятельности искажались, его взаимоотношения с Павловым преподносились в кривом зеркале. Особенно суровой "критике" была подвергнута докторская диссертация Л.А. Орбели "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.), выполненная под руководством Павлова и высоко оцененная им.

Достаточное внимание мы уделили всей истории подготовки, проведения и последствий так называемой "павловской" сессии. Изученные нами архивные материалы, и прежде всего документы властных структур, позволили всесторонне проанализировать обстоятельства и факты этой политической акции. Впервые на основе архивных и других документальных источников раскрываются взаимоотношения между ученым и властью. Эта сторона деятельности Орбели как предмета социальной истории науки не была освещена вовсе. Фактический материал позволил нам сделать однозначный вывод о том, что политические акции в науке, в данном случае "павловская" сессия, причинили огромный вред физиологической науке в СССР не только в научном, но еще более в нравственном отношении. Раны, нанесенные отечественным физиологическим школам, до сих пор полностью не зажили. Только школа Орбели в силу своего нравственного здоровья и веры в науку смогла полностью возродиться, свидетельством чему является успешная деятельность Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова, основанного Орбели и возглавляемого его единомышленниками и преемниками.

Представленный материал книги по-новому освещает многоплановую научно-организационную деятельность Л.А. Орбели, обогащает наши представления о социальном портрете ученого.

Л.А. ОРБЕЛИ – УЧЕНИК И ПРЕЕМНИК И.П. ПАВЛОВА

В течение 35 лет Л.А. Орбели тесно общался и сотрудничал с И.П. Павловым. Первая студенческая работа "Сравнение работы пепсиновых желез до и после перерезки ветвей блуждающих нервов" (1903 г.), докторская диссертация "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.), выполненные под руководством Павлова, положили начало не только научному сотрудничеству, но и близкому общению. И.П. Павлов любил вести душевные беседы на общие темы с Орбели, их беседы заканчивались зачастую за полночь. "Иван Петрович любил интимно побеседовать, – вспоминал Орбели. – Разговоры были и о политике, и об общественной жизни, и о национальном вопросе. Ивана Петровича волновали вопросы морали, он говорил о том (это было уже после Октябрьской революции), что народные массы нельзя оставить без морали, нужно подвести моральные основы под поведение масс. Эти беседы с Иваном Петровичем бывали очень интересны" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 217).

И.П. Павлов полностью доверял Орбели. Достаточно сказать, что именно Орбели он поручил всю подготовительную работу по проведению XV Международного физиологического конгресса. Орбели для Павлова был близким по духу человеком. Иван Петрович глубоко уважал и ценил Орбели как широко образованного и авторитетного физиолога. Именно по представлению И.П. Павлова Л.А. Орбели был избран академиком (первый академик среди учеников при жизни Павлова). Вместе с тем Орбели рано нашел собственный путь в науке. Послеграничной командировки (1910–1911 гг.) его научные интересы переместились с физиологии высшей нервной деятельности и были сосредоточены на физиологии симпатической нервной системы и органов чувств. Однако это несколько не ослабило связи с учителем. Леон Абгарович оставался верным учителю до конца его жизни, а после смерти Павлова внедрение идей учителя в медицину, творческое развитие учения о высшей нервной деятельности, пропаганда идей Павлова среди самой широкой аудитории составили неотъемлемую часть деятельности Орбели.

Кончина И.П. Павлова означала рубеж не только в истории физиологии, но и в жизни Орбели. Сложности возникли сразу же после смерти Павлова. Постановлением правительства Л.А. Орбели становится во главе физиологической науки в СССР, что было воспринято неоднозначно некоторыми учениками Павлова. Другая, более серьезная, трудность состояла в объединении двух школ – павловской и

школы Орбели. Необходимо было скоординировать их деятельность так, чтобы не пострадало ни одно из важных направлений обеих школ. Имея большой опыт научно-организационной работы, перспективу дальнейшего развития физиологической науки в стране Орбели видел в коренной реорганизации структуры головного института. При Павлове Физиологический институт главным образом развивал физиологию высшей нервной деятельности. Предстояла большая реорганизационная работа по расширению тематики и структуры института. Так как развитие физиологии носило неравномерный характер, многие перспективные направления и проблемы физиологии не были представлены в институте, планированием науки занимались не академические институты, а бюрократический аппарат. Л.А. Орбели считал, что развитие важнейших направлений науки может быть обеспечено только в том случае, если головной Физиологический институт будет располагать достоверной информацией и учетом всех научных исследований в стране по таким разделам, как физиология человека и животных (зоологическая физиология, общая и сравнительная физиология, эмбриональная физиология), медицинская, биохимическая, зоотехническая физиология и физиология труда (промышленного и военного). На основе учета данных по указанным направлениям Институт должен был перестроить свою деятельность и решать новые задачи: расширять и объединять научно-исследовательскую работу, готовить исследователей высшей квалификации. Головной институт, согласно концепции Орбели, должен был руководить: 1) организацией научно-исследовательских работ по физиологии; 2) подготовкой высококвалифицированных исследователей-физиологов; 3) организацией физиологической науки и преподавания в вузах: медицинских, ветеринарных, зоотехнических и педагогических; на биологических факультетах университетов; 4) организацией широкой информации среди зарубежных ученых о работах в области физиологии, ведущихся в СССР. Для укрепления международных научных связей необходимо было создать журнал международного значения "Acta Physiologica Pavloviana" на русском и четырех иностранных языках.

Перспективу дальнейшего творческого развития высшей нервной деятельности Л.А. Орбели видел в органической связи с общей нейрофизиологией; в расширении работ по сравнительной физиологии условных рефлексов (новые объекты исследования до человека включительно); электрофизиологическом изучении условного рефлекса; исследовании влияния экстракорткальных факторов – вегетативной нервной системы и эндокринных влияний на высшую нервную деятельность; физиологическом обосновании психиатрии и невропатологии; изучении физиологии органов чувств с целью подведения теоретической базы под истинный механизм связи между объективными и субъективными явлениями, а также в изучении влияния физических факторов на организм человека для практических нужд обороны страны; в создании фармакологической, биохимической и биофизической лабораторий.

На пути реализации этих задач были большие трудности, обусловленные, во-первых, неоднозначным восприятием Орбели как преемника павловского наследия (многие из учеников Павлова считали, что Орбели сворачивает с павловского пути) и, во-вторых, коренным отличием в стиле руководства Павлова и Орбели. "Мои формы руководства сильно отличались от форм руководства Ивана Петровича, – подчеркивал Орбели в 1938 г. – Подражать, я считаю, не нужно, даже Ивану Петровичу! Нужно было дать время для того, чтобы люди себя выявили и начали работать самостоятельно... Я считал, что на этом этапе работы, когда необходимо было от изучения чистой физиологии условных рефлексов (ограниченной области) перейти на более широкое русло, я сделал все от меня зависящее, чтобы дать возможность выявиться самостоятельным силам, и некоторые действительно выявились.

...Я должен признать, что при таком изучении – предоставить коллектив на некоторый срок самому себе и выявлять активность того или другого члена – я

недостаточно внимания уделял тому, чтобы активно толкать отдельных работников и руководить ими. Непросто для этой группы сотрудников, которые привыкли к другой форме руководства, мое руководство оказалось новым и недостаточным. И пройдет еще немного времени, и работники сектора условных рефлексов (и старшие и младшие) будут настолько же активны, как и другие, так как долго вести на помочах нельзя!" (Орбели Л.А. Выступление на общем собрании коллектива Физиологического института 14 декабря 1938 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. № 175. Л. 192–200). Кроме различий в стиле руководства существенное значение имело и то обстоятельство, что Павлов был свободен от научно-организационной и административной обязанностей, он мог сидеть рядом с сотрудником и следить за ходом эксперимента. В силу чрезвычайной перегруженности научно-организационной и административной работой Орбели был лишен этой возможности. У Павлова сотрудники в основном были исполнителями его идей, его замыслов. Один из лучших учеников Павлова, известный физиолог и фармаколог И.С. Цитович писал: "Следует остановиться на одной существенной стороне деятельности Ивана Петровича – на его отношении к процессу развития заданной научной темы. Во всех наших исследованиях красной нитью проходила мысль самого Павлова. Сотрудник мог, показывая шефу результаты опытов, высказывать пожелания или намерения, причем нужное моментально санкционировалось, если совпадало с мыслью Павлова; в противном случае возникал спор, который редко кончался победой сотрудника. Можно было, конечно, продолжать убеждать, добиваться, но обычно смельчаков идти наперекор Павлову не находилось.

Ивану Петровичу, как мне казалось, нравилась инициатива, но он не мог широко допускать ее, так как это мешало бы развороту его научной идеи, которая развивалась по определенному плану, оплодотворяла и направляла весь исследовательский аппарат его лаборатории" (Цитович И.С. Как я учился и работал у Павлова // И.П. Павлов в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1967. С. 260).

Другой известный ученик Павлова, Н.А. Рожанский – основатель Ростовской физиологической школы, отмечал, что редкая научная школа могла похвалиться таким количеством учеников, как павловская. И вместе с тем признавал: "Спорить с Павловым было трудно. Если он твердо был убежден в правоте какой-либо мысли, то всякое возражение он считал недомыслием. В свои нападки на противников он использовал весь арсенал ораторского искусства: логику, насмешку, сарказм, презрение – все, что угодно, чтобы разбить противника, аргументы которого он даже не хотел выслушать. Это создавало впечатление односторонней нетерпимости. Но такая оценка Павлова была бы совершенно неверна" (Там же. С. 195).

Между тем проявление учеником личной инициативы Орбели считал основой воспитания, формирования ученого. Отсюда много- и разнообразие направлений и методов исследования в его школе, широкий охват тем – от физиологии почки и органов чувств, физиологии высшей нервной деятельности и симпатической нервной системы до изучения всего организма человека со всеми его проявлениями, объединенных общей идеей и методологией. Отсюда включение в программу школы сверхзадачи – построение высшего этапа эволюционной физиологии, ведущего к познанию человечества и представляющего стык между природными и общественными факторами, определяющими развитие человеческой личности и его деятельности.

Убедительным примером предоставления полной свободы в проявлении личной инициативы является творчество А.Г. Гинецинского, самого выдающегося ученика Л.А. Орбели. Новая глава физиологии – учение об адаптационно-трофической функции СНС в организме, – идейно задуманная Орбели, своим экспериментальным обоснованием обязана первым опытам студента третьего курса Петроградского медицинского института А.Г. Гинецинского. Докладывая о своем открытии – влиянии симпатического нерва на утомленную скелетную мышцу, – вошедшем в историю

физиологии как "феномен Орбели–Гинецинского", А.Г. Гинецинский подчеркивал: "Орбели сделал замечание, что работа проведена мной вполне самостоятельно, моим собственным методом и на собственную тему, без его участия. Для начинающего работника это считается очень много. Это выступление характеризует Орбели как человека исключительной порядочности и большой научной этики. Поистине я ему обязан всем" (Лейбсон Л.Г., Наточин Ю.В., Иржак Л.И. Александр Григорьевич Гинецинский. Л.: Наука, 1985. С. 32–33).

Но вернемся к прерванной теме: отношение Л.А. Орбели к И.П. Павлову и делу его жизни. Леону Абгаровичу предстояла сложная задача объединения усилий двух разных творческих коллективов, причем это объединение должно было осуществиться не механически, а органично. Кроме института была еще и Биостанция в Колтушах, где разрабатывались проблемы генетики высшей нервной деятельности и эволюционной физиологии. Последующие события показали, что до известных политических акций в биологии и физиологии в конце 1940-х годов развитие павловского наследия шло успешно: в Физиологическом институте изучение высшей нервной деятельности охватывало более широкий круг проблем; Биостанцию в 1939 г. реорганизовали в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности; под редакцией Орбели вышли научные труды названных институтов. Более того, пропаганда учения Павлова, изложение его основ и дальнейших путей его творческого наследия были неотъемлемой частью деятельности Орбели. Леон Абгарович неоднократно выступает с чтением циклов лекций по физиологии высшей нервной деятельности, особенно отметим лекции, прочитанные им в 1938 г. для профессоров и преподавателей, молодых научных сотрудников и студентов Первого Ленинградского медицинского института, в 1949 г. для профессорско-преподавательского состава и слушателей Ленинградского института усовершенствования врачей; его ежегодные выступления и доклады на конференциях, посвященных годовщинам смерти Павлова, на юбилейных заседаниях, общих собраниях и научных конференциях Физиологического института АН СССР и итоговых годичных конференциях Института эволюционной физиологии и патологии АМН СССР. Никто из учеников Павлова не сделал для развития и пропаганды научного наследия Павлова так много, как Орбели. Им опубликованы в Издательстве АН СССР монографии: "Лекции по вопросам высшей нервной деятельности" (М.; Л., 1945. 208 с.) и "Вопросы высшей нервной деятельности" (М.; Л., 1949. 803 с.), под его редакцией и с предисловиями к каждому тому увидело свет первое "Полное собрание трудов" Павлова в пяти томах (М.; Л., 1940–1949), три тома "Павловских сред" (М.; Л., 1945), специальный том избранных произведений Павлова "Психопатология и психиатрия" с вступительной статьей Орбели (М.; Л., 1949), более 50 статей, посвященных разным аспектам физиологии высшей нервной деятельности, а также "Воспоминания" о Павлове (М.: Наука, 1966). При этом, как писал Орбели, он ставил себе скромную задачу: "Изложить основные факты замечательного учения Павлова, привлечь внимание к важнейшим сторонам этого учения и дать ему оценку с точки зрения тех научных дисциплин, для которых оно является базой или окном, открывающим новые перспективы. Вот эти перспективы и занимали больше всего самого автора, так как от своевременного их выявления зависит успех дальнейшей работы". "Вместе с тем, – продолжал Орбели, – важно было правильно представить положение павловского учения в общей системе знаний, чтобы по возможности устранить те ложные толкования, которые даются ему подчас как слишком яркими адептами, так и чрезмерно суровыми скептиками, использующими обычно, наряду с собственным незнанием предмета, ошибки и увлечения первых" (Орбели Л.А. Лекции по вопросам высшей нервной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3).

Книгу "Вопросы высшей нервной деятельности", вышедшую к 100-летию со дня рождения Павлова, Орбели рассматривал как комментарий к учению Павлова,

помогающий разобраться в основных принципиальных вопросах, избежать ложных суждений, тем более что в литературе стали появляться критические статьи, толкающие читателей на ложный, псевдонаучный путь. Орбели показывает, как складывалось его собственное отношение к величайшему произведению русской научной мысли, к учению о физиологических закономерностях человеческого мышления, о процессах формирования важнейших особенностей нервной системы, которые в конце концов сделали человека мыслящим существом и позволили ему понять самого себя и свое положение в природе. "Пусть этот сборник докладов и лекций, – писал Орбели, – явится частичной и временной заменой того обобщающего труда, который должен будет показать результаты работы больших коллективов сотрудников, стремившихся общими усилиями строить советскую науку о деятельности мозга..." (Орбели Л.А. Вопросы высшей нервной деятельности: Лекции и докл. 1922–1949 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5).

Л.А. Орбели был председателем Комиссии по учету и собиранию материалов научного наследия Павлова. Благодаря деятельности Комиссии в СПбФ АРАН были собраны рукописи научных трудов, письма Павлова и другие документы о жизни и деятельности Павлова.

ОБ ОЦЕНКЕ ПАВЛОВСКОГО УЧЕНИЯ С ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Литература о философском значении физиологии высшей нервной деятельности значительна. Советские авторы писали о философских взглядах Павлова как о полностью отвечающих и обосновывающих положения диалектического материализма. Эти статьи относятся к периоду после смерти Павлова. Как известно, Павлов не позволял трактовать свое учение в свете диалектического материализма. Попытки П.К. Анохина в этом направлении встречали отпор, "гнев" Павлова. Спор о философских взглядах Павлова шел вокруг вопроса: является ли учение Павлова механистическим материализмом или диалектическим? А.Ф. Самойлов, один из лучших знатоков творчества Павлова, писал: "И.П. есть истинный, сознательный представитель механистического воззрения в области научного понимания процессов в живых организмах" (Самойлов А.Ф. Избр. статьи и речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 106). Статья А.Ф. Самойлова "Общая характеристика исследовательского облика Павлова" (1924 г.) была напечатана с одобрения И.П. Павлова.

Орбели имел основательные, глубокие знания в области философии. Он усердно посещал заседания Философского общества при Санкт-Петербургском университете. «Очень интересные заседания происходили в Философском обществе, – вспоминал он, – где шло, между прочим, обсуждение вопроса: можно ли объективно изучать психические явления...? Философское общество с большим интересом отнеслось к исследованиям Ивана Петровича. Выступал там Александр Иванович Введенский, очень поддерживал учение об условных рефлексах, несмотря на то что он сам был сторонником идеалистической философии; он как психолог был очень широко образован. В это время вышла его книга "Психология без всякой метафизики", с которой познакомился Иван Петрович, и говорили, что он всегда относился отрицательно к психологии, считал, что психология стоит не на научных основах, что ее нельзя рассматривать как науку, но эта книга есть настоящий научный труд... Конкретный материал там был очень интересен, и Иван Петрович это высоко ценил» (Орбели Л.А. Избр. труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 214). Имея хорошие знания в области классической философии, особенно философии Канта, в докторской диссертации "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.), одной из первых работ по условным рефлексам, Орбели сделал попытку дать философскую оценку условным рефлексам. Он хорошо понимал, что изучение психической деятельности ставит ряд коренных методологических проблем. Л.А. Орбели предварил

диссертацию специальным философским введением, казалось бы не имеющим прямого отношения к проблеме выработки условных рефлексов на световые и цветовые раздражители, т.е. к фактическому содержанию диссертации. Во введении нашли отражение философские взгляды А.И. Введенского, раскрыто содержание учения Канта, его теория познания. Теорию познания Канта Орбели считал единственной философской системой, позволяющей проверить достоверность нашего знания о мире. Душевная жизнь всякого другого существа есть предмет трансцендентный, выходящий за пределы опытного знания. Л.А. Орбели писал, что как трансцендентный предмет вопрос о существовании душевной жизни животных не может быть предметом достоверного знания, душевная жизнь животных относится к области веры.

По мнению Леона Абгаровича, если современное состояние физиологии не может охватить всю деятельность животных, из этого вовсе не следует, что физиологический метод должен быть оставлен с известного момента: физиолог должен расширить возможности и методы своей науки с тем, чтобы она могла охватить все более и более широкий круг жизненных отправлений, и прежде всего сложные, высшие функции мозга. Одним из путей расширения области физиологического исследования Орбели видел в сравнительной физиологии, в распространении объективного метода исследований на весь животный мир.

В разделе диссертации "Краткий очерк и характеристика учения об условных рефлексах" ученый сделал попытку охарактеризовать учение об условных рефлексах с методологической точки зрения, дать ему философское обоснование. Орбели отметил, что учение Павлова "вполне удовлетворяет требованиям современной теории познания: оно изучает физиологическую деятельность, совершенно не касаясь тех психических процессов, которыми она, может быть, сопровождается. Следовательно, это учение строго объективное и естественнонаучное, не заключающее в себе ничего метафизического. Из этого ясно, насколько ошибочны те два мнения об этом учении, которые очень часто складываются у лиц поверхностно с ним знакомых: одно мнение приписывает ему материалистический характер, другое видит в нем отрицание душевной жизни (субъективных состояний) у животных. Как учение чисто эмпирическое, изучающее лишь физиологические процессы, учение об условных рефлексах не заключает в себе ни утверждения, что психическая и материальные стороны тождественны, ни отрицания душевной жизни у животных" (Орбели Л.А. Условные рефлексы с глаза у собаки: Дис. на степень д-ра медицины. СПб., 1908. С. 27). От всех прежних взглядов на характер реакций более сложных, чем простые рефлексы, подчеркивал Орбели, взгляд Павлова отличается строго эмпирической точкой зрения. Физиологию нервной системы Павлов вводит в новый период развития. Изучение физиологического процесса до сих пор прошло только два периода: аналитический и вивисекционный – исключительно ненормальные условия проведения эксперимента. Учение об условных рефлексах представляет первую попытку изучения сложной нервной деятельности в нормальных условиях (Там же. С. 29–30). Важно напомнить, что диссертация выполнена под руководством Павлова, и он же был цензором (оппонентом) диссертации и весьма высоко оценивал ее, считал одной из лучших по физиологии условных рефлексов.

По существу эту же мысль Орбели высказал в своем выступлении на Общем собрании Академии наук СССР 21 декабря 1934 г. Л.А. Орбели подчеркивал, что к мысли изучать высшую нервную деятельность без помощи психологии, универсальным приемом естествознания – экспериментальным методом, Павлов пришел не от методологических предпосылок. "Это было совершенно определенное стремление человека, ясно чувствующего силу своих приемов работы, распространить эти приемы на неизученный еще круг явлений. Это не было попыткой философски поставить и обосновать изучение высшей нервной деятельности с объективной точки зрения, а это была настоятельная необходимость захватить ту область,

которая оставалась до него совершенно нетронутой и почему-то исключалась из естествознания... Эти стремления были совершенно законными, были пророчески правильными" (Орбели Л.А. Творческая деятельность Павлова // Природа. 1936. № 1. С. 52).

На серьезный методологический вопрос: каково положение этой новой научной отрасли – физиологии высшей нервной деятельности – в общей системе знаний, как ее оценивать с философской точки зрения, Орбели дал следующий ответ: "И.П. Павлов в этом отношении остается чистым натуралистом. Он не сделал в течение всей своей работы ни одной попытки истолковать эти вопросы с точки зрения той или иной из существующих философских систем. Такие попытки делались целым рядом его сотрудников. Они делались и сторонними людьми. Но надо сказать, что этот вопрос не может считаться окончательно выясненным" (Там же. С. 53). Учение об условных рефлексах Орбели считал строго естественнонаучным, строго эмпирическим учением, позволяющим распространение физиологических методов исследования в область, которая исключалась как объект естествознания. Любая гносеология найдет для себя много интересного и ценного в этом учении.

Перспективы физиологии высшей нервной деятельности Павлов связывал с успехами сравнительной физиологии, с внедрением эволюционной идеи в изучение физиологических функций. На этом пути и была создана эволюционная физиология, основателем которой был Л.А. Орбели.

О своем учителе Орбели говорил: "Это был человек, который весь был монолитен, человек, который был силен и сознавал свою силу и умел этой силой пользоваться в интересах дела... Наряду с этим это был человек, у которого были совершенно странные черты мягкости... Этот вивисектор, который подверг операциям тысячи животных, не мог видеть крови. Каждая капля крови во время операции приводила Ивана Петровича в нервное состояние. Он начинал кричать, пугаться этой крови и требовал, чтобы прекратили. Он не мог слышать слов, что зарежут цыпленка, он не мог признать права людей охотиться, считая это позором. Это было своеобразие, противоречие, но от такого противоречия он не страдал.

Павлов полностью переживал все трудности, претерпеваемые его родиной, страдая вместе со своей родиной и радуясь ее успехам" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. № 314. Л. 11–12).

В докладе на Общем собрании АН СССР 21 декабря 1934 г. Л.А. Орбели сказал: "Есть люди, которых должны знать все. Это – герои, совершившие на том или ином поприще крупные подвиги. Это – военачальники, совершившие крупные военные подвиги, это – политические деятели, определившие своей деятельностью развитие исторических событий, это – представители искусства, создавшие крупные, интересующие все человечество, произведения. На научном поприще – это люди, создавшие новые направления в науке, определившие ход развития науки на большой промежуток времени вперед... Я имею право утверждать, что в настоящее время в нашем Союзе к числу таких людей принадлежит И.П. Павлов" (Природа. 1936. № 1. С. 54).

Л.А. ОРБЕЛИ – АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

В феврале 1939 г. было основано Отделение биологических наук АН СССР (до этого биологические науки были представлены в Отделении физико-математических наук). Первым академиком-секретарем единогласно был избран Л.А. Орбели. Как руководитель отделения Орбели с самого начала своей деятельности сосредоточил внимание на развитии магистральных и перспективных направлений

биологии: физико-химической биологии, эволюционной биологии и генетики (синтез генетики, эволюционного учения, физиологии высшей нервной деятельности и клиники). В составе Отделения биологических наук были следующие институты: Институт физиологии растений, Институт цитологии, Микробиологический институт, Институт биохимии, Московский ботанический сад, Ботанический институт, Институт эволюционной морфологии, Зоологический институт, Палеонтологический институт и Институт физиологии им. И.П. Павлова.

Программа развития физико-химической физиологии, разработанная Л.А. Орбели, включала три элемента: создание биохимических и биофизических лабораторий, отделов и институтов, подготовка кадров биохимиков и биофизиков, проведение специальных биофизических и биохимических исследований.

По мнению Леона Абгаровича, базовым образованием у биохимиков и биофизиков должно быть биологическое, вместе с тем обязательно и основательное знание химии и физики. Он считал, что биохимия – это биологическая дисциплина и поэтому нельзя кафедры биохимии передать в руки чистых химиков; не будучи биологами, они превратят биохимию "преимущественно в аналитическую химию". Указывая на катастрофическое положение биохимии в России, Орбели еще в 1926 г. писал: "...ее можно сейчас считать практически сведенной на нет, то станет ясно, что вопрос о правильной подготовке работников в области биохимии должен занять внимание всех, кому дорого развитие знания. И путь к разрешению кризиса, конечно, не в сохранении неестественного объединения больших дисциплин и не в передаче целого отдела биологии в руки людей, не интересующихся ею и ей чуждых, а в значительном усилении подготовки в области химии сообразно современному ее развитию у лиц, посвятивших себя изучению биохимии и физиологии, как у естественников, так и у медиков" (Орбели Л.А. XII Международный съезд физиологов в Стокгольме // Избр. труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 119). В программном докладе "Основные проблемы физиологии животных и человека на вторую пятилетку" (1933 г.) Орбели снова говорит о необходимости развития биохимических и биофизических исследований.

С особенной остротой вопрос о развитии биофизических и биохимических исследований встал в 1940-е годы.

В одном из документов 1942 г. необходимость открытия специальных биофизических лабораторий Орбели обосновывал широким использованием достижений физики и физикохимии в биологии и медицине. Эффективность применения методов физико-химических наук в медицине возможна, по мнению Л.А. Орбели, при наличии промежуточных (биофизического и биохимического) звеньев. "Считаю необходимым, – писал Орбели, – организацию в составе Института физиологии имени И.П. Павлова биофизической лаборатории и налаживание широкой комплексной работы с институтами Отделения физико-математических и химических наук в области биофизики" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 204). К началу 1940-х годов в Физиологическом институте, возглавляемом Орбели, успешно функционировали биофизическая (Г.М. Франк) и биохимическая (В.А. Энгельгардт) лаборатории. Для обеспечения исследований в области биохимии Леон Абгарович обращался в самые высокие инстанции. Так, в письме, адресованном А.И. Микояну, в январе 1946 г. Орбели писал: "В течение ряда лет нам не удается получить из США совершенно необходимые для наших исследовательских работ гормональные препараты. В настоящее время в США едет на научную конференцию действительный член АМН СССР, заведующий лабораторией Физиологического института имени академика И.П. Павлова АН СССР – В.А. Энгельгардт. Он мог бы с полной компетентностью организовать закупку этих препаратов и привезти их с собою.

Не имея проспекты фирм, мы не можем указать точной стоимости заказа.

Убедительная просьба к Вам дать распоряжение соответствующим Органам о содействии тов. Энгельгардту В.А. в этом деле и отпускать валюту в размере

примерно 2000 долларов для израсходования по его указаниям. Вице-президент, академик Л. Орбели" (Там же. Д. 29. Л. 134).

Полное понимание физиологических механизмов нервной деятельности предполагает раскрытие ее физико-химических основ. Учениками Орбели было установлено, что симпатическая нервная система вызывает в мышце изменение концентрации некоторых фосфорсодержащих соединений, которые воздействуют на углеводный обмен и энергетику мышечного сокращения (Энгельгардт). Эти факты открывали новые возможности конкретного физико-химического понимания адаптационно-трофического воздействия симпатической нервной системы. Успех этих исследований был обусловлен кооперацией основных физиологических лабораторий института с биохимической и биофизической лабораториями.

Усиление биофизических исследований в 1950-е годы было продиктовано использованием атомной энергии в промышленности и народном хозяйстве, необходимостью знания поведения микрорезонансов (их радиоактивных изотопов) в живых организмах. Требуя ускорить строительство институтов биофизики и биохимии, Орбели подчеркивал, что решение серьезных санитарно-гигиенических вопросов (определение допустимого уровня радиоактивного загрязнения, загрязнения фауны и флоры, миграция радиоактивных элементов в живой природе, биологические методы детоксикации загрязненных водоемов и местности) невозможно на имеющейся базе.

В предпринятых Орбели и его учениками в конце 1940–1950-х годов экспериментальных исследованиях по изучению влияния радиоактивных излучений на нервную систему и роли нервной системы в патогенезе лучевой болезни предстояло решать характер нарушений функций нервной и эндокринной систем – какой из типов воздействий проникающих радиаций оказывает более существенное влияние на центральную нервную и эндокринную системы: однократное массивное или длительное, систематически повторяющееся воздействие в малых дозах, а также определить роль нервной системы в патологии кровообращения и кроветворной функции наиболее ранних и постоянных проявлений лучевого поражения. Орбели предупреждал об опасности умеренных, но систематических воздействий радиации: "Мы стоим сейчас перед очень важной проблемой, с которой наше здравоохранение, и военное, и гражданское, должно особенно считаться – умеренное, но систематическое воздействие радиацией при мирном его использовании может оказать влияние на будущее поколение. Это обстоятельство чрезвычайно важно, и с ним... нужно считаться" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 4. С. 277).

Как широко образованный биолог-эволюционист Леон Абгарович поддерживал исследования в области гидробиологии. В 1948 г. Отделением биологическим наук и Всесоюзным гидробиологическим обществом в Москве под председательством Орбели проходила двухдневная юбилейная сессия, посвященная 75-летию основания Севастопольской биологической станции. Сессию вступительным словом открыл Л.А. Орбели (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 192. Л. 175).

Как академик-секретарь биологического отделения Орбели тесно общался с такими выдающимися учеными, как В.Л. Комаров, Н.И. и С.И. Вавиловы, Н.К. Кольцов, И.И. Шмальгаузен, А.А. Заварзин, В.Н. Сукачев, Д.Н. Прянишников, В.И. Вернадский, С.Н. Давиденков, К.И. Скрябин и др. Письма перечисленных ученых Орбели свидетельствуют о том, какими мыслями и заботами они жили, что являлось предметом их "неотступного думания". Не было для Орбели и его ближайшего окружения – биологической элиты 1920–1940-х годов – других дум, как забота о процветании науки и культуры в стране. И если задуманное ими – освобождение науки от идеологии и политической тирании, очищение научного сообщества от "советской бузы", "всяческого мусора" и "присосавшейся дряни" (А.А. Заварзин), деморализации и лысенковщины – было бы осуществлено сразу же

после войны, то отечественная наука и культура были бы спасены от политических погромов.

Деятельность Орбели на посту академика-секретаря наложила на него новые обязанности и большую ответственность, вызвала затруднение в его научно-исследовательской работе. "Я лишен возможности, – писал Орбели в 1940 г., через год после его избрания, – сколько-нибудь добросовестно исполнять эти новые для меня функции и вместе с тем отрываюсь ради них от своей научной работы" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 45). В интересах ОБН, в интересах науки Орбели просил освободить его от должности академика-секретаря ОБН. Вместе с тем позднее, когда над генетикой нависла прямая угроза, Орбели не мог не считаться с той трудной ситуацией, которая сложилась в это время в биологической науке, не мог оставаться равнодушным к судьбе генетики и генетиков. Именно поэтому он в январе 1946 г. просил президента АН СССР С.И. Вавилова ходатайствовать перед Общим собранием АН СССР об освобождении его от обязанностей вице-президента АН СССР с оставлением на посту академика-секретаря ОБН.

Судьбы физиологии и генетики – двух фундаментальных биологических дисциплин, испытывавших жестокое идеологическое давление, различаются лишь тем, что политическая тирания против генетики, выдаваемой за буржуазную науку, началась уже в 1920-е, а против физиологии – в конце 1940-х годов. Между тем намечался и другой путь развития. Творческие контакты, установившиеся между генетиками и физиологами (И.П. Павловым и Н.К. Кольцовым, Л.А. Орбели с Кольцовым и Н.И. Вавиловым), дали импульс изысканиям в области генетики высшей нервной деятельности. Именно под влиянием Кольцова у Павлова возникла идея создания специальной генетической лаборатории в Колтушах. Развивая дело учителя, Орбели по рекомендации Кольцова образовал в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности генетическую группу, в которую вошли И.И. Канаев, Р.А. Мазинг, С.Н. Давиденков, Н.А. Крышова и Л.В. Крушинский.

На протяжении почти десяти лет, с марта 1939 г. по август 1948 г., Л.А. Орбели, будучи академиком-секретарем ОБН, как мог противодействовал нападкам на генетику. Несомненный интерес в этом отношении представляют взаимоотношения Орбели с Н.И. Вавиловым. Долгое время эта тема в литературе не освещалась. Лишь в 1989 г. была опубликована стенограмма заседания Отделения биологических наук АН СССР, состоявшегося 16 января 1940 г. С отчетом о работе возглавляемого им Института генетики на заседании выступил Н.И. Вавилов, а председательствовал на нем Л.А. Орбели. К этому времени атмосфера вокруг генетики и Н.И. Вавилова до крайности обострилась. После известной "дискуссии" осенью 1939 г., в которой генетика была объявлена лженаукой, поддержка ее Орбели явилась поистине героическим поступком. "Я лично считаю положительной чертой работы института, – говорил Орбели, – что в отношении практического внедрения соблюдается известная осторожность, что нет спешки, которая часто приводит к роковым последствиям. Ведь речь идет о сельском хозяйстве огромной страны" (Вавиловское наследие в современной биологии. М.: Наука, 1989. С. 353). Отметив, что институт разрабатывает основные фундаментальные проблемы генетики и теории селекции, Орбели призвал Президиум АН СССР оказать Н.И. Вавилову "максимальную помощь", создать новый журнал по генетике, специальные базы в Москве и на периферии с тем, чтобы можно было на практике проверить полученные в лаборатории результаты.

Особенно важно то обстоятельство, что значительную часть своего заключительного слова Орбели посвятил защите Н.И. Вавилова от нападков Т.Д. Лысенко и его окружения: "У меня сложилось впечатление, что эта критика принимает не полезный, а вредный характер. За весь сегодняшний день никакого нового, правильного, делового совета я не слышал. Такая критика может перейти в помеху, потому

что ею можно какой угодно силы и устойчивости человека или какой угодно силы и устойчивости коллектив привести в состояние расхлябанности. И это уже не помощь, а попытка развенчать работу. Каждое критическое замечание должно делаться с учетом того, чтобы не помешать дальнейшей работе института". "Рецензенты, – продолжал Орбели, – предъявляют неосуществимые требования к институту, настаивая на ответе на вопросы именно сейчас, в 1940 г. Но разве такие вопросы решаются в столь короткий срок, особенно, если принять во внимание, что сокращен отдел дрозофилы, основного объекта генетики" (Там же. С. 354).

На реплику Лысенко, что институт должен заниматься мичуринским учением, что никакого гена нет, что нужно скорее изжить менделизм и морганизм, Орбели сказал: "В интересах науки необходимо продолжать работы по генетике". Это утверждение Лысенко воспринял как "зажим критики". Орбели парировал следующим образом: "...я этих упреков не боюсь и говорю, что критиковать нужно, но в тех формах и направлениях, которые могут принести пользу работе, и на том уровне, который соответствует уровню работы института. Речь идет не о зажиме критики, а о том, чтобы критикой не расхлябать работу института" (Там же. С. 355).

Это было последнее заседание, на котором деятельность Института генетики и его руководителя получила одобрение Отделения. Поддержка Вавилова тем более знаменательна, что оказывалась она на фоне всеобщей враждебности и политических обвинений. "Вестник АН СССР" из номера в номер писал об Институте генетики как примере "раболопия перед реакционными антидарвинистскими идеями западной науки, как центре реакционных тенденций в генетике" (Вестн. АН СССР. 1938. № 6. С. 7), где "не развернута борьба с классово враждебными антидарвинистскими установками на биологическом фронте, не установлено четкой позиции к спорным теоретическим установкам в области генетической науки, неувязанности работы института с задачами социалистического строительства" (Вестн. АН СССР. 1938. № 7–8. С. 123).

По существу, Орбели в первый же год своей деятельности в качестве академика-секретаря Отделения единолично взял на себя защиту Вавилова и возглавляемого им Института генетики. Не его вина, что политический террор предрешил судьбу гениального ученого и на многие годы затормозил развитие генетики в стране.

В особо трудные для биологии годы Орбели взял на себя и защиту основоположника Московской генетической школы Н.К. Кольцова, которого считал выдающимся биологом, а генетику фундаментальной наукой, в основе которой лежат неопровержимые факты.

Спустя пять лет, в январе 1945 г., в своем докладе на Президиуме АН СССР "Об основных научных проблемах в области биологических наук" Орбели говорил о двух направлениях в биологии: классической, европейской генетике и течении, созданном Лысенко. Оценивая последние достижения в области физиологии хромосомного аппарата, Орбели подчеркнул: "Мы должны заботиться о том, чтобы оба течения, представленные у нас в Союзе, нашли себе достаточное развитие и оправдали себя не теоретическими спорами и не внешними упреками, а путем представления новых, полноценных и важных для развития науки фактов" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 76–77).

О нравственной атмосфере в научном сообществе тех лет, о душевном состоянии ученого свидетельствует следующее признание академика Орбели: "Я должен сказать совершенно честно, что мне в одинаковой степени пришлось защищать морганистов от мичуринцев и мичуринцев от морганистов потому, что морганисты в системе АН заняли довольно воинствующие позиции и агрессивно нападали на мичуринцев. Мне пришлось выслушивать выступления многих видных ученых, в частности академика Прянишникова, который настойчиво требовал от

меня принятия мер. Бывали периоды (по 20–30 дней), когда ежедневно утром и вечером, в 9 часов раздавался звонок и около 40–50 минут Прянишников доказывал, что я позорю академию тем, что допускаю существование в ней такого работника, как Лысенко, и что я должен искоренить лысенковскую и вильямсовскую линию в работе; вместе с тем Дубинин и Жебрак настаивали на том, что я зажимаю генетику, что я не даю возможность печатать труды, и я должен был защищаться перед общественностью и перед правительством, что работы печатаются в наших журналах, что мы отводим только те работы, которые являются явно ошибочными с научной точки зрения. Вот в этой борьбе я провел девять лет в роли буфера. Сейчас я должен оправдываться в том, что я печатал работы. Оправдываться не приходится, потому что генетические работы печатались" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 74. Л. 8).

Критика Орбели как академика-секретаря шла и по линии журналов. Леон Абгарович был ответственным редактором либо входил в редколлегию основных биологических журналов АН СССР (Журнал общей биологии, Успехи биологических наук, Известия АН СССР, серия биологическая). В статье "В плену идеалистических воззрений" (газета "Культура и жизнь", 21 августа 1948 г.) авторы (И. Сизов, заместитель директора ВИРа по научной работе и Т. Зарубайло, заведующий лабораторией того же института) писали, что биологические журналы Академии наук печатают статьи И.И. Шмальгаузена, И.А. Рапопорта, Б.Л. Астаурова, Н.П. Дубинина и других морганистов-вейсманистов, а также цитируют зарубежных авторов.

Относительно критических статей в адрес Лысенко, которых имелось множество в редакционных портфелях биологических журналов, следует сказать следующее. По свидетельству С.Г. Суворова, заместителя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), критические статьи о Лысенко и его книге "О наследственности и изменчивости" не печатают ни общеполитические, ни специальные биологические журналы. «Но редакции, – писал С.Г. Суворов в письме А.А. Жданову 15 апреля 1947 г., – даже если они согласны с критическими статьями, не публикуют их. В частности, редактор "Журнала общей биологии" академик Орбели не имеет возражений по существу против названных статей, однако, как он заявил в отделе науки, критика теоретических работ Лысенко связана с неприятностями ввиду его особого положения, поэтому редакция не будет печатать критических статей без указания ЦК ВКП(б)» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 134).

За два года до этого заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) небезызвестный Г.Ф. Александров в декабре 1945 г. перед выборами руководства академии писал В.М. Молотову и Г.М. Маленкову о том, что "академикам известно, что президент АН С.И. Вавилов и вице-президент, академик-секретарь ОБН АН СССР Орбели не поддерживают Лысенко" (Там же. С. 131). Именно поэтому Академия наук, ее биологическое отделение не принимали участия в подготовке и проведении августовской сессии ВАСХНИЛ. В фонде Орбели имеется приглашение на сессию, подписанное Лысенко. Участие Орбели в работе сессии ограничилось тем, что он выслушал доклад Лысенко в первый день и молча ушел. Больше на сессии Орбели не появлялся.

Однако АН долго не могла оставаться в стороне. Сразу же после сессии она была включена в "дело". Л.А. Орбели и его деятельность на посту академика-секретаря ОБН были подвергнуты жесткому поношению на расширенных заседаниях двух Президиумов: АН СССР (24–26 августа 1948 г.) и АМН СССР (9–10 сентября 1948 г.), посвященных обсуждению задач биологии и медицины в свете сессии ВАСХНИЛ. Обвинения в адрес Орбели, придерживающегося "формально-генетических установок", сводились к следующему: наличие в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР генетической

группы; хвалебное предисловие к книге С.Н. Давиденкова "Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии" (Л.: ГИДУВ, 1947); недооценка учения Павлова о наследовании условных рефлексов; игнорирование советского творческого дарвинизма. Постановлением Президиума АН СССР от 27 августа 1948 г. Л.А. Орбели был освобожден от должности академика-секретаря ОБН. Его деятельность осудили члены правительства, присутствующие на Президиуме: министр высшего образования С.В. Кафтанов, министр сельского хозяйства И.А. Бенедиктов, министр совхозов Н.А. Скворцов, философы М.Б. Митин и Г.Ф. Александров, а также "ученые-биологи" И.Е. Глушенко и А.А. Авакян, нейрофизиолог, член-корреспондент АН СССР Н.И. Гращенков.

На фоне всеобщего осуждения деятельности Орбели выделяется письмо известного английского нейрофизиолога, президента Лондонского королевского общества Генри Дэйла, избранного в мае 1942 г. почетным членом АН СССР (в том же году Н.И. Вавилов был избран почетным членом Королевского общества). В знак протеста против решений сессии ВАСХНИЛ Дэйл вышел из состава АН СССР. "Мой старый уважаемый друг, – писал Дэйл в своем письме президенту АН СССР С.И. Вавилову, – академик Орбели снят с поста секретаря Отделения за то, что он не сумел предвидеть Ваши постановления, ограничивающие всю исследовательскую и преподавательскую работу в области генетики в СССР, подчиняя ее этой политически навязанной ортодоксии. Время покажет, потребуются ли такое подчинение догме и в других отраслях науки" (газета "Британский союзник". 1948. 12 декабря).

Дэйл оказался прав. Подчинение догме коснулось и физиологии, что ярко проявилось в организации так называемой "павловской сессии" летом 1950 г.

Освобождение от должности академика-секретаря ОБН Орбели воспринял внешне спокойно, с достоинством, может быть, даже с облегчением. Он мог целиком заняться любимым делом – физиологией, тем более что видел новые перспективы для развития физиологических наук.

Л.А. ОРБЕЛИ – НАЧАЛЬНИК ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Семнадцатилетним юношей вошел Л.А. Орбели в стены ВМА, здесь он стал приват-доцентом (1914 г.), профессором кафедры физиологии (1925 г.), начальником академии (1943–1950 гг.), здесь он произнес последнюю публичную речь "О взаимоотношениях эволюционной физиологии и медицины" (1956 г.) на торжественном заседании, посвященном 158-летию основания ВМА. Орбели обязан ВМА своим медицинским и биологическим образованием, созданием новых направлений в физиологии, прежде всего эволюционной физиологии, здесь были сосредоточены исследования его школы, направленные на укрепление обороноспособности страны. Здесь он встретил своих первых друзей и учителей, определивших его научную карьеру.

ВМА – "моя дорогая alma mater, ей я обязан своим научным воспитанием", говорил Орбели в своем выступлении на торжественном собрании АН СССР 8 июля 1957 г. в связи с 75-летием со дня его рождения. "Я был учеником Таренцко, Лавдовского, Холодовского – и это все биологи, которые привили мне биологическое направление. В то же время медицинская наука основывалась на биологии. Сейчас больше внимание уделяется физике и химии... Я имел счастье стать учеником И.П. Павлова" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 161).

В начале 1930-х годов, когда шла реорганизация, поворот направления деятельности ВМА в сторону военизации в ущерб науке и образованию, Орбели последовательно выступал в защиту академии как крупного научно-медицинского центра подготовки врачей с основательным медико-биологическим образованием. На

общем собрании академии 16 октября 1930 г. в одном из своих выступлений по поводу поворота научно-исследовательской работы академии в сторону военных проблем и нужд Красной Армии Л.А. Орбели сказал, что кафедры академии должны участвовать в научной разработке вопросов укрепления обороноспособности страны, рационализации быта и труда в армии. Вместе с тем необходима осторожность, чтобы не пострадало дело. "Надо позаботиться о том, – говорил Орбели, – чтобы, направляя свою работу в сторону армии, академия не перестала быть центром научно-исследовательской работы в области здравоохранения вообще и рассадником научных сил для всего Союза.

Надо считаться с значением академии как высшего научного центра и поручать ей темы военного значения, но существенные, требующие особо квалифицированных работников, а темы более мелкие и узкоприкладные передавать психофизиологическим лабораториям военведа. Иначе академия будет завалена неподходящей работой. Надо считаться с силами персонала. К кафедре физиологии уже сейчас предъявляются запросы одновременно от различных частей военного ведомства, и небольшой персонал из 4–5 человек высшей квалификации должен вести на себе работы, касающиеся и летного, и водолазного, и танкового, и физкультурного дела. Никто в армии не несет службы сразу в разных родах оружия, а небольшая группа научных работников должна сразу испытать профессиональные вредности всех родов службы. Это создает опасность потери квалифицированных служб... Тут нужно соблюдать большую осторожность" (Там же. С. 25).

К этому времени относится аттестация Орбели как профессора ВМА. Аттестационный лист подписал начальник академии В.А. Кангеллари, в нем было сказано: "лучший ученик академика Павлова, крупный ученый, пользующийся мировой известностью. Хороший педагог, чрезвычайно заботливо руководит воспитанием кадров молодых ученых. Волевой начальник кафедры, сумевший сколотить вокруг себя дружный коллектив преподавателей, пользуется любовью и уважением подчиненных. Обогастил кафедру оборудованием и целым рядом современных приборов и установок. Открытого, прямого, правдивого характера, горяч, вспыльчив, что приводило иногда к неправильным выступлениям в прежние годы, но также открыто и честно признает свои ошибки. Сам много работает и умело руководит научной работой кафедры, причем в последний год сделал крутой поворот специально к темам, имеющим оборонное значение. Лично дисциплинирован и поддерживает достаточную дисциплину на своей кафедре. Здоров, трудолюбив и работоспособен. Ввиду его крупного научного значения и того места, которое он занимает в научном мире, – подлежит утверждению". 13 ноября 1932 г. (Там же. С. 27).

Профессор-окулист Ю.З. Розенблюм, сын ближайшей сотрудницы Орбели Н.И. Михельсон, пишет об огромном влиянии Орбели на судьбу академии как научного центра. По его мнению, Орбели – один из немногих, кто "мог проводить политику военизации без деинтеллигентизации" (Личный архив Л.Г. Лейбсона).

С деятельностью Орбели, участвовавшего в запуске одного из первых советских стратостатов, связано начало систематических исследований в ВМА по авиационной физиологии. Однако небольшая баролаборатория, имеющаяся на кафедре, не могла удовлетворить возросшие потребности, тем более что в середине 1930-х годов были начаты исследования и в области глубоководных спусков. Благодаря большим усилиям М.П. Бресткина и Л.А. Орбели при поддержке наркома обороны К.Е. Ворошилова, отпустившего специальные средства, на кафедре в 1939 г. была построена мощная баролаборатория.

Великая Отечественная война коренным образом изменила не только направления деятельности академии в области подготовки военных врачей и научных исследований, но нарушила нормальные, благоприятные условия ее жизнедеятельности. Академия была эвакуирована в Самарканд и развернула свою деятельность на базе Самаркандского медицинского института.

Приказом народного комиссара обороны СССР от 15 января 1943 г. Орбели назначается начальником ВМА. Перед академией сразу же встали новые задачи в области подготовки военно-медицинских кадров. Безотлагательной стала подготовка руководящих кадров медицинской службы. Академия в основном готовила младших врачей полков. Война вызвала необходимость подготовки старших врачей полков. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 25 ноября 1942 г. в академии создаются три факультета: командно-медицинский, лечебно-профилактический и факультет подготовки старших врачей полков. Реорганизация академии в сфере военно-медицинского образования была направлена на усовершенствование военных врачей с целью готовить из них начальников медицинской службы войсковых соединений и объединений и высококвалифицированных специалистов – организаторов профилактического и лечебного профиля. Создается одновременно Московский филиал академии, в его состав включаются научно-исследовательские институты: Научно-исследовательский испытательный санитарный институт и Институт авиационной медицины. ВМА в условиях войны представляла собой научно-учебный центр медицинской службы Красной Армии. И всю эту работу в условиях войны должен был возглавить Орбели.

Именно благодаря авторитету Орбели в короткий срок были укомплектованы кафедры организации и тактики санитарной службы командно-медицинского факультета опытными специалистами. При его же консультации был составлен первый учебный план факультета. При этом Орбели считал очень важным тщательное продумывание и обоснованное составление учебного плана как важного документа без спешки, без ненужной "оперативности". В установленный срок Орбели был подписан план подготовительных мероприятий по формированию факультета и первый учебный план командно-медицинского факультета. Уже 6 июля 1943 г. начались на факультете планомерные учебные занятия. Орбели считал очень важным, чтобы каждый слушатель факультета оформил свои наблюдения о деятельности медицинской службы и организации медицинского обеспечения войск, сделанные за время пребывания на фронте, в виде отчета о полевой поездке. По его мнению, эти отчеты помогали выработать у слушателей практические навыки, весьма ценные для будущей деятельности руководителей медицинского обеспечения войск. Вместе с тем эти отчеты являлись важным документальным свидетельством минувших событий, позволяющим лучше понять эти события, способствовать в будущем лучшему обобщению боевого опыта медицинской службы. По инициативе и при поддержке Орбели было осуществлено издание первого учебного пособия для слушателей командно-медицинского факультета. Более того, несмотря на свою чрезмерную занятость Леон Абгарович написал предисловие к книге А.С. Георгиевского и Я.Н. Кричевского "Лекции по общим вопросам организации и тактики санитарной службы". Это предисловие осталось малоизвестным его биографам, поэтому уместно привести его: "Создание командно-медицинского факультета Академии с особой остротой поставило перед рядом кафедр, в частности перед кафедрой организации и тактики санитарной службы, задачу составления учебных пособий, в достаточной мере отражающих опыт работы по медицинскому обеспечению Красной Армии и ВОВ и отвечающих профилюготавливаемых контингентов.

Однако организационно-тактический опыт, накопленный нашей санитарной службой, еще далеко недостаточно отражен в литературе, и обобщение его потребует немало трудов и времени. Вместе с тем при ограниченности срока, в который факультет должен был развернуть свою работу, а также сроков подготовки слушателей невозможно было рассчитывать на разработку достаточно крупного учебного пособия.

Поэтому нельзя не признать правильными меры, предпринятые кафедрой для скорейшего выпуска пособий по отдельным разделам программы. Одной из таких

мер является выпуск обработанных стенограмм лекций; эта форма изложения материала в печатном издании – первый опыт в данной дисциплине. Начальник ВМА, генерал-лейтенант медицинской службы академик Орбели. Москва, апрель, 1944 г." (Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 79). Первый выпуск факультета состоялся 20 февраля 1944 г. В конце августа командно-медицинский факультет перебазировали в Ленинград. Орбели выражал уверенность, что командно-медицинский факультет и в дальнейшем будет с успехом выполнять задачу подготовки высококвалифицированного состава офицеров медицинской службы.

Во время войны под руководством Орбели продолжались исследования по авиационной медицине: решались вопросы высотных и скоростных полетов, проблемы гипоксии, ограждения летчиков от действия больших ускорений, перегрузок, проблема катапультирования и др.

Продолжались исследования и по физиологии водолазного дела. Вот как оценил эти исследования Орбели и его школы адмирал Л.М. Галлер – начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова: "Мне посчастливилось непосредственно видеть и оценить Ваш широкий кругозор, исключительную энергию и настойчивость, умение личным примером увлекать ваших помощников и подчиненных... в течение почти десятка лет организацией, подготовкой и практическим осуществлением работ по глубоководным спускам водолазов на новом принципе и на глубинах, которых не сумела добиться ни одна из зарубежных стран... Не могу не вспомнить, что Вам как руководителю приходилось преодолевать немало трудностей, в особенности в годы ВОВ, когда исследовательские и изыскательские работы продолжались, однако благодаря вашей настойчивости, исключительному такту и умению преодолевать препятствия успех неизменно обеспечивался.

...Мне как моряку, посвященному в характер исследований, хотелось бы подчеркнуть особое практическое значение возглавляемой Вами работы по созданию условий, позволяющих по-новому ставить вопрос по изучению морских глубин, по их преодолению в пределах, казавшихся в недавнем прошлом недостижимыми. Экспедиция, проведенная летом 1946 г. под вашим личным руководством, выполнена с исключительным успехом" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 102–104). Начало этих исследований относится к 1935 г., когда Орбели возглавил межведомственную комиссию по разработке теоретических основ глубоководных спусков. В 1940 г. был разработан и испытан в условиях барокамеры режим декомпрессии водолазов, погружаемых на глубины до 200 м. Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Н.Г. Кузнецов хорошо знал Орбели. Физиологическую часть программы ЭПРОН (экспедиция подводных работ особого назначения) Орбели осуществил со своими ближайшими учениками: Е.М. Крепсом, С.И. Прикладовицким, П.Д. Кравчинским, А.Г. Жиронкиным, М.П. Бресткиным, А.В. Войно-Ясенецким, в специально оборудованной баролаборатории кафедры физиологии ВМА. В результате был разработан режим спуска и подъема водолазов, создано необходимое снаряжение и рассчитаны соответствующие гелиокислородные таблицы.

Применение гелия вместо азота в газовых смесях приписывается Жаку Кусто. На самом деле раньше Кусто эту идею реализовал Орбели. По словам Ю.З. Розенблюма, об этом говорил сам Орбели. Инструкция по проведению глубоководных спусков, разработанная М.П. Бресткиным и отредактированная Орбели, сыграла большую роль в развитии глубоководного водолазного дела.

Академик Е.М. Крепс вспоминал: "Хочется мне рассказать о морских физиологических исследованиях, проводившихся под эгидой Л.А. Орбели. Эту сторону жизни Леона Абгаровича наш физиологический мир знает мало...

В 1935 г. была организована Комиссия под председательством Орбели, имевшая целью разработку физиологических основ глубоководных спусков. Комис-

сия объединяла усилия нескольких учреждений, в том числе ВМА и ЭПРОН. Вот тут мне хочется поговорить о стиле работы Леона Абгаровича. Ему сразу стало ясно, что без глубокого научного изучения предмета существенного прогресса ожидать нельзя. Теоретические исследования развернулись сразу по многим вопросам: по токсическому действию сжатого кислорода, по наркотическому действию азота под давлением, по разработке режимов декомпрессии для больших глубин погружения во избежание водолазной или кессонной болезни, т.е. образования газовых эмболов в крови и тканях.

Вскоре возникла проблема замены азота в дыхательной смеси другими инертными газами, прежде всего гелием. Это сразу родило новые проблемы – борьбы с сильным переохлаждением организма при дыхании гелиокислородной смесью, улучшения разборчивости речи и т.п. Наряду с изучением теоретических вопросов проводились практические экспериментальные глубоководные спуски, разрабатывался индивидуальный спасательный кислородный прибор для выхода из затонувших подводных лодок и ряд других вопросов. Леон Абгарович объединил все эти разработки. Благодаря его поддержке и авторитету многочисленные организационные трудности удавалось быстро преодолевать. По важным вопросам он обращался непосредственно к высокому начальству: заместителю главнокомандующего ВМФ, начальнику Военно-санитарного управления РККА и к другим высокопоставленным лицам. Конечно, работа наша была сопряжена с неизбежным риском, кругом подстерегали опасности, исследования проводились на людях, нередко на самих исследователях, причем работа шла на переднем фронте, на грани известного. Но мы чувствовали себя уверенно за широкой спиной Леона Абгаровича, зная, что он выручит нас в случае беды. Леон Абгарович отлично понимал и доказывал там, где это было нужно, что такая работа, как наша, не может идти без разумного риска, и всю ответственность брал на себя. С другой стороны, он делал все, что мог, и нас призывал к тому, чтобы каждый шаг вперед был продуман, проверен, научно обоснован. Нам импонировала и смелость Леона Абгаровича, и его мудрая и трезвая осторожность, и его готовность идти на неизбежный разумный риск" (Крепс Е.М. Из воспоминаний о Л.А. Орбели // Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 135).

В конце 1940-х годов по приказу Л.А. Орбели на базе кафедры физиологии организуется специальная группа по экспериментальному изучению влияния на организм человека и животных ионизирующего излучения. К этому времени кафедра уже имела опыт изучения влияния на организм электромагнитных излучений. Эти исследования в 1950-х годах оформились как самостоятельное направление в области радиобиологии. Уместно напомнить, что 100 лет тому назад, в 1896 г., ровно через год после открытия рентгеновых лучей увидели свет первые исследования профессора ВМА И.Р. Тарханова о влиянии лучей рентгена на жизненные процессы. "Настоящее исследование, – писал Тарханов в 1896 г. – является, насколько мне известно, первой попыткой, стремящейся доказать, что X-лучами можно не только фотографировать и диагностировать, но и влиять на ход жизненных функций, умеряя их главный регулятор, центральную нервную систему" (Тарханов И.Р. О физиологическом действии рентгеновских лучей на центральную нервную систему. СПб., 1896. 14 с.). В ВМА в 1950-х годах проводились конференции по проблемам лучевой болезни, на которых выступал Орбели со следующими программными докладами: "Физиологические механизмы лучевой болезни", "Действие ионизирующих излучений на животный организм", "О некоторых механизмах патогенеза лучевой болезни". Они вошли в четвертый том его избранных трудов (1966 г.).

Л.А. Орбели очень любил ВМА: ему нравилось быть военным, он любил форму и ритуалы. У него было много друзей на всех кафедрах и в лабораториях: сокурсник М.И. Аствацатуров – основатель клинической эволюционной невро-

патологии; хирург С.С. Гирголав, один из немногих, с кем он был на ты; друг его семьи и помощник по клинической части ВМА Н.И. Медведев; его личный врач Л.П. Иванов и др. Влияния Орбели на судьбу ВМА было огромно. Здесь он создал редкое по интеллектуальной, нравственной и гуманной напряженности сообщество.

По свидетельству М.П. Бресткина, помощника Орбели по водолазной физиологии, Леон Абгарович хорошо знал военные уставы, считал их очень важными руководящими документами, так как в них отражен военный опыт многих лет и мудрость выдающихся полководцев и они требуют вежливого и уважительного отношения и обращения военнослужащих с подчиненными и между собой. Л.А. Орбели не любил, когда уставы нарушались.

УЧЕНЫЙ И ВЛАСТЬ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРБЕЛИ С ВЛАСТЯМИ

Власти всегда вмешивались в науку, что отражалось как на развитии науки, так и на судьбах отдельных ученых. В этом отношении история физиологии в России и судьба физиологов являются поучительными и характерными. Нейрофизиология и физиология высшей нервной деятельности – магистральные направления отечественной физиологии – соприкасались с методологией, философией, идеологией. Именно этим объясняется постоянный, пристальный интерес властей к мировоззрению физиологов, их философской ориентации.

Общеизвестно отношение царских властей к отцу русской физиологии, основателю первой физиологической школы в России – к И.М. Сеченову. Он не пользовался уважением и авторитетом у властей, более того, его знаменитый трактат "Рефлексы головного мозга" был арестован. Физиолог с мировым именем, сделавший крупное открытие – центральное торможение, он не был избран в Академию наук (неоднократно был забаллотирован). В глазах властей Иван Михайлович имел репутацию нигилиста, опасного для общества человека, подрывающего нравственные устои общества.

Физиология в СССР испытала все многообразие взаимоотношений между наукой и властью – от полной ее поддержки и щедрого финансирования исследований И.П. Павлова до беспощадного подавления оригинальных школ и направлений в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов.

С самого начала самостоятельной жизни Л.А. Орбели решил посвятить себя целиком науке и был в стороне от всего, что могло помешать учебе и исследовательской деятельности. Он был далек от революционных настроений и отрицал всякое насилие. Все вопросы, связанные с наукой, Орбели решал сам и считал ненужным вмешательство со стороны и сверху. "Я должен признать свою вину в том, – говорил Орбели в 1950 г., – что, получив под руководство научное наследие Павлова, я постеснялся беспокоить руководителей нашей жизни и нашей научной мысли своими обращениями.

Было бы правильное, если, получив такое ответственное дело, я сразу же пошел к нашим руководителям и получил от них указания относительно того, как правильно строить разработку научного наследия Павлова. Я не понял, что это дело может их интересовать и может волновать и беспокоить.

Своим спокойным, узким, чисто деловым отношением к делу я лишил себя той помощи и той еще большей поддержки, которая в значительной степени облегчила бы мне дальнейшую работу" (Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И.П. Павлова: Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 177).

Письма Орбели, адресованные Сталину, Маленкову в 1952 г., говорят о душевном смятении ученого. Может показаться даже, что Орбели признает свои

"ошибки", извиняется за свою независимость. Отлучение от науки – цель, которую преследовали организаторы сессии и Научный совет, пугало Орбели, отстаивающего свободу научного творчества. Орбели считал, что власти должны ограничиваться лишь обеспечением материальных условий развития науки. Все остальное – в компетенции ученых.

К властям Орбели был лоялен, придерживался позиции конструктивного сотрудничества. Он считал, что наука вне политики. В одном из своих вынужденно "покаянных" объяснений относительно своих взглядов на науку и политику в 1952 г. Орбели писал: "Моя большая ошибка заключалась в том, что я очень долго, до самого последнего времени, стоял на позициях аполитичности науки. Я понимал, что в научном исследовании важны не только эвристические задачи..., но я думал, что можно относиться безразлично к тем философским воззрениям, которые создают определенное мировоззрение.

Я тогда и долгое время спустя, еще до недавнего времени, не учитывал того обстоятельства, что примыкание к той или иной философской системе и создание того или иного мировоззрения связаны с определенными формами общественной жизни, с определенной классовой борьбой. Классового значения мировоззрения, политического значения я не учитывал, стоя на позициях аполитичности науки. Это приводило и привело меня, конечно, к объективизму" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 6–8).

Отношение властей к Орбели было неоднозначно и изменчиво. Первые трудности с властями возникли еще в 1920-е годы и были связаны с несогласием ученого с реформами в области высшего образования. Орбели не скрывал своего негативного отношения к бесконечным "реформированиям" во вред науки и образованию. Трудности возникли и в связи с политическим доносом – обвинением Орбели в том, что он не пускает в лабораторию коммунистов. В результате он вынужден был оставить кафедру в Первом Ленинградском медицинском институте, кафедру, где сложилась его школа, где было сделано выдающееся открытие – "феномен Орбели–Гинецинского". К этому же времени, концу 1920 – началу 1930-х годов, относится отказ Леона Абгаровича подписать письмо с осуждением выступления папы римского о преследовании в СССР религии и духовенства (Орбели был согласен с папой римским). В результате он был подвергнут политическому ostracismu на IV Всесоюзном съезде физиологов (май 1930 г., Харьков), не был избран в Центральный совет физиологического общества, не поехал на XIV Международный физиологический конгресс (29 августа – 4 сентября, Рим, 1932 г.).

Характерно, что спустя 20 лет после этих событий, когда Л.А. Орбели был в глубокой опале, вспомнили о его "несоветском поведении" в начале 1930-х годов. Профессор Ф.В. Ковшарь из города Станислава (Украина) в своем политическом доносе в Отдел науки ЦК ВКП(б) 2 октября 1951 г. писал: «Просматривая свою библиотеку, я обнаружил данные о нетактичном поведении проф. Орбели, выступившего на поддержку римского папы. Есть небольшая книга под названием "Четвертый Всесоюзный съезд физиологов. Резолюции и постановления". 1932 г. Всего страниц 48. В этой книге на с. 9 напечатано о том, что Орбели делегаты съезда не хотели ввести в Президиум, т.к. проф. Орбели отказался подписать протест против выступления папы о преследовании религии в СССР, заявивши, что "в Советском Союзе есть притеснение религии". По-видимому, идеологические ошибки Орбели имеют исторические корни» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 180. Л. 159).

Заместители заведующего сектором Отдела науки и вузов ЦК М. Яковлев и А.Н. Черкашин (последний был учеником Орбели) в Техсекретариат ОБ ЦК ВКП(б) писали: "Проф. Ковшарь Ф.В. (из г. Станислава областного) сообщает, что в книге о Четвертом Всесоюзном съезде физиологов, изданной в г. Харькове в 1930 г., имеется указание о несоветском поведении академика Л.А. Орбели.

...Отделу науки и вузов ЦК ВКП(б) известно это клеветническое заявление академика Л.А. Орбели" (Там же. Л. 160).

Отношение к Леону Абгаровичу изменилось после успешного проведения XV Международного конгресса у нас (август, 1935 г.). Орбели по настоянию Павлова был основным организатором конгресса. После смерти Павлова Постановлением правительства Орбели возглавил физиологическую науку в СССР. К этому времени кроме научных заслуг Орбели имел авторитет организатора работ оборонного значения. На его кафедре в ВМА выполнялись работы, имеющие важное значение для повышения обороноспособности страны. Деятельность Орбели в годы ВОВ, когда он был назначен начальником ВМА, вице-президентом, возглавлял Военно-санитарную комиссию, осуществляющую связь между академией и Министерством обороны, еще более укрепила его положение: Орбели присвоили звание генерал-полковника медицинской службы (1944 г.) и Героя Социалистического Труда (1945 г.).

Однако через три года после окончания войны были осуществлены политические акции против науки: сначала сессия ВАСХНИЛ (1948 г.), затем Объединенная сессия двух академий (1950 г.), в результате которых Л.А. Орбели в течение шести лет был в глубокой опале.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОВ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ СЕССИИ 1950 г.

Ближайший ученик и автор фундаментальной монографии о Л.А. Орбели Л.Г. Лейбсон писал о "некоей высшей инстанции, стоявшей над наукой и творившей свой неправый суд над учеными, по той или иной причине вызвавшими ее немилость" (Лейбсон Л.Г. Академик Л.А. Орбели: Неопубликованные главы биографии. Л.: Наука, 1990. С. 72). За пределами книги Лейбсона осталась вся предыстория подготовки сессии, непосредственно связанная с деятельностью Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), организованного 10 июля 1948 г. решением Политбюро. "Некоей высшей инстанцией" был именно этот отдел.

1947 г. был последним "мирным" годом в жизни советской физиологии. Политические акции 1948 г. свидетельствовали о резком ухудшении нравственного климата в обществе. Деформации в научном сообществе, связанные с развитием классовой концепции науки, еще более усугубились разразившейся безудержной борьбой с космополитизмом в 1947 г. и связанным с ней обвинением советских ученых в низкопоклонстве перед Западом. Борьба с космополитизмом переросла вскоре в борьбу с инакомыслием ученых, ищущих оригинальные пути в науке. Особенно преуспели в этом газеты "Культура и жизнь" (орган Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)) и "Медицинский работник" (орган Министерства здравоохранения СССР).

За два года до "павловской" сессии в статьях, опубликованных в названных газетах, проводится последовательно мысль о том, что в физиологии единственно допустимым является павловское направление, при этом на том уровне, каким оставил его Павлов; все новое, перспективное объявлялось отходом от павловского пути, изменой Павлову и переходом на сторону "реакционной буржуазной науки".

Особенно активно против инакомыслия в физиологии выступал (как свидетельствуют приводимые нами, а также архивные документы) заведующий сектором науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов. В ряде статей в газете "Культура и жизнь" Ю. Жданов выступал против направлений и школ академиков Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили и Л.С. Штерн. «Одной из задач Академии наук, – писал Ю. Андреев (литературный псевдоним Ю.А. Жданова) 31 июля 1948 г., – является пропаганда идей великого русского физиолога И.П. Павлова. Однако вместо

популяризации павловских идей в научно-популярной серии была издана книга академика И. Беритова "Об основных формах нервной и психонервной деятельности", в которой провозглашается ревизия павловского учения, отвергается метод условных рефлексов, объективный анализ психических процессов подменяется ничем не обоснованными, спекулятивными рассуждениями о "представлениях", возникающих у животных, а влиянию внешней среды в формировании нервных и психических процессов отводится второстепенное место по сравнению со "спонтанной активностью мозга"» (Культура и жизнь. 1948. 31 июля). Знаменательно время появления статьи – день открытия печально известной сессии ВАСХНИЛ, разгромившей генетику. В связи с этой статьей 6 сентября 1948 г. было созвано специальное заседание Комиссии по научно-популярной литературе под председательством С.И. Вавилова. Справедливость обвинений Ю. Жданова была признана всеми выступающими (Вестн. АН СССР. 1948. № 10. С. 87–88).

Весной 1949 г. в Ленинград была направлена комиссия АН СССР (в нее вошли ученые, критически настроенные против Орбели) для проверки деятельности учреждений, руководимых Орбели. В результате был сделан вывод о "катастрофическом" положении учения Павлова в физиологических институтах Ленинграда.

В рецензии на "Избранные произведения И.П. Павлова" (Политиздат) 21 сентября 1949 г. в газете "Культура и жизнь" Ю. Жданов писал: "На основе учения Павлова К.М. Быков успешно развивает учение о коре головного мозга и внутренних органов. Однако указание Павлова о руководящей и координирующей роли больших полушарий не всегда учитывается некоторыми нашими физиологами, которые принижают регулирующую роль центральной нервной системы, приписывая ее вегетативной, периферической нервной системе... Вокруг Павловского учения идет упорная борьба. Явные и скрытые идеалисты пытаются принизить, опровергнуть великие научные достижения Павлова". Ровно через неделю, 28 сентября, сразу же на следующий день после торжественного заседания в Большом театре, посвященного 100-летию со дня рождения Павлова, в записке на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова, ведавшего вопросами науки, Ю. Жданов писал: «Направляю Вам копию записки "О разработке учения академика И.П. Павлова", направленную мною товарищу Сталину». И далее в записке отмечается: "В развитии учения Павлова имеются серьезные трудности: значительное усиление антипавловских тенденций, ревизионистские попытки, извращение учения Павлова". В своей записке Ю. Жданов сообщал и об антипавловской позиции академика И.С. Беритова, а также о механистических антипавловских взглядах в физиологии, которые выражены в следующих изданиях: Д.Л. Рубинштейн. Общая физиология. М.: Медгиз, 1947; И.С. Беритов. Об основных формах нервной и психонервной деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1947; А.Н. Леонтьев. Очерк развития психики. М., 1947; Н.А. Бернштейн. О построении движений. М.: Изд-во АН СССР, 1947; Л.С. Штерн и др. Специальный пункт в записке посвящен "позиции академика Л.А. Орбели".

Говоря о "ключевых позициях", занятых Орбели в физиологических учреждениях страны, Ю.А. Жданов подчеркивал, что научные интересы ученого находятся в стороне от павловского направления, что его интересы и методы работы формировались в значительной мере не под влиянием Павлова, а под влиянием зарубежных физиологов. Обличая Орбели в "серьезных антипавловских и антимичуринских ошибках" в области наследственности, Жданов приводит обширную цитату из книги Л.А. Орбели "Лекции по вопросам высшей нервной деятельности" (1945 г.), посвященной "светлой памяти дорогого учителя", в которой говорится о важности изучения мутационных явлений для генетики высшей нервной деятельности. "Исследования по экспериментальной генетике, – писал Орбели, – следует расширить в новом направлении. Мы поставили себе в план нашей работы

создание таких условий, при которых могли бы быть вызваны мутационные явления. Путем определенных воздействий (а такие воздействия уже сейчас имеются в руках исследователей) можно создать нарушения нормального генного состава, можно вызвать возникновение новых мутаций. Опять-таки в этом отношении различные объекты поддаются с не одинаковой легкостью и мутации возникают не одинаково легко у различных животных. Значит, нужны правильные приемы в этом отношении и правильный выбор материала. Эту большую задачу мы сейчас перед собой ставим и с этой целью в первую очередь создали себе рентгеновский кабинет, в котором можем, пользуясь рентгеновыми лучами, вызывать мутационные явления и таким образом получать новые мутации, быть может, новый склад нервной системы"* (Орбели Л.А. Лекции по вопросам высшей нервной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 154–155).

Далее Ю. Жданов подчеркивал, что Орбели не борется против попыток ревизии учения Павлова, т.е. против И.С. Бериташвили и Ч. Шеррингтона. "Орбели не только не сплотил учеников Павлова, — писал Ю. Жданов, — но делал все, чтобы воспрепятствовать их росту. В результате среди членов и член-корреспондентов АН СССР не было и нет ближайших учеников Павлова: М.К. Петровой, П.С. Купалова, А.Г. Иванова-Смоленского, Н.А. Подкопаева, Ф.П. Майорова. Орбели всячески противился избранию в Академию талантливого ученого К.М. Быкова. Это избрание состоялось против воли Орбели. Орбели до настоящего времени не выпустил сочинений Павлова. В настоящее время Орбели фактически прекратил самостоятельную экспериментальную работу"*** (Жданов Ю. Записка секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову Г.М. 28 сентября 1949 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 177. Л. 156–159).

Ю. Жданов решительно требовал "ликвидировать монопольное положение академика Орбели в области разработки павловского учения и подвергнуть критике его ошибки" (Там же).

Осенью 1949 г. и зимой 1950 г. проводилась "обработка" физиологов, недовольных тем, что после смерти Павлова Орбели, согласно постановлению правительства, возглавил основные физиологические институты страны. В результате 13 апреля 1950 г. Ю. Жданов писал Маленкову: «Препровождаю Вам копию доклада академика К.М. Быкова о развитии павловской физиологии, направленного товарищу Сталину согласно его поручению. Думаю, что этот, третий по счету, вариант доклада может быть положен в качестве основы для научной дискуссии и для критики взглядов Орбели.

Академик К.М. Быков не без колебаний занял позицию борьбы против линии Орбели; этим объясняются отдельные реверансы в сторону Орбели, которые встречаются в докладе... Против линии Орбели в настоящее время удалось сплотить крупнейших физиологов павловского направления: А.Г. Иванова-Смоленского,

* Следует пояснить, что при переиздании доклада Л.А. Орбели на третьем совещании по физиологическим проблемам 4 марта 1938 г. "Ход развития работ в области изучения высшей нервной деятельности в Физиологическом институте в Биологической станции имени академика И.П. Павлова" абзац о необходимости изучения мутационных явлений для генетики высшей нервной деятельности был опущен без всяких комментариев и оснований (см. *Орбели Л.А.. Избр. труды.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 148).

** В сущности, эти "обвинения" иначе, чем клеветой, назвать нельзя. Орбели высоко ценил научные труды названных учеников Павлова (см. в данном томе характеристику, данную М.К. Петровой; характеристику К.М. Быкова, написанную Орбели при выдвижении его на премию им. Павлова, а также при выдвижении Быкова в АН СССР; документы о неоднократных хлопотах Орбели об избрании А.Г. Иванова-Смоленского в АМН СССР). А.Г. Иванов-Смоленский в АМН СССР был избран в 1950 г., после "павловской" сессии, очевидно, за особые "услуги" властям, за критику "ошибок" Орбели. Л.А. Орбели активно оперировал в тот период, выполняя самые сложные операции на животных. Но если даже до некоторой степени деятельность его в этом отношении несколько была ослаблена, то, во-первых, в это время ему уже было 68 лет, кроме того, Орбели был перегружен научно-организационной работой, а также руководил исследованиями по укреплению обороноспособности страны.

Э.А. Асратяна, П.С. Купалова, Л.Н. Федорова, Г.В. Фольборта, М.А. Усиевича, И.П. Разенкова и некоторых других. Многие из них подготовили глубокие выступления с критикой Орбели... Сейчас уже накоплены силы для того, чтобы перейти в открытое организованное наступление против врагов и лицемерных "друзей" павловского учения» (Там же. Д. 347. Л. 9–10).

25 апреля 1950 г. Ю. Жданов направил Маленкову "Проект постановления ЦК ВКП(б) о научной сессии, посвященной учению И.П. Павлова". В нем перечислены конкретные предложения по организации и проведению сессии, созываемой АН СССР (биологическое отделение) и АМН СССР, названы основные докладчики и выступающие в прениях, состав Оргкомитета (Там же. Л. 1–4).

На проект сообщения в печати о предстоящей сессии от 6 июня 1950 г. имеется резолюция М.А. Суслова: «Товарищу Маленкову Г.М. – Считал бы возможным опубликовать сообщение в "Правде", "Культуре и жизни", "Медицинском работнике" и вслед за этим начать публикацию некоторых произведений Павлова – в соответствии с постановлением Политбюро» (Там же. Л. 6). Сессия длилась с 28 июня по 4 июля 1950 г. Уже 5 июля состоялось объединенное заседание Президиумов двух академий, на котором было принято постановление издать стенографический отчет сессии к 1 сентября.

На следующий день после завершения сессии, 6 июля 1950 г., В. Кружков и Ю. Жданов в записке на имя Г.М. Маленкова представили "Предварительный проект мероприятий по закреплению результатов сессии". Первый пункт был сформулирован так: "Поручить Отделу пропаганды и агитацию ЦК ВКП(б) совместно с Президиумом АН СССР и Президиумом АМН СССР в недельный срок разработать необходимые организационные и научные мероприятия по закреплению результатов сессии, посвященной проблемам физиологического учения И. Павлова..." (Там же. Л. 131–132). 14 июля В. Кружков и Ю. Жданов на имя Маленкова писали: "Академики С.И. Вавилов и Н.Н. Аничков направили в ЦК ВКП(б) докладную записку о научной сессии. Материал носит информационный характер. В настоящее время академии проводят в жизнь практические мероприятия по закреплению итогов физиологической дискуссии. Отдел пропаганды и агитации ЦК осуществляет оперативный контроль за проведением этих мероприятий" (Там же. Л. 129).

Постановлением Совета Министров СССР при Президиуме АН СССР создается "Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова", первая сессия которого состоялась 13–14 октября 1950 г. В. Кружков и Ю. Жданов 13 ноября 1950 г. писали Суслову: "Первое заседание Научного совета показало целесообразность коллегиального руководства всесторонним развитием учения И.П. Павлова" (Там же. Ф. 17. Оп. 132. Д. 347. Л. 199).

Был задуман, основательно подготовлен и в принципе заранее решен в ЦК ВКП(б) вопрос о проведении политической акции. Заранее составленный проект постановления сессии лишь непосредственно перед самой "сессией" был передан для реализации двум академиям: АН СССР и АМН СССР. Сохранились протоколы заседаний Оргкомитета двух академий (5, 12, 19 и 26 июня 1950 г.). На первом заседании Оргкомитет был в следующем составе: С.И. Вавилов, Н.Н. Аничков, А.В. Топчиев, И.П. Разенков, С.А. Саркисов, Э.А. Асратян, Ю.А. Жданов, И.Е. Глущенко, Н.М. Сисакян, Э.Ш. Айрапетьянц, А.Г. Иванов-Смоленский, М.А. Усиевич, Д.А. Бирюков, М.И. Соколов, П.Г. Шидловский (управделами АН), М.А. Комарович, Л.А. Бах. Председательствовал С.И. Вавилов. Решались организационные, скорее технические вопросы: о напечатании текстов докладов К.М. Быкова и А.Г. Иванова-Смоленского; о списке лиц, выступлений которых на сессии желательно; необходимости представления кратких тезисов основных выступлений и в прениях; о составе участников сессии (400, из них 250 иногородних, и 400 гостей). Было решено составить списки участников и гостей сессии, а также уста-

новить принцип расходов на сессию между академиями, Министерством высшего образования и Министерством здравоохранения. Было признано нецелесообразным включать доклад А.Д. Сперанского согласно его заявлению.

На втором заседании Оргкомитета (12 июня) под председательством Президента АМН СССР Н.Н. Аничкова была утверждена смета 234700 руб., предложено командирование участников осуществить за счет учреждений, которые будут направлять своих сотрудников. На этом заседании кроме названных выше присутствовали К.М. Быков, зам. министра здравоохранения А.Н. Шабанов.

На третьем заседании (19 июня) было признано нецелесообразным фотографирование заседаний секций, решен вопрос об издании стенографического отчета под эгидой двух академий. Кроме членов Оргкомитета на заседании присутствовал С.Е. Северин. С.И. Вавилов выразил сомнение в необходимости издания стенографического отчета к 1 сентября, как это предлагал Э.Ш. Айрапетянц. "Не забудьте, – говорил Вавилов, – что это дискуссионная сессия. Здесь могут быть высказывания самые полемические, резкие в ту и другую сторону. Разве можно так на ходу?!"

Я не вижу никакой особой надобности, чтобы она вышла с пылу и жару, эта стенограмма будет отредактирована более спокойно и серьезно. Каждая стенограмма должна быть автором отредактирована и завизирована. Здесь будет парламентское стенографирование, а парламентское стенографирование организуется так, что всегда дается выступающему его стенограмма для исправления. Для редактирования нужны квалифицированные физиологи, опытные люди, которые понимают дело и с точки зрения идеологической, и с точки зрения стилистической и прочей" (АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 76. Л. 1–47).

Э.Ш. Айрапетянц сообщил, что многие приглашенные присылают телеграммы, что не могут приехать. Особенно беспокоило организаторов известие о том, что И.С. Бериташвили не сможет участвовать в заседании, А.В. Топчиев вспоминает: "Я спрашивал Н.И. Мухелишвили относительно Беритова: будет ли он? Мухелишвили – вряд ли? Я сказал, что надо принять меры, чтобы он был. Н.И. Мухелишвили обещал позвонить. Надо, чтобы такие персоны были" (Там же).

В отношении информации о ходе заседаний Э.Ш. Айрапетянц отмечал: "Я доложил по этому вопросу в инстанции. Мне сообщили, что вопрос о характере информации будет сообщен дополнительно. Поэтому я в сегодняшнюю повестку с разрешения Александра Васильевича не включил этот вопрос. Мне сказали, несколько позднее дадут рекомендацию, будут ли корреспонденты сообщать или будут даваться сокращенные стенограммы" (Там же).

26 июня состоялось последнее заседание Оргкомитета при участии С.И. Вавилова, Н.Н. Аничкова, А.В. Топчиева, И.П. Разенкова, С.А. Саркисова, Э.А. Асратяна, А.Н. Шабанова, Э.Ш. Айрапетянца, М.И. Соколова, В.П. Чаплиева, М.А. Комаровича, Л.А. Баха, Ю. Жданова. Э.Ш. Айрапетянц доложил о ходе подготовки к сессии. Поскольку желающих выступить было много, а время ограничено, то несостоявшиеся выступления решено было включить в стенографический отчет. Количество выступлений в прениях ограничились 60 человек, по регламенту продолжительность выступления не должна превышать 20 мин, руководителям крупных физиологических и медицинских учреждений предоставлялось 30 мин.

Отпечатанные доклады К.М. Быкова и А.Г. Иванова-Смоленского решили раздать участникам после их выступлений. С.И. Вавилов предложил образовать "маленькую комиссию", которая заранее просмотрела бы аннотации выступлений и сделала бы отбор. В комиссию вошли: С.А. Саркисов, Э.А. Асратян, Э.Ш. Айрапетянц и А.Н. Черкашин.

Было решено, что прессбюро будет давать краткие сообщения о сессии. Относительно печатания стенограммы заседаний Ю. Жданов ответил: "Будут указания!" С.И. Вавилов рекомендовал в связи с тем, что время жаркое, а заседания будут длительными, принять меры к тому, чтобы в зале были вентиляция и прохладительные напитки. В связи с тем что интерес к сессии велик и желающих присутствовать на заседаниях много, решено было обеспечить надлежащий контроль при входе в Дом ученых.

Завершая заседание, С.И. Вавилов произнес пророческие слова: "Нам нужно с самого начала подумать о конце". На этом заседание закончилось (Протоколы заседаний Оргкомитета по подготовке и проведению научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 76. Л. 1-47).

С.И. Вавилов хорошо понимал, что вся эта затея, посвященная якобы творческому развитию научного наследия Павлова, в действительности направлена на раскол школы Павлова, раскол и противостояние среди учеников Павлова.

Прямым результатом "павловской" сессии (28 июня – 4 июля 1950 г.) явилось отстранение Орбели от руководства физиологической наукой в СССР, закрытие Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова, созданного на базе биостанции в Колтушах. Основанная Павловым в 1926 г., реорганизованная в 1939 г. в ИЭФиП в.н.д. биостанция являлась уникальным в мире научным центром по изучению поведения животных, в котором были выполнены фундаментальные исследования по синтезу генетики эволюционного учения, физиологии высшей нервной деятельности и клиники. После "павловской" сессии указанием сверху был создан "Научный совет по проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова", выполнявший карательную функцию по отношению к ученым.

Как остроумно заметил А.Г. Гинецинский, научная общественность назвала "этот совет комиссией по расследованию антипавловской деятельности, поскольку вся его продукция заключалась в вызове и допросе отдельных физиологов" (Гинецинский А.Г. Выступление на Научном совете по проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова в 1954 г. // А.Г. Гинецинский. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1955. С. 58).

На своих многодневных изнурительных "сессиях" с утренними и вечерними заседаниями этот совет и его главные деятели: К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский, Э.Ш. Айрапетянц, сделали все, чтобы морально сломить Л.А. Орбели. Достаточно привести лишь один пример. Когда в начале 1952 г. Леон Абгарович представил совету план исследований своей группы на 1952–1955 гг. (туда входило, в частности, изучение физиологии высшей нервной деятельности человека), то он был отвергнут со следующей мотивировкой: "Орбели не компетентен в вопросах физиологии высшей нервной деятельности. Вот что, в частности, писал Быков в своем отзыве, направленном академику-секретарю ОБН АН А.И. Опарину: "В разработке этой сложной проблемы акад. Л.А. Орбели не имеет опыта, а в теоретической трактовке вопросов в.н.д. человека стоял на неправильных антипавловских позициях. Игнорирование академиком Л.А. Орбели справедливых указаний Научного совета на неподготовленность группы акад. Орбели в решении этих проблем тем более должно вызывать настороженность, что акад. Орбели до сих пор не выступил в печати с какой-либо статьей, где была бы видна нынешняя его позиция с отказом от глубоко чуждых учению Павлова прежних его установок в изучении в.н.д. человека" (Личный архив Орбели).

Положение стало изменяться к осени 1954 г. Решающим фактором изменения отношения властей к Орбели, кроме политической оттепели, послужила потребность использовать знания и организаторский талант Л.А. Орбели в реализации новых исследований, связанных с государственными программами освоения косми-

ческого пространства. На Орбели было возложено руководство по медико-биологическому обеспечению межпланетных сообщений, мирного использования атомной энергии (проблемы радиобиологии).

События развивались так, как это предсказал А.Г. Гинецинский в своем письме Т.Н. Несмеяновой в ноябре 1954 г. из Новосибирска: "Шайка бандитов сокрушена не будет. Погибнут они совсем другим способом. Наука их обходит и обойдет. Вот факты: 1) лаборатория Л.А.; 2) проекты по институту биофизики; 3) проекты по лаборатории Д.Н. Насонова и т.д. Каждая хорошо прочитанная лекция, доклад, опубликованная работа – это и есть то, отчего они погибнут" (Гинецинский А.Г. К 100-летию со дня рождения. СПб., 1995. С. 75–76).

Говоря о взаимоотношениях между властью и наукой, нельзя обойти проблему монополизма в науке. Особое положение И.П. Павлова в науке и особое отношение к нему властей общеизвестны. Павлов очень нужен был властям потому, что его учение подкрепляло материалистическое мировоззрение, диалектический материализм. После смерти Павлова и до 1950 г. советская физиология была сосредоточена в руках Орбели. В 1950 г. Леона Абгаровича освободили от всех должностей по причине борьбы с монополизмом, однако с монополизмом не было покончено, ибо это была система и в ней меньше всего были виноваты ученые. Просто Орбели был заменен К.М. Быковым – ученым гораздо слабым, человеком нравственно уязвимым, к тому же не имеющим трудов по высшей нервной деятельности. Следует заметить, что за Быковым была установлена слежка, о чем свидетельствует следующий документ, выявленный нами в РЦХИДНИ.

Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову Г.М.

21 февраля 1951 г.

Посылаю Вам сообщение Управления МГБ Ленинградской области о директоре Института физиологии имени И.П. Павлова академике Быкове К.М.

Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) В. Андрианов.

Копия. Совершенно секретно

Секретарю Ленинградского областного комитета ВКП(б)

тов. Андрианову В.М.

В дополнение к нашему № 0/53 от 8 января с.г. сообщаю дополнительные материалы, полученные нами на директора Физиологического института имени И.П. Павлова академика Быкова К.М.

По полученным неофициальным данным Быков в разговоре с одним из сослуживцев в январе с.г. по вопросу о выдвижении его (Быкова К.М.) кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР заявил: "Меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР, и вот не вижу конца моим выступлениям, беседам со мною в партийных организациях и исполкомах, а также заполнения различных анкет. Мне непонятно, зачем надо меня расспрашивать и заполнять анкеты, когда им все обо мне известно".

Далее он продолжал: "...Есть в нашей стране один человек, которого нельзя критиковать (имя вождя), а других то подымут незаслуженно очень высоко, то хотят сравнять его с землей. Разве можно в этих условиях работать благотворно и плодотворно. Я много раз говорил открыто, что в этих условиях не могли бы проявить все свои творческие способности И.П. Павлов, П.Н. Лебедев и другие известные всему миру ученые. Недавно я был недолгое время в Бухаресте. Жил в королевском дворце короля Михая. Общение и встречи с румынами убедили меня, что материальная и духовная культура у них гораздо выше, чем у нас. Сказывается влияние французской и немецкой культуры до сих пор. Они еще это влияние не утратили и это облагораживает их. Среди них я чувствовал себя человеком. Это приятное окружение так благотворно на меня воздействовало, что я чувствовал

себя здоровым, даже не беспокоил кишечник, – вот что значит психика! Вернулся сюда и снова начались угнетение, усталость, раздраженность и беспокойная обстановка".

Начальник Управления МГБ Ленинградской области
Н. Горлинский.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 180. Л. 48.

На полях документа пометка: ознакомить секретариат ЦК и товарищей Жданова, Маленкова.

23 февраля 1951 г.

На ознакомлении вкруговую: Пономаренко, Суслов, Хрущев, Жданов, Суханов.

Именно в 1950-е годы особенно спешно, бездумно и целенаправленно шло объединение физиологических институтов, не имевших между собой по структуре и по содержанию научно-исследовательских работ ничего общего. Так, в 1949 г. был ликвидирован Институт по изучению мозга им. В.М. Бехтерева, еще раньше, в 1948 г., не стало Института физиологии (директор Л.С. Штерн, Москва). В 1949 г. эти институты были объединены в один – Институт физиологии центральной нервной системы АМН СССР (директор К.М. Быков). А еще через год, в 1950 г., постановлением президиумов двух академий (АН и АМН) от 14 июля было признано: "Иметь единый Институт физиологии имени Павлова на базе Института физиологии центральной нервной системы АМН СССР, Физиологического института АН СССР имени Павлова и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР". Объединение физиологических институтов в один облегчало управление наукой и учеными.

Ученики В.М. Бехтерева, известные ученые В.П. Протопопов, Р.Я. Голант, Б.Г. Ананьев, К.И. Платонов, К.П. Поварнин, Н.И. Шелованов, В.Н. Мясичев, М.О. Гуревич в письме Сталину от 13 июля 1950 г. просили пересмотреть решение и восстановить институт, основанный их учителем: "По непонятным для нас причинам дело Бехтерева разрушается". На это письмо последовал ответ заведующего Отделом науки ЦК Ю.А. Жданова. В августе 1950 г. по поводу объединения институтов он писал: "В настоящее время твердо установлено, что развитие физиологии и медицины должно идти на основе павловской физиологии, поэтому развитие научных работ Бехтерева должно пойти в русле развития великих идей Павлова.

Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) считает нецелесообразным пересматривать вопрос о ликвидации Института мозга имени Бехтерева" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 157).

Любопытна предыстория награждения Л.А. Орбели четвертым орденом Ленина и празднования 75-летия со дня его рождения. Следует заметить, что юбилейные даты – 60- и 70-летие со дня рождения Леона Абгаровича – совпадали с неблагоприятными моментами: в 1942 г. шла война, в 1952 г. Орбели был в глубокой опале.

9 октября 1954 г. по поручению коллектива Лаборатории эволюционной физиологии АН СССР старшие научные сотрудники З.И. Барбашова, Е.А. Моисеев и А.В. Войно-Ясенецкий обратились в Бюро ОБН с просьбой в связи с 50-летием научной, педагогической и общественной деятельности Орбели (окончил ВМА в 1904 г.) возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о награждении Орбели орденом Ленина. Академик-секретарь Биологического отделения А.И. Опарин направил это письмо главному ученому секретарю академии А.В. Топчиеву. На письме наложена резолюция: "Доложено академиком Несмеянову и Топчиеву. Ходатайство возбуждено не будет. Виноградов" (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 225. Л. 95).

Через два года, 8 декабря 1956 г., когда Орбели был директором основанного им Института эволюционной физиологии АН А.Г. Гинецинский в письме Президенту АН СССР А.Н. Несмеянову от имени Ученого совета института обратился с просьбой в виде исключения ходатайствовать перед правительством о разрешении провести юбилей академика Орбели в день его 75-летия, так как 70-летие в 1952 г. не было отмечено. Последовала резолюция Несмеянова: "1) войти о награждении орденом Ленина; 2) внести предложения о юбилее. Жду к 17/XII.1956 г." (Там же. Л. 100). Ходатайство о награждении Орбели орденом Ленина было направлено в ЦК КПСС 2 января 1957 г., однако никакого ответа не последовало. Юбилей Орбели был широко и торжественно отмечен 8 июля 1957 г.

С новой просьбой о возможности награждения Орбели орденом Ленина уже после юбилея обратился к Ворошилову (лично знал Орбели) и.о. президента академии академик И.П. Бардин: "Орбели один из наиболее выдающихся физиологов нашей страны, успешно разрабатывающий физиологию высшей нервной деятельности, создатель нового – эволюционного – направления в физиологии" (Там же. Л. 105). И только в ноябре 1957 г. Л.А. Орбели был награжден орденом Ленина, который ему вручили дома, так как к этому времени его здоровье резко ухудшилось.

Судьба Орбели – выдающегося ученого, общепризнанного лидера советской физиологии, ученого с мировым именем, внесшего крупный вклад не только в развитие теоретической физиологии и медицины, но и в укрепление обороноспособности страны, – наглядный пример для раскрытия взаимоотношений между АН СССР и ЦК КПСС – реальной властью, в коридорах которой вырабатывался механизм советской системы управления наукой.

Академия наук СССР, ее биологическое отделение во главе с Л.А. Орбели не участвовали в сессии ВАСХНИЛ. Лысенко и его ближайшее окружение разгромили генетику и всех крупных биологов из АН СССР. Академия наук, ее президиум и президент С.И. Вавилов как могли поддерживали Орбели. И только под давлением ЦК вынуждены были в конце августа 1948 г. провести расширенный Президиум с участием правительства, в результате которого Орбели был отстранен от руководства Биологическим отделением АН СССР. Но и после этого вплоть до "павловской" сессии (1950 г.) высокий научный и нравственный авторитет Орбели в АН СССР не был поколеблен. Между тем именно с этого времени, точнее, с 31 июля 1948 г. (день открытия сессии ВАСХНИЛ), в недрах ЦК за два года до "павловской" сессии начался "поход" против физиологии, целенаправленный прежде всего на окончательное отлучение Орбели от науки.

К концу 1940-х годов сложился определенный комплекс объективных и субъективных факторов, позволивших провести репрессивные акции в науке. Этому способствовало, прежде всего, обострение идеологической борьбы, о чем свидетельствовали объективные факторы: 1) концепции двух наук: буржуазной и советской, отсюда борьба с буржуазным космополитизмом, преклонением перед западной наукой, инакомыслием; 2) ученый как творческая личность не имеет самоценности; он нужен для проведения определенной политики, определенной идеологии; 3) в научной печати стали появляться материалы, критикующие учение Павлова о высшей нервной деятельности, его рефлексорную теорию поведения; 4) выросло новое поколение ученых, получившее образование при советской власти, воспитанное исключительно на марксистской идеологии.

Субъективными факторами были следующие: независимость характера Орбели, чувство собственного достоинства; честность и принципиальность, бескомпромиссная нравственность. Глубокая убежденность Орбели в том, что наука и политика "две вещи несовместные", две разные области деятельности, – политика не должна вмешиваться в науку. Исходя из такой установки, Орбели не обращался к властям за советом как делать науку.

Некоторые ученики Павлова, недовольные тем, что научное наследство Павлова целиком перешло в руки Орбели, который якобы не занимается физиологией высшей нервной деятельности, ждали реванша.

В результате вопреки интересам науки, во вред ей была задумана, тщательно подготовлена и проведена так называемая "павловская" сессия, ответственность за которую, как свидетельствуют документы и материалы партийного архива, целиком лежит на Отделе науки ЦК, возглавляемом в те годы Ю.А. Ждановым.

Между тем очень скоро, гораздо раньше, чем могли предположить организаторы сессии, стали очевидны "ошибки" и вредные ее последствия. И за нравственное оздоровление общественной среды взялись сами ученые. В этом отношении решающую роль сыграло заседание ОБН АН СССР 12 апреля 1955 г., когда член-корреспондент АН СССР Е.М. Крепс совершенно четко поставил вопрос о положении физиологии в стране. К этому времени несколько изменилась и социально-политическая ситуация. А самое главное – потребовались знания, государственный ум и организаторский талант Орбели. Осенью 1954 г. правительством была поручена АН СССР разработка научно-технической программы освоения космического пространства. На Орбели возложили медико-биологическую часть программы. Сначала для Леона Абгаровича была организована лаборатория эволюционной физиологии (1954 г.), затем – Институт эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова (1956 г.).

Имя И.М. Сеченова институту было присвоено по предложению Орбели. Л.А. Орбели, как и Сеченов, говоря словами Павлова, был человеком "редкого сочетания огромного ума с редкой чистотой и высокой нравственностью" (Павлов И.П. О И.М. Сеченове // Неопубликованные и малоизвестные материалы И.П. Павлова. Л.: Наука, 1975. С. 87).

ФИЗИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. ВКЛАД Л.А. ОРБЕЛИ

Проблема взаимодействия науки и культуры является одной из мало разработанных областей истории общества. Вместе с тем выдающиеся деятели науки и культуры всегда проявляли взаимный интерес и искали пути сотрудничества, пытались нащупать пути взаимного сотрудничества, подчеркивая то общее, что объединяет их. Известна записка драматурга А.Н. Островского "Об актерах по Сеченову", в которой сделана попытка анализа творчества актера с позиций физиологии нервной системы.

Нейрофизиология – магистральное и фундаментальное направление отечественной физиологии – представляет в этом отношении специальный интерес, ибо в основе любого творчества, научного и художественного, лежит деятельность головного мозга. Именно достижения нейронаук, в частности нейрофизиологии, могут дать научное обоснование творчества, его различных проявлений. Не случайно, что выдающиеся нейрофизиологи XX в. – А.Ф. Самойлов, И.П. Павлов и Л.А. Орбели предприняли серьезные попытки установления путей взаимодействия науки и культуры, совместного сотрудничества.

А.Ф. Самойлов – ученик Сеченова, доцент Московского университета, прекрасный пианист, знаток истории и теории музыки, в начале века, а именно в 1902 г., основал в Московской консерватории научно-музыкальный кружок, членами которого были: С.М. Майкапар, А. Гречанинов, С. Танеев, Ю. Энгель, С. Рахманинов, Э. Розанов, И. Брызгалов, Р. Глиер, П. Лазарев, Г. Конюс, А. Эйхенвальд, М.К. Лечков, М. Курбатов и Д. Шор. На регулярных заседаниях кружка Самойлов прочитал цикл лекций по истории и теории музыки, дал научное обоснование происхождения нотных знаков, написал оригинальные статьи по истории и теории музыки, большая часть которых осталась неопубликованной и хранится в АРАН.

В связи с избранием Самойлова профессором физиологии Казанского университета в благодарственном письме члены кружка писали: "Считаем приятным долгом выразить Вам свою признательность как за учреждение органа, содействующего единению музыкантов и ученых на общую пользу искусства и науки, так и за деятельность Вашу в качестве председателя со времени учреждения кружка и до Вашего отъезда... Надеемся неизменно видеть Вас в нашей среде в случае, если собрания кружка совпадут с временным пребыванием Вашим в Москве" (АРАН. Ф. 652. Оп. 2. Д. 140. Л. 1).

В тридцатые годы наметился контакт между школами И.П. Павлова и К.С. Станиславского. Павлов проявил интерес к рукописи Станиславского о работе актера над собой. В своем письме в ноябре 1934 г. деятели театра (А. Яблочкина, В. Качалов, П. Садовский и др.) от имени Всероссийского театрального общества благодарили Павлова за согласие склонить своих учеников к изучению проблем, одинаково интересующих деятелей театра и ученых. В письме говорилось о том, что изучение творчества актера является делом, объединяющим работников театра и ученых (Переписка Павлова. М.: Наука, 1975. С. 362–363). Смерть Павлова и война приостановили творческий контакт между работниками науки и искусства.

Следующий этап сближения деятелей искусства и ученых связан с именем Л.А. Орбели. В программном докладе "Основные направления, задачи и методы эволюционной физиологии" Орбели развивал мысль о том, что весь организм человека со всеми его проявлениями должен сделаться предметом физиологического изучения, что только тесная связь между физиологическими и психологическими исследованиями поможет раскрыть физиологические механизмы, обеспечившие возможность взаимоотношений между людьми. "Если мы откажемся от этой задачи, – говорил Орбели, – то и медицина в значительной ее части, и педагогика и искусство окажутся совершенно оторванными, выброшенными из естествознания, и таким образом окажутся вне естественнонаучного изучения" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1961. Т. 1. С. 67). Леон Абгарович подчеркивал, что физиологической основой изучения взаимоотношений людей может служить учение Павлова о двух сигнальных системах. Именно благодаря второй сигнальной системе установились многообразные влияния одного человека на другого, которыми широко пользуются в воспитании и образовании детей, в том числе театрально-художественного, театрального, вокального и изобразительного искусства. Познавание человека, всех проявлений его деятельности, включая творческий процесс, возможно на стыке естественных и гуманитарных наук.

Приветствуя создание в системе АН СССР Института истории искусств (октябрь 1944 г.), Орбели говорил: "Представители искусства впервые за время существования Академии наук вошли в нее как полноправные члены и тем самым Академия наук признала, что изучение искусств есть серьезная задача науки и между наукой и искусством нельзя проводить ту раздельную грань, которую очень часто проводят те, кто мало знаком с самим искусством и с самой наукой по существу" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 87).

В своем первом выступлении перед деятелями науки и искусства (12 июля 1945 г.), а также в других выступлениях (с 1945 по 1949 г. их было семь) Орбели подчеркивал то общее, что объединяет науку и искусство: фантазия, красота, свобода и полет мысли. "Настала пора, – говорил он, – от противопоставления науки и искусства перейти к тому, что их объединяет, связывает. Деятелей науки и искусства интересует одно и то же: человеческий мозг, человеческая душа, все высшие проявления человеческого духа. Венец науки – это понимание всякого творческого процесса. Наука этот вопрос разрешить одна не может, потому что наиболее разнообразные формы творчества даются в искусстве. Научное творчество есть только один из видов творчества, а искусство дает целый ряд разно-

видностей творческого процесса. Люди науки не могут разрешить вопрос о творчестве без помощи тех, кто творит, то есть без помощи работников искусств. Нам нужно объединиться для того, чтобы общими усилиями разобраться в этом. Объединение ученых – физиологов и психологов – с театральными работниками, работниками в области искусства, очень сложного и интересного, расширит возможности изучения чрезвычайно разнообразных форм человеческой деятельности" (Там же. С. 98).

Общим для науки и искусства является и то, что режиссер и научный руководитель озабочены подготовкой смены: театральной и научной. Перед ними одни и те же задачи: готовить ли исполнителей воли режиссера и программы научного руководителя, или творческую личность. В случае смерти режиссера (научного руководителя) школа умирает, распадается.

Для живой игры актера организм располагает богатыми возможностями. Прежде всего, согласно Орбели, это правильное использование врожденных способностей человека, которые должны быть выявлены, освобождены от тормозящих, задерживающих, сковывающих влияний, связанных с условиями и обычаями культурной жизни, формальных взаимоотношений в жизни. Для этого организм человека обладает неограниченными возможностями: ярко выраженное свойство перестройки координации движений, перестройки форм поведения, – то, что Орбели называл тренировкой тренируемости. Леон Абгарович настаивал на том, чтобы изъять из программы физического воспитания детей специализированные формы тренировки в раннем возрасте: "Нужно упражнять ребенка, чтобы он мог бегать на коньках, ходить на лыжах, чтобы он умел лазить, и таким образом тренировать у него способность перестройки использования своего двигательного аппарата применительно к той обстановке, которая имеется в данный момент. Я называю это тренировкой тренируемости, т.е. создания возможности оказаться приспособленным в любой момент к любому делу. Когда он попадает в армию или становится специалистом какого-либо дела, можно на этом общем фоне воспитания выработать ту или иную специфическую форму деятельности" (Орбели Л.А. Избр. труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 144).

Для деятелей искусств Орбели прочитал цикл лекций по физиологии высшей нервной деятельности, особенно обстоятельно он осветил значение учения Павлова о второй сигнальной системе в развитии творческого процесса. Наиболее отчетливо эта роль проявляется при изучении высшей нервной деятельности в развитии, в онтогенезе.

Л.А. Орбели активно поддерживал исследования, направленные на укрепление связей науки и искусства, содружества ученых с деятелями культуры. В июне 1947 г. в Физиологическом институте им. И.П. Павлова АН СССР под председательством Орбели состоялось научное заседание, посвященное обсуждению доклада вокального методолога К.В. Злобина "Психофизиология как научная основа единой вокальной школы". Злобин разработал оригинальную систему пения, основанную на представлении об отношении нервной системы к регуляции функций дыхательного и голосового аппаратов, на нейродинамике пения. Орбели написал предисловие к монографии Злобина "Физиология пения в профилактике заболеваний голоса певцов" (1958 г.), в котором поддержал стремление Злобина подвести научную основу под вокально-исполнительное искусство. По мнению Л.А. Орбели, особенно важно, что Злобин рассматривает пение не как функцию только голосового аппарата, а как сложную интегрированную функцию всего организма, и придает большое значение в этом процессе роли высших отделов центральной нервной системы.

В 1956 г. в только что основанном Орбели Институте эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР шло обсуждение рукописи будущего академика П.В. Симонова "Метод К.С. Станиславского и физиология эмоций" (1962 г.) –

книги, в которой был осуществлен развернутый анализ метода Станиславского с позиций достижений нейрофизиологии. Симонов с благодарностью отмечал, что окончательному оформлению работы в монографию "весьма содействовали замечания академика Л.А. Орбели, познакомившегося с рукописью весной 1956 г.". П.В. Симонов называет Орбели первым читателем и критиком своей книги (Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. С. 3).

Под руководством Л.А. Орбели было выполнено также исследование, посвященное изучению физиологических основ изобразительной деятельности ребенка. Монография З.В. Денисовой "Детский рисунок в физиологической интерпретации" (1974 г.) – первое физиологическое исследование изобразительной деятельности ребенка. Эволюционный подход к изучению высшей нервной деятельности ребенка позволил установить, что на ранних этапах онтогенетического развития ребенка возникают новые и все более сложные способы реагирования на воздействия внешней среды, возникает возможность выполнения таких функций, как рисование, игра на музыкальных инструментах и т.д. Специфически человеческая реакция у детей – изобразительная деятельность – детский рисунок, вызывающий неизменный и неослабевающий интерес со стороны психологов, педагогов, искусствоведов и антропологов, позволяет судить о некоторых особенностях поведения растущего ребенка. Использование изобразительной деятельности ребенка важно и для изучения закономерностей функционального развития высших отделов головного мозга ребенка, ибо она является одной из наиболее характерных и ярко выраженных форм реагирования детей дошкольного возраста на окружающее.

Орбели придавал важное значение изучению ориентировочно-исследовательской реакции, вызываемой рисунком, своеобразию ее перехода от примитивной ориентировочной реакции к усложненным формам ее. "Чем старше ребенок, – писал он, – тем более выражена тенденция к переходу от массивных, беспорядочных манипуляций к систематическим, ограниченным и упорядоченным действиям. Несомненно, что это переход от примитивной ориентировочной реакции к более сложным, что это в то же время как бы бифуркация примитивной ориентировочной реакции на два рефлекса: рефлекс "что такое", как говорил Павлов, и рефлекс "что с этим можно сделать". Это зачатки всех сложных актов, которые в конце концов приводят к сложным познавательным процессам, к развитию трудовых процессов и вырастающих на их базе науки, техники, искусств" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 428).

Стенограммы выступлений Орбели перед деятелями искусств были опубликованы посмертно в пятом томе его избранных трудов (1968 г.) и в специальном выпуске "Вестника архивов Армении", посвященном 100-летию со дня рождения Орбели (1982 г.).

Л.А. ОРБЕЛИ – ГУМАНИСТ И ЗАСТУПНИК

Основательные знания в области гуманитарных наук: литературы и истории, философии и искусства, религии, сыграли определяющую роль в формировании личности и душевного склада Орбели, его научных интересов. Решающую роль сыграли хорошее домашнее воспитание и образование. Отец Орбели был сторонником классического образования. Для более углубленного изучения истории и классической литературы в старших классах гимназии он приглашал на дом учителей, ибо широкое образование считал обязательным для своих сыновей. Этой семейной традицией остался верен Л.А. Орбели. Студент Военно-медицинской академии он в начале века усердно посещал заседания Философского общества при Петербургском университете, слушал полный курс философии и психологии известного философа и психолога А.И. Введенского.

К моменту окончания Военно-медицинской академии Орбели имел основательные знания в области физиологии, биологии и философии. Именно поэтому он написал философское введение к своей докторской диссертации "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.). Он показал себя хорошим знатоком философии Канта, считая ее философской системой, позволяющей проверить достоверность нашего знания о мире, в том числе и о душевном мире. Орбели писал, что душевные явления не переходят в физические, и наоборот: психические и физические явления не могут быть звеньями одного и того же ряда процессов. Именно здесь зародился интерес Орбели к психологии, к изучению психической жизни, душевного мира человека, то, что впоследствии он называл субъективным проявлением высшей нервной деятельности. Последовательно развивая идею об изучении субъективного мира человека, Орбели был больше чем физиолог – он был психолог и мыслитель, хотя и полагал, что все это надо изучать универсальным методом естествознания – экспериментальным. Он целенаправленно развивал идею о создании единого учения о человеке, его счастье и здоровье. О задачах физиологии в изучении субъективного мира человека Орбели говорил: "Полное знание о человеке, о его переживаниях, о его страданиях, его радостях, его счастье, его горе неразрывно связано с изучением тех физиологических основ, на которых держится и зиждется этот субъективный мир человека. Для того чтобы не впасть в идеализм или не впасть в дуализм, необходимо строить научное знание о человеке так, чтобы все стороны его высшей нервной деятельности были учтены и изучены связно, как проявление единой нервной системы человеческого организма" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1 С. 408). "Мы должны в нашей нервной системе, – продолжал Орбели, – уловить те факторы, которые ведут к тому, что от простого, объективно внешне протекающего и внешне доступного оценке процесса реагирования мы переходим к тому, что проявляем самосознание, осознание того, что на нас действует, обладаем способностью субъективного восприятия и укладывания его в наши определенно мыслительные процессы.

Это наиболее интересный момент эволюционной физиологии, в задачу которой входит выяснение основных физиологических механизмов, которые отличают человека от животных и дают ему возможность так сильно возвыситься над окружающей живой природой" (Там же. С. 445).

Этот постоянный целенаправленный интерес к человеку, его душевному миру, его переживаниям для Орбели представлял не только чисто научный, теоретический интерес (относительно раскрытия физиологических механизмов, основ его поведения, его отношения к окружающему миру), он неизменно проявлял его и в повседневной жизни, в быту, в отношении окружающих его людей – близких и дальних. Общеизвестно исключительно доброжелательное уважительное отношение Леона Абгаровича к людям, его готовность всегда прийти на помощь в трудные, тяжелые минуты. Равнодушие к людям он расценивал как признак подлости души. Двери его дома всегда были открыты для всех, телефон в его квартире никогда не замолкал. Здесь уместно напомнить эпизод из жизни Орбели. Окончив ВМА с золотой медалью, он участвовал в конкурсе на заграничную командировку, однако провалился. Е.И. Орбели, супруга Орбели, вспоминала в связи с этим: "Первая неудача послужила уроком – он познакомился с человеческими взаимоотношениями. Безразличное отношение к его неудаче произвело на него больше впечатления, чем сама неудача. За всю свою жизнь Леон Абгарович никогда никому не отказал в помощи при неудаче или затруднении, старался помочь по мере сил, всегда вспоминая ту горечь, которую он испытал сам" (Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 20).

В горестные периоды жизни, которых на его долю выпало немало, Орбели вспоминал слова любимого им армянского ашуга Дживани:

"Как дни зимы, дни неудач недолги тут: придут–уйдут.

Всему есть свой конец, не плачь, придут–уйдут".

О том, что Орбели был мужественным человеком и гражданское мужество проявлял не только как ученый при отстаивании научной истины, но и при защите прав и жизни репрессированных, также хорошо известно. Однако до последнего времени конкретные факты оставались недоступными. В архиве РАН мы нашли документы о хлопотах и ходатайствах Орбели. Среди руководителей страны он имел неплохие отношения с К.Е. Ворошиловым, и он пользовался этим в интересах невинно пострадавших.

В архиве имеются документы, свидетельствующие о ходатайствах Орбели по реабилитации будущих академиков Е.М. Крепса, А.А. Баева, профессоров В.В. Опеля, Л.А. Зильбера, Л.Т. Загоруйко, известного физикохимика, профессора Ленинградского политехнического института Л.А. Ротиняна, научных работников: А.Л. Попова, Н.Н. Улащик, Н.Н. Кузнецова, стенографистки М.Э. Остен-Сакен, М.Ф. Штробиндер, жены венгерского профессора Г. Мансфельда – Гезы Мансфельд.

Памятуя слова Эйнштейна о том, что моральные качества замечательного человека имеют, вероятно, большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения, мы считаем важным привести свидетельства современников об Орбели как о человеке, в котором все было прекрасно: и лицо, и душа, и поступки.

Вот как описывает свое первое впечатление об Орбели студент С.В. Аничков, в будущем известный фармаколог, после прослушивания пробной лекции Леона Абгаровича в качестве приват-доцента ВМА в 1913 г.: "Леон Абгарович посвятил свою первую лекцию и демонстрацию опыту Шеррингтона о реципрокных двигательных рефлексах спинного мозга. Леон Абгарович сам оперировал подопытную кошку, но был без халата, одетый в парадный мундир военного врача. Очевидно, так полагалось быть одетым доценту. Лицо Леона Абгаровича, сосредоточенное на операции, было серьезным и напряженным. Но меня поразили и невольно привлекли правильные черты его красивого лица, обрамленного, как смоль, бородой. Лекция и демонстрация Леона Абгаровича прошли вполне удачно" (Там же. С. 33).

А.П. Бресткин, основной помощник Орбели по физиологии водолазного труда, пишет о нем как о человеке "выдающихся способностей, широко образованного, мудром и исключительно доброжелательном" (Там же. С. 37). Орбели был прекрасным собеседником. Каждый, кто у него бывал, уходил с чувством большого удовлетворения. Он умел интересно и ясно рассказывать, умел в то же время слушать собеседника и направлять разговор в нужное русло, создавать неприужденную обстановку. Он отрицательно относился к "машинной музыке" (патефоны, радио).

Другой помощник Орбели А.В. Войно-Ясенецкий пишет о том, что Орбели любил общаться с сотрудниками в непринужденной обстановке – дома, на даче, на праздничных вечерах в институте: "Леон Абгарович любил эти праздники. Он иногда пел вполголоса забавные куплеты, пританцовывая при этом, замечательно рассказывал всегда к месту анекдоты, неисчерпаемые запасы которых хранила его феноменальная память. За стол садились, не разбирая чинов с семьями. Эти вечера играли не последнюю роль в создании атмосферы дружбы и энтузиазма, в которой работал коллектив Института" (Там же. С. 52). Войно-Ясенецкий пишет о моральной поддержке Орбели в трудные для него годы. Эта поддержка чувствовалась повсеместно, особенно со стороны президента АН СССР А.Н. Несмеянова. В Президиуме АН СССР достаточно было сказать, что человек приехал от академика Орбели, как немедленно перед ним открывались все двери даже в неприемные дни (Там же. С. 58).

Твердость характера Орбели умел сочетать с сердечностью, глубокий ум ученого с организаторским талантом. Н.А. Итина пишет: "Леон Абгарович был очень приветливым, снисходительным к человеческим слабостям и очень щедрым человеком, щедрым во всем... Нельзя забыть его радушия, его улыбающихся красивых глаз. Его улыбка покоряла, пленяла и вдохновляла" (Там же. С. 118–119).

В.Г. Самсонова и Л.И. Мкртычева вспоминают: «Нечестность и обман даже по пустяковому случаю приводили Леона Абгаровича в чрезвычайное раздражение. В лаборатории авиамедицины значительная часть сотрудников прибыла с фронта, а их одежда естественно требовала замены. Он распорядился это сделать, и интендантская служба выполнила приказ, но выдала одежду не по размеру и не по форме, установленной для старшего офицерского состава. Когда Леон Абгарович увидел нас в новой форме, у него даже усы "встали дыбом". "Пусть женщины выйдут" сказал он и позвонил по телефону. Через час интендантская служба доставила в лабораторию все, что полагалось. Единственный раз мы были свидетелями такого приступа гнева, обычно Леон Абгарович был очень приветлив и мягок в обращении с людьми» (Там же. С. 145–146).

Н.Н. Трауготт отмечает: "Начинающие научные работники учились у Леона Абгаровича умению не забывать своих учителей, терпимо относиться к критике, считаться с чужими идеями и в то же время отстаивать свои взгляды. Этому способствовало то, что Леон Абгарович сам с глубоким уважением и признательностью рассказывал о своих родителях, об учителях, которым он был обязан первыми шагами в науке, об ученых, с которыми ему приходилось сталкиваться. Заражающее влияние на молодежь несомненно оказывала непримиримость Леона Абгаровича в вопросах, имеющих принципиальное значение" (Там же. С. 151). "Я благодарен судьбе за то, – продолжала Трауготт, – что мне довелось знать Леона Абгаровича и работать с ним – с великим ученым и великим человеком" (Там же. С. 153).

Первый декан основанного в 1942 г. командно-медицинского факультета ВМА генерал А.С. Георгиевский подчеркивал: из непосредственного общения с Леоном Абгаровичем "я получил наглядный урок исключительно умного, уважительного, подлинно интеллигентного руководства работой подчиненных. Эту настоящую школу делового общения, которой я всегда стремился следовать в своей дальнейшей организаторской, научной и педагогической деятельности, мне преподавал Л.А. Орбели, за что питаю к нему чувство искренне сыновней признательности" (Там же. С. 81).

* * *

Жизнь и научно-общественная деятельность выдающегося физиолога XX в. Леона Абгаровича Орбели были насыщены научными и социально-культурными событиями исторического значения. Его научные интересы охватили почти все области физиологии – классической и современной.

Научная школа Орбели внесла значительный вклад в разработку проблем физиологии симпатической нервной системы и мозжечка, органов чувств, физиологии почек и боли.

Проблемы физиологии высшей нервной деятельности Л.А. Орбели разрабатывал на протяжении полувека, начиная с докторской диссертации и кончая последними исследованиями по высшей нервной деятельности человека. Исследования Л.А. Орбели и его учеников были сосредоточены на изучении взаимоотношений между деятельностью коры головного мозга и подкорковыми образованиями, роли врожденных и приобретенных (условных) рефлексов в формировании целостного поведения. Заслугой Л.А. Орбели и его школы является создание эволюционной физиологии.

Идеи Орбели с неослабевающим интересом и успехом разрабатывают его ученики и последователи в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова в Петербурге и Институте физиологии им. Л.А. Орбели в Ереване. Прошедшие после смерти ученого годы свидетельствуют о жизнеспособности и долголетию школы Орбели, определившей пути развития фундаментальных проблем физиологии для многих поколений ученых.

Помимо большого научного наследства, Л.А. Орбели завещал будущим поколениям ученых бесценный духовный и моральный потенциал: любовь и верность гуманистическим традициям отечественной науки, мужество в отстаивании научной истины. До конца жизни Леон Абгарович сохранил принципиальность, требовательность и бескомпромиссность в вопросах науки и нравственности.

Всю свою жизнь Л.А. Орбели шел прямым и доброжелательным путем, чувствуя ответственность перед людьми за свои слова и поступки.

Доктор медицинских наук *Н.А. Григорьян*

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРОГРАММА 2-й БЕСЕДЫ МЛАДШЕГО ВРАЧА ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА ЛЕКАРЯ ОРБЕЛИ "О НОВОМ МЕТОДЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ"¹

I. Влияние психических инсультов на отделение слюны и других пищеварительных соков.

II. Механизм "психического" слюноотделения. Ассоциация или "условный рефлекс".

III. Характеристика условных, или ассоциационных, рефлексов.

IV. Возможность образования искусственных ассоциаций (условных рефлексов).

V. Тожество искусственных условных рефлексов с естественными.

VI. Слюнная железа может служить показателем реакции животного на внешний мир.

VII. Мысль воспользоваться искусственным условным рефлексом для изучения законов ассоциации как основа методов (проф. И.П. Павлов).

VIII. Значение этого метода для физиологии органов чувств.

IX. Обзор фактов, добытых лабораторией проф. Павлова: 1) в области зрения, 2) слуха, 3) осязательных и термических раздражений, 4) обоняния, 5) вкуса.

С.-Петербург. 6 февраля 1906 г.

Младший врач Гвардейского экипажа

лекарь Л. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф.

УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ С ГЛАЗА У СОБАКИ¹

ВВЕДЕНИЕ

Жизненные отправления животных распадаются на две группы: один ряд явлений относится к взаимодействию различных частей организма, другой касается отношений организма, как целого, к окружающей его среде. В то время как явления первого порядка всегда составляли предмет физиологического изучения, к большей части явлений второго рода не только в обыденной жизни, но и в науке постоянно прилагается субъективная, психологическая мерка: их рассматривают всегда как проявления психической деятельности; при помощи их стараются составить знание о душевной жизни животных. В ряду биологических наук особое место занимает наука, специально изучающая душевную жизнь животных — зоопсихология. Не говоря уже о том, что сама зоопсихология вся сводится к бесконечному ряду спорных вопросов, по которым авторы не могут прийти к соглашению, в последнее время в литературе возникла жестокая полемика относительно законности самого существования зоопсихологии как науки. Предста-

вители одной из сторон утверждают, что психология животных должна прекратить свое существование, что она не может существовать наряду с другими науками, что психологическое истолкование тех или других отпавлений животных ошибочно и не может быть правильно обосновано; они предлагают отказаться совершенно от мысли изучать душевную жизнь животных и уничтожить сравнительную психологию, заменив ее сравнительной физиологией нервной системы. Противная сторона, наоборот, утверждает, что существование сравнительной психологии не только законно, но и необходимо, что обойтись без психологического толкования действий животных нельзя, что одной физиологии нервной системы недостаточно для объяснения всей сложности дела. Мы не станем вдаваться в подробное изложение всей этой полемики, а постараемся в общем виде выяснить, как должна относиться наука к тем или другим отправлениям животных, чтобы знания об этих отправлениях были достоверны, так как целью научного исследования является достоверное знание. А для этого обратимся к той философской дисциплине, задачу которой составляет проверка достоверности нашего знания, т.е. к теории познания. Изложим сперва в самых общих чертах сущность теории познания, а затем представим на ее суд вопрос о душевной жизни животных.

Выполнить свою задачу теория познания может путем ответа на два вопроса: 1) при каких условиях наши суждения могут иметь значение знания? и 2) в каких пределах осуществлены эти условия, т.е. каковы пределы возможного для нас знания?

Для теории познания особенно важен тот факт, что в каждой науке имеется ряд общих синтетических суждений, которые сами не доказываются, но на которые опираются все остальные суждения. Так, в геометрии любая теорема логически выводится из предыдущей, эта предыдущая – из другой и т.д., но в конце концов мы всегда наталкиваемся на аксиому, высказанную в форме общего синтетического суждения (напр., "всякая прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками") и принятую без доказательств. А между тем на таких принятых без доказательств аксиомах и зиждется вся геометрия. Точно так же и в эмпирических науках имеется ряд принятых без доказательств общих синтетических суждений, составляющих основные принципы этих наук. Напр., в естествознании опыт доставляет нам лишь одно или несколько единичных синтетических суждений, которые мы проверяем сообразно методам той или другой науки и из которых выводим путем индукции суждения общие. А если рассмотреть сущность этого индуктивного обобщения, то окажется, что оно состоит в подведении полученных из опыта данных под принцип единообразия природы. Если этот принцип единообразия правилен (иначе говоря, если достоверно общее синтетическое суждение: "все в природе подчинено закону единообразия"), то правильны и все наши обобщения, если опровергнуть его, то рухнет и все естествознание. Точно то же относится и к другим принципам естествознания и к частным случаям закона единообразия, напр. закону причинности и проч. Ведь значительную часть работы естествоиспытателя составляет изучение причинной связи явлений, а между тем достоверность самого-то закона причинности естествоиспытатель принимает без доказательств. В основе всего естествознания лежит ряд общих синтетических суждений, составляющих принципы естествознания и вместе с тем принятых естествознанием без доказательств, точно так же, как в основе математики лежит ряд недоказанных аксиом. И если задачу теории познания видеть в проверке достоверности нашего знания, то ясно, что эта задача сведется к проверке достоверности тех общих синтетических суждений, которые составляют основные принципы различных наук, но принимаются этими науками без доказательств.

С первого взгляда может показаться, что достоверность этих идей, например идеи причинности, может быть доказана опытным путем, т.е. что идея причинности

возникает у нас из опыта*. Но в действительности это невозможно. Ведь причинной зависимостью мы называем такую зависимость между явлениями, что возникновения явления X вполне достаточно для возникновения явления Y, что вместе с X всегда возникает Y, без всяких добавочных условий. Если допустить, что идея причинности возникает у нас только потому, что мы в опыте постоянно наталкиваемся на причинную связь, т.е. постоянно замечаем, что вместе с X возникает Y, то все-таки для того, чтобы сделать эту причинную связь законом и распространить на всю природу (т.е. считать, что X всегда будет сопровождаться явлением Y), мы должны уже допустить существование принципа единообразия: ведь в силу беспредельности пространства и времени объять опытом всю природу невозможно. А самый принцип единообразия природы не может быть, в свою очередь, выведен из чистого опыта ни путем дедукции, т.к. дедукция требует для своих обобщений готовых общих суждений, а опыт доставляет только единичные суждения, ни путем индукции, так как всякая индукция и состоит в подведении единичных фактов опыта под принцип единообразия природы. Но если бы даже мы могли путем опыта доказать достоверность закона причинности, то у нас возникает вопрос, достоверно ли все, что мы выводим из опыта: ведь опыт-то самый мы считаем достоверным потому, что рассматриваем его как причину наших ощущений, т.е. сама достоверность опыта основана на законе причинности, который мы хотим доказать путем опыта. Из этого явствует, что к изучению природы мы уже всегда приступаем с известным рядом недоказуемых опытом общих синтетических суждений, без помощи которых мы не можем обойтись, если не хотим ограничить наши знания простым протокольным описанием данных опыта. Эти суждения, которые не могут быть оправданы ни посредством одного лишь опыта, ни посредством выводов, сделанных из данных опыта индуктивным или дедуктивным путем, и которые тем не менее необходимо должны быть достоверными, чтобы было достоверно знание, выходящее за пределы простого описания данных опыта, называются со времени Канта *априорными суждениями*. Априорным же называется и всякое знание, не зависящее от опыта.

Понятно, таким образом, почему современная критическая философия, по примеру Канта, и ставит на решение теории познания вопросы: раз априорное знание, т.е. знание, не зависящее от опыта и вместе с тем достоверное, должно быть допущено, если допускается знание, выходящее за пределы простого констатирования данных в опыте фактов, то 1) каковы условия, при которых заведомо годно априорное знание, т.е. при каких условиях знание, не основанное на опыте, может быть достоверным? 2) в каких пределах осуществлены эти условия, иначе говоря, каковы пределы возможного для нас знания? Для того чтобы правильно ответить на эти вопросы, критическая теория познания должна подвергнуть огульному сомнению все, чему мы приписываем характер знания, и посмотреть, не останется ли все-таки чего-нибудь такого, что мы уже никоим образом не можем подвергнуть сомнению, что мы будем знать непосредственно и необходимым образом, несмотря на сомнение во всем решительно. И оказывается, что какому бы огульному и беспощадному сомнению мы не подвергли все наше знание, одно знание останется вне сомнений: это само сознание – "я сознаю".

Я могу подвергнуть сомнению все решительно, но в существовании своего сознания я не могу сомневаться: самое это сомнение есть уже проявление сознания, т.е. того, что "я сознаю". И вот это-то непосредственное и несомненное знание – "я сознаю", уверенность в существовании собственного сознающего "Я" и составляет априорное знание: ведь это знание остается и в том случае, если подвергнуть сомнению существование всего мира, т.е. всего, что составляет опыт. Априорное

* Так и думали представители одного из докантовских направлений – эмпиристической философии (эмпиризма). (Примеч. авт.)

знание составят и все те идеи, которые необходимым образом связаны с существованием сознания, без которых сознание не могло бы существовать. И эта *тесная и неразрывная связь с несомненно существующим сознанием есть единственная гарантия достоверности наших идей*. Следовательно, наши знания могут быть достоверны лишь при том условии, чтобы: 1) априорные идеи, неизбежные при построении знания, составляли необходимые формы нашего сознания (без этих идей мы не можем строить знания, а достоверность их доказать не можем – единственной гарантией их достоверности может служить только необходимая связь с самим сознанием); 2) чтобы предмет, о котором мы строим знание, был продуктом нашего сознания, ибо необходимые формы нашего сознания будут необходимо реализованы во всех продуктах сознания, т.е. во всем сознаваемом нами мире (взятом в том виде, как он нами сознается, нам представляется), но еще не должны быть реализованы в вещах, существующих помимо нашего сознания.

Для понимания дальнейшего хода рассуждений критической философии надо уяснить следующие понятия, установленные Кантом. Вещи в том виде, как они нам представляются, как они доступны нашему сознанию, Кант называл *явлениями*, а вещи в том виде, как они существуют сами по себе, помимо нашего сознания, – *вещами в себе*. Наивное мышление полагает, что вещи и существуют сами по себе в том именно виде, как представляются нам, как мы их воспринимаем, но с критической точки зрения такое понимание вещей по меньшей мере преждевременно: ведь каковы бы ни были вещи вне нашего сознания, раз они становятся доступными нашему сознанию, то будут сознаваться лишь так, как может их воспринимать наше сознание, лишь сообразно с законом нашего сознания; и весьма возможно, что мы представляем себе вещи совсем не такими, каковы они сами по себе, возможно даже, что вещей в себе вовсе и не существует, а вещи, воспринимаемые нами в опыте, являются лишь продуктом нашего сознания, не имеющим никакой абсолютной реальности. Поэтому-то теории познания необходимо различать явления, или воспринимаемые нашим сознанием вещи, от вещей в себе.

Наряду с этим Кант впервые провел границу между всем тем, что остается в пределах существующего или возможного для нас опыта, и всем тем, что выходит за пределы всякого возможного для нас опыта. Кант и называл *все, доступное нашему опыту*, – *имманентным*, или чувственным, *все, выходящее за пределы нашего опыта*, – *трансцендентным*, или сверхчувственным. Напр. центр земли, хотя его еще никто не воспринимал в опыте, есть вещь имманентная, т.к. вполне возможно, что при известных условиях мы и доберемся до центра земли: в нем нет ничего недоступного нашим чувствам. Гелий, в то время как еще не был открыт, был вещью имманентной. Бог, душа – трансцендентны, так как по самой организации наших познавательных способностей мы никогда не можем воспринять их в опыте. Поэтому-то и ясно, что весь воспринимаемый нами в опыте имманентный мир состоит из явлений, а все вещи в себе, т.е. вещи в том виде, как они существуют помимо нашего сознания, относятся к трансцендентному миру.

Путем анализа сознания, т.е. путем рассмотрения, что составляет необходимую принадлежность сознания, такую принадлежность, без которой сознание не могло бы осуществиться, критическая теория познания приходит к заключению, что: 1) высшие априорные идеи, служащие принципами знания, действительно составляют неизбежные формы нашего сознания и потому обладают несомненною и обязательною реальностью, 2) весь эмпирический, т.е. данный нам в опыте, мир есть продукт нашего сознания, построенный сообразно с неизбежными формами нашего сознания, есть мир явлений: ведь какова бы ни была природа сама по себе, вне нашего сознания, раз она сознается нами, представляется нам, то сознается так, как может воспринимать ее сознание, лишь сообразно с законами нашего сознания.

А потому несомненной и обязательной реальностью обладают и все те положения, которые получаются от применения априорных идей к эмпирическим данным, иначе говоря, достоверны наши знания о природе. Ведь изучение-то природы и состоит в выяснении, как реализованы в данной нам природе априорные идеи (т.е. как реализована в природе связь предметов и их свойств, причинная зависимость явлений и проч.).

Ход рассуждений критической философии может быть представлен в общих чертах так. Сознание существует лишь постольку, поскольку сознается что-нибудь: если отнять у нашего сознания все его содержание, т.е. все, что нами сознается и создавалось прежде, то от сознания ничего не останется. Сознание состоит в сознании чего-нибудь. И все это содержание сознания, все создаваемое нами и составляет мир явлений, т.е. воспринимаемый нами в опыте внешний и внутренний мир. Возникает, следовательно, вопрос, что же в создаваемом мире, т.е. в мире явлений, существует само по себе и что составляет продукт сознания. Критическая философия отвечает, что весь эмпирический мир есть продукт нашего сознания, т.е. наше представление, но представление наглядное, объектированное, неизбежно являющееся нам как противостоящий нам объект. Неизвестно, существуют ли вещи помимо сознания или нет; если существуют, то вполне ли соответствуют нашему об них представлению или только являются причиной возникновения наших представлений, не будучи нисколько похожи на них: несомненно известно только то, что наши ощущения (т.е. субъективные продукты нашего сознания) неизбежно являются нам как свойства противостоящих нам и независимых от нас вещей. Это противопоставление нашего "Я" с "не-Я" составляет неизбежное правило: мы ничего не можем сознать иначе, как в форме противостоящего нашему "Я" предмета, как в форме "не-Я" — невозможно; "Я" существует лишь при противопоставлении с "не-Я". Это правило, по которому «"Я" без "не-Я" пусто», составляет основной закон сознания — закон объектирования. Следовательно, всякое сознание состоит в объектировании ощущений, т.е. в представлении и понимании их, как чего-то, противостоящего моему "Я", как "не-Я". А получается такое опредмечивание оттого, что продукты сознания, ощущения производятся сознанием не как попало, а в строго определенной закономерной связи и притом неотделимо от пространства и времени. Все, что мы познаем, мы познаем в пространстве и во времени: без пространства и времени мы ничего не можем представить. Поэтому кажется, что хотя ощущения наши субъективны, суть продукты нашего сознания, но зато независимо от нашего сознания существует время и пространство; но именно эта неизбежность для всех ощущений времени и пространства, а также невозможность представить себе и их без каких-либо ощущений, т.е. без наполняющих их предметов и событий, доказывают, что то пространство и время, с которыми мы встречаемся в опыте, суть не самостоятельно существующие вещи, а лишь неизбежная форма, в которой сознаются наши ощущения: ощущения и их комбинации могут быть чрезвычайно разнообразными, но связаны они всегда пространством и временем, объектируются непременно в пространственной и временной форме. Следовательно, то время и то пространство, которое мы познаем, суть формы нашего сознания, и притом такие, которые сами объектируются, т.е. представляются нам существующими независимо от нас и противостоящими нам объектами. Такой вывод критическая философия считает единственно правильным; ведь тот факт, что все создаваемое нами связано с пространством и временем, которые кажутся нам самостоятельно существующими, свидетельствует только, что мы ничего не можем сознать иначе, как в форме пространства и времени, которые сами объективируются, но из этого еще не следует, что пространство и время суть самостоятельно существующие вещи: весьма возможно, что пространства и времени, как вещей в себе, и не существует, а если они и существуют, то ничем не похожи на доступные нам пространство и время, что существует несколько разных пространств и времен. Каковы пространство и время сами по себе, вне нашего сознания; мы не знаем; несомненно лишь то, что наше пространство и время суть лишь субъективные, но необходимые формы нашего сознания, подчиненные закону объектирования. Благодаря пространственной и временной связи, наши ощущения представляются нам стоящими вне нас, но этим еще не исчерпывается закон сознания: наши ощущения не только представляются находящимися

вне нас, но еще и понимаются, как независимые от нас вещи, самостоятельно существующие и являющиеся причиной нашего знания о них.

А такое понимание или признание своих ощущений объектами возможно лишь при условии, если ощущения будут возникать не как попало, а в определенной, закономерной, не зависящей от нашего произвола связи: неизбежная закономерность и независимость от произвола только и могут заставить ощущения казаться нам объектами. Под влиянием этой закономерности наивное мышление и думает, что мы имеем в опыте вещи в себе. Но из анализа сознания мы убеждаемся, что закономерная связь наших ощущений есть только необходимая форма нашего сознания: мы ничего не можем сознавать иначе, как объектируя свои ощущения, иначе как понимая их объектами, следовательно, мы производим свои ощущения в закономерной связи, придающей нашим ощущениям объективный характер. А если поглубже рассмотреть эту закономерную связь, то оказывается, что мы при всяком сознании необходимо подводим наши ощущения под известный ряд общих понятий, напр. под понятия вещи и ее свойств, причины и действия и проч. Раз ощущения сознаются нами, т.е. объектируются, то это и значит, что ощущения кажутся нам свойствами вещей и притом такими, которые являются причинами нашего знания об этих вещах и т.д. Вот эти-то понятия, под которые сознание неизбежно подводит свои продукты, следовательно объектирующие понятия, Кант назвал категориями. И если выразить в форме суждений ту связь, которая устанавливается в категориях, то получим ряд общих синтетических суждений: "ничто не возникает без причины" и т.д.

Итак, объектирование достигается благодаря тому, что субъективные продукты нашего сознания – ощущения – связываются, во-первых, с представлениями пространства и времени, а во-вторых, подводятся под категории, так что между ними устанавливается закономерная связь. Иначе говоря, создаваемые нами объекты (явления) насквозь субъективны: они состоят из ощущений, связанных сообразно с законом нашего сознания. А так как весь данный нам в опыте имманентный мир есть мир создаваемых нами вещей, мир явлений, то и он должен быть подчинен тем законам сознания, тем необходимым формам его, без которых сознание не может осуществляться: ведь мир существует для нашего сознания постольку, поскольку создается, а сознаться может не иначе, как существующим в едином пространстве и времени и подчиненным той закономерной связи, которая высказывается категориями. Из субъективных элементов сознания ощущения отличаются непостоянством и разнообразием, а представления времени и пространства и связь, мыслимая в категориях, имеют всеобщее и необходимое значение, составляют необходимые формы сознания. Разнообразием ощущений объясняется разнообразное содержание природы, неизбежные же формы сознания (пространство, время и категории) обуславливают единообразную, закономерную связь явлений.

Из всего этого можно сделать вывод: высшие априорные идеи, служащие принципами знания (причинность, закономерность), составляют неизбежные формы сознания, а потому обладают несомненной и обязательной реальностью. А так как весь эмпирический, т.е. данный нам в опыте, мир есть продукт нашего сознания, построенный сообразно с неизбежными формами сознания, то несомненной и обязательной реальностью обладают и все те положения, которые получаются от применения априорных идей к эмпирическим данным, иначе говоря, достоверны наши знания о природе. Ведь изучение-то природы и состоит в выяснении, как реализованы в данной нам природе априорные идеи (т.е. как реализована в природе связь предметов и их свойств, причинная зависимость явлений и проч.).

Но из этого вытекает с неизбежностью и другой вывод: *априорные идеи достоверны только в применении к имманентному миру, т.е. к тому миру явлений, с которым мы имеем дело в опыте, но отнюдь не к трансцендентному миру, не к миру вещей в себе*: как неизбежные формы сознания априорные идеи должны быть реализованы только в продуктах сознания. А трансцендентный мир, не воспринимаемый нами в опыте, не создаваемый, не есть продукт сознания; а потому у нас нет оснований распространять априорные идеи на трансцендентный мир, т.е. за пределы нашего сознания. А следовательно, мы не можем, по самой организации

нашего сознания, иметь достоверное знание о трансцендентном мире: воспринимать его в опыте мы не можем, а строить о нем априорное знание не имеем основания, так как достоверность априорных идей гарантирована только в пределах сознания.

А вместе с тем неразрешимы и все вопросы, относящиеся к самому сознанию: напр., почему сознание подчинено именно закону объективирования, а не какому-нибудь другому? Вопрос этот не разрешим, потому что искать причину, по которой сознание подчинено именно закону объективирования, в эмпирическом мире нелепо: сам эмпирический мир есть продукт сознания, построенный сообразно с законом объективирования; искать причину в трансцендентном мире, напр. ссылаясь на Бога, на духовную субстанцию и проч., — не можем: в таком случае мы распространили бы априорные идеи (именно, идею причинности) на трансцендентный мир, и наш вывод не имел бы никакой достоверности, так как достоверность априорных идей для трансцендентного мира ничем не гарантирована.

Следовательно, знание о нашем сознании может состоять только в констатировании факта сознания и необходимых его форм, т.е. закона объективирования, но отнюдь не в отыскании причин такой именно, а не иной организации сознания.

Итак, на поставленные себе вопросы критическая теория познания отвечает: 1) априорное знание возможно потому, что оно составляет неизбежную форму нашего сознания; 2) априорное знание достоверно в том случае, когда предметами знания являются продукты того же сознания; 3) условие достоверности априорного знания осуществлено только в пределах доступного для нас опыта, т.е. только в имманентном мире явлений, и не осуществлено в мире трансцендентном; 4) а так как без применения априорных идей мы не можем обойтись при построении знания, то и возможное для нас достоверное знание ограничено пределами имманентного мира, о трансцендентном же мире мы не можем иметь достоверного знания; мы можем высказывать о нем с одинаковым правом прямо противоположные взгляды: ни один из них не может быть ни доказан, ни опровергнут.

К тому же выводу о невозможности достоверного знания о трансцендентном мире можно прийти еще и иначе. Допустим даже, что априорные идеи, т.е. необходимые формы нашего сознания, реализованы не только в продуктах сознания, т.е. в имманентном, данном в опыте мире, но и в мире трансцендентном, выходящем за пределы возможного опыта, в вещах в себе.

Но ведь априорные идеи сами по себе знания еще не составляют, а суть лишь формы для знания, которые надо наполнить каким-либо содержанием. При изучении имманентного мира содержание берется из опыта, формы наполняются данными опыта; напр., знание о причинной связи явлений мы получаем лишь тогда, когда подводим под закон причинности (форму) данные, полученные из опыта (содержание). При построении же трансцендентного знания содержание взять неоткуда: приходится в качестве содержания вместо данных опыта брать предположения, каждое из которых можно заменить противоположным. Напр., можно допустить, что душевные явления суть порождения особой духовной субстанции, и можно, наоборот, допустить, что души как особой субстанции не существует, а все явления, физические и психические, суть порождения одной материальной субстанции. Путем ряда добавочных предположений можно каждый из этих взглядов так развить, что оба они не будут противоречить данным в опыте фактам, оба будут иметь видимость знания, но оба будут одинаково неопровержимы и недоказуемы, ибо оба основаны на предположениях; ни один из этих взглядов не составит достоверного знания.

Посмотрим теперь, чем является для теории познания вопрос о душевных явлениях вообще и о чужих душевных явлениях в частности. Может ли у нас быть достоверное знание о них? Для этого надо рассмотреть состав имманентного мира и выяснить, входят ли туда душевные явления или они трансцендентны.

Основной закон сознания состоит в противопоставлении понятия "Я" с понятием "не-Я". Выражается это противопоставление в том, что одна часть продуктов сознания (ощущения) объединяется в понятие "не-Я" и является через это моему сознанию, как противостоящие моему "Я" вещи, как внешний мир; но наряду с этим в сознании возникает еще ряд других продуктов, которые объединяются понятием "Я", связываются с ним и являются сознанию, как состояния моего "Я", как мой внутренний мир. Без такого разделения продуктов сознания между двумя объединяющими понятиями не могло бы существовать противопоставления "Я" с "не-Я", т.е. не могло бы быть сознания. Два мира – внешний и внутренний – составляют неизбежное условие сознания. Они оба вместе составляют имманентный мир, являющийся предметом нашего знания, и неизбежно дополняют друг друга: внешний мир существует лишь в противопоставлении с внутренним, внутренний – в противопоставлении с внешним.

Но из этого ясно, что в *имманентном мире мы имеем дело только со своими душевными (внутренними) процессами; мы можем воспринимать в опыте только свой собственный душевный мир. Душевная жизнь всякого другого существа, даже всякого другого человека, есть предмет трансцендентный*, выходящий за пределы возможного для нас опыта.

А следовательно, факт существования чужой душевной жизни, как и всякий трансцендентный предмет, не может служить предметом достоверного знания: чужих душевных процессов мы не можем воспринимать в опыте непосредственно, не можем строить об них и априорного знания. О чужой душевной жизни мы можем высказывать прямо противоположные взгляды: я могу одинаково и признавать и не признавать чужую душевную жизнь, могу считать и тождественной с моей и не тождественной; ни одно из этих положений не может быть ни доказано, ни опровергнуто, так как и для доказательства и для опровержения пришлось бы прибегнуть к априорным идеям, напр. к идее причинности (рассматривая душевную жизнь какого-нибудь существа, как причину его поступков), а между тем достоверность априорных идей гарантирована только в пределах имманентного мира.

Как трансцендентный предмет вопрос о существовании душевной жизни животных не может быть предметом науки: область ее ограничена имманентным миром. Все попытки к научному решению вопросов об одушевленности животных, о сознательности или бессознательности реакций, называемых инстинктивными, и прочее – всегда останутся бесплодными попытками: к какому бы решению ни пришел исследователь, ему всегда можно выставить прямо противоположное воззрение, и опровергнуть его он не может. Вопрос об одушевленности чистым знанием решен быть не может, он составляет предмет веры. Этим и объясняется, что при всех попытках к его разрешению в виде основной предпосылки произвольно берется какое-нибудь положение, принятое на веру, без доказательств: ни одно из этих произвольно принятых положений не может быть доказано. А от различия этих предпосылок зависит и все разнообразие полученных ответов.

В своем исследовании "О пределах и признаках одушевленности" и в лекциях по психологии проф. А.И. Введенский приводит еще следующие доказательства невозможности решить вопрос о чужой одушевленности вообще. Ведь мы отлично можем решить вопрос об одушевленности каждого существа, если только нам удастся найти такие физиологические явления, относительно которых можно было неоспоримо доказать, что они не могут быть там, где нет душевной жизни, т.е. объективные признаки одушевленности. Но найти их можно только в том случае, если разделить все существа на одушевленных и неодушевленных и путем сравнения выяснить, какими же объективными признаками отличаются все заведомо одушевленные существа от неодушевленных: эти признаки и будут объективными признаками одушевленности. Но для того чтобы разделить все существа на одушевленные и неодушевленные, надо уже иметь объективные признаки одушев-

ленности, а их-то мы и ищем. Следовательно, мы попадаем в круг: для отыскания признаков чужой одушевленности нужно знать, какие существа одушевлены, а какие нет, а для этого надо знать объективные признаки одушевленности.

Единственным заведомо одушевленным существом являюсь я сам. Остается искать объективные признаки одушевленности путем самонаблюдения. А для этого нужно или прекратить свою душевную жизнь и посмотреть, какие физиологические процессы исчезнут вместе с ней, или, наоборот, поглядеть, какие физиологические процессы возникают впервые вместе с возникновением душевной жизни. Ни тот, ни другой способ не осуществим, так как оба требуют самонаблюдения в то время, когда производить самонаблюдение нечем: один по прекращении душевной жизни, другой до ее возникновения. Следовательно, и путем самонаблюдения нельзя установить объективных признаков одушевленности. А вместе с тем не может быть и достоверного знания о чужой душевной жизни.

И действительно, если я вздумую отрицать душевную жизнь во всех существах кроме меня самого, то никто не сумеет меня опровергнуть. Даже мой собеседник не может доказать мне своей одушевленности, если я вздумую ее отрицать. Все его разговоры, жесты, доводы я буду объяснять, как чисто физиологические реакции на те раздражения, которые я ему посылаю; всю его деятельность я буду объяснять, как работу очень тонкой и хорошо организованной, но бездушной физиологической машины. И никакие уверения моего собеседника в том, что у него есть душевная жизнь, не докажут мне этого. Нет ни одного физиологического процесса, который нельзя бы было объяснить без душевных явлений. Но если кроме меня существует в мире хоть одно одушевленное существо, то оно может точно так же отрицать существование моей душевной жизни и истолковывать всю мою деятельность начисто, как работу бездушной физиологической машины. А между тем для меня моя душевная жизнь стоит вне всякого сомнения. Следовательно, даже там, где душевная жизнь существует наверное, сопутствующие ей телесные (физиологические) процессы совершаются по собственным своим законам так, как если бы душевной жизни и не было.

А из этого вытекает ряд важных следствий.

1) Мои душевные явления не переходят в физические, и наоборот: психические и физические явления не могут быть звеньями одного и того же ряда процессов. Они представляют два ряда параллельно протекающих процессов. А если и кажется, что они порождают, вызывают друг друга, то это указывает лишь на существование между ними закономерной связи, так что при возникновении определенного душевного состояния возникает определенный физиологический процесс, и наоборот.

Этот вывод и составляет так называемый принцип эмпирического параллелизма. Он чужд всякой метафизики и представляет простое констатирование данных в опыте фактов. (Вопрос же о том, чем обусловлен такой параллелизм, каков внутренний механизм этой связи душевной и телесной жизни, о том, являются ли они двумя сторонами одной и той же сущности или проявлениями двух различных субстанций, вопрос этот, касающийся души и тела, как вещей в себе, а потому трансцендентный, относится к области метафизики. Ответ на него не может быть дан знанием и составляет дело веры.)

2) Всякие физические процессы, даже в моем теле, я должен изучать так, как если бы психических явлений и не существовало.

3) Найти объективные признаки одушевленности невозможно, так что невозможно составить никакого знания о существовании чужой душевной жизни. А потому я одинаково не могу ни утверждать, ни отрицать ее, а вместе с тем одинаково могу и допускать и не допускать ее – это составит предмет моей веры.

Итак, все рассуждения приводят к тому выводу, что о существовании душевной жизни животных не может быть достоверного знания, а, следовательно, факт

существования душевной жизни животных не может составлять предмета науки: он относится к области веры. Для науки важно, что физиологическая деятельность животных нисколько не меняется в зависимости от того, сопутствуется ли она какими-либо душевными (субъективными) состояниями или нет. Наука не только может, но и должна строить такое знание об этой физиологической деятельности, которое не было бы непременно образом связано с признанием или отрицанием душевной жизни животных, а такое знание и получится в том случае, если при изучении функций животного организма, даже самых сложных, исследователь будет оставаться в пределах строго объективного физиологического изучения, рассматривая физиологическую деятельность в зависимости от различных условий физического мира, не задумываясь над явлениями психическими, так, как если бы последних и не существовало бы вовсе. В таком случае все результаты его исследований будут иметь полную достоверность и не внесут в науку ничего предвзятого, основанного на вере; они одинаково будут мириться как с признанием, так и с отрицанием душевной жизни животных.

Сторонники субъективного психологического метода утверждают, однако, что современное состояние физиологии не позволяет построить такого знания о функциях животных, которое удовлетворяло бы жизненные отправления во всем их объеме. Они доказывают на этом основании, что необходимо, в известных случаях, прибегать к психологическому анализу деятельности животных: если даже такое знание носит условный характер, то все-таки оно имеет по крайней мере утилитарное значение, так как позволяет предсказывать поступки людей и животных при различных условиях.

Однако такой прием едва ли можно считать удовлетворительным: если современное состояние физиологии не может охватить всю деятельность животных, то из этого не следует, что физиологический метод должен быть брошен с известного момента; физиолог должен вывести физиологию из современного состояния, расширить ее так, чтобы она могла охватывать все более и более широкий круг жизненных отправлений. А для этого нужно прежде всего окинуть взором современную физиологию и поискать причин столь недостаточного ее развития. И, оказывается, среди этих причин важное место занимает именно то обстоятельство, что большинство физиологов, дойдя до более или менее сложных отправлений центральной нервной системы, бросало физиологический метод, переходило на чуждую, субъективную точку зрения.

Почти все отправления центральной нервной системы изучались не сами по себе, а в их отношении к сознанию, громадные исследования посвящались спорам о сознательности или бессознательности той или другой нервной деятельности и т.д. Перед более сложными функциями нервной системы физиологи останавливались, считая их достоянием психологии. В лучшем случае были лишь попытки физиологического истолкования готовых психологических законов. Физиология центральной нервной системы лишалась, таким образом, самостоятельного, независимого от психологии развития, которое одно только и может считаться строго последовательным и вполне законным*.

В последние годы у физиологов и биологов появляется стремление освободиться от чуждой субъективной точки зрения и дать начало самостоятельному,

* Это последовательное строго объективное, физиологическое изучение деятельности животных, однако, не исключает изучения психологического: ведь мы имеем полное право допустить в качестве рабочей гипотезы существование чужой душевной жизни и истолковывать различные отправления животных, еще не изученные физиологией с точки зрения психологической, т.е. так, как если бы они являлись объективными признаками душевных явлений, но: 1) такое субъективное изучение не только не должно исключать изучения физиологического, а само-то имеет значение лишь до тех пор, пока физиология не охватывает всех жизненных явлений; 2) всегда следует помнить, что при этом предметом знания служит не душевная жизнь, а физиологическая, психические же явления приняты в качестве рабочей гипотезы – правило, которое забывается большинством зоопсихологов. (Примеч. авт.)

строго физиологическому изучению функций нервной системы. Ряды этих сторонников объективизма заняли видные имена Лёба, Т. Бэра, Бете, Икскулля, Циглера, Ньюэля и др.

Успехи такого объективного изучения несомненны: достаточно указать на установленное в последние 10–15 лет учение о так называемых "тропизмах" и "таксисах", как одних из важнейших форм реакции низших животных на внешние раздражения. Систематическое, строго объективное изучение этих реакций привело к знанию таких деталей, для объяснения которых, быть может, оказалось бы недостаточным современное психологическое знание.

Однако такой объективный взгляд до последнего времени применялся почти исключительно к низшим организмам. Распространение его на весь животный мир составляет необходимое условие дальнейшего развития физиологии. Пример физиологии низших животных дает уверенность, что строго объективный метод, чуждый всякой метафизики и выявляющий закономерную связь между отправлениями животного организма и условиями внешней среды, позволит физиологии ввести, наконец, в рамки естествознания наиболее сложные явления окружающей нас природы*.

* * *

Таково в самых общих чертах, современное состояние учения об условных рефлексах. Попробуем дать теперь характеристику этого учения.

Прежде всего, нужно отметить, что оно вполне удовлетворяет требованиям современной теории познания: оно изучает физиологическую деятельность, совершенно не касаясь тех психических процессов, которыми она, может быть, сопровождается. Следовательно, это учение строго объективное и естественнонаучное, не заключающее в себе ничего метафизического. Из этого уже ясно, насколько ошибочны те два мнения об этом учении, которые очень часто складываются у лиц, поверхностно с ним знакомых: одно мнение приписывает ему материалистический характер, другое видит в нем отрицание душевной жизни (субъективных состояний) у животных. Как учение чисто эмпирическое, изучающее лишь физиологические процессы, учение об условных рефлексах не включает в себе ни утверждения, что психическая и материальная сторона тождественны, ни отрицания душевной жизни у животных.

CURRICULUM VITAE

[1916 г.]**

Левон Абгарович Орбели, армяно-григорианского вероисповедания, сын статского советника, родился в 1882 году. Среднее образование получил в Тифлисской 3-й гимназии, курс которой окончил в 1899 г. с золотой медалью. В том же году поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию. Студентом 3-го и 4-го курсов работал в гистологической лаборатории проф. Лавдовского по гистологической технике и в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины под руководством профессора И.П. Павлова над специальной темой. За экспериментальное исследование "Сравнение деятельности пепсиновых желез до и

* Пособиями при составлении введения служили: 1) *А.И. Введенский*. Лекции по логике, психологии и истории философии. 2) *А.И. Введенский*. О пределах и признаках одушевленности. СПб., 1892. 3) *А.И. Введенский*. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. СПб., 1890. 4) *Виндельбанд*. Философия Канта. СПб., 1895. 5) *Ф. Паульсен*. Эммануил Кант, его жизнь и учение. СПб., 1899. (Примеч. авт.)

** Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

Curriculum vitae.

Александр Григорьевич Орбели, армянско-фран-
цузский биологический, сын Симонов
Сованна, родился в 1882 году. Среднее
образование получил в Мифтинской 3-ей
гимназии, курс которой окончил в 1899.
с золотой медалью. В этом же году
поступил в Императорскую Военно-Меди-
цинскую Академию. Вступил в 3-ю и 4-ю
курсы работы в физиологический Лабо-
ратории проф. Павлова по физиоло-
гическим методам и в физиологическом
офтальмологическом Институте
Медицины под руководством профессора
К. Н. Кельера над эмбриональным
За экспериментальное исследование "Сфиро-
не дитоматическая реакция крови и
и после введения в кровь Гидрохлорид
серы" удостоен Конференцией В.-М. Ака-
демии золотой медали. В ~~1904~~¹⁹⁰⁴ окончил
курс Академии со степенью магистра
и с отличием также поступил на службу
в Морское Военное Медицинское Бюро
сначала 2-го флотского, а потом Тихоо-
кеанского флота. В мае 1905 г. по Санкт-
Петербургу составил практический физиоло-
гический Офтальмологический Императорский
Институт Медицины, а с сентября
1907 по 1 января 1909 г. назначен на за-
ведующего физиологическим Офтальмо-
логическим. В 1905-1907 г. сдал при Военно-Медицинской
Академии докторские экзамены, в 1908
по защите диссертации удостоен степени

после перерезки ветвей блуждающих нервов" удостоен Конференцией Военно-медицинской академии золотой медали. В 1904 г. окончил курс Академии со степенью *medicus cum eximia laude** и поступил на службу в морское ведомство младшим врачом сначала 2-го флотского, а потом гвардейского экипажа. С мая 1905 г. по сентябрь 1907 г. состоял практикантом физиологического отдела Императорского Института экспериментальной медицины, а с сентября 1907 по 1 января 1909 г. – помощником заведующего физиологическим отделом.

В 1905–1907 гг. сдал при Военно-медицинской академии докторские экзамены, в 1908 г. по защите диссертации удостоен степени доктора медицины. Конференцией Военно-медицинской академии по конкурсу избран в заграничную командировку на 1909 и 1910 годы с научной целью. Во время командировки работал: в физиологических лабораториях Лейпцигского, Гиссенского и Кэмбриджского университетов, в анатомической лаборатории при Психиатрической клинике в Лейпциге и в Физиологическом отделе Международной Морской биологической станции в Неаполе.

По возвращении из командировки избран прават-доцентом Военно-медицинской академии по кафедре физиологии (с 3 декабря 1911 г.), а с февраля 1913 г. состояющим штатным доцентом при той же кафедре. Одновременно с этим исполняю обязанности помощника заведующего Физиологическим отделом Института экспериментальной медицины¹, состояю преподавателем Высших женских курсов П.Ф. Лесгафта и членом Совета Петроградской биологической лаборатории².

Имеет печатные труды:

1. "Сравнение деятельности пепсиновых желез до и после перерезки"***.
12. "Об условиях деятельности препилорического сфинктера".
13. "К вопросу об иннервации кишечных желез".

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ФИЗИОЛОГИИ ПЕТРОГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

[1922 г.]***

Кафедра физиологии Петроградского медицинского института¹ со дня основания ее и до 29 января 1919 г. находилась в заведовании профессора Вартана Ивановича Вартанова. Сведения о ходе учебных занятий и научных работ при кафедре за время до 1912 г. напечатаны в "Отчете о состоянии и деятельности СПб медицинского института за 1908–1912 гг." (СПб, типография Б.М. Вольфа, 1914). Со времени последнего отчета (1912) учебная деятельность кафедры выразилась в чтении лекций (6 ч в неделю), ведении обязательных практических занятий (9 ч в неделю) и беседах по прочитанному курсу.

В период великой Европейской войны с 1914 по 1917 г.² деятельность кафедры была совершенно расстроена, т.к. помещение лаборатории было занято лазаретом для раненых и больных воинов; для подготовки лекционных опытов была предоставлена одна небольшая комната при аудитории, а практические занятия приходилось вести в другом здании в комнатах минералогической и химической лабораторий. Возможность научной работы была, конечно, совершенно исключена.

С 1917 по 1919 г. хотя кафедре и было возвращено помещение физиологической лаборатории, но восстановлению научной деятельности мешали осложнения,

* Врач с отличием (лат.). (Примеч. сост.)

** Далее опущена часть списка работ Л.А. Орбели. Полный список трудов Л.А. Орбели за 1908–1916 гг. см.: Леон Абгарович Орбели. М.: Наука, 1994. 126 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Сер. биол. наук. Физиология; Вып. 17). (Примеч. сост.)

*** Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

связанные с первым наиболее бурным революционным периодом. За время с 1912 по 1919 г. из физиологической лаборатории вышли следующие печатные работы:

1. Цитович И.С. Происхождение и образование натуральных условных рефлексов. Дис. СПб, 1911.
2. Цитович И.С. Сборник задач по физиологии.
3. Цитович И.С. О так называемых вазомоторных психорефлексах. Русский физиол. журн., т. I, 1918.
4. Цитович И.С. и Смирнов А.И. Безусловные слюнные рефлексы у собак, лишенных головного мозга.
5. Тонких А.В. К вопросу об условных рефлексах у старой собаки. Труды Общества русских врачей в СПб. 1913/14.
6. Тонких А.В. Условный рефлекс и тормоз на железы желудка. Там же.

В 1917 г. после многолетних упорных хлопот профессоров В.И. Вартанова и А.А. Лихачева основано было Общество российских физиологов имени И.М. Сеченова, и первый съезд общества происходил в апреле 1917 г. в помещении физиологической лаборатории медицинского института. С этого времени и благодаря трудам тех же лиц начал издаваться Русский физиологический журнал, редактором которого был избран на съезде проф. Б.И. Слобцов.

29 января 1919 г. погиб от руки убийцы проф. В.И. Вартанов. Медицинский институт совместно с Военно-медицинской академией и рядом ученых обществ почтил память покойного торжественным заседанием. Краткий биографический очерк с характеристикой личности и деятельности покойного, составленный Л.А. Орбели, напечатан в Русском физиологическом журнале имени Сеченова, т. II, 1920.

После смерти проф. В.И. Вартанова Совет медицинского института поручил временное заведование физиологической лабораторией приват-доценту и штатному прозектору Института Николаю Васильевичу Веселкину, а преподавание физиологии – приват-доценту института проф. С.М. Лукьянову и старшему физиологу Академии наук В.В. Савичу, исполнявшему в последние годы жизни В.И. Вартанова обязанности прозектора, ввиду отъезда штатного прозектора И.С. Цитовича. Такое временное положение продолжалось до мая 1920 г., когда на вакантную кафедру был избран профессор Л.А. Орбели.

В течение этого переходного времени деятельность лаборатории по необходимости являлась только учебной: занятие одной части лабораторного помещения вакцинной лабораторией д-ра А.И. Шингаровой, другой – студенческими организациями (сначала старостатом, потом кооперативом), отсутствие отопления, газа, света и каких-либо денежных ассигнований исключали возможность какой бы то ни было исследовательской работы, тем более что штатные ассистенты И.С. Цитович и А.В. Тонких оказались отрезанными благодаря военным событиям от Петрограда и ассистентские обязанности лежали на одном временном лице Л.М. Рабинковой.

Первой заботой вновь избранного профессора явилось освобождение лабораторных помещений от посторонних сожителей, на что потребовалось около полугода. Затем оказалось необходимым ввиду значительного увеличения числа студентов (450–600 на II курсе вместо прежних 100–120) добиться увеличения и формирования штата кафедры. В настоящее время штатный персонал кафедры состоит, кроме проф. Л.А. Орбели, из старшего прозектора, приват-доцента В.В. Савича, младших прозекторов А.В. Тонких, Л.М. Рабинковой, А.Н. Крестовникова (и других) и препаратора Е.Н. Сперанской. Благодаря прекращению военных действий и постепенному упорядочению условий жизни явилась возможность общими силами наладить и учебную и научную жизнь лаборатории. В настоящее время преподавание физиологии складывается: из лекций (4 ч проф. Л.А. Орбели и 2 ч приват-доцент В.В. Савич), обязательных практических занятий (в 1920–21 учебном году

480 слушателей проделали до пяти трехчасовых занятий каждая и коллоквиумов и проверка занятий из зачета по практикуму и экзамена).

С 1921 г. в лаборатории ведется ряд экспериментальных исследований как штатным персоналом, так и посторонними кафедре лицами: ординатором факультетской хирургической клиники З.И. Духиновой, прозектором кафедры анатомии З.М. Кисель, студентами медицинского института А.А. Ющенко, А.Г. Гинецинским, Е.И. Успенской, студентом ВМА А.Я. Кривицким, врачом Н.П. Нехорошевым. Начатые исследования частью закончены и опубликованы, частью опубликованы в виде предварительных сообщений, частью находятся в разработке.

Из лаборатории за 1921 и 1922 гг. вышли следующие работы: см. список № 1 (в списке 12 работ: исследования Духиновой, Кисель, Рабинковой, Тонких, Савич, Орбели, Гинецинского "О влиянии симпатических нервов на утомленную соматическую мышцу". Доклад на физиологической беседе. Русский физиол. журн., т. VI).

Ведется в настоящее время следующий ряд работ:

1. Духинова З.И. изучает влияние пережатия *lig. hepatooduodenale** на деятельность пищеварительных желез.
2. Кисель З.М. продолжает разработку вопроса регуляции деятельности почки со стороны одноименного надпочечника.
3. Кривицкий А.Я. изучает влияние абсентной эссенции на спинномозговой рефлекторный аппарат лягушки.
4. Гинецинский изучает влияние симпатических нервных волокон на основные свойства скелетных мышц.
5. Тонких собирает материал по физиологии поджелудочной железы, пользуясь новым комбинированным оперативным приемом.
6. Рабинкова Л.М. выясняет вопрос о скорости восстановления различных влияний блуждающих нервов при регенерации после перерезки.
7. Ющенко А.А. занят анализом влияния абсента на головной мозг лягушки.
8. Орбели и Ющенко выясняют способность различных органических материалов обезвреживать абсент.
9. Нехорошев Н.П. работает на выяснении механизма периодической секреции кишечных желез.

Научно-исследовательская деятельность некоторых лиц из состава кафедры не ограничивалась работой в физиологической лаборатории.

Так, проф. Л.А. Орбели за отчетный период сделал следующие доклады (кроме упомянутых в списке № 2):

1. Возбуждение и торможение как обязательные участники всякой нервной деятельности. Актовая речь в годичном соединенном заседании Научного института имени П.Ф. Лесгафта и Института физического образования и вступительная лекция в Медицинском институте (сентябрь 1920).
2. Научные основы физического образования и воспитания. Доклад на конференции по вопросам физического образования (сентябрь 1920).
3. О взаимоотношениях между биологией и химией. Актовая речь в Химико-фармацевтическом институте (сентябрь 1920).
4. О роли *hepato-pancreas*** у каракатицы. Доклад на 23-й физиологической беседе (совм. с Е.И. Орбели).
5. Материалы к физиологии кишечных желез.

Под руководством проф. Л.А. Орбели в физиологическом отделе Научного института имени П.Ф. Лесгафта выполнены и опубликованы следующие работы. См. список № 2.

* Пережатие лигатуры на печень и 12-перстную кишку (лат.). (Примеч. сост.)

** Печени-поджелудочной железы (лат.). (Примеч. сост.)

1. Крестовников А.Н. К вопросу о превращении аксолотля в амблистому. Известия Научного института имени Лесгафта. Т. II. 1920. С. 166–173.
2. Крестовников. К вопросу о секреции кишечного эрепсина. Там же. Т. III. 1921. С. 247–249.
3. Крестовников. К вопросу о физиологической роли микробов тонких кишок собаки. Там же. Т. V. 1922.
4. Крестовников. О влиянии некоторых органических кислот на связывание воды. Доклад на физиологической беседе, печатается.
5. Орбели и К.И. Кунстман. Демонстрация собаки с деафферентированной задней конечностью. Физиол. журн. Т. IV. 1921. С. 253–255.
6. Орбели и М.Б. Тетяева. О физиологической роли кислот. Известия Научного института. Т. III. 1921. С. 139–150.
7. Орбели и Д.С. Фурсиков. К анализу действия абсента на центральную нервную систему. Физиол. журн. Т. IV. 1922.
8. Тетяева М.Б. О физиологической роли кислот. Сообщ. 2-е. Известия Научного института. Т. III. 1921.
9. Тен-Кате Я.Я. К вопросу об иннервации сердца. Там же. Т. I. 1919.
10. Тен-Кате. Материалы к вопросу об отношении симпатических нервов к некоторым фармакологическим средствам. Там же. Т. IV. 1921.
11. Тен-Кате. О локализации паралича симпатических нервов сердца при отравлении кокаином и морфием. Там же.
12. Фурсиков Д.С. О влиянии абсента на центральную нервную систему лягушки. Русский физиол. журн. Т. IV. 1922. Доложено на XV физиологической беседе³.

Профессор Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 1–7. Автограф.

Старший преподаватель
Военно-медицинской академии,
профессор Леон Абгарович Орбели
Петроград.

Начальнику Военно-медицинской
академии¹

5 сентября 1923 г.

РАПОРТ

Согласно приказанию Вашего от 31 августа с.г. доношу, что во исполнение распоряжения начальника Главсанупра о совместительстве, считаю себя вынужденным отказаться от младшей и наименее ответственной из занимаемых мною должностей, именно от должности старшего преподавателя Военно-медицинской академии.

Л. Орбели.

Профессорские обязанности в Государственном институте физического образования² отнимают ничтожно мало времени и ничтожно оплачиваются, что же касается должности проректора по учебной части, то независимо от распоряжения Начглавсанупра я уже неоднократно возбуждал вопрос об увольнении меня от этой должности и теперь готов сделать это в более решительной и категорической форме.

Я неоднократно возбуждал ходатайство об освобождении меня от административных обязанностей, мне мало свойственных. В настоящее время я заявляю более решительно об отставлении меня от деятельности проректора³, преподавание

³ Академик Л.А. Орбели

же постепенно передаю заместителю; бросить сразу в несколько дней работу во вновь организованном учреждении, тем более в начале учебного года...

Совмещение службы в нескольких учреждениях имеет для меня значение не корыстное, так как весь заработок свой, за исключением суммы, необходимой на самое скромное существование с семьей, я расходую на осуществление научных исследований, ввиду крайней ограниченности средств, отпускаемых на содержание лаборатории.

Донеся изложенное, прошу об отчислении меня от Академии, если участие мое в преподавании студентам физиологии и в других сторонах деятельности Академии является в настоящее время излишним или нежелательным⁴.

Старший преподаватель академии
профессор Л. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф.

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ПЭРНА

[1924 г.]*

В лице покойного профессора Николая Яковлевича Пэрна¹ русская физиологическая наука потеряла одного из талантливейших и в высокой степени оригинальных представителей.

Экспериментальные труды Н.Я. Пэрна, из которых самым важным является его докторская диссертация, посвящены детальной разработке вопроса о физиологическом электротоне. При чтении их не знаешь чему больше дивиться – изяществу и совершенству постановки эксперимента, красоте изложения или глубокой продуманности его. В этом ряде работ Н.Я. Пэрна выдвинул два важных положения, имеющих с точки зрения общего учения о функциях нервной системы большое принципиальное значение: первое – это установление факта, что катэлектротон и анэлектротон характеризуются не только повышением и понижением возбудимости, но и выступающей наряду с этим уже с самого начала склонностью к падению возбудимости при катэлектротоне и к повышению при анэлектротоне.

Второе – это обнаружение противоположных изменений возбудимости на соседних анэлектротонических и катэлектротонических участках нервного волокна. Последнее явление впоследствии было тщательно разработано профессором Введенским и описано под названием перизлетротона.

Значение этих обоих фактов очень велико, так как они показывают, что явления так называемой индукции, как сукцессивной, так и симультанной, имеют место уже в изолированном кусочке нервного волокна.

К сожалению, обстоятельства (война) очень рано и надолго оторвали его из лабораторной работы и не дали возможности развиваться в полной мере его экспериментальным талантам. Однако они не могли помешать ему вести научно-исследовательскую работу иного порядка: путем самонаблюдения, систематической регистрации своих физиологических состояний, собирания, наблюдений над окружающими людьми и сопоставления их как с биографическими данными великих людей, так и с чисто лабораторным физиологическим материалом Пэрна приходит к установлению очень интересных соображений относительно ритмичности всех жизненных явлений. Его соображения, не могущие, конечно, претендовать на

* Датируется по дате смерти. (Примеч. сост.)

значение доказанных положений, являются, однако, очень ценными как объединяющие большое число очень разнородных жизненных явлений общими принципами и как исходная рабочая гипотеза, ставящая на очередь для экспериментальной разработки ряд вопросов.

Будучи наклонным к широкой популяризации научных данных, Пэрна написал ряд популярных статей по различным биологическим и физиологическим вопросам, разработал прекрасную сводку учения о внутренней секреции.

Широкий философский взгляд, большая эрудиция, глубокая вдумчивость характеризуют его труды как чисто научные, так и популярные.

[Л.А. Орбели].

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2. Автограф.

В ПРЕДМЕТНУЮ КОМИССИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

1924 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ходатайствую об оставлении в Институте для усовершенствования в области физиологии оканчивающего в нынешнем году курс наук в Институте Александра Григорьевича Гинецинского¹.

Выставляя эту кандидатуру, я руководствуюсь следующими основаниями. А.Г. Гинецинский еще студентом 3-го курса начал работать в заведываемой мною лаборатории. Получив для разработки очень трудную в техническом отношении и вместе с тем отнюдь не гарантированную в отношении успеха тему, он проявил исключительный интерес к делу, временами доходивший до энтузиазма, большую стойкость при различного рода затруднениях, отличное умение ориентироваться в вопросе и найти практический подход к делу, благодаря чему справился с очень трудной задачей и осуществил экспериментальное исследование, явившееся подтверждением высказанных мною теоретических соображений и внесшее существенный вклад в науку.

Работа Гинецинского "О влиянии симпатических нервов на функцию поперечно-полосатых мышц"² дает первые фактические основания для переворота в воззрениях на иннервацию мышц.

По мнению ряда авторитетных лиц, присутствовавших на докладе Гинецинского, его работа признана академиком И.П. Павловым за крупную физиологическую победу.

В дальнейшем Гинецинский уже по собственной инициативе и вполне самостоятельно выполнил второе исследование "О значении симпатической иннервации в течении стрихнинных судорог"³, которым в значительной степени дополнил и утвердил также свою первую работу.

Таким образом, Гинецинский является чрезвычайно талантливым, страстным и вместе с тем строгим к себе исследователем, обладающим самостоятельностью мысли и умением осуществить дело, то есть обладает самыми ценными для научного работника качествами.

Интересы физиологической науки требуют, чтобы ему была предоставлена возможность дальнейшего развития и усовершенствования, а интересы Института требуют, чтобы такой работник остался в его стенах⁴.

Проф[ессор] Л.А. Орбели.

Из личного архива А.Г. Гинецинского.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА В ПРАВЛЕНИЕ Л[енинградского] м[едицинского] и[нститута]¹

1929 г.

25 апреля 1929 г. по поручению Правления ЛМИ проректор по учебной части проф. А.А. Лихачев передал мне "Заявление" вр[еменно] и[сполняющего] д[олжность] ассистента моей кафедры А.А. Ющенко для ознакомления и дачи Правлению соответственных разъяснений. В связи с этим считаю долгом сообщить Правлению следующее:

1. 26 марта во время опыта Клаас не сама подошла ко мне и сказала о своем отказе от выдвиженчества, а я подозвал ее из соседней комнаты и спросил не забыла ли она подать заявление в исполбюро профсекции (как это было рекомендовано в заседании IV предметной комиссии председателем (?) СНО Пенжерковым). Клаас ответила, что не только подала заявление, но даже получила ответ отрицательный, подтверждающий старое решение СНО. На мой вопрос указаны ли ей мотивы отказа и если указаны, то какие и кем, она ответила что секретарь исполбюро официально указал ей три мотива: 1. Отсутствие у кафедры финансовых средств для ее работы. 2. Несоответствие социального положения и происхождения. 3. Обращение ее с жалобой в Предметную комиссию на действия СНО в обход исполбюро.

По поводу этих-то мотивов отклонения выдвиженчества Клаас, особенно странных новых длинных дебатов в заседании Предметной комиссии 15 марта, я очень раздраженно, очень резко стал говорить: "опять ложь, опять сплошной обман в обе стороны, опять старая история вытеснения работников из лаборатории". Ну разве же я не прав был в предметной комиссии, когда утверждал, что шкурная сволочь (этого выражения я не отрицаю!!) пускается на всякие выходки. И как это могло случиться, что после всех объяснений, данных мною неоднократно студенческим представителям и предметной комиссии, опять идет разговор об отсутствии средств, когда я все время доказываю, что нет средств, места и внимания для новых лиц, а старые работники уже устроены и работают, речь идет только о присвоении или неprisвоении им титула выдвиженца. Разве не ложь, что дочь крестьянина и крестьянки, не имеющих даже среднего образования и дослужившихся до должности счетоводов или бухгалтеров, трактуются как "социально-неподходящий элемент"? Разве не ложь обвинение Клаас в том, что она подала жалобу в предметную комиссию в обход исполбюро! Ведь в предметной комиссии сидело более 50 человек и все слышали, что речь шла о выяснении мною возможности увеличения числа выдвиженческих мест и представлении Клаас, как профессорской кандидатки, без конфликта со студентами! Таким образом, лица, занимающие общественное положение в организациях, систематически обманывали меня, утверждая, что число вакансий ограничено, а студенческим организациям говорили, что я загружен и не располагаю средствами для обеспечения работы Клаас, предметную комиссию обманывали утверждением, что Клаас не вела общественной работы, тогда как она работала в кружках СНО и пр., была ко мне направлена из СНО или, во всяком случае, рекомендовалась в СНО, скрывали от предметной комиссии п. 12 инструкции, наконец, теперь обманули исполбюро заявлением, что якобы Клаас жаловалась в предметную комиссию. Ну разве это не гадость, не самое низменное шкурничество? Ведь я уверен, что если об этом узнают высшие партийные организации, то эту сволочь вышвырнут из партии и из института, потому что она, прикрываясь партийными программами и инструкциями, в конце концов только делает пакости.

Так же, как в предметной комиссии, я ничего не говорил о шкурничестве "коммунистов", а осыпал бранью именно тех, кто позорит своими выходками партию!

В течение времени с 1 марта, когда возник вопрос о выдвиженцах, я неоднократно и очень резко высказывался в лаборатории в присутствии отдельных групп

работников, как партийных, так и беспартийных, что считаю все дело Клаас неправильным и незаконным приложением инструкций и вижу в этом только личные шкурнические проделки отдельных лиц, вертящих студенческими организациями, а никак не самих организаций, тем более не рассматривал это как проведение партийной линии или государственной политики.

2. Что касается моего разговора с проф. Савичем и Гинецинским в тот же день через несколько минут, то он начался с совета Савича успокоиться, не волноваться так из-за всякой мелочи и не подрывать свое здоровье. Я ответил, что считаю обязанностью профессора не только преподавать предмет, но и известное нравственное воздействие на студентов, что не могу равнодушно видеть, когда молодые люди делают гадости, когда люди, идущие уже на двух ногах и утеравшие клыки, ведут себя как первобытные звери, готовые перегрызть горло соседу, чтобы отнять кусок хлеба или вырвать стул, что нельзя проходить мимо таких фактов, хотя бы и мелких, спокойно, так как иначе у студентов составится представление, что так и надо. Что среди студентов обнаруживаются время от времени сволочи и шкурники, которым надо давать чувствовать, что их проделки всем ясны. В противном случае, они совершенно испортят молодое студенчество и будут создавать ненужные нападки друг на друга там, где этому не должно быть место. Свою резкую и непозволительную по форме аттестацию я действительно перенес, в частности, на студента Пенжеркова, которого имел основание считать одним из виновников всего инцидента, так как именно он хотел работать в моей лаборатории, но не мог быть принят из-за недостатка рабочих мест. Именно он внес в предметную комиссию отвод Клаас по признаку "чуждый" элемент, не марксистский элемент, не несший никакой общественной работы, не признающий студенческих организаций.

Таким образом, в изложении Ющенко я употребил слова "шкурники" и "сволочь", что словами "мало своей сволочи, надо еще выписать из Болгарии" я ясно показал свое отношение к студенту Пенжеркову и нанес ему оскорбление.

Ложно-измышленно утверждение Ющенко, что я обвинял в шкурничестве "коммунистов" и относил слова "шкурная сволочь" к "коммунистам". Все мои резкие разговоры, которые я вел в связи с делом Клаас, всегда заключали в себе обвинение отдельных лиц, своим поведением позорящих организации и партии, к которым они принадлежат, неоднократно грозил тем, что, в конце концов, придется довести до высших партийных организаций, чтобы очистить атмосферу от шкурнических проделок этих лиц. Об этом я говорил неоднократно и в прежние годы, когда с такой же горячностью заступался за обиженных комсомольцев и с таким же азартом поддерживал их интересы. Если бы я относил свои бранные эпитеты к партии и ее членам в общем, было бы странно с моей стороны ждать помощи со стороны партийных организаций, было бы странно хлопотать за партийных работников (в частности, и за Ющенко!!!) и оказывать им такое же внимание и помощь, как всем другим работникам моих лабораторий. В равной мере странно было бы обвинять студенческие организации, как таковые, и участвовать в работе их кружков, пытаться предварительными переговорами добиться согласования с ними (что я делал!!!).

Ввиду всего этого, я прошу Правление рассматривать мои резкие и неподходящие для лабораторной обстановки выражения направленными не против партии, не против членов ее вообще, не против студенческих организаций, а всех тех лиц вообще, которые в прошлом и теперь злоупотребляют своим положением, прибегают к незаконным и нечестным приемам для проведения своих дел, прибегают к сообщению ложных сведений и даже ложных отзывов. В отношении этих лиц я еще раз подтверждаю свое мнение, хотя очень буду раскаиваться, если оскорбляю кого-нибудь незаслуженно. В случае представления мне достаточных доказательств невинности отдельных лиц я готов даже дать им всяческое удовлетворение.

Вместе с тем считаю себя вправе просить Правление принять надлежащие меры контроля над поведением и техникой работы организаций, которые ведают отбором работающих в лабораториях студентов, дабы оградить меня от тяжелых потрясений, мешающих правильному ходу работы, оградить молодых научных работников от незаслуженных нападков, а доктору Ющенко разъяснить смысл и значение ложных политических доносов. Без этих гарантий я не представляю себе спокойной деловой работы в кафедре, и в случае невозможности дать их прошу освободить меня от службы в Институте.

Профессор Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 27–30. Автограф.

КОНСПЕКТ О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ОТ ПОЕЗДКИ В АМЕРИКУ (доклад Л.А. Орбели в Физиологическом институте АН СССР)

1 декабря 1929 г.*

В Америке физиологией занимаются около 900 человек. Они и отчисляли в пользу организации конгресса в течение трех лет.

На пароходе было 375 человек – делегатов конгресса, находились в течение 9 дней. Это была самая интересная деловая часть – собирались группами и делали доклады, обменялись мнениями в неофициальной обстановке – дебаты и прения в частном порядке.

На съезде 1600 участников – 1000 американских и 600 приезжих. 4 секции, в 4-х лабораториях – демонстрация опытов.

И.П. Павлову аплодировали 15 минут стоя.

Орбели был в Бостоне (Массачусетс), Нью-Йорке (одна неделя), Нью-Хавене (психологический конгресс), штат Коннектикут. Затем в течение 3-х недель объехал южные штаты – Огайо, Мериленд, Виргиния, был в городах Балтимора, Ричмонд, Черлот свипп. Затем были приглашения от клиник Мейо в Ротчестре, в штате Миннесота, от университета Чикаго и от двух Калифорнийских университетов (Беркли и Пэль-Альто).

С одной стороны, Орбели рассказывал о собственных исследованиях, выполненных в Первом Ленинградском медицинском институте, в Институте имени П.Ф. Лесгафта и в Военно-медицинской академии, с другой – знакомился с преподаванием физиологии в США.

Организация лабораторий и университетов. Особенностью является то, что в каждом штате имеется несколько университетов: государственные, муниципальные, частные, вольные. Частные университеты обставлены богаче и лучше государственных.

В Калифорнии два университета: государственный – в Беркли и вольный – Стэнфордский в маленьком городке Пель-Альто. Медицинские факультеты этих университетов вынесены в Сан-Франциско, ввиду наличия там клинического материала.

Отличия медицинского образования в Америке и у нас. В США обучение начинается с 2-х предмедицинских курсов: на первом курсе – физика, химия, ботаника, зоология и общая биология. После экзамена по этим предметам студент переходит на теоретический медицинский курс: два года изучает анатомию, гистологию, фи-

* Л.А. Орбели находился в Америке 62 дня и участвовал в работе XIII Международного конгресса в Бостоне и Конгресса психологов в Нью-Хавене. Основная часть доклада опубликована: *Орбели Л.А. Избр. труды.* Л.: Наука, 1968. Т. V. С. 124–134. Здесь приводятся те части доклада Орбели, которые не вошли в статью "Впечатления от поездки в Америку". (Примеч. сост.)

зиологию и биохимию. После сдачи экзаменов переходит на медицинский разряд. В течение 4-х лет – изучение клинических предметов, а из теоретических дисциплин: общая патология, патологическая анатомия, бактериология, таким образом, – 8-летнее обучение.

У нас преподавателями являются исключительно научные работники – исследователи. В США ограждают научных работников от преподавания.

Американская медицинская ассоциация оказывает огромное влияние на ход развития медицинской науки и образования. Все медицинские факультеты находятся под контролем этой ассоциации. Это мощная богатая общественная организация, оказывающая влияние на Правление университетов и министерство просвещения, на органы здравоохранения; фактически это руководящая организация.

Руководители Медицинской ассоциации жаловались на недостаточность квалифицированных кадров патологоанатомов. Для подготовки квалифицированных патологоанатомов они посылали молодых врачей в Германию.

Платная система обучения: в Гарвардском, Калифорнийском университетах обучение стоит 3000 долларов.

Студенты самостоятельны – нет никаких нянек. Каждый сам должен выработать себе выход из тяжелого положения.

Состав советской делегации: И.П. Павлов, Л.А. Орбели, А.Ф. Самойлов, Б.М. Завадовский, Л.С. Штерн, А.В. Палладин, Г.В. Фольборт и П.С. Купалов.

Где больше возможности работать в области физиологии: в США или у нас? Наши материалы были встречены с большим интересом, как перспективные. Но дальнейший ход наших исследований будет зависеть: во-первых, от материальных условий, во-вторых, от развития смены. Пока все, кто работает в области физиологии, воспитаны до революции. Материальные ресурсы американских университетов превосходят все университеты мира. Невероятные средства ассигнуются на создание университетов и научно-исследовательских институтов, библиотек, новой аппаратуры, новой техники.

На вопрос встречался ли Орбели с русскими профессорами? А.А. Максимов скончался. Виделся с В.Н. Болдыревым (Батл-Крик, США, имеет собственную лабораторию), с Б.П. Бабкиным (Канада, сначала [он работал] в Галифаксе, теперь – в Монреале).

Американские ученые были очень заинтересованы в нашем участии в конгрессе и посещении университетов – сделали все для облегчения нашего участия в конгрессе. Каждый из нас был приглашен в тысячу мест: в госпитали, в лаборатории, в частные дома. Я лично провел половину времени в домах научных работников: на расхват приглашали, отношение было самое хорошее. К Павлову было совершенно исключительное отношение. При его появлении все 1600 делегатов вставали и делали бурную овацию. По согласованию с Оргкомитетом его доклад как исключение был сделан на русском языке. Анреп (профессор Каирского университета) переводил доклад – фразу за фразой. Это дало возможность публике видеть как Павлов говорит и читает в обычных условиях.

На Психологическом конгрессе то же исключительное внимание – Павлов был избран вице-президентом конгресса. Вторым лицом на конгрессе после Павлова был Леон Фредерик из Бельгии.

У нас было поручение от Советского правительства – приглашение на следующий конгресс в СССР...¹

Политический строй в СССР очень интересовал американцев, но они не имеют правильного представления – сведения случайные, которые приносят им те или иные туристы.

Наше положение было очень трудное: ни один из нас не имел полномочий освещать политическое положение нашей страны. Мы были делегированы для освещения хода научной работы и представления научного материала.

Были ли случаи желания работать у нас? Молодые научные работники – 5–6 человек – спрашивали: можно ли приехать к нам для выполнения специальной научной работы у Павлова и у меня. Я мог только ограничиться тем, что дал свое согласие – обещал ходатайствовать о разрешении нашей властью и указал пути и органы, к которым нужно обращаться за разрешением работать.

Со стороны Рокфеллеровского фонда² сейчас ведутся переговоры с нашими Наркомздравом и Наркомпросом, чтобы обеспечить приезд молодых работников сюда. Это будет для нас в высшей степени важно и выгодно, так как вслед за приходом сюда молодых американских работников для усовершенствования пойдут и средства для обеспечения их работы. Так, по крайней мере, было во всем мире.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–26. Машинопись с авторской правкой.

ТИПОВАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ-ФИЗИОЛОГОВ НАУЧНОГО ИНСТИТУТА имени П.Ф. ЛЕСГАФТА

1930 г.

Первый год, первая половина: повторение основного курса физиологии в объеме программы медицинского факультета путем обязательного участия во всех видах учебных занятий на кафедре физиологии одного из медицинских вузов (посещение лекций, семинаров, практикумов, демонстраций). Более обстоятельное изучение физиологии путем участия в занятиях повышенного типа для курсов усовершенствования врачей, аспирантов и выдвиженцев. Специальный и расширенный практикум по некоторым отделам физиологии. Проработка тех же отделов по большому практикуму. Ознакомление с одним из специальных методов исследования в целях подготовки к экспериментальной работе. Посильное участие в общелaborаторных работах (операции, сложные опыты, студенческие кружки).

II. По специально подготовительным дисциплинам: элементарный практикум по общей химии и практикум по физике.

Второй и третий годы используются для проведения экспериментов по теме диссертации и написания диссертации.

III. Изучение одного из иностранных языков (предпочтительно немецкого – упрочнение и углубление знания). Желательно знание двух языков, при больших успехах начало знакомства с третьим...*

Добавление к основному плану.

Производственная практика может осуществляться либо в выходные дни в течение трех лет, либо путем выделения месячных сроков из всех трех лет в исследовательских институтах и на производстве.

Первый год: в исследовательских институтах прохождение всех форм лабораторного труда начиная с работы лабораторных служителей и техников, механиков, лаборантов в целях изучения ухода за лабораторными животными, специально за оперированными, приемов ремонта и чистка приборов, приготовление реактивов.

Второй год: участие в исследовательской работе какого-либо исследовательского института на положении лаборанта-техника или работа в оптико-механических, стеклодувных, электротехнических и других мастерских для ознакомления с техникой изготовления научных приборов.

Третий год: участие в какой-либо прикладной работе обследовательского типа

* Далее опускается часть текста с изложением распределения времени аспиранта для изучения специальности и иностранных языков. (Примеч. сост.)

или экспедиции, либо командировка в другую лабораторию или биостанцию для изучения специальных методов работы.

Трехлетний период должен быть использован следующим образом: не менее 65% времени – на работу по специальности и проработку своего предмета в практикумах и по литературным источникам¹; 15% – на сопредельные дисциплины; 15% – на диалект и методологию естествознания; 5% – на иностранные языки.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 27 Д. 213. Л. 148–150. Автограф.

СПРАВКА-ХАРАКТЕРИСТИКА¹

19 октября 1930 г.

Дана для предъявления в аспирантскую комиссию Академии наук СССР.

Научный сотрудник Государственного университета Армении Езрас Асратович Асратян дважды был командирован своим университетом ко мне для усовершенствования: один раз на три месяца, второй раз на срок около 1/2 лет. Он показал себя выдающимся научным работником, полным энтузиазма и энергии, жаждующим знания и деятельности. В короткий срок он овладел целым рядом трудных и важных методов исследования, научился оперировать, выполнил несколько ценных работ. Особенно большую ценность представляют его работы о влиянии иссечения шейных симпатических узлов на течение условных рефлексов. По возвращении в г. Эривань он самостоятельно наладил жизнь лаборатории, подготовил оперированных животных и организовал несколько исследований по физиологии, к которым привлёк молодых научных работников из числа студентов.

В настоящее время он снова командирован в Ленинград на два года, работает у меня в Научном институте имени Лесгафта. Асратян является, безусловно, подходящим кандидатом в аспирантуру при Академии наук².

Профессор Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

АДРЕС, ПРОЧИТАННЫЙ Л.А. ОРБЕЛИ В ДЕНЬ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.В. САВИЧА*

1930 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Васильевич.

Кафедра физиологии ЛМИ горячо и искренне приветствует Вас, одного из старейших своих работников, в день тридцатилетия Вашей научной деятельности. Тридцать лет плодотворной, полной оригинальности и творческого огня работы создали Вам репутацию большого специалиста и видного научного авторитета в области физиологии пищеварения и внутренней секреции. Кафедра физиологии гордится тем, что в течение последних десяти лет Вы находили время и силы для участия в ее работе. Она должна быть Вам особенно благодарна еще и потому, что, отдавая ей в течение десяти лет труд и внимание, Вы делали это не только совершенно бескорыстно, но иногда в ущерб себе, руководствуясь исключительно жаждой обучения молодежи и желанием помочь в той или иной форме, в той или иной мере своим товарищам по специальности и школе. И нельзя не отметить, что Вы не раз оказали и Институту и его работникам неоценимые услуги, выручая из

* Частично опубликован в книге: *Лейбсон Л.Т.* Леон Абгарович Орбели. М.: Наука, 1973. С. 98–99. (Примеч. сост.)

очень затруднительных подчас положений. Нужно ли бессрочно заменять ассистента кафедры, уехавшего в отпуск на неопределенное время, нужно ли принять на себя большую часть преподавания на вакантной кафедре, нужно ли разгрузить переобремененного профессора или преподавателя, нужно ли помочь советом в предпринятой научной работе, нужно ли оказать кому-либо временную материальную поддержку, нужно ли предотвратить какой-либо конфликт между отдельными лицами или группами лиц, нужно ли замолвить слово за кого-либо из молодежи и робких работников, нужно ли порадоваться успеху товарищей, нужно ли подбодрить в минуту неудачи или несчастья, – Владимир Васильевич всегда налицо и всегда готов помочь.

И все это Вы делали с таким доброжелательством, с такой естественной простотой, что далеко не все могли оценить важность и размер Вашего участия и полную его бескорыстность. Но мы, ближайшие Ваши товарищи по работе, высоко ценим Вашу помощь и сознаем все величие Вашей натуры.

Позвольте же, дорогой Владимир Васильевич, воспользоваться сегодняшним торжественным и радостным для нас днем, чтобы хоть раз выразить словами те чувства любви, уважения и благодарности, которые мы все всегда питаем к Вам.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф.

ХОДАТАЙСТВО В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ АСРАТЯНУ Э.А. ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ

[1933 г.]*

Из числа аспирантов Академии наук СССР, работающих под моим руководством, особенные успехи, способность и интерес к делу проявил аспирант Асратян Эзрас Асратович. Он выработался в научного работника, способного вести личную самостоятельную исследовательскую работу и организовать таковую на новом месте и вовлечь молодых сотрудников.

Все это заставляет меня привлечь к аспиранту Асратяну внимание Президиума Академии наук и ходатайствовать о предоставлении ему заграничной командировки для дальнейшего совершенствования.

Наиболее целесообразным считаю командировать его в Англию для работы в лабораториях профессора Sherrington'a в Оксфорде и Adrian'a в Кембридже. Наиболее благоприятным сроком командировки считаю один год, начиная с 1 сентября 1933 года.

Выбор указанных лабораторий объясняется тем, что Асратян все время работал в области физиологии нервной системы и руководство профессора Sherrington'a необходимо, чтобы успеть закончить экспериментальную работу¹.

Профессор Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

ОТЗЫВ ОБ АСПИРАНТЕ АКАД(ЕМИИ) НАУК
АСРАТЯНЕ ЭЗРАСЕ АСРАТОВИЧЕ

Ленинград.

5 июля 1933 г.

Давая последний заключительный отзыв о работе аспиранта Асратяна Э.А., оканчивающего III курс Основного отделения¹, считаю нужным отметить следующее:

1. Асратян выбился благодаря исключительной энергии, трудоспособности и таланту из тяжелого положения мальчика-беженца из Турецкой Армении сначала в студенты, а потом в научные работники.

2. Он окончил два вуза – сельскохозяйственный и медицинский, и со студенческой скамьи начал научную работу, к которой пристрастился, как это доступно только исключительным натурам. Побывав несколько раз в научных командировках из Еревана в Ленинград, он систематически прошел все то, чего не получил в своих вузах, овладел большим рядом необходимых приемов исследования, выполнения нескольких научных (экспериментальных) работ, после чего организовал в Ереване практикум по физиологии для студентов и поставил исследовательскую работу, в которую вовлек молодых работников-студентов и ассистентов медицинского, педагогического и сельскохозяйственного вузов Еревани. Работы их частью опубликованы – доложены в обществах, на съездах и напечатаны.

3. Три года тому назад Асратян зачислен в аспирантуру Академии наук. Все три года проработал с большим азартом, увлечением, не щадя сил, и в результате этого при своих редких способностях достиг очень многого. Он значительно усовершенствовал свой русский язык и почти ликвидировал недочеты в писании научных статей, недочеты, зависевшие от недостаточного знакомства с русским языком. Он вполне овладел английским и немецким языками настолько, что начал на них свободно объясняться и читать. Это дало ему возможность овладеть громадной литературой по нескольким разделам физиологии. Этими литературными богатствами он действительно овладел, так как прочитанную литературу он прочувствовал и понял до мельчайших подробностей. Вполне успешно развивалась его экспериментальная деятельность как в моей лаборатории, так и в лаборатории академика И.П. Павлова.

В результате он должен в ближайшее время закончить несколько работ большого научного значения. Между прочим, некоторые его работы начаты им по собственной инициативе. На основании всего этого Асратян должен быть характеризован, как один из талантливых, серьезных научных работников, вполне честно и успешно использовавших аспирантскую стипендию и достигших такого уровня развития, которое дает право на звание ученого специалиста и на занятие руководящей должности в вузе или исследовательском институте.

4. Успешный ход подготовки Асратяна дал мне основание возбудить ходатайство о командировании его за границу для дальнейшего усовершенствования. Ходатайство было поддержано академиком Павловым и командировка утверждена Президиумом Академии наук. Надо надеяться, что и высшие инстанции командировку утвердят².

5. Как отрицательную сторону считаю долгом отметить некоторую повышенную требовательность, несколько приувеличенное подчеркивание своей преданности науке, некоторое вуалирование окружающих научных работников, которое явилось в результате быстрого развития, больших успехов и вполне заслуженных, но, может быть, слишком частых похвал. Этот недостаток при наличии большого темперамента и научного энтузиазма может оказаться мешающим моментом для его дальнейших успехов, если не будет своевременно выявлен и скорректирован.

Несомненно, этим должен быть объяснен инцидент со мной³, который привел к перенесению незаконченных работ в лабораторию академика Павлова.

Заключение: Аспирант Асратян должен быть выпущен по истечении срока со званием ученого специалиста и использован для работы в Академии наук или вузе⁴.

Л. Орбели.

АРАН. Ф. 411. Оп. 14. Д. 10. Л. 18–19. Заверенная копия.

ОТЗЫВ О ПРОФЕССОРЕ ХАЧАТУРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ КОШТОЯНЦЕ¹

Москва.

26 ноября 1934 г.

Профессор Хачатур Сергеевич Коштоянц является одним из немногих в нашем Союзе представителей эволюционного направления в физиологии.

Характерно для него то, что он не только проводит эволюционное направление в своих экспериментальных работах, но работает и над вопросами методологии. Перу его принадлежат специальные методические работы.

Второй отличительной чертой является стремление исследовать один и тот же вопрос и в сравнительно-физиологическом и эмбриофизиологическом аспекте. Профессор Коштоянц работает не индивидуально, а с молодых лет стал руководителем группы работников. В результате явились интересные работы, объединенные в общий сборник².

По совокупности своих экспериментальных работ и работ, выполненных под его непосредственным руководством, профессор Коштоянц безусловно стоит выше кандидата биологических наук.

Но принимая во внимание отсутствие единого объединяющего многолетние исследования труда, я считал бы правильным предложить профессору Коштоянцу составить на основании имеющегося экспериментального материала сводный труд и защитить его как диссертацию на степень доктора биологических наук³.

Профессор Л. Орбели.

АРАН. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 190. Л. 11. Автограф.

В КВАЛИФИКАЦИОННУЮ КОМИССИЮ
ИНСТИТУТА ОЗДиП

ОТЗЫВ О ЛЬВЕ ГЕРМАНОВИЧЕ ЛЕЙБСОНЕ

[1935 г.]*

Врач Л.Г. Лейбсон имеет 9-летний врачебный и 12-летний научно-исследовательский стаж. Он начал научно-исследовательскую деятельность еще студентом 1-го Ленинградского медицинского института. В студенческие годы им была выполнена и доложена первая экспериментальная работа, касавшаяся вопроса о механизмах, регулирующих деятельность почек. В этой работе Лейбсон зарекомендовал себя как очень вдумчивый и активный научный работник, способный самостоятельно наладить себе необходимую методику исследования, проверить ее, вести исследование и литературно оформить результаты.

Оставленный аспирантом по физиологии в Научном институте имени Лесгафта Лейбсон с успехом проработал три года, после чего назначен старшим ассистентом Института ОЗДиП¹ по физиологической лаборатории. Параллельно с аспирантурой Лейбсон вел преподавание студентам 1-го курса ЛМИ в качестве препаратора, а потом временно исполняющего должность преподавателя.

* Датируется по дате присуждения Л.Г. Лейбсону степени кандидата биологических наук. (Примеч. сост.)

Лейбсон – автор девяти экспериментальных работ, двух обзорных статей, ряда популярных статей и половины "Краткого курса физиологии", составленного совместно с доктором Гинецинским. Лейбсон является фактическим организатором физиологической лаборатории Института ОЗДиП.

Из работ Лейбсона две статьи (под №№ 1 и 3 в приложенном списке трудов)², посвященные механизму регуляции мочеотделения, содержат в себе и полный литературный обзор предмета и ряд новых фактических данных по вопросу о роли надпочечных желез и симпатических нервов в регуляции мочеотделения. Обе статьи вместе значительно превышают требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям.

Принимая во внимание многолетний исследовательский стаж Лейбсона, большой преподавательский опыт, наличие ряда других экспериментальных работ, неоднократные выступления его с докладами на съездах, конференциях и научных собраниях, я полагаю, что степень кандидата биологических наук по специальности физиология должна быть присуждена ему без защиты диссертации³.

Академик Л. Орбели.

Личный архив Л.Г. Лейбсона. Автограф.

О КУЛЬТУРЕ ТРУДА И.П. ПАВЛОВА¹

(из выступления Л.А. Орбели на заседании Военно-медицинской академии, посвященном памяти И.П. Павлова)

Март 1936 г.

В духовной семинарии, где учился, Павлов отмечает интересную черту: выделение тех, кто проявлял интерес к какому-либо предмету, какую-то индивидуальную черту. Именно уловить этот интерес у каждого мы ставим коренной задачей всей профессуры при подготовке молодых научных кадров. В ближайшие дни, не далее, как завтра, мне придется выступать на собрании молодых научных работников, где будет обсуждаться вопрос о способах и размерах подготовки научных кадров, мне придется коснуться вопроса, как готовить аспирантов, молодых научных работников, стричь ли всех под одну гребенку или давать выход индивидуальным качествам отдельного человека. Иван Петрович подчеркивает важность оценки и оттенения отдельных индивидуальных качеств, чтобы дать таланту вырасти, а не дать заглухнуть под давлением равномерных, нивелирующих, сглаживающих требований какого-то стандарта.

Мы сплошь и рядом наталкиваемся на различные типы научных работников. Когда пропускаешь сквозь свои руки большое количество питомцев (я лично пропустил несколько десятков молодых работников), то видишь, как разны люди относятся к делу. Есть люди, которые по примеру Ивана Петровича готовы весь свой труд, все свои силы отдать на то, чтобы обслужить других и принять участие в общей жизни лаборатории или учреждения, в которых они работают, в таком размере, с таким энтузиазмом, с таким азартом, что диву даешься, как этот человек может все свое время отдавать в общий котел. Но попадаются и такие, которые сидят сложа руки и только требуют, чтобы их обслуживали. Старший должен обслуживать их, потому что он – руководитель, младший потому что он – наемный работник, товарищи должны обслуживать из товарищеских чувств; если же требуют помощи от него, то он говорит: "Я занят, у меня важная работа, я не могу отойти". Что же является более правильным, более выгодным? Иван Петрович говорил, что в течение ряда лет он отдавал свои силы обслуживанию других. И он достиг больших результатов. Это хороший пример для молодых научных работников.

Он был настолько честен научно, что один правильный, но проверенный и не подлежащий сомнению факт, противоречащий порой его многолетним наблюдениям, оказывался достаточным, чтобы он отказался от всех своих прежних результатов наблюдений. Факт был для него выше всех. И эта черта характеризовала его не только как научного работника, но и как гражданина и общественного деятеля. Он имел смелость также, как и в науке, так и в общественном отношении, громко и открыто заявлять там, где ему что-либо не нравилось. И он заслужил себе право говорить то, что думает, точно так же, как заслужил себе право отказаться сегодня от того, что он говорил вчера.

Вот облик человека, который жил полностью переживая свою науку, полностью переживая все трудности, перетерпеваемые его родиной, страдая вместе со своей родиной и радуясь ее успехам.

В нем не было никаких разрывов, это был человек, который весь был монолитен, человек, который был силен, сознавал свою силу и умел этой силой пользоваться в интересах дела, и надо обратить внимание, что наряду с этим это был человек, у которого были совершенно странные черты мягкости, которые мы редко встречаем у людей. Этот вивисектор, который подверг ооперациям тысячи животных, не мог видеть крови. Каждая капля крови во время операции приводила Ивана Петровича в нервное состояние. Он начинал кричать, пугаться этой крови и требовал, чтобы прекратили. Он не мог слышать слов, что зарежут цыпленка, он не мог признать права людей охотиться, считая это позором. Это было своеобразное противоречие, но от такого противоречия он не страдал.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 314. Л. 11–12, 33–35. Автограф.

В.В. САВИЧ – КАК ФИЗИОЛОГ

(доклад Л.А. Орбели на заседании Ленинградского общества физиологов имени И.М. Сеченова, посвященном памяти В.В. Савича)

Стенограф М. Остен-Сакен

5 января 1937 г.

В лице Владимира Васильевича мы потеряли одного из лучших представителей науки, редкого товарища и исключительно нравственного, благородного человека. Для того чтобы понять тяжесть этой утраты, нужно знать, что представлял собой В.В. как научный работник и как член научного коллектива.

Разрешите мне сделать попытку охарактеризовать с этой точки зрения Владимира Васильевича, хотя я конечно знаю, что эта попытка не может быть исчерпывающей. Слишком трудно в кратких словах дать полную оценку и богатого научного творчества и охарактеризовать его как товарища и друга.

В.В. представлял собою тип человека, который, начав какое-нибудь дело, не мог оставить его неоконченным. Это был человек, который начатое должен был довести до конца и который уже не знал никаких отступлений, никаких поворотов. Эта основная черта его характера, чрезвычайно для нас ценная, это его целеустремленность, которая была направлена в сторону научных исканий.

Еще будучи совсем молодым врачом, только что окончившим Военно-медицинскую академию, В.В. направил свои силы на научную работу.

Первая его попытка вести эту работу в клинической обстановке, в обстановке больницы сразу же показала ему недочеты этого способа научно-исследовательской работы, и он с первых шагов, в течение первого же года перешел в лабораторию Павлова и с этих пор никаких отступлений не знал. Вся его жизнь протекала в лаборатории, и относительно него можно, пожалуй, больше, чем относительно кого-

нибудь другого, сказать, что у него двух жизней не было, что жизнь в лаборатории и его личная жизнь совершенно покрывали друг друга.

В лабораторных исследованиях В.В. опять-таки отличался этим упорством исканий, и мы можем проследить ряд нитей, которые занимали его в течение всей его жизни, в течение всей его исследовательской работы. Уцепившись за какой-нибудь вопрос, В.В. цепко за него держался на протяжении многих лет, в некоторых случаях на протяжении десятков лет, и старался довести исследование до конца. Надо сказать, что эти его старания благодаря этому его исследовательскому упорству, благодаря большой научной чуткости и умению вести исследование правильными путями обычно увенчивались успехом, так что мы обязаны В.В. целым рядом очень существенных, очень важных находок в области экспериментальной физиологии.

Мне пришлось познакомиться с В.В. на самых первых порах его научной работы. Это было чуть ли не во второй или третий год его научной работы, когда я вступил в лабораторию Ивана Петровича и с ним впервые познакомился. И вот с тех пор я имел возможность наблюдать его почти изо дня в день с некоторыми перерывами, когда судьба разбрасывала нас и заставляла быть на разных участках работы, работать в разных учреждениях. Но все-таки наблюдение продолжалось даже и тогда, и я думаю, что могу с правом сказать, что его научная работа никогда не представляла отступлений, упадка или ослабления энергии искательства.

Вот каким мне представился В.В. в первые дни знакомства. С чего началось дело? Первое знакомство началось с того, что В.В., познакомившись со мной, тогда еще студентом, который только что приступил к научной работе, предложил свою помощь в каком-то частном деле. Попросту говоря, мне нельзя было в определенный день прийти в лабораторию для того, чтобы досмотреть результаты своего опыта, а он пришел и предложил это сделать.

Потом я имел возможность убедиться, что на каждом шагу В.В. помогает то тому, то другому, то третьему, хотя он никакой официальной позиции в лаборатории не занимал, был практикантом, как и все другие. В те времена в лаборатории Павлова в ИЭМе существовал всего один штатный ассистент и один вольнонаемный. Это при 15–20 практикантах. И собственно, официально обязаны были оказывать помощь работающим только эти два лица, а между тем там оказался В.В., который на каждом шагу каждому из работающих в той или иной форме оказывал помощь.

Я думаю, что этот момент в значительной степени, с одной стороны, характеризует В.В. как товарища и как научного работника. Для него не существовало его личных интересов в работе, для него существовал интерес получения знаний, интерес раскрытия истины. Ему было совершенно все равно войдет ли это в его работу или войдет в работу другого. Раз это нужно было для того, чтобы истина была открыта, он был готов всегда, денно и нощно, работать, трудиться и помогать другим, лишь бы вопрос был разрешен наилучшим образом, наиболее верно.

Это характеризует В.В. и как товарища, потому что он не останавливался перед тем, чтобы отдать свое время, свои силы и свой труд на помощь другим, раз это для дела нужно.

Это же явилось залогом успеха его работы, потому что человек, который с первых шагов своей работы думает только о том, чтобы не потратить много времени на помощь другому, никогда не может достичь полного овладения предметом. Только тот, кто готов каждую минуту своего времени отдать на научную работу, независимо от того, ему ли будут принадлежать результаты или другому, только такой человек может, действительно, проникнуть во все уголки исследовательской работы и быть полным хозяином предмета. Таким полным хозяином предмета и сделался в скором времени В.В.

Как это ни странно, несмотря на то что В.В. работал в сравнительно ограниченной области физиологии (я постараюсь осветить те области, которые были предметом собственных исканий В.В.), В.В. был авторитетным физиологом, был компетентным человеком буквально во всех отделах физиологии. И я не знаю ни одного вопроса, в котором нельзя было бы в разговоре с В.В. получить очень ценные, очень важные указания как литературные, так и методические, так и указания направляющего характера, указания, которые могли облегчить постановку правильного исследования, правильного опыта.

Я считаю, что это обстоятельство, конечно, в значительной степени определялось его отношением к работе, его умением во всякий вопрос вникнуть, всегда быть на стороже, всегда быть начеку, всегда быть готовым к тому, чтобы если не самому вести исследование, то помочь окружающим.

Если проследить официально течение жизни В.В., проследить то, что принято называть течением или ходом развития его как научного работника, то этот ход развития оказывается очень прямым. В.В. начал работать как вольный человек в лаборатории Ивана Петровича и до 1920 г. нынешнего столетия оставался в такой роли свободного добровольного работника. Будучи сравнительно хорошо обеспеченным материально, В.В. это обстоятельство тоже использовал очень своеобразно. В.В., несмотря на неоднократные предложения Павлова занять у него штатное место ассистента, всегда это предложение категорически отклонял и уступал место товарищам, тем товарищам, которые не могли бы вести научную работу, если бы не имели материальное обеспечение со стороны лаборатории. И вот было в жизни В.В. несколько случаев, когда по праву ему бы надлежало место старшего сотрудника или старшего ассистента то в одной, то в другой или в третьей лаборатории, и всякий раз В.В. отклонял это предложение, исходя из того, что он может работать и без штатной должности, ничто ему не мешает, а штатную должность нужно предоставить тому, кто в ней нуждается.

Таким образом, В.В. не только сам работал, но обеспечил возможность работы целому ряду лиц. Я думаю, что ни для кого не должно быть секретом, что и В.Н. Болдырев, и Б.П. Бабкин, и я, и Н.П. Тихомиров, и целый ряд еще других товарищей обязаны своим научным положением в значительной степени тому, что В.В. уступал нам дорогу и обеспечил тем возможность стать на тот путь, без которого мы не могли бы вести, может быть, научную работу. Это обстоятельство тоже в высшей степени важно.

Но этого мало. В.В. не только уступал другому, во многих случаях он видел, что лица, которым он уступает дорогу, в том или ином отношении оказываются слабее его. Ведь он уступал дорогу не потому, что он чувствовал себя неспособным к выполнению той или иной роли, он уступал дорогу потому, что не хотел перебивать пути у другого. А Иван Петрович предлагал ему те или иные возможности не по чему иному, как только потому, что считал его наиболее способным, наиболее годным для выполнения необходимых обязанностей.

Какой же был из этого выход? В.В. уступал дорогу менее подготовленному товарищу. Казалось бы, он мог, ссылаясь на то, что он не занимает штатную должность, отстраняться и посмотреть, что получится у более слабого товарища. В.В. поступал иначе. Опять-таки для тех, кто ближе стоял к лаборатории или кафедре Ивана Петровича, не было секретом – молодой, вновь назначенный ассистент Военно-медицинской академии не знал, как подступить к лекционному опыту и не мог обеспечить лекцию нужной демонстрацией. В.В., отказавшись от должности ассистента, приходил к 7–8 часам утра на кафедру, готовил всю операционную процедуру, т.е. весь опыт, и затем отстранялся, предоставляя менее опытному товарищу вместе со служителем выйти в аудиторию и официально уже торжественно вести опыт.

Такое положение тянулось иногда годами, по несколько лет люди пользовались этой помощью В.В. в этой форме, и аудитория даже не предполагала, да и Иван Петрович не предполагал, что фактически дело сделано руками В.В.

Это опять-таки является свидетельством исключительного гуманизма, исключительно высоких моральных качеств В.В., а вместе с тем это явилось и залогом того, что он оказался наиболее сильным, наиболее авторитетным научным работником.

Я приведу еще один пример отношения В.В. к товарищам и отношения В.В. к научной работе.

После революционного переворота в нашей стране¹ В.В. лишился той материальной обеспеченности, которая у него была до революции, и, следовательно, должен был стать в ряды научных работников обычного типа, т.е. должен был зависеть от своего заработка, и ему с начала революции пришлось занять штатную должность. И вот в 1919 г., когда скончался (был убит на улице) покойный профессор В.И. Вартанов, в этот момент В.В. был исполняющим должность ассистента в институте и заменял Вартанова в течение года. В это время был объявлен конкурс на кафедру и встал вопрос, кто же займет кафедру. И в это время, как по городу шла молва, шли споры кто будет кандидатом, кто должен быть выбран и люди искали себе рекомендации от того или иного сильного человека, В.В. пришел ко мне, как к старому товарищу, с таким предложением, чтобы рекомендовать друг друга на кафедру, т.е. он напишет рекомендацию мне, а я напишу рекомендацию ему. Все мои попытки убедить его в том, что лучше ему выступить одному, используя все возможные рекомендации, ни к чему не привели. Он был неумолим и непременно настаивал на том, чтобы мы проделали такую взаимную рекомендацию, и мотивировал это тем, что несмотря на то что ему очень хотелось занять кафедру, он не может отказаться от того, чтобы участвовать в конкурсе, но он считает, что дело спорное; кому нужно занять эту кафедру – ему или мне. Это, с одной стороны. Во-вторых, он говорил, что конкурс есть конкурс, когда голоса могут сложиться так или иначе, что ему будет большим утешением в случае провала, если кафедру займет не кто-нибудь другой, а займу я. Он спросил меня, не испытываю ли я те же чувства. Я, конечно, должен был сказать и утверждал, и это было действительно верно, что мне больше всего хотелось бы, чтобы он занял эту кафедру, и что этот выход для меня был бы не меньшей радостью, чем получение кафедры. После длительных дебатов на эту тему мы решили, в конце концов, это сделать.

Судьба сложилась так, что выбранным оказался я. Голоса сложились в мою пользу. Момент был очень трудный, но опять-таки В.В. тут оказался на высоте положения. Первым моим шагом после выборов было отправиться к В.В. и просить его, чтобы он не отходил от кафедры и остался работать вместе со мной. И вот В.В., несмотря на то что он был по возрасту на пять лет старше меня, был на несколько выпусков старше меня, был большим научным авторитетом, чем я в то время, – и он согласился остаться на роли второго работника в кафедре. Он официально занимал должность старшего ассистента, но мы с ним разделили дело так, что курс был разделен между нами и он читал часть общего курса. Нам удалось проработать 11 лет в кафедре так, что за 11 лет не было и тени недоразумения, ни одного столкновения, ни одного конфликта, ни одной мелочи, которая испортила бы наши отношения. Когда мы после этого ушли из медицинского института, сначала он, а через несколько месяцев и я, то судьба несколько нас отдала друг от друга. Обстоятельства сложились так, что мы оказались в разных учреждениях. Но это не помешало нам оставаться друзьями до последних дней его жизни.

Эти частности я привел потому, что они как нельзя лучше характеризуют нам личность В.В. Это был, действительно, совершенный тип человека, который мог свои интересы всегда подавить и мог их поставить ниже интересов другого, и уже

во всяком случае не руководствовался своими личными интересами там, где нужно было говорить об интересах дела.

Многие ли способны при таких условиях, при таком положении, когда младший оказался выбранным на кафедру, спокойно оставаться в кафедре, продолжать сотрудничество и на каждом шагу проявить содействие и помощь так, как если бы это было лично его интересующее дело! Это обстоятельство в высшей степени характерно для всего поведения, для всего жизненного пути В.В.

Теперь разрешите остановиться на фактических достижениях В.В. в области физиологии.

Работать В.В. начал в лаборатории Павлова в то время, когда Иван Петрович интересовался главным образом вопросами физиологии пищеварения, и даже не только преимущественно, но исключительно разрабатывал эту область физиологии. И вот В.В. с головой ушел в изучение процессов пищеварения. Он овладел в полной мере методом, овладел всеми применявшимися методами исследования и направил свою исследовательскую работу по целому ряду кардинальных вопросов этой области. Ему принадлежит честь установления нескольких кардинальнейших фактов в этой области.

Прежде всего, я укажу на то, что В.В. мы обязаны изучением кишечной секреции. Его диссертационная работа была направлена в эту сторону, и в этой небольшой его по объему, но очень богатой по содержанию диссертации² мы находим исключительной важности факты.

В.В. первый показал, что секреция одного из важнейших ферментов кишечного сока, именно энтерокиназы, обусловлена поступлением в двенадцатиперстную кишку и действием на слизистую оболочку кишки того самого агента, который является объектом энтерокиназы, именно трипсина, поджелудочный сок является возбудителем для секреции энтерокиназы. Это важнейший факт его диссертации.

Ему же принадлежит изучение всего механизма влияния местным раздражителем на кишечник, всех условий секреции, роли различных составов пищи, не действующих непосредственно на кишечную секрецию, но создающих фон, на котором местный раздражитель дает тот или иной эффект.

Затем В.В. очень много работал в области изучения самих раздражителей, которые обуславливают секрецию кишечного сока, и видное место занимает его исследование химических агентов, в частности каломеля.

Обратившись в сторону поджелудочной железы, В.В. сумел в целом ряде работ детально развить значение иннервационного момента, роли блуждающего нерва в секреции поджелудочного сока, и ему частью одному, частью в сотрудничестве с Б.П. Бабкиным мы обязаны всеми деталями наших представлений о роли блуждающего нерва на секреторные нервы поджелудочной железы.

Обратившись к желудочным железам, В.В. опять-таки частью сам, частью в сотрудничестве с Г.П. Зеленым и рядом других товарищей выяснил роль пилорической области в секреции желудочных желез и дал целый ряд прекрасных доказательств к тому, мы наряду с гастральным механизмом, который в тот момент как раз выпал, в значительной мере обязаны и наличию рефлекторной секреции, т.е. рефлексу в пилорической области. Дальше, в области иннервации кишечных желез В.В. установил в высшей степени важные факты, которые сейчас приобретают особенно большое значение при эволюционном подходе к изучению функции организма, и именно в работе с...^{*} В.В. показал, что при раздражении блуждающего нерва обнаруживается определенное изменение в ходе кишечной секреции, и он показал наличие там трофических волокон для кишечных желез и установил важный факт, что имеется тормозная иннервация желез. Это обстоятельство является в высшей степени важным.

^{*} Неразборчивое слово. (Примеч. сост.)

Вот важнейшие моменты его работы в области изучения пищеварительных желез и секреторной деятельности.

Но надо подчеркнуть, что, работая в этой области, В.В. очень широко пользовался фармакологическим методом. Применение тех или иных ядов давало ему очень много для анализа и понимания явлений. Это явилось залогом того, что В.В. впоследствии с успехом охватил область экспериментальной фармакологии и мог внести целый ряд новых важных моментов в изучение фармакологии, но об этом будет особый доклад.

Приступив затем к участию в жизни лаборатории Военно-медицинской академии, В.В. в качестве сверхштатного ассистента (эту позицию он во время войны должен был занять потому, что ему приходилось отлучаться два раза от научной работы: на первых порах военное ведомство не посчиталось с тем, что это научный работник, раз он не занимал штатной должности, его забрали и раз увезли на Дальний Восток, а другой раз на довольно дальний Запад, за Варшаву, и это послужило препятствием его научно-исследовательской работы) получил определенное официальное положение. В роли этого сверхштатного ассистента В.В., с одной стороны, уступал дорогу своим младшим товарищам, а с другой стороны, проявлял большую активность и помогал в проведении лекционных опытов, а отчасти в руководстве несколькими работами, которые там проделывались, хотя официально не обязан был этого делать.

Под влиянием лекционных демонстраций он очень увлекся техникой вивисекционных опытов в области кровообращения, в частности проявил большой интерес к этим областям физиологии. Мы знаем, что впоследствии, уже после революции, уже в тот период, когда он имел свою собственную лабораторию³, В.В. на основе накопленного ранее большого виссекционного опыта осуществил вместе со своими сотрудниками целый ряд интереснейших работ, касающихся иннервации сосудистого аппарата.

Нужно сказать, что работы, выполненные А.Н. Крестовниковым, Е.Н. Сперанской-Степановой, – это все работы, направленные на изучение вазомоторного рефлекса, работы первоклассного значения, большой научной ценности, которые выполнены с очень большой тщательностью и с очень большим остроумием.

В.В. проявил большой интерес к области эндокринологии. Мы знаем, что к этим работам он получил первые толчки еще в лаборатории Ивана Петровича. Именно В.В. лучше, чем кто-нибудь из учеников Ивана Петровича, знал всю историю исследований в лаборатории Ивана Петровича. Ведь мало кто считался с тем фактом, что одними из первых самых и очень важных работ в области эндокринологии были выполнены в лаборатории Ивана Петровича. Почему-то принято считать, что Иван Петрович исключительно занимался и интересовался нервной регуляцией в организме, нервным механизмом регуляции и совершенно якобы отрицал роль эндокринных желез. Это неверно, потому что в лаборатории Ивана Петровича был целый ряд моментов, которые явились, можно сказать, предвосхищающими современное состояние эндокринологии. Достаточно упомянуть первые работы Ивана Петровича, касающиеся щитовидной железы, щитовидного прибора, его работы, касающиеся лимфатических желез, выполненные вместе с Н.Ф. Чигаевым; затем его работы, касающиеся гуморального механизма секреции пищеварительных желез, т.е. был целый ряд моментов, характеризующих Ивана Петровича Павлова как человека, понимающего значение гуморального момента, эндокринных моментов в организме, и вместе с тем отмечали важность этого момента для будущего развития физиологии.

В.В. за эти вопросы очень крепко уцепился в свое время и в результате этого появился в будущем его интерес к эндокринологии. Когда он стал самостоятельным преподавателем физиологии в медицинском институте и делил со мной преподавание, то он попросил себе область эндокринологии и читал в течение ряда лет

именно отдел внутренней секреции. И тут В.В. обнаружил опять-таки колоссальную эрудицию в этом вопросе и очень серьезное понимание этого предмета. У него не было такого верхоглядства в области эндокринологии, которое, к сожалению, характеризует многих официальных эндокринологов. В.В. всю строгость физиологической школы сохранил на всю жизнь и в вопросах эндокринологии, будучи вполне авторитетным и ясно себе отдававшим отчет во всем, сумел обойти или избежать тех эндокринологических увлечений, которые так характерны для большинства официальных эндокринологов.

В этой области ему удалось сделать тоже очень много. Я для примера возьму только вопрос о значении экковской операции⁴. В.В. мы в значительной степени обязаны выяснением механизма тех токсических явлений, которые наступают при экковском свище, и ему принадлежит очень красивая страница в физиологии – сопоставление механизма экковского отравления с картиной паратиреокаринной тетании⁵, сведение их к единому фактору и создание общей терапии для тех и других случаев.

Интересно его отношение к тому большому разделу физиологии, который характеризовал в последние 30 лет работы его учителя – И.П. Павлова. Чрезвычайно интересен момент, что В.В. не участвовал в разработке учения об условном рефлексе. У него нет ни одной работы по условным рефлексам. Могло бы показаться, что он или недооценивал значение этого отдела физиологии, или не способен его понять, или не умел работать в этой области. Конечно, такое истолкование было бы совершенно ошибочно.

Мы все хорошо знаем, что с первых шагов работы Ивана Петровича в этой области В.В. был на месте, был свидетелем этих первых шагов, придавал очень большое значение этой области исследований, и не только придавал очень большое значение, но, я думаю, разбирался в вопросах учения о высшей нервной деятельности не хуже всякого из нас. Однако по некоторым причинам он предпочел лично не удариться в эту область, а сохранить те области исследования, которые в то время были заброшены Иваном Петровичем. Но из этого не следует, что он отстранился от этой области работы. Я могу совершенно спокойно и с гарантией заверить вас, что в целом ряде диссертационных работ по условным рефлексам, выполненных разными авторами, ведущая руководящая роль принадлежит никому другому, как В.В., и тут он умел так вдумчиво давать советы и указания товарищам, что с одной стороны, они выполняли свою работу с успехом и получали хорошие результаты, а, с другой стороны, Иван Петрович никогда и не предполагал, что работа течет по указаниям и под руководством В.В. Я думаю, что среди всей школы Ивана Петровича трудно было бы найти человека, который эту область физиологии понимал бы и ценил бы так хорошо, как это делал В.В. Но я думаю, что мы должны быть благодарны памяти В.В. за то, что он в этом случае поступил именно так.

Если бы он тоже с головой ушел в разработку условного рефлекса и сам своими руками на протяжении всего 20-летнего промежутка времени работал тоже, как многие другие, в этой же области, он не сохранил бы нам той части научного наследия Ивана Петровича, которое он фактически сохранил, потому что с уходом Ивана Петровича от вопросов пищеварения, от вопросов кровообращения, от вопросов эндокринологии в сторону изучения условного рефлекса эти области должны были бы совершенно зачахнуть и погибнуть, и никто другой, как В.В., наилучшим образом сохранил для нас эту область исследования и обеспечил возможность их дальнейшего развития. Вместе с тем он несколько не отклонился от основной линии Ивана Петровича, следил за ней детальнейшим образом, знал весь ход развития учения об условном рефлексе и потихоньку, без шума, без особых выступлений, однако, помогал ему в руководстве и обеспечивал успешный ход развития.

Вот в основных чертах деятельность В.В. Конечно, пережить все, что им

сделано, дать подробное освещение его научной работы в кратком докладе нет возможности. Но я думаю, что всего изложенного достаточно для того, чтобы характеризовать В.В. как одного из виднейших, я бы сказал, как достойнейшего из учеников Ивана Петровича. И недаром несколько лет тому назад, когда мы чествовали В.В. по случаю 30-летия его научной деятельности, я в своем приветственном слове назвал В.В. старшиной Павловской школы. Это был действительно старшина. Ведь он возглавил всю школу, он был первый после Ивана Петровича, он лучше, чем кто-нибудь, знал всю систему работы Ивана Петровича, был мастером эксперимента больше, чем кто-нибудь другой, и лучше, чем кто-нибудь другой, знал интересы каждого члена этого большого коллектива. И никто не мог в такой мере оказаться полезным Ивану Петровичу, всем нам, в какой был В.В. Недаром Иван Петрович, узнав об этой моей характеристике, об этом прозвище, которое я предложил для В.В. на вечернем заседании, на ужине⁶, посвященном В.В., произнес очень интересную фразу: "Я никогда в жизни не повторял чужих слов, но в данном случае я не могу удержаться от соблазна повторить слова Леона Абгаровича – я рад, что могу повторить, что В.В. является старшиной всей нашей школы". Я говорю это потому, что мне кажется, что это является гарантией того, что характеристика, данная В.В., была правильной. Это мы все хорошо чувствуем.

Недаром, когда мы стояли у гроба В.В. – это было через несколько месяцев после смерти Ивана Петровича, я сказал, что школа Ивана Петровича кончилась не в момент смерти Ивана Петровича, а в момент смерти В.В. Я это повторяю еще раз и я считаю, что тяжесть утраты В.В. для нас почти так же сильна, как тяжесть утраты Ивана Петровича. В.В. для нас не был главой школы, он не был для нас основным учителем, но он, несомненно, был для нас всех учителем, помогавшим Ивану Петровичу, был для нас всех близким другом, был человеком, который спаивал нас в большей степени, чем это мог делать при своей занятости и при своей увлеченности работой сам Иван Петрович.

Вот теперь мы оказались в положении людей, которые потеряли сразу обоих вождей, – потеряли и командира, и старшего офицера. Поэтому я и говорю, что, собственно, распад павловской школы начинается с момента смерти В.В.

Я хотел бы, чтобы наше физиологическое общество, в котором В.В. с таким увлечением, с таким азартом, с таким интересом работал в течение многих лет и основателем которого он отчасти являлся, всегда сохраняло память о В.В. Я думаю, можно рекомендовать всем нам руководствоваться, как мы стараемся руководствоваться примером Ивана Петровича, – примером В.В. Савича. В его жизни, в его поведении, в его отношении к науке есть очень и очень много такого, что может оказаться полезным для всех нас. Я думаю, что тот способ работы и тот способ отношения к товарищам, который всегда проявлял В.В., может явиться руководящим примером для всех научных работников.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–20. Машинопись.

ОТЧЕТ ДИРЕКТОРА СТАНЦИИ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ О РАБОТЕ ЗА 1936 г. И ПЕРСПЕКТИВАХ НА 1937 г.

(Из протокола общего собрания сотрудников
Биологической станции им. И.П. Павлова)¹

9 апреля 1937 г.

Присутствовало 100 человек.

Правительство вложило громадные деньги в строительство Биостанции: создан целый научный городок, преследующий определенную цель, равно которому нет в мире. Как продолжать работу дальше? Вначале у многих было опасение, что я

буду вносить новую струю и разрушать дело, начатое И.П. Павловым. Надеюсь, что теперь это опасение я сумел рассеять окончательно, так как я взялся за развитие и продолжение дела Павлова, что и выполняю. Строительство станции еще не закончено. Мы ставили задачу – превратить весь старый корпус лаборатории в лабораторию условных рефлексов.

По первоначальному проекту все работы по стройке должны были быть закончены летом 1936 г. Стройорганизации не выполнили этих сроков – строительство не закончено. Я надеюсь, что стройка будет закончена к лету этого года. Ошибка моя в том, что я поверил заверениям строителей и раньше не обращался за помощью.

Второе затруднение в работе – затруднение материального порядка. Сотрудники Биостанции поставлены в трудные материальные условия, которые создались в результате уничтожения персонального премиального фонда Павлова, который он тратил на улучшение положения сотрудников. Павлов предоставлял сотрудникам бесплатные квартиры, в настоящее время за них уже взимается квартплата, что еще более ухудшает материальное положение. Уничтожение фонда Павлова было сделано по вине промежуточной инстанции. Я надеюсь, что сумею добиться перед центральными организациями возобновления фонда или увеличения зарплаты.

Дело Павлова должно развиваться еще шире. У Павлова имелись в городе две психиатрические клиники; у меня есть мысль построить клиники подобного типа и на Биостанции. Клиника обеспечит еще больший рост станции, интенсифицирует труд, так как не нужно будет громадных затрат времени для поездок в клиники города.

В заключение я, как директор, прошу собрание указать на ошибки и отметить замеченные недостатки.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 92. Л. 12–13. Автограф.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ
НА ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ
(из стенограммы Общего собрания АН СССР)**

22 мая 1937 г.

Товарищи, я хочу сказать несколько слов относительно тех предложений, которые имеются у Института физиологии имени академика Павлова¹. Наши соображения слишком поздно попали в биологическую группу и потому не могли быть включены в доклад академика-секретаря ОМОНа академика С.И. Вавилова.

Физиологический институт видит свою задачу во время осуществления третьей пятилетки, прежде всего, в том, чтобы создать правильный учет и правильную организацию физиологической науки в нашем Союзе. И поэтому в области планирования и организации науки ставит себе следующие конкретные задачи:

Произвести учет научных исследований, ведущихся в СССР по различным разделам физиологии животных и человека (зоологическая физиология, общая, сравнительная, эмбриональная, медицинская, ветеринарная, зоотехническая), физиологии труда (промышленного и военного), и разработать план развертывания НИР на слабых отстающих участках.

Далее, второе: на основании данных этого учета и тех запросов, которые будут предъявлены, а частично уже предъявляются нуждами обороны страны, социалистического хозяйства, народного здравоохранения и просвещения, а также физи-

ческой культуры, возглавить организацию научно-исследовательских работ по физиологии.

Третье – принять участие в подготовке работников по различным направлениям физиологии.

Четвертое – принять участие в работе по организации физиологии в медицинских, ветеринарных, зоотехнических и педагогических вузах, а также на биологических факультетах в университетах.

Пятое – организовать широкую информацию среди заграничных ученых о работах, ведущихся по физиологии животных и человека в СССР, и укрепить связь с иностранными учеными, для чего создать журнал международного значения *Acta physiologica Pavloviana* на русском и четырех иностранных языках широкого распространения.

Вот эти задачи Физиологический институт ставит себе, исходя из которых в настоящее время развитие физиологии в нашем Союзе идет очень успешно и несомненно благодаря участию в создании русской советской физиологии таких корифеев, как Сеченов, Введенский и в особенности Иван Петрович Павлов.

Физиология в Советском Союзе поставлена на очень высокую ногу, но все-таки она носит очень неравномерный характер и целый ряд важнейших вопросов физиологии совершенно еще не разрабатывается в нашем Союзе или разрабатывается настолько в малой степени, что не может даже обеспечить правильной консультации в некоторых важных вопросах народнохозяйственной жизни. Мы исходим из предположения, что на основе правильного учета и сознательной планировки, исходящей не из бюрократических аппаратов, а из академических институтов, возможно так направить дальнейшее развитие физиологии, что все важнейшие стороны народнохозяйственной жизни будут обеспечены соответственным доброкачественным научным материалом.

Переходя к самой научно-исследовательской работе Физиологического института, должен сказать, что предполагается, прежде всего, сохранить проблематику, принятую в плане 1937 г., как в части, касающейся учения академика И.П. Павлова о высшей нервной деятельности животных и человека, так и в отношении работ, проводимых сектором эволюционной физиологии. Затем предполагается обратить особенно большое внимание на дальнейшую разработку научного наследия Павлова, с этой целью предусматривается развитие его учения в сторону:

1. Расширения работ по сравнительной физиологии условных рефлексов;
2. Выявления специфических особенностей высшей нервной деятельности человека;
3. Построения физиологического обоснования психиатрии и неврологии;
4. Исследования условно-рефлекторной деятельности методами электрофизиологии;
5. Изучения вегетативных и эндокринных влияний на высшую нервную деятельность.

Это те важнейшие стороны учения академика Павлова, которые являются для Физиологического института основными при современном состоянии его оборудования и при наличных кадрах.

Затем дальше, Физиологический институт ставит себе задачу вести разработку следующих 3-х новых проблем:

1. Изучение физиологии органов чувств с целью подведения теоретической базы под истинный механизм между объективными и субъективными явлениями. Речь идет о проверке и сопоставлении данных субъективной физиологии органов чувств с тем объективным материалом, который накоплен Иваном Петровичем Павловым и его сотрудниками на протяжении последних 33-х лет.

Это изучение физиологии органов чувств может быть использовано также и для практических целей для нужд обороны страны и для социалистического строительства, в частности для нужд, например, пищевой промышленности.

2. Изучение влияния физических факторов на организм человека и животных, в частности на высшую нервную деятельность.

Этот последний вопрос ставится в связи с тем, что мы не знаем еще, в какой мере особенности нервной системы, охарактеризованные И.П. Павловым как четыре типа нервной системы, объясняются наследственными причинами и в какой мере изменчивостью. Изучение влияния различных физических факторов является одной из первостепенных задач. Если в Биологической станции в Колтушах в основу работ положено генетическое изучение, то в Институте физиологии АН мы думаем преимущественно направить изучение в сторону выяснения влияния физических факторов, и затем все эти данные, которые будут получены, направить на то, чтобы разработать практику работ над проблемой подъема животноводства.

Теперь в области организации работ в самой Академии мы предполагаем создать в системе нашего института фармакологическую лабораторию и ряд специальных установок для изучения влияния физических факторов на организм животных и человека²: это должно послужить дополнением к тем установкам, которые имеются.

Значительно усилить работу физиологической лаборатории на Севастопольской биостанции АН СССР и организовать лаборатории на Мурманской и Тихоокеанской биостанциях³, а также на высокогорной станции (Эльбрус).

Установить тесный контакт в работе с Биостанцией имени академика Павлова в селе Павлово и с физиологическим сектором НИИ имени Лесгафта, а в случае, если возникнет в этом необходимость, ходатайствовать о присоединении этих учреждений к АН СССР⁴.

Установить тесный контакт в работе с Военно-медицинской академией имени Кирова и с одним из зоотехнических вузов, например, с Ленинградским зоотехническим институтом в целях усиления участия АН в проведении работ оборонного и сельскохозяйственного значения.

Этот последний пункт вводится в связи с тем, что наиболее дефектным участком физиологической науки является именно зоотехническая физиология. Если медицинская физиология разрабатывается сравнительно интенсивно, довольно интенсивно разрабатывается физиология на биологическом факультете, то очень слабо разрабатывается зоотехническая физиология. А между тем Госплан ставит перед нами задачу развернуть работу именно в этом направлении.

Создать же какую-нибудь зоотехническую физиологию на базе современного Института физиологии не представляется возможным, точно так же, как вести работы оборонного значения сколько-нибудь серьезные также представляется делом очень трудным, и мы можем найти выход из тяжелого вопроса о совместительстве и помочь осуществить крайнее желание всех работников института принять участие в оборонной работе только с тем, чтобы сконтактировать и тесно сплести работу АН с работой двух крупных учреждений в Ленинграде, более приспособленных для соответственных специальных целей⁵.

Затем ставим мы себе задачу в течение пятилетки заботиться о расширении площади Института и добиваться того, чтобы этот Институт к концу пятилетки принял те размеры, которые обеспечат ему возможность полного и всестороннего выполнения задач, которые могут лежать на физиологическом институте такого большого и точного учреждения, каким является Академия наук.

АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 3. Л. 158–164. Машинопись.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ
НА ОБСУЖДЕНИИ КНИГИ А.Д. СПЕРАНСКОГО
"ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ МЕДИЦИНЫ"

[1937 г.]*

Глубокоуважаемый Алексей Дмитриевич! Я должен предупредить, что я выступаю не в качестве оппонента, потому что не вижу никаких оснований для того, чтобы оппонировать. Алексей Дмитриевич больше чем в течение 15 лет занимался экспериментальной разработкой чрезвычайно интересных и трудных проблем, и выступать оппонентом по поводу этой 15-летней работы¹, которую он проводил в сотрудничестве с сотней людей, проделав тысячи экспериментов, можно было бы только при условии, если бы существовало бы какое-либо фактическое противоречие между моей экспериментальной работой и экспериментальной работой Алексея Дмитриевича или если бы я имел возможность подвергнуть проверке его исследования, его опыты и нашел бы какие-нибудь фактические неправомерности и неточности. Об этом, конечно, не может быть и речи – это слишком трудная, слишком большая задача для того, чтобы можно было ее сделать. Экспериментальный материал, который дан А.Д., может быть подвергнут проверке и практической критике только на протяжении десятков лет работы при условии создания тождественной обстановки и условия проведения опытов. В противном случае и сама критика не будет иметь никакого значения.

Мне хотелось просто выступить сегодня для того, чтобы высказать свои, правда, предварительные суждения об исследованиях, которые А.Д. производятся, и о тех толчках мысли, которые он дает и для физиологов, и для врачей.

Я считаю, что основная линия, которую А.Д. взял в своих исследованиях и в своем исследовательском поведении, заслуживает исключительного внимания в силу того, что своими работами А.Д. в буквальном смысле слова произвел революцию в целом ряде вопросов современной медицины. Мы знаем, что всякий революционный процесс состоит из ряда полезных моментов, но может заключать в себе и определенные ошибки. Может быть, некоторые ошибки будут обнаружены и в работе А.Д., в этом ничего ужасного нет. Всякое научное исследование идет путем исправления ошибок. Исправление основной линии тех или иных частных ошибок не является предлогом для осуждения всего в целом.

Я опять этим не хочу сказать, что я усматриваю какие-то ошибки, для этого у меня нет повода, но даже если бы в фактической стороне были бы неправильные те или иные наблюдения, неправильные выводы были бы сделаны из отдельных фактов, это не могло бы подорвать значение всей работы.

А.Д. правильно отметил в одном из предыдущих выступлений, что мы с ним занимаемся одними и теми же вопросами, но идем различными путями. Это правильная мысль. В основе лежит вопрос о роли нервной системы как в осуществлении определенной физиологической регуляции в организме, так и в регуляции течения болезненного процесса. А.Д. свое внимание направил в сторону патологических явлений, а я – в сторону нормальных. Он пошел в сторону экстенсивного развития тех соображений, которые возникли из давней истории клинической медицины о трофической области нервной системы, которая так красиво и хорошо была выдвинута в 20-х годах в работах И.П. Павлова. Я пошел в сторону углубленного изучения определенных вопросов и данных, которые получены нами. Но данные, полученные нами совершенно разными путями, как мне кажется, бьют в одну точку. Они указывают на то, что как в течение всех физиологических процессов в организме, так и в развитии целого ряда болезненных процессов ведущая, существенная роль принадлежит нервной системе.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

Единственный упрек, который я хотел сделать А.Д., заключается в том, что он, в силу своего характера, любит излагать свои исключительные данные и научные исследования иногда в такой форме, которая вызывает недоумение, взрыв удивления и сплошь и рядом возражения там, где, в сущности говоря, для возражений нет и места.

Затем, мне кажется чрезвычайно обидным, чтобы обладая такими исключительно интересными фактами, досаточно сослаться на те некоторые примеры, которые А.Д. здесь привел нам в связи с выступлениями оппонентов, а они составляют, вероятно, менее чем тысячную долю того фактического материала, которым располагает лаборатория А.Д., но их уже достаточно, чтобы занять физиологов на десятки лет, а между тем А.Д. почему-то от физиологии отмахивается. Это выражается в том, что он не держит совершенно контакта с физиологами, с физиологическим обществом, не прибегает к использованию тех классических приемов физиологии, которые могли бы ему помочь наблюдаемые им исключительно интересные явления проанализировать, переварить, сделать еще более доказательными и убедительными в этом отношении. По-видимому, особую методологическую установку А.Д., которая изображена в одной из его работ, тот метод работы, которым он пользуется, насколько я понимаю, он считает синтетическим методом и анализ явлений предоставляет другим, может быть, не желая снисходиться к этому анализу, а, может быть, потому, что его взгляды не аналитического направления, — не знаю. Но дело в том, что правильно ли будет назвать тот метод, который обнаруживается в работах А.Д., синтетическим методом. Я считаю, что тут какая-то методологическая ошибка имеет место, потому что синтез может возникнуть не иначе, как на почве анализа. И пока те интересные наблюдения, которые сделаны А.Д., и те фактические находки, которые он экспериментально вызывает, пока они не будут подвергнуты физиологическому анализу и не будут потом сознательно воспроизведены во всех деталях на основе происшедшего анализа, до тех пор нельзя говорить о синтетическом подходе. Под синтезом у А.Д. подразумевается суммарный метод явлений со всеми действующими причинами. Я возражаю против отсутствия анализа.

Я не могу не приветствовать ту основную линию, которую проводит А.Д., что явления, раскрывающиеся в целом организме в суммарном своем проявлении, протекают и должны протекать иначе, чем протекали бы отдельные разрозненные части, взятые вместе, и простая алгебраическая сумма всех явлений. Эта мысль совершенно правильная и соответствующая отчетливо обработке А.Д. тех исследований, которые проводятся в целом ряде лабораторий, в том числе и в моей лаборатории.

Второе замечание, уже по существу трактовки, заключается в том, что, признавая исключительно ведущую роль нервной системы, А.Д. закрывает глаза на целый ряд других явлений.

Очень может быть, что это сознательный прием и правильный прием и при помощи такого приема можно проделать много крупных работ. Это делал и Павлов, сознательно надевая шоры на целый ряд явлений для того, чтобы выбранным путем наблюдать определенную нить и проследить до конца. И вот А.Д., избрав для себя темой ведущую роль нервной системы, совершенно закрывает глаза на другие органы, которые в организме имеют место и которые не только параллельно с нервными явлениями протекают, но которые вклиниваются в нервный процесс как определенное звено.

Кроме того, нельзя не подчеркнуть, что в этом как раз вопросе А.Д. принадлежит заслуга почти первого обнаружения ряда явлений, которые свидетельствуют о наличии, наряду с обычными процессами возбуждения, еще и других форм передачи явлений в нервной системе, которые, вероятно, и характеризуют те своеобразные, длительные и поздние эффекты, о которых говорил А.Д.

Мне хочется сказать, что даже в таком эксперименте, как подкладывание шарика под туберциннер², А.Д. подчеркивает роль раздражения вегетативных центров. Я это приветствую потому, что ряд работ моих товарищей был направлен на то, чтобы доказать роль субталамической системы, роль туберциннера в подтверждении роли симпатической системы. Но тут имеется ряд условий, которые ведут к возникновению гормональных влияний. Такие приемы А.Д. используются не как средство для раздражения субталамической области и всяких симпатических процессов, а как средство для выключения гипофизарного аппарата. Я сошлюсь на опыт работы Быкова, Ухтомского, где такие же приемы были предложены для других целей. Сам А.Д. подчеркивает обычно не только нервную систему, но охватывает и область гуморальных механизмов, которые с нервной системой связаны.

Эти замечания я сделал не в ключе упрека, а для того, чтобы подчеркнуть ценность исследований А.Д., и для того, чтобы толкнуть его, если он склонен к тому, чтобы выслушивать посторонние толчки, к тому, чтобы расширить круг своих исследований в сторону охвата все новых и новых фактов...

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 287. Л. 1-5.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ
В ПРЕЗИДИУМ АН СССР
О ПРИСУЖДЕНИИ И.С. БЕРИТАШВИЛИ ПРЕМИИ
имени И.П. ПАВЛОВА

Ленинград.

[1938 г.]*

З[аслуженный] д[еятель] н[ауки] профессор Иван Соломонович Бериташвили является одним из выдающихся физиологов Советского Союза и пользуется большой известностью в европейских и американских физиологических кругах. Это автор большого числа научных трудов как в виде отдельных статей, так и в виде крупных монографий¹.

Это большой, инициативный, оригинальный ученый, сумевший сплотить около себя несколько десятков молодых научных сотрудников, многие из которых под его руководством достигли высоких ученых степеней и званий, занимают кафедры физиологии в молодых вузах Советской Грузии. Иначе говоря, Иван Соломонович является создателем новой и мощной школы физиологов Советской Грузии.

Все исследования профессора Бериташвили относятся к физиологии нервной системы: начав с нервно-мышечной физиологии, Иван Соломонович перешел к спинномозговым рефлексам, затем к рефлексам продолговатого и среднего мозга, наконец, к деятельности коры больших полушарий. Будучи учеником Введенского и Магнуса, усвоив самые тонкие методы физиологического исследования и близко познакомившись с научными исследованиями И.П. Павлова, Бериташвили является автором больших трудов в области физиологии высшей нервной деятельности. Расходясь во многом с взглядами Введенского и Павлова, он представил очень богатый фактический материал, причем весьма оригинальный и смело трактуемый. Последний крупный труд Бериташвили вышел в 1937 г. в виде концепции о нейропиле². Этот труд вместе со всем ценным багажом Бериташвили имеет все основания для присуждения автору премии имени И.П. Павлова.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 255. Л. 1. Автограф.

* Датируется по времени присуждения И.С. Бериташвили премии им. И.П. Павлова. (Примеч. сост.)

ХАРАКТЕРИСТИКА
НА СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА
ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени И.П. ПАВЛОВА
АКАДЕМИИ НАУК СССР Э.А. АСРАТЯНА

[1938 г.]*

Асратян Эзрас Асратович является одним из наиболее выдающихся молодых работников в области физиологии животных.

Будучи еще мальчиком, Асратян лишился во время первой мировой войны отца и вместе с матерью и младенцем-братом бежал из Турецкой Армении в Россию. В числе беженцев армян перебивался личным трудом, а после возникновения Советской Армении получил в Еривани** среднее и высшее образование – окончил два вуза (Сельскохозяйственный и Медицинский институты).

Еще будучи студентом-комсомольцем, приехал в Ленинград в качестве выдвиженца и стал изучать в моих лабораториях основы физиологии. Командировки в Ленинград повторялись в период студенчества несколько раз с постепенно удлинявшимся сроком. Одна командировка продолжалась более года, Асратян включился в научно-исследовательскую работу и с успехом ее выполнил. В промежутках между командировочными продолжал учебу в Еривани и там же создал физиологическую лабораторию для обслуживания преподавания в нескольких вузах. Ему удалось наладить не только педагогический процесс, но и исследовательскую работу, к которой он привлек и молодняк из армянского студенчества. По окончании курса Медицинского института Асратян получил аспирантуру и был направлен на работу в Ленинград на три года, но вскоре перечислился в аспирантуру Академии наук и осел в Ленинграде. Работал параллельно у академика Павлова и у меня.

В настоящее время работает в Физиологическом институте Академии наук в качестве старшего научного сотрудника, в Институте мозга в качестве заведующего лабораторией и в Педагогическом институте в качестве заведующего кафедрой физиологии. Имеет много научных трудов, выполненных частью под руководством И.П. Павлова, частью под моим, частью совершенно самостоятельно. Очень способный, активный, энергичный работник.

Из научных трудов Асратяна особенный интерес представляют работы: 1) О выделении мочевины почками, 2) О влиянии симпатической нервной системы на высшую нервную деятельность, 3) О динамическом стереотипе и 4) Серия работ по пластичности нервной системы.

Асратян имеет степень доктора биологических наук.¹

Директор Института академик Л.А. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Машинопись.

РАПОРТ
ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР В.Л. КОМАРОВУ
О РАБОТЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени АКАДЕМИКА И.П. ПАВЛОВА АН СССР

Март 1938 г.

Основной работой, проделанной ФИНОм имени академика И.П. Павлова в течение января–февраля 1938 г., явилась подготовка с ВИЭМом третьего Совещания по физиологическим проблемам¹, состоявшегося 1–4 марта 1938 г. в Ленинграде.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

** Ныне Ереван – столица Республики Армения. (Примеч. сост.)

Было подготовлено 12 научных докладов по тематике, законченной разработкой в 1937 г., а также в течение истекающих двух месяцев 1938 г. Все указанные доклады были предварительно заслушаны на семи научных совещаниях Института совместно с работниками Павловской Биостанции и сотрудниками физиологической лаборатории Института имени Лесгафта, имевших место в январе и феврале текущего года.

Общее количество заслушанных на указанных научных совещаниях докладов совместно с докладами работников других лабораторий, руководимых академиком Л.А. Орбели, составляет 21.

Ряд теоретических вопросов, выясненных в законченных работах, может приобрести большое практическое значение при использовании и освоении их работниками практической медицины. Такова работа А.А. Данилова "Влияние инъекций питуитрина "Р" на условно-рефлекторную деятельность собаки", работы А.В. Тонких, А.Г. Гинецинского и др.

Так, например, в работе Е.А. Моисеева и Тонких² путем электрического раздражения подкорковых узлов (по методике Гесса) удалось вызвать явление сна у кошки. Уточнены области, при раздражении которых могут быть вызваны эти явления. Они не вполне совпадают с местами, указанными Гессом, и совершенно не совпадают с так называемым центром сна Экономо.

Приступлено к анализу полученных данных, в частности к выяснению значения гипофиза и симпатической НС в явлениях сна при раздражении корковых узлов.

В работах Гинецинского и Е.Ю. Ченыкаевой разработана новая методика обнаружения физиологически активных веществ, освобождающихся в окончаниях двигательного нерва. Это дает новый и удобный способ изучения функций проведения в окончаниях двигательного нерва.

Возможно, более широкое ознакомление с ними наших советских врачей, в особенности психиатров и невропатологов, явится одним из существенных методов реализации теоретических положений и новых экспериментальных фактов физиологии. Поэтому совместное обсуждение новых данных, а также своевременное опубликование их является одним из важнейших методов на пути к реализации итогов работ в практике социалистического строительства.

Во исполнение этой задачи директором Института академиком Л.А. Орбели в феврале 1938 г. был сделан доклад в Харькове на Всесоюзной конференции нейрохирургического совета НКЗ СССР на тему "Проблема боли"³. В то же время на заседании Харьковского отделения Общества физиологов им был прочитан доклад "Новые данные в области вегетативной НС".

Помимо указанных научных докладов в связи со второй годовщиной смерти И.П. Павлова академиком Орбели были прочитаны две лекции о деятельности И.П. Павлова: 26 февраля в Доме инженеров-архитекторов и 27 февраля в Доме ученых.

Кроме того, по инициативе комсомольской организации в Институте состоялись две популярные лекции для молодежи о деятельности И.П. Павлова (26 февраля – доклад М. Дурмишьяна и 27 февраля 1938 года – профессора Асратяна).

Подготовка кадров.

1. 28 февраля состоялось производственное совещание сотрудников института по вопросу подготовки кадров.

2. 11 февраля 1938 г. состоялась защита диссертации на степень кандидата биологических наук научного сотрудника института Е.Ю. Ченыкаевой.

3. 13 февраля проф. А.Г. Гинецинским и проф. Асратяном были сделаны доклады на заседании Биогруппы АН СССР, а именно: проф. Гинецинский "Условия перехода возбуждения на нервных окончаниях скелетных мышц", проф. Асратян

"Новые данные по пластичности нервной системы" (последняя работа произведена в Институте мозга).

Опубликование научных работ.

Сдан в печать материал тома VIII "Труды физиологических лабораторий акад. И.П. Павлова"⁴ (40 печ. листов. Содержит 31 научную работу).

Заключен договор на издание диссертации бывшего аспиранта ФИНа М. Дурмишьяна⁵ и диссертации научного сотрудника Е.Ю. Ченькаевой⁶.

Директор института академик Л. Орбели.

Ученый секретарь В. Строганов.

СПбФ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 30. Л. 1–3. Авторизованная машинопись.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ КОЛЛЕКТИВА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА¹

14 декабря 1938 г.

Насчет сегодняшнего собрания: меня трогает и волнует то теплое отношение, которое выявилось со стороны всего коллектива. Но в то же время я должен сделать и замечания: было много критики по отношению некоторых лиц и партийного комитета, но не было ее совсем и по отношению меня, если не считать тех замечаний, которые сделаны в резолюции районного комитета, и на этом я хочу остановиться.

Я не привык в прежнее время и не хочу пользоваться мальчиком для порки! Оказалось, что вся слабость нашей работы сводится к тому, что А.А.Л[индберг] – бездельник, Н.А. П[одкопаев] хочет быть заведующим, а Э.А[сратян] проводит не беспристрастную критику. Я не хочу оправдывать указаний, которые сделаны товарищами; они справедливы, но это не снимает с меня ответственности хотя бы в том, что я допустил этих товарищей, которых я назвал, до того, что им могли сделать эти замечания.

В свое оправдание я могу сказать несколько слов. Я напомним о той тяжелой ситуации, которая создалась после смерти Ив[ана] П[етровича], когда мне пришлось вступить в заведование его лабораториями, и о тех трудностях, которые встретились на моем пути в связи с этим.

Должен сказать, что это была полная неожиданность для всех – это привлечение меня к этому делу! Это было неожиданностью и в первую очередь для меня самого. И очень многие лица, имевшие какие-то другие предположения и планы, вдруг столкнулись с совершившимся фактом: правительство считало нужным поставить меня на это дело, не зная как меня встретят товарищи, и везде я чувствовал если не недоброжелательно, то холод. Нужно было проявить много внимания и заботы для того, чтобы связаться с тремя большими новыми коллективами. И тут большую помощь оказали мне товарищи моих трех коллективов, несмотря на то, что сегодня делались замечания об отсутствии достаточной связи и что нет достаточной спайки между моими учениками и учениками Ив[ана] П[етровича], все же нужно сказать, что в этом отношении исключительную помощь оказал мне коллектив моей лаборатории, который сделал многое для того, чтобы приблизиться к товарищам из старых павловских лабораторий. В этом отношении много сделало и большинство товарищей павловской лаборатории. Но, однако, не все. Сегодня упоминались некоторые формы выступления против меня. Их, конечно, много. Сегодня только приводили те примеры, которые являются общим достоянием, а если я начну перечислять все те эпитеты, которые применялись и применяются ко мне до сих пор еще, то обвинений против меня окажется еще больше, чем вы слышали сегодня против Э.А[сратяна] и партийного комитета, потому что я являюсь и

японцем, и агрессором, и захватчиком, и монополистом, и, оказывается, даже торгашом и трестистом. Если бы я эти эпитеты принимал как-нибудь серьезно и реагировал на них слишком сильно, я бы ничего не сделал. Все-таки мое спокойствие и уравновешанность позволили мне, не взирая на эти эпитеты, приступить к делу и работать. Но я признаю, что работать, может быть, мне пришлось не так интенсивно, не так хорошо, как нужно было бы и как мне хотелось. Трудность заключалась в том, что я не мог бросить всей той работы, которую я делал раньше. Я должен был сохранить свою прежнюю нагрузку и взять новую нагрузку. Нужно было выбирать какую-то определенную линию. Я считал, что единственно правильная линия – ориентироваться во всем самому и никогда не смотреть чужими глазами. Это потребовало, конечно, большого промежутка времени.

Когда я вступал, то мое положение можно было сравнить с положением какого-нибудь римского папы, вновь избранного, которому этот папский двор в оба уха шепчет, кого из кардиналов нужно повесить, кого надо заточить в монастырь, кого надо выкинуть, кого лишить сана. Это началось с первого дня, потому что одни приходили и рекомендовали согнать целую группу сотрудников, другие приходили и называли другие имена. Были люди, которые угрожали тем, что вот ты пришел, чтобы разложить павловский коллектив. Я об этом неоднократно говорил на собраниях и даже в печати, и на большой сессии здесь в прошлом году упоминал², что я излагаю весь свой план, нарочно выношу на суд совещания, чтобы подвергнуть его открытой широкой критике и, таким образом, снять те обвинения, которые на меня возводятся сознательно или бессознательно некоторыми товарищами. И вот в этой обстановке нужно было начать. Что же мне делать, если, с одной стороны, даже руководящие лица, директора некоторых учреждений говорили, что я в первую очередь энное число товарищей должен по политическим причинам убрать отсюда. В этот список частью попали лица, которые потом изъяты, но попали и такие лица, которые потом оказались неповинными и благополучно работают и даже очень хорошо работают. Были товарищи, которые приходили и указывали, что такой-то будет мешать, – устрани. Пока не устранишь Н.А. П[одкопаева], ничего не сделаешь. А другие говорили: пока не устранишь А.А. Л[индберга], ничего не сделаешь. Я решил сохранить весь коллектив на 100% до той поры, пока я сам не найду доказательства непригодности данного человека, потому что я привык за прежние годы своей работы к тому, что почти не попадается людей, из которых нельзя было бы сделать хорошего работника. Пропустив через свои руки больше сотни сотрудников, я должен сказать, что только 2–3 человека оказались таковыми, о которых я сказал, что они абсолютно непригодны, и то некоторые из них сейчас как-то используются на работе. Конечно, у меня не было оснований думать, что весь павловский коллектив настолько слаб и плох, что я из него ничего не могу сделать. Значит, нужно было дать время для того, чтобы люди себя выявили и начали самостоятельно работать.

Мои формы руководства сильно отличаются от форм руководства Ив[ана] П[етровича]. Я не хотел подражать, я никому никогда не любил подражать и считая имитационные способности весьма полезными на первом этапе роста ребенка, но не руководящего человека. Подражать поэтому, я считаю, не нужно даже Ив[ану] П[етровичу]! Но следовать примеру нужно. И в этом отношении я считал, что нужно, чтобы на этом этапе работы, когда необходимо было от изучения чистой физиологии условных рефлексов (ограниченной области) перейти на более широкое русло, ряд сотрудников заняли бы руководящее положение. И тут я сделал все от меня зависящее, чтобы дать возможность выявиться самостоятельным силам, и некоторые, действительно, выявились. К сожалению, может быть, я недостаточно четко высказал им свои установки, а просто предоставил возможность

работать и показать свои силы, в результате чего не все это поняли. Одни думали, что от них ничего не требуют, другие думали, что от них много требуют и хотят их эксплуатировать. Развал и получился. Но сейчас я изучил всех и знаю, каким образом можно каждого использовать. Я обращаюсь к тем примерам, о которых здесь говорили. На кого я рассчитывал опереться, когда вступал в заведывание павловским делом? Больше всего на того человека, которого считал и очень способным, и талантливым, и вместе с тем моим учеником и Ив[ана] П[етровича]. Я говорю об Э.А.[сратяне]. Он давал мне ряд советов. У нас были некоторые расхождения в 1933 г., но я думал смотреть дружески и думал, он явится человеком, который приложит свой опыт в моем направлении и павловском направлении к коллективной разработке, так как я никогда не претендовал на то, чтобы осуществить это самолично, – только коллективно это возможно.

Вот я и думал, что Э.А.[сратян] и будет лицом, которое может инициативно работать, и как член партии явится посредником, связывающим нас с партийной организацией, и обеспечит спокойную работу и правильность информации. Но, к сожалению, так не вышло! И получился тот разлад, о котором не стоит повторять. Вот Н.А. П[одкопаев] говорил о том тяжелом обвинении, что он не выполнил той роли, которую должен был выполнить. Тут надо сказать, что создалось с самого начала тяжелое положение, потому что как давнего работника лаборатории Павлова я считал, что он почти два десятка лет проработал, если не больше. С одной стороны, мне указывают, что он враждебно ко мне настроен, что он будет мне мешать, что помощи от него я не могу ждать; с другой стороны, я слышал, что он не способен к самостоятельной работе, третьи мне говорят, что, наоборот, это знающий работник, опытный, берегите его. Я решил беречь и предоставил ему максимальные возможности развития. Как я должен был поступить? Передать ему на откуп весь сектор условных рефлексов, сказать: "Вот Вы заведуйте, я сделать не мог". Я должен был предоставить Н.А. П[одкопаеву] развиваться, но вместе с тем проявить и свои организаторские способности и способности руководителя. Но в то же время я не мог отдать ему целиком это дело, потому что для чего же меня правительство назначило – чтобы работать и в направлении павловских идей и павловской тематики.

Приходят товарищи один за другим и говорят: если Н.А. П[одкопаев] будет заведывать, то я отказываюсь здесь работать, если Н.А. П[одкопаев] будет руководить, я не буду с ним разговаривать и т.д. Таких заявлений было несколько. Я нашел выход. Н.А. П[одкопаев] является моим заместителем, руковожу я сам, Н.А. П[одкопаев] – заместитель директора, как А.В. Т[онких], как А.Г. Г[инцинский]. Что это значит? По громадному разделу работы они меня замещают в то время, когда меня здесь нет. А ведь я не каждый день могу бывать в лаборатории. Они помогают в работе всему коллективу. Если есть свои темы, им представляется выдвинуть эти темы. Если есть сотрудники, которые хотят под их руководством работать, пожалуйста, берите сотрудников...

Может быть, было бы правильнее не сглаживать эти столкновения, не пытаться их обойти, а круче и резче поставить вопрос, заострить его и таким образом быстро ликвидировать.

...Ведь речь идет о крупных сотрудниках: Э.А. А[сратяне], Н.А. П[одкопаеве] и А.А. Л[индберге] – это доктора наук, лица с профессорскими знаниями, лица с большим научным стажем. Неужели я должен смотреть у них протоколы опытов для того, чтобы знать работают они или нет? Ведь это лица, на которых я рассчитывал, что они будут помогать другим...

...Я полностью принимаю вину на себя и должен признать, что при таком (долгом) изучении предоставил коллектив на некоторый срок самому себе, и выявляя активность того или другого члена, я недостаточно внимания уделял тому, чтобы активно толкать отдельных работников и руководить ими. Не просто для

этой группы сотрудников, которые привыкли к другой форме руководства, мое руководство оказалось новым и недостаточным. Но даже и младшие сотрудники сейчас настолько выросли, что могут работать и работают хорошо. И пройдет еще немного времени и работники сектора условных рефлексов (и старшие и младшие) будут настолько же активны, как и другие, так как долго вести на помочах нельзя!

Может быть, мне скажут: это неверно! Я не дал возможности развиваться т. Э.А[сратяну], я, наоборот, дал возможность: он является в учреждении полным хозяином. Он пользовался самостоятельностью здесь, но не мог сделать так, чтобы перенести все интересы сюда, и закрыл свою лабораторию, так как это было связано с необходимостью создать внутри института второе государство. Признавая свою вину в этом отношении, которая зависела и от крайней перегруженности меня работой, я должен закончить сегодня уверением, что я приложу все свои силы к тому, чтобы с помощью тех товарищей, которые хотят работать со мной и не меняют своих установок, двигать дело Ив[ана] П[етровича] и его дальше разрабатывать. Я не стану скрывать, что в последнее время, особенно за последние месяцы, предо мною все время стоял вопрос: как мне поступить? И у меня была склонность заявить в президиум Академии просьбу об освобождении меня от руководства институтом, потому что руководить институтом, в котором коллектив расшатан, конечно, нельзя. Я привык работать с коллективом, который все как один идут к одной цели. Такой коллектив у меня в Военно-медицинской академии, такой коллектив у меня был в Медицинском институте. Как только в нем начался раскол, я ушел из Медицинского института. Таков коллектив в Институте Лесгафта и таково большинство сотрудников этого коллектива. Подавляющее большинство может со мной работать. Значит, только отдельные люди еще не приспособились и не приладились. Я им сегодня заявляю, на основе тех решений, которые вынесены райкомом партии, которые нами признаны, я предлагаю им работать едино, действительно единым коллективом вместе со мной, я себе ничего не хочу забирать, я все свои силы отдаю коллективу, я не гонюсь за тем, чтобы создавать себе свою личную славу или чтобы побольше номеров работ себе напечатать. Вы все знаете, что мое несчастье или мой грех заключается в том, что я именно этого не делал, а что я все свое время отдаю коллективу, даю возможность людям, товарищам из коллектива вырасти и выдвинуться. И я предлагаю этот способ работы дальше, и все, кто хотят работать таким образом, пусть идут со мною, а кто не хочет — до свидания.

Я заявляю сегодня, что я переменял свое решение, я не буду обращаться к президенту с просьбой освобождения меня, а присоединяюсь к тем указаниям, которые даны комиссией и райкомом партии³, беру на себя обязательство работать дальше. И те оvationи, которые вы мне здесь устроили, и то отношение, которое было высказано в ваших речах⁴, являются для меня, конечно, достаточной гарантией того, что работа у нас должна пойти успешно. Я еще раз повторяю, что я никому из присутствующих или отсутствующих товарищей не предлагаю покидать институт, если они хотят работать в тех формах, которые у нас здесь приняты и которые санкционированы сегодняшним постановлением, т.е. работать действительно коллективно, все как один. Пожалуйста, всех этих я приглашаю продолжать нашу работу совместно и дальше. Но если эта форма кому-нибудь не подойдет, то я не могу принести в жертву интересы всего коллектива, интересы дела, для которого этот коллектив создан, интересам отдельных людей. Отдельным людям тогда нужно будет искать тех мест, где они могут разрабатывать свои частные интересы. На этом разрешите закончить.

Бурные, продолжительные рукоплескания были ответом на речь Л.А. Орбели.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ В ПРЕЗИДИУМ АН СССР
О ПРИСУЖДЕНИИ К.М. БЫКОВУ ПРЕМИИ имени И.П. ПАВЛОВА

Ленинград.

[1939 г.]*

Профессор К.М. Быков является одним из виднейших физиологов Советского Союза. Пройдя школу профессора Н.А. Миславского и академика И.П. Павлова и выполнив под их руководством несколько ценных работ, К.М. Быков вступил на путь самостоятельной научно-исследовательской работы и руководства исследовательской деятельностью молодых сотрудников. Ему удалось собрать около себя значительное число уже подготовленных исследователей и молодых начинающих работников и совместно с ними организовать систематическую разработку весьма важных и актуальных проблем физиологии.

Характерной чертой работы школы Быкова является широта охвата изучаемых проблем, разнообразие приемов исследования, богатство накопленного фактического материала, всегда соответствующая времени изучения трактовка его.

Быков имеет тенденцию изучить один и тот же вопрос параллельно на животных и на человеке, используя для этого клинический материал. Эта тенденция особенно отчетливо проводится им в деле изучения физиологии и патологии пищеварительного тракта.

Результатом этой параллельной лабораторной и клинической разработки является ряд сборников, в частности сборник "Исследования по физиологии и патологии пищеварительного аппарата человека", часть IV, 1938. В нем имеется новый богатый фактический материал, имеющий большое теоретическое значение и вместе с тем непосредственно обеспечивающий интересы здравоохранения.

Все это дает основание считать профессора К.М. Быкова заслуживающим присуждения ему премии имени И.П. Павлова¹.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 256. Л. 1. Автограф.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Л.А. ОРБЕЛИ
ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР В.Л. КОМАРОВУ

1 июня 1939 г.

Физиологический институт имени И.П. Павлова неоднократно возбуждал ходатайство о надстройке 2-го этажа над имеющимся питомником.

Указанная надстройка питомника предусматривалась нами при составлении сметы на 1937 г.

Согласно решению Президиума АН СССР от 3 апреля 1937 г. и 25 мая 1937 г. надстройка перенесена на 1938 г.

В апреле 1938 г. Институтом получено уведомление Управления делами АН СССР о том, что ему отпущено на капстроительство 72 тысячи рублей и что надстройка питомника снята с плана 1938 г.

10 февраля 1939 г. нами получена выписка из протокола заседания Президиума от 5 февраля 1939 г., что Институту отпустить 250 тысяч руб. на надстройку закрытого помещения для подопытных животных и обязать ОКС предусмотреть по плану капвложений на 1939 г. финансирование по титулу "реконструкция" 100 тысяч рублей.

На первый квартал Институту были открыты кредиты на 30 тысяч рублей, в силу чего Институтом был заключен договор со строительной организацией на постройку.

* Датируется по дате присуждения премии. (Примеч. сост.)

По имеющимся у нас данным сведениям Плановый отдел Совнаркома СССР не утвердил реконструкцию помещения для подопытных животных ФИНа на 1939 г.

Вопрос о надстройке помещения для подопытных животных ставится нами уже четвертый год. Имеющееся помещение для животных совершенно не удовлетворяет текущих потребностей Института. В питомнике для животных в настоящее время содержится до 170 подопытных собак, тогда как здание рассчитано на 40 животных. Скученность подопытных животных не только вызывает появление эпидемических заболеваний (чума, бешенство и пр.), но и повседневно затрудняет нормальную научную работу Института, особенно Отдела высшей нервной деятельности в постановке опытов, которая требует максимально однообразного и тщательно поставленного содержания животных. Новая тематика, в частности по повышению продуктивности сельскохозяйственных животных, развертывание новой фармакологической лаборатории, в соответствии с постановлением Президиума АН СССР, требуют совершенно необходимого значительного расширения существующих помещений для содержания животных.

На основании вышеизложенного считаю необходимым обратиться в Совнарком СССР с ходатайством об отпуске на текущий строительный сезон 150 тысяч рублей на реконструкцию помещения подопытных животных с тем, чтобы остальные 120 тысяч были отпущены в 1940 г.¹

Директор Института академик Л. Орбели.

АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 174. Л. 1. Авторизованная машинопись.

СПРАВКА

23 сентября 1939 г.

Лев Германович Лейбсон, заведующий лабораторией физиологии развития в Институте эволюционной физиологии и патологии в.н.д. имени Павлова (бывшая Биологическая станция ВИЭМ) в с. Павлово (Колтуши), является высококвалифицированным специалистом – физиологом, имеет ряд научных трудов, ученую степень кандидата биологических наук и ученое звание старшего научного сотрудника. В течение ряда лет он руководил научной работой нескольких более молодых работников и является весьма ценной научной силой. Желательно, чтобы знания, лабораторные навыки и исследовательский опыт товарища Лейбсона не пропали даром и он был использован как специалист.

Академик, дивизионный врач Л. Орбели,
директор Института эволюционной физиологии
и патологии в.н.д. имени Павлова.

Справка дана для представления в Педиатрический медицинский институт*.

Личный архив Л.Г. Лейбсона. Автограф.

НАБРОСОК ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С 22-й ГОДОВЩИНОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

[1939 г.]

Двадцать два года, прошедшие после Великого Октябрьского переворота, характеризуются пышным расцветом физиологической науки в Советских республиках. Если в дореволюционное время во всей Российской Империи мы имели лишь

* В Педиатрическом медицинском институте Лейбсон работал в 1935–1941 гг. (Примеч. сост.)

около трех десятков лиц, занимающихся разработкой экспериментальной физиологии, то в настоящее время их около тысячи.

Возникли десятки новых кафедр физиологии и физиологических лабораторий в исследовательских институтах. Возникло Всесоюзное общество физиологов, биохимиков и фармакологов¹, объединяющее ряд физиологических обществ республиканского и краевого значения. Регулярно собираются всесоюзные, республиканские и краевые съезды физиологов и специальные конференции, посвященные обсуждению отдельных вопросов физиологии, биохимии и фармакологии. Общество совместно с Наркомздравом СССР издает свой орган – "Физиологический журнал СССР", который, однако, не вмещает всей научной продукции физиологов Советского Союза, и значительная часть работ печатается в других периодических изданиях.

Правительство Советского Союза сделало все возможное для того, чтобы наилучшим образом обеспечить работу нашего гениального физиолога Ивана Петровича Павлова, и до последних дней жизни он был окружен заботливым вниманием Правительства. Это дало ему возможность развернуть работу по изучению физиологии коры больших полушарий мозга или физиологии высшей нервной деятельности значительно шире, чем он мог это делать в дореволюционное время. Однако наряду с этим Правительство не оставляло без внимания и другие физиологические школы, как, например, школы проф[ессора] Н.Е. Введенского и проф[ессора] Н.А. Миславского, а также ряд молодых школ, созданных учениками этих трех корифеев физиологии. И в настоящее время мы имеем десятки очагов, где интенсивно и целеустремленно изучается экспериментальная физиология.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф.

ОТЗЫВ Л.А. ОРБЕЛИ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.К. ПЕТРОВОЙ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПЕНСИИ

2 апреля 1940 г.

М.К. Петрова по образованию врач, имеет ученую степень доктора медицинских наук и ученое звание профессора. В течение многих лет М.К. Петрова работала в терапевтической клинике 1-го Ленинградского медицинского института, последовательно занимая положение ассистента, приват-доцента, профессора кафедры. В клинике приобрела большой врачебный опыт, эрудицию и потребность в теоретическом освещении ряда вопросов. Это привело ее в физиологическую лабораторию академика И.П. Павлова, в которой она проработала свыше 25 лет, сначала параллельно с клиникой, а потом с полной концентрацией сил и внимания на физиологических вопросах. М.К. Петрова внесла много нового в учение о физиологии и патологии пищеварения, связав данные Павловской школы с клиникой. Но особенную ее заслугу составляет длинный ряд трудов по высшей нервной деятельности, выполненных в непосредственном контакте с И.П. Павловым.

Можно утверждать, что весь раздел патологии высшей нервной деятельности, все учение об экспериментальных неврозах почти целиком базируются на экспериментальном материале М.К. Петровой. После смерти Ивана Петровича она с исключительной энергией, настойчивостью и большим экспериментальным чутьем продолжает разрабатывать эту область научного наследства Павлова и имеет новые, существенно важные достижения. Сам И.П. Павлов считал М.К. Петрову самой энергичной и достойной сотрудницей, о чем неоднократно высказывался в печати. И сейчас весь коллектив работников бывших павловских институтов высоко ценит ее как убежденного, энергичного и весьма успешно работающего сотрудника, автора блестящих страниц советской неврологии.

Академик Л. Орбели.

ОТЗЫВ О РАБОТЕ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА
"РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ (ОЧЕРК ТЕОРИИ)" (1940 г.),
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

[1940 г.]

Работа А.Н. Леонтьева "Развитие психики" рассмотрена мною по поручению Педагогического института имени Герцена¹. Она представляет собою большое двухтомное сочинение в 590 стр. машинописи и распадается на пять глав или разделов: I. Введение, II. Проблема генезиса психики, III. Экспериментальное исследование чувствительности, IV. Проблема исследования психики животных и V. Очерк развития психики в животном мире.

Как показывает подзаголовок "Очерк теории", центром тяжести труда являются вопросы методологии и теоретический разбор всего имеющегося материала по зоопсихологии, собственные же экспериментальные исследования автора и его сотрудников отходят на второй план.

Стоя на позициях марксистско-ленинской методологии автор подверг критике основные пути развития и теоретические позиции современной буржуазной психологии, показал необходимость применения исторического метода к психологии и изучению психики как естественного и неизбежного результата развития материи. Обсудив вопрос об объективных признаках чувствительности, автор предложил свой критерий для различения "чувствительности" и простой "раздражимости" и на основе этого критерия постарался разобрать на ряде примеров историю возникновения и генезис чувствительности.

Затем последовательно автор разбирает вопрос о тропизмах², инстинктах, интеллектуальных формах поведения животных, используя главным образом богатый литературный материал, а отчасти и исследования своих сотрудников.

Автор большое внимание уделяет критике тех направлений, которые пытаются объяснить сложное поведение животных, даже относительно просто организованных, с точки зрения учета какого-либо одного механизма или пытаются противопоставлять наследственные и приобретенные формы поведения, не учитывая их взаимодействия и совместного участия в фактическом природном поведении животных.

Книга свидетельствует о том, что автор широко эрудирован в вопросах зоопсихологии³, прекрасно владеет имеющимся в его распоряжении литературным материалом, прочно стоит на позициях диалектического материализма и умеет критически оценивать под этим углом зрения методические приемы, фактический материал и способы трактовки разбираемых работ.

Целый ряд выдвигаемых автором положений, хотя и не абсолютно нов, но представляет, безусловно, интерес ввиду новизны общего построения всей работы.

Работа изложена прекрасным вполне понятным, четким и точным языком.

Все это заставляет признать, что автору этого труда безусловно может быть присвоена ученая степень доктора педагогических наук.

Однако должны быть указаны также и отрицательные стороны труда Леонтьева А.Н.

1. Работа не имеет облика диссертации в общепринятом смысле слова, а скорее походит на раздел большого многотомного Handbuch'a. Нет обычного деления на введение с постановкой проблемы, литературный обзор, собственные исследования, заключение и выводы. Нет отдельного библиографического указателя, а цитируемый материал указан в тексте и сносках.

2. Литературный материал, собственные наблюдения автора или его сотрудников так тесно переплетены, что представляют совершенно стройную систему

изложения предмета, но вместе с тем крайне затрудняют выявление роли автора как зоопсихолога-исследователя, и рецензент не может решить, имеет ли он дело с методологом, основательно знакомым с фактическим материалом, или с экспериментатором, основательно знакомым с фактическим материалом, или с экспериментатором, лично пережившим значительную долю трудностей, стоящих на пути зоопсихологических исследований.

3. Отсутствие библиографического списка, разбитого по главам, мешает выяснению вопроса о полноте охвата имеющейся литературы, лишает читателя возможности проверить отношение автора к тем или иным школам, к тем или иным авторам – нужно непременно читать книгу от начала до конца, чтобы узнать, о ком или о чем автор счел нужным писать в своей книге. Эти затруднения усугубляются отсутствием детализированного оглавления. Даже наличное оглавление с перечнем пяти глав грешит отсутствием указания начальных страниц.

4. Вкравшиеся опечатки в машинописи не всегда исправлены (в моем экземпляре). Имеются ошибки в иностранных сносках, написанных от руки, по-видимому, не автором – ясно можно различить три почерка. Но этих опечаток и ошибок немного и они легко могут быть исправлены.

5. По существу работы нельзя не указать на произвольность выбора критерия, по которому автор пытается различить чувствительность от раздражимости, а вместе с тем отсутствие четких критериев для суждения о тех признаках, которые автор считает критерием для этого различия. Отсюда неизбежная расплывчатость и необидительность выводов. По некоторым положениям автора можно с ним подискутировать. Нельзя не отметить также той легкости, с которой автор в конце книги попросту отмахивается от трудно разрешимого вопроса о субъективной стороне изучаемых явлений, использовав для этого красивую цитату.

Перечисленные недостатки работы отнюдь не могут служить препятствием к высокой оценке предложенного труда, и автору ее, безусловно, может быть присуждена ученая степень доктора педагогических наук.

Академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–6. Автограф.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ¹ (из стенограммы Общего собрания АН СССР)

29 мая 1941 г.

Товарищи, моя задача в значительной степени облегчена тем докладом, который только что сделал В.П. Бушинский², и мне не придется останавливаться на тех общих принципиальных вопросах, которые были достаточно ярко затронуты и освещены. Но я считаю долгом отметить, что поручение, данное Общим собранием Отделению биологических наук, основанное на поручении правительства заняться разработкой тех конкретных мероприятий, которые обеспечили бы получение продуктивности сельскохозяйственных животных, повышение продуктивности животноводства у нас в стране, встречено было всеми членами Биологического отделения, работающими в области зоологии и биологии животных, с большим воодушевлением и большим интересом. Работа комиссии³, которую мне пришлось возглавить, протекала в очень дружных, хороших тонах, причем все учреждения АН СССР, привлеченные к этой работе, сразу же внесли ряд конкретных предложений, свидетельствующих о том, что уже в нынешнем году АН может сделать и делает ряд важных работ, направленных к достижению поставленной перед нами цели.

Однако, конечно, следует остановиться на вопросе о роли АН в этой важной задаче и о ее взаимоотношениях с Ленинской сельскохозяйственной академией⁴ и с

рядом животноводческих учреждений Наркомзема и Наркомата животноводческих совхозов. Эти вопросы стояли и перед членами комиссии и перед отдельными членами Отделения биологических наук, но как будто бы найден общий язык и мы подходим к этому вопросу с совершенно ясными и определенными установками. Хотелось бы получить в этом отношении указания со стороны Общего собрания. Общее собрание должно будет или одобрить нашу основную линию, или показать наши ошибки, дать новые направления. Мы исходили из того, что само поручение ОС говорило о том, чтобы заняться разработкой научных основ для улучшения животноводства. В этом скрывается ответ на волнующий вопрос, который стоял перед некоторыми, – не превращается ли АН в животноводческое учреждение? Конечно, нет, потому что речь идет не о том, чтобы АН переключиться на работу в области практического животноводства, а о том, чтобы разработать научные основы животноводства. И на чем же может основываться животноводство, как не на данных теоретической биологии. Следовательно, все важнейшие биологические проблемы, стоящие перед АН, должны быть использованы в интересах повышения и улучшения качества животноводства.

Перед АН, конечно, встает целый ряд вопросов, которые представляют не только прикладной интерес для изменения качества и размеров нашего животноводства, но ряд вопросов, которые имеют исключительно теоретическое значение. И что это так ясно из того, что все основные вопросы, стоящие перед животноводством и возникшие сейчас перед АН, оказывается в большей или меньшей степени стоят в планах АН и занимают внимание работников академических учреждений.

Второй вопрос – это вопрос о взаимоотношениях между Ленинской академией и животноводческими учреждениями наших наркоматов, с одной стороны, и АН, с другой стороны. Должна она [АН] подменять их или нет? Совершенно ясно, что ни о какой подмене не может быть речи уже потому, что объем работы в области животноводства настолько велик, что никакая единая Академия не в состоянии была бы охватить все эти вопросы и исследовать их в полном объеме. Следовательно, речь идет о том, чтобы установить с этими учреждениями настоящий деловой контакт, выявить все те трудности, которые сейчас стоят перед практическим животноводством, те теоретические трудности, которые испытывают и которые они не могут разрешить своими силами, не используя высококвалифицированные силы академических институтов и богатых ресурсов, которыми обладает Академия, занимаясь разработкой наиболее ответственных, наиболее трудных теоретических вопросов, и тем облегчить работу учреждений практического и прикладного характера.

Третий волнующий вопрос, который стоял перед некоторыми членами комиссии, заключается в том: не значит ли это, что АН должна бросить все то, чем она занималась раньше, и целиком отдавать все свои силы интересам животноводства? Опять-таки ошибочная точка зрения, совершенно зря возникающая, потому что об этом нет и не может быть речи; само собою понятно, что Биологическое отделение АН не может отдавать свои силы какой-нибудь одной стороне народнохозяйственной жизни, как бы важна эта сторона не была. От нас требуют и будут требовать вести наши научные исследования во всех направлениях, важных для развития народнохозяйственной жизни страны, важных для поднятия обороноспособности страны. Следовательно, как вопросы, интересующие, волнующие медицинскую науку, так и вопросы, занимающие сельскохозяйственную науку, вопросы обороны должны оставаться и будут оставаться нашей непосредственной обязанностью. Работы учреждений нашего БО должны быть направлены к тому, чтобы теоретические исследования, теоретические работы наши были максимально использованы во всех сторонах жизни нашей страны. Вот те установки, из которых мы исходим.

Обращаюсь непосредственно к той проблеме, которая сейчас перед нами встала, — обеспечить интересы животноводства и дать научное обоснование повышению продуктивности животноводства, — она сразу же вылилась перед нами после того, как мы привлекли к участию в нашей работе кроме работников академических учреждений еще ряд компетентных в этом вопросе лиц. В комиссии принимал участие академик Завадовский. На Общем собрании БО кроме академика Завадовского принимал участие также академик Лискун, которые своими ценными советами и указаниями оказали очень большую пользу комиссии, высказывания и мнения которых комиссия учла.

Когда речь идет о повышении роли животноводства, то работа здесь должна и может идти в различных направлениях. Эти направления до известной степени уже отражены в довольно определенной четкой форме в тех направлениях XVIII съезда партии⁵, которые и явились толчком для вовлечения АН в эту работу. Речь должна идти, с одной стороны, о повышении поголовья сельскохозяйственных животных, с другой — об управлении количеством и качеством ценной продукции, которую эти животные дают. Но когда мы говорим о животноводстве, встает один очень важный вопрос, который тоже должен быть обсужден и решен в ОС: что понимать под животноводством? В этом отношении высказывались разные мнения и окончательное решение должно быть, конечно, принято здесь в ОС. Комиссия поняла свою задачу расширительно, понимая под животноводством руководство развитием, ростом, размножением и использованием всех животных организмов, которые могут иметь народнохозяйственную значимость. Следовательно, сюда входит изучение вопросов, связанных с продуктивностью сельскохозяйственных животных, в узком смысле слова — коров, овец, свиней, лошадей, а также вопросы рыбоводства, вопросы пушного и мясного звероводства, вопросы птицеводства, вопросы разведения хозяйственно полезных насекомых и т.д. Со стороны отдельных членов Академии были высказаны сомнения правильности такого подхода и ставился вопрос о том: нецелесообразно ли ограничить в данном случае задачу Академии, направив ее работу только в сторону тех видов животных, которые носят название и являются сельскохозяйственными животными в обычном понимании этого слова. Комиссия решила, что этот вопрос должен найти окончательное свое решение в высших академических инстанциях, и поэтому подготовила материал, который охватывает все животноводство в расширительном его понимании, с тем, чтобы в условиях указания на необходимость ограничения задачи некоторые вопросы могли быть отсечены и отнесены на более отдаленные отрезки времени.

Переходя к более конкретным задачам, комиссия поставила перед собой следующую план. Во-первых, установить общие задачи, которые должны стоять перед Академией, которые стоят перед животноводством и которые выразились в этих двух основных проблемах повышения поголовья, с одной стороны, и улучшения количества, качества, повышения полезной продукции животных. Но принимая во внимание целый ряд трудностей, которые с этим связаны, комиссия решила разбить эту работу на две части: с одной стороны и в первую очередь, выявить все то, что может быть сделано силами АН в настоящий момент в 1941 г. для того, чтобы не откладывать ни на один день наше участие в этой работе на отдаленный срок и, следовательно, учесть все те возможности, которые сейчас уже даны, которые нашли себе отражение в планах академических учреждений в 1941 г. и которые могут быть легко включены в этот план без ломки и без дополнительных расходов; с другой стороны, — ряд мероприятий, которые будут направлены к тому, чтобы обеспечить более широкое и более плановое развитие работ этих в 1942 г. и в последующие годы. В интересах этого более планомерного и более широкого развития работ комиссия предлагает ряд организационных мероприятий, в первую очередь, создание при Академии, вернее всего при Биологическом отделении, постоянного органа, который руководил бы работой академических учреж-

дений в направлении повышения продуктивности животноводства, объединил бы и координировал работу всех академических учреждений с Ленинской сельскохозяйственной академией и другими животноводческими учреждениями нашего Союза.

Затем [комиссия] ставит вопрос о создании внутри Академии ряд учреждений, которых не хватает АН в данный момент, которые могли бы оказаться полезными, а может быть, и необходимыми для правильного развертывания работ. Затем ставит задачу установления контакта между центральными учреждениями АН, с одной стороны, и филиалами и базами АН, с другой, а также с рядом совхозов и животноводческих учреждений периферических, которые могли бы обеспечить АН определенную базу для проведения этих работ. В этом отношении наиболее сложное положение заключается в том, чтобы уделить сугубое внимание вопросам питания. Этот вопрос был поднят и в Ленинграде профессором Дьяконовым – крупным представителем животноводства у нас в Союзе, и здесь академиком Лискуном. Вопрос заключается в том, что наше животноводство в вопросе питания до сих пор еще питается старыми, устарелыми научными основами, и, как выяснилось из выступления академика Лискуна, даже такой вопрос, как рациональные основы питания в данный момент в области животноводства стоит еще на совершенно устарелых позициях. Если для нас, физиологов, работающих в области общей биологии и в области медицины, одни эмпирические расчеты при установлении рационального кормления человека и домашних животных уже давно кажутся недостаточными, и существенное внимание уделяется вопросу минерального питания и в особенности вопросу витаминизации пищи и использования витаминов, то, как выяснилось из выступления академика Лискуна, в области животноводства до сих пор еще придерживаются одних только эмпирических расчетов, без учета в достаточной мере тех двух сторон, о которых я только что говорил. По-видимому, дело так действительно обстоит; это выяснилось из некоторых практических указаний и непосредственных обращений к нам со стороны профессора Дьяконова в Ленинграде. Выяснилось, что вопрос о рациональном направлении питания животных в целях создания благоприятных условий существования сельскохозяйственных животных до сих пор остается на низком, отсталом уровне.

В связи с этим возникает предположение поставить перед Президиумом АН, а затем перед ОС вопрос о создании в системе АН института, который охватил бы своей деятельностью все важнейшие вопросы физиологии и патологии питания. Это большая и трудная задача, но принимая во внимание ее крайнюю важность и отсутствие рационально построенного, рационально созданного и обеспеченного надлежащими кадрами и ресурсами Института питания у нас в Союзе вообще, мне кажется, что к этому вопросу нужно отнестись с достаточной серьезностью и принять все меры к тому, чтобы такое учреждение было создано⁶.

В частности, выяснилось, что такой существенно важный вопрос, как вопрос удойности коров, вопрос, который неоднократно поднимался в президиуме АН, в частности академиком Варга, и который как будто уже оказывается в достаточной степени изученным, потому что теоретическая физиология располагает большим запасом данных, касающихся вопроса о том, чем управляется процесс образования молока и деятельность молочных желез, однако он, по-видимому, в практике нашего животноводства достаточного применения себе еще не находит, и вопросы развиваются там в значительной степени эмпирически. С одной стороны, академик Варга как экономист ставит перед нами задачу обратить особое внимание на вопрос удойности коров, так как по имеющимся у него материалам наш Союз оказывается несколько отстающим от европейских стран, в частности от Германии. Со стороны академика Лискуна мы получили чрезвычайно важные указания, и такие же указания мы получили от профессора Дьяконова, что оказывается на некоторых участках у нас удойность коров во много раз превышает все другие

страны и что в некоторых наших совхозах достигнуты такие цифры удойности, которых до сих пор никто никогда не знал. В этом отношении мы значительно перегнали европейские страны. Но наряду с этим оказывается, что эти коровы-рекордистки погибают через сравнительно очень короткий срок – один-два года, и погибают при явлениях тяжелой маляции костей – при картине, которая совпадает с хорошо известной в медицине картиной – острой остеомалацией*. Эта маляция связана с резким нарушением не только кальциевого обмена, но вообще обмена веществ, но точных данных относительно характера нарушения питания, нарушения обмена веществ у этих коров-рекордисток у наших животноводов нет и не может быть, потому что для этого нет достаточной базы.

Таким образом, мы приходим как будто к выводу, что создание при помощи АН и других учреждений таких очагов, которые могли бы эти важные практически, а вместе с тем чрезвычайно важные и теоретически вопросы поднять и разрешить, является делом совершенно необходимым. Действительно, если коровы-рекордистки, давая нам колоссальный прирост удойности, колоссальный прирост количества даваемого молока, будут через один-два года погибать, то мы вместо положительных результатов пришли бы к отрицательным результатам. Поэтому требуется специальное изучение этого вопроса для того, чтобы от полезного дела не прийти к вредному делу, для того, чтобы гарантировать и большие выходы молока и вместе с тем сохранение нормальных условий питания и обеспечения жизненного существования этих животных и их длительного использования.

В этом отношении у нас в ФИНе имени И.П. Павлова уже приняты меры и сделаны первые шаги для того, чтобы к этому делу обратиться с теми наличными силами, которыми мы сейчас располагаем, чтобы в этой очень ответственной области сделать то, что нам позволяют наши силы. Но, конечно, этот частный вопрос, сам по себе взятый, едва ли может быть нами окончательно разрешен, если не будут учтены и все другие вопросы рационального питания и содержания сельскохозяйственных животных.

Переходя к конкретному плану работ, я должен указать на то, что мы ставили перед собой задачу научной разработки ряда вопросов, связанных, во-первых, с борьбой за увеличение, прежде всего, продуктивности сельскохозяйственных животных. Эта борьба за сохранение молодняка, взрослых коров, т.е. за ограничение отхода, за управление циклом размножения в целях повышения продуктивности. Этот вопрос, в свою очередь, распадается на борьбу с яловостью, с импотенцией, и, с другой стороны, на борьбу за активное повышение продуктивности. Первая сторона – это борьба с тем, что снижает нормальную продуктивность, воспроизводительную способность; вторая – это борьба за то, чтобы перейти от норм к более высоким показателям.

В деле борьбы с отходом поголовья сейчас уже существуют в АН различные предложения, развернут ряд работ, направленных на борьбу с результатами инфекций и инвазий. Академик Павловский и академик Скрябин наметили ряд тем, которые я не буду здесь перечислять, чтобы не задерживать ваше внимание, и которые направлены на борьбу с тяжелыми инфекциями и инвазионными заболеваниями, вызывающими колоссальный отход молодняка сельскохозяйственных животных.

Академик Павловский предполагает рассмотреть в своей работе по изучению роли клещей и кровососов как передатчиков болезни; затем борьба с грызунами, которые являются носителями питания клещей и от которых клещи переносят к нам различные вирусные инфекционные заболевания. Специально разрабатывается мера борьбы с этими грызунами, с их очагами, являющимися очагами существования клещей.

* Размягчение, разрушение костей. (Примеч. сост.)

Академик Скрябин предполагает расширить и начать новые работы, направленные на оздоровление овцеводческого хозяйства путем борьбы с теми гельминтами, которые являются причиной заболевания и гибели овец. Точно так же его внимание будет направлено на борьбу с гельминтами, которые поражают лошадей и кроликов. Затем специальная борьба с легочными гельминтами овец, которые поражают наши стада в Армении и Казахстане. Внимание академика Скрябина будет направлено еще и на борьбу с вредителями-паразитами, снижающими яйценоскость птиц, т.е. будет направлено в сторону повышения нашего птицеводства.

В области борьбы с яловостью предусмотрен ряд работ как в Институте эволюционной морфологии имени Северцова, так и в ФИНе имени Павлова. Направление этих работ несколько различно. Институт эволюционной морфологии, используя теоретические основы учения академика Павлова, предполагает использовать учение об условных рефлексах для того, чтобы руководить воспроизводительной жизнью сельскохозяйственных животных, в частности лошадей и овец. Физиологическим институтом разрешается специальный вопрос, касающийся причин бесплодия сельскохозяйственных животных и управления гормональным хозяйством организма, теми гормонами, которые имеют отношение к половому циклу и обеспечивают нормальную плодовитость животных.

С одной стороны, ведутся работы, которые должны указать причины возникновения яловости, с другой – разрабатывается ряд приемов, которые должны активно повышать воспроизводительную способность.

Переходя к вопросу об управлении продуктивностью сельскохозяйственных животных, мы должны поставить вопрос главным образом перед зоологическими учреждениями АН об улучшении племенных стад и о рациональном районировании сельскохозяйственных животных. Тут встает целый ряд важных вопросов, связанных с использованием как метисного метода, так и изучения свойств гибридов, затем изучение тех изменений, которые могут быть вызваны в полезной продукции сельскохозяйственных животных путем регуляции роста, хода развития; исключительный интерес представляет разработка вопроса о том, каким путем воздействуя на организм в эмбриональном периоде его развития, можно обеспечить те или иные качества сельскохозяйственных животных во взрослом состоянии. Надо сказать, что подобного рода задачи у нас стоят уже давно совершенно независимо от интересов сельского хозяйства. Один из важнейших вопросов биологии заключается в том, как можно направить ход развития организма, какие можно ему придать возможности, если воздействовать на организм в ранних стадиях его развития, и в какой мере эти изменения, вызванные на ранних стадиях развития, оказываются препятствующими для размножения животных, а если не оказываются препятствующими, то в какой форме найдут себе отражения в последующих поколениях.

Такого рода исследования на эмбрионах как птичьих, так и на эмбрионах млекопитающих, проведенные в ФИНе и в родственном ему, комплексно с ним работающем Институте Павлова в Колтушах, они обещают дать нам очень много как для теоретической биологии, так и для вопросов, связанных с животноводством. Усиление этой работы, конечно, должно составить задачу того органа, который должен быть создан при Биологическом отделении.

Теперь о вопросах, связанных с животноводством, сельским хозяйством в узком смысле этого слова. Биологическое отделение считает необходимым разработку основ научных работ хозяйственного использования водоемов местного назначения. Дело в том, что сейчас в итоге реконструкции водного хозяйства, которая в огромном масштабе проводится в нашей стране, когда создаются колоссальные водохранилища, изменяются направления рек, русла меняются, создается целый ряд препятствий для естественного передвижения рыбы, создаются новые условия

для существования различных организмов в новых водохранилищах. Здесь перед АН встает ряд вопросов большого теоретического значения, которые предусмотрены были в прошлом году.

Академия ставила и ставит перед собой задачу – использовать этот грандиозный проект реконструкции нашего хозяйства как грандиозный биологический эксперимент, дающий возможность разрешить важнейшие проблемы дарвинизма. Вместе с тем ясно, что эти работы должны быть направлены и могут быть направлены на то, чтобы использовать этот эксперимент в интересах нашего народного хозяйства. Может быть, простым спокойным наблюдением тех изменений, которые будут происходить в флоре и фауне этих водохранилищ из-за изменения уровня водоемов, появления новых водохранилищ и обмеления ранее существовавших водохранилищ, и можно использовать эти данные, чтобы сознательно управлять процессом и обеспечить нам рост и умножение хозяйственно ценных, хозяйственно полезных пород рыб и бороться с рыбами-сорняками, которые без активного нашего участия могут целиком занять эти водоемы. В этом отношении и теоретические и чисто практические интересы сходятся, и Академии странно было бы отказаться от этих проблем, если принять во внимание то, что уже и раньше эти вопросы стояли в плане Академии по проблеме дарвинизма, с одной стороны, и с другой, ... в стенах академии работает такой исключительно крупный специалист по рыбному делу, как член-корр[еспондент] АН СССР Л.С. Берг. И комиссия сочла своим долгом подчеркнуть необходимость в составе будущего органа иметь специальный раздел, занимающийся вопросами рыбоводства, и привлечь к этому Л.С. Берга. Сюда же входит ряд вопросов, связанных с реконструкцией промысловой фауны Каспийского моря, и разработка проблем биологической продуктивности Черного и Баренцева морей, выяснение ряда специальных вопросов, относящихся к проблеме промыслового рыбозаведения, в частности изучения причин смертности мальков, промысловых рыб в рыбоводных хозяйствах на разных стадиях развития. Эти работы, конечно, должны проводиться в тесном контакте не с ВАСХНИЛ, а с Всесоюзным научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства.

Дальше, комиссия нашла нужным факультативно внести в проект ряд вопросов, связанных с выяснением естественного воспроизводства крупной мясной дичи с целью установления норм плотности охотничье-промысловых животных в естественных лесных угодьях, а также норм отстрела мясной дичи. Затем, выяснение типов воспроизводства водоплавающей птицы в естественных угодьях, установление пищевой базы при данной плотности населения и установление норм отстрела птиц.

Я еще раз подчеркиваю, что это расширительное понимание животноводства принято комиссией с тем, чтобы Общее собрание решило, охватывать ли нам эту работу во всем объеме или только сельскохозяйственных животных.

Теперь последний вопрос, на котором считаю нужным остановить ваше внимание. Он заключается в том, что если в области растениеводства Академия наша достаточно богата силами, то в отношении вопросов, связанных с животноводством, дело обстоит хуже, т.е. у нас имеются очень авторитетные зоологи, имеется ряд лиц, работающих в области физиологии животных, но совершенно нет в составе АН СССР специалистов, непосредственно и тесно связанных с животноводством. И комиссия считает нужным поставить этот вопрос перед Общим собранием: не является ли своевременным вовлечение в работу Академии в той или иной форме наиболее авторитетных лиц, работающих в области практического и научного животноводства.

Теперь еще более существенный срочный вопрос – это вопрос подготовки кадров. Я должен обратить внимание на то, что если наша физиология сейчас, благодаря толчкам, данным Сеченовым, Павловым, Введенским, занимает одно из

ведущих мест в мировой физиологии, то все это касается тех вопросов физиологии, которые носят или теоретический биологический характер, или преимущественно направлены на пользу медицины; физиология животноводческая, разработка проблем, непосредственно нужных, непосредственно интересующих животноводство, в нашем Союзе практически почти отсутствует. И, к несчастью, дело обстоит так, что в многочисленных сельскохозяйственных вузах, сельскохозяйственных животноводческих исследовательских учреждениях кафедры физиологии и исследовательские лаборатории возглавляются лицами с медицинским или биологическим образованием, лицами, мало знакомыми с практической стороной животноводства, и исследовательские работы этих учреждений в подавляющем большинстве случаев носят характер повторения тех же проблем, тех же тем, которые разрабатываются в институтах биологических и медицинских. Специальные животноводческие вопросы, особенно актуальные для сельского хозяйства, остаются обойденными. И между физиологами и животноводами у нас существует, несомненно, разрыв. Поэтому комиссия считает [своим] долгом привлечь к этому вопросу внимание ОС и поставить на очередь вопрос о том, чтобы силами академических учреждений подготовить кадры физиологов, работающих в области животноводческих проблем, используя для этого лиц с биологическим и сельскохозяйственным образованием. В этом отношении потребуются опять-таки совместная работа академических институтов и сельскохозяйственных вузов. В этом отношении в первую очередь предлагает свои услуги ФИН имени Павлова. Но я не сомневаюсь, что и другие физиологические учреждения нашей Академии на это откликнутся и помогут нам.

Как председатель Всесоюзного общества физиологов должен обратить внимание на то, что Всесоюзное общество физиологов, насчитывающее в Союзе тысячу членов, имеет в своем составе около одного десятка физиологов, связанных с сельскохозяйственными учреждениями, а если разобраться в направлении их научной продукции, то их научная продукция примыкает только к общим вопросам физиологии и далеко отстоит от вопросов животноводства.

На этом разрешите закончить и добавить только, что после того как две комиссии – комиссия члена-корр[еспондента] Бушинского и комиссия под моим председательством – закончили свою работу, мы договорились о том, чтобы рекомендовать Президиуму и ОС создание единого органа⁷ в виде постоянной комиссии или в ином виде, но органа, который объединял бы работу как в направлении создания устойчивых урожаев, так и в сторону повышения продуктивности сельскохозяйственных животных для того, чтобы все эти работа народнохозяйственного значения были сосредоточены в одних руках и чтобы была правильная координация этих работ. Как вы слышали из доклада В.П. Бушинского, целый ряд вопросов являются общими. Мы не можем поднять поголовье сельскохозяйственных животных, если мы не обеспечим для этого достаточную кормовую базу. Мы не можем бороться за улучшение качества кормов, если с этой стороны не будет проделана работа ботаниками, которые предложат новые виды кормов и изыщут средства повышения их урожайности. Вопросы использования навоза также являются общими, и таких общих пунктов можно указать десяток.

Разбивать работу между двумя отдельными комиссиями было бы нецелесообразно. Поэтому мы предлагаем объединить их в одних руках, и Отделение, со всей страны, выдвигает в качестве председателя руководителя этих работ В.П. Бушинского. Отделение также постановило просить Президиум АН включить Бушинского в состав Биологического отделения⁸ с тем, чтобы он имел возможность более непосредственного участия в этих работах.

ОТЧЕТ В ПРЕЗИДИУМ АН СССР О НАУЧНОЙ РАБОТЕ
ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени И.П. ПАВЛОВА
АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА ВОЕННЫЙ ПЕРИОД

[1941 г.]*

Научно-исследовательская работа Физиологического института на вторую половину 1941 г. и 1942 г. планируется, исходя из тех соображений, что физиология как основная экспериментальная наука должна разрешать те теоретические и практические проблемы, которые выдвигает перед органами здравоохранения военная обстановка. В соответствии с этим и была произведена перестройка научной тематики мирного времени.

Работы Института группируются вокруг следующих основных проблем:

1. Изучение физиологических механизмов расстройств, возникающих в результате боевых повреждений, и изыскание методов рационального лечения их.
2. Изыскание новых методов диагностики последствий ранений.
3. Исследование специальных условий военных профессий.
4. Изыскание и исследование новых пищевых ресурсов.
5. Засекреченные темы по специальным заданиям.

Вместе с тем в плане Института были сохранены основные научные проблемы, которые составляли результат многолетних исследований мирного времени, т.к. сохранение и развитие теоретической науки составляет как раз одну из задач учреждений Академии наук в переживаемый нами период. Однако и работы по этим же физиологическим проблемам направлены таким образом, чтобы они были максимально связаны с обстановкой, создаваемой войной. К этим проблемам относятся:

1. Изучение высшей нервной деятельности человека и животных. Центральное место в этой проблеме занимает физиологический анализ нарушений функции органов чувств и высшей нервной деятельности, наблюдаемых при контузиях и травмах мозга, и изучение психоневрозов военного времени в свете учения акад. И.П. Павлова.

2. Роль автономной нервной системы в регуляции физиологических процессов. Наибольшее внимание уделено в этой проблеме исследованию влияния автономной системы на течение процессов, вызванных боевыми повреждениями.

Физиологические закономерности эволюционного процесса. В этой проблеме подвергаются изучению вопросы кислородного голодания, как имеющие значение для летного дела и для отравления Б[оевыми] О[травляющими] В[еществами], и вопросы эволюции нервно-мышечной функции, имеющие значение для понимания сущности контрактур, возникающих в результате ранений, и для изыскания способов скорейшей регенерации поврежденных нервов.

В своей работе Институт теснейшим образом связан с органами военно-санитарного управления Красной Армии и в первую очередь с госпиталями. Большая часть работы Института проводится на материале госпиталей г. Казани, и в процессе этой работы осуществляется непосредственное ознакомление с теми проблемами, которые возникают перед медициной военного времени.

За период военного времени Институтом закончены и переданы для использования оборонным организациям следующие работы:

1. Исследование эффективности тренировки летчиков к высоте в барокамере.

Отчет передан в Главное военно-санитарное управление, которое объявило благодарность участникам работы.

2. О применении бензедрина для борьбы с утомлением летного состава.

Отчет передан в Главное военно-санитарное управление.

3. Критический обзор литературы о бензедрине (вещество для борьбы с утомлением) – передан в Главное военно-санитарное управление.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

4. Влияние квиетала и фенамина на вегетативную нервную систему.

Отчет передан в Главное военно-санитарное управление.

5. Новый метод ранней диагностики септических заболеваний.

Отчет передан в Главное военно-санитарное управление. Метод практически применяется в некоторых госпиталях г. Казани.

6. Произведено исследование ряда новых пищевых средств.

Следующие работы значительно продвинулись в лабораторной разработке и могут быть закончены и переданы для использования через непродолжительный срок:

1. Условия образования отека мозга и способы борьбы с ним. Травма черепа и оперативное вмешательство на центральной нервной системе нередко осложняются отеком мозга. Условия образования этого тяжелого осложнения совершенно не выяснены, и разрешение этой проблемы настоятельно требует нейрохирургия.

2. Токсический отек легких и изыскание способов его предотвращения.

Отек легких – непосредственная причина смерти при отравлении многими боевыми отравляющими веществами. Изыскание способов предотвращения отека явилось бы основой для лечения газоотравленных.

3. Выяснение причин поздней смерти от ожогов.

При обширных ожогах смерть наступает не в связи с тяжестью местного поражения, но в результате общего нарушения жизнедеятельности организма. Установлены механизмы этих нарушений и уже можно приступить к выработке терапевтических мероприятий.

4. Выяснение механизма влияния низких температур на тканевые процессы.

Исследование имеет непосредственное значение для терапевтических мероприятий по борьбе с обморожениями.

5. Исследование изменений в органах чувств при контузиях и травмах мозга.

Работа имеет своей целью дать материал для установления новых диагностических приемов исследования поражений центральной нервной системы.

6. Токсикологические исследования новых боевых отравляющих веществ (засекречено).

При рассмотрении отчета Физиологического института следует иметь в виду особо неблагоприятные условия работы, в которых он находится с первых недель войны по сие время.

Получив приказ быть готовым к эвакуации в половине июля 1941 г., Институт сложил свое наиболее ценное оборудование и нормальный ход работ был коренным образом нарушен. Эвакуации, однако, не последовало. Все оборудование осталось в Ленинграде, а сотрудники Института прибывали в Казань небольшими группами вплоть до самого последнего времени. В Казани Институт не имеет собственного помещения и работает на базе лабораторий Казанского медицинского института, используя их далеко недостаточное оборудование.

Директор Института академик Л.А. Орбели.

АРАН. Ф. 530. Оп. 1. Д. 166. Л. 63–66. Авторизованная машинопись.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ А.Г. ГИНЕЦИНСКОГО В ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АН СССР

28 февраля 1943 г.

Выдающаяся научная деятельность А.Г. Гинецинского касается важнейших разделов физиологической науки, из которых следует отметить исследования по физиологии симпатической нервной системы, по дыхательной функции крови растущего организма и по развитию нервно-гуморальных связей в мышечной ткани.

Работы А.Г. Гинецинского по физиологии симпатической иннервации скелетной мышцы представляют собой пример исследований, в которых обнаружены факты, ставшие классическими и прочно вошедшими в мировую физиологическую науку. Этими исследованиями впервые были показаны глубокие влияния, оказываемые симпатической нервной системой на деятельность утомленной скелетной мышцы, находящейся как в аэробных, так и в анаэробных условиях, и экспериментально обнаружены совершенно новые типы физиологических механизмов регуляции функций.

Другая группа работ А.Г. Гинецинского, выполненная им совместно с рядом сотрудников, проливает свет на эволюцию дыхательной функции крови на основе изучения кривых диссоциаций гемоглобина на различных этапах эмбрионального развития.

Обнаруженные факты представляют такой значительный интерес, что А.Г. Гинецинский получил предложение от Оргкомитета Международного конгресса выступить с обзорным докладом о своих работах на пленарном заседании Конгресса в Берне* в 1938 году¹.

Третья группа работ, выполненная А.Г. Гинецинским и рядом его сотрудников, касается вопроса о гуморальных механизмах распространения возбуждения в нервно-мышечном приборе.

На основании широкого, многостороннего изучения явлений А.Г. Гинецинский получил новые важные факты, подтверждающие независимо от иностранных исследователей роль ацетилхолина в нервно-мышечной передаче². Идя дальше по этому пути исследования, обнаружил непосредственный возбудимый к ацетилхолину субстрат мышечной ткани и дал способ его количественного определения. Это дало ему основание для создания определенных теоретических представлений о развитии и дифференцировке функции различных отделов мышечной ткани.

Все работы А.Г. Гинецинского проникнуты эволюционным направлением и характеризуют его, как вполне современного по направлению мыслей и по технике выполнения экспериментатора. По содержанию же своему они имеют непосредственное значение для построения новых представлений о нормальных и патологических процессах в нервно-мышечном приборе, а потом должны составлять научную базу для новых представлений в медицине.

Кроме того, следует отметить выдающуюся профессорско-преподавательскую деятельность А.Г. Гинецинского, которая нашла свое выражение в создании совместно с А.В. Лебединским превосходного руководства по физиологии³. Это руководство по оригинальности трактовки вопросов и по полноте и доступности изложения, несомненно, является одним из лучших руководств по физиологии.

Александр Григорьевич Гинецинский вырос в советский период и является в настоящее время наиболее выдающимся, более компетентным и активным физиологом нашей страны. Он сочетает в себе исключительное экспериментаторское мастерство с большой эрудицией, редкой способностью организатора научных исследований, умением привлекать молодых сотрудников и правильно направлять их подготовку к научно-исследовательской деятельности. Избрание его в члены-корреспонденты диктуется тем, что он является постоянным и незаменимым участником всех оборонных работ в области физиологии, экспертом по важнейшим вопросам, выдвигаемым военными организациями, и наряду с этим одним из основных руководителей подготовки кадров. Нельзя не считать с тем, что, неся огромную ответственную работу в Академии наук, в Физиологическом институте им. акад. И.П. Павлова⁴, профессор Гинецинский сумел одновременно с этим организовать

* Следует уточнить, что XVI Международный физиологический конгресс проходил в Цюрихе. (Примеч. сост.)

новую кафедру физиологии в Педиатрическом медицинском институте⁵, блестяще поставить в ней педагогическую работу, сделать из нее один из наиболее ярких научно-исследовательских центров с оригинальным новым направлением работы и выковать группу прекрасных сотрудников. Из этой кафедры вышло за 9 лет 25 работ, помимо тех, которые выполнены Гинецинским и сотрудниками в Физиологическом институте им. акад. И.П. Павлова.

Все это является гарантией того, что избрание его в члены-корреспонденты обеспечит АН⁶ более прочное укрепление за Академией крупного, мощного, полного сил работника, особенно нужного Академии в тот период, когда мировые события ставят перед ней целый ряд сложных задач.

Академик Л.А. Орбели.

Архив Института эволюционной физиологии и биохимии РАН. Ф. Ин-та. Оп. 2. Д. 37. Л. 17–18.

ОТЧЕТ ОТДЕЛА СПЕЦРАБОТ ПРЕЗИДИУМА АН СССР ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1945 г.

В 1945 г. работа Отделения протекала уже нормально и только ленинградским институтам пришлось еще уделять время и силы для приведения в порядок своих помещений и терпеть лишения из-за холода в лабораториях.

За год Отделение потеряло ряд действительных членов. В июне скончался академик Заварзин – директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии, в сентябре – академик Келлер, директор Института эволюционной экологии и 5 декабря – академик Комаров.

В связи с этим и по другим причинам в Отделении произошел ряд изменений в личном составе и в структуре отделения, а именно: и.о. директора Института цитологии назначен проф[ессор] Г.К. Хрущев, директором Института биохимии – член-корр[еспондент] А.И. Опарин, директором Института физиологии растений – член-корр[еспондент] Н.А. Максимов, Лаборатория эволюционной экологии введена в состав Института леса, Лаборатория почвенной биологии сделана самостоятельной единицей и передана Отделению, вместо Московского ботанического сада организован Главный ботанический сад под руководством академика Н.В. Цицина. В Отделении организована Комиссия по физиологической акустике, работающая под председательством академика Орбели.

В отношении научно-организационных мероприятий особенно надо остановиться на проведении юбилейной сессии АН СССР¹. Кроме участия в общих торжествах Отделением была организована сессия, состоящая из трех заседаний (18, 20 и 22 июня), на которой были заслушаны доклады: академик Н.Н. Аничков "Пути развития сравнительной патологии и ее значение для биологии и медицины", акад[емик] Е.Н. Павловский "АН СССР и изучение животного мира нашей страны", акад[емик] Д.Н. Прянишников "Основные черты обмена азотистых веществ в растениях", действительный член АМН СССР В.А. Энгельгардт "Роль фосфорной кислоты в функциях клетки", член-корр[еспондент] АН СССР и действительный член АН Армянской ССР Х.С. Коштоянц "Нервное возбуждение и химическая динамика клетки", президент французской АН Морис Кольри "О работах французских ученых в области генетики и эндокринологии", проф[ессор] Грассе о работах французских ученых в области физиологии, проф[ессор] Э. Эдриан о работах английских физиологов и проф[ессор] Г. Селье о работах канадских биологов.

Отдельное совещание было посвящено докладу акад[емика] Лысенко на тему: "Теоретические основы управления наследственностью у растений".

Кроме того, в Ленинграде при посещении Физиологического института имени

И.П. Павлова было организовано еще заседание, на котором со своими краткими докладами о работе выступили профессора: Эдриан, Бронк, Нидхэм, Сент-Дьёрдьи и Гиршфельд.

Отделением было проведено три научных совещания, а именно: по гуттаперченосу – бересклету (?) в Институте леса под руководством академика В.Н. Сукачева, по акклиматизации дубового шелкопряда в Зоологическом институте совместно с Комиссией по шелководству ВАСХНИЛ под председательством Павловского, и Гельминтологическое совещание под председательством акад[емика] К.И. Скрябина. Последнее было очень обширное, продолжалось с 11 до 17 декабря и привлекло большое количество участников. На последнем совещании происходило чествование академика К.И. Скрябина по поводу 45-летия его научной, педагогической и общественной деятельности. На этом чествовании с большим докладом о жизни и деятельности Скрябина выступил академик Е.Н. Павловский.

Кроме того, одно торжественное заседание было посвящено 80-летию со дня рождения акад[емика] Д.Н. Прянишникова, на котором академик Я.О. Парнас сделал доклад "Работы академика Прянишникова по биологической химии".

Проведен ряд расширенных заседаний Бюро по рассмотрению научно-исследовательских планов и отчетов отдельных учреждений и Отделения в целом.

В 1945 г. по ОБН Сталинской премией были награждены проф[ессор] В.Л. Рыжков за работу "Вирусы растений", проф[ессор] С.Д. Балаховский за разработку способа консервирования сухой плазмы.

В связи с просмотром отчетов работы учреждений Отделения, Бюро отделения решило выдвинуть на премирование в Президиум наиболее выдающиеся научные работы, законченные в 1945 г., а именно: работу акад[емика] И.И. Шмальгаузена "Факторы эволюции", работу проф[ессора] Н.Я. Кузнецова "Основы физиологии насекомых" – крупную уникальную сводку в 2-х томах, полностью охватывающую все разделы физиологии насекомых, проф[ессора] Б.Б. Родендорфа "Эволюция полета насекомых", в которой приведен богатый фаунистический материал, давший возможность сделать исключительно важные выводы по проблеме эволюции полета насекомых, работу старшего научного сотрудника С.А. Фроловой, В.В. Сахарова и В.В. Мансуровой "Полиплоидия у гречихи", в которой авторы в результате длительной и настойчивой работы получили тетраплоиды гречихи, отличающиеся увеличенной продуктивностью по сравнению с диплоидами.

Следующие по значению работы были премированы Отделением*.

Академик-секретарь Отделения Л.А. Орбели.

АРАН. Ф. 541. Оп. 5. Д. 41. Л. 107–111. Авторизованная машинопись.

ОТЧЕТ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ ЗА 1945 г.

В 1944 г. продолжал работу в должности вице-президента АН СССР и академика-секретаря ОБН. Наряду с этим как директор ФИНа имени Павлова и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности имени Павлова НКЗ СССР руководил научно-исследовательской работой двух больших коллективов по проблемам в.н.д. (разработка научного наследия Павлова) и эволюции функций нервной и мышечной систем. Состоял начальником кафедры

* Далее опущен список фамилий ученых и их работы, удостоенные премии ОБН. (Примеч. сост.)

физиологии и начальником ВМА имени Кирова, Председателем Комиссии по аварийно-спасательному делу НК ВМФ и заместителем председателя Биологической секции Комитета по присуждению Сталинских премий.

1. Прочел цикл лекций по физиологии в.н.д. в МГУ имени Ломоносова.
2. Прочел для врачей ВМА цикл лекций по вегетативной нервной системе.
3. На торжественном заседании, посвященном памяти И.П. Павлова, прочел доклад о второй сигнальной системе.

4. На юбилейной сессии ЛГУ прочел доклад "Физиологические основы в.н.д. человека".

5. На конференции авиационных врачей МПВО сделал доклад "О механизме координаций и их расстройств при высотных полетах".

6. На пленуме Ученого медицинского совета при Медико-санитарном управлении ВМФ сделал доклад "Современное состояние учения о боли".

7. На научной сессии ВМА сделал доклад "Физиологические основы последствий боевых повреждений".

8. На сессии АН СССР на торжественном Общем собрании сделал доклад "В.Л. Комаров и АН СССР".

9. На конференции физиотерапевтов сделал доклад "Роль вегетативной нервной системы в возникновении последствий боевых травм".

В качестве председателя, кроме всех заседаний Бюро Отделения, провел четыре сессии Отделения, 10-е совещание по физиологическим проблемам, совещание, посвященное 50-летию перекисной теории академика А.Н. Баха, витаминную конференцию и траурное заседание, посвященное памяти академика А.А. Борисяка.

АРАН. Ф. 541. Оп. 5. Д. 50. Л. 33–34. Автограф.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ К.М. БЫКОВА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АН СССР¹

1946 г.*

Быков Константин Михайлович, 1886 года рождения. Русский. Беспартийный. Доктор медицинских наук. Заслуженный деятель науки. Профессор, заведующий кафедрой физиологии 3-го Ленинградского медицинского института. Начальник кафедры физиологии Военно-морской медицинской академии². Действительный член Академии медицинских наук.

Является представителем современной физиологической науки. Создал новое направление в физиологии своим учением о фундаментальных взаимоотношениях между корой головного мозга и внутренними органами. Раскрыл координирующую и регулирующую роль коры головного мозга в деятельности внутренних органов. Подвергнул коренному пересмотру вопрос об отношении высших отделов головного мозга к вегетативным функциям и заложил прочные экспериментальные основы для физиологической интерпретации взаимоотношений между психикой и соматикой.

Его перу принадлежит более 100 печатных работ, из которых особенно известна его монография "Кора головного мозга и внутренние органы"³. Известны также его работы в области высотной физиологии, физиологии труда, бальнеологии и в других разделах теоретического и прикладного характера.

Л. Орбели.

АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 220. Л. 76. Авторизованная машинопись.

* Датируется по дате избрания К.М. Быкова действительным членом АН СССР. (Примеч. сост.)

4 февраля 1947 г.

На 82-м году жизни в Ереване скончался заслуженный деятель науки, старейший педагог и писатель, профессор Степан Данилович Лисициан.

В лице профессора Лисициана советская общественность потеряла одного из выдающихся деятелей педагогической науки, отдавшего более полувека своей жизни служению своему народу, внесшего ценный вклад в культуру и науку Армении.

В 1884 г. Степан Данилович окончил Тбилисскую классическую гимназию, а в 1889 г. – Варшавский университет и получил ученую степень кандидата исторических наук.

С этих пор началась кипучая деятельность С.Д. Лисициана по насаждению передовых идей в самую гущу армянского народа.

Степан Данилович – автор целого ряда известных учебников: "Лусабер" ("Светлый путь"), "Методика чтения и письма", "Элементарный курс армянской истории", которые сыграли огромную роль в деле воспитания армянских детей и молодежи.

С гордостью и любовью мы вспоминаем об основанном С.Д. Лисицианом журнале "Хаскер" ("Колосья")². Это был первый массовый детский журнал, воспитавший целое поколение детских писателей.

Плодотворная общественно-педагогическая деятельность профессора Лисициана в огромной мере расширяется после установления Советской власти в нашей стране.

Весь свой опыт и богатейшие знания С.Д. Лисициан полностью отдает строительству и развитию советской культуры. Особенно велика заслуга профессора Лисициана в области армянской этнографии. Его научными экспедициями по районам Армении собрано много ценных материалов, которые он тщательно обработал. На их основе он организовал Этнографический отдел Армянского исторического музея, который является одним из хранителей ценнейших традиций армянской культуры прошлого.

В годы Великой Отечественной войны С.Д. Лисициан, несмотря на свой преклонный возраст, прочитал много патристических лекций в частях Советской Армии, пропагандируя идеи любви к Родине и ненависти к врагу.

До последних дней своей жизни профессор Лисициан наряду с научными работами читал лекции в Ереванском государственном университете и педагогическом институте.

В октябре 1945 г. советская общественность чествовала профессора Лисициана в связи с его восьмидесятилетием.

Советское правительство высоко оценило заслуги профессора Лисициана, присвоив его имя средней школе в Ереване и наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

В лице Степана Даниловича Лисициана советская общественность потеряла заслуженного учителя, воспитавшего ряд поколений, выдающегося деятеля детской литературы, новатора педагогической науки.

Армянский народ навсегда сохранит память о выдающемся человеке и патриоте.

Генерал-полковник медицинской службы академик Л.А. Орбели.

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ
НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА
ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
О XVII МЕЖДУНАРОДНОМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ
В АНГЛИИ¹

Стенограф М. Новлянская

9 августа 1947 г.

Товарищи, я попросил вас собраться сегодня для того, чтобы в нескольких словах рассказать вам о своей поездке на Международный физиологический конгресс. Исхожу из предположения, отчасти оправданного, что всех интересует, как протекал международный съезд и какова ситуация научной и бытовой жизни в Англии. Чтобы не рассказывать об этом в отдельности каждому, я и устроил это заседание ученого совета.

Я должен начать с предупреждения, что все, что я буду рассказывать, представляет результат случайных впечатлений, потому что мое пребывание за границей, так же как и моих товарищей по путешествию, длилось 14 дней. За 14 дней пришлось побывать в двух странах: в Германии и Англии; четыре дня в Германии и 10 дней в Англии. За такой короткий промежуток составить себе какое-нибудь правильное впечатление невозможно, так что это – случайное впечатление и никаких выводов из них не следует делать.

Как вы знаете, международный съезд происходит каждые три года. XV съезд был у нас в Москве; следующий XVI – в Цюрихе, на котором Советский Союз не был представлен: от нас никто не приехал; и следующий XVII должен был быть в Англии, в Оксфорде, но начавшаяся война между Германией и Англией помешала конгрессу. В течение военных лет нельзя было обращаться к этому вопросу, и только нынешним летом состоялся этот XVII конгресс, который должен был быть в 1941 г.

От нас на съезд было командировано несколько человек. Могу их перечислить: был я командирован, академик Быков, академик Палладин, член-корреспондент Коштоянц, действительный член АМН СССР Разенков, который не мог по болезни воспользоваться этой командировкой, академик Бериташвили, член-корр[еспондент] АМН СССР Л.Н. Федоров. В качестве секретаря был придан тов. Верхоглядов. Затем из московских медицинских работников был Б.Д. Петров, заведующий Медицинским отделом ЦК партии, и в последний день было решено прибавить еще переводчицу, профессиональную переводчицу, которая обычно обслуживает все наши советские делегации. Таким образом, отправились 9 человек.

Летели мы на самолете. В Москве, благодаря любезности маршала авиации Астахова, нам был предоставлен специальный самолет, так что мы летели из Москвы на специальном, очень комфортабельном самолете до Берлина с остановкой в Кенигсберге, ныне Калининграде, но там мы стояли только час и города не могли осмотреть. Путь длился всего шесть часов, а вместе с остановкой – семь часов. В Берлин мы прилетели на наш аэродром. Там – несколько аэродромов, из них один в районе советской зоны оккупации, другой – в американской и третий – в английской зонах. Мы прилетели на наш аэродром. Нас встретили работники нашей администрации: возглавляющий Красный Крест профессор Пшеничников, консул Сосновский и ряд лиц, и на машинах привезли в загородный дом отдыха, который организовала военная администрация для высших чинов нашей военной администрации. Для этого дома отдыха отведен большой участок – несколько загородных дач, бывшие виллы и особняки богатых немцев. Домов 20–25 превращены в дома отдыха. Нам отвели помещение в одном из таких особняков. Это прекрасный благоустроенный дом отдыха. Там мы должны были провести две ночи и день, пока оформлялась наша поездка. Но из Берлина нам не удалось выехать

вместе: пришлось разбиться на две партии, потому что не было места в самолете. В первый самолет попали: я, Палладин, Верхоглядов и Б.Д. Петров, остальные летели следующей партией. Высказывались опасения, что, вероятно, нам будут чинить препятствия и постараются разъединить нашу делегацию, едва ли нас всех пропустят. Но это оказалось необоснованным. Сначала нам дали четыре места, а потом пять, и дали места на очень комфортабельных самолетах, и мы прилетели в Лондон, сделав только одну остановку в Гамбурге. Со стороны таможенных и паспортных работников нам было оказано полное внимание. У нас были дипломатические паспорта и у нас не осматривали багаж и очень быстро ставили визы, и мы благополучно долетели до Лондона.

В Лондоне нас тоже встретили, правда, с небольшим опозданием, один из секретарей нашего посольства и заведующий консульской частью в Лондоне и на посольской машине сразу же отвезли в гостиницу, где были специально для нас забронированы номера по распоряжению тов. Вышинского. Нас очень хорошо приняли, после того, как мы обосновались в гостинице, нас отвезли в посольство, где нас принял посол и угостил ужином. Во время этого ужина он дал нам ряд советов, познакомил нас с особенностями жизни в Лондоне в настоящее время. Эти советы очень помогли нам. Так как мы приехали в субботу, то посол предложил нам использовать воскресенье для загородной прогулки, в которой он сам принял участие. Это было очень приятно для нас. Кроме него в прогулке принимали участие некоторые работники посольства. Мы объездили порядочный участок Англии.

Побывали мы в Гринвиче, где находится одна из ведущих мировых обсерваторий. Через Гринвич, как вы знаете, проходит меридиан, тот, от которого отсчитывается восточная и западная долгота. Мы видели цементную полосу, в которой сделан желобок – первый меридиан, и каждый из нас мог быть и в западном и в восточном полушарии и перепрыгивать через этот меридиан – от чего мы получили максимальное удовольствие. Затем мы видели в стене укрепленные меры длины: ярды, футы и т.д., в виде колышков, вбитых в стену. Видели гринвичские часы. Но когда через несколько дней нам опять пришлось побывать в Гринвиче, то оказалось, что часы эти остановились. Как это случилось? – Не знаю, но при нашем посещении висела бумага, что часы не работают.

Затем были мы в Дувре, одном из больших портов Англии. Осматривали знаменитую Дуврскую крепость, или, вернее, древневековый замок, который сейчас является отчасти музеем, а отчасти во время войны был использован для обороны Англии. Конечно, часть разделов крепости, которые имеют сейчас оборонное значение, нам не показывали, а то, что имеет музейное значение, – показали. Затем мы проехали по восточному побережью, которое представляет собой курортную линию, начиная от Дувра. Это – целая серия приморских курортов, куда выезжает население Англии. На протяжении нескольких миль идет облицованная набережная с широким тротуаром для прогулок. Вдоль набережной – отели, сначала более дорогие в определенном районе, затем более дешевые и самые дешевенькие; так, на одном и том же побережье в разных концах набережной могут отдохнуть люди различных степеней состоятельности. Оттуда круговым путем мы вернулись в Лондон, а в понедельник утром на посольских машинах мы уехали в Оксфорд.

Как обычно бывает с русскими, как в царское время, так и теперь, мы своевременно заявок не дали, в члены конгресса не записались, членских взносов не внесли и тезисов не послали, за исключением одного академика Бериташвили, который посоветовался с работниками ЦК Грузии и заранее сделал заявку, перевел членские взносы и послал тезисы, так что он находился в отпечатанном списке членов конгресса. В отношении остальных дело обстояло так: за неделю до конгресса президент АН СССР послал извещение председателю Организационного комитета, что делегация в таком количестве может прибыть на заседания конгресса и что он просит извинения за позднее извещение. В ответ было получено письмо, что очень

рады приезду советской группы и что все, что возможно, будет сделано, в частности обеспечено будет чтение докладов, и что единственно о чем жалеет председатель Организационного комитета, что он не может внести имен делегатов в уже отпечатанные списки участников Конгресса и включить наши доклады в уже заготовленные повестки, но что все остальное будет сделано.

Действительно, когда мы приехали в Оксфорд, нас очень любезно встретили, уже были выделены молодые научные работники – студенты, которые знали русский язык, так что мы были обеспечены помощью переводчиков с двух сторон: от комитета и переводчица, которая нас сопровождала.

Первый вопрос, который встал перед нами: на каком языке делать доклады? Как знаете, на международных конгрессах, согласно определенной традиции, были определенные конгрессные языки: на XVI Физиологическом конгрессе такими языками считались: французский, английский, немецкий и итальянский. В объявлении, которое было разослано Организационным комитетом XVII конгресса, было упомянуто три языка: французский, английский и немецкий, итальянский выпал. Не знаю почему. Еще в Москве встал вопрос: как мы должны докладывать? И было принято решение проводить русский язык. Мы условились выступить на русском языке, независимо от того, владеем ли мы английским языком или нет, и поставить перед Постоянным комитетом по созыву этих международных конгрессов вопрос о том, что русский язык должен был признан официальным языком конгрессов. Когда мы по приезде обратились к председателю Оргкомитета и заявили, что хотим докладывать на русском, то он удивился сначала и сказал: "Ведь Орбели читал лекции в Англии на английском языке. Он знает язык, почему бы не доложить на английском". Но мы сказали, что принципиально наше желание говорить на русском языке и что английский язык сейчас в достаточной степени забыт и, может быть, будут трудности. Возражений не было, и мы договорились, что каждый из нас будет делать доклад в секции на русском языке, а председатель секции затем зачитает перевод для тех, кто не знает русский язык.

Надо сказать, что при первой встрече в понедельник, в день открытия конгресса, была товарищеская встреча, так называемый правительственный прием. Принимал один из глав правительства, называвшийся *general master*, т.е. главный казначей, он был уполномочен от правительства принять участников съезда от имени правительства. Никаких выступлений и речей не было, как всегда на этих официальных приемах, которые и у нас в дипломатических кругах происходят. Был организован прием в большом помещении. Когда вы приходите, то выходит должностное лицо в фраке и спрашивает как ваша фамилия и сейчас же передает хозяину: "Это – такой-то". После этого хозяин жмет руку и спрашивает: "How do you do?", и затем вы проходите в зал, и тут начинались приветствия между членами съезда: знакомые подходили друг к другу. Участвовали все страны, за исключением Германии и Японии, которым по решению Организационного комитета не были посланы приглашения. Были немцы – швейцарские и те, которые ушли в начале войны или до войны из Германии от Гитлера и стали гражданами других стран.

Теперь о товарищеских встречах. Ко мне, очень радостно размахивая руками над головами присутствующих, подошел президент конгресса, сэр Генри Дэйл, – наиболее видный физиолог и фармаколог Англии. Он просил меня при открытии съезда сказать несколько слов. Он скажет вступительное слово, которое займет минут десять, а затем будут приветствия, и желательно, чтобы три или четыре наиболее выдающихся члена конгресса выступили с ответными словами, и он хотел бы, чтобы я выступил с таким приветствием. Я сказал, что выступлю, но на русском языке. Он согласился с этим и сказал, что понимает меня, но просил, чтобы я тезисы выступления написал на английском языке и дал бы ему, чтобы он мог сказать, что "мой друг Л.А. Орбели разрешил мне для незнающих русский язык огласить его выступление на английском языке".

И вот только краткое приветствие было сделано мною. Кроме того, с приветствиями выступили: Гуссейн – ученый из Южной Америки, затем Лим – китайский физиолог, затем ваш знакомый, бывший у нас в 1935 г., Анри Фредерик – бельгийский профессор. Я в своем приветственном слове поблагодарил председателя конгресса за приглашение, за то, что конгресс дал нам возможность всем собраться, напомнил, что 12 лет тому назад все собирались у нас, в нашей стране, вокруг И.П. Павлова, вокруг великого физиолога, и слышали его вещие слова о том, что мы все друзья-товарищи, но если грянет война, то мы окажемся разобщенными и вчерашние друзья окажутся врагами, что, действительно, имело место, что война грянула и мы оказались разобщенными, но благодаря объединенным силам свободолюбивых народов злейший враг человечества оказался сломленным и мы имеем возможность собраться в прекрасной стране и поделиться своим опытом. Затем я указал на то, что хотя мы и собрались в мирной обстановке, но с полным сознанием опасности реакционных течений, с сознанием тех трудностей, которые стоят перед человечеством впереди, и с сознанием того, что наука должна быть направлена к тому, чтобы эти трудности были преодолены и чтобы научные достижения были бы использованы для блага всего человечества.

После этого короткого заседания, которое свелось к вступительному слову президента и четырем ответным словам членов конгресса, первое заседание было закрыто, и после этого разделились на специальные заседания. В отличие от ряда предыдущих конгрессов, на этом конгрессе пленарных заседаний не было. Было пленарное заседание при открытии и при закрытии конгресса, а вся деловая часть протекала в секционных заседаниях.

Так как в Оксфорде нет больших аудиторий и аудитории рассчитаны максимум на 200 человек, то весь материал был разбит на 9 секций, т.е. каждый день заседания происходили одновременно в девяти точках с 9 часов до 1 часа и с 2 часов до 6 часов. Для этого потребовалась большая работа Организационного комитета, потому что заявок на доклады было около 1999. Фактически приехало около 500 человек, но нужно было весь материал по каким-то признакам разбить между секциями. Организационный комитет затратил много времени и довольно удачно – доклады были сгруппированы. Но надо сказать, что не было ни одного заседания, где были бы представлены сколько-нибудь большие доклады, охватывающие какой-нибудь большой вопрос. Все было разбито по секциям и каждый день нужно было выбирать между девятью секциями, чтобы слушать доклад, и между 10–12 точками, где происходила демонстрация приборов и опытов. В результате каждому из нас удалось получить самые небольшие обрывки конгрессного материала. Это лишает возможности дать общую картину конгресса. Для этого нужно сидеть и изучать тезисы докладов, чтобы разобраться в том, что было.

Наши доклады были поставлены все в один и тот же день и в один и тот же час. Мы выступили одновременно в 9 часов в пяти разных аудиториях.

Когда мне пришлось выступить с приветственным словом, то когда я заговорил по-русски, все встрепенулись, и я на многих лицах видел выражение радости. Никакой неприязни не было проявлено. Слово было встречено аплодисментами, и когда президент зачитал перевод моего выступления на английском языке, то аплодисменты повторились.

На деловом заседании, где я выступал с докладом, председательствовал Джефферсон, работавший много в контакте с нашей военно-медицинской службой во время войны. Он начал заседание с вступительного слова, что сегодняшний день особенно знаменателен тем, что выступает представитель русской науки, представитель Советского Союза, и в заключение сказал две фразы по-русски, на ломаном русском языке, правда, но тем показал нам свое внимание. Я говорил о нашей работе по эволюции функций мышечной ткани и нервной системы². Доклад был переведен на английский язык в сокращенном виде; это скорее была декларация,

а не доклад. Джеферсон зачитал его по-английски, и затем мне было задано несколько вопросов, на которые я отвечал по-английски. Потом мне говорили, что из ответов выяснили больше, чем из двух докладов: русского и английского, потому что председатель читал незнакомый доклад и с малой выразительностью. В других секциях, как я слышал, происходило то же самое. Все доклады делались на русском языке без всяких протестов и сопровождались аплодисментами.

Наши доклады отличались от остальных тем, что они носили обобщенный характер. Это были сообщения, касающиеся многолетней работы той или иной школы. Большинство же остальных докладов, насколько можно судить по тому, что было напечатано в тезисах, носили частный характер. Каждый докладывал результаты частной работы, выполненной на последнее время.

Теперь несколько слов относительно того, как протекает жизнь в Лондоне, в Оксфорде и Кембридже, куда мне удалось съездить после конференции и где я в 1910 г. был в течение 8 месяцев, и где ныне летом происходила после Международного конгресса специальная конференция по цветному зрению. Конференция длилась четыре дня, но, к сожалению, я мог быть там только один день, мельком ознакомиться и получить общее впечатление о характере этой конференции.

Надо сказать, что мы были в Оксфорде, так же как и на конференции в Кембридже, размещены в колледжах. Эти два английских университета – Кембриджский и Оксфордский – представляют собой своеобразное объединение отдельных школ, которые возникали самостоятельно на почве католической монастырской школы в тот период, когда ни англиканский, ни пресвитерианских церквей не существовало, а была одна католическая церковь, и ученые монахи в этих монастырях обучали тех лиц, которые приезжали к ним учиться. Это были небольшие объединения. С течением времени эти колледжи от католической церкви перешли к англиканской и частью к пресвитерианской, а затем от церкви отошли и сделались гражданскими учреждениями, но сохранили до некоторой степени монастырский образ жизни. Каждый колледж представляет собой корпорацию, во главе которой стоит президент, который в разных колледжах называется по-разному: в некоторых – президент, в некоторых – *principal**, в некоторых – *vice chancellor***, затем профессора и преподаватели являются членами корпорации, а студенты – учениками. Каждый член корпорации и каждый студент, поступивший в колледж, получает квартиру, помещение. Это бывшие монастырские кельи, но очень благоустроенные. Лица преподавательского состава имеют две комнаты: спальню и рабочую комнату, ванну, прихожую. Комнаты прилично обставлены, скромно, но очень чисто. В этих комнатах они могут работать, могут жить. Студенты все свое учебное время проводят в колледже. Преподавательский состав обычно имеет квартиры и в городе или в пригороде, где живут их семьи, но кроме этого каждый преподаватель, как я сказал уже, имеет помещение в колледже, где он может проводить время, если семья его уехала на дачу или к нему приехали гости, родственники, он может заниматься своей научной работой без всякой помехи в помещении, отведенном ему в колледже. Он может приглашать гостей к себе в квартиру в колледже, но гости могут оставаться только до 11 часов вечера. Женщины допускаются, но в определенные часы. Привести свою жену или членов своей семьи и поместить у себя в квартире в колледже – член колледжа не имеет права. Это его личная комната, и семья его не может там жить.

В этих колледжах имеются трапезные. Они построены в готическом стиле и представляют собой выдающиеся образцы архитектуры. Трапезная – высокое помещение в готическом стиле, в котором на одном конце помещается стол, за которым едят члены колледжа: принципал и профессорско-преподавательский состав,

* Патрон, директор. (Примеч. сост.)

** Заместитель ректора – высшая должность. (Примеч. сост.)

а в другом конце – столы для студентов. В зале имеются хоры, куда допускаются посторонние лица. Жены и сестры членов корпорации могут подниматься на хоры и смотреть на процедуру питания, которая называется "кормлением зверей".

Во время каникул квартиры профессоров и преподавателей были использованы для того, чтобы разместить членов конгресса, и каждый из нас имел такую квартиру из двух комнат и ванны. Двери там всегда открыты. Запоров не полагается. Имеется персонал, который убирал комнаты, чистил сапоги. В трапезной было организовано питание за очень дешевую цену. Питание на наш желудок было очень скромное по объему. Объем английской пищи не соответствовал русскому. Ни наших русских щей, ни супов не было. Обычно давали суп-пюре из различных материалов: бобов, картофеля, гороха, – в ограниченном количестве; затем – какое-нибудь второе, рыбное или мясное, с большим количеством сопровождающих овощей в виде картофеля или горошка отварного, и обычно была капуста, верхней не капуста, а хряпа, которая там является общепринятым кушаньем в эти месяцы, так как капуста, очевидно, бережется или не созрела еще, а потому употребляется это хорошо приготовленное кушанье из хряпы.

По законам, существующим в данный момент, хлеб выдается только по карточкам. Никаких коммерческих хлебных лавок, никаких рынков, торгующих хлебом, нет. Хлеб и сахар выдаются только строго по карточкам, поэтому обеды приезжающих или переезжающих из одного города в другой подаются без хлеба, и так все мы, члены конгресса, и обедали. То же самое в ресторане: можно получить хороший обед, но без хлеба.

А.В. Тонких: Неужели в течение десяти дней вы сидели без хлеба совершенно?

Л.А. Орбели: Нет, у нас, у советских делегатов, было хлеба больше, чем нужно, и я даже одну сухую булку привез домой, обратно. Наше посольство очень гостеприимно приняло нас, и мы там один раз ужинали, один раз обедали у посла, один раз – в нашем советском доме отдыха в 60 милях от Лондона, остальные трапезы имели возможность проводить в столовой посольства, где продукты свои, советские, и там мы могли иметь прекрасные московские супы, щи и борщи с хлебом. Все было, кроме водки. Водки нет. В Берлине и водка была, так что ничего ужасного не было, но я рассказываю Вам, чтобы Вы имели представление, как протекает жизнь в Англии, какой там существует порядок. Там очень строгий рацион пищи установлен, причем рацион очень рациональный, так как он содержит все необходимое. Я не видел ни одного голодного, не видел дистрофических лиц с явными признаками голода, но то, что давали нам, вместе с тем, являлось чрезвычайно ограниченным по количеству. Видимо, рацион рассчитан так, что в этой небольшой порции имеется все необходимое для питания организма. Мы на это обратили особенное внимание, и я и среди нашего коллектива, и среди научных работников Москвы, специально в АН СССР говорил, что мы, биологи и физиофизиологи Советского Союза, грешны, что не ставим надлежащим образом вопросы питания. Мы съедаем очень много и съедаем не в той пропорции, как нужно. Научного расчета пищевого рациона у нас нет. Некоторые пищевые вещества мы потребляем в большом количестве, чем требуется, некоторые не получаем, потому что не умеем рационализировать пищу, а там работает специальный комитет. Никто не считает унизительным для себя, будучи физиологом того или иного направления, думать о рационализации пищи. В результате там получается то, что эти малоемкие обеды и ужины, однако, обеспечивают питание. Это очень важный вопрос, с которым нужно считаться.

Как это проводится в жизнь? Я был не только в ресторане. Но я был на приеме. Я был приглашен к президенту колледжа, в котором жил. Это в Оксфорде – Сен-Джонс, один из старых замечательных колледжей, который славится своим садом. Из числа проживающих в этом колледже членов конгресса 10–12 человек были приглашены президентом колледжа. Профессор Пулл – президент колледжа,

историк, не имеющий отношение к физиологии, а вице-президентом оказался всем известный Дуглас, с которым я познакомился еще в 1910 г., когда он был начинающим ученым и работал у Холдейна в качестве научного сотрудника, а сейчас – профессор и вместе с тем вице-президент этого колледжа. Это был торжественный обед, о котором я сейчас подробно расскажу. Но опять-таки обед протекал без хлеба и кофе без сахара. Вместо сахара предложили таблетки с сахарином. Обед протекал таким образом. Президент того или иного колледжа, пока он президент, имеет квартиру не из двух комнат, а специальную президентскую; в том колледже, в котором мы остановились, президент живет в квартире, в которой жили президенты этого колледжа с XIII в. Эта квартира состоит из целого ряда изумительных комнат, которые специально показывают посетителям, и в архитектурном отношении интересны, и по убранству, и по мебели, которая там стоит: на одном столе какой-нибудь выдающийся ученый писал работу, на стенах висят портреты выдающихся лиц, писанные известными художниками.

Расскажу, как все происходило. По западному обычаю точно без двух минут в семь часов мы собрались все около двери квартиры президента. В семь мы позвонили и все разом вошли. Поднялись по лестнице и вошли в гостиную, где находились хозяйин и хозяйка, которая тоже не имеет права жить в этой квартире, но в установленные часы может находиться у своего мужа. Они встретили нас в гостиной, и сразу появилась табакерка XIII в., которая принадлежала первому президенту колледжа. Она представляла золотую луковицу с выгравированной надписью. Внутри находился нюхательный табак, который был покрыт тряпочкой, чтобы не рассыпался. Это – английская манера: когда приходят незнакомые лица и хозяйин и хозяйка показывают разные достопримечательные вещи для того, чтобы завязать разговор. Так же в данном случае – пустили по рукам эту замечательную табакерку, и каждый из нас стал осматривать ее и делать замечания. Таким образом завязался разговор. В это время подается в заранее приготовленных графинах и бокалах шерри и предлагают выпить по рюмке хереса, чтобы развязать языки. Затем хозяйин приглашает осмотреть замечательные комнаты, показывает портреты, стол и т.д. На что уходит минут 10–12. После этого приглашают к столу. Хозяйка же исчезает, так как в колледже обед может происходить только в мужском обществе. Она уходит домой, а мы спускаемся ниже этажом и рассаживаемся за круглым столом. Мне предоставляют самое почетное место – по правую руку президента. Подавали обед служащие во фраках и белых перчатках. Честь честью. Хорошая сервировка, но без хлеба. После того, как основную пищу мы приняли, хозяйин попросил нас взять салфетки и перейти в соседнюю комнату для десерта. Здесь уже был заготовлен большой стол, уставленный фруктами: сливами, абрикосами двух сортов, персиками. Кроме того, был подан красный портвейн. Причем это делается таким образом, что хозяйин наливает себе и по движению часовой стрелки передает бутылку своему соседу, тот наливает и передает дальше, и так бутылка обходит весь стол.

Меня за этим столом посадили с Дугласом. Около него стояло четыре графинчика с этим портвейном, на которых дощечка с надписью "Порто". Он наливает снова себе и затем по направлению часовой стрелки толкает графинчик дальше, следующий продвигает то же самое, и таким образом бутылка скользит вокруг стола. Затем то же самое делается со второй бутылкой, с третьей и четвертой, и так продолжается – пока все не будет выпито. Этот порядок существовал за столом короля Артура и они его сохранили. Марк Твен описал это в своем замечательном произведении "Янки во время короля Артура"*. Мы наслаждались этими фруктами. Затем омыли пальцы в воде. Кстати, никто не выпил этой воды, что часто случалось. После этого нам предложили перейти в третью комнату. В этой

* Точное название романа Марка Твена: "Янки при дворе короля Артура". (Примеч. сост.)

третьей комнате уставленной мягкими диванчиками, оказался приготовленный кофе, но вместо сахара опять были предложены таблетки с сахарином. Впечатление создается такое, что у них или действительно мало сахара, или нужно соблазнить фасон (я думаю, что главным образом это), чтобы показать, как строго это проводится по всей стране. Но сотрудники нашего посольства рассказывали, что даже на королевских приемах тоже кофе подается с сахарином. Сейчас до чего доходит это стремление выполнить закон или показать, что он выполняется, я не берусь судить – проводится ли это в действительности или показная сторона, но внимание всех было обращено и в газетах много писали об одном маленьком событии, которое имело место. Как известно, у английского короля и королевы имеется дочь – принцесса Елизавета, наследница престола, так как наследника нет. Она должна быть в будущем королевой Англии. В настоящее время она выходит замуж за греческого принца и, согласно обычаю, возымела желание идти под венец в свежем, ненадеванном платье. Для этого пришлось королю писать в парламент, что ввиду такого события он просит выдать дополнительные талоны на покупку материала. Это заявление рассматривалось в лейбористской парламентской комиссии, и она высказалась в том смысле, что выход замуж принцессы не является достаточным основанием, чтобы выдать дополнительные талоны, и поэтому рекомендует парламенту отклонить ходатайство. Парламент голосовал и отклонил. Так что принцессе придется венчаться в уже поношенном платье или какими-нибудь другими незаконными способами добывать.

В магазинах там очень много всяких товаров. Есть все, что может заинтересовать, но подавляющее большинство товаров продается по этим талонам. Никто из нас не имел возможность купить ни галстука, ни носового платка. Плед можно купить. Я купил плед. Профессор Л.Н. Федоров купил подводную лодку. Это можно без купонов, а воротничок или носовой платок – нельзя. Те, кто долго живут, говорят, что есть способы купить. Те, кто получают купонные книжки, иногда не находят возможным использовать их и продают.

Теперь степень разрушений. Когда мы приехали в Берлин и ехали от аэродрома через значительную часть города и затем выехали за город в наш советский дом отдыха, то мы видели порядочный кусок Берлина, и затем, когда должны были лететь в Лондон, то из советской зоны нам пришлось проехать через весь центр города в английскую зону, в общей сложности пришлось проехать 80 км, причем много по городу. Надо сказать, что ужасающие разрушения в Берлине. Вся центральная часть города представляет собой сплошные руины: там нет ни одного сохранившегося дома. Что же касается окружающих частей, наружного кольца, то там, тоже местами, особенно там, где существовали какие-нибудь заводы, фабричные предприятия, банки, все это разрушено. Так что, по нашему впечатлению, нужно 50–60 лет, чтобы восстановить такой огромный город и так разрушенный. Наряду с этим в Германии дороги находятся в прекрасном состоянии. Видимо, первым делом восстановили дороги: не знаю по чьей инициативе, но дороги приведены в порядок, улицы расчищены и можно свободно передвигаться, и там идет оживленная езда по всему Берлину между руинами. В сохранившихся окраинных частях есть магазины, торговые дома, но товары очень жалкие, самый дешевый ширпотреб, за исключением некоторых оптических магазинов. Эти магазины очень культурно обслуживают покупателей. Все остальное чрезвычайно плохое и дешевенькое, но довольно по высокой цене продается.

Что касается Англии, то в Лондоне довольно значительные разрушения, такие же, как у нас в Ленинграде, но с некоторым отличием. Одно из достопримечательнейших зданий в Лондоне – собор святого Павла, который славился, с одной стороны, своей архитектурой, а с другой стороны, своими голубями, которые жили в этом соборе, и куда стекалось большое количество лондонских жителей, чтобы кормить этих голубей. Когда я в первый раз в 1910 г. был в этом соборе, то там

были тысячи голубей, которые облепляли все здание и лестницу около собора с четырех сторон. Сейчас – только жалкие остатки. Но удивительным образом этот великолепный собор совершенно уцелел, никаких повреждений нет, ни один снаряд ни одна бомба не попали в него, между тем все окружающее кольцо зданий в этой торговой части Лондона (Сити) сплошь все разрушено. Около собора помещались банки, финансовые предприятия, и, видимо по ним и бил противник. Все это совершенно разрушено. Теперь дальше, в районе парламента и Вестминстерского аббатства, тоже исключительного архитектурного произведения, имеются улицы, сплошь разрушенные, хотя парламент и Вестминстерское аббатство остались целыми. Совершенно разрушен район, примыкающий к докам. На некоторых улицах попадаются отдельные дома, 2–3, разрушенные. Но если принять во внимание огромный город с большим количеством домов и хороших построек, то эти разрушения по сравнению с тем, что мы видели в Берлине, являются сравнительно небольшими. Вся остальная страна не носит на себе следов только что перенесенной войны. Я, благодаря любезности нашего посольства, объехал несколько сот миль в Англии на автомобиле. Страна выглядит совершенно нормально, и ничто не говорит о том, что это страна, перенесшая войну: ни одного вершка голой земли, дороги в прекрасном состоянии, луга, поля, леса, рощи... Нигде не видно следов порубки, повреждений снарядами. Страна уцелела благодаря тому, что немцы остановились перед Ламаншем и не могли перейти в наступление. Сама Англия не пострадала, пострадали промышленные предприятия. Интересно, что в прошлом году, как рассказывали работники посольства, была очень суровая зима и пришлось терпеть сильный холод. Вместе с тем угольная промышленность резко сократилась, на 40%, по сравнению с довоенным временем, и лондонцы так же, как и жители других городов, были лишены возможности отапливать свои помещения. Они не имели возможности ни топить каминов, ни поддерживать центральное отопление там, где оно имелось, и во многих местах оно пострадало из-за этого, но ни один кустик не пострадал, ни одно дерево не было срублено. Между тем сейчас идет процесс, который заставит Англию перестроиться, потому что бросается в глаза, что подавляющая часть площади представляет собой луга, поля, леса и рощи, и лишь небольшая часть земли использована под посевами. Посевная площадь за время войны была увеличена по сравнению с довоенной, но в ничтожной степени, и поэтому, когда проезжаете по Англии, то видите красивые ландшафты, в которые только отдельные участки отведены под посевы. Принимая во внимание, что сейчас назревает тяжелый хлебный кризис, можно думать, что им придется пожертвовать той красотой, пожертвовать скотоводством для того, чтобы иметь собственный хлеб. Положение сейчас такое, что Англия заключила договор с США и получила заем. Этот заем был рассчитан на год, был рассчитан на то, что англичане будут вывозить хлеб из Америки и целый ряд других предметов первой необходимости, в частности станки и различные орудия производства, для развития и повышения промышленной деятельности. Таким образом, определенная часть хлеба, которую англичане должны были съесть в нынешнем и в будущем году, должна была поступить из США, а остальная – из Канады и из других стран, в частности от нас. Но произошла тяжелая история. Через четыре дня после подписания договора в США повысилась цена на хлеб в несколько раз и в результате этого явилось то, что в первые же месяцы Англия вынуждена была использовать весь заем, и как мне рассказывали, не знаю, насколько это точно, этого займа хватит только до октября месяца. Наряду с этим произошло такое столкновение экономическое, что когда Англия решила закупить некоторое количество хлеба у других стран, то Америка запротестовала: "Если Вам нужно зерно в таком количестве, то не берите у других, а берите у нас", и наложила вето на вывоз хлеба из Канады и других доминионов Англии, так что Англия не может возить из своих же доминионов хлеб если не возьмет определенное количество американского хлеба.

Как этот кризис будет разрешен – не известно, но он ставит Англию в тяжелое положение, и, может быть, им придется отступить от своих привычек и увеличить посевную площадь.

Теперь дальше. В смысле экономического их положения интересными являются вопросы, связанные с промышленностью. Мне многие из работников, из физиологов, говорили, что наибольшие затруднения у них связаны с тем, что война потребовала, так же как у нас, эвакуации из Лондона в другие города. Это меньше всего коснулось Оксфорда и Кэмбриджа, но из Лондона все лаборатории были эвакуированы в провинциальные города. Сейчас реэвакуация только что заканчивается. При этих эвакуациях и реэвакуациях в значительной степени пострадал инвентарь лабораторий и сами лаборатории оказались частично разрушенными. Для того чтобы восстановить инвентарь, чтобы отремонтировать какой-нибудь прибор или построить какую-нибудь новую установку требуется от 8 до 10 месяцев. В значительной степени это объясняется тем, что во время войны произвели разграничения промышленности между союзниками: между Англией и Америкой. В частности, с Канадой произошло то, что там решили строить самолеты без моторов. Моторы они получали из США. Во время войны так и было. Когда же война кончилась, то Канада потребовала построить заводы для постройки моторов, но сразу же было наложено вето со стороны США, и Канада вынуждена сейчас принудительно получать американские моторы, имея у себя только сборочные мастерские, так как они делают только скорлупу, а моторов сами не имеют права делать. То же в значительной степени касается некоторых видов промышленности и на Британских островах. Многие по договору они должны получить из США, но в связи с хлебным вопросом Америка не дает ни орудия производства, ни станки до тех пор, пока они не возмут весь хлеб, который по договору должны были взять.

В английских газетах очень много пишут о предстоящем кризисе, о надвигающемся кризисе, и в последний день, когда я уезжал из Англии, в газетах были статьи о том, что предстоит демобилизация. Перед парламентом был поставлен вопрос о сокращении армии на 40%, причем дебатировался вопрос: за счет каких контингентов производить сокращение, и рекомендовалось не сокращать той части армии, которая стоит на территории Британских островов и доминионов, но вывести войска из Египта, Греции и из оккупационной зоны Германии, передав все это Америке. На политической почве в Англии сейчас идет огромная борьба, и трудно сейчас сказать, какие она примет окончательные формы.

В связи с этим стоит вопрос быта. Поставлен вопрос об изменении пищевых рационов, об изменении импорта. В последней газете была статья, возмущавшая о том, что в парламенте поставлен вопрос об ограничении всякого импорта, кроме пищевых продуктов. Ограничение импорта связано с сокращением экспорта. Торговые обороты Англии должны сохраняться. Но это рекомендуется как крайняя мера для сохранения жизни. Пищевой вопрос решает все. Торговое соглашение с нами не состоялось пока. Какой оборот примет дело – трудно сказать. Главное препятствие для заключения торгового договора между нами и Англией заключается в том, что мы хотели заключить гарантийный договор. Мы должны были тогда поставить хлеб в известном количестве по известной цене. Насчет цены существовали небольшие расхождения, но несущественные, но мы обязались поставить этот хлеб в определенные сроки, а с них просили, чтобы они указали твердый срок, когда они будут давать нам те предметы оборудования, которые нам нужны. Они принимают наши календарные сроки, но сами отказываются дать какой-нибудь календарь, и отказываются потому, что они сами в производстве этих предметов, нужных нам, зависят от Америки. Но нам заключить с ними договор без гарантии нельзя.

Вот все то наиболее существенное, что я мог рассказать о поездке. Если будут какие-нибудь вопросы...

Н.И. Михельсон. Расскажите о "феномене Орбели-Гинецинского"³.

Л.А. Орбели. Я вернусь к конгрессу и к нашим научным взаимоотношениям. Надо сказать, что там очень большой интерес к нашим достижениям и к состоянию нашей науки, и очень большое число лиц и из Англии, и из других стран обратились ко мне и к другим членам делегации с вопросами о том, что нужно сделать, чтобы наши научные издания сделались бы им доступными, причем они даже не говорят о том, чтобы они печатались на каком-нибудь из европейских языков, но чтобы хотя бы на русском языке получить то, что есть, потому что это представляет какой-то интерес. Я в ближайшее время буду на эту тему беседовать, буду говорить об этом, и, вероятно, мы найдем какой-нибудь способ дать им возможность получить наши научные издания. А сейчас положение такое, что они случайно получают наши издания. В одной животноводческой лаборатории я видел учебник современной биологии и Вестник Тимирязевской академии. Еще где-то видел физиологический журнал, в одной из оксфордских лабораторий оказалась моя книжка "Лекции по физиологии нервной системы", третье издание, 1937 г.⁴ Профессор этой лаборатории говорил мне, что он недавно получил эту книгу и что у него сейчас есть сотрудник, знающий русский язык, и он в состоянии будет иметь выдержки из этой книги. Что у нас делалось после 1937 г., им не известно, хотя они чрезвычайно интересуются нашей работой, и примкнув к ней, они вертятся вокруг феномена Орбели–Гинецинского – это повышение и изменение работы мышц под влиянием симпатического нерва, причем они исходят из того, что слышали на конгрессе в Бостоне от меня, и из того сообщения, которое случайно попало в печать. Они считали, что сделали большое открытие, доказав, что симпатикус не только повышает работу утомленной мышцы, но и снижает ее, и были очень удивлены, когда я сказал, что в первой работе моей было указано, что эффект может быть отрицательным, а во второй работе определенно сказано, что 25% случаев – отрицательные: снижающее влияние, а не повышающее. А они только сейчас обнаружили это и даже в шутку называли [феномен Орбели–Гинецинского наоборот].

Сейчас они работают над тем, что выявляют, при каких условиях положительное влияние получается и при каких отрицательное, и пока дошли до того, что в зависимости от дозировки адреналина и концентрации адреналина могут быть положительный или отрицательный эффекты, и открыли широко глаза, когда я сказал, что давным-давно установлено, что положительный или отрицательный эффект обуславливается не столько характером интенсивности воздействия адреналина или симпатического нерва, сколько исходным состоянием самой ткани, и что мы можем на одном и том же объекте получить положительный и отрицательный эффект в зависимости от исходной нагрузки.

Что у них хорошо, так это то, что методика проводится до совершенства и некоторые вещи они делают очень красиво. Например, они открыли то, что когда-то В.В. Савич и Анна Васильевна сделали: это влияние адреналина на выход адреналина из надпочечной железы⁵. Они работают перфузией. Кровь пропускается через надпочечники. Адреналин вводится в тех или иных дозах. Затем собирается венозная кровь и точно определяется количество задержавшегося в ней адреналина, причем особенно важно, что они уточняют результат по сравнению с тем, что было у Анны Васильевны и В.В. Савича. Определяется количество адреналина, которое вошло с жидкостью, количество адреналина, которое содержится в венозном оттоке, и как контроль берут надпочечник с противоположной стороны. И у них получается, что общее количество адреналина, которое содержалось в надпочечнике и могло быть из надпочечника вынута на контрольной стороне, в десять раз меньше, чем то количество, которое выходит из надпочечника, подвергающегося действию адреналина, причем само количество адреналина составляет ничтожную часть. Существует разница в толковании. Они толкуют этот феномен как повторение феномена Орбели–Гинецинского не на мышце, а на секреторных клетках надпочечника. Они спрашивали меня, напечатана ли эта работа В.В.

Савича и почему я в своей книге не говорю об этом. Я сказал, что работа делалась чуть-чуть раньше и исходные позиции были другие.

Дальше у них повторяется вопрос относительно того, что воздействует ли симпатикус на мышцы непосредственно или же на нервы. Путем ряда опытов они приходят к заключению, что симпатикус действует на моторный нерв. Тоже им пришлось сообщить, что все это исследовано, и все это оказалось для них новостью.

Вопрос: С Дэйлом не было разговоров в смысле работы?

Л.А. Орбели. Специальных научных разговоров не было, но он проявлял большой интерес, вспоминал доклад, который я делал в Лондоне в 1924 г.⁶ Это помнит, а дальше – ничего не достигло.

Очень интересна была демонстрация лаборатории Берна. Я с большим удовольствием смотрел. Там некий Дэвис, молодой физиолог, работает. Методика для изучения мелких органов проделывалась на ушке кролика. Хорошо сконструирована работа по изучению влияния различных ядов. Работник имеет возможность раздражать ушко различными жидкостями и выясняет значение разных ядов, дианидов и т.д.

Из всех демонстраций, которые я видел, наиболее ценной считаю демонстрацию Гесса, швейцарского физиолога, который путем введения электрода в гипоталамическую область установил возможность вызвать сон или сноподобное состояние. Он опубликовал это в 1929 г. в Осло. На конгрессе демонстрируется, что при раздражении гипоталамической области кошка засыпает. Вы знаете, что это исследование производила Анна Васильевна с группой, и Анне Васильевне удалось показать, что сон вызывается тогда, если электроды проходят в гипоталамус⁷, а Гесс доказывает, что сон наступает при раздражении боковых стенок желудочка. Любопытно, что его демонстрация была обозначена словами: "Гипоталамус как координационный центр". Основной вывод его сводится к тому, что при раздражении гипоталамуса с различных центров можно вызвать различно координированные акты. И действительно, гипоталамус представляет собой поле сложнейших координированных актов врожденного характера, и он противопоставляет гипоталамус моторной области коры в том отношении, что в моторной области коры локализация анатомическая, там представлено тело животного по анатомическим показателям, и раздражение моторной области коры вызывает движения суставов кистевого, локтевого, коленного, мускулатуры шеи, словом, развернута вся мускулатура по анатомическим признакам. Что же касается гипоталамуса, то там локализация носит функциональный характер: получают различные координированные акты. И Гесс показывает, что раздражение определенных точек вызывает у животного различные акты: поворот в левую сторону, укладывание на живот, подъем из лежачего состояния в стоячее, опрокидывание назад, становление на задние лапы и т.д. При раздражении определенного пункта кошка встает и принимает позу, характерную для дефекационного акта, хотя мускулатура кишечника бездействует. При раздражении другого пункта наступает заметная перистальтика кишечника без того, чтобы животное изменило позу. Животное лежит на животе и кишечник опорожняется. Путем комбинации этих раздражений можно получить полную картину дефекационного акта.

Эти демонстрации носили исключительный характер и выполнялись четко и красиво. Затем в том же зале я видел фильм итальянского физиолога Моруцци, которого мы давно знаем. Анна Васильевна от него получала оттиски и ему давала. Он справлялся о ней и просил передать поклон. Этот Моруцци занимается тем, чем мы давно занимались.⁸ Он проявил интерес к нашей работе еще во время предыдущего международного конгресса. Он, кажется, был здесь или получил известие, но во всяком случае он знал доклад, который делала Анна Васильевна на том съезде, и мой доклад, который касался мозжечка.

Вопрос: Много ли демонстрировалось фильмов?

Л.А. Орбели. Не очень много, порядка 8–9 во время конгресса. Затем в Лондоне после конгресса 2–3 дня мы были, и там показывали фильм, посвященный И.П. Павлову. К сожалению, я его не видел, потому что был на конференции в Кембридже. Но как мне передавали какой-то кусочек, касающийся И.П. Павлова, кажется, это был московский андреевский фильм, затем демонстрировался гарвеевский фильм учебного порядка.

Фильмы, которые нам показывали на конгрессе, сопровождались обильными и обстоятельными надписями, так что не столько смотреть, сколько читать приходилось.

Вопрос: Участие женщин в научной жизни Англии. Были ли женщины на конгрессе?

Л.А. Орбели. Женщин на конгрессе было мало. Я встретил миссис Гюмбринг, которая происходит из Германии, по-видимому, еврейка или полуеврейка, которая вынуждена была уехать из Германии и в настоящее время работает в Оксфорде с Берном. Затем были Грасс и Дюк Эдельтоны – муж и жена. Затем было несколько дам, которые участвовали в организационном комитете, жена Эдриана Берик, русская дама Захарьина, она не физиолог, а была приглашена для того, чтобы установить связь, облегчить разговор.

Как учатся женщины? В этом отношении возможности предоставлены. Когда я работал в Кембридже, там был один женский колледж, а сейчас – три в Кэмбридже и пять женских колледжей в Оксфорде. В этих колледжах существуют те же порядки, что и в мужских, но с одним ограничением – туда не допускаются мужчины, причем даже в дневные часы.

Теперь относительно устройства этих колледжей, в которых представлены специальности. Каждый из этих колледжей представляет самостоятельную организацию и в ней представлены работники различных научных дисциплин. Они принимают к себе студентов, и студенты зачисляются в колледж по выдержании определенного испытания при условии взноса определенной суммы, довольно большой. Учиться там дорого. Колледжи объединены в университеты: Оксфордский, Кембриджский. Эти объединения возникли после того, как начали развиваться естественные науки, когда было нельзя ограничиться библиотекой и читальным залом, а нужно было создавать лаборатории и институты. Один колледж не был в силах создать большие лаборатории, а поэтому колледжи соединились и построили лаборатории. В 1910 г. физиологическая лаборатория помещалась в тесном старом здании, а в 20-х годах была построена великолепная лаборатория на огромной территории, специально приспособленная для научной работы.

Университет представляет известное объединение, и в настоящее время идет борьба между колледжами и объединяющими университетами. Университеты стремятся создать общие правила, общий порядок, общий режим и дают на колледжи, а колледжи хотят сохранить свои права и в значительной степени сопротивляются. Даже сейчас, как мне говорили, колледжи во многом сильнее, чем университеты, влиятельней, чем университеты. Для того чтобы уволить студента из университета, нужно согласие колледжа. Но есть группа студентов, которая не входит в состав колледжа. Они живут на частных квартирах. Это малосостоятельные студенты, бедные студенты. После войны колледжи оказались недостаточно богатыми для того, чтобы содержать большие институты и лаборатории, и им пришлось впервые за всю историю Англии прибегнуть к помощи. До последней войны Кембриджский и Оксфордский университеты являлись самыми богатыми землевладельцами, у них были огромные поместья, пожалованные королями, заводы, предприятия, дома, магазины и т.д. На это хозяйство они содержат свои учреждения. После первой мировой войны им пришлось прибегнуть к правительственной помощи, и сейчас правительство содержит Кембриджский и Оксфордский

университеты и предъявляет соответствующие требования, и в настоящее время идет борьба между колледжами и университетами, с одной стороны, и между университетами и правительством, или, верней, министерством образования, или просвещения, не знаю, как оно называется, и в конце концов постепенно складывается новая жизнь. Лондонский университет уже совсем другую организацию имеет, которая ближе подходит к континентальной системе. Это правительственный университет, а Оксфордский и Кембриджский университеты имеют еще некоторые особенности. Их преимущество заключается в том, что они объединяют людей различных специальностей и дисциплин.

В 7 часов – общий обед, который принципал открывает молитвой. Все стоят, пока он не закончит, затем садятся и начинают есть. Все это формальности, но особенно интересно то, что после этого обеда студенты расходятся, а преподавательский состав переходит в клубное помещение, в отдельную комнату, куда подают чай и красный портвейн, и они у камина беседуют, 12–20 человек преподавателей различных специальностей, представителей различных наук от истории до филологии, от физики до биологии. Преподаватель физики имеет возможность беседовать с преподавателем химии, историк – с филологом, задать вопросы, получить ответы и т.д. Это общение в значительной степени облегчает работу.

Здесь задали вопрос еще относительно следующего конгресса. Дело в том, что в Постоянный комитет по организации международных конгрессов от Советского Союза после смерти Павлова вхожу я. Он обсуждал вопрос о том, где созвать следующий конгресс. На этом конгрессе поступило три предложения от трех стран: Египта, Канады и Дании. После обсуждения этих трех предложений Постоянный комитет решил рекомендовать для созыва следующего конгресса Данию по тем причинам, что в Египте очень жарко и поэтому он приглашал на декабрь или начало января, но это время, когда работают учебные заведения, не может быть принято ни американцами, ни европейцами. Что касается Канады, то туда нелегко ехать европейцам, и потому решили устроить следующий конгресс в Дании, принимая во внимание еще и то, что Крогу исполнилось 75 лет и он вышел в отставку, Брадребер его заменил, а Лунцгер занимает кафедру Ракиса, который скончался, и поэтому назначая конгресс в Дании, хотят оказать почет Крогу.

* * *

Общее впечатление: жизнь течет внешне очень хорошо в Англии, все чисто, организовано, красиво, сохраняются старые традиции, но вместе с тем явно чувствуется большая экономическая борьба, которая сейчас идет внутри страны, которая идет между страной и Америкой. Важный международный вопрос – сохранит ли Англия свое бывшее господство, которое она занимала до сих пор на морях, или попадет в зависимое положение от Америки – еще пока не решен. И об этом громко не говорят, но из того, что происходит, видно, что имеется экономический нажим со стороны Америки, который, конечно, в известной мере тормозит жизнь в Англии, но английский народ все-таки проявляет свойственное ему терпение, свойственную ему выносливость, и надо надеяться, что сохранит те формы жизни, которые ему свойственны и которые должны вести к известному прогрессу. Надо сказать, что трудно найти такое сочетание – сохранить старые традиции с успешным продвижением вперед во многих отношениях.

Английская наука и сейчас уже стоит на очень высоком уровне и является одной из ведущих. И вместе с тем огромные успехи американской науки тоже не могут не быть отмечены. Мы же можем гордиться тем, что наша работа идет по оригинальному руслу, мы не идем слепо по стопам европейских и американских ученых.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР Л.Т. ЗАГОРУЛЬКО
"О ТЕЧЕНИИ ЗРИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ
ПРИ УСЛОВИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АФФЕРЕНТНЫХ СИСТЕМ",
УТВЕРЖДЕННОЕ НА ЗАСЕДАНИИ ОБН

*Не позднее 23 октября 1947 г.**

Работа старшего научного сотрудника Физиологического института Л.Т. Загорулько "О течении зрительных последовательных образов при условии взаимодействия афферентных систем"¹ представляет собой весьма ценное оригинальное исследование. Она посвящена проблеме взаимодействия органов чувств, разработка которой важна для понимания физиологических механизмов, лежащих в основе восприятия, и для понимания интеграции нервных процессов, протекающих одновременно в высших отделах центральной нервной системы.

Это исследование является плодом многолетней работы, содержит большой экспериментальный материал, полученный автором, дает теоретическое обобщение этой проблемы и вносит новое в ее понимание.

Эта работа была представлена автором в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук.

При защите ее на Ученом совете Института она получила прекрасную оценку, и 11 октября 1947 г. решением ВАК автору была присуждена ученая степень доктора биологических наук.

Директор Физиологического института имени И.П. Павлова
академик Л. Орбели.

АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 24. Л. 73. Авторизованная машинопись.

МАТЕРИАЛЫ К ПЛАНУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АН СССР
ПО ОТДЕЛУ СПЕЦРАБОТ НА 1947–1948 гг.¹

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И БИОХИМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Эволюция эндокринной системы. Руководители: Орбели Л.А., Тонких А.В., Моисеев Е.А.

Наименее развернутыми в институте оставались до сих пор работы по эволюции эндокринной системы². Развитие работ в этом направлении резко лимитируется (как для Института имени И.П. Павлова, так и для СССР вообще) отмеченным уже в пятилетнем плане чрезвычайным отставанием у нас соответственных областей органической химии и относящейся к ней промышленности и не меньшим отставанием производства эндокринных препаратов из животного сырья. Практическое значение эндокринологии и ее огромные успехи за рубежом делают настоятельными крайние усилия к скорейшему развитию этих областей химии и промышленности в СССР.

Все же и независимо от этого в предстоящем году будут поставлены изыскания пределов применимости ультрафиолетовой микроскопии в гистофизиологическом исследовании эндокринных органов; изучение динамики соотносительного роста отдельных органов в онтогенезе, применимости изотопов брома для изучения роли отдельных эндокринных органов.

Закономерности деятельности анализаторных систем. Руководители: Орбели Л.А., Гершуни Г.В.

^{*} Датируется по дате утверждения на заседании ОБН АН СССР. (Примеч. сост.)

Разработанные Павловым представления о высшей нервной деятельности и появившиеся в последнее десятилетие новые химические средства для изучения электрической активности мозга позволили академику Орбели поставить на очередь "Исследование деятельности органов чувств (анализаторных систем) объективными методами с параллельным изучением субъективных восприятий". В этом направлении были достигнуты заметные успехи. Это позволило осветить существование и значение так называемых субсензорных реакций, т.е. реакций, объективно регистрируемых по активности мозга, но не сопровождаемых субъективным ощущением, и использовать изучение этих субъективных реакций в качестве одного из методов объективного изучения высшей нервной деятельности. Развитие исследований в этом направлении в 1947 г. намечает изучение объективных реакций мозга и, в частности, электрических явлений в нем в ответ на звуковые и тактильные раздражения и дальнейшее изучение субъективных реакций³.

Вторая сигнальная система. Руководители: Орбели Л.А., Строганов В.В.

Изучение второй сигнальной системы имеет существенное значение для физиологического понимания генезиса речи. В 1947 г. намечено "Изучение возникновения и развития второй сигнальной системы у детей".

Кроме того, в лаборатории биофизики в развитии прежних работ, показавших возможность применения акустического метода для улучшения голоса и произношения некоторых звуков у детей, практически лишенных слуха, будут разрабатывать методы стойкого закрепления достигнутых результатов (Б.Е. Шейвехман)⁴. Работа имеет значение для выяснения роли звукового анализатора в развитии речевых функций, а также представляет большой практический интерес для сурдопедагогики.

Проблемы экологической физиологии. Руководители: Л.А. Орбели, Г.А. Васильев⁵.

По данной проблеме, включающей в себя вопросы физиологического анализа инстинктивной деятельности диких и домашних животных и изучение тех особенностей, которые вносят в нее существование различных типов НС у представителей одного и того же вида животных, в 1947 г. будут вестись дальнейшие исследования по вопросам эволюции форм поведения животных, а именно:

1. Выяснение физиологических механизмов особенностей поведения у птиц в брачном периоде.

2. Изучение инстинктивной деятельности бобров.

3. Типологические особенности грызунов и хищников и их возрастные изменения. Кроме того, будет вестись "Изучение зачатков рефлекторной деятельности и образования навыков в группе простейших".

АРАН. Ф. 541. Оп. 6. Д. 14. Л. 159, 171, 172, 175. Машинопись с авторской правкой.

* * *

ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕННЫХ ПРОЦЕССОВ⁶

Физико-химическая характеристика живого субстрата и физические и химические механизмы физиологических функций. Руководители: Орбели Л.А. и член-корр[еспондент] АМН СССР Г.М. Франк.

Методом дифракции рентгеновских лучей будут изучаться субмикроскопические структуры тканей организма. Основное в 1948 г. – разработка метода структурного анализа "под малым углом" и изучение молекулярных структур мышечной ткани.

Электрическая структура живых тканей и ее изменения при различных физиологических состояниях на основе параллельного осциллографического анализа токов

действия и изменений импеданса мышцы при различных функциональных состояниях нерва.

В отношении химических механизмов физиологических функций намечается изучение влияния иннервации и некоторых фармакологических средств на нуклеотиды в тканях (Моисеев Е.А., Обухова М.А.) и исследования особенностей инертных образований в организме (Ф.Р. Дунаевский), для чего будет использована ультрафиолетовая микроскопия и спектроскопия.

Биологическое действие радиации⁷. Руководители: А.А. Орбели, Г.М. Франк.

Применение полей УВЧ для воздействия на ЦНС – ценный метод для нейрофизиологии и физиологии органов чувств.

В 1948 г. – дальнейшая разработка и апробация метода применения УВЧ, для чего будет исследовано распределение электрического поля на живом субстрате и при действии УВЧ. Далее – изучение действия полей УВЧ на условно-рефлекторную деятельность собак, на функции колбочкового зрения и на некоторые функции слуха (Б.Е. Шейвехман). Сенсibilизация ЦНС к действию полей УВЧ на малой мощности (Н.Ю. Алексеенко).

АРАН. Ф. 541. Оп. 6. Д. 55. Л. 33, 35. Машинопись.

**ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИНСТИТУТА им. П.Ф. ЛЕСГАФТА¹
В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ
(доклад, посвященный 55-летию со дня основания
биологической лаборатории и 30-летию ЕНИИЛ)**

6 мая 1948 г.

Был небольшой физиологический кабинет с небольшим инвентарем из двух комнат. В кабинете со времени основания (1893 г.) и до 1918 г. исключительно протекала педагогическая работа, выполнены 2–3 исследовательские работы И.С. Беритовым, который занимал здесь должность ассистента.

Но в 1918 г. в связи с решением правительства национализировать биологическую лабораторию и реорганизовать ее в научно-исследовательский институт, возник вопрос о создании исследовательской физиологической лаборатории².

Идейная сторона. Я должен сказать, что мне как руководителю этой лаборатории, конечно, с первых же дней хотелось здесь создать такой центр, где я мог бы продумывать первоначальные мысли, первоначальные предположения, которые возникали у меня и должны были быть претворены в экспериментальную работу.

Когда я приступил к организации этой лаборатории в 1918 г., я не имел своей лаборатории в каком-то другом учреждении, я был сотрудником и ассистентом Павлова в ИЭМе, доцентом в Военно-медицинской академии, следовательно, должен был ограничиваться лишь помощью в руководстве научными сотрудниками Ивану Петровичу и посильным участием в той работе, которую проводили эти мощные лаборатории.

Естественно, что еще с 1913 г. у меня было стремление где-то организовать свой очажок, где можно было бы работать по своей тематике и проводить свои личные научные взгляды и интересы. Но вот с 1913 по 1918 год этого сделать не удалось. Первая мировая война помешала организации лаборатории, пришлось довольствоваться только педагогической работой, но и то должен сказать, что первый систематический курс физиологии был мною прочитан в стенах этой лаборатории на [Высших женских] курсах имени П.Ф. Лесгафта, впоследствии превращенных в Институт физической культуры имени Лесгафта. И все дальнейшие курсы, которые мне пришлось читать в Медицинском институте и в ВМА, были некоторым развитием и усложнением того первоначального курса, который

был прочитан в стенах этой лаборатории. Таким образом, эта лаборатория оказала свое влияние и на те огромные массы студенчества, которые прошли через упомянутые медицинские заведения.

В годы первой мировой войны здесь уже теплилась научная работа – я вместе с М.Б. Тетяевой делал то, что позволяла обстановка.

Это был запальный этап нашей работы, который был обусловлен существовавшими тогда возможностями.

В 1918 г. благодаря Морозову³ удалось создать настоящую физиологическую лабораторию: была устроена операционная клиника при операционной, помещение было расширено, была приобретена аппаратура.

Обстоятельства, благоприятствующие работе:

1. Мы находились в стенах института, созданного Лесгафтом, – одно его имя было достаточно для того, чтобы все, кто приходил работать в это учреждение, чувствовал себя обязанным быть во всяком деле принципиальным, пунктуальным и соблюдать внутреннюю моральную дисциплину, которая ничего общего не имеет с формальной дисциплиной и которая во много раз больше значит, чем те формальные дисциплинарные требования, которыми гордятся некоторые другие учреждения. Вот та внутренняя дисциплина, созданная Лесгафтом, передалась его ближайшим сотрудникам, проникла в стены этого учреждения. Вся атмосфера этого учреждения была такова, что не работать с максимальным интересом, с максимальным напряжением здесь было невозможно. Этот дух работы, передавшийся всем решительно, – от научного работника и до младшего технического персонала – явился одним из определяющих моментом успеха, который мы здесь имеем.

2. Второе важное обстоятельство – то, что из числа бывших учениц Лесгафта в нашу лабораторию попало несколько человек, всецело отдавшихся этому учреждению. Я имею в виду М.Б. Тетяеву и К.И. Кунстман. Им принадлежит заслуга создания той внутренней трудовой атмосферы – совершенно особое отношение к работе, особенно к работе с сложными хирургическими операциями, которое нужно для исследовательской работы. Лаборатория славится тем, что оперированные животные находят здесь такой уход и такое внимание, которые нужно пожелать любой больнице и клинике, где лежат больные люди.

Младший технический персонал, получающий буквально грошовое вознаграждение, однако, всегда находится на высоте и всегда в любое время дня и ночи готов прийти в лабораторию, чтобы оказать помощь. Так сформировался спаянный коллектив, что не было разницы между своей работой и работой товарищей.

Теперь о существе работ. В первые дни организации лаборатории к нам пришел Ген-Кате, голландский подданный, родившийся и выросший в Ленинграде, получивший образование в Московском университете, [он] выполнил здесь ряд работ об иннервации сердца лягушки. Эти работы послужили трамплином для перехода к более детальному изучению вопроса о механизме влияния вегетативных нервов на сердечно-мышечный прибор.

Вслед за этим уже в лаборатории 1 Медицинского института выросла работа Тонких с детальной оценкой отдельных сторон влияния симпатических нервов на сердце, что служило основой для переноса тех же приемов исследования на поперечно-полосатую мускулатуру.

Здесь получили развитие работы, которые представляли специальный интерес с точки зрения физического воспитания и физического образования, – встал вопрос о механизме использования поперечно-полосатых мышц. Тут зародилась впервые мысль о том, нельзя ли в вегетативном нерве, в симпатической нервной системе найти аппарат, который мог бы принимать участие в повышении работоспособности мышечного прибора. Здесь были запроектированы первые работы в этом направлении. Покойная Клара Ивановна начала работу по изучению влияния симпа-

тических нервов на поперечно-полосатую мышцу. В дальнейшем с возникновением новой лаборатории в Медицинском институте блестящий успех в этом направлении был получен Гинецинским.

Уже после того как Гинецинский на утомленных мышцах сумел установить эффект восстановления работоспособности утомленных мышц и когда это явление стало доступным целому ряду работников, выяснилось, что в этих стенах эту работу осуществить нельзя. Секрет заключается в том, что в те годы вода в этом районе хлорировалась, тогда как вода на Петроградской стороне озонировалась. Примесь хлора к воде в этом районе являлась препятствием для того, чтобы могли быть обнаружены тонкие влияния симпатической системы на поперечно-полосатые мышцы лягушки.

Когда мы через много лет с Еленой Юрьевной попробовали воду из речки Пряжки, то лягушки, содержащиеся в этой воде, оказались вполне пригодными для выполнения этой работы. Тем не менее эта маленькая частность явилась препятствием для того, чтобы первые попытки в этой лаборатории увенчались успехом.

Но этот небольшой физиологический курьез имеет большое принципиальное значение. В этой лаборатории возникли первые предположения о роли симпатической нервной системы, отсюда они перекинулись в Первый медицинский институт, и теперь на основе определенных подготовительных работ Тен-Кате, Тонких и моей совместной работы они нашли свое продолжение и охватили широкий круг исследователей.

Далее, опыты Кунстман над собаками после односторонней десимпатизации конечностей, изучение деафферентированных конечностей*.

По теоретическим вопросам физического воспитания мы входим в некоторый научный конфликт с Лесгафтом. Исходя из правильной предпосылки о том, как нужно производить перестройку координации у детей, развивая у них способность вырабатывать новые двигательные навыки, Лесгафт думал, что можно исходить из элементарных движений, и комбинируя отдельные элементарные движения, привести к новому сложному акту.

Между тем эти исследования Кунстман (операция выключения чувствительных нервов конечностей собаки) показали, что координационные отношения складываются не путем складывания и наслаения друг на друга элементарных движений, а они складываются из суммарного возбуждения всей центральной нервной системы, широко охватывающего все участки мозга, но ограниченного наслаивающимися тормозными процессами.

Если мы имеем в виду перестройку координации, возникающую естественным порядком или умышленно создаваемую нами, чрезвычайно важно сначала отпустить центральную нервную систему, освободить от того координационного акта, который существует, т.е. дать возможность широко распространяться по ней возбуждению, затем создать условия для концентрации возбуждения в тех или иных участках коры путем затормаживания всего остального.

Этот важный принципиальный вопрос находит сейчас широкое применение в целом ряде физиологических исследований, и он стал почти общепринятым фактом. Этот взгляд возник в Колтушском институте через 15–20 лет после первой работы Клары Ивановны. Исследования Волохова, Стакалич по эмбриональной физиологии, по развитию рефлекторных актов показывают, что на ранних этапах онтогенетического развития мы имеем дело с сильно генерализованными реакциями, которые потом концентрируются и превращаются в локальные, специальные рефлексы.

* Опущена часть текста с перечислением работ учеников Л.А. Орбели, опубликованных ранее. См.: Орбели Л.А. Избр. труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. 320 с. (Примеч. сост.)

Взаимодействие афферентных систем. Анализ взаимоотношений между проприоцептивной и тактильной чувствительностью, с одной [стороны], и болевой чувствительностью, с другой – также в значительной степени результат наблюдений в этой лаборатории, являющихся развитием высказываний в 60-х годах XIX в. А.А. Данилевского и Хэда.

Принципиально новое о механизме деятельности мозжечка: не только как орган, регулирующий моторные акты, но и связанный с чувствительностью, – также зародилось в этой лаборатории.

Моим помощником по работе и созданию лаборатории в Институте Лесгафта был А.Н. Крестовников.

За 30 лет эта небольшая лаборатория пропустила 90–100 человек.

Вопрос о роли блуждающих нервов в осуществлении, в регуляции пищеварительных процессов. Изучение регенерации блуждающих нервов. Функция гипоталамической области (Дерябин, Гзгзян, Русишвили).

Здесь зародились работы, которые находили потом развитие в других учреждениях, начатые в других лабораториях, находили благоприятную почву для развития здесь.

Эта маленькая лаборатория, стоящая в стороне от больших институтов и больших ассигнований, несмотря на всю свою скромную обстановку, сумела внести большую лепту в дело развития советской физиологии.

СПбФ. АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 225. Л. 4–28. Машинопись.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени И.П. ПАВЛОВА АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА ПЕРИОД 1936–1948 гг.*

1948 г.

После смерти И.П. Павлова в 1936 г. руководство институтами его имени было поручено акад[емику] Л.А. Орбели. Будучи старейшим учеником Павлова, акад[емик] Орбели в это время являлся уже главой собственной школы, эволюционно-физиологической, для которой центральным объектом исследований служила вегетативная нервная система. Принимая на себя руководство институтами Павлова, акад[емик] Орбели выдвинул свою программу синтеза учения Павлова со всем тем, что могло дать современное состояние науки для дальнейшего развития этого учения "с целью установления определенной связи между физиологией высшей нервной деятельности и остальной большой соматической физиологией".

И.П. Павлов сделал объектом изучения не изолированные фрагменты нервной системы, а деятельность ее в целом. Ему удалось установить ряд точных законов, по которым нервная система обеспечивает приспособление животного к изменчивости условий внешней среды путем образования временных связей, условных рефлексов. Это позволило объяснить, как происходит постепенное усложнение и обогащение запаса приобретаемых при жизни реакций на внешние воздействия. Тем самым была создана база для предположений о механизме образования врожденных форм поведения, безусловных рефлексов и инстинктов и проложены пути для экспериментального изучения процесса их образования как результата сложного взаимодействия со средой.

Фундаментом для всего этого явились классические исследования, осветившие

* Документ составлен по предложению Президиума АН СССР. Датируется по содержанию информации. (Примеч. сост.)

механизм образования временных связей, закономерности их взаимоотношений и динамики и те особенности в типах животных, которые могут способствовать высшей нервной деятельности животного или затруднять ее. Полученные выводы были использованы для объяснения ряда явлений патологии высшей нервной деятельности, возникающей в результате ее перенапряжения или в результате внутренних конфликтов.

Развитие учения Павлова после его смерти должно было, согласно выдвинутой Орбели программе, продолжать дело Павлова по проложенным им классическим путям и одновременно развивать его учение по тем путям, которые делались возможны благодаря дальнейшим успехам науки. Проложенные Павловым пути вели: 1) к дальнейшему анализу сложного процесса взаимоотношений между процессами возбуждения и процессами торможения, 2) к выявлению индивидуальных и типологических различий в динамике высшей нервной деятельности, 3) к изучению факторов, вызывающих ее патологию.

Развитие учения Павлова по путям, открываемым дальнейшими успехами науки, ставило на очередь: 1) освещение условий, влияющих на характер и протекание высшей нервной деятельности, 2) изучение эволюции высшей нервной деятельности и 3) вовлечение в круг объектов исследования помимо животных также и человека.

Намеченная таким образом программа работ не могла быть выполнена в рамках одного лишь Физиологического института Академии наук; она была рассчитана на координированную деятельность этого института с Институтом эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности в Колтушах и с физиологической лабораторией Научного института им. Лесгафта.

В рамках Физиологического института Академии наук работа за истекшие годы развивалась в следующих основных направлениях.

Продолжался классическим методом условных рефлексов тщательный анализ взаимодействий между процессами возбуждения и торможения. Особое внимание было обращено при этом на типологические различия этих взаимодействий, на зависимость их от процессов тренировки и от различных внешних условий и фармакологических факторов. Выявлялась также взаимосвязь между различными компонентами условной реакции (дыхательным, сердечным и др.).

Была проделана большая работа в развитии идей Павлова, относящихся к патологии высшей нервной деятельности. Многолетними работами М.К. Петровой, удостоенными Сталинской премии¹, были освещены механизмы возникновения патологических состояний нервной системы в результате различных конфликтных ситуаций и перенапряжений. Показано влияние перенапряжений высшей нервной деятельности на возникновение самых разнообразных заболеваний. В частности, продолжают многолетние исследования относительно влияния перенапряжения нервной системы на податливость к заболеванию экспериментальным раком.

Распространение исследований на высшую нервную деятельность человека является особенно характерным для работы Физиологического института. И.П. Павлов очень интересовался применением своего учения к высшей нервной деятельности человека. Но лично он сосредоточивался преимущественно на истолковании патологических проявлений этой деятельности. В Физиологическом институте после смерти И.П. Павлова внимание было сосредоточено на том, что относится к высшей нервной деятельности нормального здорового человека.

Исследования в этой области шли по двум основным направлениям.

Первое из этих направлений теснейшим образом связано с физиологией органов чувств. И.П. Павлов придавал исключительное значение органам чувств, но, ограничивая свои исследования для первого их этапа объективными данными о высшей нервной деятельности собак, он интересовался органами чувств главным образом

как анализаторами воздействующих на собаку раздражений. Привлечение в качестве объекта исследований высшей нервной деятельности человека открывало возможность использования для целей исследования общения исследователя с объектом исследования. Тем самым открывалась возможность сопоставления объективных данных с показаниями субъективными. Использование современной высокочувствительной электроизмерительной техники позволило точно изучать объективные процессы, происходящие в головном мозгу человека, и сопоставлять их с сопровождающими их субъективными ощущениями, а также с возникающими в известных условиях после раздражения "последовательными ощущениями". Тем самым прокладывался путь для точного естественнонаучного изучения взаимоотношения объективного мира и субъективного.

Исследования в этой области установили ряд фактов, характеризующих участие высших отделов нервной системы, а не только органов чувств, при возникновении даже элементарных ощущений. Применение точных электрофизиологических методов к изучению активности мозга позволило в дальнейшем приоткрыть завесу над сложными процессами, происходящими в коре головного мозга при тех воздействиях среды, которые еще недостаточно интенсивны, чтобы вызывать ощущения. Было показано, что эти не сопровождаемые ощущением процессы играют свою большую роль в формировании условных рефлексов.

Таким образом, развитие учения Павлова в этом направлении подвело вплотную к объективному установлению существенных черт тех процессов в головном мозгу, которые происходят при образовании временных связей.

Другим направлением, в котором применялось учение И.П. Павлова к человеку, было изучение формирования так называемой второй сигнальной системы у детей. Второй сигнальной системой И.П. Павлов называл область тех условных связей, которые устанавливаются не непосредственно между внешними раздражителями и реакциями на них, но между внешними раздражителями и обозначающими их сигналами или символами. Этого рода условные связи и являются, по учению Павлова, физиологической базой для речевого общения между людьми. Эту "вторую сигнальную систему" Павлов считал специфической особенностью высшей нервной деятельности человека в отличие от животных.

Проведенные в Физиологическом институте за последние годы исследования установили ряд фактов в этой области. Была показана последовательность появления различных безусловных и условных реакций у ребенка, начиная с первых дней жизни. Удалось осветить относительную роль разных типов внешних раздражений в формировании речи: разницу в действии раздражений контактных и дистантных, изолированных и комплексных и т.д. Были выявлены те особенности окружающей ребенка обстановки, которые существенны для темпа и качества формирования речи ребенка. Дальнейшее развитие этих исследований должно заложить естественнонаучный фундамент для решения ряда важных вопросов педагогики.

Дальнейшей, очень важной задачей в развитии учения Павлова являлось изучение тех факторов, которые способны благоприятствовать высшей нервной деятельности или, наоборот, препятствовать ей. Этими факторами являются, прежде всего, влияния различных процессов, происходящих внутри организма и образующих тот общий фон, на котором разыгрываются процессы в коре головного мозга.

Исследованиями Физиологического института было показано несомненное влияние на типологические особенности высшей нервной деятельности со стороны симпатической нервной системы и ее центрального регуляторного аппарата – гипоталамуса. Было показано их значение для регуляции и уравнивания процессов возбуждения и торможения. Была показана, помимо роли симпатической нервной системы, также роль эндокринной системы, в частности мозгового придатка,

щитовидной и половых желез, в определении ряда особенностей высшей нервной деятельности, преобладания торможения или возбуждения, перехода от бодрствования ко сну и т.д. Все более освещается роль мозжечка в тонкой регуляции различных сторон нервной деятельности. Одновременно с изучением различных внутренних факторов, влияющих на характер высшей нервной деятельности, в Институте изучалось воздействие некоторых факторов внешних. Показано, в частности, что ультракороткие волны, воздействуя на мозжечок, могут существенно влиять при некоторых условиях на остроту зрительного восприятия и на условные рефлексы.

Общий смысл огромного количества фактов этого рода заключается в том, что для понимания деятельности нервной системы в ее целом, которое поставил задачей И.П. Павлов, существенное значение имеет освещение также и той стороны этой деятельности, которая выражается не столько во внешне заметных актах поведения, сколько в скрытых внутренних процессах, происходящих в организме. Акты поведения происходят на базе непрерывно разыгрывающихся сложных автоматических регуляторных процессов, направленных к тому, чтобы мобилизовывать внутренние ресурсы организма, сосредоточивать их в каждый данный момент там, где нужно.

Эта сторона деятельности нервной системы привлекла в свое время внимание И.П. Павлова, выдвинувшего ряд представлений о "трофической" функции нервной системы. Представления эти получили особое развитие в школе Орбели. Многочисленными исследованиями было показано, что речь должна идти здесь не только о роли "трофической" в узком смысле этого слова, в смысле специфического питания органов, но и в смысле всего того сложного комплекса внутренних изменений, который необходим для обеспечения наибольшей эффективности функции, для приспособления, адаптации органов к предъявляемым им в данный момент функциональным требованиям. Эта роль нервной системы получила наименование "адапционно-трофической".

За протекшие после смерти Павлова годы Физиологический институт принимал активнейшее участие в изучении адапционно-трофической функции в ряде других учреждений, руководимых Орбели, и в координации с ними. Шаг за шагом освещалась конкретная роль выполняющей эту функцию вегетативной нервной системы и общие закономерности ее влияния и в отношении таких органов, как органы пищеварения, мочевыделения, кроветворения и органы эндокринные, и в отношении органов чувств, и периферических нервных аппаратов, и головного мозга. Особо глубоко зашел анализ этой адапционно-трофической регуляции в отношении нервно-мышечной функции. На этом объекте впервые было продемонстрировано четверть века тому назад влияние симпатической иннервации на работоспособность мышцы, и на этом же объекте удалось за последние годы экспериментально воспроизвести последовательность основных этапов в эволюции функциональных свойств органа.

И.П. Павлов не раз возвращался мыслью к вопросам эволюции высшей нервной деятельности. Наблюдая изумительные закономерности образования прочных временных связей в индивидуальном опыте животного, он не мог не задумываться над вопросом, как возникли в филогенезе те еще более прочные формы поведения, которые являются для животного прирожденными: безусловные рефлексы и инстинкты. Экспериментальное изучение этой проблемы он считал важнейшей задачей, и сам заложил для него основы в Колтушах.

Изучение эволюции функций на тех объектах, которые представлялись на первых порах наиболее удобными для этой цели, именно на нервно-мышечной функции, привели школу Орбели к различению определенной направленности в этой эволюции, именно направленности от процессов недифференцированных, медлительных, расплывчатых к процессам дифференцированным, ускоренным, уточ-

ненным. Эта направленность неоднократно и различными путями была выявляема в работах Института при исследованиях онтогенетического развития как в отношении нервно-мышечной функции, так и некоторых проявлений активности головного мозга. Существенно при этом, что последовательные этапы эволюции не просто сменяются одни другими, но наслаиваются и взаимодействуют между собою.

В последние годы было положено начало систематическому изучению взаимоотношений разных отделов нервной системы в филогенезе. Более широкое применение принципов эволюционной физиологии нашло себе место, однако, в других учреждениях, руководимых Орбели.

Сосредоточивая собственные усилия на изучении физиологических механизмов нервной деятельности, Павлов как последовательный материалист не раз подчеркивал, что полное понимание этих механизмов предполагает раскрытие также и физико-химических основ элементарных физиологических явлений. Работы Физиологического института за последние годы неоднократно подчеркивали, что для успешности раскрытия этих физико-химических основ весьма существенно изучение их в свете основных представлений физиологических. Это достигается кооперацией основных физиологических лабораторий Института с лабораториями биохимической и биофизической. Уже давно сотрудникам Орбели удалось установить, что симпатическая иннервация мышцы вызывает в ней изменения в концентрации некоторых фосфоросодержащих соединений. В свете современных представлений о роли этих соединений в углеводном обмене и в энергетике мышечного сокращения возникла возможность более конкретного физико-химического понимания адаптационно-трофического воздействия. Экспериментальные работы в этом направлении ведутся в настоящее время (совместно с двумя лабораториями). Большой цикл работ был посвящен изучению тех химических изменений во внутренней среде организмов, посредством которых осуществляется адаптация организма к изменениям внешней среды и, в частности, к изменениям атмосферных условий. Были изучены обнаруживающиеся при различных внешних воздействиях особенности активности гемоглобина. Изучались и продолжают изучаться сдвиги в активности фермента угольной ангидразы. При этом было установлено, что регулирующее влияние на эту активность оказывает симпатическая нервная система.

Параллельно с изучением химических основ элементарных физиологических функций происходит детальное изучение лежащих в их основе тончайших физических процессов, для чего приспособляются наиболее чувствительные из методов современной физики.

* * *

Исходной установкой в научной деятельности Института являются развитие и конкретизация естественнонаучных основ материалистического мировоззрения как раз на том участке науки, где сложность явлений и малая изученность их давали особо благоприятную почву для всяких обскурантских и научно-реакционных измышлений. Эта установка, однако, ничуть не исключала перспектив для попутного получения результатов непосредственного практического значения.

Еще И.П. Павлов, особенно в последние годы своей жизни, уделял много внимания возможности использования его учения для клиники. В Физиологическом институте продолжала работать до самой своей смерти (в 1948 г.) его ближайшая сотрудница в этом направлении исследований – М.К. Петрова.

На возможности того или иного клинического использования ориентировались и продолжают ориентироваться разнообразные работы всех лабораторий Института.

Не имея собственной клинической базы, Институт всегда находил возможности для кооперирования с различными клиническими учреждениями, особенно в годы Великой Отечественной войны. Институт были предложены и в известной мере уже восприняты клиникой некоторые диагностические методы, например, для раннего распознавания сепсиса, для некоторых травматических и контузионных поражений центральной нервной системы. Специальные исследования осветили физиологический механизм происхождения некоторых пневмоний, что позволило обосновать предложение средства для их извлечения. Изучались и продолжают изучаться факторы возникновения отека мозга при травмах. Освещены фундаментальные процессы в мышце, существенные для понимания мышечной патологии. Собирается большой клинко-физиологический материал, характеризующий изменения в вегетативно-нервных реакциях и в протекании "последовательных ощущений" при различных расстройствах нервной системы. Систематизация этого материала открывает новые перспективы не только для диагностики некоторых заболеваний, но и для понимания их внутреннего механизма. Для полноты освещения изучаемых вопросов очень многие физиологические исследования сопровождаются параллельным исследованием морфологическим, которое производится различными методами и в двух специальных лабораториях. Накоплены обширные гистологические материалы, характеризующие последствия различных экспериментальных воздействий на нервную систему и на эндокринную систему, что имеет существенное значение для понимания механизмов ряда сложных заболеваний.

Накопленные разнообразные и огромные материалы получают свою теоретическую трактовку в свете развиваемых Орбели представлений об эволюции функций.

Использованием для клинических целей не исчерпывается, однако, направленность работ Института в сторону практики. Если исследования формирования речи у детей не достигли еще фазы, позволяющей делать выводы непосредственного практического значения, то физиологическое изучение дефектов речи и слуха у глухонемых детей, проведенное при помощи специально сконструированной аппаратуры, позволило разработать метод, существенно улучшающий обучение этих детей речи. Метод этот уже входит в широкую практику обучения.

За последние годы Институт был предпринят ряд попыток поставить исследования, могущие иметь непосредственное значение для животноводства. Попытки эти относились к проверке некоторых приемов повышения эффективности откорма свиней, изучению причин резорбции эмбрионов у свиней и т.д. Попытки эти носили пока лишь первоначальный и разведочный характер. Решения, принятые Академией наук СССР после дискуссии о положении в биологической науке, позволили в последние месяцы развернуть работы этого направления и поставить на очередь более широкую разработку Институт научных основ продуктивности сельскохозяйственных животных. Институт имеет достаточную теоретическую базу в своей прошлой научной деятельности и в своих кадрах для изучения фундаментальных механизмов, лежащих в основе процессов роста сельскохозяйственных животных и их продуктивности.

Из числа сотрудников Института 4 удостоены Сталинской премии, 4 – премии им. Павлова и 1 – Мечниковской медали.

Деятельность Института воодушевляется уверенностью в правильности основного ее направления, берущего начало от великих физиологов нашей Родины – Сеченова и Павлова. Значение этого направления для дальнейшей разработки естественнонаучного фундамента диалектического материализма, а также актуальность практических проблем, вырастающих теперь перед Институт, естественно вызывают стремление у сотрудников к еще большему разворачиванию его деятельности и повышению ее темпов. Следует считать законным стремление к такой организации работы, которая обеспечивала бы полноту использования сосредото-

ченных в Институте научных сил. Однако осуществление такого стремления требует существенного поднятия технической базы Института и создания условий для быстрой и высококачественной подготовки в нем новых кадров. Попытки в этом направлении, несмотря на щедрое содействие правительства, не привели еще пока к удовлетворительному решению вопроса. Ряд мер, в этом отношении наиболее настоятельных, был намечен Правительственной комиссией по ознаменованию столетия со дня рождения И.П. Павлова. Сюда следует отнести: 1) расширение помещения Института за счет находящегося ныне в том же доме Гидрометеорологического института, 2) окончание постройки собачника, ведущейся уже с 1937 г., 3) обеспечение постройками, оборудованием и штатом выделенного Институту научно-опытного хозяйства, 4) восполнение дефектов в оборудовании Института научной аппаратурой, 5) расширение механической и электротехнической мастерских, 6) обеспечение Института достаточным научно-подсобным аппаратом путем расширения его штата².

Академик Л. Орбели.

АРАН. Ф. 530. Оп. 16. Д. 107. Л. 200–212. Авторизованная машинопись.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Л.А. ОРБЕЛИ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА АМН СССР

10 сентября 1948 г.

Е.И. Смирнов¹ отметил, что я допустил вмешательство работников моргановского направления в работу Института и таким образом запятнал чистоту павловского учения этой морганистско-менделеевской примесью, благодаря этому я затормозил развитие определенных сторон павловского учения.

Я считал себя обязанным не замораживать учение Ивана Петровича на тех вопросах и методах исследования, которые Иван Петрович сам непосредственно внес. Я считал себя обязанным дать развитие всем тем идеям, всем тем возможностям, которые вытекали из учения Павлова. Я смотрел на это учение не только как чисто физиологическое, но и как учение материально-психологическое, биологическое и философское.

Я ни в какой мере не был на поводу у генетиков, если я разговаривал с ними, то только потому, что это вошло в традицию лаборатории.

Что касается генетиков и книги Давиденкова², то эти генетики и Давиденков работали еще у Павлова. Иван Петрович вел клиническую работу с Давиденковым. У Давиденкова сохранились стенограммы всех павловских клинических сред, которые представляют очень большую ценность, но они остались у него, как у руководителя клиники. Ничего я ему не передавал, так как у меня этого в руках не было. Если Давиденков использовал материал, то это результат его многолетней работы с Павловым.

Моя ошибка в том, что я, недостаточно детально ознакомившись с книгой, написал похвальное предисловие. Исходил я из того, что (как об этом сегодня говорилось с кафедры) медицина недостаточно использовала данные биологии. Меня порадовало то, что Давиденков, большой клиницист, собрал большой материал, собирался подвести под основу невропатологии биологию.

Что заставило меня ввести дрозофилистку³ в Институт? В Колтушском институте ставился вопрос о наследственности. Иван Петрович выбрал собак. Собака продельывает тот цикл, который нужен для разработки этого вопроса, в три года. Для получения типовой картины нужно было провести систематическую упорную работу. Война нарушила нашу работу. Для того чтобы получить результаты на собаках, требуется 12–15 лет.

Если мы имеем объект, который тот же цикл проделывает не в 3 года, а 12 дней и дает результаты, то мы применили дрозофилу, которая даст возможность разрабатывать вопрос в более короткий срок. Работники генетического направления называли меня ламаркистом, упрекали, что у меня ламаркистские тенденции⁴, потому что я никогда не признавал тезиса о ненаследуемости приобретенных признаков и задолго до того, как я вступил в Институт Павлова.

Я надеюсь, что в дальнейшем органы АМН и МЗ достаточно внимательно отнесутся к моей работе, оценят ее правильно и снимут с меня тяжелое для меня обвинение, которое пришлось несколько раз в последнее время выслушивать, ... что я не только поддерживаю менделистов-морганистов, но и сам провожу тенденцию морганистов. Так было написано в брошюре т. Банщикова⁵, которая вчера раздавалась всем и была вручена и мне. По этой брошюре явствует, что единственный мой научный труд – это предисловие к книге Давиденкова... Я не думаю, чтобы Банщиков был настолько неграмотным, чтобы не знать об этом (о работах Орбели в физиологии).

Я думаю, что наши руководящие органы не одобряют такое поведение отдельных работников, потому что это поведение является вредным, оно разрушает нашу конкретную работу.

Допустим, я сделал ошибки, меня за эти ошибки надо наказывать, осудить, подвергнуть критике, но нельзя же вырвать конкретную научную работу, которая от этого останавливается на несколько месяцев, и нельзя же налагать на человека, у которого совесть абсолютно чиста и перед народом, и перед партией, и перед правительством, обвинения и ставить в такое положение его, что он оказывается подсудимым, о котором начинают сейчас зарубежные писатели писать и говорить.

Я заканчиваю свое слово тем, что я с чистой совестью работал 30 лет при советском строе, так буду работать и дальше, и никаких иностранных вмешательств⁶, от кого бы они не исходили, я не допускал и не допущу, и выражаю глубокое возмущение и порицание тем, кто пытается этот способ ввести в нашу жизнь и допускать такое вмешательство.

Я закончу только заявлением, что все, что от меня зависит для дальнейшего укрепления нашей советской науки на основе марксистско-ленинской философии, я буду коллективом моих работников делать.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 74. Л. 33–34, 39–43. Машинопись.

ИЗ ДОКЛАДА Л.А. ОРБЕЛИ "О ЗАДАЧАХ АКАДЕМИИ НАУК
В СВЯЗИ С ИТОГАМИ СЕССИИ ВАСХНИЛ"
НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ
И ПАТОЛОГИИ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АМН СССР¹

17 сентября 1948 г.

...Идеологические извращения в биологии. Изучение вопроса о наследственности: с одной стороны, развитие генетики в европейских и американских лабораториях. Наряду с этим в нашей стране существует другая точка зрения: возможность управления наследственностью путем воздействия факторов внешней среды. Это не только чисто научные вопросы, но и вопросы мировоззренческие. Мы допустили ошибку, что эти идеалистические и метафизические воззрения господствовали в стране, и это была серьезная политическая ошибка.

Многие из нас, в том числе и я, думали, что можно рассматривать эти два

учения как чисто научные течения, как борьбу взглядов по биологическим вопросам, и совершенно упустили из виду ту мировоззренческую противоположность, которая существовала между представителями науки, и упускали ту политическую сторону, которая скрывалась за этими двумя мировоззрениями.

Получилось так что, руководя целым рядом институтов, учреждений и биологической наукой в системе АН, я допустил параллельное существование лабораторий, в которых разрабатывались вопросы наследственности с одной и другой точек зрения.

Мне пришлось на протяжении девяти лет быть в роли буфера, который должен был принимать на себя натиск с обеих сторон и защищать оба направления друг от друга, и в этом была моя ошибка. Если бы я сначала учел ту идеологическую подоплеку, которая лежит за этой борьбой, я должен был бы стать определенно на одну точку зрения и защищать только точку зрения нашей мичуринской генетики и бороться с проявлениями генетики моргановской. Я этой идеологической стороны не учел, не учел далее мировоззренческой борьбы и рассматривал дело как борьбу различных течений в биологии.

Я должен сказать совершенно честно, что мне в одинаковой степени пришлось защищать морганистов от мичуринцев и мичуринцев от морганистов, потому что морганисты в системе АН заняли довольно воинствующие позиции и агрессивно нападали на мичуринцев. Мне пришлось выслушивать выступления многих видных ученых, в частности академика Прянишникова, который настойчиво требовал от меня принятия мер. Бывали периоды (по 20–30 дней), когда специально утром и вечером в 9 часов раздавался звонок и около 40–50 минут Прянишников доказывал, что я позорю академию тем, что допускаю существование в ней такого работника, как Лысенко, и что я должен искоренить лысенковскую и вильямсовскую линию в работе; вместе с тем Дубинин и Жебрак настаивали на том, что я зажимаю генетику, что я не даю возможность печатать труды, и я должен был защищаться перед общественностью и перед правительством тем, что работы печатаются в наших журналах, что мы отводим только те работы, которые являются ошибочными с научной точки зрения. Вот в этой борьбе я провел девять лет в роли буфера. Сейчас я должен оправдываться в том, что я печатал работы. Оправдываться не приходится, потому что генетические работы печатались. Печатались параллельно работы того и другого направления.

Как бы то ни было, но я допустил ошибку, что я поддерживал оба направления, тогда как с политической точки зрения правильно было бы поддерживать только одно направление – мичуринское, и закрыть дорогу направлению моргановскому, что не было сделано*...

Поступлю правильно, если предложу нашему коллективу не принимать каких-либо крутых мер в отношении тех товарищей, которые выступили здесь и честно объяснили свои ошибки и честно показали свое желание работать на пользу советской науки и народа и в отношении которых у нас нет никаких оснований подозревать ни в антисоветском, ни в антипартийном настроении².

Сейчас тяжелое событие, которое произошло в моей жизни, когда я потерял доверие правительства и Президиума Академии наук и был освобожден от работы в Биологическом отделении; вместе с тем [это] является и положительным моментом, потому что оно дает возможность больше уделять внимания работе Института, и я, думаю, вместе с коллективом смогу выправить все допущенные ошибки, и работу нашего Института вместе поставим на более правильные рельсы и на более высокий уровень.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 74. Л. 6–9, 49–50. Машинопись.

* Опущена часть текста доклада с изложением официальной оценки сессии ВАСХНИЛ. (Примеч. сост.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Г. ДЭЙЛА¹

9 декабря 1948 г.

Мне очень грустно, что приходится выступить по адресу сэра Г. Дэйла – одного из выдающихся ученых нашего времени. Письмо Г. Дэйла, опубликованное в английской прессе и в "Британском союзнике", заставило меня выступить, несмотря на мое уважение к Дэйлу.

Профессор Дэйл забыл, что он имеет дело с Академией, насчитывающей уже 225 лет своего существования, с Академией, которая сумела сбросить в свое время иго иностранного вмешательства. Он думает, что может давать указания Президиуму АН, как нужно вести научные исследования и как нужно распределить функции между своими представителями. И если профессор Дэйл счел нужным сослаться на то, что я – академик Орбели – оказался отстраненным от руководства Биологическим отделением, то позволю себе спросить проф. Дэйла: считает ли он мыслимым, чтобы кто-либо из иностранных членов Королевского общества позволил себе давать указания Королевскому обществу, кого нужно избрать президентом, кого нужно избрать секретарем, кому нужно предоставить руководство той или иной стороной деятельности Королевского общества. Думаю, что этого сэр Генри Дэйл не может себе представить! Но он считает возможным с такими указаниями обратиться к АН Советского Союза.

Сэру Генри Дэйлу нужно помнить, что ни один уважающий себя гражданин своей Родины не позволит себе воспользоваться какими-либо формами защиты со стороны иностранных граждан. И почему сэр Генри Дэйл позволяет себе выступить в защиту меня от президиума АН?

Я как гражданин Советского Союза могу пользоваться защитой и покровительством только нашего правительства, нашего народа и никого больше, и никакое вмешательство иностранцев ни в какие стороны моей деятельности, ни в какие мои нужды я позволить не могу. Считаю необходимым с этим обратиться к ОС Академии и подчеркнуть то обстоятельство, что всякое вмешательство в нашу деятельность иностранцев я считаю недопустимым, унижительным, направленным во вред нашей Родине. Да и к тому же я и не нуждаюсь в защите, ибо окружен заботами и вниманием своего народа и правительства.

Дальше считаю я необходимым отметить то обстоятельство, что письмо проф. Г. Дэйла было опубликовано во всех английских газетах и было опубликовано в "Британском союзнике" у нас в стране, в столице нашей Родины Москве, раньше, чем адресат его получил.

Не сделался ли уважаемый сэр Г. Дэйл игрушкой в руках каких-то политических кругов, которые натравили его на то, чтобы выступить против АН, оказавшей ему в 1942 г. высокую честь избранием его почетным членом.

При всем моем уважении к научным трудам и заслугам профессора Генри Дэйла я считаю нужным заявить, что долгом нашей Академии является ответить на его письмо исключением его из состава нашей Академии².

СПбФ АРАН. Д. 895. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–4. Машинопись с авторской правкой.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Л.А. ОРБЕЛИ
О НЕСОГЛАСИИ С ВЫВОДАМИ КОМИССИИ ПРЕЗИДИУМА АН СССР
ПО ПРОВЕРКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
АН СССР

Главному ученому секретарю А.В. Топчиеву

28 июля 1949 г.

Возвращая переданные Вами мне материалы комиссии по обследованию ФИНа и других учреждений, руководимых мною, считаю нужным обратить внимание на следующие обстоятельства:

1. Комиссия знакоилась с работой двух больших институтов, руководимых мною, и еще трех учреждений¹ в составе двух членов комиссии из шести, а составленный текст констатационной части, а может быть, и проект постановления написал член комиссии², не участвовавший в ознакомлении.

2. Никто из членов комиссии не беседовал ни со мной, ни с моими заместителями, ни с членами партбюро, если не считать частной попытки этих товарищей.

3. Докладная записка написана по непонятным мне причинам явно тенденциозно со стремлением возвеличивать других работников (кстати сказать, участников составления доклада и проекта постановления) и унижить меня.

4. Разработка Павловского научного наследия в руководимых мною учреждениях освещена неправильно и в полном противоречии с тем, что некоторые члены комиссии высказывали письменно и печатно до работы комиссии.

5. Неправильно освещена деятельность редакционной коллегии "Физиологического журнала", неправильно освещена задача этого журнала и других изданий Физиологического общества и ФИНа имени И.П. Павлова.

6. Правильно указаны недочеты в деятельности институтов и моей личной только в некоторых пунктах, но освещены эти недочеты и вызвавшие их причины неправильно, тенденциозно и клеветнически.

7. Проект, предложенный комиссией для постановления Президиума, явно ведет к подрыву моей деятельности, создает угрозу существования институтов, руководимых мною, и [ведет] к полному разгрому ведущейся в них огромной, целенаправленной и координированной работы.

8. Поэтому, нисколько не руководствуясь личными интересами, а исключительно только в целях защиты от разгрома возложенных на меня Партией и Правительством обязанностей, весьма ответственных, затрагивающих интересы советской науки и социалистического строительства нашей Великой Родины, я вынужден Вас просить о помощи.

9. При сем прилагаю докладную записку возражений против высказываний комиссии и проект постановлений Президиума, направленный на улучшение разработки Павловского наследия и к большему усилению деятельности физиологических учреждений.

Л. Орбели.

Мои замечания по докладной записке комиссии Президиума (вариант Н. Гращенкова, визированный Гращенковым, Федеровым и Разенковым).

1. На с. 4 комиссия утверждает, что ФИН не подверг критике книжку Беритова³, как это сделано ИЭМом и ИЭФ.

Книжка эта была подвергнута обсуждению и критике, обсуждению общим собранием коллективов обоих институтов имени Павлова (ФИНа и ИЭФ) по докладу Вацуро, направленному в "Медицинский работник"⁴. Кроме того, по моему предложению Бюро ОБН отклонена просьба академика Бериташвили о перепечатке в виде книги всех статей Бериташвили. Мотив отклонения – отношение автора к учёнию Павлова.

2. За действия профессора Бабкина, уехавшего из СССР в 1923 г. или 1922 г., ФИН ответить не может⁵.

ФИН и ИЭФ не могут также отвечать за книгу Анохина⁶, основное содержание которой было доложено на специальной конференции при Московском физиологическом обществе в бытность члена-корреспондента Н.И. Гращенкова директором ВИЭМа, в составе которого работал Анохин как заведующий отделом.

Председателем заседания, если не ошибаюсь, был действительный член АМН СССР И.П. Разенков.

По существу этого вопроса должен отметить, что, несмотря на свой порочный идеализм, Декарт все же был основоположником учения о рефлексе и автором этого термина, о чем неоднократно говорил и Павлов, поставивший в ИЭФ (в то время Колтушской биостанции) бюст Декарта при директорстве ВИЭМ проф[ессора] Л.Н. Федорова.

Что касается критики взглядов Анохина и Бериташвили, то она была проведена мною в докладе, прочитанном на Конференции врачей дальней авиации, в курсе лекций, читанных на кафедре ВНД и ГИДУВе (!) (стенограммы имеются)⁷.

Кроме того, мною были сделаны замечания на заседаниях Ленинградского физиологического общества имени Сеченова в присутствии члена общества и члена комиссии проф[ессора] Л.Н. Федорова. Замечания касались замалчивания или забывания роли Павлова в вопросах регуляции кровообращения. Моя ошибка заключается в том, что все эти высказывания... не опубликованы в широкой прессе.

4. При оценке работы различных учреждений, разрабатывающих научное наследие И.П. Павлова, наряду с оттенением значения и успехов работы учреждений, возглавляемых Купаловым и членами комиссии Быковым и Разенковым, принижаются или замалчиваются материалы руководимых мною учреждений. Так, оттеняя значение работ проф[ессора] Разенкова по вопросам пищеварения, замалчиваются работы мои и моих сотрудников о новых, ранее неизвестных формах регуляции функции пищеварительного тракта (со стороны мозжечка, межуточного мозга и головного конца симпатической нервной системы).

Говоря о новых методических приемах профессора Купалова (свободное поведение собак вне станка), замалчиваются исследования Глезера в ФИНе⁸, заключающие в себе новую методику наблюдения слюнных пищевых рефлексов в условиях свободного движения, дающую возможность параллельно вести наблюдение как над слюнными пищевыми условными рефлексам, так и над свободным поведением животного. Это особенно важно, потому что этим обеспечивается возможность обнаружения случаев антагонизма и диссоциации этих форм деятельности.

Замалчивается также широкая разработка ситуационной физиологии условных рефлексов, проведенная в ФИНе Глезером в направлении взаимодействия двух или трех собак.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 76. Л. 71–74. Заверенная копия.

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД Л.А. ОРБЕЛИ НА НАУЧНОМ СОВЕТЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И.П. ПАВЛОВА¹ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР

*Не позднее 27 декабря 1952 г.**

На Объединенной сессии двух академий была подвергнута критике работа некоторых физиологов нашего Союза. В этой критической оценке особенно большое внимание было уделено моей работе в связи с тем, что после кончины И.П. Павлова на меня была возложена задача руководить теми учреждениями, в

* Датируется по времени проведения VIII сессии Научного совета. (Примеч. сост.)

которых он работал, которыми он руководил сам. Конечно, это поручение, данное по решению партии и правительства, наложило на меня очень большую ответственность, и совершенно естественно, что по истечении большого ряда лет, четырнадцати лет, эта работа подверглась серьезной деловой критике, которая направлена на то, чтобы исправить существующие ошибки, дать более правильное направление дальнейшему развитию работы в области физиологии и максимально использовать научные достижения для блага нашего советского народа и для великой задачи, которая стоит перед нашей страной – построения коммунизма. Это требует от каждого из нас внимательного отношения к постановлениям сессии и максимального использования тех указаний, которые на этой сессии были даны.

Совершенно естественно, что дальнейшая работа моя и тех товарищей, которые ко мне примкнули и решили продолжать работу под моим руководством, привлекает и должна привлекать всеобщее внимание, в особенности внимание руководящих органов и всей научной общественности нашей страны. Мы, со своей стороны, должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы вся наша работа и каждая деталь этой работы были целенаправленны, были бы направлены именно к той цели и тем задачам, которые диктуются общим ходом нашей государственной жизни, жизни нашей страны, идущей впереди всего человечества к созданию новых форм общественной жизни, форм, наиболее благоприятных для всей массы трудящихся.

Отсюда вытекает необходимость самого бдительного и критического отношения друг к другу в дела выдвижения тех или иных задач, тех или иных вопросов, способов разработки, способов трактовки полученного материала и выдвижения достигнутых результатов для применения к практике.

Вот те исходные позиции², которые должны быть всегда нами учитываемы для того, чтобы наша работа, действительно, была правильной и обеспечивающей пользу нашего народа.

Отсюда, однако, не следует делать вывод, что надо как-то слепо подходить к тому или иному вопросу. Нужно каждый вопрос, каждый взгляд, каждое наше высказывание всесторонне обсудить, нужно подвергнуть его основательной критике для того, чтобы, с одной стороны, не допускать самим ошибок, с другой стороны, не поддаваться на случайную или ошибочную критику. Критика требует критического отношения как к себе самому, так и к тем возражениям, которые делаются: она должна быть нелицеприятной, должна быть справедливой, деловой и должна учитывать ту или иную политическую линию, которую проводят партия и правительство и которой мы все вполне сочувствуем, за которой хотим идти. Следовательно, каждый шаг наш должен быть проверен с этой точки зрения.

Вы знаете, что возражения и указания, которые были даны относительно нашей предшествующей работы на Объединенной сессии двух академий, касались двух основных сторон дела. Одна сторона – размеры и общая направленность работы. В этом отношении было указано, что разработка научного наследия И.П. Павлова была недостаточно интенсивной, что не были выдвинуты стержневые, наиболее важные вопросы, что получилось известное распыление наших сил, что значительная часть работников, участвовавших в разработке физиологических проблем, была направлена не в сторону разработки вопросов высшей нервной деятельности, а в сторону разработки других проблем, возникших в связи с моими научными интересами. Это касалось особенно вопросов, связанных с симпатической нервной системой. Далее было подчеркнуто, что мало разработаны вопросы физиологии высшей нервной деятельности человека и недостаточно получено результатов, которые являлись бы особенно важными и интересными для нынешней эпохи.

Что под этим должно было подразумеваться и о чем нужно думать? Почему этот упрек сделан и почему нужно считать этот упрек, действительно, справедливым, правильным, соответствующим интересам нашего дела? Мы уже строим

коммунизм, мы уже переходим от социализма к коммунизму. Естественно, что в этих условиях особенное значение приобретают все вопросы, связанные с путями построения новой формы общества. Это общество должно строиться на научной основе. Ведь мы строим не утопический коммунизм, а коммунизм научный. Отсюда вытекает чрезвычайно важное следствие: прежде всего, нужны правильные идеологические установки; во-вторых, нужно создать определенную увязку между материалистическим учением об обществе и общественных отношениях, с одной стороны, и изучением человека как одного из представителей животного царства, который достиг наиболее высшего уровня развития, с другой. Следовательно, все данные, касающиеся природной жизни человека, естественных, природных функций человека, нужно увязать с его положением в общественной среде.

Отсюда вытекает, что высшая нервная деятельность человека, являющегося, с одной стороны, высокоорганизованным представителем животного царства, а с другой стороны, членом общества, должна быть изучена достаточно подробно и точно, а вместе с тем эти две стороны, влияющие на деятельность человека, должны быть определенным образом увязаны, должны быть выяснены взаимоотношения между природными и общественными факторами.

Было ли, действительно, в этом отношении сделано достаточно за годы, истекшие после смерти И.П. Павлова? Нужно совершенно открыто и честно сказать, что не только мало было сделано, но практически ничего не было сделано в этом смысле. Те большие задачи, те большие вопросы, которые поставил Иван Петрович в связи с его учением о сигнальных системах, остались практически незатронутыми. Нельзя же сказать, что что-нибудь было сделано, если выполнены две-три работы по этому вопросу.

Но если даже оставить эти высокие области науки, то даже простое изучение человека как природного существа, как высокоорганизованного животного – и эти вопросы тоже были очень недостаточно разработаны.

Я лично и, следовательно, вместе со мной и весь коллектив работников получили совершенно справедливый упрек в том, что мной наиболее важный, наиболее существенный раздел учения И.П. Павлова разработан не в достаточной мере.

Вторая сторона, не менее и даже более важная – это идеологическая сторона.

Естественно, что в нашей стране осуществляется постоянно и совершенно справедливо деловой подход, проверка, бдительность в отношении того, не проскальзывают ли тут или там отдельные мысли и высказывания, которые являются проявлением существующих либо еще оставшихся идеалистических воззрений или просто даже неправильных формулировок, которые дают основание подозревать в том, что за этим кроется та или иная идеалистическая концепция. Этот критический подход мы должны приветствовать, потому что неправильно было бы думать, что в этом отношении мы можем оставаться индифферентными, безразличными и допускать свободное проникновение в массы и в наши собственные головы тех или иных идеалистических концепций. Вся наша работа должна быть тщательно проверена как с точки зрения точных и правильных научных данных, так и с точки зрения тех идеологических установок, которыми руководствуется тот или иной исследовательский работник. И, конечно, чем более ответственный пост занимает научный работник, чем более ответственную работу он несет в качестве руководителя учреждений, тем больше к нему должно быть предъявлено требований и тем более строгий должен быть к нему подход.

С этой точки зрения я считаю совершенно справедливым, что в отношении меня как руководителя Павловских учреждений, т.е. руководителя разработки той научной дисциплины, которая сейчас приобретает исключительное значение, были применены наиболее строгие приемы критики, таким образом были подняты все вопросы, которые вызывают сомнения в отношении правильности моих установок, моих действий, что были подчеркнуты все ошибки.

Правильно было, что основные докладчики подняли ряд вопросов, связанных с выявлением моей идеологии, моих идеологических установок. Это было особенно правильно ввиду того, что в молодые годы, в начале моей научной деятельности я написал философское введение к докторской диссертации³, основанное на той гносеологии, которая преподавалась тогда на кафедрах трех наиболее видных университетов. Тогда мною был сделан ряд ошибок: во-первых, не будучи достаточно философски грамотным, зная только однофилософское учение, с которым познакомился по университетскому курсу, не позаботился о том, чтобы найти пути для освоения и изучения других философских систем, следовательно, подошел к вопросу некритически.

Вторая ошибка: встав не ошибочную философскую позицию, я пришел к позиции агностицизма и фидеизма, потому что философское течение, которого я придерживался во "Введении", разделяло наше представление о природе на знание и "научно обоснованную веру". Многие считалось недоступным познанию и относилось к области веры. Затем я старался чисто материалистическое учение И.П. Павлова связать с идеалистической философией.

Моя большая ошибка заключалась далее в том, что я очень долго, до самого последнего времени, стоял на позициях аполитичности науки. Я понимал, что в научном исследовании важно не только эвристические задачи*..., но я думал, что можно относиться безразлично к тем философским воззрениям, которые создают определенное мировоззрение.

Я тогда и долгое время спустя, еще до недавнего времени, не учитывал того обстоятельства, что примыкание к той или иной философской системе и создание того или иного мировоззрения связано с определенными формами общественной жизни и с определенной классовой борьбой. Классового значения мировоззрения, политического значения я не учитывал, стоя на позициях аполитичности науки. Это приводило и привело меня, конечно, к объективизму. Этот мой объективизм был подчеркнут и указан мне, прежде всего, по отношению к генетическим проблемам после исторической сессии ВАСХНИЛ. Как руководитель Отделения биологических наук АН СССР я в одинаковой мере поощрял разработку вопросов генетики формальной и генетики советской, мичуринской.

Я оказался в очень трудном положении, с одной стороны, буфера, который должен был эти борющиеся стороны сдерживать, с другой стороны, – в положении человека, который поступил неправильно с точки зрения общей системы развития нашей страны, потому что, придавая одинаковое значение этим двум научным течениям, считая возможным рассчитывать на те научные находки, которые будут сделаны представителями той и другой школы, я в одинаковой степени им помогал и таким образом поддерживал существование формальной генетики в системе наших учреждений, не принял своевременно мер к тому, чтобы в достаточной степени самому понять идеологическую сторону формальной генетики, ее политическую направленность. Этот мой индифферентизм, мое безразличное отношение к двум борющимся тенденциям и недоучет идеологической сущности формальной генетики привели меня к определенным ошибочным шагам, которые были мною своевременно признаны. Этот вопрос несколько связан и с работами в Колтушском институте. Руководя работой по экспериментальной генетике, я допустил ряд ошибок. Опять-таки, если бы я своевременно вошел в идеологическую сущность формальной генетики, то я, вероятно, всячески подчеркивал бы вредные, опасные стороны этого научного течения и, может быть, само направление разработки генетических вопросов в Институте повел бы несколько иначе, чем я его вел на протяжении четырнадцати лет. Я не хочу этим сказать, что то, что мы делали в Колтушах, было полностью неправильно. Этого никоим образом не могу сказать.

* Опущена часть текста с изложением официальной оценки сессии. (Примеч. сост.)

Мы в Колтушах проводили отбор представителей определенных типов, наиболее резко выраженных: сильных и слабых, и определенно скрещивали сильных с сильными, слабых со слабыми с тем, чтобы добиться наиболее экзактно выраженных типов нервной системы. Эта задача сама по себе еще вовсе не является формально-генетической. Она существует с того времени, как существует человечество.

Следовательно, я усматриваю ошибку не в том, что мы вели эту работу, а в том, что не была достаточно подчеркнута свобода этой работы от установок формальной генетики, которая в изучении вопросов наследственности выдвинула два ошибочных положения: положение о существовании особой "наследственной плазмы"⁴, неизменной и продолжающей существовать на протяжении веков, и, с другой стороны, о приравненности этой наследственной плазмы к хромосомному аппарату. Вся генная теория исходит из этих позиций. Никаких этих вопросов наш Колтушский институт не касался. Но вместе с тем мы там допустили ошибку в том отношении, что не подчеркнули этой свободы нашей от установок формальной генетики и, мало того, даже допустили проведение там лекций и практикумов, которые знакомили сотрудников с установками формальной генетики. С другой стороны, была допущена та ошибка, что проводили мы только одну из двух важных сторон экспериментальной генетики. Ником образом нельзя считать неправильным то, что мы проводили эти скрещивания и пытались путем подбора получать экзактные, выраженные типы (это было указано Иваном Петровичем, это совершенно правильный путь, и он сейчас сохраняет свое значение). Это совершенно естественная и правильная работа. Но неправильны были трактовка и формулировки, неправильно было привлечение сотрудников генетиков и неправильно было то, что была заброшена другая, основная сторона экспериментальной генетики, тоже выдвинутая Иваном Петровичем и совпадающая с установками мичуринской биологии, именно разработка вопроса о том, как наследственные свойства изменяются под влиянием факторов внешней среды. Эта сторона была нами совершенно заброшена. Между тем при создании Колтушского института эта задача была поставлена Иваном Петровичем и при его жизни одна работа – работа Майорова⁵ в этом направлении была уже выполнена.

Конечно, это моя очень существенная ошибка, в особенности если принять во внимание значение внешней среды на формирование типовых особенностей, а в случае человека – на формирование его личности, его сознания. Это было нами упущено. Это, действительно, была большая, серьезная ошибка.

Аполитичность науки – ошибочная, старая позиция, давно и прочно сидевшая в наших старых научных кругах: "политика политикой, а наука наукой", "мы занимаемся наукой, политики не касаются". Ошибочность и порочность этой позиции сейчас очень ясно выступает, потому что мы являемся свидетелями того, как благодаря использованию определенных философских взглядов, именно идеалистических взглядов, в капиталистических странах внушаются массам совершенно неправильные установки, эти позиции используются для того, чтобы создавать рознь и вражду между народами, поддерживать подавление трудящихся. А наряду с этим мы видим, как в нашей стране благодаря правильному развитию и широкому распространению марксистско-ленинского материалистического мировоззрения трудящиеся освободились от гнета, как мы все прочно стали на позиции сторонников мира, боремся на мир во всем мире и за счастье всего человечества.

Ошибочная позиция аполитичности науки привела к тому, что я недостаточно критически относился к философским системам, а когда осознал ошибочность прежних позиций, проведенных мною в диссертационном "Введении", я не занялся специальной критикой моей старой работы. Это нужно было, конечно, своевременно сделать.

В различных статьях и докладах я допускал ряд неудачных, неточных и даже неправильных формулировок, давших основание думать, что я придерживаюсь

ошибочной теории психофизического параллелизма⁶. В действительности я считаю дуалистический принцип психофизического параллелизма неправильным, неприемлемым.

Сейчас чрезвычайно важно выяснить, чем я руководствуюсь в практической работе теперь.

Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР вскрыла ряд недостатков в разработке научного наследия И.П. Павлова, в том числе сильное отставание в разработке вопросов высшей нервной деятельности человека, представляющих исключительный интерес как с теоретической, так и практической точек зрения. Особо было подчеркнуто, что главная вина в этом лежит на мне как на руководителе мощных учреждений, стоящих ранее под непосредственным руководством самого Павлова.

Признавая этот упрек правильным, я решил в дальнейшей своей деятельности сделать все от меня зависящее, чтобы усилить разработку этого важнейшего раздела физиологии.

Академия педагогических наук, получившая на той же Объединенной сессии упрек о том, что в системе ее учреждений мало уделено внимания вопросам высшей нервной деятельности ребенка как базы для построения правильной материалистической педагогической науки, дала, в свою очередь, мне как руководителю физиологической лаборатории Института имени П.Ф. Лесгафта АПН указание направить усилия лаборатории на разработку возрастной физиологии нервной системы с основным уклоном в сторону высшей нервной деятельности, в особенности развития двух сигнальных систем в их взаимодействии⁷.

Как академик и член Президиума АН СССР я был поставлен незадолго до этого в известность об указании Правительства СССР, требовавшем от АН СССР возможно большего содействия АПН РСФСР в деле разработки научных вопросов, актуальных с точки зрения повышения уровня советской педагогики, а наряду с этим и повышения квалификации преподавателей педагогических вузов.

Сам я с первых лет моей научной деятельности питал особый интерес к рассмотрению и изучению физиологических функций в свете эволюционной теории, подчеркивая особо важное значение учения И.П. Павлова об условных рефлексах как ключа к пониманию функциональной эволюции нервной системы. Отсюда мои статьи: "О механизме возникновения спинно-мозговых координаций", "Об эволюционном принципе в физиологии", "Об эволюционном принципе в физиологии нервной системы", "О диалектическом методе в физиологии" и др. Отсюда организация лаборатории эмбриональной физиологии в Колтушах, организация лаборатории возрастной физиологии в Ленинградском институте ОЗДиП, отсюда серия работ по эволюционной физиологии нервно-мышечного аппарата и рефлекторной деятельности животных и, наконец, как более поздний этап – осторожный, и к сожалению, недостаточно решительный подход к изучению развития рефлекторных актов у детей (до войны работы Немановой и Молчановой-Сеничевой на базе Ленинградского Государственного педиатрического института, после войны – Кольцовой).

Все вышеизложенное является основанием для включения в план работы моего вновь организованного коллектива развития нервной деятельности ребенка в процессе развития как основной на данном этапе проблемы.

Первоначальный объединенный план работы моего коллектива был подвергнут серьезной критике на IV сессии Научного совета по вопросам павловской физиологии при Президиуме АН СССР в июне 1951 г. Научный совет в своем постановлении рекомендовал мне переработать этот план коренным образом, принимая во внимание: а) допущенные мною ранее ошибки идеологического и методологического порядка, б) якобы недостаточную мою компетентность в вопросах высшей нервной деятельности вообще и ребенка в особенности, г) слабость и

недостаточность квалификации моих сотрудников в области высшей нервной деятельности, д) недостаточность материальной базы, е) неясность методических приемов.

Мои объяснения не удовлетворили членов Научного совета. Я благодарен Научному совету за указанные ошибки. Но не могу согласиться с тем, что я не должен браться за изучение высшей нервной деятельности ребенка.

Я направил свои исследования на вскрытие путей развития высшей нервной деятельности ребенка и считаю это дело правильным и нужным. Диалектика требует, чтобы всякое явление изучалось в его развитии, и я смею говорить, что я больше чем кто-нибудь другой в физиологии прививал именно этот диалектический метод, потому что с самого начала своей самостоятельной деятельности я все время стою на том, что каждый процесс, каждое физиологическое явление должно изучаться в процессе его развития. Теперь спрашивается: имею ли [я] право, после того как я уже много лет занимался изучением процесса развития функций мышечной системы, нервной системы, центральной нервной системы, некоторых сторон высшей нервной деятельности, заниматься изучением развития функций нервной системы у детей в их раннем возрасте? Я считаю, что имею право. Для этого у меня достаточно экспериментаторского опыта, достаточно опыта общения с сотрудниками и обсуждения с ними наиболее важных, узловых пунктов работы.

Стою ли я на ошибочных идеалистических или дуалистических идеологических позициях? Мне кажется, что я в достаточной мере показал, что я не стою на этих чуждых позициях и что, наоборот, мои принципиальные позиции совершенно совпадают с теми принципиальными позициями, которые вытекают из положений единственно правильной марксистско-ленинской философии.

На указание на то, что у меня нет опыта, что я незнаком с детским организмом, я должен сказать следующее. Сейчас мы установили контакт с одним из самых больших педиатрических учреждений нашего Союза – с Педиатрическим институтом, с одним из крупных клиницистов – профессором А.Ф. Туром. Наши сотрудники работают совместно под постоянным наблюдением педиатров этого института.

Кроме того, ведь никто же не родится психиатром, педиатром, физиологом, всему этому мы научаемся в процессе нашей работы.

Мне непонятно, почему я, проработав у Ивана Петровича много лет по условным рефлексам, не могу заниматься высшей нервной деятельностью? Но союз между физиологами и врачами-педиатрами, психиатрами, терапевтами и т.д. не только приветствуется, он подчеркивается как необходимость со стороны наших руководящих органов. Почему же я, один из старейших, во всяком случае, физиологов, должен отстраняться от этого общего течения, которое воодушевляет сейчас все население нашей страны, почему я не должен идти со своим опытом, своими знаниями вместе с тем небольшим коллективом, который у меня имеется, на изучение вопросов, которые другими никогда, по существу, не затрагивались?

Я должен заявить, что тот способ изучения, та постановка вопроса, которая проводится нашим коллективом, никем другим не проводится. Изучают ребенка. Но можно изучать высшую нервную деятельность ребенка определенного возраста под единым общим философским взглядом, но все-таки с различных физиологических аспектов, и я считаю, что та работа, которую мы все вместе проводим, охватывая возрасты ребенка от периода недоношенного до школьного, в определенной последовательности, с определенной установкой, является не только полезной, но и необходимой.

Я несколько затянул вторичное представление нашего плана, потому что хотел прийти сюда не с пустыми руками. Сейчас же я прихожу сюда с тем конкретным

материалом, который собран у нас за последние два года. Если он будет забракован, – посмотрим, по каким линиям он забракован, по каким причинам бракует его. Все ошибки, которые мы допустили, мы, конечно, признаем и поставимся исправить. Если эти ошибки непоправимы, мы поставим точку на нашей работе.

В соответствии с постановлением Научного совета и в полном согласии с решениями Объединенной сессии двух академий план был тщательно обсужден в коллективе и переработан. При этом объединенный ранее план (по указанию Президиума АПН) разделен на две части: 1) план физиологической лаборатории ЕНИ им. П.Ф. Лесгафта и 2) план физиологической группы АН СССР. В каждой из этих частей были проведены существенные изменения, и оба переработанных плана были представлены на утверждение: первый – Президиума АПН, второй – ОБН АН СССР.

По первому – имеется утверждение Президиума АПН РСФСР, по второму – состоялось утверждение ОБН, но условно, так как при рассмотрении не присутствовали члены Научного совета. От двух ведущих членов Научного совета (К.М. Быков и А.Г. Иванов-Смоленский) поступили отрицательные рецензии. План был снова нами продуман, проанализирован и представляется сейчас на рассмотрение Научного совета вместе с отчетами о проделанной до настоящего момента работе.

Как я себе представляю разработку вопросов о развитии высшей нервной деятельности человека? Я себе представляю дело так: для того чтобы составить себе ясное представление о ходе развития высшей нервной деятельности у детей, у человека, нам нужно применить тот эволюционный путь развития, который оказался очень плодотворным, и не мог не быть плодотворным, в разработке других физиологических вопросов.

За время исторического существования человечества оно, именно в силу того, что представляет собой очеловечившуюся обезьяну под влиянием труда и связанных с трудом физиологических процессов, направленных на осуществление различных форм труда, проделало такой грандиозный скачок в своем развитии, который не идет в сравнение с эволюционным процессом, развивавшимся тысячами миллионов лет в животном царстве. В этом особенность человеческого организма: именно в результате трудовых процессов возникла вторая сигнальная система, возникли те коммуникационные отношения, которые свойственны только человеческому обществу, возникли общественные отношения и т.д.

Все это, конечно, не могло не сказаться на развитии всех физиологических нервных процессах у современного человека. Тут нами и должен был бы быть использован тот принцип, который очень плодотворно сказывается и в остальной сравнительной физиологии нервной системы, – это признание того, что человек представляет собою при рождении незрелорождающееся существо, что человек принадлежит к той группе животных организмов, которые появляются на свет не вполне сформированными. Человек принадлежит к организмам, которые рождаются наиболее незрелыми. Это чрезвычайно важно потому, что еще на самых ранних этапах своей внеутробной жизни он подпадает под влияние внешней среды, как природной, так и общественной, и нигде влияние среды, т.е., прежде всего, влияние родителей и ближайших человеческих существ, не сказывается в такой степени на развитии молодого организма, как у человека. Это исходное положение, мне кажется, очень важно.

Дальше чрезвычайно важно то, что в конечном счете у человека исключительную роль играют приобретенные формы поведения, т.е. те формы поведения, которые основаны на выработке временных связей.

Для нас очень важно то, что раз ребенок рождается на свет незрелорожденным, то это значит, что не все те потенции, которые заложены с зачатия, которые

в эволюционном порядке приготовлены и должны достигнуть определенного развития, уже развились в то время, когда ребенок родится. Следовательно, процесс естественного развития наследственных форм деятельности еще идет, продолжает развиваться, когда начинает вмешиваться влияние внешней среды.

С точки зрения учения И.П. Павлова, так же как и с точки зрения мичуринской, биологии, это, конечно, в высшей степени важное обстоятельство, потому что роль наследственности не устраняется, но, во всяком случае, подвергается изменениям [под влиянием] изменяющейся внешней среды, и, следовательно, можно думать, что развитие врожденных функций протекает не совсем так, как оно протекало бы, если бы ребенок продолжал внутриутробное развитие и был бы отключен от влияния внешней среды.

Мы поставили себе задачей: выяснить, как в процессе развития ребенка, нормально родившегося или родившегося несколько раньше обычного срока, на разных этапах онтогенеза складывается взаимоотношение между врожденными и приобретенными формами поведения. С этим процессом ведь нам приходится иметь дело и у взрослых существ.

Одна из основных форм изучения И.П. Павловым физиологии высшей нервной деятельности заключалась в том, что он на фоне имеющегося уже фонда безусловных рефлексов и натуральных условных рефлексов, выработавшихся в предшествующей жизни удачного индивидуума, начинал образовывать искусственные условные рефлексы. Эти условные рефлексы в процессе становления изучались Иваном Петровичем и его сотрудниками, и выяснялось, как они выражены при изменении тех или иных внешних условий: взаимодействия раздражителей между собой, взаимодействия раздражителей условных и раздражителей, вызывающих безусловные рефлексы, взаимодействия различных отделов ЦНС. Все это было задачей Ивана Петровича при изучении взрослого организма, а нам надо было все это проследить в отношении растущего организма.

Важно считаться с тем, и мы, конечно, это не только учитываем, но очень высоко ценим, что уже очень много было сделано нашими предшественниками, в первую очередь учениками и последователями Ивана Петровича – Н.И. Красногорским и А.Г. Ивановым-Смоленским – в деле изучения условно-рефлекторной деятельности детей в различных возрастах. Огромный материал показал, что основные принципы павловского учения полностью приложимы к ЦНС детских организмов. Затем были данные, касающиеся взрослых людей, у того же А.Г. Иванова-Смоленского.

Таким образом, мы не можем сказать, что мы являемся единственными участниками разработки этих вопросов, но мы под совершенно определенным углом зрения, обусловленным нашими более ранними исследованиями на животных, ставим вопрос о систематическом изучении взаимоотношений вырабатывающихся условных реакций с врожденными безусловными актами, влияния условных рефлексов на безусловные, влияния безусловных рефлексов той или иной степени развития, зрелости на вырабатываемый на нем условный рефлекс. Эту задачу мы поставили себе в отношении всего развития детского организма. Эта постановка вопроса является, как нам кажется, правильной, потому что вся нервная деятельность как у животных, так в особенности у человека представляют тесное взаимодействие безусловных рефлексов, являющихся, по Павлову, основным фондом, и условных рефлексов, вырабатывающихся на их базе, их модифицирующих, взаимодействующих друг с другом и т.д., этот процесс у человека приобретает особенное значение, потому что уже на самых ранних этапах вырабатываются условные связи. Кроме того, у человека условные связи вырабатываются уже в раннем детском возрасте, и с этого момента идет постепенное усложнение взаимоотношений между формирующимися первой и второй сигнальными системами.

Мы, конечно, не могли использовать весь предоставленный нам коллектив научных сотрудников для этой задачи. К этой задаче привлечено 15 человек*. Все сотрудники ЕНИ имени Лесгафта (нынешний состав) включены в изучение физиологии нервной системы человека и включена значительная часть сотрудников физиологической группы АН СССР.

Мне кажется, что мы правильно поступили, охватив сразу различные возрастные периоды. Мы не ставили себе задачу изучать исключительно ранний онтогенез или только школьный период. Если рассмотреть всю нашу тематику, то видно, что мы начинаем с недоношенных младенцев, родившихся на два-три месяца раньше нормального срока, и заканчиваем школьным возрастом 13–14 лет. Включены в основном нормально развивающиеся дети, но в одной части включены также дети отсталые в своем развитии, именно отсталые в процессе развития речи, не говорящие или поздно начинающие говорить.

* * *

Из этого следует вывод, что мы не можем принять какую-то единую методику для изучения всех явлений, которые наблюдаются; мы соответственно на каждом этапе берем за объект изучения различные формы поведения ребенка; мы и реакции выбираем различные.

При изучении человека нам приходится считаться с двумя сторонами дела: во-первых, со способностью образовывать новые условные связи на новые раздражения, вызывающие ту же деятельность, какую-нибудь одну деятельность, и, во-вторых, со способностью человека вырабатывать новые формы деятельности, очень резко изменять те формы поведения, которые являются для него врожденными, и вырабатывать все более и более усложняющиеся рефлексорные двигательные акты, очень разнообразные, иногда свойственные лишь ограниченному кругу людей. Сюда относятся различные трудовые процессы. В трудовых процессах очень много общего, но все-таки трудовые процессы очень разнообразны. Один ребенок обучается одним трудовым процессам, другой – другим, третий – третьим. Есть общие принципы развития этих деятельностей, но есть и частные особенности, а в основе лежит то, что у человека развилась рука, рука эта приобрела совершенно исключительное значение. Освободились руки от локомоторной функции, бывшая локомоторная функция быстро перестроилась и используется для новых форм трудовых процессов. Следовательно, одновременно идет развитие и усложнение высшей нервной деятельности как в сторону очень сложного, тонкого анализа явлений внешнего мира, так и в сторону развития новых и новых форм деятельности, сначала направленных на ориентировку во внешнем мире, а потом еще и на выполнение активных воздействий, что является характерной особенностью человека.

Постепенно вступает в действие вторая сигнальная система, допускающая возможность отвлеченного мышления, перехода от конкретного мышления к высоким формам мышления, установление взаимоотношений между людьми по второй сигнальной системе, т.е. речевого общения, затем выработки различных форм графики, письменности, рисования и т.д., что опять-таки ведет, в конце концов, к тем различным сложным формам высшей нервной деятельности, которые характерны для отдельных групп человечества.

Как мы к этим явлениям подходим? Исключительно объективным путем. Все строится на наблюдении и оценке объективных отношений.

Что же должно быть, нами изучено? Во-первых, взаимоотношения между ус-

* Далее опущена часть текста с изложением результатов исследования высшей нервной деятельности детей, опубликованного в книге: *Орбели Л.А.* Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. 480 с. (Примеч. сост.)

ловными и безусловными рефлексами. Должны быть изучены анализаторы развивающегося детского организма, сам процесс развития анализаторской функции. Мы сразу не можем охватить все анализаторы, но некоторые анализаторы уже включены в изучение. С этим изучением анализаторов мы должны подходить к нормальным детям и к детям с некоторым отставанием развития.

Особенно важное значение приобретает изучение роли в процессе формирования речи отдельных анализаторов и их анализаторской способности, анализирующей и синтезирующей, потому что эти процессы неразрывно связаны друг с другом.

Тут приходится считаться, с одной стороны, с ролью различных анализаторов для оценки тех объектов внешнего мира, которые приобретают "наименования" и становятся потом "обозначаемыми" предметами, "называемыми" предметами, а с другой стороны, изучать значение анализаторов в анализе словесного сигнала, в произнесении слов и использовании словесных обозначений для "наименования" тех или иных объектов и явлений и, в конце концов, для использования слов в речевом акте.

В работе З.И. Барбашовой изучается роль анализаторов как анализаторов свойств объектов, а в работах И.К. Самойловой и С.И. Кайдановой – роль различных анализаторов в восприятии слов, в анализе словесных обозначений и в использовании их для речевого акта. Это разные стороны дела, но обе чрезвычайно важные. Эти работы уже показали большое значение в отставании развития речи дефектов слухового и кинестетического анализаторов. Сейчас мы поставили задачу специального детального изучения хода развития кинестетического анализатора на разных этапах онтогенеза.

Исследования Кайдановой и Самойловой касаются школьного возраста, а работы двух наших более новых сотрудниц – Н.В. Сухановой и А.Н. Циммерман – касаются формирования анализаторов на более ранних этапах. Включены ими анализаторы обонятельный и кинестетический. По мере расширения возможностей будут включены и другие анализаторы.

Приемы исследования различны. В некоторых случаях – графическая регистрация тех актов, которые могут быть наблюдаемы с первых же минут после рождения. В частности, сосательный рефлекс лежит в основе работы А.И. Бронштейна; визуальное описание и анализ сложных генерализованных или более частных реакций ребенка – в работах А.В. Войно-Ясенецкого, Н.А. Итиной и Ф.Р. Дунаевского. Следовательно, [используются] все доступные нам приемы исследования, которые могут дать нам правильное представление о происходящих процессах. Предполагается использование кинематографической методики.

В работе П.И. Кургановского изучается реакция сердца на различные раздражения, различные формы реагирования сердца в различных возрастах на те или иные воздействия внешней среды. Тут применяется электрокардиографическая регистрация сердечной деятельности.

В работе З.В. Денисовой используется опять-таки новый подход к делу. Речь идет о способности детей дошкольного возраста анализировать главным образом зрительным анализатором объекты внешнего мира, а оценка анализирующей способности ребенка производится на основе трех форм реагирования: с одной стороны, отбор объектов по тем или иным признакам – по форме, по цвету, по размеру, с другой стороны, способность ребенка изобразить карандашом черты отличия и сходства, которые он воспринимает, т.е. уже переход к изучению изобразительной способности ребенка, причем в изучении этой изобразительной способности на данном этапе мы придаем значение не столько тому, как ребенку удастся воспроизвести (хотя это тоже имеет большое значение), но как он оценивает различия объектов и как он передает это при помощи различных карандашей; значит, – отбор и изображение. Затем очень часто у детей, есте-

ственно, возникают в этом возрасте отдельные словесные реакции. Они не вызываются специально автором, но записываются, регистрируются в тех случаях, когда они естественно возникли. Это очень важное обстоятельство, что дается возможность оценивать анализаторную и синтетическую способность зрительного анализатора при помощи трех форм реагирования, постепенно усложняющихся.

В работе Ф.Р. Дунаевского опять-таки речь идет пока еще не о той или иной форме графической регистрации возникающих процессов, а о наблюдении и протокольной регистрации того, что происходит визуальным порядком. В этой работе утилизирующая способность ребенка осуществляет ориентировочную или другие формы реагирования на внешние раздражения путем дачи ему более или менее сложных объектов, допускающих определенные между собой сочетания и комбинирования. Прослеживаются переходы от первичных ориентировочных реакций к более сложным формам ориентировки и вместе с тем к активному воздействию на внешние объекты в форме ли игровых или каких-нибудь других процессов.

Насколько мне известно, такого систематического ряда исследований, охватывающих различные возрасты, с одной, и различные формы усложняющегося поведения ребенка, с другой, – ряда исследований, проникнутых единой идеей развития временных связей и объективного анализа деятельности ЦНС, в других местах не производилось.

Каждая из отдельных сторон работы, вероятно, и даже наверняка, производилась в разных других лабораториях, но такой систематической цепи последовательного изучения НС во всех возрастах, от недоношенного плода до школьного возраста, с учетом принципа временных связей, выработки временных связей на различных этапах развития взаимодействия условных реакций с врожденными реакциями, включения новых форм поведения во взаимодействия с более ранними и более поздними, впервые выступающими формами поведения, – этого, как принципиальной установки, никогда нигде до сих пор сделано не было, и в этом я вижу оправдание того плана, который нами разработан и который мы сейчас осуществляем.

Я должен отметить, что большую активность проявляют все сотрудники, что мне помогает каждый по своим способностям, по своей силе, и различная степень помощи здесь налицо. Я не могу не чувствовать глубокой благодарности всем товарищам, которые в этом деле участвуют. Мы общими силами сделали ряд работ, тезисы которых представлены для зачитания на физиологическом совещании, проектируемом в АПН. Мы туда послали одиннадцать докладов из этой очереди исследований⁸.

Вторая часть нашего плана касается изучения вопросов высшей нервной деятельности у животных. В онтогенетическом порядке мы эти работы поставить не можем, мы здесь работаем просто на взрослых животных. Речь идет о более детальном изучении некоторых старых вопросов физиологии высшей нервной деятельности, которые требуют развития, детализации. В этом направлении в плане Института имени Лесгафта имеются работы, проводимые Э.Г. Вацуру и М.Д. Кашкай⁹ по методу свободной пробежки, имеются работы, проводимые по слюнной методике как при применении пищевых, так и кислотных раздражителей: используется оборонительно-двигательная реакция.

Задача наша заключается в том, чтобы выявить некоторые новые стороны, а в отношении ранее уже изученных реакций выяснить некоторые механизмы, которые усложняют или регулируют эти процессы.

Тут предполагается и частично уже проводится осуществление оперативного вмешательства на коре мозга: полная экстирпация коры или разных ее участков с целью выяснения некоторых подробностей, касающихся протекания условных рефлексов. Но так как мы раньше занимались исследованием секреторной и моторной функций желудка и изучали значение различных отделов НС в регуляции

этих функций, то эту задачу мы тоже продолжаем развивать с целью выяснения роли больших полушарий.

Раньше нами были изучены периферические нервные стволы, которые непосредственно иннервируют желудочную стенку, ее железы и моторный прибор. Сейчас мы поставили задачу: детально проанализировать роль именно симпатического компонента этого иннервационного прибора, а затем дополнять исследования, которые у нас раньше были сделаны и касались роли подбугорной области мозга и мозжечка для регуляции пищеварительного акта. Теперь мы хотим более детально проанализировать роль коры.

Сейчас мы проектируем изучение работы желудка в условиях, с одной стороны, полной десимпатизации, с другой стороны, в условиях экстирпации коры больших полушарий. Это очень сложная и трудная задача, и если удастся ее осуществить, это будет очень хорошо.

Почему-то возникло такое представление, что я решил не заниматься далее симпатической нервной системой. Никогда я такого решения не принимал, по мере возможности мы продолжаем разработку этих вопросов.

Я вовсе не отказываюсь от изучения физиологии симпатической нервной системы с учетом тех указаний и советов, которые даны на Объединенной сессии и на заседаниях Научного совета, но я не могу сразу при тех материальных возможностях, которые у меня сейчас есть, все в равной мере охватить. Я выбираю те формы работы и те направления, которые в данный момент, в данных условиях являются наиболее оправданными. У меня в плане стоят только работы, которые обеспечиваются сейчас, и мы бьемся над тем, чтобы создать себе рабочие установки и возможности для некоторых новых сторон работы или для применения некоторых новых приемов воздействия на животный организм. Но эти возможности еще не реализованы.

Мы стараемся использовать все наши реальные возможности и извлекать максимальную выгоду из того положения, в котором сейчас находимся, – выгоды не для себя, а для нашего общего дела.

Наконец, есть еще один цикл работ, который протекает по заданию Ученого совета при Президенте АН СССР. О ней я не считаю возможным говорить здесь более подробно, потому что эта часть плана разработана на основе указаний Ученого совета при Президенте и этим советом утверждена.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 47–78. Машинопись.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДА АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАБОРАТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ

12 апреля 1955 г.

После Объединенной сессии¹ у меня осталась лаборатория в Естественном научном институте имени П.Ф. Лесгафта; у меня было сотрудников: от Академии педагогических наук – 4 человека, от Академии наук СССР – несколько единиц и одна единица научного сотрудника и от АМН СССР – одна техническая единица.

Осенью 1950 г. с этим коллективом мы приступили к работе. Исходя из решений Объединенной сессии, я решил сосредоточить внимание объединенного коллектива на изучении высшей нервной деятельности человека. В дополнение к одной камере для изучения условных рефлексов были построены еще две камеры: одна для изучения животных, другая для изучения высшей нервной деятельности человека.

Основное наше внимание мы направили на изучение вопросов высшей нервной деятельности ребенка в процессе его развития, исходя из двух соображений: фило-

софские основы требовали изучения высшей нервной деятельности в процессе ее становления, с другой – я перед этим усиленно разрабатывал и сейчас разрабатываю вопросы эволюционной физиологии.

Эволюционная физиология является не только учением об эволюции функций, но и о факторах, обуславливающих эволюционный процесс.

В 1954 г. состоялось решение Бюро Отделения биологических наук, а затем и Президиума о реорганизации группы для индивидуальной работы академика Л.А. Орбели в Лабораторию эволюционной физиологии² с теми задачами, о которых я говорил.

Мы установили связь с Ленинградским педиатрическим институтом (профессор А.Ф. Тур). Клиника проф[ессора] Тура, в которой имеются подразделения новорожденных, подразделение педиатрическое для здоровых детей в возрасте от рождения до 4-х лет и затем обычная терапевтическая педиатрическая клиника.

Кроме того, была установлена связь с целым рядом детских учреждений: детскими домами, детскими яслями и школами. Явилась возможность охватить изучением детские возрасты, начиная от момента рождения, включая сюда недоношенных детей, родившихся ранее срока, и до школьников до 14–16-летнего возраста.

Наш план комплексного изучения высшей нервной деятельности человека был представлен в Отделение [биологических наук]. Биоотделение при первом ознакомлении условно одобрило наш план и передало на рассмотрение Научного совета. Этот Научный совет нашел эту программу неудовлетворительной в том смысле, что я являюсь недостаточно компетентным в вопросах высшей нервной деятельности, кроме того, я являюсь некомпетентным в вопросах педиатрии и я не могу заниматься изучением ребенка. План мой был отвергнут. Так как это носило характер рекомендации, я продолжал работу в этом направлении и вторично предстал перед Научным советом уже в 1952 г., когда вторично Научный совет признал, что мне не следует заниматься этими вопросами, а что я должен заниматься вопросами вегетативной нервной системы и больше ничем другим.

Так как решение Научного совета было утверждено Президиумом, [то] это решение уже явилось для меня не рекомендацией, а законом, и я должен был из программы Академии наук вопросы изучения высшей нервной деятельности ребенка исключить.

Тем не менее результаты наших работ в количестве 14 докладов были доложены в апреле 1954 г. на специально организованной АПН СССР конференции в Ленинграде³. Все доклады были заслушаны большой аудиторией с вниманием и получили одобрительные отзывы.

Наряду с изучением высшей нервной деятельности ребенка наш коллектив разрабатывал вопросы высшей нервной деятельности животных, именно собак, продолжая разработку классических работ И.П. Павлова. Нами были намечены следующие вопросы: изучение специальных условных рефлексов на кинестетические раздражения как подготовка к вопросу о роли кинестезии; затем вопросы, связанные с повреждениями различных отделов центральной нервной системы; затем как подготовительный материал для перехода ко второй проблеме, о которой я буду говорить, а именно к проблеме влияния радиоактивных излучений на высшую нервную деятельность.

В связи с тем, что мы приостановили работу по изучению высшей нервной деятельности ребенка, мои сотрудники снова вернулись к вопросам, которыми мы занимались раньше: к изучению эволюции функций мышечной ткани и железистой ткани. Разработка вопросов функционального совершенствования, функционального развития начинается с эмбрионального периода, включая ранний постнатальный период, и касается сердечных мышц, мышц лимфатических желез, мышц желудочно-кишечного тракта, затем рефлекторных актов.

**Иосиф Иоакимович Орбели (18 ?–1891) –
дед Л.А.Орбели по отцу**

**Абгар Иосифович Орбели (1849–1913) –
отец Орбели**

**Варвара Моисеевна Орбели
с двухлетним сыном Левоном**

**Семья Орбели:
отец, мать, братья Рубен, Левон и Иосиф**

**Давид Иосифович Орбели –
дядя Л.А. Орбели – известный
в Тифлисе невропатолог**

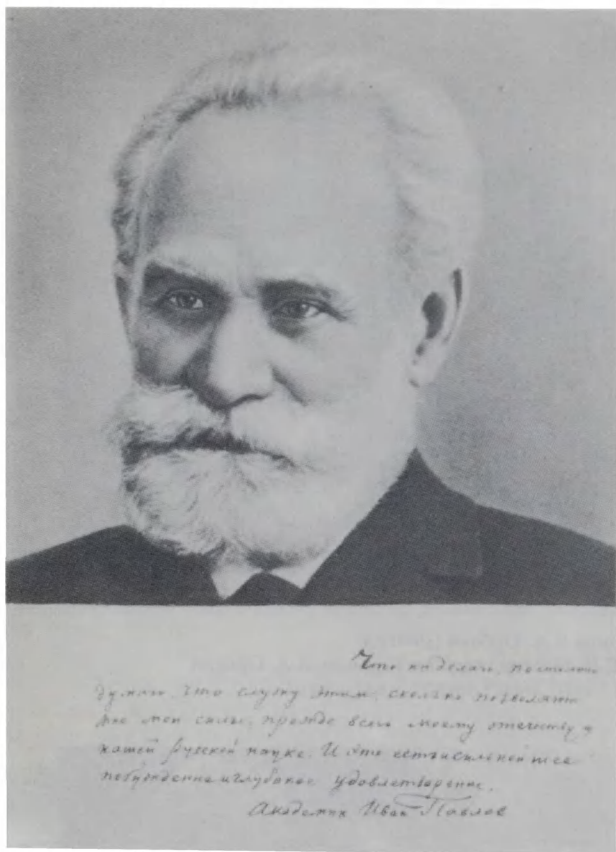
**Левон Абгарович Орбели –
студент Военно-медицинской
академии (1900 г.)**

Семья Л.А. Орбели (1940 г.):
дочь М.Л. Орбели, Е.И. Орбели с внуком Гариком, Л.А. Орбели

Семья Л.А. Орбели (1945 г.)

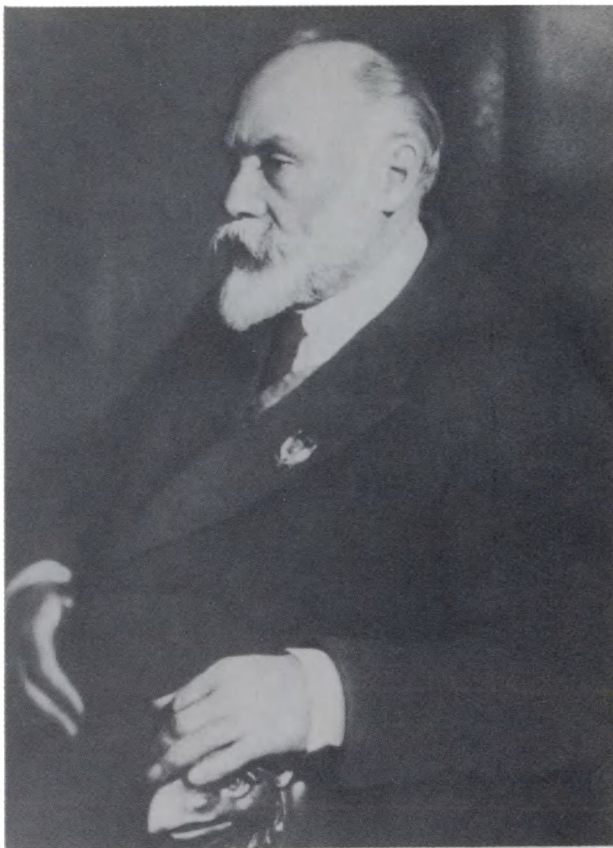

Иван Петрович
 Павлов (1849–1936) –
 учитель Л.А. Орбели

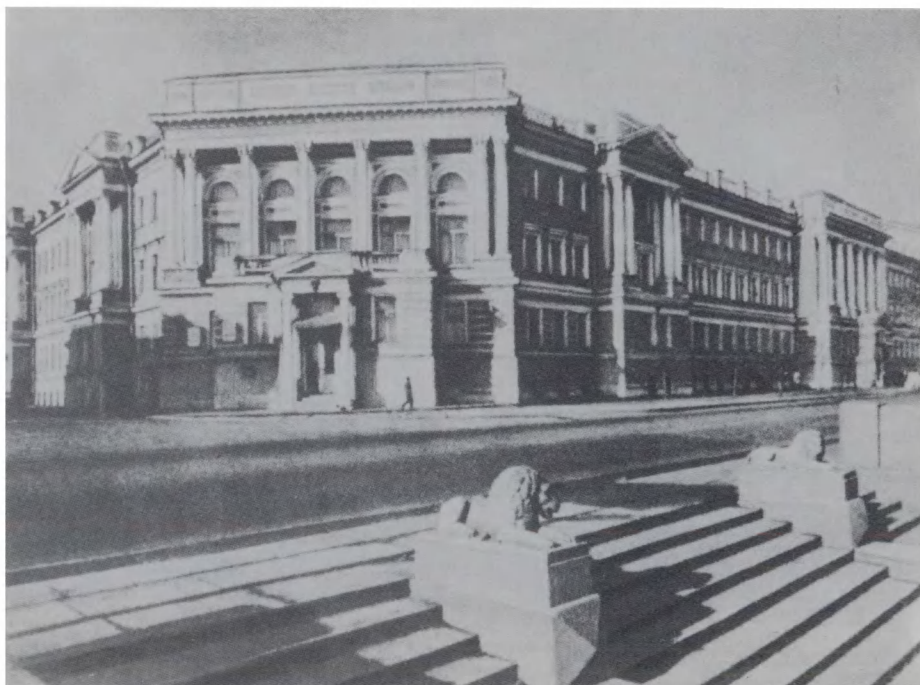
Л.А. Орбели
 с сотрудниками кафедры
 физиологии
 Первого Ленинградского
 медицинского института
 им. И.П. Павлова (1929 г.).
 В первом ряду слева направо:
 А.А. Ющенко, (?), В.В. Савич,
 Л.А. Орбели, А.В. Тонких,
 А.Г. Гинецинский.
 Второй ряд:
 А.Т. Худорожева, А.А. Волохов,
 В.Г. Гершуни, (?), Э.А. Асратян,
 Л.Г. Лейбсон, Клаас

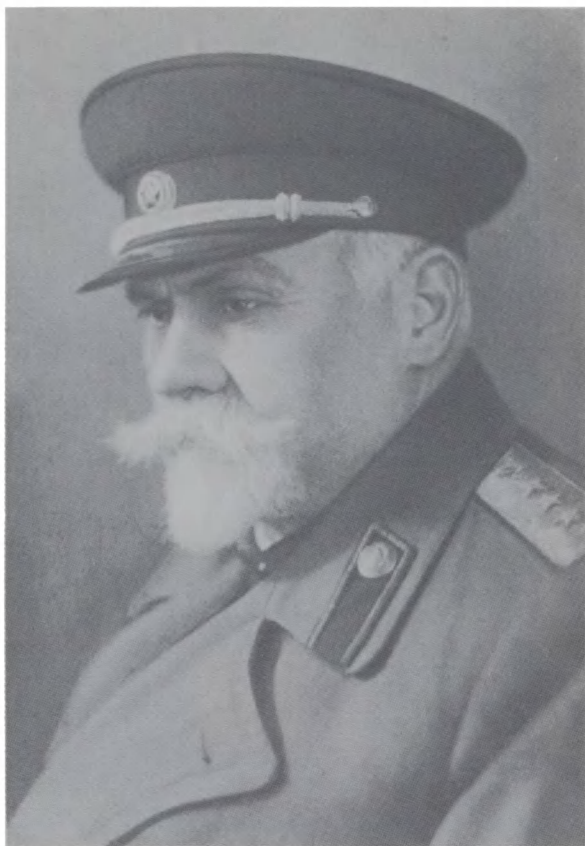

Л.А. Орбели (1939 г.)

Физиологический институт
им. И.П. Павлова АН СССР,
директором которого
с 1936 по 1950 г.
был Л.А. Орбели

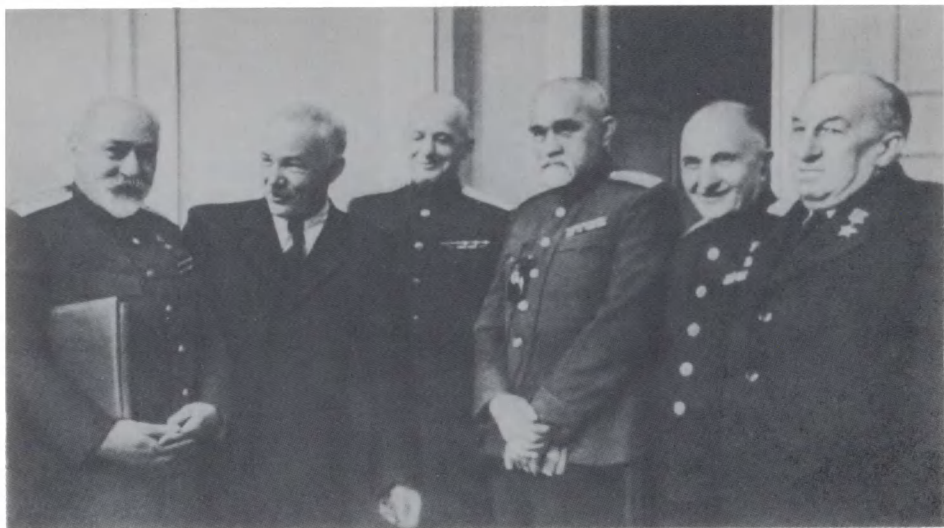

Л.А. Орбели (1942 г.)

Л.А. Орбели
открывает заседание,
посвященное 100-летию
со дня рождения
К.А. Тимирязева (1943 г.)

Л.А. Орбели на Учредительном собрании АМН СССР (1944 г.).
 Слева направо: Л.А. Орбели, В.В. Парин, А.В. Куприянов, Е.Н. Павловский,
 И.Ю. Джанелидзе, А.И. Абрикосов

Л.А. Орбели и Э. Эдриан в Колтушах
 в дни празднования 220-летия АН СССР (1945 г.)

Л.А. Орбели на встрече со знатными воинами
энской части (1945 г.)

Л.А. Орбели, А.М. Алексанян, А.А. Волохов и С.М. Дионесов
у памятника Г. Менделю в Колтушах (1946 г.)

Участники Научной сессии Института эволюционной физиологии
и патологии АМН СССР (Колтуши, 1946 г.).
Слева направо: В.К. Красусский, Е.А. Ганике, архитектор И.Ф. Беспалов, (?),
М.К. Петрова, Л.А. Орбели

Л.А. Орбели и З.И. Барбашова

А.В. Тонких

А.Г. Гинецинский

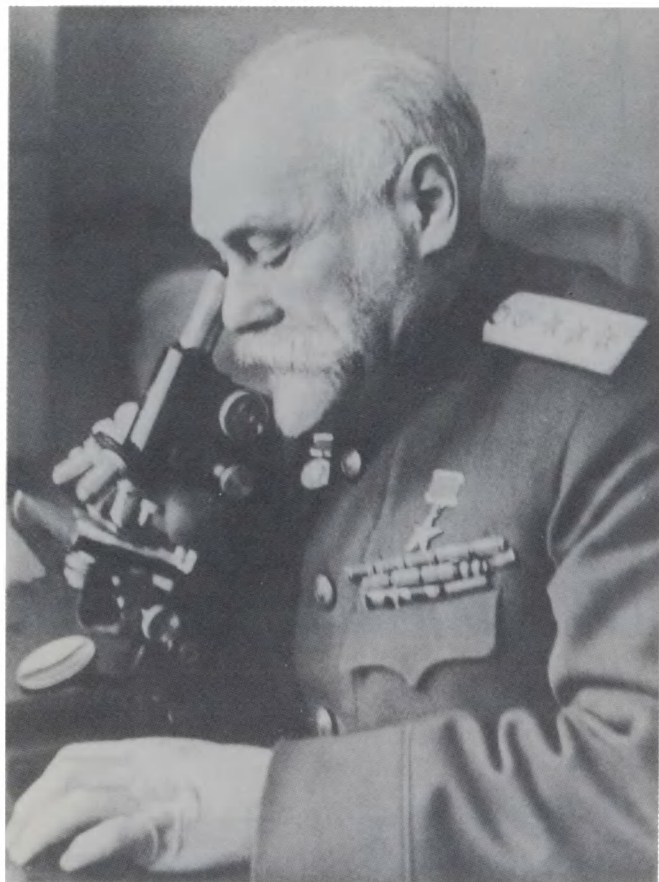
Э.А. Асратян

Л.А. Орбели с учениками (1947 г.) В первом ряду (слева направо): А.М. Зимкина, Л.А. Орбели, Н.И. Михельсон, В.В. Строганов, А.Т. Худорожева, (?).
Во втором ряду (слева направо): А.И. Карамян, Л.Г. Загоруйко, А.И. Моисеев

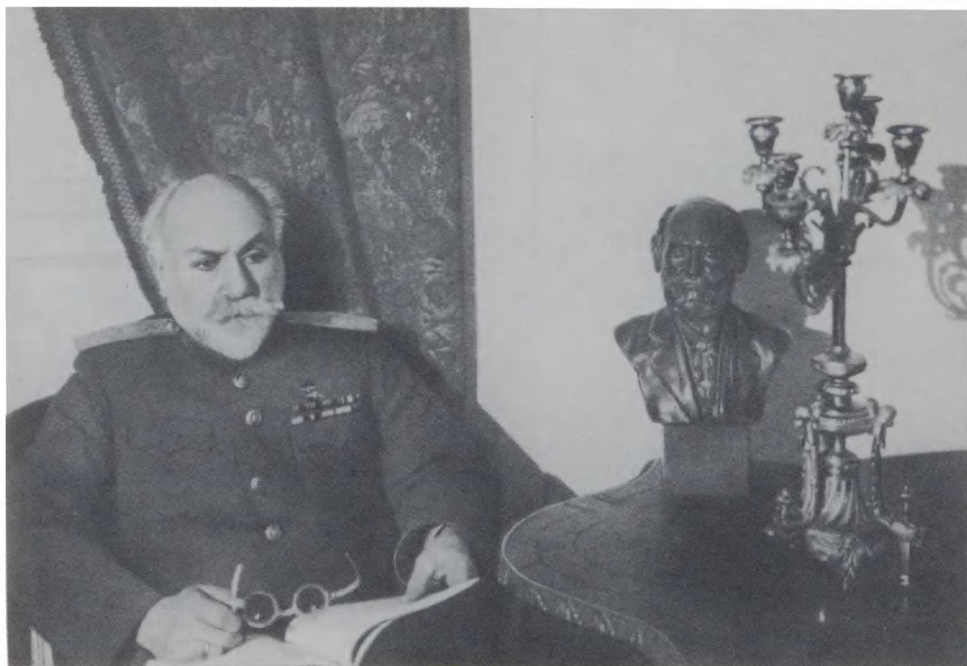
Л.А. Орбели, Н.И. Михельсон и А.Т. Худорожева во время операции
в Физиологическом институте им. И.П. Павлова (1947 г.)

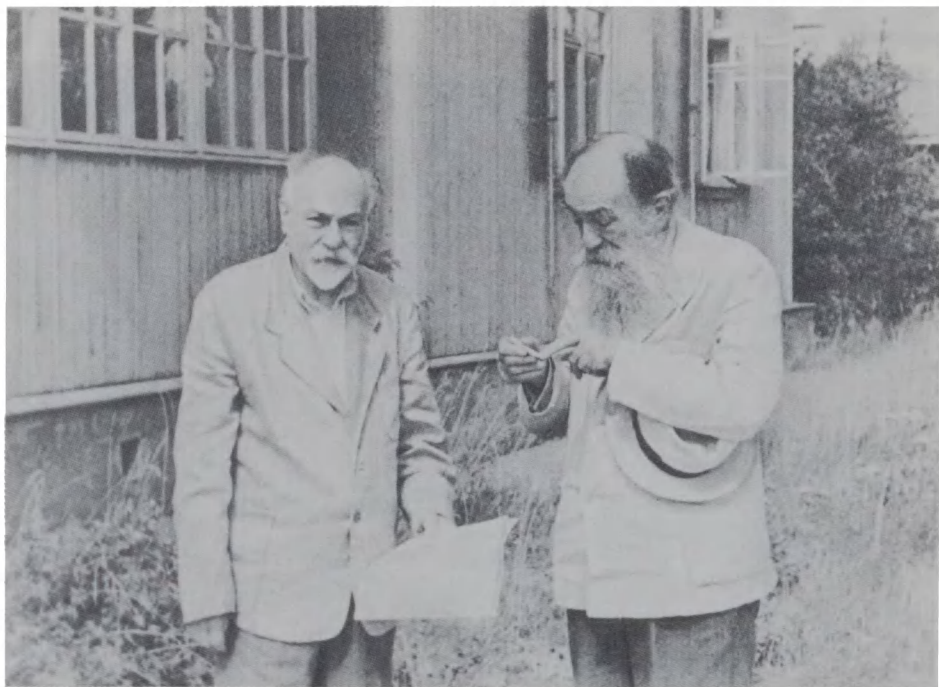
Л.А. Орбели
за микроскопом (1947 г.)

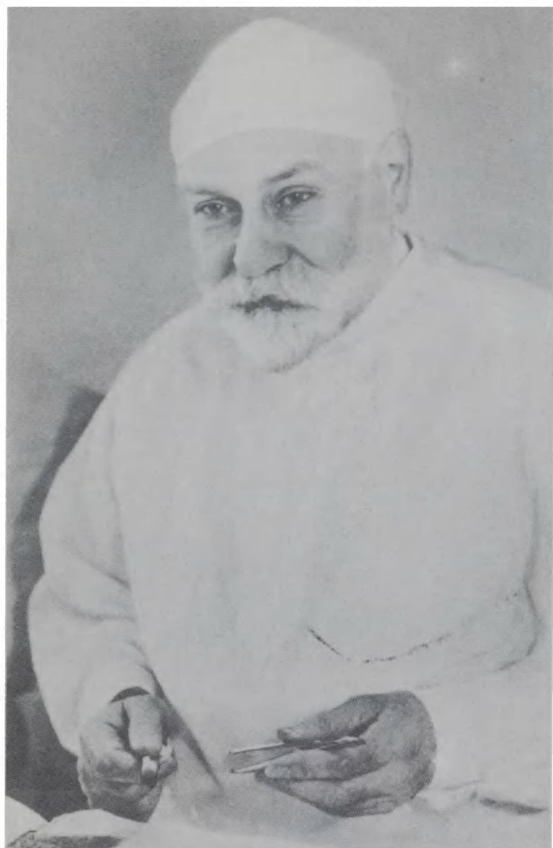
Л.А. Орбели
оперирует (1949 г.)

Л.А. Орбели – начальник Военно-медицинской академии
в своем кабинете (1949 г.)

Леон Абгарович и Иосиф Абгарович Орбели на даче

Л.А. Орбели
в операционной
(конец 1940-х годов)

Л.А. Орбели
на VIII Всесоюзном
физиологическом съезде
(Киев, май 1955 г.).
В центре Л.А. Орбели,
слева от него
А.В. Войно-Ясенецкий,
справа Т.Н. Несмеянова

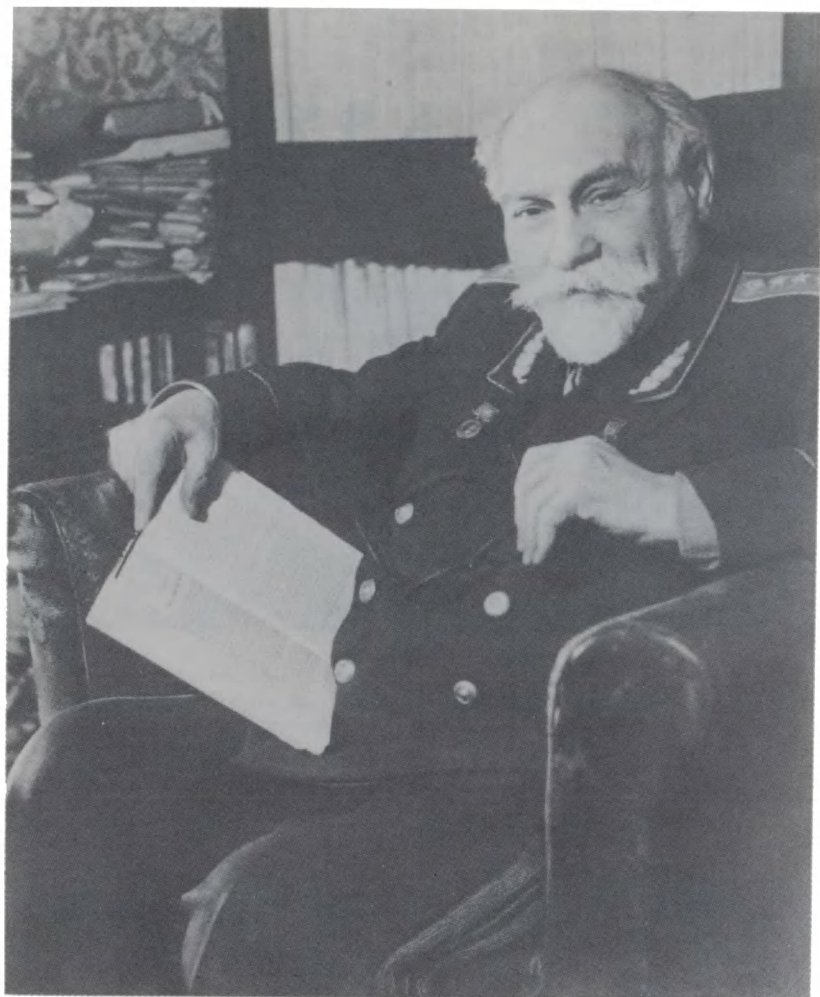

Л.А. Орбели с группой физиологов из Армении на VIII Всесоюзном съезде физиологов.
В первом ряду (слева направо): А.М. Алексанян, (?), Л.А. Орбели, Х.С. Коштоянц, Г.А. Медникян.
Во втором ряду в центре Э.А. Асратян

В.А. Энгельгардт поздравляет Л.А. Орбели с 75-летним юбилеем
(Ленинград, конференц-зал АН СССР, 8 июля 1957 г.)

Л.А. Орбели (1956 г.)

Одновременно с теми задачами, которые я поставил перед коллективом, перед нами встал вопрос о включении в систематическую разработку вопросов радиобиологии. Нам удалось создать в подвальном помещении ЕНИ имени Лесгафта небольшую лабораторию с одной кобальтовой установкой силами Академии наук. Это было устроено, и мы имели возможность изучать влияние гамма-лучей на различные функции.

Работа в этом направлении протекала по трем руслам. Первое русло заключалось в том, что был поставлен вопрос о взаимодействии пониженного парциального давления кислорода и действия гамма-лучей. З.И. Барбашова, которая раньше в Физиологическом институте занималась вопросами акклиматизации к парциальному давлению кислорода, использовала свой опыт и знания для того, чтобы выяснить, как отражается акклиматизация к пониженному парциальному давлению кислорода на выносливость в отношении гамма-излучения. В той предварительной серии опытов, которую она успела осуществить до настоящего времени, удалось показать, что акклиматизация мышей к низкому парциальному давлению кислорода создает благоприятные условия в том смысле, что резко повышается устойчивость этих животных к целому ряду факторов, в том числе и к гамма-излучениям. Это выразилось в том, что акклиматизированные мыши по сравнению с контрольными, находившиеся в остальных отношениях в тех же условиях, переносили лучевую болезнь лучше (!), чем контрольные животные. Это выразилось в понижении смертности и в более позднем наступлении тяжелых симптомов, в более легком их течении.

Вторая серия работ касалась уже механизма действия лучевой болезни. Она была осуществлена Войно-Ясенецким, который использовал метод Немилова и Кащенко: воздействие путем введения гипофизарных гормонов лягушке и вызывание искусственной овуляции в зимний период у лягушек. Таким образом, искусственно вызванная овуляция приводит к выбрасыванию из яичников или дает возможность выжимания из яйцеводов зрелых яиц, которые могут быть оплодотворены и проделявают нормальное развитие.

Производя облучение самок и самцов и тех индивидуумов, от которых берется гипофиз для воздействия на зимних лягушек, Войно-Ясенецкому удалось показать, что существенную роль в развитии и в нарушении развития, которое обусловлено облучением гамма-лучами, играют гипофизарные гормоны. Во всех случаях, когда облучению подвергались самки или самцы или те и другие, развитие задерживалось на том или ином уровне в особенности сильно, когда облучению подвергались оба родительских организма. Но что особенно важно: очень рано останавливается развитие в тех случаях, если облучению подвергнут гипофиз тех лягушек, которые будут использованы для овуляции.

Эта серия опытов, которая продолжается сейчас, дает нам возможность проникнуть в механизм возникновения лучевой болезни и оценить одну из важных сторон, которая до сих пор, насколько мне известно, или совсем не учитывалась или мало учитывалась другими исследователями.

Наконец, третья серия работ, произведенная Е.А. Моисеевым и группой сотрудников, с ним работающих. Она касается патогенеза лучевой болезни у млекопитающих, именно у свинок. Удалось показать, что, несмотря на то что по имеющимся литературным данным очень сильное облучение печени не сопровождается лучевой болезнью или сопровождается лишь в редких случаях, сравнительно легкое облучение, вызывающее легкие проявления или средние проявления лучевой болезни, сопровождается очень резкими изменениями в печеночной ткани, причем эти изменения наступают довольно рано. Они очень часто обнаруживаются на вскрытии погибших животных, могут быть обнаружены у животных, убитых на той или иной стадии лучевой болезни.

Во многих случаях, если животному предоставлена возможность довести

картину до конца, картина принимает обратимый характер, но во всех случаях поражения имеют место. И есть основание думать, что эти поражения носят вторичный характер. Они, по всей вероятности, обусловлены изменениями липоидной ткани селезенки или липоидной ткани вообще.

Дальнейший анализ этих явлений приводит к тому, что приходится признать наличие цепи явлений, начинающихся с первичного поражения, вероятно, лимфоидных тканей с вовлечением печени, в дальнейшем с вовлечением гипофиза и, по всей вероятности, через гипофиз [вовлекается] надпочечник, в котором Евгений Александрович обнаружил значительные изменения.

Этот цикл работ по изучению гамма-излучения на животный организм должен дальше развиваться в сторону вовлечения в изучение всех тех процессов развивающейся мышечной ткани и развивающейся нервной системы, которые составляют основу нашей работы по эволюционной физиологии вообще.

Мы считаем, что изучение организмов на различных уровнях развития и различных их тканей, как непосредственно подвергшихся облучению, так и вторично вовлекаемых в процесс лучевой болезнью, может дать нам очень много для понимания лучевой болезни.

Мы стараемся весь наш материал, направленный на изучение эволюции функций, подвергнуть изучению с точки зрения влияния такого мощного фактора, как гамма-излучение.

Мы, к сожалению, в настоящее время вынуждены ограничиться только действием гамма-лучей, потому что условия нашей лаборатории до настоящего времени не позволяют расширить работу. Иных воздействий других видов радиации мы пока испытать не можем. Но благодаря тому, что в Институте имени Лесгафта существует установка ультразвуковых частот большой мощности и очень высокой частоты, мы имеем возможность параллельно с действием гамма-лучей изучать также действие и ультразвуковых частот. Эта работа дает нам тоже чрезвычайно интересный материал, свидетельствующий о больших нарушениях в состоянии сосудистой системы, которые возникают под влиянием воздействия ультравысоких звуков.

В последнее время на нас Президиумом АН СССР возложена еще одна задача, касающаяся специальной темы, о которой я, к сожалению, не могу здесь рассказывать, так как она носит закрытый характер, но эта тема, выдвинутая Военно-Морскими Силами нашего Союза, является до известной степени продолжением тех научных и научно-практических исследований, которые проводились моими сотрудниками в Военно-Морских Силах в течение 15 лет, до 1950 г., и направлены на улучшение условий работы на больших высотах и на больших глубинах. Эта работа потребовала некоторого усиления наших возможностей; должны были быть предоставлены дополнительные единицы и созданы некоторые материальные условия, но, к сожалению, до настоящего времени нам ничего не дали. Работа осуществляется благодаря тому, что мне удалось установить контакт с Военно-медицинской академией имени Кирова, в которой я проработал 50 с лишним лет и в которой был когда-то начальником. На базе этой академии мы задание Академии наук и осуществляем в настоящее время. Однако работа не может развиваться надлежащим образом, потому что мешает отсутствие соответствующих помещений для того, чтобы вести некоторые специальные работы.

Вот в основном та тематика, которой мы занимаемся, и те задачи, которые мы перед собой ставим.

Само собой понятно, что для полного осуществления задач, которые мы наметили, нужны соответствующие условия.

Разрешите сказать несколько слов о том, в каких условиях мы сейчас находимся⁴.

Как я уже говорил, единственной базой для работ по эволюционной физиологии

является физиологическая лаборатория ЕНИ имени Лесгафта. Вся эта лаборатория в целом имеет 800 м² площади, из 800 м² 400 уходят на общелабораторные установки, на лабораторию для кобальтового облучения, для облучения гамма-лучами, на операционную, клинику для оперированных животных, виварий мелких подопытных животных, для трех камер для условных рефлексов. Таким образом, лабораторной площади, на которой могут работать научные сотрудники, остается всего 400 м². На этой площади и ютятся сейчас сотрудники АПН – собственно хозяева лаборатории, в количестве 6 человек и все остальные сотрудники Академии наук и АМН СССР. У нас имеются очень ценные установки для спектрального анализа, для ультразвуковой микроскопии, для фазовой контрастной микроскопии, установка для ультразвуковых частот. Все это могло бы быть использовано при наличии соответствующего коллектива и соответствующих знаний у сотрудников в гораздо большей степени, чем используется сейчас. При той тесноте, при тех ограниченных пространственных возможностях, которыми мы располагаем, мы не можем развернуть работы. Я не имею возможности для этого коллектива одну лишнюю собаку привести, потому что ее некуда посадить. Я не имею возможности расширить количество животных, которые будут подвергнуты воздействию гамма-лучей, потому что для них нет соответствующих помещений. Я не имею возможности поставить дополнительно новые методики исследования, которые крайне необходимы. Для того чтобы полноценно использовать материал, подвергшийся облучению и действию ультразвуковых частот, нужно иметь дополнительные методы исследования, которыми владеют мои сотрудники, но поставить эти аппараты нигде.

В связи с этим я много лет хлопочу о том, чтобы была предоставлена хотя бы какая-то площадь от Академии наук для нашей работы. Покойный С.И. Вавилов, будучи президентом Академии наук, дал указание ленинградскому АХУ подыскать для моей группы хотя бы небольшую площадь. Я очень скромно просил 200–300 м² площади. Но Сергей Иванович скончался, и на его место был избран А.Н. Несмеянов. В первый год президентства он дал указание подыскать площадь. А.В. Топчиев, будучи в 1953 г. в Ленинграде, дал указание о том же самом. До сих пор я не получил ни одного вершка площади. Мы с 1950 г. продолжаем ютиться на той небольшой площади Института Лесгафта, которая имела к тому времени.

Переходя к нашим нуждам, я должен сказать, что я и весь мой коллектив стремимся к одному: отдать все силы для разработки тех вопросов, в которых мы компетентны и которые мы можем разрабатывать, и хотим только, чтобы наши силы возможно полно были использованы.

Основная нужда, которую мы испытываем, – это площадь, потому что без площади, без рабочих мест очень трудно вести работу. Мы сейчас вынуждены бегать по чужим учреждениям, обращаемся в Военно-медицинскую академию, но там нам тоже не могут предоставить свободной площади, у них свои задачи. Мне идут навстречу, потому что я являюсь консультантом Военно-медицинской академии, но дать мне площадь они не могут. А со стороны Академии наук не удалось получить ни одного вершка. Если бы в этом отношении было проявлено достаточно энергии, достаточно желания, то в Ленинграде, конечно, можно найти площадь и в стенах Академии наук, которая за это время открыла целый ряд лабораторий в Ленинграде, которая использовала здания и для расширения издательства и для устройства поликлиники и для организации детских домов на площади самой Академии наук. Единственная лаборатория, для которой на нашлось пока ни одного вершка, это лаборатория эволюционной физиологии.

Я и обращаюсь в Бюро Отделения с просьбой поддержать мое ходатайство и помочь в обеспечении лаборатории прежде всего площадью⁵.

Что касается остальных видов помощи, я должен сказать, что я и со стороны Академии наук, и со стороны АМН СССР во всем встречаю полную поддержку. Я

не могу пожаловаться: мне дают необходимое количество единиц для приглашения сотрудников, мне дают средства на расходы.

В прошлом году нас в значительной степени обеспечили покупкой новых приборов, новых материалов; в нынешнем году резко сократили ассигнования, по-видимому, по общим причинам. Но самое тяжелое дело заключается в том, что было принято решение Бюро Отделения в прошлом году, и Президиумом оно было утверждено, о восстановлении разрушенного флигеля во дворе ЕНИ имени Лесгафта. Это – шестизэтажный флигель во дворе, коробка которого целиком сохранилась. Флигель пострадал от зажигательных бомб, поэтому стены вполне исправны и целы. По указанию Президиума строительные организации Академии наук осуществили проектирование. Сейчас готов проект восстановления этого флигеля. Конечно, он даст нам немного, но на первое время все-таки это помогло бы нам работать, потому что мы там могли бы получить около 400 м² полезной площади. Спроектировано восстановление таким образом, что там можно будет создать и новые установки, более мощные установки гамма-излучения, затем рентгеновскую аппаратуру для двустороннего облучения и, может быть, даже источники альфа- и бета-излучений. Таким образом, мы в проблемы радиобиологии включились бы значительно шире.

К сожалению, в 1955 г. было сказано и Президентом, и начальником строительства, что в этом году работы по флигелю осуществлены не будут. Эта работа интересна тем именно, что она даст близкий выход. Ждать, пока ленинградские организации найдут возможным выделить нам какое-нибудь дополнительное здание, конечно, не так легко, это длинная история. Между тем восстановление флигеля, как говорили строители, могло бы быть осуществлено в течение трех-четырех месяцев. Но сейчас прошло уже больше года. Больше года ушло на получение разрешения и проектирование, и в последний момент оказывается, что эти восстановительные работы исключены из сметы 1955 г. Таким образом, мы остаемся на пустом месте.

Моя просьба заключается в том, чтобы в ближайшее время было снова включено в смету восстановление этого небольшого флигеля, которое на ближайшие год-два нас устроит, чтобы затем на территории Института Лесгафта была освобождена хотя бы небольшая площадь путем переселения жильцов из этого дома в один из новостроящихся домов. Таким образом, можно было бы освободить 200–300 м² площади. Эта моя просьба является вполне законной, как мне кажется, потому что во время блокады, когда происходило разрушение соседних домов, переселяли жильцов в этот дом, в сохранившееся помещение, не считаясь с тем, лаборатория это или площадь жилья. Таким образом, дом оказался переполненным жильцами. Там живет очень много сотрудников Академии наук, которые прежде работали в Институте имени Лесгафта, а теперь не работают. Если бы эта мера была применена, это, конечно, наиболее скорый способ: переселить несколько жильцов, освободить две-три квартиры и за счет этого расширить возможности работы в этом направлении. Путем согласования между Академией наук и АПН СССР вполне можно было бы достигнуть этой цели. Нужно только договориться с ленинградскими организациями: с обкомом⁶ и горисполкомом Ленинграда. Кроме того, ведь Академия наук сама имеет там жилую площадь. Я думаю, что предоставление 200–300 м² площади не отразилось бы очень существенно на жилищном кризисе в Ленинграде, а между тем это дало бы возможность нам вести очень нужную и очень полезную работу.

Я не смею аттестовать как очень полезную работу разработку вопросов эволюционной физиологии, хотя и думаю, что для Биологического отделения не возникает сомнений в том, что эти работы в том направлении, в котором мы их проводим, являются очень существенными и очень важными с теоретической стороны. Но если мы остановимся на практически более значимых вопросах, как

вопросы радиобиологии и улучшение условий работы на больших глубинах и на больших высотах, которые сейчас стоят в центре внимания правительства, я думаю, что эти небольшие жертвы окупятся бы в значительной степени.

Коллектив у нас мощный, компетентный во многих вопросах. Я думаю, что мы могли бы значительно большую пользу принести государству, чем приносим сейчас. Разрешите пока закончить*.

* * *

Я не смею предлагать Бюро Отделения те или иные формы решения вопроса. Но мне казалось бы чрезвычайно важным, чтобы Бюро Отделения высказало свое мнение относительно того, считает ли оно ту работу, которая проводится сейчас, актуальной, нужной в интересах науки в целом и для практики нашей советской жизни⁷.

Сегодняшнее решение Бюро, конечно, ляжет в основу для рассмотрения вопроса в руководящих органах и в правительственных органах. Если работа признается ценной, нужной, соответствующей интересам нашего отечества, решения будут приняты одни. Если, наоборот, окажется, что мы ведем работу мало актуальную, мало важных, мало интересных вопросов, решение будет другое.

Желательно, чтобы было высказано решение относительно того, делали ли мы в тех условиях, в которых мы находимся, то, что от нас требуется, или нет. Нужно ли улучшать условия работы или нет.

Важно, чтобы фактические условия содействовали интересам дела. С этой точки зрения очень важно дать мне возможность и методически развернуть работу на современном уровне, а не довольствоваться только тем, что можно сделать.

С молодых лет я привык работать так: а что я могу сделать при данных условиях? Это один способ решения. Мы многого достигли при этих условиях. Но ведь можно ставить вопрос и иначе: что требуется для того, чтобы вопрос был окончательно решен; что нужно сделать, чтобы соответственно силам коллектива были даны материальные условия?

Материальные условия сводятся не только к ассигнованиям, а и к площади, не только к тому, чтобы каждый работник имел площадь, а нам нужны общие установки, которые требуют много места и определенных условий.

Нужно, чтобы Бюро Отделения высказало пожелание, чтобы были созданы надлежащие условия, соответствующие современному уровню физиологической науки, физиологической методики.

Дальше организационные вопросы. Лаборатория утверждена решением Президиума. Для создания Института требуется решение Совета Министров. Поэтому гораздо легче, казалось, идти на лабораторию. И меня это вполне удовлетворило. Мне совершенно все равно – называться заведующим лабораторией или директором института. Это меня мало волнует. Самые высокие звания, которые в Советском Союзе могут иметь место, я имею, я их не лишен, и даже машины меня не лишили; если меня наш аппарат хотел лишить машины, то все же он не лишил, – я езжу на "ЗИСе", на котором ездил. Так что желание аппарата не было осуществлено – Президиум пресек.

Так что важна организация работы. Трудное положение получается сейчас, когда в финансовом отделе мне сказали, что все дополнительные решения, которые нужны в смысле штатов и единиц, не могут быть утверждены без постановления Совета Министров. Значит вопрос: почему нужен институт, а не лаборатория,

* Далее опущена часть текста с вопросами и ответами Л.А. Орбели. См. также комментарии к документу. (Примеч. сост.)

отпадает, потому что все равно требуется постановление Совета Министров. Вошли ли в Совет Министров с соответствующим представлением, я еще не знаю, кажется, не вошли. Между тем я очень заинтересован в том, чтобы в структуре лаборатории был хотя бы заместитель и ученый секретарь. Фактически мне товарищи помогают: Войно-Ясенецкий исполняет обязанности, которые должен нести ученый секретарь; Моисеев несет те обязанности, которые должен нести заместитель, но все-таки, в конце концов, все дела приходят ко мне, потому что подписывать и решать должен я.

Но все это мелочи. Существенно важен такой вопрос. Президент мне сказал, что лаборатория может иметь Ученый совет. Это я считаю чрезвычайно важным, потому что сейчас мы проводим научные собрания. Мы не только обсуждаем наши вопросы, вопросы, касающиеся собственной работы нашего коллектива, но к нам уже обращаются в большом числе работники других учреждений с просьбой заслушать их доклады, подвергнуть их обсуждению и критике. Между тем мы сами даже о своих работах не можем выносить постановления, а должны обращаться в Бюро Отделения, беспокоить Бюро или обращаться в ученые советы других биологических учреждений Ленинграда или Москвы для того, чтобы санкционировать, например, печатание сборников или какие-нибудь другие вопросы. С этой точки зрения я очень прошу Бюро Отделения принять решение о том, чтобы в Лаборатории эволюционной физиологии был создан Ученый совет⁸. Предполагаемый нами состав Ученого совета намечен, и если Бюро найдет возможным, я представлю на утверждение. Это нам в значительной степени упорядочит работу, так как все наши решения будут апробироваться Ученым советом и, следовательно, в более подготовленной форме будут поступать на рассмотрение Бюро Отделения и других органов Академии.

Самый существенный, конечно, вопрос – это вопрос помещения. В этом отношении могут быть конкретные пожелания со стороны Бюро Отделения предъявлены. Первое: просить Президиум Академии наук пересмотреть вопрос о реставрации флигеля во дворе Института имени Лесгафта, не откладывать на 1956 г., а изыскать средства. Если принять во внимание все то огромное строительство, которое в Академии наук проводится даже в сокращенном виде, восстановление этого небольшого шестизэтажного флигелька составит настолько ничтожную часть общих расходов, что не отразится существенно на других видах строительства Академии наук, принимая во внимание, повторяю, многомиллионные строительства, которые проводятся даже в этом году.

Второе: просьба со стороны Бюро Отделения к Президиуму АН СССР: поставить совершенно серьезно, официальным образом перед ленинградскими организациями – перед Ленсоветом и партийной организацией Ленинграда – вопрос о помощи путем представления хотя бы небольшой площади в Ленинграде для нашей лаборатории (200–300 м²).

АРАН. Ф. 534. Оп. 1 (1950–1956). Д. 228. Л. 2–23, 71, 77. Машинопись.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ОТЧЕТА ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

Декабрь 1955 г.

Я хотел несколько слов сказать относительно отчета, который мы вчера заслушали. Вероятно, по случайным причинам деятельность моей лаборатории освещена не совсем так, как хотелось бы, чтобы она была освещена. Конечно, это объясняется тем, что на протяжении последних лет я работал как-то вне контроля Отделения биологических наук, сидел как бы на приставном стуле. Тем не менее

мы прислали полный отчет, и когда составляли наш отчет и его внесли в общий отчет, то было сказано, что не будут указывать деятельность институтов и лабораторий, а отчет будет составлен по проблемам. В результате, что делалось в моей лаборатории было разбито на два раздела, из которых один должен был попасть в одну проблему, другой – в другую. В результате получилось так, что по одной проблеме есть упоминание о работе моего коллектива, а по другой проблеме – проблеме радиобиологии – совсем нет упоминания.

Что касается той проблемы, в которой меня упоминали, то там сказано так, что академик Орбели составил план разработки вопросов высшей нервной деятельности ребенка и наметил некоторые основные вехи. Между тем мы представили отчет, из которого видно, что на протяжении этих лет я и небольшой коллектив сотрудников разработали ряд вопросов, несмотря на активное сопротивление и противодействие, которое оказывали мне некоторые организации Академии наук¹. И эти результаты вылились в то, что вокруг этих вопросов в прошлом году была проведена большая конференция, на которой было заслушано 22 доклада, вышел целый том "Известия Академии педагогических наук", в котором отражена наша работа². Весь том занят работами нашей лаборатории. Об этом упоминания нет. Указывается только одно составление программы. Оказывается я только составил программу?! Я, конечно, составил программу, работаю по программе. Но соль в том, что программа была осуществлена в короткое время, причем, работая, каждый из нас имел не больше чем голову и десять пальцев!

Я очень просил бы Отделение, если можно, внести поправку в отчет и указать, что не только составлена программа, но и выполнен определенный комплекс работ, вылившийся в конференцию и том трудов этой конференции.

Что же касается второй проблемы – радиобиологии, это очень важная сторона нашей работы. Она выдвигается как проблема, стоящая перед всей наукой – мировой, нашего Советского Союза. И в этом отношении мы также внесли известную лепту. У нас создана установка, осуществлены работы, и в этих работах такие направления, которые имеют очень большое принципиальное значение, и в нашем отчете указаны именно те три дорожки, те три пути, по которым идет наша работа. А это не нашло никакого отражения в общем отчете. Мне кажется, что это следует сделать именно потому, что те направления, которые мы проводим, резко отличаются от работы других учреждений, работающих по той же теме.

Этим я заканчиваю свои замечания, касающиеся отчета моей лаборатории, а сейчас я хотел бы вернуться к некоторым принципиальным вопросам, которые касаются нашей деятельности, нашей будущей деятельности.

Я думаю, что сейчас пришла пора несколько изменить ту манеру планирования и разработки вопросов, которой мы придерживались в предыдущие годы, именно пришла пора поставить ряд действительно нужных, важных проблем и составлять в Отделении проблемный план, который намечал бы разработку тех или иных проблем.

Возьмем для примера проблему питания. Разрабатывается ли у нас в системе АН или в системе какой-либо другой академии – АМН, Академии сельскохозяйственных наук – проблема питания?

Я говорю об этом потому, что уже во время ВОВ встал перед нами серьезный вопрос правильного обеспечения питанием населения. А между тем у нас, кроме одного небольшого Института питания в системе АМН СССР, нет ни одного учреждения, которое систематически и планомерно разрабатывало бы эту важную проблему.

Впервые в нашей стране возникло учение о значении микроэлементов. А сейчас только небольшие работы проводятся в лаборатории, созданной покойным академиком Вернадским³, но и то в специальном направлении – направлении распределения микроэлементов в том или ином участке, очень важном и нужном

направлении, но роль микроэлементов питания нигде не занимает видное место. Между тем АН следует эту тему выдвинуть. Никто не разрабатывает у нас вопросы роли микроэлементов в их совместной работе с вегетативными* процессами, что составляет основу. В то же время в зарубежных странах в этом отношении делается очень многое.

Использование атомной энергии в мирных целях создает большую угрозу. Недоучет этого момента, недоучет знания роли микроэлементов, их судьбы в организме, того, как они будут вести, если будут получены радиоактивные изотопы этих микроэлементов именно в организме, – это существенно важная проблема, которая нигде не упоминается.

Если бы у нас существовали определенные проблемные комиссии, которые выдвигали бы такие большие проблемы и строили бы планы разработки их, можно было бы координировать работу исследований, проводимых в разных учреждениях, чтобы не получалось ненужного, вредного дублирования. И надо было бы вместе с тем, чтобы АН приняла на себя роль того штаба науки, имя которого она носит, но носит, как мне кажется, пока еще не вполне заслуженно, потому что для того, чтобы быть штабом науки, нужно вести работу так, как ее ведет настоящий Генеральный штаб.

Таких проблем можно назвать много. И я думаю, что будет большим делом, если наше Биологическое отделение (и все мы вступим на этот путь развития) будет разрабатывать науку по проблемам, составляя по каждой проблеме настоящий программный план, а не те лоскутные планы, которыми мы сейчас руководствуемся.

Второй вопрос, опять-таки общего организационного значения, – этот вопрос, который был поднят вчера несколькими товарищами, – вопрос о кадрах.

Конечно, очень важная сторона дела – оснащение, помещение, здание, оборудование. Все это очень важно! Но я думаю, что голова и десять пальцев значат больше, чем оборудование. И для того чтобы наша наука плодотворно развивалась дальше, нужно готовить кадры, соответствующие тем требованиям, которые возникают в настоящее время.

В этом отношении, я думаю, что не нужно отказываться от системы аспирантуры, но нужно внести известные поправки в способ подготовки наших аспирантов. У нас имеется какая-то строгая унификация: всем определен срок, всем определены требования, одни и те же предметы нужно сдавать на экзаменах, экзамены проводятся в определенные сроки... Все это ошибочный путь! Это путь, мешающий правильной подготовке аспирантов, научных работников, ведущих к тому, что таланты забиваются, а малоталантливые люди выходят на равный с ними уровень⁴.

Мне кажется, что было бы целесообразно, наряду с аспирантурой, создать предшествующую стадию стипендии, – то, что было в старых германских университетах, в частности в нашем Дерптском университете, имеет место сейчас в скандинавских университетах: это "а мануэнзис", "фамулус", т.е. подручный. Это может быть студент старших курсов или только что окончивший вуз молодой человек; он поступает на два года в распоряжение руководителя, помогает ему, проходит определенную техническую подготовку, знакомится с предметом.

Я не согласен с В.Н. Черниговским, который рекомендовал приблизительно то же самое, но путем посылки в разные места.

В разные места нужно посылать людей, уже имеющих некоторую подготовку. Я сам проходил заграничную подготовку, но уже после того, как защитил докторскую диссертацию. И тогда, попадая в лаборатории различных выдающихся в то время физиологов, я имел возможность критически подойти к тому, что там

* Одно слово не разобрано. (Примеч. сост.)

делалось, брать то, что нужно, а не то, что мне будут навязывать, установить настоящие деловые научные отношения.

Вот это надо было бы восстановить. Аспирант, получивший кандидатскую степень, должен был бы иметь возможность поехать в другие лаборатории, чтобы завершить свое образование. А "а мануэнзис" или "фамулус" – это подручный, находящийся в распоряжении руководителя, помогающий в его работе, проникающий его идеями, а вместе с тем овладевающий техникой работы. И только если он себя хорошо зарекомендовал, можно ставить вопрос о допущении его на три года в аспирантуру, чтобы ему стать уже самостоятельным научным работником.

Для нашего государства, которое такое большое значение придает науке и правильной постановке научных исследований, это нововведение не составило бы больших затруднений и, наоборот, дало бы возможность в значительной степени сэкономить средства, потому что в аспирантуру шли бы уже отобранные люди, а не случайные лица.

Для вузов задача облегчается тем, что они имеют возможность отбирать из числа своих же сотрудников, большинство которых уже со студенческих лет начинают работать по науке. А мы, работники НИИ АН, вынуждены брать из вузов людей, которых мы предварительно мало изучили. В результате этого аспирантура часто не оправдывает себя.

Вот те два принципиальных предложения, которые я считал нужным внести и которые, мне кажется, послужат на пользу.

В отношении подготовки научных кадров я совершенно согласен с тем, что в настоящее время нужно давать двойное образование аспирантам и молодым научным работникам. Нельзя, например, физиологу владеть всеми сторонами физиологического исследования. И я в своей практике всегда руководствовался правилом: каждого аспиранта направить или к физикам, или к химикам, или к гистологам для дополнительной подготовки. И это возможно было делать [до тех пор], пока не было строгого срока аспирантуры, – три года. До этого подготовка растягивалась иногда на четыре – четыре с половиной года.

- Всем хорошо известный член-корр[еспондент] Е.М. Крепс, будучи аспирантом ВМА, все три года своего адъюнктура использовал для того, чтобы пройти химический факультет Ленинградского университета, и это дало очень хороший результат. Мои сотрудники Гинецинский и Гершуни потратили известное время на то, чтобы поработать в физической лаборатории.

Если мы сейчас придерживаемся строгих правил, что через шесть месяцев после зачисления в аспирантуру надо представить план, дать тему, указать срок окончания диссертации, в строго определенные сроки сдать экзамены, да еще указать, какие результаты будут получены, – все это нас чрезвычайно связывает и лишает возможности хорошо готовить кадры.

Сейчас необходимо поставить вопрос с тем, чтобы готовились физиологи разных профилей и, в частности, физиологи химического направления. Современная биохимия совершенно правильно и естественно устремилась в сторону химического углубления и физического направления. Это нужные вещи. Между тем почти исчезает химическая физиология, а это ведет к громадным пробелам; при изучении таких проблем, как проблема питания, проблема нарушения обмена веществ, проблема патологии, в частности, высшей нервной деятельности, без точного учета процессов, протекающих в организме, нельзя обойтись. На это надо обратить внимание. Это дело не одной АМН, но и нашей Академии: поставить этот вопрос на очередь и принять серьезные меры к тому, чтобы планомерно подготовить кадры разных профилей, способных обеспечить разработку определенных сторон научного исследования⁵.

ИЗ ОТЧЕТА Л.А. ОРБЕЛИ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА
ЛАБОРАТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ В 1955 г.

5 января 1956 г.

НОВЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Техника, с одной стороны, приносит нам большие и большие достижения и в значительной степени меняет возможности существования человека, а наряду с этим создает специальные, профессиональные вредности. Всякое развитие техники связано с тем, что персонал, работающий на том или ином участке производства, подвергается определенным физическим воздействиям, которых нет или которые мало выражены в природных условиях, и это заставляет нас, физиологов, обращать специальное внимание на то, как действуют отдельные виды энергии, новые виды энергии, с которыми человечество раньше не было знакомо. Это имеет практическое значение, с другой стороны, – огромный теоретический интерес, так как все виды энергии при современных условиях развития техники являются фактором физической среды, действующим на организм, и подвергая систематическому изучению вопрос о влиянии того или иного вида энергии, вновь открытого и сделавшегося доступным человеку, – как они могут отразиться на эволюционном процессе...

Особый интерес представляют такие виды энергии, как ультразвуки, как ультравысокие частоты, электромагнитные волны, наконец, радиации, связанные с распадом ядра. Часть нашего труда и наших материальных средств уделяем на то, чтобы включить в программу эволюционной физиологии изучение вопросов, связанных с действием на организм ультразвуков и радиации. Но наши возможности крайне ограничены. Мы имеем возможность использовать только один из видов ядерных излучений, именно гамма-лучи, других установок у нас нет и негде поставить, нет помещений.

Изучение влияния радиации важно с разных точек зрения. Теоретическое значение. Но огромно и практическое значение. Совершенно естественно и понятно стремление использовать атомную энергию в мирных целях, использовать атомную энергию как огромные запасы энергии. Если до последнего времени мы использовали малые дозы облучения для тех или иных терапевтических целей, то в настоящее время идет речь об использовании огромных количеств энергии, излучаемых радиоактивными веществами, и это становится одним из главных энергетических ресурсов каждой страны. А это связано с тем, что радиациям подвергаются и рабочие на предприятиях, рабочие в шахтах, которые добывают радиоактивную руду, в особенности сильному действию подвергаются те, кто работает у котлов, у реакторов, где происходит превращение одних радиоактивных веществ в другие с освобождением большого количества энергии.

Следовательно, наша работа изучения этих радиаций с точки зрения сохранения здоровья населения имеет большое практическое значение.

Понять патогенез заболеваний, которые при этом развиваются, а что еще важнее – выяснить влияние малых доз, слабых облучений, но систематически, длительно действующих, для того, чтобы создать необходимые условия защиты. Мало будет пользы, если мы научимся только лечить заболевших лучевой болезнью. Важно не допускать, предотвратить заболевание. И это одна из наших работ на изыскание тех мероприятий, которые могут послужить к защите от воздействия этих радиаций, которые носят профилактический характер.

Третья группа работ направлена на то, чтобы выяснить отражается ли действие лучистой энергии не на том организме, который подвергается облучению, а на его потомстве. Это сторона дела чрезвычайно важна, потому что могут быть созданы условия, при которых степень воздействия радиации на человеческий организм будет настолько мала, что никаких патологических явлений у непосредственно

облучаемых людей мы наблюдать не будем. И может показаться, что все обстоит благополучно, приняты такие меры, что облучение дается в минимальной степени, люди получают ничтожное количество излучений, и не проявляются никакие болезненные симптомы, так что все благополучно. А в действительности же оказывается, что при этих условиях могут возникать такие изменения в организме, которые внешне не проявляются ничем, а отражаются на потомстве, ведут или к бесплодию, или не к бесплодию, а к патологическому развитию будущего поколения, потомства.

Этот момент является особенно важным, потому что если мы упустим возможность того, что наше поколение будет благополучно существовать, несмотря на наличие радиаций и на их влияние на наш организм, а следующие поколения или не будут развиваться, или будут развиваться с отклонениями от нормы и в конце концов придут к дегенерации, то это составит огромную нашу вину. С этой точки зрения особый интерес представляют те работы, которые направлены на изучение влияния облучения на потомство, такие работы у нас тоже проводятся¹: работы Е.А. Моисеева с сотрудниками, Барбашевой, А.В. Войно-Ясенецкого, М.Б. Тетяевой² (изучение ферментных систем с сотрудником АМН СССР Твердынским³).

Специальные задания⁴ ведутся по поручению АН СССР и двух союзных министерств в закрытом порядке. Работа очень большого практического значения. Но для таких исследований нужны особые, специальные условия, которые дают возможность понять функции организма при совершенно специальных воздействиях на организм.

Мы сейчас стоим накануне великих реформ. В конце ноября—начале декабря состоялось постановление Бюро ОБН об открытии в системе АН СССР Института эволюционной физиологии путем реорганизации Лаборатории эволюционной физиологии.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 89. Л. 24—28. Машинопись.

СОДРУЖЕСТВО НАУКИ И ИСКУССТВА*

Работников науки и искусства многое объединяет: фантазия, творчество, изучение человека, его поведение, характера нужны и актеру, и ученому, работающему в своей лаборатории.

На одной из встреч в Доме актера работников искусств и науки я призывал и тех и других к совместной работе по научному изучению творчества, ибо ни ученые сами по себе, ни актеры самостоятельно не сумеют разрешить всех тайн искусства театра. Я надеюсь, что последняя московская встреча¹ с работниками искусств даст мне возможность установить этот творческий контакт. Меня как ученого драматическое и музыкальное искусство интересует с точки зрения понимания и развития павловского учения о высшей нервной деятельности человека. Но эта тема для отдельной статьи.

В своих заметках о театре я хочу высказать непосредственные впечатления зрителя о спектаклях ряда театров, которые мне удалось просмотреть за последние годы.

Прежде всего, скажу о Московском художественном театре, старым поклонником которого я являюсь. Общеизвестно, что Художественный театр славится удивительным искусством ансамбля, исключительной продуманностью каждой роли, отсутствием фальши и всего напускного, что мы, к сожалению, еще видим на сцене ряда других театров.

* Эта статья была опубликована в журнале "Театр" (1945. № 1. С. 62—63), но в связи с тем, что она мало известна общественности, а тема ее весьма актуальна, мы решили поместить ее в настоящем томе. (Примеч. сост.)

С Московским художественным театром связаны еще некоторые мои студенческие воспоминания. Кто из нас не восторгался замечательными спектаклями "художественников" – "На дне", "Вишневый сад", "Три сестры", "Горе от ума", изумительным, благороднейшим из русских актеров Станиславского и его славными учениками: Качаловым, Москвиным, Книппер-Чеховой, Андровской.

Недавно я смотрел в Художественном театре "Три сестры" Чехова. В памяти моей сохранились образы, созданные Еланской, Тарасовой и Гошевой. Но особенно меня поразил Тузенбах – Хмелев.

Хмелева я давно почитаю. Я смотрел "Дни Турбиных" Булгакова около 20 лет тому назад, где Хмелев ярко сыграл русского офицера. Позже я видел Хмелева – Каренина и Хмелева – инженера Забелина.

Какой диапазон творчества!

Хмелев одинаково убедительно рисует как образ русского офицера, так и интеллигента Забелина, его колебания и затем переход на сторону советской власти.

Сильное впечатление на меня произвел и спектакль филиала МХАТ "Школа злословия" Шеридана. Этот спектакль я смотрел два раза. Комедия нравов старой Англии изумительно передана артистами: Яншиным, Андровской, Массальским и Кторовым, который в роли Джозефа Сэрфэса, как мне кажется, удачнее, чем Прудкин, создал образ великосветского лицемера и развратника.

Как всякий зритель я ишу в театре не только высоких чувств, правды жизни, но и веселой улыбки, шутки, радующей глаз зрелищности – всего того, что дает нам отдых после работы. В этой связи мне хочется вспомнить два спектакля театра имени Вахтангова. Один мне довелось просмотреть еще до войны – это шекспировская комедия "Много шума из ничего". Второй – оперетта Эрве "Мадемуазель Нитуш", которую я видел недавно. Симонов – талантливый актер и режиссер, показал себя и как мастер музыкальной комедии. "Нитуш" – исключительно жизнерадостный, естественно-веселый спектакль. Такие спектакли очень нужны.

Наконец, несколько слов о Большом театре. За последнее время я два раза слушал оперу Глинки "Иван Сусанин". Недавно "Иван Сусанин" был специально показан делегатам – участникам юбилейной сессии АН СССР². Это замечательный спектакль, который великолепно оформлен художником Вильямсом. Чудесно звучит гениальная музыка Глинки в исполнении оркестра Большого театра.

Однако исполнитель главной роли Ивана Сусанина Михайлов – прекрасный бас, еще не в состоянии передать всей глубины образа русского крестьянина-патриота. Его сценическая игра слабее его вокального искусства. Может быть, я сужу так строго потому, что людям моего поколения на всю жизнь запомнился Сусанин в исполнении Шаляпина.

Вообще, надо сказать, что за последние годы в Большом театре и в Ленинградском театре имени Кирова несколько ослабла забота о мастерстве. Руководители Большого театра и других оперных театров страны должны обратить серьезное внимание на повышение вокальной культуры певцов, вспомнить как раньше обучались певцы, проходя итальянскую школу, подумать о месте дирижера и оркестра в развитии оперного искусства. Надо с научной точки зрения изучить вопрос о постановке голоса и его сохранении.

Советский театр в тяжелые годы войны не прекращал своей деятельности. Он служил народу на фронте и в тылу. Сейчас, в дни победы, перед ним новое огромное поле деятельности: он должен стать трибуной правды, радости и красоты победившего советского человека.

Академик Л. Орбели.

ПЕРЕПИСКА

1.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Дербент.¹

8 августа 1903 г.

Дорогой Леон Абгарович.

Скоро уже три месяца, как я "собираюсь" Вам писать. Впрочем, это, должно быть, не особенно удивит Вас, так как Вы, должно быть, не забыли еще, как долго мы собирались писать истории болезней. А Дербент не только не увеличил моей энергии, но даже подавил те ничтожные следы, которые когда-то были.

Я, можно сказать, "отравляюсь собственными атоманками". Другими словами, – все более и более истощаюсь психически (я не хотел употребить слово "глупею", ибо это не научный термин).

На лето я возлагал большие надежды, но ... "суждены нам благие порывы, и свершить ничего не дано"². Я убедился, что читать летом анатомию – сверх моих сил, как и вообще читать что бы там ни было. Поэтому пришлось заняться практикой... Посещал больницу до самых последних дней. Материал не особенно интересный – малярия, трахома и детский понос, но и это, конечно, ничего, во всяком случае полезнее, чем целые дни валяться, как я это делал всегда в Дербенте. Но в последние дни я перестал ходить и в больницу, так как вставать в 12 часов приятнее, чем в 9.

Купался в море. Это купание, несомненно, хорошо повлияет на мою неврастению, присутствия которой у меня, кроме меня самого, впрочем, никто не признает. Но думаю, что ученик Боришпольского может игнорировать чужие диагнозы и положиться на свой авторитет. 20 августа я отсюда удираю. Правда, это немного рано, но уж больно здесь скучно. Да потом надо устраиваться с квартирой, чтобы к началу учебного года быть уже вполне готовым к восприятию научных истин.

Если Вы будете так порядочны, что ответите на мое письмо в тот же день, как получите, то оно меня застанет еще здесь. Напишите, когда собираетесь ехать и что Вы поделывали летом. Приезжайте скорей!

Узнали ли Вы интересную новость – Мезерницкий получил стипендию Виллие³. Я это прочел во "Враче"⁴. Этот господин, должно быть, до того изощрился в искусстве лганья, что надул тех, кому надлежит распоряжаться этой стипендией. Во всяком случае, этот субъект "далеко пойдет".

Ну пока, до свидания и, надеюсь, до скорого свидания.

Жму Вашу руку. Жена шлет Вам привет.

Мих[аил] Аствацатуров.

P.S. Боюсь, что письмо не дойдет до Вас, так как не помню точно адреса⁵.

Л.А. ОРБЕЛИ.

*Санкт-Петербург.**13 сентября 1904 г.*

Милый Леон Абгарович.

Я уже почти две недели здесь, но сегодня только зашел в клинику и получил там Ваше письмо.

Я забыл Ваш адрес и потому не написал Вам. Дня три тому назад мне сказали, что Вы отправлены с балтийской эскадрой на войну¹. Это известие меня очень взволновало, и потому я очень рад был получить сегодня от Вас письмо.

Мой приезд в Кронштадт едва ли может осуществиться, так как я уже получил больных, которым надо будет производить ежедневно гальванизацию, фарадизацию и тому подобные "изации" из области невропатологической терапии. Если бы я получил Ваше письмо раньше, то непременно приехал бы к Вам, так как адски хочу Вас видеть.

Напишите, когда приедете в Питер? Во всяком случае, сейчас же по получении моего письма напишите несколько слов.

В надежде на скорое свидание, я не буду особенно многоречив в письме.

Крепко жму Вашу руку и прошу в случае приезда остановиться у меня.

Мих[аил] Аствацатуров.

Адрес: Петроградская сторона, Большая Пушкарская ул., 58, кв. 5.

P.S. Простите за короткое письмо². У меня гости, тороплюсь кончить.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1361. Л. 6. Автограф.

Л.А. ОРБЕЛИ.

*Ани.**8 июля 1906 г.**

Елизавете Иоакимовне и Левону Орбели.

Уже четвертый день живу здесь¹. Сколько было хлопот, разговоров, откладываний и прочего! Достаточно сказать, что я должен был выехать из Тифлиса через неделю после Марра, а выехал через три. Причин задержек было много. В конце концов, оказалось, что лучше всего было, по мнению папы, выехать из Тифлиса с Марром и что поэтому виноват я, что не приехал раньше из Петербурга. Папа никак не хотел отпускать меня одного, привез меня сюда, пробыл один день и уехал.

Тут мне очень нравится, тишина, роскошный воздух, ветерок, только печет немного солнышко.

Живу при очень строгом режиме: встаем в 5. стакан молока с хлебом – и на работу. В 12 – обед: зелень сырая, вареная, суп, жаркое, мацони, яйца. В шесть с половиной – ужин: жаркое, горячая зелень, мацони, чай. В 9 – бай-бай.

Живем все в одной комнате, в другой – вещи, умывальник. Все, т.е. Николай Яковлевич, Юрий (его сын), художник Полторацкий и я. Кроме нас в Ани живут: монах, архитектор Торамян, фотограф Вруйр, его семья, прислуга и 74 рабочих.

Церковь Гагика² откопана, осталось немного. Мне дана работа: сличить надписи Алишана с подлинниками, исправлять неправильности в переписке, списывать неуточненные надписи. Очень интересно. Но иногда приходится под потолок, и тогда очень неудобно и трудно. Вчера откопали в церкви Аракелоц³ огромные две

* Датируется по штемпелю на конверте. (Примеч. сост.)

надписи – 12 камней больших, остается вынуть два. Через две недели кончаются раскопки. Тогда работа в музее. Сортировка находок, собирание надписей, чистка и разбор монет и реставрация статуи царя Гагика А. Она найдена около церкви. Вышиною 41 аршин, из местного камня, раскрашена, в руках держит поразительно точную модель церкви, построенной Гагиком. Но она рассыпалась и ее надо собирать и, кажется, издадут. Он в огромной чалме. Тут же найдено 96 мелких обломков одной большой надписи о постройке церкви, должно быть. Ее будет читать сам Марр, да и то, бог знает, удастся ли. Некоторые обломки по полбукве, Марр списал все пока 96 клочков бумаги и иногда раскладывает пасьянс. Но, кажется, ничего не выходит. Сама церковь была, должно быть, очень красивой, огромной, круглой, с колоннадой вокруг. В общем, должно было быть величественным.

Помимо работы в музее, после раскопок Марр предполагает совершить экскурсии в окрестности для собирания надписей и фотографирования древностей. По-видимому, он хочет здесь долго обосноваться, поговаривает о том, чтобы в будущем году проложить рельсовый путь для вывоза земли совсем из городища. Но все это зависит от денег, а в этом году 2000 приходят к концу.

Полторацкий очень славный молодой человек, работает в расписной халкедонитской церкви святого Григория Просветителя. Снимает оттуда 18 фресок для предполагаемого издания жития святого Гр[игория].

Папа, кажется, был доволен своей поездкой, все мне указывал. На мое счастье, всю дорогу сюда Арагат⁴ был совершенно ясен – ни одного облачка. Алагец виден отсюда постоянно.

Папа несколько раз повторял, что вот если Рубен и Левон приедут, то я тебя пошлю с ними в Эчмиадзин⁵ и Эриван⁶ и на Алагец⁷. Но помимо этого, так как я прекрасно понимаю, что если вы приедете, то было бы глупо из одного месяца пребывания на Кавказе употребить две недели на скачку со мной, вместо того чтобы сидеть дома, я все-таки повторяю, что вам необходимо приложить все старания, чтобы приехать сюда, разумеется, только чтобы жить в Тифлисе. И папе и маме этого очень хочется – вас видеть, и что совершенно необычно, как вы знаете, Рубен и Левон, папа неоднократно повторяет вслух свое желание и упорно не хочет расстаться с мыслью, что вы непременно приедете или, по крайней мере, один из вас. А мама только спрашивает, когда вы приедете. Папа хочет продать дом, чтобы развязаться с Тифлисом и жить там, где мы: "в Петербурге, так в Петербурге; в Гейдельберге, так в Гейдельберге; в Иене, так в Иене". Мечтает получить 100 тысяч, так, за вычетом долга – 60 тысяч, 3600% в год. Но этого ждать нельзя, так как время тугое. Но, конечно, это было бы самое лучшее. А мама и слышать не хочет о продаже и взамен предлагает продать ее дом. Папа соглашается. Если Вы не едете, сообщите, я вам подробно напишу; а вообще, пишите почаще, а я много писать не могу – времени нет. Вот и сейчас тороплюсь кончить письмо и бегу списывать надпись в Аракелоц. Поэтому и пишу одно письмо на нескольких. Оно подлежит прочтению всем, получившим мои открытки и изъявившим желание слушать больше. Пишите почаще.

Ну-с, теперь целую, Юся.

Адрес: Кавказ, ст. Ани (Карская жел[езная] дорога)

Имя, отчество, фамилия.

Своим знакомым, которые мне очень хотят написать, напишу в следующей почте. Поклоны всем.

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 65. Л. 1–7. Автограф.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ЛЕОНУ АБГАРОВИЧУ ОРБЕЛИ.

*Развалины Ани.**9 августа 1906 г.*

Дорогая Елизавета Иоакимовна.

Пишу Вам в расчете, что это письмо будет читать и Леон. Я очень обрадовался, что предыдущее письмо было читано вами вместе. Это мне еще живее напомнило зиму, Питер и всю хорошую обстановку, среди которой я жил. Мне хотелось тотчас же ответить Леону, но не смог. Очень уж много дела спешного, да притом я тогда был в Гюмри¹, куда ездил с Николаем Яковлевичем "на гастроли" – на лекцию. Помогал ему там. Вообще, он, по-видимому, доволен тем, что взял меня с собою, неоднократно высказывал это мне, особенно другим и даже писал жене, судя по тем выдержкам из ее писем, которые он иногда читал вслух. А после лекции он сказал Юрию (чем его крайне огорчил): "Ну, Юрий, я теперь тебя прогнано, а в сыновья беру Иосифа Абгаровича". – "А я?" – "А ты останешься за штатом". Главным образом он доволен, что я ни от какой работы не отказываюсь и за все берусь с удовольствием. Много мне тут пригодилась – моя способность ремесленная. Я за один час выучился в Александрополе паять, привез инструменты и стал реставрировать люстру. Я даже не ожидал. А тут я самоучкой умудрился делать тоненькие цепочки, и очень не дурно. Не сердитесь, милая Елизавета Иоакимовна, что я расхвастался.

Люстру я пока не кончил, так как меня часто отрывают. Для музея у нас сооружаются грандиозные (относительно) шкафы, и нужно следить. Художник реставрирует церковь, и нужно ему сделать очень аккуратно деревянную основу утеряннного купола. Приезжает масса народу, и нужно им показывать музей. Для люстры осталось сделать немного. Самое трудное сделано. Я три дня разбивал огромную глыбу сплавленного, сильно окислившегося железа с запутанными медными частями. Медный вырезной пояс был разбит и скомкан в узел. Выправить его стоило большого труда и огромной ответственности. Зато руки пришли в такое состояние, что когда я после этого ездил в Гюмри, то пришлось держать руки за спиной. Они почернели, позеленели, ободранные почти. Чёрт знает что такое.

Теперь из узла вышла люстра, аршин в поперечнике, довольно грубой, но причудливой работы, на 130 (лампадофер) лампад четырех размеров. Вокруг пояса летают голуби (8 больших и 8 маленьких), у каждого в спине по три стеклянных лампы, а в клюве на длинных цепочках четвертая, большая; пояс вырезной: орлы и павлины. По поясу – ряд держалок с лампадами. В середине пояса на причудливой цепи из лампад – огромная, вырезная, ажурная, великолепной работы лампада. Материал – красная медь. Цепь железная, 8 сажень и измерена по моему "великолепному и прекрасному" (выражение Марра) способу – на вес. Способ – единственно возможный: она вся разбита, кроме пяти звеньев.

Теперь мне Марр предложил снять план подземного хода под Мичнабердом². Очень будет трудно, но интересно. Там открылись причудливые залы с колоннами и маленькими сталактитами. Я уже туда три раза лазил, один раз – в компании 7 барышень (!!!!!!!), приходится часто ползать на животе. Это очень интересно: мрачная пещера, узкая дыра, в руках свеча. Самое приятное впечатление. В одну дыру я залез первым из нашей группы и очень доволен. Говорят, ход тянется на много верст, мы прошли только 155 аршин и дошли до второй огромной залы. Дальше никто за последнее время не ходил; ход есть, надо проследить, [когда] получу рабочих. Не знаю, удастся ли снять план в этом году. Времени теперь очень мало, а дел – масса. Вот и могильник языческий придется оставить до будущего года, зато я зимой изучу могильники и летом буду в могиле, как у себя дома. Возиться с покойниками тут приходится много. Ежеминутно обнажаются

могилы (христианские, скучные). Недавно вышел череп, женский, с волосами, 700–800-летний, окрашенные в лиловую краску. Марр полагает, что сия дама красила волосы – окрасился и череп. Я вполне привык к костям.

Гагик наш готов, стоит великолепный. Приходит масса народу, крестьяне поклоняются, крестятся и целуют одежду. Пришлось огородить. Недавно пришли из Караклиса³ (Леон знает, как это далеко) три патриарха, лет по 70, посмотреть царя. Великолепная была картина. Три старца, поразительно типичные армяне, с оригинальным оружием (палка, а на ней штык заржавленный, не моложе Гагика) пришли за сотни верст поклониться (они так и сказали) царю. Они долго стояли молча, опершись на палки, поклонились, расспросили подробно о царе, посмотрели попутно музей и ушли. Так не хотелось их отпускать.

А царь у нас хороший. Безусловно, есть выражение: мощь и величие, он в великолепной чалме, с крестом на груди. Рост 3 аршина 2 вершка. На руках – церковь. Она пока не поставлена, и потому он выглядит лучше. Пока не могу больше писать. Приеду в Питер, наверно. Если успеем, поеду теперь в Бана⁴, а то и дальше, только времени мало.

А Марр сам предложил. Теперь о жизни. Политики у нас и в заводе нет. Эстетики – хоть отбавляй. Когда езжу в Александрополь, слушаю там у Халатьяна прекрасную музыку: имеется консерваторка (московская), великолепно играет и Грига, и Шопена, ... и др. Столько слушаю, что Марр даже шутить начал, пил за мое здоровье и желал приятных встреч. Но я, ей богу, бескорыстно. Особенно Марру понравилось, что, хотя решено ехать из Гюмри в 11, когда понадобилось выехать ночью в 3 часа, то я, не говоря ни слова, собрался и выехал с ним. Он был очень доволен и сказал: "Нет, с Вами ездить можно". И сейчас же пригласил в Бана. Пишу последнее, чтобы вы не подумали, что я втяпался: я тут кроме Ани (а не Ани – Анета) ничего не знаю. А потому пишите побольше: это страшно меня радует.

Сегодня Марр говорил, что, должно быть, посторонний человек очень удивился бы, видя (!), как кучка субъектов сидит и занимается усиленно всякой ерундой в такое время: "Ну это Фетваджян (художник) – встал в 5 часов, пошел на берег реки, один, уселся и сидит. Всякий бог знает что подумает (он даже сказал что), и никому и в голову не придет, что он "ждет освещения". И правда, – пять идиотов. Встаем в пять, ложимся в девять – как будто иначе и жить нельзя.

Однако пока, до свидания. До 26 августа письма буду получать здесь, а после – в Тифлисе. Пишите чаще.

От чего Султаншахян⁵ ничего не пишут. Мне их очень хочется видеть. Что Илюша. Пусть пишут, поросята. Поклон тете Кате, тете Мане и Анне Семеновне. А то без писем очень скучно, хочется к Вам.

Жму Вам и целую (если можно) ручки. Пусть Леон считает за мной поцелуй или примет его. Пишите. А мне писать так трудно. Времени нет. И сейчас глаза слипаются.

Юся.

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 65. Л. 14–18. Автограф.

5.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ПРОФЕССОРУ Л.А. ТАРАСЕВИЧУ.

Петроград.

22 мая 1916 г.

Глубокоуважаемый профессор!

Прошу прислать Ваш доклад "Об организации противотифозных прививок в армии"¹, сделанный в соединенном заседании медицинских обществ в Петрограде 3 декабря 1915 г., или краткий реферат его для напечатания в "Трудах"² за 1915/16 го-

ды не позднее 16 июня 1916 г. по адресу: Лицейская ул., д. 9, кв. 2. Леону Абгаровичу Орбели.

В случае нежелания печатать в "Трудах" благоволите сообщить об этом и указать, где будет напечатан Ваш доклад.

С искренним уважением редактор "Трудов"

приват-доцент Л. Орбели.

АРАН. Ф. 1538. Оп. 4. Д. 255. Л. 1. Автограф.

6.

Л.А. ТАРАСЕВИЧУ.

Петроград.

27 июня 1916 г.

Многоуважаемый профессор!

Спешу уведомить Вас, что вследствие затруднений с печатанием, а также вследствие того, что далеко не все докладчики откликнулись на мою просьбу прислать доклады, "Труды Общества русских врачей" выйдут с некоторым опозданием. Поэтому будет не поздно, если Вы пришлете Ваш доклад к 1 или даже к 15 августа. В крайнем случае, если бы Вы прислали еще позже (к 1 сентября), можно все же отпечатать доклад, не нарушив очередь, что, в конце концов, не важно, так как "Труды" выйдут одной книжкой¹.

Приношу благодарность за Ваш любезный ответ на мое письмо и за присылку оттиска Вашей статьи².

С истинным уважением Л. Орбели.

АРАН. Ф. 1538. Оп. 4. Д. 255. Л. 3. Автограф.

7.

П.П. ЛАЗАРЕВУ.

31 марта 1923 г.

Глубокоуважаемый Петр Петрович!

Мой сотрудник Андрей Владимирович Лебединский, проездом через Москву, должен посетить Вашу лабораторию. Не откажите ему в возможности осмотреть лабораторию и, что особенно важно, ознакомиться с данными по вопросу о поглощении растворами органических соединений, преимущественно кислот, лучей в ультрафиолетовой части спектра.

Исполнением этой просьбы очень нас обяжете¹.

С глубоким уважением Л. Орбели.

АРАН. Ф. 459. Оп. 4. Д. 88. Л. 1. Автограф.

8.

Л.А. ОРБЕЛИ.

9 июня 1928 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Прошу Вас дать отзыв на дипломную работу студентки Е.А. Скрыбиной¹ в связи с тем, что Л.Л. Васильев дал необъективную оценку.

Это неожиданное желание Л.Л. Васильева сводить со мною счеты на спине моей работницы и дипломантки. Васильев столь же неожиданно просит вернуть ему отзыв. Морально это возможно и не вызовет возражений со стороны нашей лаборатории лишь при том условии, если это не будет носить характер снисхождения к Е.А. Скрыбиной, самолюбие и научное достоинство которой не могло бы ни в

какой мере примириться со снисхождением. В присутствии свидетелей (М.И. Виноградова и Э.Ш. Айрапетяна) Васильев имел беседу со Скрыбиной и выразился, что он признает "faut pas", а затем сказал, что работы подробно не читал, не имел для этого времени и не может ручаться, что Даниэльские элементы могли в самом деле повредить ее результатам.

Тем не менее получение дополнительного отзыва от постороннего для университета лица остается весьма нужным, так как имеющий поступить новый переделанный отзыв Васильева, после первой, столь легкомысленной попытки его дать отзыв, не может иметь ни для Скрыбиной, ни для меня никакой цены.

Оно (дело отзыва на работу Скрыбиной) для меня слишком болезненно в особенности потому, что Е.А. Скрыбину я хотел бы оставить аспирантом при лаборатории.

Преданный Вам А. Ухтомский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1119. Л. 1-2. Автограф.

9.

Э.А. АСРАТЯНУ.

Луга. Шалово.

Дача Екатерины Васильевны.

20 июля 1928 г.

Дорогой Эзрас!

Я ничего не имею против того, чтобы Вы взяли 0,5 creatinini для опыта с нагрузкой, и план одобряю, потому что это сначала же входило в мои расчеты. Мы отказались от этого именно только потому, что не было креатинина. Я получил из-за границы всего только 1,0 gr – очень мало для систематических опытов. Этот грамм лежит у меня в кабинете в Научном институте¹ на письменном столе. Не знаю, получила ли лаборатория после того еще креатинин или нет. Это знает Алексей Николаевич.

Всего хорошего. Мой привет Вам и всем работающим в лаборатории. Кланяйтесь Алексею Николаевичу.

Я приеду в город между 24–26 июля.

Ваш Л. Орбели.

Моя жена и дочка Вам кланяются, просят приезжать сюда.

Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

10.

Э.А. АСРАТЯНУ.

29 июля 1929 г.

Дорогой Эзрас!

Я ничего не имею против того, чтобы Вы напечатали все Ваши работы на армянском языке в "Известиях Университета"¹. Кроме того, они, конечно, будут все полностью напечатаны на русском языке в таких журналах, как мы с Вами уговорились.

Спешу сообщить Вам то небольшое, что у нас есть по поводу выделения мочевины. Этих данных я ждал с нетерпением, может быть, не меньшим, чем Вы. Хотя я вполне был уверен в Вас и в Вашей работе, но проверка другими, более точными методами представлялась мне очень важной и особенно необходимой ввиду того, что критика методов исходила от моего же сотрудника.

До настоящего времени А.А. Данилов успел произвести три опыта: 2 с нагрузкой 30 gr мочевины и 1 с нагрузкой 50 gr мочевины +500 gr воды. Данные очень меня обрадовали, потому что во всех случаях обнаружился фактические откло-

нения, описанные Вами: именно проценты мочевины в плазме и в моче очень точно совпадают с Вашими. Точно так же – концентрационные индексы для C_g и для U . Это самое существенное и оправдывающее достаточную точность и старых методов. В этих фактических данных я считаю очень существенным то, что индексы перекрестились: C_g стало выше, чем C_r , так же как в Ваших опытах. Это было, кажется, только в 1 из опытов. Что касается расчетов по формулам Вг. Rehberg'a, то я их всегда считал и считаю делом временным, наносным. Но и тут в одном опыте (во втором с 30 г мочевины) получились отношения, как у Вас: U_E вдвое больше, чем U_F ; в двух же других опытах: в первом, о котором Вы пишете, и в опыте с 50 г U оказалось меньше, чем U_F . В опыте III с 50 г был очень большой диурез и процент мочевины в моче не достигал высоких цифр, по-видимому, такое явление, которое иногда бывало у Вас и у Starling'a, – усталость или интоксикация почки. К сожалению, Данилов уехал на месяц в отпуск и дело прервалось. Но для меня этого достаточно, важно, что Ваши данные не объясняются "плохой" методикой или неточными анализами. Надо теперь собрать еще материал и побольше иметь случаев с большим процентом Urea в моче и при них сделать расчеты.

Всего хорошего. Поклон Вашей маме, ректору и всем друзьям в Эривани.

Л. Орбели.

Я, кажется, поеду 1 августа, все готово, кроме командировочных денег, которые Москва еще на напечатала.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

11.

Э.А. АСРАТЯНУ.

*Не позднее 5 июня 1930 г.**

Дорогой Эзрас!

1) Работа "О влиянии удаления симпатических узлов на условные рефлексy" напечатана в "Архиве биологических наук" (изд[ание] Инст[итута] Эксп[ериментальной] мед[ицины])¹, вышла несколько дней тому назад. Оттисков приготовлено только 25, так как я не знал их правила, не заказал вовремя. Постараюсь купить несколько номеров журнала. Издана работа очень хорошо, все рисунки напечатаны.

2) Работа "Об утомляемости почек" печатается в "Изв[естиях] Научного Института"², прошла 2 корректуры, выйдет на днях.

3) Работа "О выделении мочевины"³ будет печататься в ближайшем выпуске "Изв[естий] Научного института"; я перенес на один выпуск позже по 2-м причинам: 1) она посвящена ректору⁴, а предыдущий номер "Известий" посвящен памяти Вревского и Сушкина; 2) я хотел дождаться результатов Денисова с применением новых методов количественного определения мочевины и креатинина, чтобы не вышло недоразумения. Работа будет напечатана, но несколько в смягченной форме.

4) "Зависимость между выделением хлоридов и мочевины"⁵ тоже будет напечатана в ближайшем номере "Известий Научного института" вместе с работой № 3.

Дорогой Эзрас! Лучше не начинайте возиться с харьковскими прохвостами – испортите себе нервы, а с них, как с гуся вода!!!⁶

Всего хорошего. Жду в августе.

Ваш Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

* Датируется по содержанию письма. (Примеч. сост.)

Ленинград.

5 июля 1930 г.

Дорогой Эзрас!

Получил Ваше письмо из Харькова и был очень тронут. Получил и раньше Ваше письмо из Эривани, но тогда совсем не мог написать ни строчки. Теперь кончил лекции, стало немного легче. Меня очень радует, что Вы работаете, создаете лабораторию и школу. Радуюсь успеху Вашей работы, радуюсь и тому, что Вы скоро опять приедете сюда на более долгий срок. Относительно работы у Павлова¹, конечно, считаю ее очень полезной и даже необходимой. Постараюсь устроить Вас у него, но, конечно, не могу обещать за него; я думаю, что он не откажет, если будет место.

Итак, до осени!

Передайте мой низкий поклон Якову Гарегиновичу (ректору) и проф. Кечеку, а также Ротинянам.

Ваш Л. Орбели.

Мои сотрудники и семья с радостью приняли известие о Вашем скором приезде к нам.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

Москва.

28 июля 1932 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Пользуюсь наличием машинки у моего приятеля, чтобы избавить Вас от необходимости разбирать мой почерк. Разрешите доложить о результатах моей поездки.

Бронера в Москве не оказалось, он находится сейчас в Кисловодске. Я обратился непосредственно в бюро заграничной информации. Оказалось, что там вполне осведомлены об обоих делах¹; не только о гальванометре, но, как мы правильно предполагали, и о стипендии. В силу этого никаких неудобств от отсутствия Бронера я не испытал. Ваше письмо к нему я оставил в бюро, оно будет передано Бронеру по возвращении.

Относительно гальванометра я получил обещание, что наш заказ в ближайшие дни будет передан в Кембридж. Во избежание искажений, я разобрал с секретарем весь текст нашей спецификации. Я просил, чтобы в заказе было подчеркнуто, что мы пользовались каталогом 1913 г., и просим выслать все имеющиеся улучшенные модели приборов, указанных в спецификации. Мне обещали, что будут приняты все меры к освобождению приборов от пошлины, но категорически в данный момент гарантировать не могли.

По вопросу о стипендии в бюро ожидали поступление заявлений от аттестованных Вами кандидатов, поэтому никаких разговоров по существу дела не было. Пришлось дать разъяснение о моей принадлежности к Наркомздраву². Этот вопрос, по-видимому, урегулирован. Я сдал Ваше обращение в Наркомздрав и мои анкеты*, и дело вступило, таким образом, в фазу осуществления.

Я не получил никаких обещаний о выполнении Вашего ходатайства и, конечно, ничего не спрашивал об этом. Могу говорить лишь о впечатлении, которое вынес из разговора. Судя по тому, что мне не было задано ни одного вопроса по существу дела, можно думать, что бюро имеет определенные указания со стороны Бронера. Между прочим, меня спросили, будут ли Вами представлены еще какие-нибудь

* К письму приложен Curriculum vitae А.Г. Гинецинского. (Примеч. сост.)

кандидаты. Я ответил, что Вы не предполагаете представлять больше никого. Заведующий бюро меня переспросил: "Значит, больше никого профессор Орбели не представит?" Я подтвердил, что на этот раз от Вас кандидата больше не будет. Мне показалось, что это было принято с удовлетворением. Я взял на себя смелость ответить на этот вопрос в решительной форме, так как в разговоре со мной Вы однажды касались этого вопроса и сказали совершенно определенно, что по ряду соображений Вы решили на этот раз ограничиться представлением одной моей кандидатуры. Мне хотелось бы надеяться, что Вы не сочтете, что я слишком далеко зашел в выполнении данного мне поручения. Для меня было бы чрезвычайно тяжело навлечь на себя Ваше неудовольствие, в особенности в этом вопросе, где я чувствую себя бесконечно Вам обязанным.

В общем, несмотря на то что в Наркомздраве были достаточно осведомлены по обоим вопросам, моя поездка оказалась весьма уместной. Несомненно, что простая присылка бумаг привела бы к недоразумениям и к потере времени, так как мне пришлось выяснить здесь ряд существенных деталей (по вопросу о порядке заказа, о взаимоотношениях между Институтом и Наркомздравом по данному заказу, о моем отношении к Наркомздраву и т.д.).

Как будто бы все. Пользуюсь случаем еще раз принести Вам свою глубочайшую признательность. Прошу передать привет Вашей семье.

Искренне преданный Вам А. Гинецинский.

P.S. По Вашей просьбе напоминаю Вам о письме к Брюкке и об уведомлении Ивана Петровича о том, что я сослался на их рекомендацию.

Завтра выезжаю из Москвы.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 300. Л. 1. Авторизованная машинопись.

14.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

4 октября 1932 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Могу приехать для доклада о конгрессе¹ в Ленинград не раньше 22 и быть в Ленинграде с 22 по 25.

Ко времени моего приезда на доклад будет ясно и с вопросом о работе по созыву конгресса, и мы сумеем обсудить соответствующие дела.

С товарищеским приветом Х. Коштоянц.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 584. Л. 1. Автограф.

15.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

14 апреля 1934 г.

Дорогой Леон Абгарович!

В связи с Вашей телеграммой от 11 апреля сообщаю, что 5 апреля мною была получена телеграмма Ленинградского университета, которой университет сделал приглашение Йордану как о приглашении в Ленинградский университет, так и ВИЭМ и физиологическое общество.

Йордан с большой готовностью принял эти предложения, и мы составили следующий план пребывания Йордана в Ленинграде:

22 утром – прибытие в Ленинград;

вечером – доклад в Ленинградском Обществе естествоиспытателей¹ на тему: «Закон "все или ничего" и рефрактерный период на нервах»;

23 утром – осмотр лабораторий Университета и собеседование;

вечером – доклад в Физиологическом обществе по Вашему приглашению на тему: "Роль состояния активности центров для рефлекторных явлений на периферии";
24 – осмотр Ленинградских учреждений (ВИЭМ, Ваши лаборатории);
25 – отъезд за границу поездом на Гельсингфорс.

Очень жалею, что не получил от Вас ответа на мою просьбу принять участие в предстоящем совещании по вопросам сравнительной физиологии² (16–17 апреля). Повестку совещания Вы, вероятно, получили.

Сейчас ежедневно проходят у меня в лаборатории крайне интересные лекции профессора Йордана для сотрудников по вопросам сравнительной нервно-мышечной физиологии.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге.

Ваш Х. Коштоянц.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 584. Л. 2. Автограф.

16.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

30 сентября 1934 г.

Дорогой Леон Абгарович!

В высшей степени сожалею, что не имел возможности дожидаться Вас в Севастополе. Крепс, вероятно, говорил Вам о том, как меня вызвали в Ленинград и как я отсиживался сколько мог.

Я хотел информировать Вас о работе Ракель, которую она намеревается доложить на съезде¹ (о ритмической деятельности *m. sartorii*). Вы, вероятно, помните фактический материал, который мы считали достаточно убедительным. Как и следовало ожидать, для Ракель возникли трудности при литературной обработке. Поэтому мне пришлось внести в работу весьма радикальные изменения. Я надеюсь, что Ракель будет иметь возможность показать Вам работу и получить от Вас указание перед докладом.

Относительно остальных дел имею сообщить следующее:

1. Надежда Исаевна заканчивает первый цикл намеченной проблемы об энергетике потенциалов покоя, исследуя комбинирование влияния моноиодацетата кислоты и анаэробноза на потенциалы мышцы². После этого (примерно через месяц) она перейдет к исследованию влияния *n. sympathicus* на потенциал покоя мышцы.

2. Софья Георгиевна приступила к исследованию влияния наркотических и вызывающих контрактуру веществ на потенциал покоя мышцы и нерва. Работа продвигается хорошо.

3. Елена Юрьевна продолжает исследование оптимальных условий раздражения различных симпатических волокон у лягушки³.

4. Надежда Исаевна вместе со мной в ближайшие дни приступит к заканчиванию темы об акционных потенциалах в пессимальном состоянии⁴.

У нас внизу поставили печь. Надеюсь, что удастся высушить помещение. Сейчас там работать со струнным гальванометром нет никакой возможности. Кругом утечка переменного тока. Если эту неприятность ликвидируем, надеюсь закончить этот раздел работы к концу ноября и перейти к влиянию *n. sympathicus* на электрическую характеристику пессимального состояния.

5. В Севастополе мне удалось получить не лишенного интереса материал о токах гладкой мышцы во время тонического состояния⁵. По Вашему возвращению я продемонстрирую Вам кривые.

Ждем Вас обратно, но обязательно хорошо отдохнувшим.

Искренне преданный А. Гинецинский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 300. Л. 4. Автограф.

17.

Л.А. ОРБЕЛИ.

9 октября 1935 г.

Многоуважаемый Леон Абгарович!

Я позволил себе 22-го августа 1935 г. направить по адресу Академии наук в Ленинграде письмо с просьбой не отказать принять участие в облегчении моей участи к скорейшему выходу из лагерей, дабы иметь возможность продолжать свою работу в качестве полноправного гражданина СССР.

Я истинно могу Вас заверить, что Ваши заботы и хлопоты обо мне не пропадут даром и дадут государству вполне еще продуктивного и энергичного работника, вполне преданного Советской власти.

Войдите в мое положение добросердечно и уменьшите мои душевные переживания.

Что мне приходится переживать и пережить уже 6 лет, Вы, несомненно, представляете, и прекратить переживания может одно лишь освобождение и вступление в семью честно трудящихся.

Извиняюсь за причиняемое беспокойство, в полной надежде на Ваше внимание и помощь.

Искренне уважающий Вас А.Л. Попов¹

Письмо это посылаю потому, что совершенно непонятно кто и чего он хочет от тебя. Причем ни в письме, ни на конверте нет адреса.

Лиля*.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 1. Автограф.

18.

Народному Комиссару обороны Маршалу Советского Союза
Климентию Ефремовичу ВОРОШИЛОВУ.

Москва.

16 марта 1936 г.

Глубокоуважаемый Климентий Ефремович!

Кончина моего учителя академика Ивана Петровича Павлова поставила передо мной целый ряд новых задач, которые до известной степени сталкиваются с интересами моей прежней работы и требуют внесения некоторых перемен в распорядок моего труда. Отдавая себе отчет в важности вопросов, связанных с обороной нашего Союза, я не хотел бы предпринимать никаких шагов, не посоветовавшись с Вами как руководителем этой обороны. В силу этого я позволю себе обратиться к Вам с просьбой уделить мне несколько минут времени для обсуждения некоторых волнующих меня вопросов¹.

С истинным уважением

Л. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Отпуск машинописный.

19.

Ученому секретарю Биогруппы АН СССР
тов. Е.Д. РАМОНОВУ.

21 сентября 1936 г.

Не понимаю, о каком оборудовании моей лаборатории идет речь¹. Если о том, которое было выделено для тов. Русинова и Молокова, то я его не считаю своим, и Президиум вправе распоряжаться. Если же речь идет о том, которое перевезено

* Приписка сделана рукой жены Л.А. Орбели. (Примеч. сост.)

уже в Ленинград во исполнение постановления Президиума АН СССР, то всякую попытку передать его кому бы то ни было буду рассматривать как попытку срыва моей работы и буду категорически протестовать.

28 сентября мой доклад состояться не может, так как в ближайшие дни я должен отбыть в Севастополь и Балаклаву для окончания ведущейся там по приказу Наркомата обороны под моим руководством ответственной оборонной работы².

Прошу назначить мой доклад после 15 октября с.г.

Директор Института академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 26. Л. 1 и 6. Автограф.

20.

Л.А. ОРБЕЛИ*.

Москва.

19 июня 1938 г.

Многоуважаемый Леон Абгарович.

Прежде всего я хочу поблагодарить Вас за радушный прием в Колтушах, посещение которых доставило мне большое удовольствие. Я много думал о той большой интересной, но в то же время очень трудной задаче, которая стоит перед Вами, и я хочу поделиться своими соображениями.

Главная трудность этой задачи заключается в несомненной длительности ее выполнения. Вы сами определяете, что первые результаты получатся не ранее, чем через десять лет, и, может быть, этот срок даже преуменьшен. А кроме того, при теперешней постановке работы представляется мало вероятным, чтобы за это время удалось закончить хотя бы какие-либо предварительные работы, заслуживающие опубликования.

Причина этого лежит, по-моему, не столько в трудности проблемы – проблема генетики темперамента очень трудна, – сколько в особенностях той популяции собак, с которой Вам приходится работать.

Представьте себе, что мы упростили бы проблему, заменили ее, например, такую простою, как генетика окраски собак. Эта проблема ни для чего не нужна, и на нее жаль было бы затратить даже одну тысячу рублей, и она не требует никаких анализов, а лишь элементарных наблюдений. Но при имеющейся в Колтушах собачьей популяции она почти неразрешима и потребует для неполного разрешения десятки лет. Во-первых, у Вас нет, может быть, ни одной гомозиготной по окраске собаки, и при скрещивании двух более или менее одинаковых по окраске собак должно получиться расщепление. Придется выждать несколько поколений, чтобы получить с уверенностью гомозиготных по окраске собак. А во-вторых, в популяции не хватает ряда окрасок, типичных для некоторых собачьих рас: придется ждать возникновения редчайших мутаций или сознательно подбирать материал со стороны.

Те же два недостатка имеются в Вашей популяции и для решения проблемы генетики темперамента. Только здесь дело осложняется трудностью анализа каждой собаки, который требует, вероятно, несколько месяцев и для каждого производителя и для каждого потомка. Очень жаль, что большая часть этой громоздкой работы будет пропадать задаром.

Я по-прежнему вижу единственный выход в том, чтобы заменить смешанную колтушинскую популяцию собак несколькими заранее подобранными "породами" собак, которые мы можем считать в значительной степени подобранными именно по

* Письма Н.К. Кольцова Л.А. Орбели частично были опубликованы нами в журнале "Природа" (1992. № 6. С. 95–97). (Примеч. сост.)

темпераменту. Ведь всякий без глубокого анализа скажет, что сторожевая овчарка отличается по темпераменту от охотничьего сеттера, добродушный сенбернар – от злобного бульдога "боксер", доберман-пинчер – от стремительной и глупой высокой борзой, флегматическая и почти меланхолическая туркестанская лайка – от живого и деятельного фокстерьера. Чрезвычайно благодарная и, я полагаю, нетрудная задача: выразить эти явные отличия в темпераменте в точных терминах по методу условных рефлексов. Если Вы приобретете несколько выводков таких чистокровных племенных собак, то уже через год у Вас будут законченные и вполне пригодные для опубликования исследования по темпераменту отдельных пород. Нет никакой необходимости торопиться с гибридизацией, так как задача выяснения типов поведения определенных пород не менее важна для генетики, чем изучение расщеплений при скрещивании. А когда, убедившись в гомозиготности по темпераменту своих племенных производителей, Вы приступите к скрещиваниям, то будете уверены, что уже первое поколение даст определенные интересные результаты.

Есть и другая тема, которая не возьмет много времени и может проводиться попутно: эволюция темперамента с возрастом. На беспородных гетерозиготных собаках эта тема не может быть проведена, так как даст смешанные результаты, зависящие от гетерозиготности.

Третья тема: влияние полового цикла у самки на проявление темперамента, также не требует большого времени опять-таки при том необходимом условии, чтобы работа производилась на племенных, подобранных более или менее по генотипу, животных.

Конечно, и среди определенных пород встречаются особи не вполне сходные по темпераменту, но эти различия по объему значительно меньше, чем различия между беспородными дворняжками. Все, что я пишу, Вы, конечно, и без меня хорошо знаете, и я понимаю, что главным затруднением является стойкость колтушинских традиций. Нет необходимости сразу заменять всех беспородных собак племенными, можно и постепенно приобретать одну за другой породу, преимущественно сразу целыми гнездами в возможно большем числе братьев и сестер, и если это будут молодые щенки, сразу же ставить с ними работу по индивидуальному развитию темперамента хотя бы в начале и не по методу условных рефлексов. Можно придумать целый ряд специальных методов для изучения щенят: бег по колесу или бег шагомером, наблюдения и пр. Это тоже тема на несколько месяцев работы.

Для постепенного перевода своего питомника на питомник племенных собак Вам, конечно, требуется хороший специалист, знающий породы собак. Я очень рекомендую для этой цели Леонида Викторовича Крушинского, о котором Вы меня спрашивали и которого я в свое время рекомендовал покойному И.П. Павлову. Иван Петрович сказал тогда: "Пусть сначала он окончит аспирантуру". Крушинский аспирантуру кончил и защитил кандидатскую диссертацию, сейчас работает старшим научным сотрудником в Московском университете, в лаборатории М.М. Завадовского. Он много работал в питомниках военного ведомства по темпераменту собак и хорошо знает собачьи породы. Жена его кончает аспирантуру в моем институте, также хорошо работает в области физиологии развития, и я убеждаю Крушинского переселиться совсем в Ленинград, так как в Москве при университете он не сможет, конечно, продолжать свои работы по генетике темперамента собак, а этой проблемой он очень увлекается. И для Вас он, конечно, будет полезен, так как хорошо знает генетику, с одной стороны, и собак, с другой.

Простите, что написал Вам целую диссертацию. Но Вы были так любезны, показывая мне свою станцию, что мне хотелось оставить некоторый след своего посещения. Другой след я оставил в виде портфеля с несколькими своими от-

тисками в Вашем кабинете. Он мне не очень нужен, но, может быть, при случае захватите с собой в Москву.

Мы с Марией Полиевктовной очень рассчитываем на то, что Вы посетите наш Институт.

Привет от нас Вашей супруге.

Уваж[ающий] Вас Ник[олай] Кольцов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 556. Л. 1–4. Автограф.

21.

Э.А. АСРАТЯНУ.

Ленинград.

13 июля 1938 г.

Согласно Вашей просьбе, излагаю в письменной форме сообщение, сделанное мною на общем собрании сотрудников Института физиологии имени Павлова АН СССР в связи с выдвижением кандидатур в члены-корреспонденты АН СССР. При обсуждении кандидатур проф. Пинеса и проф. Асратяна в ответ на вопрос одного из товарищей: выдвигает ли Институт мозга имени Бехтерева¹ только кандидатуру Пинеса или также и Асратяна, я ответил, что такой вопрос был мною поставлен пришедшим ко мне председателю месткома и секретарю партбюро Института мозга, на что они оба ответили, что Институтом мозга выдвигается только кандидатура Пинеса, а от выдвижения т. Асратяна Институт воздерживается, так как для обеспечения работы т. Асратяна Институтом произведены большие затраты, ему дано хорошее помещение, чуть не половина бюджета всего Института, штат в 12 человек, но все это, оказывается, недостаточно использовалось; тов. Асратян не оправдал тех надежд, которые на него возлагались, и тех расходов, которые на него произведены, что он уделяет недостаточно времени и внимания своим сотрудникам по Институту. Сообщить, что именно из указанного выше было сказано одним или другим из товарищей, я затрудняюсь.

Академик Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

22.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

3 июня 1939 г.

Многоуважаемый Леон Абгарович!

Я вернулся из разрешенного мне Президиумом Академии отпуска, который потребовали врачи, и застал здесь еще совершенно невыясненное положение¹.

Поскольку я отстранен от должности директора бывшего Института экспериментальной биологии, я имею право интересоваться только своей судьбой. Академия постановила обеспечить мне личную научную работу, и я думаю только о ней. По-видимому, из моей квартиры и из моей лабораторной комнаты (совершенно обособленных в здании Института) меня не предполагается выселять. Но у меня нет совместительства, и единственную зарплату я получал из Института экспериментальной биологии. Сохранится ли эта зарплата? Будет ли утверждена моим помощником моя жена М.П. Кольцова (доктор биологических наук) и препаратором обслуживавшая до сих пор мою личную работу Е.П. Кумакова? Откуда мы будем получать зарплату и очень небольшие средства на научные расходы (последние я мог бы оплачивать и из своей зарплаты)? Я предпочел бы получить непосредственно из Академии, но если это нельзя, Вы можете приписать мою маленькую лабораторию (три штатных единицы) к любому из академических институтов – хотя бы к Вашему, физиологическому, так как в план моих работ

ближайшего времени входит продолжение работ по меланофорам нервного возбуждения², первая часть которой: "Исследования по раздражимости..." только что опубликована³.

Я охотно поговорил бы лично с Вами, но не знаю, когда Вы будете в Москве и где я могу Вас видеть.

Уваж[ающий] Вас Ник. Кольцов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 556. Л. 5. Автограф.

23.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Варзоб.

6 июня 1939 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Наконец устроили все организационные вопросы и с завтрашнего дня приступаем к систематической работе.

Оказалось, что для того чтобы наладить все, потребовалось больше времени, чем я рассчитывал. Особенно большие трудности были с получением нужных нам пород овец. В это время все овцы угнаны далеко в горы. Для того чтобы получить их, пришлось совершить довольно трудную, но в высшей степени интересную поездку за 300 км от Сталинабада¹. Для того чтобы получить соответствующие средства передвижения, обращались в различные организации, вплоть до ЦК партии.

Нужно отметить, что везде встретили весьма предупредительное отношение, и это дало возможность перевезти баранов в Варзоб.

В настоящее время мы владеем стадом в 16 голов со всеми вытекающими отсюда последствиями. То бараны забредут в питомник, и ботаники приходят в ужас. Наконец, сегодня раздобыли человека, который умеет разговаривать с баранами, и наши страдания кончились.

Наш план работы таков:

1. Исследование диссоциационных кривых у чистопородных гиссаров и у метисов (на Варзобской станции).

2. Определение процента насыщения артериальной крови, парциального напряжения в капиллярах крови, минутный объем крови, объем вентиляции и парциального напряжения CO_2 в артериальной крови и щелочного резерва у метисов и гиссаров на высотах 3000, 3600 и 4200 м в условиях естественных пастбищ².

Для первой части работы условия идеальны. Станция расположена в исключительно красивом месте. Прекрасные климатические условия. Очень много удобств в бытовом отношении (столовая, душ и т.п.). Мне кажется, мы должны поддерживать контакт с этой станцией, так как трудно представить себе более приятного места для работы в среднеазиатских условиях.

Вторая часть работы будет несколько сложнее. Здесь придется перейти на вполне бивуачное положение. Облегчающим обстоятельством является то, что мы ни разу не будем в расстоянии более чем 2 дня пути от станции, так что связь с культурным миром не будет окончательно потеряна.

Сильно надеюсь, что наш план будет выполнен как должно. Думаю, что наша поездка сюда будет полезна и для нашей дальнейшей животноводческой работы, так как здесь воспринимаются те конкретные впечатления, которых так не хватало в прошлом году. Интерес и уважение к научной работе здесь велики, и мы приложим все усилия, чтобы марка нашего Института осталась на должной высоте. Не уговариваю Вас приехать сюда, потому что в этом году это нереально, но на будущий год буду Вас сильно соблазнять. Здесь то место, где приятное с полезным комбинируется с чрезвычайной легкостью.

Мог бы написать Вам еще очень многого, но, вероятно, где-нибудь в коране сказано: "Долгие речи утомляют слушателя".

Поэтому разрешите закончить письмо пожеланиями самыми теплыми и искренними. Прошу Вас передать мой привет Елизавете Иоакимовне и Марусе с сыном. Написав последнее слово, испытываю трепет не иначе, как и мне через год быть дедушкой. Татьяна от Маруси до сих пор во всем опаздывала на один год.

Зоя Ивановна шлет Вам привет и просит передать его как-нибудь потеплее. Я, однако, ограничиваюсь формальной передачей, так как, по моим представлениям, теплота создается не описательным путем, но соответствующими приемами (относительно к методике "Агу"). Здесь я бессилен.

Итак, всего лучшего, дорогой Леон Абгарович. Я был бы очень счастлив, если бы Вы нашли возможным черкнуть пару слов. Адрес: Сталинабад, Таджикская ССР, Варзобское почтовое отделение, почтовый ящик № 1.

Искренне Ваш А. Гинецинский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 300. Л. 5–6. Автограф.

24.

АКАДЕМИКУ Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

19 июня 1939 г.

Ваши письма 19.6.39 переданы адъютанту Народного комиссара обороны комкору т. Хмельницкому для доклада тов. Ворошилову. Письмо в отношении тов. Загорулько передано заместителю Начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА.

Уважающий Вас комбриг

Найденков.

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

25.

Народному комиссару здравоохранения СССР
Г.А. МИТЕРЕВУ.

Ленинград.

Июль 1940 г.

О повышении квалификации врачей-психиатров.

С этой целью в Ленинградском ГИДУВе была открыта кафедра физиологии высшей нервной деятельности (М.К. Петрова)¹.

Начиная с 1941 г. необходимо открыть кафедру психиатрии, и я горячо рекомендую для занятия этой кафедры вполне подготовленного для этой цели человека – профессора А.Г. Иванова-Смоленского, который, будучи компетентным психиатром, сочетает в себе вместе с тем знания физиологии и патофизиологии высшей нервной деятельности.

В свое время он был выбран академиком И.П. Павловым для руководства психиатрической клиникой, каковую и ведет по настоящее время.

Организация в Ленинграде кафедры психиатрии для внедрения в массы практических врачей-психиатров современных достижений физиологии и патофизиологии высшей нервной деятельности человека, несомненно, является неотложной задачей, и положит начало подъема уровня и качества лечебной и профилактической работы здравоохранения в области психиатрии².

Директор Физиологического института имени И.П. Павлова
академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 79. Л. 284.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ереван.

7 марта 1941 г.*

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Будучи в Ереване, Вы мне сказали, что считаете для себя возможным ходатайствовать о Лео¹ в Москве.

Сегодня я узнала, что 15 февраля дело послали в Москву в НКВД, по-видимому, в особое совещание. Сообщаю Вам некоторые данные, которые могут Вам пригодиться.

1. Год рождения: 1879.

2. Арестован 16 июня 1938 г. органами НКВД.

3. Профессор Политехнического института и Университета и директор Химического института Армерана.

4. Обвиняется в группе профессоров за участие в контрреволюционной дашнакской организации².

Первый суд был 16 сентября 1939 г. Выездная сессия Военного трибунала Закавказского Военного округа приговорила к 8 годам с правом кассации.

Московская военная коллегия в марте приговор отменила со стадией предварительного следствия. С октября 1940 г. дело находилось в Военном трибунале. В январе 1941 г. дело вернули на доследствие. Маме сказали, что некоторые пункты обвинения недостаточно обоснованы и поэтому судить их они сейчас не могут.

А так как здесь не могли прийти к заключению (так сказал нам прокурор), то решили дело направить в Москву. Этого я больше всего боялась. В марте дело якобы должно закончиться.

Спасите Лео, дорогой Леон Абгарович, ссылки он, конечно, не вынесет. Может быть, сейчас легче предупредить приговор, чем потом его отменить.

Заранее бесконечно благодарю Вас и очень извиняюсь за беспокойство, которое причиняю Вам, но у меня кроме Вас никого нет.

Всего хорошего Л. Ротинян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 4. Автограф.

Заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР
Генеральному комиссару Государственной безопасности
тов. БЕРИЯ ЛАВРЕНТИЮ ПАВЛОВИЧУ.

Ленинград.

7 мая 1941 г.

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Простите мне настоящее мое обращение к Вам, вызванное исключительно желанием в наибольшей мере использовать в интересах Советской науки одного из крупнейших специалистов в области физиологии, профессора Евгения Михайловича Крепса.

Доктор биологических наук профессор Евгений Михайлович Крепс, ученик академика Павлова и мой, был в течение многих лет моим сотрудником в Военно-медицинской академии РККА, в ВИЭМе и Академии наук СССР, где с 1936 г. состоял в должности заместителя директора Физиологического института имени Павлова. Наряду с этим он несколько лет состоял членом и моим заместителем в комиссии по разработке вопросов аварийно-спасательного и водолазного дела в Военно-морском флоте и имеет исключительные заслуги в этих вопросах оборонной работы.

* Год установлен по содержанию письма. (Примеч. сост.)

В апреле 1937 г. Е.М. Крепс был арестован органами НКВД в Ленинграде и постановлением Особого совещания приговорен к исправительно-трудовым лагерям на 5 лет.

По моему ходатайству товарищ А.Я. Вышинский, в то время прокурор Союза, лично рассмотрел дело Крепса и, не находя состава преступления, опротестовал приговор. Дело было назначено к пересмотру, но после перехода товарища Вышинского на пост Заместителя Председателя Совнаркома СССР и вступления на пост Прокурора Союза товарища Панкратьева снято с пересмотра, а Крепс направлен в Магадан и дальше.

В результате моего обращения к Вам и Председателю Совнаркома СССР товарищу В.М. Молотову дело было пересмотрено и в феврале 1940 г. Е.М. Крепс был освобожден, а в мае 1940 г. возвращен в Европейскую часть СССР с правом повсеместного свободного проживания и работы за исключением трех городов: Москвы, Ленинграда и Киева, до окончания срока приговора. Это ограничение лишило меня возможности использовать в истекшем году Крепса для работы полностью, и я был вынужден ограничиваться отдельными поручениями на договорных началах, а между тем передо мной стоит сейчас целый ряд задач, требующих участия авторитетного ученого с большой эрудицией, с большим экспериментальным и организационным опытом. Этим требованиям в полной мере удовлетворяет именно Е.М. Крепс.

Будучи убежден в полнейшей преданности Крепса Советскому Союзу и интересам социалистического строительства, я и позволяю себе просить Вас о полной реабилитации Крепса, снятия судимости и ограничений на оставшийся последний год¹.

Я уверен, что Крепс своим честным и активным трудом вполне оправдает доверие Правительства и принесет большую пользу стране.

С глубоким уважением корврач академик Л. Орбели.

АРАН. Ф. 227. Оп. 3. Д. 416. Л. 4–5. Копия.

28.

Депутату Верховного Совета СССР
академику КОМАРОВУ В.Л.

Ленинград.

19 мая 1941 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Препровождая копию моего письма¹, адресованного Заместителю председателя Совнаркома СССР товарищу Берия Л.П., прошу Вас присоединить свой голос к моему ходатайству о снятии ограничений и о полной реабилитации профессора Евгения Михайловича Крепса. Я вполне уверен, что Крепс оправдает доверие и с пользой для страны будет честно и упорно работать в важных отраслях физиологии.

С искренним уважением и глубокой преданностью
Л. Орбели.

АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 416. Л. 3. Автограф.

29.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Фрунзе.

24 апреля 1942 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Необходима помощь в следующих вопросах:

1. Бесперебойное перечисление во Фрунзе сметных ассигнований по операционным расходам.

2. Внести ясность, куда направить двух сотрудников Академии наук Ботанического института, до сих пор находящихся во Фрунзе.

3. Надо отменить решение Президиума АН СССР о передаче белковой лаборатории (академика ВАСХНИЛ Перова) в Институт биохимии.

4. Необходимо подвести реальную базу под издательскую деятельность фрунзенской группы институтов АН СССР срочным переводом соответствующих средств и, самое главное, отгрузкой бумаги.

5. Вопрос о прибытии во Фрунзе представителя Техснаба АН СССР для организации Отдела технического снабжения институтов.

6. Предложить УКС АН СССР конкретно заняться вопросами строительства в условиях Фрунзе. В частности, в связи с возможностью и желанием приезда в Киргизию ряда академиков (Шмальгаузена, Зернова, Берга и др.) возникает вопрос о жилищном строительстве. Прошу Вас добиться выделения специальных фондов на жилстроительство, так как названные 400 тысяч рублей целиком пойдут на строительство лабораторных помещений.

7. Прошу Вас также проследить за дальнейшим финансированием меня по части материально-бытового фонда. Отпущенные 10 000 рублей весьма недостаточны, учитывая трудности времени и в особенности то обстоятельство, что приходится оказывать соответствующую помощь не только основному контингенту работников института, находящихся во Фрунзе, но и постоянно прибывающим, в частности из Ленинграда, работникам других институтов АН СССР.

8. Убедительно прошу Вас помочь нам в отношении транспорта. Не говоря о том, что нет машины для разъезда по городу ряда старейших наших академиков, проживающих во Фрунзе (Бах, Борисяк, Исаченко и др.), мы не имеем никакого транспорта для перевозки грузов.

9. Многие работники ставят вопрос о переводе во Фрунзе журнала "Общей биологии"¹ (в частности, члены редакции этого журнала: Румянцев, Соболев, Нуждин). Посоветуйтесь с И.И. Шмальгаузенем по этому вопросу. Как Вы решили окончательно вопрос о месте издания "Известий" (серия биологическая)?²

10. Мы имеем все основания здесь приступить к изданию очередных томов академического издания сочинений Дарвина³. Материалы все привезены С.Л. Соболев. Готовы к сдаче в печать V том ("Происхождение человека" и "Выражение эмоций"), а также переписка Дарвина⁴. Прошу Вас переговорить об этом с В.Л. Комаровым и добиться отгрузки нам высококачественной бумаги для реализации этого правительственного задания.

Я надеюсь, дорогой Леон Абгарович, что Вы примете меры для помощи нам по целому ряду пунктов, которые Вам изложил. Это еще более укрепит наши позиции, и мы сумеем с еще большей эффективностью вести научную работу на новом месте.

Из высылаемых в Свердловск⁵ отчетов Вы можете убедиться, что эвакуированные в Киргизию институты продолжают научно-исследовательскую работу и ряд работ уже дал свои практические результаты. Я прошу Вас вырывать иногда время и писать нам о делах Академии, об основных задачах, которые Вы как руководитель Отделения считаете нужным ставить перед нами.

Лично прошу Вас заинтересоваться: каково положение с выходом в свет тиража моей монографии о Сеченове?⁶

Шлю Вам и Вашей семье самый сердечный привет.

Ваш Х. Коштоянц.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 584. Л. 3-4. Автограф.

30.

В.Л. КОМАРОВУ.

Казань в Алма-Ату.

*Не позднее 23 апреля 1942 г.**

Убедительно прошу проверить вопрос судьбы лаборатории биофизики¹. Имеются предложения для доклада Вам, Президиуму. Действительно ли закрытие санкционировано Вами.

Академик-секретарь Биоотделения Орбели.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1103. Л. 6. Телеграмма.

31.

Президенту АН СССР академику В.Л. КОМАРОВУ.

Из Казани в Алма-Ату.

*Не позднее 7 июля 1942 г.***

Тронут Вашим поздравлением¹. Приложу все старания, следуя Вашему примеру, помочь усилению оборонных работ академии и связи с Красной Армией. Телеграмма получена во время объединенного научного собрания Биоотделения². Оно сочло приятным долгом приветствовать Вас как главу всей советской науки и, в частности, советской биологии.

Орбели.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1103. Л. 7. Телеграмма.

32.

Вице-президенту АН СССР,
академику-секретарю ОБН АН СССР Л.А. ОРБЕЛИ.

Казань.

16 мая 1942 г.

В течение 3-летнего пребывания в рядах действительных членов АН СССР мое участие в работах ОБН ограничивалось весьма скромным объемом, касаясь разработки небольших тем, проводимых в порядке так называемых индивидуальных работ академиков.

Поскольку ассигнования на индивидуальные работы носят в значительной мере спорадический и случайный характер, естественно, что разработку таких тем весьма трудно ввести в русло строго определенного плана, увязать их с изучением определенной крупной научно-исследовательской проблемы.

Такое положение вещей меня крайне не удовлетворяет, поскольку я ощущаю отсутствие органической связи между моей личной работой и деятельностью АН СССР в целом, поскольку такая ситуация обрекает меня на изоляцию от коллектива строителей передовой советской науки.

Я полагаю, что подобная ситуация вряд ли является рентабельной и для АН как учреждения, поскольку все виды моей научно-исследовательской, государственной и общественной деятельности, направленные, с одной стороны, на поднятие животноводства, а с другой – на охрану здоровья трудящихся, остаются вне сферы внимания АН, не находят своего отображения ни в планах, ни в отчетах высшего научного учреждения нашей страны. Вышеизложенное заставляет меня обратиться к Вам со следующей просьбой – организовать при ЗИНе АН СССР особую гельминтологическую лабораторию¹ в составе 4-х штатных единиц: заведующего, старшего научного сотрудника, микроскописта-художника и лаборанта. В этой

* Датируется по дате смерти академика П.П. Лазарева. (Примеч. сост.)

** Датируется по дню рождения Л.А. Орбели. (Примеч. сост.)

лаборатории будет культивироваться особое направление: изучение морфологии, биологии, систематики и географии возбудителей гельминтозов сельскохозяйственных и промысловых животных, что послужит теоретической базой для разработки проблем профилактики и гигиены, имеющих огромное народнохозяйственное значение. Тем самым это маленькое учреждение явится тем звеном, которое увяжет теорию гельминтологической науки с запросами производства, достижения которого будут использованы широкими кругами ветеринарии и зоотехники.

Поскольку формы и направления моей научно-исследовательской деятельности в области гельминтологии в значительной степени разнятся от направления паразитологической школы академика Е.Н. Павловского, проводимого в ЗИНе, ходатайствую об учреждении особой гельминтологической лаборатории не при паразитологическом отделе, а независимо от последнего при ЗИНе.

Так как работы этой лаборатории будут касаться изучения проблем, связанных с животноводством и промысловым звероводством, я не возражал бы против присвоения этой лаборатории наименования: "Особой лаборатории по ветеринарно-гельминтологическим проблемам при ЗИНе АН СССР".

В план работ 1942 г. указанной лаборатории я предполагал бы включить следующие темы:

1. Создание монографии "Гельминтозы домашних и охотничье-промысловых птиц". Т. 1. "Трематоды и вызываемые ими заболевания" с атласом рисунков.

2. Составление определителя родов дигенетических трематод. Ч. 1. (около 20 семейств).

3. Изучение антигельминтической эффективности фенотиазина при комплексной трихостронгилидозной инвазии овец (экспериментальная работа)².

В заключение должен сказать, что 8 мая 1942 г. я беседовал на эту тему с директором ЗИНа академиком С.А. Зерновым, который заявил мне буквально следующее: он не только не возражает, но приветствует создание при ЗИНе особой гельминтологической лаборатории при условии, если испрашиваемые мною штатные единицы не будут заимствованы из штата ЗИН, а будут даны ЗИНу дополнительно.

Считаю необходимым добавить, что во избежание обременения бюджета ЗИН я согласен в 1942 г. работать в указанной лаборатории безвозмездно.

Поскольку особая гельминтологическая лаборатория будет проводить работу на базе Института моего имени³, находящегося в системе Наркомзема СССР, она будет освобождена от расходов как на коммунальные услуги, так и на приобретение оптического и другого основного оборудования, за исключением мелкого лабораторного инвентаря.

Заслуженный деятель науки

академик К.И. Скрябин.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1343. Л. 5-6. Подлинник. Автограф.

33.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Фрунзе.

24 июня 1942 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Из устного сообщения Ученого секретаря ОБН Р.Л. Дозорцевой мне стало известно о поступлении на меня целого ряда жалоб.

Прошу поставить об этом меня в известность.

Ваш Х. Коштоянц.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 584. Л. 5. Автограф.

34.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Казань.

4 августа 1942 г.

[В] составе лаборатории биофизики серьезных научных сил [для] продолжения исследований покойного академика Лазарева не имеется. Из работников Лазарева остался один Макаров. Вопрос следует обсудить [на] Президиуме¹. Прошу подготовить заключение. Семья Лазарева [в] тяжелом материальном положении. Необходимо выслать вдове пособие [в] размере одной тысячи рублей. Прошу продвинуть назначение пенсии.

Президент академик В. Комаров.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 132. Л. 1. Копия правительственной телеграммы.

35.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Казань.

12 августа 1942 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Обращаюсь к Вам с жалобой по следующему делу: 20-го минувшего июля я через ученого секретаря Ньютоновской комиссии¹ передал заведующему военным столом тов. Зотову бумагу о необходимости ходатайствовать об освобождении ученого секретаря Ньютоновской комиссии М.И. Радовского от призыва.

Член Ньютоновской комиссии академик Петр Леонидович Капица сообщил мне, что моя бумага оставалась у Зотова неотправленной до 30 июля.

Прошу Вас о таком промедлении Зотовым в исполнении своих прямых обязанностей назначить следствие для установления причины промедления.

С истинным уважением искренне преданный А. Крылов.

Казань, ул. Чернышевского, 18, Институт физических приборов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 603. Л. 1. Автограф.

36.

Вице-президенту АН СССР и академику-секретарю
Отделения биологических наук АН СССР академику Л.А. ОРБЕЛИ.

16 августа 1942 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Р.И. Белкин, которого я хорошо знаю несколько лет по совместной работе по редактированию биологической литературы, должен был в декабре 1941 г. взяться за руководство академическим издательством. Преодолев немалые трудности, т. Белкин добился оздоровления финансового положения Издательства, выпуска академических журналов и книг и т.д.

Р.И. Белкин повторно и настойчиво ходатайствует об освобождении его от исполнения обязанностей директора Издательства, и ныне я согласился удовлетворить его просьбу, о чем поставил в известность Президиум АН СССР.

По окончании работы по руководству Издательством Р.И. Белкин хочет продолжить свою исследовательскую работу по изучению научного наследства классиков естествознания, великого русского ученого И.И. Мечникова и подготовить труды его к изданию под моей и Вашей редакцией¹.

Вполне одобряя это желание, я прошу Вас, Леон Абгарович, зачислить Р.И. Белкина на должность старшего научного сотрудника при ОБН² (пока не восстановлена Комиссия по истории знаний) с возложением на него указанных обязанностей.

По моему мнению, назрел уже вопрос о передаче музея И.И. Мечникова, где собрано богатое научное наследство Ильи Ильича в подлинных рукописях³, из ведения Наркомздрава в ведение АН СССР, с чем согласен и НКЗдрав.

Если Вы разделяете мое мнение по этому вопросу, то прошу Вас через Президиум АН СССР войти с соответствующим ходатайством в Совнарком СССР, и я к такому ходатайству охотно присоединюсь.

Президент АН СССР академик В.Л. Комаров.

АРАН. Ф. 227. Оп. 4. Д. 132. Л. 2. Автограф.

37.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

17 сентября 1942 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Просим поддержки в начатом деле – организации Ученого совета для защиты диссертаций по физико-математическим и химическим наукам¹.

Здесь имеется более 20 лиц, которые могли бы немедленно защитить кандидатские диссертации, но которые не смогут в ближайшее время ехать куда-нибудь для защиты, так как их попросту не отпускают с оборонных работ. Им нужно помочь. Здесь есть и моральная и чисто материальная сторона: кандидаты наук будут иметь ряд льгот (П.П. Кобеко и Шенкману удалось на днях получить согласие на питание в столовых без выреза талонов).

Если Вы считаете правильным наше предложение, позвоните, пожалуйста, тов. Кафтанову и попросите его форсировать это дело.

О ленинградской жизни Вам подробнее расскажет Михаил Ефремович. Пока очень тихо и мирно, пайки прежние, разбираем все деревянные дома, готовимся к зиме.

Весь ученый мир, с которым я хорошо познакомился по подаркам, спрашивает: а будут ли еще подарки?²

Я до января остаюсь в Ленинграде на работе в Физико-техническом институте, где очень нужны физики. Если у Вас есть какие-либо поручения, буду очень рад их выполнить.

В. Джелепов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 378. Л. 1–2. Автограф.

38.

Заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР
тов. ЗЕМЛЯЧКЕ Р.С.

Не ранее сентября 1942 г.

На Ваш запрос от 3 сентября о возможности массового применения в войсках Красной Армии препарата "фенамин" (бензедрин) сообщая:

Фенамин (бензедрин) представляет собою хорошо изученный препарат симпатомиметрического ряда с преимущественным центральным действием. Воздействуя на центры вегетативной нервной системы, он через их посредство оказывает влияние на остальную нервную систему, регулирует происходящие в ней основные физиологические процессы, усиливает циркуляцию крови в организме, повышает обмен веществ в тканях, в частности в мозговой, снимает явление утомления, дает ощущение свежести, бодрости, объективно повышает работоспособность как физическую, так и психическую, устраняет сонливость и дает возможность легко работать без сна в течение всей ночи. Все это дает основание рекомендовать его в тех случаях, где требуется выполнение или чрезмерно напряженной работы в короткие

отрезки времени, или непрерывной работы без отдыха и сна. У нас в Союзе препарат с этой точки зрения хорошо изучен работниками ФИНа (Гинецинский с сотрудниками), физиологической лаборатории Ленинградского университета (проф. М.И. Виноградов). М.К. Петрова – на собаках; Иванов-Смоленский изучал лечебное действие фенамина у душевнобольных с депрессивным состоянием. Х.С. Коштоянц и профессор фармакологии В.И. Скворцов также изучали действие фенамина.

Все это свидетельствует о безвредности применения фенамина при правильном его применении и о целесообразности его использования как адекватного стимулятора нервной системы. Поэтому необходимо обеспечить производство фенамина в количествах, достаточных для широкого применения его в Красной Армии и Военно-морском флоте, в лечебных учреждениях Минздрава, а также на заводах в период особенно напряженной деятельности.

Однако это широкое применение не должно носить характера поголовного снабжения бойцов и командиров, а под контролем врачей и проводиться согласно инструкции, подготовленной Главным Военно-санитарным управлением Красной Армии. Инструкция согласована со мной и мною визирована.

Считаю весьма важным отпечатание в виде брошюры большим тиражом статью Гинецинского, Барбашовой, Шамариной¹.

Нужно применять фенамин в тех случаях, когда организму предъявляются особенно тяжелые условия работы: ночные полеты, вахтенная служба, ночные дежурства, трудная разведка, большие переходы пехоты, напряженная атака.

Академик, генерал-полковник медицинской службы Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 314–316. Автограф (черновик) письма.

39.

Л.А. ОРБЕЛИ.

8 декабря 1942 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Несколько месяцев назад, воспользовавшись отъездом в г. Казань заместителя директора Ленинградского института литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР М.М. Калаушина, я послал лично Вам рукописную книгу (единственный экземпляр) перевод из Терьяна¹ с заметками академика И.Ю. Крачковского. Работал я над этой книгой будучи в рядах Красной Армии, в условиях блокады города. Если что-либо известно Вам о судьбе моих переводов, очень прошу Вас сообщить по адресу: 506, Полевая почта, часть 055, Камсару Нерсесовичу Григорьяну.

Извините, что вынужден беспокоить Вас,

Искренне уважающий Вас К. Григорьян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 335. Л. 1. Автограф.

40.

Начальнику горотдела НКВД г. Златоуста.

Казань.

Не позднее декабря 1942 г.*

По договоренности с заместителем начальника 1-го спецотдела НКВД СССР тов. Кузнецовым прошу Вас сообщить мне в пределах дозволенного следующие сведения о заключенном в тюрьме при Вашем отделе гражданина Улащик Николая Николаевича, арестованного 23 июня 1941 г. в Ленинграде.

1. Жив ли?

2. Здоров ли?

3. Болен чем?

* Датируется по письму № 41. (Примеч. сост.)

4. По какой статье привлекается?
5. Закончено ли следствие?
6. Если приговорен, то к чему и на какой срок?
7. Разрешается ли переписка, посылка денег и т.д.

Ответ благоволите направить через спецотдел АН СССР: Казань, ул. Чернышевского, 18.

Улащик Н.Н. – год рождения 1906, окончил в 1929 г. исторический факультет в Минске, работал в последние годы педагогом в средней школе в Ленинграде. Арестован 23/VI–41 г. и выслан 10/VII–41 г. в Златоуст.

Был принят в Институт истории АН СССР для работы над диссертацией. Допускаю, что Н.Н. Улащик мог явиться жертвой клеветы.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 107. Автограф (черновик).

41.

Вице-президенту АН СССР Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

18 декабря 1942 г. № 13/М.

Сообщаю, что Улащик Н.Н. осужден особым совещанием к ссылке в один из районов Новосибирской области

Старший помощник Прокурора СССР Шаховской.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 103. Машинопись.

42.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Вологда.

29 августа 1943 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Вернувшись в Вологду, я нашел здесь письмо от П.С. Вайнберга, в котором он сообщает, что у них в ГИДУВе, оказывается, нет бумаги и в ближайшее время не будет и т.д. Это заставляет меня, таким образом, искать других путей для издания моей книги¹, и я опять пишу Вам: было бы отлично, если бы – как Вы в Москве говорили – удалось бы пустить книгу в издании Колтушей. Есть ли к этому реальная возможность?

У нас 20–23.X будет конференция по ранениям периферических нервов (на которую Вы на днях получите приглашение), а пока я бы приехал недели на 3–4 в Москву, чтобы окончательно проредактировать свою книгу.

Буду ждать Вашего письма.

Вам преданный С. Давиденков.

Мой адрес: Вологда, Набережная свободы, № 4, РЭП.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 355. Л. 4. Автограф.

43.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

6 сентября 1943 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Обращаюсь к Вам с просьбой поддержать предложения Московского университета и группы известных ученых: Д.П. Филатова (покойного), Б.С. Матвеева, А.Д. Некрасова, Н.П. Дубинина, академика А.Н. Колмогорова о присвоении мне степени доктора биологических наук без защиты диссертации¹.

Трудности, конечно, могут возникнуть, прежде всего, в связи с моей специальностью – генетикой. Есть и другие затруднения: то, что одна из основных моих работ по так называемой теории генетико-автоматических процессов² написана совместно с Н.П. Дубининым и т.п.

Однако я считаю возможным обратиться к Вам с этой просьбой, тем более, что мое представление поддержано авторитетом крупных ученых, что через совет МГУ оно прошло с большим успехом и что экспертная комиссия дала о нем очень положительный отзыв.

Мне, разумеется, крайне неудобно затруднять Ваше внимание этим делом. Однако обстоятельства складываются так, что выходом из складывающегося для моей научной работы крайне тяжелого положения может явиться только признание моих работ нужными и ценными. И в этом отношении присуждение докторской степени становится, конечно, обстоятельством существенным.

Еще раз простите за беспокойство.

С самым искренним уважением Д. Ромашов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1460. Л. 1. Автограф.

44.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ереван.

2 декабря 1943 г.¹

Дорогой Леон.

Так как ты сюда не приехал, то я буду приставать к тебе в Москве с двумя просьбами, об одной из которых я тебе говорил, когда был в Москве.

Мы просим ВИЭМ дать распоряжение Сухумскому питомнику² продать нашему зоопарку нескольких обезьян. Надо их убедить сделать это, потому что питомник разбазаривается, а у нас обезьянам будет хорошо. Нам очень нужны капуцины, мангобей, сфинкс, явайская обезьяна и лапундра, всего штук десять, буду рад, если больше.

А второе: позвони, пожалуйста, Петру Михайловичу Жуковскому, у них в ВАК дело об утверждении докторской (по зоологии) диссертации директора нашего зоопарка А.А. Саркисова, вполне достойного кандидата. Попроси ускорить, нам это очень нужно. На всякий случай пишу телефон Жуковского: ДЗ-15-50, доб. 82 (он просил давать 3 звонка).

Тут все мечтают видеть тебя хоть самое короткое время, очень хочу того же. Ликование по поводу Академии полное.

После Москвы еще не успел ни отоспаться, ни очухаться.

Когда приедешь, а я надеюсь, что приедешь, расскажу кое-что забавное, в частности, о кандидатуре Асратяна.

Все наши и Кам[ила] Вас[ильевна] шлют тебе привет.

Целую, твой Юся.

От меня горячий привет Надежде Вас[ильевне], Вере Влад[имировне] и всем врачам обоего пола, которых видел у тебя и которые очень мне понравились.

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 65. Л. 20.

Плохо различимый карандашный автограф.

45.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Томск.

20 января 1944 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Прежде всего позвольте Вас поздравить с движением воды на Ленинградском фронте. Лед, по-видимому, тронулся, и надеюсь, недалеко то время, когда можно будет конкретно думать о эвакуации, а вместе с тем и о работе в ВИЭМе и в Академии.

Поэтому встает конкретный вопрос о бытовом устройстве.

Если я возьму директорство в Кольцовском институте¹, то встанет сразу вопрос о *ried o'terre** в Москве. До сих пор я останавливался у А.Д. Сперанского. Сейчас это для меня очень неудобно. Другого места у меня в Москве нет.

Между тем я на днях получил из Академии наук прилагаемую бумагу, которую я расцениваю как вежливый отказ².

Я очень просил бы Вас поэтому оказать некоторый нажим...

На всякий случай я посылаю новое заявление и буду очень благодарен, если Вы что-нибудь сделаете в этом направлении. Если не сделаете, то тоже обижаться не буду.

В Москву думаю приехать в апреле. Надеюсь приехать и в Ленинград.

Готовый к услугам А. Заварзин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 431. Л. 17-18. Автограф.

46.

Л.С. ШТЕРН.

Ленинград.

3 февраля 1944 г.

Отделение биологических наук АН СССР предполагает созвать в первой половине марта с.г. в Москве очередное Собрание по физиологическим проблемам, посвященное 8-й годовщине смерти академика И.П. Павлова¹.

Приглашая Вас принять участие в этом собрании, прошу, в случае Вашего согласия, не позднее 15 февраля прислать отпечатанные в 3-х экземплярах на пишущей машинке тезисы Вашего доклада по адресу: Москва, Б. Калужская, 14, секретарю вице-президента В.В. Беленецкой.

Академик-секретарь ОБН АН СССР

Л. Орбели.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 688. Л. 1. Машинопись.

47.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

3 марта 1944 г.

Дорогой Леон Абгарович.

Обращаюсь к Вам как к вице-президенту от имени своего и академика П.И. Степанова.

Дело идет о молодом крупном специалисте, единственном, к сожалению, в нашей стране в области геотермии¹ – С.А. Красковском.

Эта область знания огромного практического и научного значения, имевшая до революции у нас ряд специалистов и организаций (главная организация была при Географическом обществе)², существовала целая сеть станций, которые теперь все, кажется, погибли.

* Кусок земли (фр.). (Примеч. сост.)

Теперь все попытки мои и академика П.И. Степанова возобновить эту работу в Геолого-географическом отделении были неудачны, откровенно говоря, в зависимости от неустойчивого состояния учреждений этого Отделения.

Мне приходится иметь дело с несколькими отделениями и Геолого-географическое находится в настоящее время в большом научном упадке. Это отразилось и на выборах.

Это связано с тем, что в один прекрасный день все три института этого отделения были объединены в один³. Реформа была проведена помимо Академии наук. Сейчас делается попытка выйти из положения упадка, в котором оказалось все отделение.

С.А. Красковский является пока единственным лицом, который по своей собственной инициативе увлекся геотермией и является у нас единственным сложившимся специалистом.

Но он находится не у дел. Приготовленная к печати его монография по геотермике в ее практическом приложении до сих пор не может выйти в свет. Отделение его не поддерживает. И он не имеет ученой степени.

Мы с П.И. Степановым сговорились с О.Ю. Шмидтом, что он принимает его работу для представления ее на степень кандидата геофизических наук.

С.А. Красковский вернулся сейчас в Ленинград, где находятся все его материалы, и временно поступил работать (для заработка) в архив Академии наук⁴. Сейчас он мне пишет, что он попал в очень неприятную историю, из которой ему приходится выпутываться и в которую он попал "по своей вине и по инициативе директора ЛАХУ Федосеева". Он, по-видимому, назвался кандидатом и, по словам П.И. Степанова, его дело направлено к прокурору.

Мы обращаемся к Вам с просьбой помочь ему выкарабкаться из этой глупой и скверной истории.

Помимо того, что дело идет о крупном молодом специалисте, у нас едва ли не единственном, надо принять во внимание, что он, по-моему, единственный человек, который у нас сейчас без долгой подготовки может немедленно ввести в жизнь форму энергии, очень у нас распространенной, но совершенно не используемой.

Дело идет о горячих источниках, которые дают постоянную непрерывную энергию и широко используются в США и Италии. У нас на них не обращают внимания. Сейчас так относиться к ним – непозволительная роскошь.

Ввиду всего сказанного, я позволяю себе направить С.А. Красковского к Вам и прошу Вас помочь ему⁵.

Ваш В. Вернадский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 225. Л. 1–3. Авторизованная машинопись.

48.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

24 марта 1944 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Леон Абгарович!

От всей души сердечно благодарю Вас за Ваше участие к моей несчастной судьбе¹. К сожалению, нездоровье лишает меня возможности прийти к Вам сейчас же, чтобы лично приветствовать и поблагодарить Вас. Я сделаю это при первой возможности.

Искренне и горячо преданный и бесконечно благодарный Вам

Л. Зильбер.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 450. Л. 1. Автограф.

Академику-секретарю Отделения биологических наук
и вице-президенту АН СССР академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

4 июня 1944 г.

Распорядительное заседание Президиума АН СССР 16 декабря 1943 г. вынесло решение: вопрос об организации лаборатории¹ для меня обсудить на заседании Президиума АН СССР одновременно с вопросом об организации Института патологии.

Настоящим прошу Вас поднять перед Президиумом АН СССР вопрос об организации этой лаборатории независимо от вопроса Института патологии.

Я прошу Вас также способствовать возможно быстрому обсуждению и положительному разрешению этого вопроса, так как по-прежнему условия моей научной работы остаются неудовлетворительными, и я не только охвачен тревогой относительно возможности своевременного и удовлетворительного выполнения плана намеченной работы по весьма актуальной теоретической и практической тематике за 1944 год, но и лишен перспектив даже относительно ближайшего будущего моей научной работы.

Прошу также Вашего ходатайства об издании моей брошюры² в объеме 5–6 а.л. о патологии и терапии травматического шока, т.к. в настоящее время среди медицинских работников фронта и тыла имеется значительный интерес к выполненной мною работы в этой области.

Эзрас Асрат*.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 305. Авторизованная машинопись.

Академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР
Л.А. ОРБЕЛИ.

13 августа 1944 г.

В присланном мне на просмотр проекте записки¹ я нахожу ряд неправильностей (по отделу генетики), которые, на мой взгляд, должны быть устранены во имя заботы о поддержании достоинства АН СССР.

На с. 51–52 приводятся метафизические беспредметные рассуждения, напоминающие возвращение чуть ли не к эпохе флогистона². При этом приводится ряд неверных утверждений (без оговорки, что за них отвечают такие-то авторы), под которыми невозможно предлагать подписываться Отделению (а за ним – и Академии в целом). Таков совершенно конфузный тезис, гласящий, что под наследственностью понимается "свойство живого тела требовать определенных условий для своего развития и жизни"³; ничего общего с наследственностью здесь нет.

Также неверным является утверждение, будто "мичуринское направление в генетике представляет академик Лысенко"; на деле нет ничего общего в установках Мичурина и Лысенко.

Главное состоит в том, что никакого нового направления в генетике акад. Лысенко не представляет и не может представить, так как он вовсе не является генетиком. Это видно из следующего: 1. В Институте генетики Лысенко не ведет ни одной генетической работы; это или элементарные вопросы агротехники, или вопросы физиологии. 2. В книге "Наследственность и ее изменчивость" не содержится никаких новых идей, определения поражают бессодержательностью; она

* Так в тексте. (Примеч. сост.)

полна погрешностей против элементов естествознания, так как в ней отрицается закон постоянства веществ, установленный Лавуазье. 3. В последних своих выступлениях Лысенко сам называл себя не генетиком, а агробиологом, т.е. представителем элементарного, недифференцированного опытничества, не пользующегося никакой научной методикой.

Поэтому нельзя говорить о двух направлениях в генетике; есть единая научная школа, материалистическая и дарвиновская, и есть люди, которым следовало бы пройти хотя бы элементарный курс ботаники, физики и химии, чтобы не возвращаться к эпохе флогистона, т.е. времени, предшествующему не только Лавуазье, но и Бэкону.

Так как появление за границей такой книги, как "Наследственность и ее изменчивость", подрывало бы репутацию советской науки, то следует принять меры к тому, чтобы эта книга за границу не попала⁴, а впредь произведения этого автора, претендующего на новаторство в области генетики, проходили бы через компетентную редакционную комиссию.

На с. 53 – говорить о "вегетативной гибридизации" растений – все равно, как сказать "горячий лед" или "сухая вода".

Академик Д. Прянишников.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 519. Авторизованная машинопись.

51.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Томск.

Сентябрь 1944 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Я очень обеспокоен одним предприятием АН СССР, в котором я хотел бы принять самое активное участие. Дело идет о том подытоживании и перспективизации научных исследований, которыми сейчас занимаются Отделения и которыми будет заниматься Общее собрание. Благодаря головоутиям ВИЭМа и Мусаэляна¹ я сижу в Томске и не могу из него выехать. Присланные из Ленинграда пропуска оказались недействительными, а потому мой отъезд сейчас, который я наметил на 5 сентября, откладывается на неопределенное время, ибо здесь мне не дают пропуска даже в командировку.

Телеграфный вызов из Академии, подписанный Вами, недействителен, так как на телеграмме нет указания, что она правительственная.

Участие мое в Общем собрании АН необходимо.

Все это я пишу к тому, что я заготовил обширный доклад о состоянии нашей дисциплины², доклад этот очень важен, потому что я думаю, что наши дисциплины сейчас выходят на совершенно новый и чрезвычайно перспективный путь и этот путь следует как-то манифестировать. Вот этому я и посвящаю свой доклад. Об этом я писал уже в Президиум, но боюсь что там на это не обратят должного внимания.

Доклад этот не такой простой, так как в нем придется охватить очень различные дисциплины – от биохимии, цитофизиологии до цитогенетики включительно, с одной стороны, и от общей эмбриологии и гистологии до гистофизиологии, с другой. Здесь мне понадобится и некоторая консультация, которой в Томске я иметь не могу. Поэтому я очень прошу Вас дать мне возможность поставить эту проблему во всю ее широту.

Для этого, прежде всего, меня надо вытащить из Томска. Ехать еще раз в командировку очень тяжело. Разрешение на въезд в Ленинград с семьей у меня есть. По-видимому, достаточно какого-то правительственного подтверждения этих разрешений, чтобы мне дали пропуск.

Еще раз прошу как-то обеспечить мое участие в вопросах планирования научных исследований.

Вызовы прошу по возможности сделать телеграфные и на Ленинград.

Искренне Вам преданный А. Заварзин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 431. Л. 19–22. Автограф.

52.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Йошкар-Ола.

9 ноября 1944 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Очень прошу переговорить с Л.Н. Гассовским, приезжающим в Москву по нескольким делам, а также, если будет у Вас возможность, помочь ему в этих делах. Дела эти такие:

1. Переговоры с Наркомздравом о производстве очков в СССР.
2. Доклад Л.Н. Гассовского в комиссии по физиологической оптике¹.
3. Возможная совместная работа с Вашим институтом² по вопросам физиологической оптики в Ленинграде.

Прошу Вас также помочь Гассовскому устроиться на несколько дней в Москве. Командирован он в Академию наук³.

С искренним приветом С. Вавилов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 185. Л. 1. Автограф.

53.

Начальнику Военно-медицинской академии
академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Из действующей армии.

Полевая почта 22238.

1 декабря 1944 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Вы, вероятно, с трудом вспомните меня и, возможно, будете удивлены тем, что я так бесцеремонно к Вам обращаюсь, но я вынуждена так поступить.

Я – Трауготт Наталия Николаевна, много лет проработавшая в клинике профессора Иванова-Смоленского в Вашем институте. С начала войны я ушла добровольцем в Красную Армию и все эти годы служу в действующей Армии.

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне спасти моего брата.

Мой брат Трауготт Николай Николаевич – лейтенант, был демобилизован по болезни в 1943 г. Вернуться в Ленинград, домой, ему почему-то не разрешили. Вот уже 1½ (полтора) года, как он скитается среди чужих людей, то попадая в больницу, то снова пытаясь начать работать. Сейчас он в Краснодарском крае. По заключению профессора Лещенко он болен энцефалитом. Так ли это – я не знаю, но знаю, что он совершенно нетрудоспособен сейчас, что он не устроен в жилищном отношении, голодает и т.д., силы его тают. Сейчас я хлопочу перед своим командованием о разрешении поехать к нему. Но что я могу сделать для него на месте. Устроить снова в местную больницу, где нет ни специалистов, ни условий?

В Ленинграде живут все наши родные, там у него квартира, семья.

Если даже спасти его уже поздно, то надо хотя бы облегчить его страдания.

Мой другой брат долго и безуспешно хлопотал за больного. Я в Ленинград попасть не могу. В поисках средств для спасения брата я подумала о Вас и сразу же решила Вам написать¹.

Если Вам это покажется бесцеремонным, простите.

Мой адрес: полевая почта 22238. Адрес брата: Краснодарский край, станция Усть-Лабинская, до востребования, Трауготт Н.Н.

Адрес брата, находящегося в Ленинграде: Большая Пушкарская, д. 3, кв. 59, Трауготт Георгий Николаевич (художник).

Работаю по лечению раненых в голову в полевых госпиталях и по выявлению и эвакуации психбольных.

После войны мечтаю работать по изучению и терапии последствий травматических повреждений мозга.

Надеюсь, что метод Ивана Петровича Павлова окажется здесь очень полезным.

Еще раз простите за бесцеремонность.

Уважающая Вас Н. Трауготт.

P.S. Я решаюсь просить Вас, если Вы захотите ответить, написать мне ответ по адресу: Москва, ул. Грановского, д. 2, кв. 15, Синкевич, для меня. (Я, возможно, поеду в отпуск в Краснодарский край через Москву.)

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1106. Л. 1-2. Автограф.

54.

Вице-президенту АН СССР академику-секретарю
Биологического отделения АН СССР академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Баку.

10 февраля 1945 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Президиум Азербайджанского филиала АН СССР выражает Вам свою глубокую признательность за большую помощь, оказанную Вами ученому секретарю Сектора медицины М.Д. Кашкай, командированному в Москву и Ленинград в целях приобретения оборудования для вновь организуемой физиологической лаборатории Аз[ербайджанского] ФАН.

Только благодаря тому, что Вы столь любезно выделили из своих лабораторий ряд основных физиологических приборов, возможно стало начать налаживание научно-исследовательской физиологической работы в АзФАН, так как иным путем приобретение в настоящее время почти невозможно.

Президиум АзФАН также выражает Вам свою глубокую благодарность и удовлетворение в том, что Вы любезно согласились принять шефство над физиологической лабораторией АзФАН¹.

Председатель Президиума АзФАН
профессор Г.Н. Гусейнов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 200. Авторизованная машинопись.

55.

Заместителю председателя СНК СССР
тов. А.И. Микояну.

Ленинград.

19 февраля 1945 г.

Глубокоуважаемый Анастас Иванович!

НИИ эволюционной физиологии и патологии в.н.д. имени академика И.П. Павлова АМН СССР, руководимый мною, расположен во Всеволожском районе (село Павлово) в 12 км от черты города Ленинграда. На этом основании сотрудники Института снабжаются по областным продовольственным карточкам. Это обстоятельство ставит Институт в худшее положение по сравнению с другими НИИ Ленинграда. В то же время некоторая часть сотрудников проживает в городе и только ведет свою работу в Колтушах и получает городское снабжение.

В результате создано явно ненормальное положение, что те лица, которые не имеют жилплощади в городе (площадь разрушена, заселена), проживая на территории Института в Колтушах, поставлены в худшее положение, хотя выполняют ту же работу.

С другой стороны, областное снабжение лишает нас возможности, несмотря на наличие жилплощади на территории Института, привлечь необходимые Институту по квалификации кадры для постоянной работы.

Наилучшим выходом из создавшегося положения было бы оформление права Институтом на городское снабжение, по городским нормам.

Институт эволюционной физиологии и патологии в.н.д. имени академика И.П. Павлова, созданный и построенный академиком И.П. Павловым благодаря исключительному вниманию правительства, по своему положению и значению в нашей и мировой науке, мне кажется, сумеет оправдать ту льготу, которая так необходима для его научной работы и о которой я прошу, т.е. городское снабжение, по городским нормам¹.

Контингент Института на 1945 г. выражается в следующих цифрах: научных сотрудников – 88 человек;
научно-технических работников – 35 человек;
обслуживающего персонала научной части – 72 человека;
административно-хозяйственный персонал – 169 человек;
обслуживающий питомник подопытных животных – 78 человек.

Всего 442 человека, к которым необходимо добавить детей и иждивенцев, что в общей сложности составляет около 750 человек.

Искренне уважающий Вас
директор Института академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 98. Л. 42. Машинопись. Оттиск письма.

56.

Л.А. ОРБЕЛИ¹.

Москва.

Март 1945 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Обращаюсь к Вам с просьбой помочь восстановить лабораторию эволюционной генетики...¹

Лаборатория эволюционной генетики внесла ценный вклад в развитие теоретической эволюционной генетики, но в последние годы были созданы невозможные условия для научных исследований.

Моя специальность – теоретическая генетика, преимущественно связанная с вопросами эволюционной теории и дарвинизма. В течение многих лет я работал в Институте экспериментальной биологии Наркомздрава (теперь Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР).

В 1935 г. в Институте по моей инициативе была организована лаборатория эволюционной генетики, которой я руководил до 1940 г. В штате лаборатории состояло 7–8 человек.

Сейчас эта область особенно усиленно разрабатывается в Англии, где это направление получило название "Новой систематики".

Нужно создать хотя бы самые скромные материальные и технические условия для обеспечения наших работ. Необходимо принять меры для привлечения основных сотрудников эволюционной лаборатории к их прежней деятельности, потому что именно в этой деятельности они смогут принести наибольшую пользу².

Вот почему я счел своим долгом ученого привлечь Ваше внимание к делу,

поддержка которого может обеспечить дальнейшее развитие нового направления советской биологической науки. Это важно тем более, что это направление представляет экспериментальное развитие проблем Дарвинизма и что оно зародилось у нас в Союзе³.

С искренним уважением доктор биологических наук Д. Ромашов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 90–92. Автограф.

57.

Вице-президенту АН СССР академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

15 марта 1945 г.

Исполняя Ваше поручение, считаю своим долгом дать следующий отзыв на заявление профессора Д.Д. Ромашова, Вами присланное.

Необходимость работ по эволюционной генетике, действительно, очень велика. Создание этого направления является заслугой нашей отечественной науки. Это было сделано в работах последних 10–15 лет, проведенных Четвериковым, Дубининым, Ромашовым. Эти работы получили серьезный отклик и полное признание в науке Америки, Англии и других стран. И сейчас крупные генетические школы этих стран разрабатывают идеи и методы русских генетиков в области эволюции популяций.

К сожалению, обстоятельства сложились так, что наши отечественные начинатели Дарвиновского экспериментального направления в генетике сейчас не могут в полной мере развивать столь многообещающее и уже столь давнее направление в науке. Это приводит к тому, что русская наука постепенно теряет руководящее положение в этой области знания, переходящее к американцам. При этом кадры, работавшие в этой области, высоко квалифицированы, и, конечно, если предоставить им необходимые условия для экспериментальной работы, то они опять внесут серьезный вклад в экспериментальное и теоретическое развитие эволюционной генетики.

Однако признавая необходимость организации работ по эволюционной генетике, я должен сказать, что такая лаборатория не может органически войти в состав Института цитологии, ибо ее тематика далеко выходит из профиля Института цитологии, гистологии и эмбриологии¹. Больше всего такая лаборатория, хотя и стоит ближе всего к Институту эволюционной морфологии², органически, вероятно, не сможет войти ни в один из существующих биологических институтов АН СССР.

Надо сказать, что приблизительно в таком же положении находятся в настоящее время и многие другие разделы генетики. Мы являемся свидетелями крупных успехов современной генетической науки. Исследуется генетическое тончайшее строение хромосом в клетке с привлечением химии, физики, цитологии и т.д., разрабатываются методы получения новых наследственных форм путем удвоения числа хромосом при гибридизации и без нее (полиплодия), а также при воздействии внешних факторов на клетку (температура, ультрафиолетовое облучение, X-лучи и т.д.), изучаются процессы взаимодействия генов ядра и протоплазмы клетки, исследуется роль наследственности в процессах развития особи, генетики сельскохозяйственных животных и растений и т.п. На наших глазах возникает эволюционная генетика, физиологическая генетика, иммуногенетика и т.д. Генетика входит обязательным элементом и в круг общебиологического синтеза в области проблем наследственности, развития и эволюции.

Во всем мире интенсивно идут генетические исследования, создаются крупные институты и лаборатории, выходят генетические журналы, печатаются монографии и сводки.

К сожалению, у нас кадры генетиков-специалистов, которые имеют возможность серьезно разрабатывать нашу отечественную науку, в основном расплынены, а частично и не работают по своей специальности.

Я считал бы своевременным поставить вопрос об организации работ по генетике. Необходимо организационно оформить развитие одного из крупнейших отделов современной биологии в виде работ отдельного учреждения³. В таком случае все вопросы, которые сейчас стоят, были бы естественно разрешены.

Однако в случае задержки общего решения вопроса я считаю необходимым поддержать обращение профессора Ромашова об организации лаборатории по эволюционной генетике при одном из биологических институтов АН СССР, занимающихся эволюцией непосредственно, на правах лаборатории, временно присоединенной к данному институту.

Академик А.А. Заварзин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 89.

58.

Директору Московской государственной консерватории
имени П.И. Чайковского проф. В.Я. ШЕБАЛИНУ.

Ленинград.

Июнь 1945 г.

Отделение биологических наук АН СССР просит Вас дать разрешение на проведение в акустической лаборатории Московской государственной консерватории ряда экспериментальных работ по физиологической акустике¹.

Просьба Отделения вызвана тем, что в акустической лаборатории Московской государственной консерватории имеется специальная аппаратура, отсутствующая в лабораториях Академии наук.

Вице-президент АН СССР,
генерал-полковник медицинской службы
академик

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 559. Черновик. Автограф.

59.

Вице-президенту Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

Июнь 1945 г.

Дирекция Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского разрешает Отделению биологических наук провести в акустической лаборатории Московской государственной консерватории ряд экспериментальных работ по физиологической акустике.

Директор консерватории профессор

В.Я. Шебалин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 206. Авторизованная машинопись.

60.

Прокурору СССР К.П. ГОРШЕНИНУ.

Ленинград.

Август 1945 г.

Военным трибуналом Среднеазиатского военного округа 14 декабря 1942 г. осужден за контрреволюционные преступления доктор медицинских наук, биохимик Оппель Владимир Владимирович к высшей мере наказания с заменой 10-ю годами

лишения свободы. В настоящее время от отбывает наказание в Ташкенте, ИТК № 3.

Судьба Опделя меня беспокоит. Владимира Владимировича Опделя знаю почти с детства и не допускаю с его стороны враждебного отношения к советской власти.

Опель человек очень эрудированный, всегда резко критиковал тех, кто являлся помехой в деле повышения культуры и знаний слушателей Военно-медицинской академии. Как профессор кафедры и начальник учебной части Опель неоднократно представлял к снятию недостаточно квалифицированных преподавателей. На этой почве нажил врагов.

Неблагоприятным моментом для Опделя во время Великой Отечественной войны является его фамилия, давшая основание ряду недовольных им лиц указать на него как "немца", тем более, что он родился в 1900 г. в Берлине.

Однако мне достоверно известно, что не только отец, но и дед, и прадед Опделя были русскими по национальности. Семья Опель является гордостью русской национальной культуры, насчитывая в ряде поколений выдающихся русских деятелей. Так, прапрадед осужденного – Христофор Опель, врач, участник первой Отечественной войны, вошел в русскую историю как герой, оставшийся в горящей Москве с русскими ранеными. Прапрадед его по другой линии – генерал, участник совета в Филях в качестве адъютанта Кутузова, известный историк Первой Отечественной войны А.И. Михайловский-Данилевский. Дед – Опель А.А. – русский композитор, автор известных произведений: "Буря на Волге", "Глядя на луч пурпурного заката" и др. Отец осужденного – профессор Военно-медицинской академии В.А. Опель, которого я лично очень хорошо знал, – первый президент Военно-медицинской академии, создатель кафедры военно-полевой хирургии, после Пирогова самый крупный военно-полевой хирург, ученый с мировым именем. В.А. Опель умер 7 октября 1932 г. в Ленинграде, на доме мемориальная доска.

С В.В. Опелем произошло величайшее несчастье в результате неблагоприятно сложившихся моментов, получивших неправильное освещение.

Прошу разобраться с необходимой объективностью с учетом моего поручительства за его советский образ мышления, за его преданность и любовь к своему отечеству и народу.

Если понадобится, буду ходатайствовать от главного хирурга Первого Украинского фронта генерал-майора медицинской службы М.В. Ахутина и ряда других крупных медицинских деятелей, знавших как его отца, так и лично осужденного В.В. Опделя.

Учтите то обстоятельство, что у осужденного имеется до 40 печатных трудов. Мне тяжело думать о том, что в условиях заключения, он, естественно, не даст ценной продукции его творческой, богато одаренной личности ученого.

Академик, генерал-полковник медицинской службы
Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 74. Авторизованная машинопись.

61.

Директору Физиологического института АН СССР
академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

1 сентября 1945 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Обращаюсь к Вам с просьбой сообщить лично мне, по возможности без промедления, о наиболее интересных работах руководимого Вами Институтом, только что законченных или близких к завершению. Сведения, о которых я прошу, хоте-

лось бы иметь в краткой, отчетливой форме, объемом не более двух машинописных страниц.

Указанные справки требуются лично мне и могут быть совершенно неофициальными. Они не должны связываться с обычными отчетами и нужны мне для того, чтобы своевременно знать о наиболее существенных итогах академической работы для освещения, в случае надобности, этих итогов в печати.

Сведения не откажите присылать мне, начиная с 1 сентября с.г.

С товарищеским приветом С. Вавилов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 185. Л. 2. Автограф.

62.

В Прокуратуру СССР.

Ленинград.

21 октября 1945 г.

Остен-Сакен Мария Эмильевна – дочь очень крупного хирурга, профессора Э.Ю. Остен-Сакен, который в течение ряда лет работал в Военно-медицинской академии имени Кирова, а в последние годы жизни был директором Всесоюзного института протезирования в Ленинграде. Скончался он в 1940 г.

М.Э. Остен-Сакен – уроженка Ленинграда и проживала в Ленинграде безвыездно до 1942 г., когда она вместе с семьей (мать, дочь и брат) была как немка выслана из Ленинграда в Алтайскую область, где находится по настоящее время.

М.Э. Остен-Сакен является по специальности высококвалифицированной стенографисткой. Особенно важно, что она прекрасно знакома с научной медицинской и биологической терминологией, и поэтому была незаменимым помощником во всех научных съездах и совещаниях, а также оказывала всегда как стенографистка большую помощь в моей личной научной работе. Заменить ее кем-либо в этом отношении в настоящее время в Ленинграде не представляется возможным за отсутствием равноценных квалифицированных стенографов.

Поэтому я ходатайствую о разрешении М.Э. Остен-Сакен с ее семьей вернуться к месту своего постоянного жительства – в г. Ленинград. Жилплощадь в Ленинграде у нее имеется¹.

Вице-президент, генерал-полковник медицинской службы
академик Л. ОРБЕЛИ.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 128. Авторизованная машинопись.

63.

Уполномоченному Президиума АН СССР в Ленинграде
вице-президенту Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

22 октября 1945 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович.

Счастлив донести Вам, что в Архив Академии наук возвратились в полной сохранности сверхценные материалы (рукописи Ломоносова, Кеплера, Павлова, Лебедева и др.), эвакуированные с Вашего разрешения с эрмитажными сокровищами в июле 1941 года.

Директор Архива Георгий Князев.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 129. Авторизованная машинопись.

64.

Л.А. ОРБЕЛИ.

г. Чань-Чунь.

11 ноября 1945 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Не найдете ли Вы возможным вызвать меня на работу.

По здоровью и возрасту я, по всей вероятности, буду демобилизована, но это может затянуться на многие месяцы и, следовательно, пропадает еще один год.

Я обращалась к Вам с подобной же просьбой летом перед отъездом на восток, но так как с июня месяца я не получаю писем, мне неизвестно Ваше отношение к моей просьбе¹.

Вызов нужно адресовать в управление Забайкальского фронта.

Война с Японией оказалась очень кратковременной, работать мне пришлось немного. Сейчас чувствую себя отдохнувшей и хотела бы приняться за серьезную работу.

Простите меня за бесцеремонность.

Уважающая Вас Н. Трауготт.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1106. Л. 4–5. Автограф.

65.

Члену Президиума Академии медицинских наук СССР
академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

20 декабря 1945 г.

Многоуважаемый Леон Абгарович.

Обращаюсь к Вам как члену Президиума Академии медицинских наук СССР с просьбой – поддержать перед народным комиссаром внутренних дел СССР тов. Л.П. Берия мое ходатайство об освобождении моего ученика и долголетнего прежнего сотрудника, доктора А.А. Баева¹, от службы в системе НКВД², где он сейчас работает в качестве гл[авного] врача больницы в Норильске, для перехода на научную работу в организуемый и руководимый мною отдел биохимии Института экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР в Ленинграде с разрешением А.А. Баеву въезда в Ленинград.

Зав. отделом биохимии Ин[ститу]та эксп[ериментальной] медиц[ины], действит[ельный] член Академии медиц[инских] наук СССР

[В.А. Энгельгардт].

Личный архив А.А. Баева. Авторизованная машинопись.

66.

А.И. МИКОЯНУ.

Ленинград.

Январь 1946 г.

Глубокоуважаемый Анастас Иванович!

В течение ряда лет нам не удается получить из США совершенно необходимые для наших исследовательских работ гормональные препараты. В настоящее время в США едет на научную конференцию действительный член АМН СССР, заведующий лабораторией Физиологического института имени академика И.П. Павлова АН СССР – В.А. Энгельгардт. Он мог бы с полной компетентностью организовать закупку этих препаратов и привезти их с собою¹.

Не имея проектов фирм, мы не можем указать точной стоимости заказа.

Убедительная просьба к Вам дать распоряжение соответствующим органам о содействии тов. Энгельгардту В.А. в этом деле и отпустить валюту в размере примерно 2000 долларов для израсходования по его указаниям.

Вице-президент АН СССР, академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Д. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 134. Машинопись. Отпуск.

Президенту АН СССР академику С.И. ВАВИЛОВУ.

Ленинград.

17 января 1946 г.

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Прошу ходатайствовать перед Общим собранием АН СССР об освобождении меня от обязанностей вице-президента АН СССР¹.

Крайняя перегруженность работой лишает меня возможности сколько-нибудь удовлетворительно справляться с этими обязанностями и вместе с тем мешает моей научной работе. Между тем передо мной стоит важная и ответственная задача подведения итогов деятельности моей и моих сотрудников за последние десять лет, что не может быть сделано никем другим.

Мое ходатайство соответствует и принятым установкам, согласно которым должности вице-президента и академика-секретаря Отделения не могут быть заняты одним лицом.

Отделение биологических наук удостоило меня избранием на должность академика-секретаря².

С истинным уважением Л. Орбели.

АРАН. Ф. 411. Оп. 4. Д. 225. Л. 54. Автограф.

Командующему Черноморским флотом
адмиралу Ф.С. ОКТЯБРЬСКОМУ.

Ленинград.

Не позднее 1946 г.*

Благодаря Вашей помощи в 1946 г. сотрудникам Академии наук и гидрологам Черноморского флота удалось впервые после войны осуществить комплекс исследований Черного моря¹. Двухнедельное плавание в центральных глубоководных областях Черного моря на выделенном Вами тральщике позволило собрать очень ценный материал по гидрохимии, фитоценологии, зоологии и микробиологии водной толщи Черноморского бассейна. Эти данные имеют большое значение не только для теории, но и для освещения целого ряда практических вопросов. Обсуждение итогов экспедиционных работ 1946 г. показало настоятельную необходимость планомерного развития начатых исследований, и намеченный план вошел в основную проблематику АН СССР.

В связи с тем обстоятельством, что Севастопольская биологическая станция АН СССР, являющаяся центром научных исследований на Черном море, лишилась во время войны своего судна, Бюро Отделения биологических наук АН СССР рассчитывает на Ваше содействие намечаемым глубоководным исследованиям Океанографической экспедиции по изучению Черного моря.

Академик-секретарь Отделения
биологических наук АН СССР,
генерал-полковник медицинской службы
академик

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 489. Отпуск.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

Депутату Верховного Совета СССР,
Начальнику Норильского комбината НКВД
генерал-майору А.А. ПАНЮКОВУ.

Ленинград.

13 марта 1946 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич.

Как член Президиума Академии медицинских наук СССР хочу воспользоваться Вашим приездом на Сессию Верховного Совета СССР, чтобы просить Вас оказать содействие в реализации поддержанного мною ходатайства действит[ельного] члена Академии медиц[инских] наук, проф. В.А. Энгельгардта о предоставлении возможности А.А. Баеву, работающему в настоящее время врачом больницы Норильского комбината, возвращения снова на научную работу по его специальности¹.

А.А. Баев имеет законченную квалификацию биохимика, научного работника. Он прошел аспирантуру по биохимии, работал в Институте биохимии Академии наук СССР, имеет ряд опубликованных научных работ, показавших, что в его лице мы имеем одаренного, талантливого молодого исследователя по специальности, в которой численность научных кадров далеко не удовлетворяет имеющиеся потребности.

А.А. Баева имеется в виду привлечь к работе заново развертываемого в системе Академии медицинских наук СССР отдела биохимии Института экспериментальной медицины.

Интересы дела диктуют необходимость использовать наши кадры на такой работе, где они с максимальной эффективностью могут претворить в дело свои способности, знания и наклонности. Все то, что я знаю об А.А. Баеве, говорит о том, что это исключительно перспективный научный работник-исследователь. Использование его на научной работе, по его подлинной специальности соответствует той роли, которая сейчас с особенной силой придается развитию науки в нашей стране.

Я позволю себе выразить уверенность, что Вы учтете обоснованность этих соображений и не будете препятствовать переходу А.А. Баева на научную работу в систему Академии медицинских наук СССР.

С искренним уважением

Герой Социалистического Труда,
генерал-полковник медицинской службы
академик

[Л.А. Орбели].

Личный архив А.А. Баева. Авторизованная машинопись.

В Отделение биологических наук АН СССР.

Ленинград.

4 мая 1946 г.

Физиологический журнал СССР имени И.М. Сеченова¹ является единственным официальным печатным органом физиологической науки Советского Союза. В этот журнал обращаются и иностранные ученые с просьбой опубликовать их работы (Чехословакия, Англия, Польша).

Физиологическая мысль достигла в нашей стране за последние десятилетия значительных высот и во многих отношениях опередила зарубежную.

Между тем возможности у журнала в настоящий момент ничтожны. До войны (с 1934 г.) журнал выходил в размере 144 печатных листов. После войны он возобновлен в 1945 г. в резко уменьшенном объеме (только лишь 48 печатных листов).

К этому необходимо добавить, что портфель редакции содержит в данное время материал на весь 1947, 1948 и часть 1949 гг. Связанное с этим неизбежное

запаздывание в опубликовании ценных экспериментальных исследований следует считать крайне нежелательным.

Исходя из вышеизложенного, редакционная коллегия физиологического журнала ходатайствует об увеличении листажа журнала до довоенного времени (12 выпусков по 12 печатных листов) – 144 печатных листа в год².

Ответственный редактор академик Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 440. Авторизованная машинопись.

71.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

30 мая 1946 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Очень грустно было узнать, что Вы опять заболели. Надеюсь, что это не серьезно и что Вы скоро поправитесь.

Президиум сегодня состоялся. Т.Д. Лысенко не присутствовал. Предложение бюро Отделения принято без всяких дискуссий. Я предложил в случае наличия идеологических расхождений обсудить дело в биологическом отделении.

Я собираюсь в воскресенье приехать в Ленинград и надеюсь Вас повидать. Конференция по физиологической оптике¹, насколько мне известно, вполне подготовлена.

Желаю Вам всего хорошего и поскорее выздороветь.

С искренним приветом С. Вавилов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 185. Л. 3. Автограф.

72.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

19 июня 1946 г.

Дорогой Леон Абгарович!

До меня все чаще доходят сведения о плохом состоянии Вашего здоровья, и я чувствую, что мне надо еще раз вмешаться в Ваши личные дела. В прошлом году Вы говорили со мной, что уйдете в отпуск. Этого Вы не сделали. Сейчас Вам в интересах и Вас самого, и Академии наук, и Военно-медицинской академии совершенно необходимо отдохнуть.

Прошу Вас внять товарищеской просьбе и моей и очень многих других и в начале июля уйти на 2–3 месяца в отпуск.

Сообщите, где Вам хотелось бы провести отпускное время. Постараюсь сделать все, зависящее от Академии, чтобы Вам помочь.

Искренне приветствую Вас и надеюсь, что Вы выполните просьбу.

Ваш С. Вавилов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 185. Л. 3. Автограф.

73.

В Министерство внутренних дел СССР
тов. НОВОСЕЛОВУ.

Москва.

11 сентября 1946 г.

Обращаюсь к Вам с просьбой принять заведующего лабораторией руководимого мной Физиологического института им. И.П. Павлова – лауреата Сталинской премии, действительного члена Академии медицинских наук СССР, профессора

В.А. Энгельгардта по вопросу о нашем совместном ходатайстве относительно А.А. Баева¹.

Генерал-полковник медицинской службы,
Герой Социалистического Труда
академик

[Л.А. Орбели].

Телефоны проф. Энгельгардта:

КЗ-06-74 (дом.)

ВЗ-32-05 (служ.)

Личный архив А.А. Баева. Авторизованная машинопись.

74.

Народному Комиссару внутренних дел СССР
тов. Л.П. БЕРИЯ.

Ленинград.

1946 г.*

Многоуважаемый Лаврентий Павлович.

Разрешите обратиться к Вам с просьбой уделить внимание и, если найдете возможным, оказать содействие в положительном разрешении ходатайства, с которым обращается к Вам мой сотрудник по Академии наук СССР, действительный член Академии медицинских наук, проф. В.А. Энгельгардт.

Речь идет о разрешении долголетнему прежнему сотруднику проф. Энгельгардта, талантливому молодому ученому А.А. Баеву, репрессированному в 1937 г., ныне освобожденному и работающему в системе НКВД в г. Норильске, вернуться к научной работе в лаборатории, руководимой проф. Энгельгардтом в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде¹.

Как член Президиума Академии медицинских наук СССР я не могу не быть заинтересованным в укреплении этой заново организуемой лаборатории, деятельности которой Академия придает большое значение. А.А. Баев является высококвалифицированным, весьма ценным исследователем, питомцем школы В.А. Энгельгардта. Кадры талантливых, перспективных биохимиков у нас крайне ограничены, и было бы чрезвычайно важно для дела использовать имеющиеся силы наиболее продуктивным образом.

Член Президиума Акад[емии] медиц[инских] наук СССР,
Герой Социалистического Труда
академик

[Л.А. Орбели].

Личный архив А.А. Баева. Авторизованная машинопись.

75.

В.Л. КОМАРОВУ.

Ленинград.

Не позднее ноября 1946 г.**

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Я считаю необходимым избрать в АН СССР ученых уже признанных мировой наукой, но еще не состоящих в числе действительных членов к ущербу для коллективного авторитета Академии. Таковы Н.А. Максимов, Б.Л. Исаченко и некоторые другие¹. Нужно, хотя бы отчасти, восполнить понесенную нашим отделением потерю и избрать выдающихся палеонтологов профессора Ю.А. Орлова – преемника покойного А.А. Борисяка, биохимиков и физиологов (А.В. Тонких). Прошу Вашего ходатайства об открытии соответствующих вакансий.

Ваш Л. Орбели.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1103. Л. 1. Авторизованная машинопись.

* Датируется по содержанию письма. (Примеч. сост.)

** Датируется на основании избрания в академики Н.А. Максимова и Б.Л. Исаченко (30 ноября 1946 г.). (Примеч. сост.)

Академику-секретарю биологического отделения АН СССР
Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

4 ноября 1946 г.

Байкальская лимнологическая станция¹ с самого начала своего основания работала как биологическое учреждение и входила до последнего времени в сектор Биологического отделения. Только в 1945 г. она была по недоразумению передана в ведение Отделения геолого-географических наук. Биологическая станция издала большую серию своих трудов и получила широкую известность не только у нас, но и за рубежом именно как биологическое учреждение.

Значение Байкальской лимнологической станции определяется ее положением на интереснейшем водоеме – интересном не только по своей истории, но в особенности по своей современной фауне, ясно отражающей бурные процессы видообразования в одном ограниченном пространстве.

В этом отношении с Байкалом до известной степени сравнимо лишь озеро Таньганьика.

Продолжение и особенно дальнейшее развертывание биологических исследований стационарного характера настоятельно диктуются требованиями современной науки. Работы на этом водоеме будут всегда привлекать особое внимание биологов всего мира, и нашей задачей является обеспечить не только широкий масштаб, но и высокое качество этих исследований. Это возможно только на хорошо оборудованной станции, которая должна быть приспособлена именно для биологических исследований. Между тем как раз с этой стороны станции угрожает опасность.

По мысли иркутских организаций Байкальская лимнологическая станция должна послужить одной из основ для создания Восточно-Сибирского филиала АН СССР, который, очевидно, будет иметь сугубо геологический уклон.

В таком случае сама станция и ее оборудование будут использоваться для совершенно иных целей, и станция потеряет свое значение биологического учреждения.

В этом случае Академии наук неизбежно придется заново создавать биологическую станцию на озере Байкал, а это потребует огромных усилий и денежных затрат.

Мне кажется, было бы правильнее не производить экспериментов с установившимися и зарекомендовавшими себя научными учреждениями и в особенности с такими учреждениями мирового значения, как Байкальская лимнологическая станция.

Совершенно необходимо, чтобы Отделение биологических наук срочно возбудило перед Президиумом АН СССР ходатайство о возвращении Байкальской лимнологической станции в ведение Биоотделения².

Байкальская лимнологическая станция не только должна сохранить характер биологического учреждения, но и значение центрального учреждения всесоюзного масштаба, а не местной станции, подчиненной филиалу АН СССР.

Академик Шмальгаузен.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 389. Отпуск рукописный.

И.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

22 декабря 1946 г.

Дорогой Юся!

Прошу, если возможно, помочь семье Полякова Ивана Васильевича, скончавшегося в Ленинграде во время блокады, бывшего сотрудника Эрмитажа.

Семья лишилась жилплощади (ул. Халтурина, 31, кв. 30) и теперь бедствует. Может быть, возможно устроить ее временно в одном из домов Эрмитажа или помочь предоставлением площади за счет переселяемых в эти здания из ЖАКТов.

Всего хорошего. Твой Леон.

СПбФ АРАН. Ф. 909. Оп. 4. Д. 372. Л. 1. Автограф.

78.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

1946 г.*

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Мои работы по флоре Кореи, Квантунского полуострова и Северной Монголии¹, сделавшие меня известным в ученом мире Европы, в то же время сделали его (В.Л. Комарова) моим врагом, мстившим мне в продолжение всей его жизни. Известно, что он запретил кому бы то ни было работать над флорами Китая, Монголии и Тибета (считая это своей монополией). Это послужило одной из причин моего увлечения палеоботаникой.

Теперь В.Л. нет, а положение остается таким же, в то время как мне уже 74 года.

Зная, как Вы всегда мне помогали в трудные минуты, надеюсь и теперь², что Вы также мне поможете выйти из унижительного положения, в которое поставил меня В.Л.

Я старейший палеоботаник Союза (с 1901 г.), после меня по этому пути пошли М.Д. Залесский и А.Н. Криштофович; последний уже действительный член Украинской Академии наук, а Залесский член-корр[еспондент] АН СССР, а я только доктор и профессор, и это – только благодаря политике В.Л., точно и неуклонно проводимой в жизнь Б.К. Шишкиным.

Искренне преданный Вам И. Палибин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 29. Л. 249. Автограф.

79.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Норильск.

1 июля 1947 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Еще раз приношу Вам свою глубокую благодарность за разрешение защитить мою кандидатскую диссертацию в стенах Вашего института¹. Я не могу не сознавать, что это является величайшей честью и почетом для любого, а для меня после всех испытаний, отнюдь не приносящих лавров, тем более.

Защита диссертации была для меня поэтому огромной радостью и останется навсегда одним из самых ярких жизненных воспоминаний.

Благодарю Вас еще раз и желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

А. Баев.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 190. Л. 1. Автограф.

* Датируется по содержанию документа. (Примеч. сост.)

Л.А. ОРБЕЛИ.

*Тбилиси.**10 сентября 1947 г.*

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Редакция журнала "Успехи современной биологии" снабдила нашу обзорную статью¹ замечанием, которое совершенно правильно отмечает, что некоторые наши теоретические положения не разделяются всеми советскими физиологами. Но мне не понятно, почему об этом следует напоминать читателю. Разве ценность того или другого теоретического положения зависит от того, разделяются они всеми положительно или нет?! Или разве это обязательно, чтобы теоретические положения признавались положительно всеми физиологами? Наконец, много ли таких теоретических положений в области физиологии, которые бы разделялись всеми без исключения?

Все это настолько общепринято, что я почти уверен, что другая обзорная статья, например о высшей нервной деятельности в изложении профессора Купалова, не была бы снабжена аналогичным замечанием, хотя все члены редколлегии знают, что я и многие другие не разделяют некоторых высказываемых им теоретических положений.

Этим письмом я ни в коем случае не хочу выразить Вам нечто вроде протеста, точно также не выражаю желания, чтобы это примечание было снято как дискриминирующее. Я хотел только заметить Вам, что по существу дела оно излишне.

Прошу ознакомить с содержанием этого письма всех членов редакции.

С уважением И. Бериташвили.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 129. Л. 3. Автограф.

Академику Л.А. ОРБЕЛИ.

*Москва.**Не ранее октября 1947 г.*

В дополнение к ранее предоставленному Вам краткому сообщению о гомопластической пересадке сердца и легких у теплокровных животных (5 мая 1947 г.) мне хотелось бы информировать Вас о новых данных, полученных в нескольких экспериментах, проведенных в Институте экспериментальной и клинической хирургии АМН СССР (август–сентябрь 1947 г.).

В последних экспериментах с применением пенициллина после операции мы стали получать не только длительную выживаемость собак с пересаженным сердцем, но и процессы сращения трансплантата с тканями реципиента стали протекать довольно быстро без каких-либо специфических отклонений от нормы, указывающих на местные аллергические процессы в случае чужеродных тканей.

От молодого щенка (до 3-х месяцев) сердце после остановки (1–2 часа) очень быстро восстанавливает свою деятельность. Такое сердце сравнительно легко приспособливает свой ритм к ритму сердца реципиента и начинает сокращаться синхронно.

Из-за организационных неполадок в данное время (с октября) все работы приостановлены.

Просим Вашего высокого содействия и покровительства для продолжения исследований.

В.П. Демихов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 126. Л. 41–42. Автограф.

В Бюро Отделения биологических наук АН СССР.

Ленинград.

11 января 1948 г.

Прошу Бюро Отделения обсудить вопрос, поднятый академиком Прянишниковым, и поставить перед руководящими организациями вопрос о возможности удовлетворения, если по существу дела это целесообразно.

Лично я считаю вполне целесообразным и с деловой, и с политической точки зрения напечатание книги Н.И. Вавилова¹.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 446. Автограф.

Л.А. ОРБЕЛИ

Москва.

18 января 1948 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Я Вам послал в Ленинград проект выводов Бюро Отделения биологических наук по вопросу о внутривидовой конкуренции¹. Мне пришлось передать этот проект Н.Г. Бруевичу, который попросил меня составить для ЦК ВКП(б) краткое изложение выступлений, имевших место 11 декабря в Отделении биологических наук (копия этого изложения имеется в Бюро Отделения биологических наук; оно было согласовано с А.И. Опариным). К этому изложению необходимо было приложить и выводы Бюро. Они были также согласованы с А.И. Опариным.

Редакция "Вестника АН СССР" просила дать информацию о нашей беседе 11 декабря². Мы с А.И. Опариным считаем, что раз мы будем публиковать главные выступления на этой беседе, то в "Вестнике Академии наук" не следует излагать подробно содержание этой беседы, а указать лишь, что была такая-то беседа, были выступления таких-то лиц и что Бюро Отделения биологических наук из этих выступлений нашло возможным сделать такие-то выводы. Эти выводы и напечатать. Поэтому не откажите сообщить Ваше мнение по этому вопросу.

Что касается напечатания подробных докладов, то в соответствии с решением Бюро Отделения биологических наук мы просим подготовить к 1 февраля эти доклады Лысенко, Шмальгаузена, Авакяна, Павловского. Я также к этому дню дам свой доклад. Т.Д. Лысенко до сих пор не направил свою стенограмму и отказывается что-либо давать нам. Вероятно, придется печатать без его доклада. Окончательное решение, я думаю, мы сможем принять в Бюро Отделения биологических наук в начале февраля, когда Вы будете снова в Москве.

В Бюро Отделения биологических работ Вам покажут заявление академика Д.Н. Прянишникова, П.М. Жуковского и других относительно печатания посмертного труда Н.И. Вавилова³. Если Вы будете в этот период в ЦК ВКП(б), то, может быть, не откажете переговорить об этом с заведующим отделом науки Ю.А. Ждановым или с кем-либо другим, ведающим этими делами. Если же Вам это не удастся сделать, то могу это выполнить я по возвращении из Ленинграда. Выеду из Ленинграда 22 января. Если Вы до этого дня успеете вернуться в Ленинград, то постараюсь Вас встретить там.

С искренним приветом В. Сукачев.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1064. Л. 9. Авторизованная машинопись.

считаю всю ситуацию слишком серьезной, чтобы ограничиться наспех написанными строчками.

Как я уже не раз говорил, я непрерывно в течение двух лет продумываю трудные принципиальные методологические и научные вопросы, сопоставляю одни взгляды и высказывания с положениями марксистско-ленинской философии, с указаниями нашего дорогого вождя и положениями учения моего учителя И.П. Павлова. Я не хочу выступать с недостаточно точно сформулированными высказываниями, которые могли бы дать повод для подозрений, что я в чем-то не согласен с требованиями и установками нашего государства. Наоборот, чем дальше я углубляюсь в предмет, тем более убеждаюсь в том, что у меня нет никаких расхождений с единственно правильной философией диалектического материализма, что все кажущиеся противоречия вызваны, с одной стороны, недостаточно тщательно продуманными моими философскими, с другой стороны, недостаточно точными и правильными выводами некоторых моих товарищей из моих ранних высказываний.

Я надеюсь, дорогой Семен Иванович, что Вы не откажете на сей раз в доверии ко мне и поможете мне удержаться в доверии и со стороны наших партийных органов.

Последние месяцы я очень много полезного вынес из сессии АМН СССР и из июльской конференции АПН РСФСР по вопросам психологии. Я надеюсь, что в самом начале отпускного периода я сумею представить Вам нужные материалы.

С истинным уважением и преданностью Л. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

103.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

10 ноября 1952 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Только что вернувшись в город после праздников, я застал Вашу любезную телеграмму¹, которая доставила мне очень большое удовлетворение, так как я всегда особенно высоко ценил и продолжаю ценить Ваше расположение.

От всей души желаю Вам здоровья и сил для продолжения Вашей всегда истинно научной доброжелательной, творчески продуктивной научной работы.

С истинным уважением.

Действительный член АМН СССР профессор Н.Н. Петров.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 3. Д. 857. Л. 1. Авторизованная машинопись.

104.

И.В. СТАЛИНУ¹.

Ленинград.

3 декабря 1952 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

В 1950 г. в соответствии с Вашим указанием состоялась Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная физиологическому учению И.П. Павлова. Я не оценил своевременно значение этой сессии, ее цели, направленной на укрепление отечественной физиологии. Я занял ошибочную позицию в отношении развернувшейся на сессии критики моей работы по развитию научного наследия И.П. Павлова, упустив из виду принципиальную сторону критики.

Итоги сессии заставили, во-первых, продумать и понять место физиологической науки в борьбе за построение коммунизма, ведущейся советским народом под Вашим мудрым руководством, под руководством Коммунистической партии; во-

Наша последующая научная продукция¹ будет служить благодарностью за Ваше высокое содействие и покровительство.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 452–455. Автограф.

87.

Академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

19 апреля 1948 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Б[иблиотека] АН СССР приносит Вам горячую благодарность за Ваше исключительно чуткое отношение к сотруднице Библиотеки Е.И. Михайловой. Благодаря Вашему распоряжению она принята в клинику Военно-медицинской академии, где отнеслись к ней с большим вниманием и заботой.

Примите уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Искренне Вам преданный и глубоко благодарный

Н. Яковкин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 70. Авторизованная машинопись.

88.

А.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

25 июня 1948 г.

Глубокоуважаемый Левон Абгарович.

Месяц тому назад академик Н.А. Максимов представил Вам для напечатания в "Успехах современной биологии" мою статью "Фитогормоны и так называемая пища растений"¹. Тогда же я обратился к Вам с просьбой ознакомиться с ее содержанием и, если Вы найдете возможным, передать для напечатания в редакцию. Вы мне сказали, что сможете это сделать быстро.

Недели две тому назад и второй раз сегодня я звонил Р.И. Белкину, и он сказал мне, что такую статью он еще от Вас не получил.

Хотя мне известно, что Вы очень заняты, тем не менее позволяю себе вновь обратиться к Вам с просьбой о скорейшем напечатании статьи, если Вы найдете возможным.

Это будет важно не только с точки зрения моих личных интересов, но и интересов советской биологии.

Напечатание этой статьи в журнале "Агробиология"² исключается, так как там она не будет напечатана или будет напечатана в искаженном виде. Вернее первое.

Уважающий Вас М. Чайлахян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1177. Л. 122. Автограф.

89.

Академику-секретарю
Биологического отделения Академии наук СССР
академику Л.А. ОРБЕЛИ¹

Москва.

8 июля 1948 г.

В выписке из заключения Госплана СССР по плану научно-исследовательских работ АН СССР на 1948 г. я с изумлением прочитал следующие строки, посвященные вышедшей в 1946 г. моей книге "Факторы эволюции": "В этой книге, в противоположность учению Мичурина о породо- и формообразовании, акад. Шмальгаузен рассматривает породо- и формообразование как выискивание заносных

скрытых мутаций, которые накоплены дикой природой и не могут быть созданы культурой. Поэтому И.И. Шмальгаузен утверждает, что наиболее интенсивное породо- и формообразование шло на заре культуры, а в настоящее время этот процесс замедляется. Подобные положения разоряют практиков-селекционеров".

Ни в указанной книге, ни в каких других моих работах я нигде не писал о "выискивании заносных скрытых мутаций". Такое положение и не согласуется с моей общей концепцией целостности организма и вредности отдельных мутаций. Эта концепция была в деталях изложена в моих книгах: "Организм как целое" (1938–1942 гг.) и "Пути и закономерности эволюционного процесса" (1939–1940 гг.), которые являются существенным дополнением к "Факторам эволюции". Основные материалы всех трех книг сведены в моей книге "Проблемы дарвинизма" (1946 г.).

По моим воззрениям, в природных условиях естественный отбор не имеет дела с "отдельными мутациями" ("Проблемы дарвинизма". С. 223) и "ни одна мутация сама по себе не является этапом на пути эволюции. Процесс эволюции ни в коем случае нельзя себе представить (как это делают защитники мутационной теории) результатом простого суммирования мутаций" ("Проблемы дарвинизма". С. 224). "Естественный отбор имеет всегда дело с индивидуальными вариациями, т.е. с различиями, развивающимися на разнообразии и всегда очень сложной основе. Не последнюю роль в этом разнообразии играют и ненаследственные изменения, т.е. "модификации" ("Проблемы дарвинизма". С. 230). Книга "Факторы эволюции" не посвящена вопросам искусственного отбора, пороодообразованию домашних животных и сортообразованию у растений. В ней имеется лишь обоснование теории стабилизирующего отбора.

...Дальнейшая строго направленная селекция идет уже медленнее, хотя возможность выявления более мутабильных линий, а также гибридизации и влияния внешних воздействий позволяют и здесь рассчитывать на гораздо большие скорости и не ставят в этом смысле никаких ограничений (за исключением физиологически допустимых пределов).

В отношении растений к этому добавляется: ...у растений общая картина сложнее, так как к этому присоединялись не только более свободная гибридизация и усиленное мутирование в условиях создаваемых искусственными средствами культивирования, но также и различные другие факторы, в том числе соматические мутации, используемые методами вегетативного размножения и прививок" (С. 214).

Этим опровергается также и первое замечание Госплана, так как именно гибридизация и влияние внешних воздействий и служили Мичурину основой для селекции. Подробнее я об этих методах в "Факторах эволюции" не пишу, так как эта книга посвящена лишь ограниченному кругу вопросов.

Известно, что при работе с любым природным материалом, как прежде, так и теперь, селекционная работа идет вначале быстро, а затем замедляется. Тогда селекционеру приходится прибегать к искусственным мерам повышения изменчивости, в частности – к гибридизации. Это и есть тот метод, которым пользовался Мичурин, охотно применявший отдаленную гибридизацию с дикими формами.

Приходится сожалеть, что государственный орган, дающий руководящие указания Академии наук, считает возможным давать отзыв о книге без какого бы то ни было ознакомления с ним. Станным образом этот отзыв почти буквально повторяет некоторые места из клеветнической рецензии проф. И. Презента, напечатанной в журнале "Агробиология" за 1947 год.

Ставя Вас в известность об изложенном, прошу войти в Госплан СССР с соответствующим представлением².

Академик И. Шмальгаузен.

Академику-секретарю
Отделения биологических наук Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

28 июля 1948 г.

Уважаемый Леон Абгарович!

Убедительно прошу Вас принять участие в сессии ВАСХНИЛ¹, которая открывается 31 июля с.г. в конференц-зале Академии (Москва, Б. Харитоньевский пер., 21).

Сессия заслушает доклад "О положении в советской биологической науке".

Президент ВАСХНИЛ академик Лысенко.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 488. Авторизованная машинопись.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Колтуши.

29 августа 1948 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Мне очень больно, что при последнем свидании с Вами 22 августа я не только не сумел найти подходящую форму для того, чтобы выразить Вам мою безграничную преданность, что следовало сделать даже, если Вы в ней не сомневаетесь, но обратившись к Вам в такой момент с мелким, интересовавшим меня, вопросом, дал Вам повод хотя бы на одно мгновение допустить, что меня мало волнует угроза, нависшая над Вами, а вместе с тем и над тем грандиозным по замыслу и размаху научным творением, которому Вы посвятили свою жизнь.

Должен сознаться, что в тот день я, действительно, не дооценивал ни этой угрозы, ни вообще всей глубины трагедии, которая сейчас разыгрывается в нашей науке.

Следя за дискуссией в Сельхозакадемии¹, я полагал, что спор идет о том, какое из научных воззрений должно лечь в основу практической деятельности этой академии и, тем самым, о том, представители какого из враждующих лагерей должны стоять во главе этой практической деятельности. Использование же наступающей стороной богатого идеологического оружия я объяснял стремлением ее найти отклик в широких слоях населения и необходимостью обеспечить себе поддержку в высших правительственных инстанциях.

Но я никак не ожидал, что в такого рода спор окажется так грубо вовлеченной Академия наук, а тем более, что общественная атмосфера будет накалена настолько, что под ударом окажется не только определенная научная теория², но и сами принципы современной науки, с таким трудом завоеванные для человечества ее основоположниками, и те из нынешних представителей ее, которые последовательно руководствуются этими принципами во всей своей научной и научно-организационной деятельности. К числу этих представителей я, прежде всего, отношу Вас, который является живым воплощением наиболее глубоких и передовых принципов современной науки.

И вот это-то обстоятельство меня и потрясло больше всего. Я, конечно, полон глубокого сочувствия к Вам, как к человеку, которого уважаю и люблю, но я — еще более — полон глубокого возмущения за Вас, как одного из лучших представителей современного естествознания.

Я не буду отнимать у Вас время своими чувствами и мыслями, вызванными происходящими событиями. Скажу только, что с глубоким волнением раскрыл я номер газеты с отчетом о собрании в Академии³. И я был счастлив и горд за Вас, когда убедился, что Вы и на этот раз с честью вышли из испытания.

Я не знаю подробностей этого собрания, но мне до сих пор не удалось, по-видать кого-нибудь из товарищей, присутствовавших на нем, но даже из тенденциозного и путанного газетного отчета видно, насколько Ваше выступление отличалось от того беспринципного демагогического хаоса, который господствовал вокруг. Нет, Вы не встали на колени перед "сильными мира сего", не облачились в защитную броню демагогического фразерства! И в то же время Вы не поддались беззастенчивой провокации и неотреагировали вполне естественным в этих условиях эмоциональным образом, этим Вы только раздражили бы разбушевавшуюся стихию и подвергли бы не только себя (меньше всего Вы руководствуетесь этим), но и все дело Вашей жизни и весь огромный коллектив Ваших последователей реальной опасности. Вы оказались верны себе. Вы нашли в себе силы и в этой постыдной для ведущего учреждения страны обстановке, насколько это было вообще возможно, умело отстаивать честь и права науки, ее высокие принципы и идеалы.

Я глубоко убежден, что Ваши взгляды на руководство наукой будут признаны у нас в стране совершенно правильными, как правильными были в свое время признаны Ваши взгляды на формы преподавания в высшей школе. А сколько пришлось Вам выдержать из-за них нападков и оскорблений!

Однако пока тяжелое испытание еще продолжается. Немало еще боли предстоит Вам выдержать. Немало существует людей, которые готовы воспользоваться любой "шумихой" для того, чтобы под ее прикрытием строить свою научную карьеру, дискредитировать подлинные достижения науки, добиваться которых они не умеют, и расправляются с учеными, к которым они из зависти или других мотивов чувствуют неприязнь.

Вот почему я испытываю глубокую потребность выразить Вам в эти дни, в какой бы то ни было форме, свою беспредельную преданность и от всего сердца пожелать Вам душевных и физических сил перенести все предстоящие испытания. И так как я не знаю, каким образом выразить это в беседе, то делаю это письменно. К моему большому огорчению, я не могу сделать для Вас что-либо большее.

Все же если Вы учтете, что мои чувства – а я в этом глубоко убежден – разделяет не только подавляющее большинство Ваших многочисленных сотрудников, но и огромное число рассеянных по всей стране незаметных тружеников науки и вообще людей, искренне любящих науку, то это письмо, быть может не покажется столь малозначачим.

С чувством глубочайшего уважения, любви и благодарности

Ваш Л. Лейбсон.

Вам суждено в эти дни пережить новые удары – смерть Вашего любимого товарища, учителя и сотрудника Евгения Александровича Ганике, а также нескольких Ваших товарищей по ВМА.

От всей души еще раз желаю Вам душевных сил и бодрости, чтобы стойко пережить этот поток несчастных событий⁴.

Л. Л.

Личный архив Л. Г. Лейбсона. Авторизованная машинопись.

92.

Министру здравоохранения СССР Е. И. СМЕРНОВУ.

Ленинград.

17 августа 1949 г.

Прошу возбудить ходатайство¹ перед Советом Министров СССР о присуждении персональной пенсии внучатой племяннице И. М. Сеченова – Лидии Александровне Левандовской.

Аналогичное ходатайство я направляю Президенту АН СССР академику С.И. Вавилову.

Приложение: 1) Заявление Левандовской.

2) Справка заслуженного деятеля искусств – Е.И. Тимме.

3) Справка вдовы академика Б.В. Асафьева – И.С. Асафьевой.

Председатель Ленинградского общества
физиологов имени Сеченова
академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 63. Авторизованная машинопись.

93.

Председателю Ленинградского общества физиологов
имени И.М. Сеченова академику ОРБЕЛИ.

Москва.

3 сентября 1949 г.

Министр МЗ СССР Е.И. Смирнов не считает целесообразным возбуждать ходатайство перед Советом Министров СССР о присуждении персональной пенсии внучатой племяннице И.М. Сеченова – Л.А. Левандовской, ввиду отдаленности родства.

Председатель Ученого медицинского
совета МЗ СССР
Л.Н. Федоров.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 62. Авторизованная машинопись.

94.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

Конец 1940-х годов*

Глубокоуважаемый и дорогой Леон Абгарович!

Не могу без конца тревожить Вас, поэтому решила в письме передать Вам все, что просил Володя.

Он просил меня¹ (я только что получила это письмо) сказать Вам, как глубоко он потрясен Вашей заботой, вниманием и доверием к нему, как ценит их и как постарается оправдать – что бы не сулило ему будущее. Он не мог выразить всего этого в письме к Вам и теперь нервничает, что не сказал всего, чем через край полно его сердце. И не мог сказать в этом письме.

Есть чувства, которые нельзя выразить и тем более на бумаге. Может быть, Вы этого не знаете, но в нашей семье с Вашим именем связаны такие воспоминания, что после папиной смерти Вы были единственным человеком, к которому мы могли прийти в самые страшные, самые тяжелые минуты и знать, что Вы решите вопрос так, как решил бы его папа². А он был для нас мерилom правды и человечности. Вот почему Ваше слово, Ваше отношение, Ваше доверие и помощь не могут сравниться ни с чьим доверием и отношением. Простите, что снова отняла у Вас время, Леон Абгарович, но мне так хотелось и так нужно было сказать Вам все это.

Глубоко уважающая вас Варв[ара] Оппель.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 812. Л. 10. Автограф.

* Датируется по времени ходатайства Л.А. Орбели об освобождении В.В. Опделя. (Примеч. сост.)

95.

Директору ГИДУВа
генерал-майору медицинской службы
проф. Г.А. ЗНАМЕНСКОМУ.

Ленинград.

3 января 1950 г.

Прошу об освобождении меня от должности заведующего кафедрой физиологии и патологии высшей нервной деятельности ввиду крайней перегруженности работой. Впредь до замещения кафедры новым заведующим прошу производить мне полекционную оплату вместо выплаты штатного оклада.

Академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 221. Авторизованная машинопись.

96.

Генерал-полковнику медицинской службы
академику Л.А. Орбели.

Ленинград.

15 января 1950 г.

Настоящим учебная часть Сбора по военно-полевой терапии при ГИДУВе ставит в известность, что согласно расписанию и договоренности с Вами Ваша лекция состоится в следующие дни и часы: 26 января с.г., 13–15 ч. на тему: "Значение физиологического учения И.П. Павлова для дальнейшего развития клинической и военно-полевой терапии"¹.

Начальник Сбора генерал-майор М.А. Могучий.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 222. Авторизованная машинопись.

97.

Зав. кафедрой физиологии и патологии
высшей нервной деятельности им. акад. Павлова ГИДУВ,
академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

Не ранее 10 марта 1950 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович.

В соответствии с пожеланиями врачей-курсантов и профессорско-преподавательского состава ГИДУВа Ученый совет Института постановил организовать обсуждение вопросов, поднятых в печати академиком-секретарем АМН СССР Саркисовым, академиком Сперанским и другими¹. Первое заседание по этим вопросам намечено на 10 марта 1950 г. в 16.00 часов.

Прошу Вас принять активное участие в обсуждении указанных вопросов и дать согласие быть председателем на первом заседании 10 марта².

Директор ГИДУВа профессор Г. Знаменский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 223. Авторизованная машинопись.

98.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

28 июля 1950 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Леон Абгарович!

Мы бы очень хотели видеть Вас, но говорят, что Вы большую часть времени проводите в Комарово. Поэтому мы решили Вам написать.

Особенно неотложных дел у нас, правда, нет. Нам просто хотелось поблаго-

дарить Вас за все для нас сделанное. Каждый из нас может сказать, что ни от одного человека в жизни не видел столько хорошего, сколько от Вас.

Созданная Вами атмосфера научной работы, атмосфера свободного обмена мнений, Ваши разборы, во время которых наши данные и наблюдения получали особый смысл, так как включались в круг широких обобщений – все это было большим счастьем.

Как бы ни сложилась ситуация Вы были и остаетесь для нас УЧИТЕЛЕМ.

Мы надеемся, что у нас будет возможность дальнейшего контакта с Вами. Говорить и писать об этом, впрочем, трудно.

Нам хочется просто сказать, что в этот тяжелый момент¹ и нам очень больно.

От всей души желаем Вам бодрости и здоровья.

Любящие и глубоко уважающие Вас

Н. Трауготт,
Л. Балонов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1106. Л. 6. Автограф.

99.

Министру здравоохранения СССР тов. ТРЕТЬЯКОВУ А.Ф.

Ленинград.

1951 г.

Глубокоуважаемый Андрей Федорович!

Все происшедшее на Объединенной сессии и после нее мне представлялось следствием желания отдельных лиц опорочить мою научную деятельность, и поэтому я не смог разглядеть в организации дискуссии принципиальной основы. Это увело меня на путь оппозиции¹ к моим товарищам по науке, проводившим дискуссию.

Оказалось, что я неправильно понимал свободу критики. Партия не может допустить идейного и организационного разброда среди советских ученых.

С этой точки зрения мне стало совершенно понятной цель, преследуемая партией при организации свободных дискуссий по вопросам науки.

Совершенно очевидно, что для создания действительно монолитного коллектива ученых, коллектива, свободного от пережитков буржуазной идеологии и способного активно разрабатывать естественнонаучные основы строительства коммунистического общества, необходимо объединяться всем прогрессивным ученым нашей страны.

Встав на эту точку зрения, мне оказалось просто понять своевременность той жестокой критики, которой подверглась вся моя научная и научно-организационная деятельность.

[Л. Орбели].

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–2. Авторизованная машинопись.

100.

Академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

5 февраля 1952 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович.

Согласно решению Бюро Отделения биологических наук АН СССР от 25 декабря 1951 г. за № 40, план научно-исследовательских работ руководимой Вами группы за 1952–1955 гг. был направлен на отзыв руководству Научного совета по проблемам физиологического учения И.П. Павлова.

Прилагая при сем заключение председателя Научного совета по проблемам физиологического учения И.П. Павлова акад. К.М. Быкова и члена Научного совета проф. А.Г. Иванова-Смоленского, прошу Вас переработать план согласно указаниям IV сессии Научного совета и тем соображениям, которые высказаны в указанных выше заключениях.

Исправленный план прошу Вас представить в Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова на окончательное утверждение¹.

Академик-секретарь Отделения биологических наук АН СССР

академик А.И. Опарин.

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

101.

Академику-секретарю
Отделения биологических наук АН СССР
академику А.И. ОПАРИНУ.

Ленинград.

20 февраля 1952 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Благодарю Вас за присылку отзывов акад[емика] К.М. Быкова и проф[ессора] А.Г. Иванова-Смоленского о проектах перспективного плана моих исследований на 1952–55 гг.¹ и плана на 1952 г. Прошу извинить за задержку с ответом.

Ваше распоряжение о представлении проектов планов на окончательное утверждение в Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова мною будет выполнено.

Поскольку я обещал представить в Научный совет не только план исследований, но и развернутый доклад о методологических установках, лежащих в основе этого плана, то я должен просить, чтобы рассмотрение плана на Научном совете состоялось не ранее конца марта месяца с.г.²

Над докладом о результатах моего пересмотра всей своей прежней деятельности и методологических установок я сейчас усиленно работаю, отложив все другие дела.

С истинным уважением

[Л.А. Орбели].

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

102.

Секретарю парторганизации
Гос[ударственного] Естественнонаучного института имени П.Ф. Лесгафта
тов. Радченко Семену Ивановичу.

Ленинград.

14 июля 1952 г.

Дорогой Семен Иванович.

Пишу Вам это письмо, потому что чувствую себя виноватым перед Вами и партийной организацией нашего института. Я не выполнил в срок обещанного письменного высказывания моих мыслей и чувств по поводу критики моей научной деятельности и моих научных и философских взглядов, критики, начатой на объединенной сессии АН СССР и АМН СССР в 1950 г., развернувшейся и углубленной далее в нашей общей и специальной прессе. Я опасюсь, что из моего длительного молчания могут быть сделаны ошибочные выводы, будто я отмалчиваюсь, умышленно затягиваю свое выступление, игнорируя нашу научную общественность и т.д. Я опасюсь, что и Вы сами потеряли ко мне доверие, которое помогало мне в моей повседневной работе и создавало необходимые условия для ее успешного развития.

Я высоко ценю Ваши строгие, принципиальные, диктуемые указаниями партии и правительства советы, рекомендации и наставления, и если сейчас я не сумел оправдать Ваших ожиданий, то отнюдь не потому, что в чем-нибудь расхожусь во взглядах с Вами, и не потому, что хочу обойти молчанием критику, а потому, что

считаю всю ситуацию слишком серьезной, чтобы ограничиться наспех написанными строчками.

Как я уже не раз говорил, я непрерывно в течение двух лет продумываю трудные принципиальные методологические и научные вопросы, сопоставляю одни взгляды и высказывания с положениями марксистско-ленинской философии, с указаниями нашего дорогого вождя и положениями учения моего учителя И.П. Павлова. Я не хочу выступать с недостаточно точно сформулированными высказываниями, которые могли бы дать повод для подозрений, что я в чем-то не согласен с требованиями и установками нашего государства. Наоборот, чем дальше я углубляюсь в предмет, тем более убеждаюсь в том, что у меня нет никаких расхождений с единственно правильной философией диалектического материализма, что все кажущиеся противоречия вызваны, с одной стороны, недостаточно тщательно продуманными моими философскими, с другой стороны, недостаточно точными и правильными выводами некоторых моих товарищей из моих ранних высказываний.

Я надеюсь, дорогой Семен Иванович, что Вы не откажете на сей раз в доверии ко мне и поможете мне удержаться в доверии и со стороны наших партийных органов.

Последние месяцы я очень много полезного вынес из сессии АМН СССР и из июльской конференции АПН РСФСР по вопросам психологии. Я надеюсь, что в самом начале отпускного периода я сумею представить Вам нужные материалы.

С истинным уважением и преданностью Л. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

103.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

10 ноября 1952 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Только что вернувшись в город после праздников, я застал Вашу любезную телеграмму¹, которая доставила мне очень большое удовлетворение, так как я всегда особенно высоко ценил и продолжаю ценить Ваше расположение.

От всей души желаю Вам здоровья и сил для продолжения Вашей всегда истинно научной доброжелательной, творчески продуктивной научной работы.

С истинным уважением.

Действительный член АМН СССР профессор Н.Н. Петров.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 3. Д. 857. Л. 1. Авторизованная машинопись.

104.

И.В. СТАЛИНУ¹.

Ленинград.

3 декабря 1952 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

В 1950 г. в соответствии с Вашим указанием состоялась Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная физиологическому учению И.П. Павлова. Я не оценил своевременно значение этой сессии, ее цели, направленной на укрепление отечественной физиологии. Я занял ошибочную позицию в отношении раз-
вернувшейся на сессии критики моей работы по развитию научного наследия И.П. Павлова, упустив из виду принципиальную сторону критики.

Итоги сессии заставили, во-первых, продумать и понять место физиологической науки в борьбе за построение коммунизма, ведущейся советским народом под Вашим мудрым руководством, под руководством Коммунистической партии; во-

вторых, серьезно заняться анализом и проверкой идеологических и методологических установок, лежащих в основе моей научной работы.

Анализ всего того, что мною сделано и высказано за 50 лет научной деятельности, занял у меня много времени, потребовал углубленного вдумчивого отношения, ибо касался теоретических вопросов исключительного значения.

Сейчас я подвел первые итоги этой работы и изложил их в двух записках² по вопросам изучения высшей нервной деятельности человека. В этих записках я вскрываю свое мировоззрение в глубоком убеждении, что крепко стою на позициях диалектического материализма. Однако мне не хотелось бы предать записки гласности раньше, чем содержание их получит Ваше, Иосиф Виссарионович, суждение и я не получу подтверждение правильности моих взглядов. Ведь надо избежать новых ошибок!

Дело в том, что я не могу согласиться с утверждением критики, будто я провожу идеалистические идеи и стою на точке зрения психофизического параллелизма. Не могу согласиться также, что пути изучения высшей нервной деятельности человека, на которых стоял и стою, идут вразрез с учением моего великого учителя Ивана Петровича Павлова, хотя, может быть, в частности отличаются.

Между тем Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова при Президиуме АН СССР настаивает на безоговорочном признании ошибочности моих методологических позиций в отношении изучения высшей нервной деятельности человека и в связи с этим отводит меня от участия в разработке павловского учения о высшей нервной деятельности.

Я признаю отдельные свои ошибки – их, конечно, за 50 лет научной работы накопилось немало, но они не дают основания считать меня идеалистом и антипавловцем, тем более не могут служить основанием для отвода меня от разработки этого учения.

Обратиться к Вам, Иосиф Виссарионович, заставляет меня сознание, что я не должен вступать в спор с Научным советом, ибо это могло бы выглядеть как стремление подорвать решение Объединенной сессии двух академий и как подрыв линии ЦК партии в борьбе за укрепление отечественной науки.

Проявить осторожность в данном случае мне кажется необходимым, тем более, что я не философ, в записках же затронуты принципиальные методологические вопросы.

Мое расхождение с Научным советом в понимании этих вопросов не является моим личным делом. Речь идет о сохранении правильных принципиальных позиций и о выборе наиболее важных линий развития великого дела, начатого И.П. Павловым. И только это соображение заставляет меня просить о внимании к моим взглядам и к моему пониманию дела, изложенного в посылаемом Вам материале.

К двум запискам прилагаю также отпечаток статьи "Диалектический метод в физиологии нервной системы", напечатанной в январе 1950 г., в которой еще до сессии двух академий я пытался изложить свое понимание вопросов физиологии, исходя из философии диалектического материализма.

Я был бы счастлив, если бы Вы, Иосиф Виссарионович, нашли когда-нибудь время вызвать меня и поговорить со мною. Но я не решаюсь просить Вас об этом теперь и прошу только дать мне возможность узнать Ваше мнение³ о взглядах, мною развиваемых.

Глубокоуважающий и беспредельно преданный Вам

академик Л. Орбели.

Ленинград, проспект К. Маркса, 7а, кв. 7, Г-12-12-28.

Москва, ул. Чайковского, 25, кв. 30, Д-2-14-75.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 80–82. Авторизованная машинопись.

А.Н. НЕСМЕЯНОВУ.

*Ленинград.**3 декабря 1952 г.*

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Из письма к И.В. Сталину Вы узнаете о содержании моей просьбы.

Я нахожусь в крайне трудном положении, выход из которого вижу лишь в участии И.В. Сталина.

С этой точки зрения для меня очень важно, чтобы направленные мною материалы, в которых излагается мое понимание принципиальных методологических вопросов в физиологии высшей нервной деятельности, были бы, действительно, доведены до Иосифа Виссарионовича.

Я был бы Вам, Александр Николаевич, очень благодарен, если бы Вы смогли помочь мне и доложили бы лично И.В. Сталину о моей просьбе¹.

С глубоким уважением академик Л. Орбели.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 1260. Л. 79.

Г.М. МАЛЕНКОВУ.

*Ленинград.**3 декабря 1952 г.*

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Посылаю Вам первые результаты своей работы по анализу ошибок, вскрытых Объединенной сессией АН СССР и АМН СССР, а также копию письма к Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Я осознал порочность моей прежней аполитичности в науке и слишком большой самонадеянности в выборе путей, по которым я вел вверенные мне Партией и Правительством коллективы физиологов.

Я очень прошу Вас, Георгий Максимилианович, помочь мне укрепить снова мое положение в рядах советских ученых. Моим единственным желанием неизменно является служение моей славной Родине, нашему народу, Коммунистической партии, ведущей нас к еще более великим победам.

К сожалению, с представлением своих материалов я сильно запоздал, но требовалась тщательная проверка каждого моего высказывания.

Я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным принять меня и дать мне указания по ряду вопросов¹.

Глубокоуважающий и искренне преданный Вам

академик Л. Орбели.

РЦХИДНИ. Ф. 1717. Оп. 133. Д. 1260. Л. 46.

В Президиум Академии педагогических наук РСФСР.

*Ленинград.**2 февраля 1953 г.*

21 января 1953 г. директор ЕНИЛ тов. Шибанов А.А. вызвал меня и сообщил, что им получено из Президиума указание, что разрешение моей физиологической группе АН СССР работать в физиологической лаборатории ЕНИЛ касалось 1952 г., а в 1953 г. группа должна быть переведена на базу какого-либо другого учреждения, например в системе АН СССР.

Прошу Президиум АПН разрешить моей группе вести работу в физиологической лаборатории впредь до тех пор, пока АН СССР отведет мне соответствующее помещение. Это является особенно необходимым ввиду того, что на груп-

пе лежит обязанность выполнения работы по заданиям Ученого совета при Президенте АН, утвержденным Министром просвещения для совместного выполнения с Институтом имени Лесгафта.

Ходатайство о предоставлении мне помещения в учреждениях АН мною возбуждено¹.

Академик [Л.А. Орбели].

Личный архив Л.А. Орбели. Авторизованная машинопись.

108.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Новосибирск.

8 ноября 1953 г.*

Дорогой Леон Абгарович!

Я получил письмо от Д.Н. Насонова, в котором он сообщает мне о Вашем пожелании рекомендовать меня в Академию медицинских наук и просит выслать соответствующие документы. Несколько позже о том же писала мне Наташа Шамарина.

Прежде всего, я должен искренне поблагодарить Вас за то, что Вы не забываете меня в моем изгнании¹. С первых дней, как я пришел к Вам в лабораторию, и до сегодняшнего дня всякий знак Вашего внимания был для меня источником большого удовлетворения. В особенности ценю я Ваше внимание теперь, когда волею судеб я оторван от друзей и привычного круга жизни.

Вместе с тем мне кажется, что сейчас не стоит продвигать это дело. Еще слишком свежи в памяти события, которые повлекли мой отъезд.

Я вполне убежден, что лучше не форсировать ход событий, который, возможно, приобретает благоприятное течение. Будем надеяться, что тем или иным способом в ближайший год я получу возможность вернуться "в Россию". Сейчас мне не хотелось бы подвергаться перипетиям, связанным с выдвижением, имея в виду весьма сомнительные шансы на успех.

Разрешите пожелать Вам и Елизавете Иоакимовне здоровья и хорошего настроения, которое, несомненно, лучший залог здоровья.

Надеюсь в скором времени встретиться с Вами.

Ваш А. Гинецинский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 300. Л. 9. Автограф.

109.

А.Г. ГИНЕЦИНСКОМУ.

Ленинград.

14 ноября 1953 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

Вчера я получил Ваше письмо. Я очень рад, что Д.Н. Насонов и Н.М. Шамарина своевременно сообщили Вам о моем намерении представить Вас в действительные члены Ак[адемии] мед[ицинских] наук. Обсуждая этот вопрос, я, Дм[итрий] Н[иколаевич] и Г.М. Франк пришли к заключению, что для успеха дела выгодно, если представление пойдет еще и от Вашего Института¹, – мое личное представление принесет мало пользы, а может быть, и ни к чему не приведет. В этом я убедился, представив А.В. Тонких в члены-корреспонденты АН². Говорил я и с Н.Н. Аничковым, но не мог от него получить членораздельного ответа, предназначаются ли две единицы д[ействительного] чл[ена] по медико-биологическому отделению для каких-либо определенных специальностей или для тех, по которым

* Датируется по содержанию письма. (Примеч. сост.)

будут выдвинуты наиболее опытные конкуренты. По-видимому, есть определенная наметка на каких-то лиц, но Н.Н. не хочет раньше времени раскрыть карты.

Дорогой Александр Григорьевич, мне кажется, что Вы правы, считая это дело преждевременным³. Не поймите это так, будто я хочу отказываться от своего намерения, но во всяком случае я могу его осуществить, только имея в руках Ваше личное дело (автобиографию, анкету, список трудов, характеристику общественных организаций с Вашего нынешнего места работы), – без этого кандидатов не регистрируют.

Мне кажется более важным думать о возможности перевода Вас обратно в наши края, в нашу среду. Я надеюсь, что Вы не сомневаетесь в моем искреннем желании видеть Вас как можно ближе к себе, к своему коллективу, а еще лучше – в одном коллективе со мной⁴, безразлично, в каких бы ролях мы ни были – Вы в моем коллективе или я в Вашем.

Я хочу, чтобы Вы знали и верили, что Вы всегда были и останетесь самым любимым и самым уважаемым моим учеником и сотрудником, который дает мне право гордиться и успехами и моральными качествами питомца, – извините, что так Вас называю.

Наберитесь терпения и бодрости, еще крепче двигайте успешно идущую работу. Будем всеми силами стремиться к сближению и укреплению нашей старой дружбы и сотрудничества.

Прошу передать мой низкий поклон и сердечный привет Людмиле Иосифовне и просьбу поддерживать по-прежнему Ваш бодрый дух.

Искренне Ваш любящий и уважающий

Л. Орбели.

Личный архив А.Г. Гинецинского. Авторизованная машинопись.

110.

В.В. ПАРИНУ.

Ленинград.

18 января 1954 г.

Дорогой Василий Васильевич!

Елизавета Иоакимовна и я очень обрадованы Вашим письмом¹ с просьбой принять у себя и устроить на время ВУЗовских каникул Вашу дочку Нину.

Мы ей будем очень рады, постараемся создать ей возможный комфорт и условия для наилучшего использования поездки в Ленинград. Ждем ее!

Просим телеграфировать день выезда и номер поезда.

Мы все трое шлем Вам и всей Вашей семье привет и наилучшие пожелания.

Гарик Вас отлично помнит и часто вспоминает.

По приезде в Москву обязательно с Вами повидаемся.

Искренне преданный и уважающий Вас

Л. Орбели.

Личный архив В.В. Парина. Автограф.

111.

Вице-президенту АН СССР академику К.В. ОСТРОВИТЯНОВУ.

Ленинград.

19 февраля 1954 г.

Глубокоуважаемый Константин Васильевич!

На протяжении ряда лет, начиная со времени эвакуации академических учреждений в г. Казань и даже еще раньше (до войны), я пользовался несколько помощью и содействием М.И. Радовского в деле издания моих трудов, а также работ моих сотрудников. Им, между прочим, был вывезен мой научный архив из осажден-

ного Ленинграда, куда он был направлен по инициативе С.И. Вавилова для доставки оттуда рукописей и матриц. По указанию С.И. Вавилова, возглавлявшего серию "Итоги и проблемы современной науки", М.И. Радовский оказал мне активную помощь в опубликовании моих многолетних исследований по вопросам высшей нервной деятельности.

В настоящее время, как это известно Президиуму АН СССР, я занят обработкой как опубликованных, так и подготовленных к печати моих произведений. Для выпуска их в свет мне необходим помощник, хорошо знакомый с издательским делом. Мне хотелось бы, чтобы эти обязанности были возложены на М.И. Радовского.

Обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы соответствующим распоряжением по Президиуму АН СССР М.И. Радовский был откомандирован в мое распоряжение с обязательством выполнения им индивидуального плана по Институту истории естествознания и техники, в штате которого он состоит¹.

С истинным уважением

академик Л. Орбели.

АРАН. Ф. 411. Оп. 59. Д. 1561. Л. 30. Авторизованная машинопись.

112.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Новосибирск.

8 апреля 1954 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Уже давно хочется как-то отреагировать на те известия, которые поступают к нам в Сибирь о Ваших лекциях¹, на которых мне не суждено было присутствовать.

Не скрою, что не удовлетворившись обычными сообщениями от своих друзей (Насонова, Закса, моей Танечки), я еще специально запросил подробную информацию от Зои Ивановны.

Сопоставив все полученные сведения, хорошо зная как Вы читаете тем, кто любит и ценит слово ученого, и обладая некоторой долей воображения, я очень ясно представляю себе, что происходит по четвергам в 90 аудитории университета.

Вот и все, дорогой Леон Абгарович.

Я отправляю это письмо в твердой уверенности, что оно имеет три достоинства:

1. Оно отражает неизменную любовь и уважение автора к своему учителю.
2. Оно кратко и
3. (самое главное) оно не требует никакого ответа и, следовательно, для Вас необременительно.

Искренне Ваш А. Гинецинский.

Прошу передать мой привет Елизавете Иоакимовне.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 300. Л. 10. Автограф.

113.

Главнокомандующему Военно-морскими силами
адмиралу Флота Н.Г. КУЗНЕЦОВУ¹.

Ленинград.

Октябрь 1954 г.

Глубокоуважаемый Николай Герасимович!

Выполняя полученное мною поручение президента Академии наук СССР академика А.Н. Несмеянова относительно руководства и координации работ по изучению особенностей образования, передачи и воспроизведения звуков и речи в

условиях высокого давления в атмосфере гелий-кислородной смеси, ходатайствую перед Вами об откомандировании в мое распоряжение полковника медицинской службы Гусинского Зиновия Самойловича, находящегося в составе 4-го Военно-морского флота (ст[арший] врач ДПЛ-27), с прикреплением к Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова по кафедре физиологии военного труда².

Кроме того, прошу о выделении для участия в исследованиях:

1) водолазного специалиста, старшего лейтенанта Выскребенцева Ивана Ивановича и пяти водолазов из числа ранее работавших в постоянной Комиссии АСД (предпочтительно сверхсрочной службы), также с прикомандированием их к Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова.

Прошу также Вашего приказа о выделении в распоряжение кафедры военного труда Военно-медицинской академии (начальник кафедры генерал-майор медицинской службы М.П. Бресткин): 1. глубоководной гелий-кислородной станции – 1 комплект и к ней двух запасных скафандров ГКС-3;

2. глубоководных ИСА-1 (1951 года) – 10 аппаратов;

3. гелия – 300 куб. метров (50 баллонов по 40 л);

4. кислорода – 1500 куб. метров (250 баллонов по 40 л).

Генерал-полковник медицинской службы

академик Л.А. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф (черновик).

114.

Военному комиссару города Ленинграда
генерал-майору ПАНЧЕНКО.

Ленинград.

2 ноября 1954 г.

Ходатайствую о предоставлении отсрочки до окончания учебного заведения тов. Лондону Григорию Ефимовичу, сыну покойного выдающегося советского ученого Е.С. Лондона.

Григорий Лондон – студент-дипломант электротехникума связи, отличник учебы, оканчивающий курс и диплом в 1954 г. Родился 12 февраля 1932 г.

Я говорил об этом деле с военным комиссаром Петроградского района полковником Карповым, который сообщил мне, что тов. Лондон может рассчитывать на отсрочку¹.

Герой Социалистического Труда,
генерал-полковник медицинской службы

академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 59. Авторизованная машинопись.

115.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

20 ноября 1954 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Мы были бы очень рады, если бы Вы смогли в один день из Ваших приездов в Москву выступить перед коллективом лаборатории с научным докладом на избранную Вами тему¹.

Примите наилучшие пожелания.

С глубоким уважением

Эзрас Асратян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 514.

Командующему 4-м Военно-морским флотом
адмиралу А.Г. ГОЛОВКО.

Ленинград.

22 ноября 1954 г.

Глубокоуважаемый Арсений Григорьевич!

Президентом Академии наук СССР академиком А.Н. Несмеяновым на меня возложены организация и координирование специальной работы по теме, выдвинутой Начальником связи ВМС вице-адмиралом Цветковым Н.И. Работа эта является непосредственным продолжением работ возглавлявшейся ранее мною постоянной Комиссии по аварийно-спасательному делу, Вам хорошо известных¹.

По моей просьбе Президент АН СССР возбудил ходатайство перед Главкомом ВМС о направлении в мое распоряжение путем прикомандирования к Лаборатории эволюционной физиологии АН СССР или к Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова полковника медицинской службы Гусинского Зиновия Самойловича, находящегося в Вашем распоряжении.

Полковник Гусинский работал несколько лет в составе постоянной комиссии по АСД, и его участие в предстоящей работе является необходимым.

Убедительно прошу дать Ваше согласие на откомандирование т. Гусинского в мое распоряжение на время разработки поставленной передо мной задачи.

С истинным уважением.

Академик Л.А. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф (черновик).

Начальнику связи Военно-морских сил
вице-адмиралу ЦВЕТКОВУ Н.И.

Ленинград.

22 ноября 1954 г.

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

На основании Вашего обращения Президент Академии наук СССР академик А.Н. Несмеянов поручил мне организовать и координировать разработку специальной темы¹. По моей просьбе академик Несмеянов А.Н. обратился к Главкому ВМС с ходатайством о направлении в мое распоряжение в порядке прикомандирования в Лабораторию эволюционной физиологии АН СССР или в Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова полковника медицинской службы З.С. Гусинского, находящегося в распоряжении адмирала Головки А.Г., а также одного водолазного специалиста (т. Иванова или Вискребенцева) и трех опытных водолазов (по возможности, бывших участников возглавлявшейся мною постоянной Комиссии по АСД), находящихся в распоряжении вице-адмирала Фролова А.А.

Вскоре после этого в июле месяце я получил сигнал о том, что Начальником Главного морского штаба дано об это указание. Однако до настоящего времени ходатайство мое не удовлетворено, и названные лица ко мне не прибыли.

Таким образом, я лишен возможности начать выполнение возложенной на меня работы, а время уходит и обеспечение важной в практическом отношении выдвинутой Вами задачи откладывается.

Прошу Вас доложить об изложенном Главкому и поддержать мое ходатайство.

С истинным уважением

генерал-полковник медицинской службы

академик Л.А. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф (черновик).

118.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

8 декабря 1954 г.

Дорогой Леон Абгарович!

В определенном месте¹ меня спрашивали, кто из физиологов мог бы дать оценку моей научной деятельности. Я указала Вас. Надеюсь, что это Вас не затруднит, тем более, что Вы знаете [как] положительные, так и отрицательные стороны проведенных мною работ до и после моего приезда в Советский Союз. С большим удовлетворением я узнала, что Вы чувствуете себя лучше и что Ваша работа развивается хорошо.

Я приступаю к своей работе в весьма скромных условиях: лаборатория при биофизическом институте², в которой будет изучаться влияние физических факторов, в частности излучения ионизирующих веществ на непосредственную среду органов животного (на барьеры и метаболизм).

Желаю Вам всего хорошего.

Ваша Л. Штерн.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 1242. Л. 4. Автограф.

119.

Начальнику аварийно-спасательной службы Военно-морских сил
вице-адмиралу А.А. ФРОЛОВУ.

Ленинград.

17 декабря 1954 г.

Глубокоуважаемый Александр Андреевич!

Президент Академии наук СССР академик А.Н. Несмеянов поручил мне организацию, руководство и координацию с другими учреждениями работ по изучению вопросов связи на больших глубинах. Работа эта непосредственно связана с теми исследованиями, которые проводились несколько лет назад Постоянной комиссией по аварийно-спасательному делу под моим руководством. По моей просьбе Президент Академии наук обратился к Главкому ВМС с ходатайством о направлении ко мне одного водолазного специалиста (Иванова или Выхребенцева) и пяти опытных водолазов, а также о предоставлении соответствующего водолазного оснащения для проведения исследований в баролаборатории Военно-медицинской ордена Ленина Академии имени С.М. Кирова.

Так как и упомянутые лица и материальное оснащение находятся в Вашем ведении, я прошу Вас оказать содействие и предоставить мне возможность приступить к выполнению возложенной на меня задачи, как мне кажется, важной и для подведомственной Вам службы.

С истинным уважением

академик Л.А. Орбели.

Личный архив Л.А. Орбели. Автограф (черновик).

120.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

18 декабря 1954 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Совет Министров СССР своим постановлением от 10 августа 1954 г. возложил на АН научно-теоретическую разработку и координацию НИР по астронавтике и овладению космическим пространством, а также указал на необходимость сосредоточить внимание исследователей, работающих в этой области, на решение ряда

проблем, в том числе на решение проблемы создания искусственного спутника Земли. На первой стадии – на искусственном спутнике Земли – организация широкого круга научных исследований. Комплекс научных исследований.

Прошу Вас высказать свои предложения об организации биологических и биофизических исследований по искусственному спутнику Земли, исходя из возможности достижения высот до 1000 км и учитывая требование минимального объема и веса всего потребного для исследований оборудования.

Наряду с этим прошу Вас обсудить возможность включения в план НИР ЕНИ имени Лесгафта тем, предусматривающих изучение жизни при отсутствии силы тяжести и действия на человеческий организм больших ускорений, а также тем, предусматривающих разработку приборов и оборудования космического корабля для проведения необходимых измерений, а также для создания внутри корабля условий для длительного пребывания в них человеческого организма.

Помимо этого прошу Вас сообщить о Вашем согласии принять участие в работе "Постоянной межведомственной комиссии по координации и контролю научно-теоретических работ в области организации и осуществлении межпланетных сообщений" в качестве ее члена.

При этом направляю Вам состав этой комиссии¹.

Главный ученый секретарь Президиума АН СССР
СПбФ. АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 89. Л. 59–60. Подлинник.

А.В. Топчиев.

121.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ленинград.

22 июня 1955 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Вчера Вы просили меня позвонить Вам, но я все время был занят с французскими учеными, почти до отхода поезда в Москву.

Если Вы должны были мне передать что-либо существенное, не откажите в любезности написать мне об этом сюда (Москва, Большая Калужская, 13, кв. 115).

Я был у товарища Козлова, говорил о Вашей лаборатории, указывал, что лучший выход – предоставление специального здания¹ с хорошим двором для вивария (собачника).

Ф.Р. Козлов просил меня написать ему обо всем этом докладную записку.

Без Вас мне трудно это сделать – я не знаю сколько нужно комнат, какая общая площадь и т.д. Поэтому прошу Вас поручить своему помощнику написать пожелания, которые я должен включить в свою записку (еще лучше составить проект записки), и прислать мне в Москву по указанному адресу.

Шлю Вам и Вашей семье сердечный привет и самые лучшие пожелания.

Ваш П. Баранов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 97. Л. 1. Машинопись.

122.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Киев.

24 сентября 1955 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Я был несказанно обрадован Вашей поздравительной телеграммой¹ такой теплой, сердечной. От всей души благодарю Вас за нее. Ваш привет как человека, которого я всегда глубоко уважаю и ценю, мне особенно дорог.

Разрешите передать Вам мои самые лучшие пожелания!

С сердечным приветом, Ваш А. Палладин.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 838. Л. 3. Авторизованная машинопись.

123.

Генерал-полковнику медицинской службы Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

26 сентября 1955 г.

Сообщаю, что определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 сентября 1955 г. приговор 14 декабря 1942 г. в отношении Опделя В.В. отменен и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Опель В.В. из ссылки на поселение подлежит немедленному освобождению.

Определение Военной коллегии для исполнения направлено по месту нахождения Опделя В.В. в ссылку.

Заместитель председателя военной коллегии Верховного
суда СССР полковник юстиции Борисоглебский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 75.

124.

Генерал-полковнику медицинской службы Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

26 сентября 1955 г.

Сообщаю, что Оппель В.В. полностью реабилитирован. Его осуждение явилось результатом нарушений советской законности, допущенных со стороны некоторых бывших работников следственных органов.

Заместитель Главного военного прокурора
полковник юстиции Д. Терехов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 76. Авторизованная машинопись.

125.

Президенту АН СССР академику А.Н. НЕСМЕЯНОВУ.

Ленинград.

19 ноября 1955 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

В связи с вопросом о предоставлении т. Слепян Э.И. возможности продолжения начатых им работ по исследованию злокачественных опухолей растений, сообщаю, что считаю начатое направление работ т. Слепян Э.И. чрезвычайно важным и перспективным.

Ходатайствую о выделении Ботаническому институту имени акад. В.Л. Комарова АН дополнительной единицы младшего научного сотрудника для обеспечения развития работ т. Слепян Э.И.¹

С директором БИНа член[ом]-корр[еспондентом] АН СССР, проф[ессором] П.А. Барановым вопрос согласован.

Академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 26. Л. 67. Машинопись.

126.

А.Н. НЕСМЕЯНОВУ.

Ленинград.

26 декабря 1955 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

В результате посещения моей лаборатории и ознакомления с ее задачами и нуждами первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ф.Р. Козлов посоветовал мне обратиться к Вам с новым вариантом обеспечения лаборатории и будущего

Института эволюционной физиологии¹ площадью. Козлов советует построить специальное для Института эволюционной физиологии необходимое здание в районе Поклонной горы, приняв за основу типовой проект школьного здания. При этом Козлов считает возможным поручить строительство Главленинградстрою Министерства строительства СССР со сроком исполнения один год.

В состав строительства должны войти:

1. Основное здание Института с рабочей площадью 2270 кв. м.
2. Здание для источников проникающих излучений с рабочей площадью в 400 кв. м.
3. Здание собачника с рабочей площадью 400 кв. м.
4. Здание вивария – 400 кв. м.

Стоимость постройки основного здания 2 869 000 рублей.

Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 89. Л. 83. Отпуск.

127.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Тбилиси.

26 декабря 1955 г.

Дорогой Леон Абгарович!

В бытность свою в Москве я близко познакомился с злободневными вопросами насчет президиума Всесоюзного физиологического общества¹, насчет организации делегации физиологов и фармакологов на международный конгресс² и насчет продолжающейся дискриминации в отношении нас, также Анохина и Воронцова. Я по этим вопросам говорил с Энгельгардтом, Коштойнцем, Анохиным, а также с А.Н. Бакулевым. Сейчас существует такая печальная картина на физиологическом фронте, что хуже нельзя было представить³. Нами управляет, в буквальном смысле слова, Л.Г. Воронин совместно, конечно, с А.В. Палладиным. А они проводят ту политику дискредитации, какая была создана искусственно по воле Ю. Жданова. Когда я заговорил об этих наболевших вопросах с А.Н. Бакулевым, он во всем соглашался со мной и мне предложил обо всем этом поговорить в ЦК. Он тут же позвонил в Отдел науки и культуры тов. Данилову Б.Н. и уговорил принять меня и выслушать. 19 декабря я был у него.

Я решил Вам сообщить обо всем том, о чем я говорил тов. Данилову, в надежде, что Вы поймете меня и со своей стороны, при случае, настойчиво будете говорить о том же.

Вот в кратких чертах, о чем я говорил:

1. Всесоюзный физиологический съезд в Киеве вынес резолюцию⁴, где был пункт, осуждающий деятельность павловского совета. Президиум же Центрального совета физиологического общества отменил этот пункт. В Советской Конституции, а также в положениях физиологического общества нет такого параграфа, который уполномачивал бы президиум общества отменять негодные ему постановления съезда общества. Этот поступок президиума, безусловно, был незаконен. Правление грузинского физиологического общества не согласилось с этим постановлением президиума Центрального совета, оно потребовало поставить этот вопрос на заседании самого Центрального совета и незамедлительно опубликовать постановление киевского съезда. Но президиум не обратил на это внимание. Только сегодня я получил постановление съезда. Оно выслано после моего пребывания у тов. Данилова 21 декабря.

2. Президиум Центрального совета своим поступком показал, что он не желает выполнять постановления Всесоюзного физиологического общества. Поэтому он должен быть смещен, т.е. Центральный совет должен избрать новый президиум. Я указывал также, что президиум всякого научного общества должен состоять из наиболее видных специалистов данного общества. Между тем в нынешний прези-

диум физиологического общества почему-то не входят наиболее видные физиологи, например Орбели, Коштоянц, Анохин, Воронцов, Черниговский. Тов. Данилов записал это у себя. Он меня просил сказать, кто именно входит в нынешний президиум; я назвал только несколько имен. Остальные не припомнил. Между тем надо было показать весь географический состав из случайных людей. Если Вы будете у тов. Данилова, не забудьте показать протокол майского заседания Центрального совета, где открытым голосованием (почему-то открытым) избирался президиум по географическим признакам. Я Вам напомним на всякий случай: зам[еститель] председателя Бакурадзе – закавказские республики; Булыгин – БССР; Верещагин П.К. – район Свердловска; Воронин – Москва; Купалов – Ленинград; Рожанский – РСФСР; Энгельгардт – Москва; Юнусов А.Ю. – среднеазиатские республики; кроме того, членами президиума являются Аничков С.В., Базанова Н.У. – Алма-Ата; Закусов А.А., Луганский Н.И. – Киев и Шмидт А.А. – Рига. Как видно, в президиуме большинство случайных людей: Бакурадзе, Булыгин, Верещагин, Воронин, Юнусов, Базанова, Луганский, Шмидт.

3. Наша делегация на Международном конгрессе физиологов и фармакологов должна отражать более или менее полно состояние советской физиологии. Для этой цели она должна включать всех более или менее видных старых и молодых физиологов и фармакологов. Такими являются по общему признанию действительные члены и члены-корреспонденты Всесоюзной Академии наук, Медицинской академии, Украинской и других республиканских академий. Всего, по моим расчетам, – около 35 человек. Всем им должно быть предоставлено право участия в этой делегации. Кроме того, надо командировать из молодых исследователей и докторов, которые могут доложить интересные результаты своих исследований, как Ю.Д. Смирнов, Костюк (Киев), Б.А. Коган (Ростов), А.И. Ройтбак (Тбилиси), Бакурадзе, Нарикашвили (Тбилиси), Е.К. Жуков (Ленинград), Волохов, Турпаев (Москва), Гершуни, Данилов (Рига), Латмазинова. Конечно, этот список может быть расширен. Тов. Данилов спрашивает: бывают ли такие большие делегации? Я указал, что на историческом съезде в Риме было 24 делегата, а на биохимическом съезде от нас было 19 человек. А ведь физиологов и фармакологов несколько раз больше, чем биохимиков! От одной Югославии или какой-нибудь другой демократической республики будет не менее 20–30 делегатов, а из США – не менее 500 делегатов. Нужно показать Данилову список членов – представителей физиологического конгресса, по которому он увидит, какое жалкое впечатление должна производить наша крошечная делегация своими несколькими докладами среди множества докладов из Америки и других стран.

Я, между прочим, показал мое письмо на имя А.Н. Несмеянова⁵, где дается ответ на предложение Академии принять участие в делегации. Я прямо говорю, что приму участие только в том случае, если делегация будет достаточно обширная, с участием Орбели, Насонова, Воронцова, Гинецинского, Кибякова, Коштоянца и других наиболее видных старых и молодых физиологов.

4. Во главе делегации должен стоять обязательно физиолог, а не биохимик. Я сказал, что самым подходящим главой являетесь Вы. Я, вообще, не представляю себе делегации без Вас. Сейчас Ваше участие весьма необходимо для нашего научного и политического престижа.

5. Дискриминация моего авторитета, Вашего, Анохина, Воронцова продолжается. Я указал, как меня, Анохина и Воронцова не включали в состав Оргкомитета Всесоюзного съезда физиологов и затем не включили их, а также Вас в Президиум вновь избранного Центрального совета. Указал, как "Вестник АН СССР" по предложению академика Топчиева, "Журнал высшей нервной деятельности" по предложению Воронина отказались напечатать коротенькие сообщения о моем юбилее⁶. Говорил также о том, как Вы до сих пор не можете наладить исследовательскую работу, не можете осуществить постановление Президиума Академии

о создании лаборатории или института сравнительной физиологии⁷. Я прямо указал, что надо предоставить Вам готовое учреждение, хотя бы биостанцию Колтуши, чтобы не начинать Вам в 75-летнем возрасте создавать новое учреждение и потерять на это еще несколько лет.

Между прочим, я сказал, что я в Тбилиси совершенно реабилитирован, что в данный момент я член Президиума АН Грузинской ССР, председатель Отделения биолого-медицинских наук АН Грузинской ССР, председатель Грузинского физиологического общества. Предлагали также должность директора института, но я отказался, ибо этот пост меня не прельщает, тем более, что я являюсь научным руководителем института. А здесь в Москве ничего этого не хотят признать и продолжают меня дискредитировать.

Вот о чем и как говорил с Бакулевым, Даниловым и с другими. Теперь нужно, чтобы Вы и другие авторитетные физиологи говорили в этом же духе и в Центральном Комитете, и в отделениях, и в президиумах академий, чтобы поскорее ликвидировать то печальное положение, которое было создано по воле Юрия Жданова на физиологическом фронте и сейчас усиленно поддерживается Черкашиным и Топчиевым – теми самыми лицами, которые как раз и осуществляли, по воле Ю. Жданова, разложение советской физиологии.

С уважением И. Бериташвили.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 129. Л. 7–9. Автограф.

128.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ереван.

10 февраля 1956 г.

Многоуважаемый Леон Абгарович!

Я получил от Комитета Нобелевских премий (из Швеции) письмо с просьбой предложить кандидатов на получение Нобелевской премии в 1957 г. по разделу физиологии и медицины. Письмо строго конфиденциальное, и я к Вам обращаюсь, разумеется, тоже конфиденциально. Я подумал о Вашей кандидатуре¹.

Считаясь с тем, что Вы приедете на выборное собрание АН Арм. ССР, прошу Вас (если, разумеется, Вы не имеете возражений против того, чтобы я выставил Вашу кандидатуру) привезти с собой необходимые материалы – так требуется по статуту этих премий, чтобы я мог наилучшим образом мотивировать свое предложение.

С приветом, до скорой встречи проф. Л. Оганесян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 806. Л. 1. Автограф.

129.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ереван.

1 марта 1956 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Прежде всего, благодарю Вас за то, что Вы вспомнили меня в день моего юбилея¹. Мне особенно лестно было получить Ваше поздравление, именно от Вас, как от одного из людей науки, которого я чрезвычайно уважаю.

Приезжает в Ленинград один из моих учеников, податель настоящей записки. Он имеет кое-какие вопросы, с которыми хочет обратиться к Вам. Если окажется возможным, обяжете меня, если дадите ему нужные советы.

С приветом Л. Оганесян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 806. Л. 2. Автограф.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Тбилиси.

18 апреля 1956 г.

Дорогой Леон Абгарович!

От имени Оргкомитета Закавказского съезда физиологов, биохимиков и фармакологов прошу Вас принять участие в работе съезда¹ в Боржоме 24–29 мая этого года. Прошу Вас приехать с Елизаветой Акимовной. Отдохнете здесь немного. Мы Вас устроим в Ликанском дворце. Приятно проведете время и нам окажете помощь в обсуждении докладов.

В случае, если Елизавета Акимовна не сможет приехать, просим Вас взять спутника из своих сотрудников, кого хотите.

Мое участие на Международном физиологическом съезде в Брюсселе² зависит от состава делегации и кто будет ее возглавлять.

Меня интересует Ваше мнение об этой делегации и Ваша роль в ней. Привет Елизавете Акимовне от меня и Ольги Антоновны.

С уважением И. Бериташвили.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 806. Л. 10. Автограф.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Ереван.

4 декабря 1956 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Я недавно обратился к Вам с письмом по весьма важному делу и не получил ответа. Очевидно, Вы моего письма не получили. Я обращаюсь к Вам еще раз: сообщая, что я получил от Нобелевского комитета просьбу представить кандидата на получение Нобелевской премии по разделу физиологии и медицины. Я получил все необходимые материалы о Вас для Вашего представления, но я очень хотел бы, чтобы по заготовлению мною проекта ответа на указанный запрос проконсультироваться с Вами, чтобы представление это выглядело бы очень убедительно. Поэтому я прошу Вас сообщить, как мы можем это сделать. Я очень надеялся на то, что Вы приедете в нашу академию, и думал тогда же решить этот вопрос, но Вы не приехали и это затруднило дело. У меня осталась одна возможность – когда мой проект ответа будет готов, послать его к Вам через оказию для проверки. Если Вы можете разрешить этот вопрос как-нибудь иначе, прошу срочно написать мне. Мой ответ в Швецию должен быть послан в середине января.

Извините за некоторую небрежность и торопливость моего письма, я пишу с места работы, а врач, который передаст Вам это письмо, уезжает сегодня же.

Разумеется, весь этот вопрос держится в строгом секрете, как это требуется обращением означенного комитета¹.

С дружеским приветом

профессор Л.А. Оганесян.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 806. Л. 3, 4. Автограф.

Президенту Академии наук СССР
академику А.Н. НЕСМЕЯНОВУ*.

Ленинград.

19 декабря 1956 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

В связи с предстоящими выборами академиков и членов-корреспондентов АН СССР, прошу Вас установить по Биологическому отделению вакансию члена-корреспондента по физиологии.

Основанием для этого ходатайства является следующее: физиологическая наука представлена в Академии наук СССР четырьмя академиками и тремя членами-корреспондентами, основное направление работ которых составляет изучение нервной системы. Проблемы же, связанные с изучением вегетативной физиологии (дыхание, кровообращение, секреторная функция и др.), т.е. разделы в отечественной физиологии наиболее отстающие, должным образом в Академии наук не представлены.

Необходимо отметить, что отставание в изучении вегетативных функций лишает физиологию необходимой равномерности развития в нашей стране. Вместе с тем такое отставание влечет за собой и ряд отрицательных последствий при осуществлении чисто практических заданий, связанных с исследованиями, теоретической базой для которых является физиология. Это отставание, несомненно, сказывается и на успешности разработки самой физиологии нервной системы, изучение которой требует точного знания физиологических механизмов тех функций, которыми она управляет.

Необходимо пополнить состав Академии ученым-физиологом, который мог бы возглавить работы в отстающих областях.

Считаю, что эту задачу может выполнить профессор А.Г. Гинецинский¹, исследования которого в области адаптационно-трофической функции симпатической системы, онтогенеза дыхательной функции крови, эволюции холинэргических механизмов и развития секреторной функции широко известны в нашей стране и за рубежом. Профессор А.Г. Гинецинский является одним из выдающихся физиологов нашего времени. Будучи физиологом широкого профиля и обладая специальными знаниями в различных разделах физиологической науки, он сможет осуществлять ответственную экспертизу по многим вопросам, которые возникают при Академии.

Весьма значительны заслуги А.Г. Гинецинского и как организатора науки. Им были заново созданы лаборатории в бывшем Физиологическом институте им. И.П. Павлова АН СССР, кафедра физиологии в Ленинградском педиатрическом и в Новосибирском медицинском институтах².

Руководя этими лабораториями, он подготовил большое число научных работников. Им самим и руководимым им коллективом опубликовано в общей сложности более 200 экспериментальных исследований. Им написано также два учебника³, получивших всеобщее признание и являющихся основными руководствами для студентов и молодых научных работников.

В настоящее время А.Г. Гинецинский является моим заместителем по научной части в руководимом мной Институте эволюционной физиологии АН СССР.

Придя в мою лабораторию в 1922 году еще студентом, А.Г. Гинецинский на протяжении 35 лет был моим ближайшим сотрудником и неизменным помощником. В настоящее время он является наиболее ярким представителем того направления в физиологии, которым идет руководимый мною коллектив.

На меня возложена организация нового института, призванного развивать

* Одновременно письмо аналогичного содержания за подписью Л.А. Орбели было направлено Заведующему Отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллину. (Примеч. сост.)

проблемы эволюционной физиологии, которая зародилась в нашей стране. Задача эта сложная и ответственная. Для успешного разрешения ее я считаю особенно важным, чтобы мой ученик, неизменный помощник и заместитель по этому институту, вошел бы в состав АН СССР⁴.

С искренним уважением

академик Л.А. Орбели.

Личный архив А.Г. Гинецинского. Заверенная копия.

133.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

9 февраля 1957 г.

Дорогой Леон Абгарович!

Получил Ваше письмо по поводу издания Атласа мозга собаки¹. Письмо Ваше чрезвычайно важно и нами будет представлено в Академию медицинских наук и Медгиз Н.А. Виноградову.

Выражаю Вам благодарность за внимание.

С приветом Саркисов.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 982. Л. 1. Машинопись.

134.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

23 февраля 1957 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Позволю себе обратить Ваше внимание на одно дело, в разрешении которого мы рассчитываем на Ваше авторитетное содействие.

7 апреля исполняется 90 лет со дня рождения А.Ф. Самойлова. Следует заметить, что ни 25-летие со дня его смерти (1955), ни эта дата никак не отмечались советской научной общественностью, что, разумеется, весьма прискорбно, так как хорошо известны крупные научные заслуги этого выдающегося физиолога.

Стремясь собрать материал для научной биографии А.Ф. Самойлова, мы вместе с сотрудницей нашего института Норой Андреевной Григорьян разыскали личный архив Самойлова¹, который оказался в хорошей сохранности в руках одной из дочерей Александра Филипповича – Анны Александровны, проживающей в Москве.

В составе этого архива имеются, помимо рукописей опубликованных работ, также рукописи неопубликованных сочинений, в частности "Курс электрофизиологии", "Курс физиологии для студентов университетов" и др. Кроме того, в архиве имеется значительное эпистолярное наследие: два письма И.П. Павлова, одно письмо И.М. Сеченова, ряд писем В. Эйнтховена, А. Гилла, Дж. Фултона, А. Ротбергера, Р. Магнуса, У. Кеннона и часть черновиков писем А.Ф. Самойлова к этим физиологам. Далее, среди бумаг А.Ф. обнаружены черновики его писем к С. Рахманинову по вопросам теории музыки, которой А.Ф., как известно, очень интересовался, а также письмо к А.Ф. от группы композиторов, подписанное Рахманиновым, Гречаниновым, Танеевым, Шором² и др.

Родственники А.Ф. – люди, не имеющие отношения к науке и лишь чтущие память его и потому сохранившие его архив. Создается впечатление, что они тяготятся тем, что большое количество бумаги занимает у них место. Во всяком случае, они изъявляют готовность безвозмездно передать этот архив в любое учреж-

дение, которое согласится принять его на хранение. Таким местом, по нашему мнению, мог бы быть Архив АН СССР, почему я и обращаюсь к Вам с просьбой оказать в этом деле содействие. Если Вы разделяете точку зрения о необходимости сохранения и изучения научного наследия А.Ф. Самойлова, очень прошу Вас ответить на это письмо.

Сверх того, кажется важным издать сборник "Избранных трудов"³ А.Ф. Самойлова, принимая во внимание, в частности, то обстоятельство, что многие его работы, рассеянные по заграничным журналам, никогда не печатались по-русски. В этом деле Ваше содействие тоже было бы чрезвычайно важным. Все технические хлопоты по передаче и разборке архива возьмет на себя Н.А. Григорьян, уже сейчас многое выяснившая относительно его содержания.

С глубоким уважением профессор Л. Бляхер,
заведующий Сектором истории биологических наук ИИЕиТ АН СССР.

Москва, центр, Новая площадь, д. 3, подъезд 2. Институт истории естествознания и техники АН СССР. Леонид Яковлевич Бляхер.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 138. Л. 1. Авторизованная машинопись.

135.

В.В. ПАРИНУ.

Ленинград.

22 апреля 1957 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Васильевич!

Сегодня узнал об единодушном избрании Вас на пост академика-секретаря АМН СССР¹.

Искренне радуюсь, поздравляю Вас, желаю всякого благополучия и успехов в работе.

Прошу принять поздравления также от Елизаветы Иоакимовны и Гарика и передать привет от нас всех Вашей семье.

С истинным уважением и преданностью

Л. Орбели.

Личный архив В.В. Парина. Автограф.

136.

Академику Л.А. ОРБЕЛИ.

Свердловск.

26 апреля 1957 г.

Глубокоуважаемый Леон Абгарович!

Институт биологии Уральского филиала АН СССР предполагает возбудить ходатайство о присвоении ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому, известному специалисту в области генетики, радиобиологии и биофизики¹.

Работы Н.В. Тимофеева-Ресовского широко известны как у нас, так и за границей. Он является одним из ведущих ученых в области генетики и в особенности по тем вопросам, где генетика соприкасается с физикой и химией.

В ряде работ Н.В. Тимофеева-Ресовского был достигнут глубокий синтез физики и биологии, что является серьезным шагом в деле познания биофизической природы элементарных структурных основ наследственности.

Н.В. Тимофеев-Ресовский создал ряд сводок и монографий по важным проблемам биологии.

В связи с вышесказанным, прошу Вас не отказать в любезности высказать свое мнение по данному вопросу.

Ученый совет Института был бы Вам крайне благодарен, если бы Вы сочли возможным прислать Ваше мнение о научной деятельности Н.В. Тимофеева-Ресовского².

Председатель Ученого совета Института биологии Уральского филиала АН СССР

доктор биологических наук С.С. Шварц.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 27. Л. 207. Подлинник.

137.

Л.А. ОРБЕЛИ*.

Миасс.

1957 г.*

Многоуважаемый Леон Абгарович!

Посылаю Вам одновременно с этим письмом ряд оттисков моих работ и работ моих сотрудников, посвященных получению мутаций облучением нейтронами и смежным вопросам. Некоторые оттиски, к сожалению, разошлись.

С искренним приветом и уважением Николай Владимирович
Тимофеев-Ресовский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 94. Л. 149. Автограф.

138.

Члену-корреспонденту АН СССР
профессору Э.А. АСРЯТЯНУ.

Ленинград.

7 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Эзрас Асратович.

От В.Л. Меркулова я узнал, что Вы любезно согласились взять на себя заботу по представлению в РИСО АН СССР труда Меркулова об академике А.А. Ухтомском, а также по ответственному редактированию его. Я познакомился с некоторыми важными разделами книги, предполагаемой к изданию, и горячо поддерживаю Ваши предположения. Я не сомневаюсь, что покойный академик А.А. Ухтомский принадлежал к той категории людей и ученых, личность и творческий путь которых должны быть сделаны достоянием широких кругов населения нашей Великой Родины, особенно учащихся и начинающих молодых научных работников.

В.Л. Меркулов с большой чуткостью, любовью и пониманием дела подошел к освещению личности и жизненного пути Алексея Алексеевича, и при условии такого авторитетного редактирования, как Ваше, а также еще и при наличии критического разбора со стороны коллектива бывших сотрудников Ухтомского книга¹ окажется весьма и весьма полезной.

На случай, если бы Вам понадобилась поддержка в этом начинании, я посылаю Вам свое обращение в РИСО.

С уважением и приветом

Л. Орбели.

Личный архив Э.А. Асратяна, Автограф.

* Датируется по содержанию письма С.С. Шварца. (Примеч.: сост.)

А.И. БУРНАЗЯНУ.

Ленинград.

Не ранее 5 сентября 1957 г.*

Глубокоуважаемый Аветик Игнатьевич.

Прошу присоединить мой голос к ходатайству пред Президиумом Верховного Совета РСФСР о присвоении почетного звания заслуженного деятеля науки члену-корр[еспонденту] АМН СССР профессору, генерал-майору медицинской службы Лебединскому Андрею Владимировичу¹.

Я знаю А.В. Лебединского с его юношеских лет, когда он студентом Военно-медицинской академии начал работать на кафедре физиологии. Почти вся его многогранная и плодотворная научно-исследовательская, педагогическая и организационная деятельность протекала затем на моих глазах.

Я считаю А.В. Лебединского одним из самых выдающихся, обладающих большим талантом, физиологов нашей страны. Общение с крупнейшими физиками нашими (М.А. Шателеном, А.А. Добиашем, В.К. Лебединским, В.Ф. Миткевичем и др.) дало ему возможность глубоко вникнуть в современные вопросы физики, усвоить целый ряд физических методов исследования, умело применить их к изучению физиологических проблем и стать высококвалифицированным физиологом и биофизиком, равно компетентным в биологической и физической стороне изучаемых явлений и процессов.

Обладая исключительным педагогическим талантом, он не только увлекал слушателей своих аудиторий, но и вовлекал их в сферу своих научных исканий и сделался одним из лучших руководителей научно-исследовательской работы. Нельзя не подчеркнуть широкий охват физиологических вопросов, имеющих одновременно большое теоретическое значение и непосредственную практическую применимость к задачам медицины и обороноспособности нашей Родины.

Я полагаю, что присвоение ему высокого почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР явилось бы актом справедливой оценки его заслуг перед наукой и перед практикой строительства новой жизни в нашей Великой Родине.

Герой Социалистического Труда,
заслуженный деятель науки, лауреат Сталинской премии,
генерал-полковник медицинской службы академик Л. Орбели.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 223. Л. 4. Авторизованная машинопись.

Л.А. ОРБЕЛИ.

Москва.

11 сентября 1957 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Леон Абгарович!

Разрешите мне, хотя и с большим опозданием (я только что вернулся из отпуска, где был оторван от всего цивилизованного мира), выразить Вам мое самое искреннее поздравление с Вашим прошедшим юбилеем¹.

Ваша честная и твердая позиция в принципиальных вопросах, которую Вы всегда занимали, вызывала у всех нас – московских биологов – искреннее восхищение.

Очень печально, что все то направление в физиологии, которое было начато И.П. Павловым² и продолжено под Вашим руководством в Колтушах³, – я имею в виду физиологическую генетику – совершенно прекратило свое существование. А в этом направлении, безусловно, могли бы быть уже достигнуты интересные результаты.

* Датируется по письму А.И. Бурназяна к Л.А. Орбели с просьбой дать отзыв о научной деятельности А.В. Лебединского. (Примеч. сост.)

Я лично продолжаю использовать генетический метод для решения некоторых вопросов физиологии высшей нервной деятельности и постоянно вижу продуктивность этого метода.

Искренне желаю Вам здоровья и продолжения Вашей глубоко плодотворной деятельности.

С глубоким уважением Л. Крушинский.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 602. Л. 13–14. Подлинник.

141.

Ю.Н. ВАВИЛОВУ.

Ленинград.

17 сентября 1958 г.

Глубокоуважаемый Юрий Николаевич!

Ввиду моей длительной болезни с повторными осложнениями я только теперь получил возможность ответить на Ваше письмо.

Если позволят силы, то я с большим удовольствием приму участие в сборнике воспоминаний о Николае Ивановиче, которого я всегда очень ценил и уважал¹.

Меня беспокоит только вопрос: не опоздал ли я с моим ответом и, второе, какого размера заметка допустима в Вашем сборнике? Будьте любезны сообщить мне, и я, по мере сил, постараюсь не задержать [с] ответом².

С искренним уважением

академик Л.А. Орбели.

Личный архив Ю.Н. Вавилова. Копия.

ВОСПОМИНАНИЯ

М.К. Петрова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ И.П. ПАВЛОВЕ (моя исповедь)*

...И как все изменилось с его смертью. Как изменились люди, вся обстановка, какая переоценка ценностей произошла после его смерти.

Я буду продолжать его дело, как он хотел, но я буду работать с Л.А. Орбели, которого всегда Иван Петрович любил, уважал и ценил...

Да, со смертью Ивана Петровича произошла переоценка ценностей, черное стало белым и обратно, и я нисколько не жалею, что совершенно отошла от людей, которые оказались совершенно не такими, как казались раньше¹.

В Москве, видя, что мы не пришли ни к какому заключению относительно замещения отдела Ивана Петровича в ВИЭМе, назначили Л.А. Орбели, который, значит, кроме Физиологического института АН СССР (куда он был назначен замещать Ивана Петровича по распоряжению правительства раньше) должен был взять в свои руки и ВИЭМ с Колтушами и клиниками²...

Мне трудно было бороться за правое дело Ивана Петровича. Назначение Л.А. Орбели я считаю этим правым делом: на последовавший на это бойкот меня со стороны большинства сотрудников я болезненно не реагировала, потому что они стали для меня настолько безразличны, особенно после того, как некоторые из них показали себя в новом свете...

Орбели было тяжело и неприятно. Атмосфера, поддерживаемая Купаловым, была не из приятных. Про него [Орбели] распустили всякие нелепые слухи, вроде того, что он не понимает условных рефлексов и не интересуется ими и что он на научных конференциях, устраиваемых им, спит и т.п. чепуху... Я уверена, что Орбели прекрасно понимает условные рефлексы, гораздо больше многих специалистов-условников.

Имея большое свое дело, а также большое дело Ивана Петровича в Академии и Колтушах, которые ему надо было продвигать, он решил сосредоточить свое внимание в Колтушах, расширить и углубить его работы и создать достойный памятник Ивану Петровичу. Он оставил Ленинградский филиал ВИЭМ. Какую радость вызвало это заявление Л.А. Орбели об уходе из ВИЭМа. К[упалов] вновь ожил, теперь он уже был уверен, имея сильную поддержку в А.Д. С[перанском], что хотя бы остатком от всех отделов Ивана Петровича он все-таки будет заведывать.

Несмотря на то, что я 24 года работала и работаю в этом отделе Ивана Петровича и 21 год служу уже в одной комнате со своими собаками, где мне все дорого и говорит о счастливых днях, проведенных с Иваном Петровичем, и мне, кроме того, на старости лет очень трудно менять свой жизненный стереотип; несмотря на все это, тем не менее, не задумываясь ни на минуту, решила уходить

* Из "Воспоминания..." приводятся лишь фрагменты об Л.А. Орбели. (Примеч. сост.)

из насиженного места и работать с достойным преемником Ивана Петровича – Орбели, где бы то ни было. Работать с людьми, превосходство которых над собой я не чувствую, я не могу, а халтурить я не умею. Когда Л.А. Орбели совсем отказался от нашего отдела, он спросил меня, не изменила ли я своего намерения работать с ним, на что я ему ответила, что решила твердо, от того не отступлюсь, и если хватит сил, буду у него работать так же, как и у Ивана Петровича³...

После более близкого знакомства с ним моя симпатия к нему все возрастала, видя его на работе. Он, конечно, истинный проводник, достойный продолжатель и расширитель дела Ивана Петровича. Тысячу раз прав был Иван Петрович, когда считал Л.А. Орбели широко, всесторонне образованным физиологом, прекрасно ведущим свое дело, отдавал ему честь и как в высшей степени порядочному благородному и доброжелательному ко всем человеку. Я в этом за три года работы с ним совершенно убедилась, и работая именно с ним, мне легче было переносить утрату Ивана Петровича.

Но несмотря на его помощь и доброту многим из своих сотрудников, которых он вывел в люди и которые многим были обязаны ему, нашлись такие люди, которые будировали против него, всякими интригами отравляя ему жизнь, не давая спокойно жить.

Это недоброжелательное отношение к этому достойному во всех отношениях человеку было вызвано низкими побуждениями – завистью к его превосходству над всеми остальными бывшими сотрудниками Ивана Петровича как широко образованного, эрудированного физиолога и еще тем, что он стал во всех отношениях достойным заместителем Ивана Петровича...

...В том коллективе, где я сейчас работаю уже 5 лет после смерти Ивана Петровича, у академика Л.А. Орбели атмосфера совсем другая, чем было в ВИЭМе после смерти Ивана Петровича. Здесь нет места зависти, недоброжелательству, а наоборот, всякий старается быть полезным другим. Здесь все работают не на страх, а на совесть, и все запряжены в одно общее дело. В конечном итоге Павловское дело, развитию которого так способствует Л.А. Орбели с его широким образованием, с его огромной эрудицией, с его желанием каждому всем чем только может помочь и максимально продвинуть дело Ивана Петровича, [оказалось в верных руках].

Этот человек, которого всеми силами надо беречь, из-за присущих ему свойств буквально не имеет отдыха; довольно сказать, что он принимает всех своих сотрудников, обращающихся к нему как по делу научно-исследовательскому, так и по личному, иногда даже до 12 часов ночи, он даже и теперь производит сам все ответственные трудные операции 3 раза в неделю во всех своих лабораториях, чтобы продвинуть работу своих сотрудников. Его, конечно, как необычайно ценного руководителя следовало бы освободить от совершенно ненужных обязанностей, от которых был освобожден Иван Петрович, что, быть может, способствовало тому, что последний до глубокой старости сохранил свой ясный ум и трудоспособность. Трудоспособность же Л.А. Орбели колоссальная, не говоря уже об его работах по обороне страны, на которых (в опытах на человеке) он всегда присутствует. Но всякой силе, как говорил Иван Петрович и что подтвердилось нашими опытами на животных, есть предел. Его надо беречь и беречь! Ничего нет удивительного, что две секции – медицинская и биологическая – спорили между собой: кому принадлежит честь выставить Л.А. Орбели как первого кандидата на Сталинскую премию⁴.

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ¹

...1922 год. Студеный ветер бросает хлопья снега в окна Ленинградского медицинского института. В лаборатории холодно, неуютно. Разруха, порожденная гражданской войной, еще дает о себе знать. Лишь в одной из комнат можно вести опыты, поговорить о них. Вокруг чугунной "буржуйки", излучающей живительное тепло, собрались сотрудники кафедры физиологии, штатные и внештатные. Старший ассистент А.В. Тонких показывает профессору Леону Абгаровичу Орбели запись сердечных сокращений. Она изучает влияние симпатических нервов на отравленную хлоральгидратом сердечную мышцу. Ее опыты подтверждают взгляды Павлова на трофическую функцию симпатических нервов. Эти взгляды являются исходными для Леона Абгаровича в его исследованиях по физиологии симпатической нервной системы.

Павлов доказал трофическую иннервацию сердца, Л.А., исходя из своих представлений об эволюции мышечной ткани, высказывает смелое предположение, что и скелетные мышцы находятся под трофическим влиянием симпатических нервов. Если это подтвердится, все классическое учение о вегетативной нервной системе надо будет подвергнуть пересмотру. Экспериментальное осуществление своего замысла профессор поручает студенту третьего курса А.Г. Гинецинскому.

...Полночь. Все здание института погружено в темноту. Только во втором этаже освещено несколько окон. Это – кафедра физиологии. В крайней комнате – стол, заставленный индукционными катушками, аккумуляторами, прерывателями. Молодой экспериментатор склонился над подготовленной к опыту лягушкой. С тех пор, как он получил тему от своего руководителя, прошло около года. Он упорно ищет условия раздражения, при которых может быть обнаружен симпатический эффект. Рядом с экспериментатором Л.А., внимательно наблюдающий за очередным опытом.

Рычажок послушно записывает на ленте кимографа сокращения икроножной мышцы лягушки, вызванные раздражением двигательного нерва. Сокращения становятся все ниже и ниже – явные признаки мышечного утомления. Но вот А.Г. раздражает, наряду с двигательным нервом, симпатический. В мышцу как будто кто-то вдохнул новые силы. Сокращения становятся постепенно выше. Раздражение симпатического нерва прекращается, и утомление вновь берет свое. Сомнения нет. Симпатический нерв оказывает на мышцу бесспорное влияние. Но это может быть обнаружено только на фоне ее деятельности.

Открытый в ту ночь факт вошел во все руководства по физиологии под названием феномена Орбели-Гинецинского и был положен Л.А. в основу его учения об адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы.

В те годы жизнь в физиологической лаборатории ЛМИ замирала только на несколько часов, да и то не всегда. Она начиналась утром с лекции профессора, которую он читал при переполненной аудитории, хотя лекции были в ту пору не обязательны. Но уже перед лекцией в лаборатории собирались молодые физиологи, чтобы присутствовать при подготовке к очередной лекционной демонстрации, а подчас и участвовать в этой подготовке.

Увлеченные лекциями студенты обращались к Л.А. с просьбой дать какую-либо тему. Работающих в лаборатории студентов становилось с каждым годом все больше и больше. Дневных часов для работы не хватало, но никто не считался со временем. Слишком увлекательны были вопросы, которые ставил перед молодыми исследователями профессор.

Леон Абгарович пристально следил за опытами, проводившимися в лаборатории, приучал к тщательности, к сдержанности в выводах. Он жил напротив Ме-

дицинского института, и откуда бы ни возвращался домой, он, как правило, заходил в лабораторию.

Прошло более двадцати лет, как Л.А. окончил Военно-медицинскую академию. Работа военно-морским врачом в Кронштадтском порту, куда он был направлен по окончании ВМА, познакомила его с человеческими недугами, с вопросами, волнующими практических врачей. Через три года после окончания академии Л.А. смог вновь отдаться научной работе в физиологическом отделении Института экспериментальной медицины под руководством своего учителя И.П. Павлова. После защиты в 1908 г. докторской диссертации его командировали за границу для усовершенствования². По возвращении на родину Л.А. продолжает вести экспериментальную работу у И.П. Павлова; вместе с тем он начинает читать самостоятельный курс по физиологии органов чувств в Военно-медицинской академии.

Так проходит несколько лет. Имя молодого физиолога приобретает все большую известность. В 1913 г. Л.А. избирается в состав преподавателей Высших курсов при Санкт-Петербургской биологической лаборатории им. П.Ф. Лесгафта. До него курс физиологии здесь читали такие ученые, как Тарханов, Кравков, Кулябко. Но вести научную работу здесь еще трудно. Имеется лишь один сотрудник – М.Б. Тетяева.

После Великой Октябрьской революции Санкт-Петербургская лаборатория им. Лесгафта преобразуется в Институт им. Лесгафта; вместо скромного физиологического кабинета организуется просторное физиологическое отделение со штатом научных сотрудников, с операционной и клиникой для животных.

Наконец-то талантливый ученый может претворить в жизнь свои собственные научные замыслы! А назревших вопросов много. Но и разрешать их есть кому. Растет в физиологическом отделении Института им. Лесгафта дружный научный коллектив, спаянный крепкой внутренней дисциплиной, увлеченный решением больших задач, поставленных перед ним научным руководителем.

...Все готово к очередной операции. Почти весь состав отделения в операционной. Одни сотрудники принимают непосредственное участие в операции, другие – в уходе за оперированными животными, третьи – учатся хирургическому мастерству у блестящего хирурга-экспериментатора. Почти все опыты ведутся в физиологическом отделении Института им. Лесгафта на хронических животных. Операции выполняются самые разнообразные, и разнообразие это с годами увеличивается. Сегодня перерезка задних корешков, несущих чувствительные импульсы от одной конечности в спинной мозг. Л.А. уже ряд лет ведет эти опыты с одной из ближайших помощниц – К.И. Кунстман. Прежде всего надо выходить оперированную собаку. К.И. в течение нескольких недель не покидает лабораторию. Так здесь принято. Уход за оперированными животными поставлен здесь не хуже, чем за больными в первоклассной хирургической клинике. Л.А. требует, чтобы о состоянии животных сообщали в любое время, даже ночью, он сам неоднократно справляется об этом по телефону.

Собака с деафферентированной конечностью, полностью оправившаяся от операции, мирно спит. Странная картина: одна лапа мерно подергивается в такт дыханию. Это возбуждение из дыхательного центра распространяется по всей центральной нервной системе и доходит до двигательного центра мускулатуры лапы; в результате – ритмическое подергивание ее. Отчего же не сокращаются другие мышцы? Потому что в других центрах возбуждению противодействует торможение. Для того чтобы оно возникло, нужны импульсы с периферии. Из конечности, лишенной чувствительной иннервации, такие импульсы не поступают. Так Л.А. доказал правильность своего взгляда на сущность спинномозговой координации и роль в ней тормозного процесса³.

Изучение физиологической природы спинномозговой координации привело к исследованию функции мозжечка. Собака с удаленным мозжечком жила не в собачь-

нике, а в лаборатории. Это обеспечивало лучшее наблюдение за ней в естественных условиях. Входя в лабораторию, посетитель сталкивался с собакой, двигавшейся вперед шатающейся походкой, с трудом достающей с пола кусок хлеба, потому что голову ее импульсивно отбрасывало кверху. Это результат отсутствия тормозных рефлексов. Работы Л.А. и его сотрудников совершенно по-новому осветили роль мозжечка в организме⁴.

Большая работа велась в те годы в физиологическом отделении Института им. Лесгафта по изучению функции почек. Здесь продолжались исследования, начатые в Медицинском институте. Разрешались вопросы механизма мочеотделения, нервной регуляции почечной деятельности, значения для функции почек самых различных факторов⁵. Как и в Медицинском институте, здесь велись исследования по проблеме, издавна волновавшей врачей, – проблеме боли⁶.

...Годы идут, и с каждым годом увеличивается число учеников Л.А., разрастаются коллективы его сотрудников, расширяется круг проблем, которые разрабатываются в школе выдающегося советского физиолога.

В 1929 г. Л.А. организует в Институте охраны здоровья детей и подростков первую в Советском Союзе лабораторию возрастной физиологии. Вопросы онтогенеза функций давно волнуют Л.А., строящего все свои теоретические концепции на эволюционном принципе. В лаборатории этого института создается новый небольшой, но дружный коллектив, разрабатывающий вопросы развития регуляции обмена веществ, энергетики детского возраста.

В 1930 г. Л.А. переносит центр тяжести своей преподавательской деятельности из первого Ленинградского медицинского института в Военно-медицинскую академию, где ему за несколько лет до этого И.П. Павлов передал руководство кафедрой. Здесь, наряду с напряженной преподавательской и научно-исследовательской работой в области теоретической физиологии, Л.А. и его помощники ведут многочисленные исследования, имеющие важное значение для решения оборонных задач. Умение сочетать теорию и практику, переносить результаты глубоких теоретических исследований на поверхность жизни – характерная черта творческого облика Л.А. Волнующие вопросы советского здравоохранения, авиационной медицины, водолазного дела, борьбы с электротравмами – все, что имеет значение для здоровья трудящихся, для процветания нашей родины, все находит живой отклик в душе Л.А. – ученого и гражданина.

Со свойственной ему энергией Л.А. выполняет, наряду с огромной научной и научно-практической деятельностью, многообразную общественную работу. Он – активный организатор советской физиологической печати, физиологического общества, съездов, конференций, участник международных конгрессов.

...1935 год. Машина за машиной, шурша по асфальту, подкатывают к Таврическому дворцу. В вестибюле, в кулуарах, в зале заседаний – всюду слышна многоязыкая речь делегатов. Физиологи всех стран мира съехались сюда, в город Ленина, чтобы принять участие в XV Международном конгрессе физиологов⁷. Высокую ответственность и огромную работу несет организационный комитет съезда. Во главе его стоит "старейшина физиологов мира: – И.П. Павлов. Основная тяжесть организации конгресса ложится на его заместителя – Л.А. Орбели. К нему сходятся нити многочисленных подкомитетов, секретариата, правительственных органов, принимающих участие в обеспечении порядка и бесперебойных занятий конгресса. За несколько месяцев до этого по представлению И.П. Павлова Л.А. был избран действительным членом Академии наук СССР.

...1936 год. Мировая наука несет огромный урон, сходит в могилу признанный глава физиологов мира – И.П. Павлов.

На долю учеников его ложится почетная и вместе с тем тяжелая ответственность – продолжать дело великого учителя. Л.А. поручается возглавить Физиологический институт им. Павлова АН СССР и биостанцию ВИЭМ в Колтушах,

куда он переносит организованный за несколько лет до этого Отдел эволюционной физиологии ВИЭМа.

Физиологический институт им. И.П. Павлова АН СССР становится главным штабом физиологической науки Советского Союза. Л.А. руководит здесь уже не отдельными лабораториями, а мощными научными коллективами, во главе которых стоят теперь ученики И.П. Павлова и ученики самого Л.А., выросшие до крупных ученых. Школа И.П. Павлова и школа его продолжателя – Л.А. Орбели слились здесь в одном стремлении развивать лучшие традиции передовых физиологических направлений. Огромный разворот приобретают здесь работы по высшей нервной деятельности, по физиологии органов чувств, по функциональной эволюции нервно-мышечного аппарата, по физиологии вегетативной нервной системы, по биохимии нервной деятельности и многим другим животрепещущим вопросам современной физиологии.

Одновременно с этим не менее активная научная работа ведется в Колтушах, где на месте биостанции организуется самостоятельный Институт по эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности. Во всю ширь разрабатываются здесь вопросы эволюции высшей нервной деятельности, поставленные перед наукой И.П. Павловым. Здесь продолжается начатое при нем изучение генетики высшей нервной деятельности собак, высшей нервной деятельности антропоидов. Но круг животных, охваченных эволюционным исследованием, становится все шире. Опыты проводятся на птицах, мышах, насекомых.

Вместе с тем в Колтушах разворачивается большая работа по изучению самыми различными приемами онтогенеза нервных функций.

Изучение эволюции высшей нервной деятельности в Колтушском институте идет не только вниз по биологической лестнице, но и вверх, к венцу всех научных исканий – к человеку. В состав Института включены две основанные Павловым клиники: психиатрическая и нервная. По идее Л.А. изучение патологии человека – один из путей познания закономерностей эволюции. Вместе с тем клинические исследования с позиций эволюционной физиологии имеют и важное практическое значение. Л.А. опять выступает здесь не только как ученый-теоретик, но и как подлинный гуманист, ни на минуту не забывающий о благе человека.

...1941 год. Ураган войны врывается в мирный уклад жизни, нарушает стройное течение научной работы. В трудных военных условиях, частью в блокадном Ленинграде, частью в эвакуации продолжается напряженная научная деятельность в руководимых Л.А. учреждениях. Он делает все, что в его силах, чтобы сохранить научные кадры, уберечь советскую науку от ударов войны.

Но вот опять солнце мира сияет над страной. Восстанавливается нарушенная войной научная жизнь в институтах Л.А. С новой силой принимается он и его многочисленные сотрудники за разработку волнующих их научных проблем.

Еще больший размах приобретает научная, научно-практическая и общественная деятельность Л.А. Он – начальник ВМА, депутат Ленинградского городского совета, член многочисленных комиссий и комитетов, редакционных советов и правлений научных обществ.

В этой кипучей работе не остается времени для отдыха. Лишь изредка, да и то с большим трудом, удается убедить Л.А. в необходимости сделать перерыв в его многообразной деятельности. Но и в санаториях его находят бесчисленные лица, которые нуждаются в его советах.

Такой размах работы под силу только подлинному сыну советского народа, беспредельно преданному Родине, глубоко верящему в торжество научной истины, горячо любящему человеку.

И советский народ по заслугам оценил выдающуюся деятельность Л.А. – передового ученого и неутомимого общественника. Он удостоил его высшего звания советской страны – звания Героя Социалистического Труда.

И ныне, в день своего 75-летия, Л.А. полон новых творческих замыслов и отдает все свои силы руководству единственным в мире Институтом эволюционной физиологии, носящим славное имя И.М. Сеченова.

Пожелаем же Леону Абгаровичу еще многих лет здоровья и дальнейших больших успехов в его благородном деле служения науке и Родине.

Личный архив Л.Г. Лейбсона. Авторизованная машинопись.

Т.А. Гинецинская

КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕОНА АБГАРОВИЧА ОРБЕЛИ¹

С началом Отечественной войны многие по тем или иным причинам не подлежавшие мобилизации мужчины вступали в ряды Народного ополчения, стремясь принять участие в защите Родины. Эта мысль занимала и моего отца – Александра Григорьевича Гинецинского, который начал было подумывать о том, чтобы возглавить полевой госпиталь. Но в то же время он отдавал себе отчет, что мог бы быть полезен и как высоко квалифицированный физиолог. Он решил обсудить этот вопрос с академиком Л.А. Орбели, заместителем и ближайшим помощником которого он был, не считая возможным принимать, не посоветовавшись с ним, столь серьезное решение. Однако едва начав этот разговор, он понял, что академик уже составил тщательно продуманный план действий, наметив ряд нужных и важных для военного времени исследований.

Орбели придерживался того мнения, что сотрудники обоих его институтов, приложив свои знания и опыт к решению проблем военной медицины, смогут сделать много полезного для фронта. Кроме того, он уже наметил создание Военно-санитарной комиссии, которую собирался возглавить сам². Главной задачей этой комиссии он считал рассмотрение возникающих в ходе военных действий важных, порой неожиданных медицинских проблем. Комиссия должна была быть создана при Наркомздраве и находиться в Москве, а отсюда следовало, что ему придется часто бывать в столице. В такой ситуации Леону Абгаровичу нужен был опытный и умелый заместитель, которого он видел в лице Александра Григорьевича. Оба своих физиологических института и лабораторию в Институте Лесгафта, которой он тоже руководил, Орбели считал нужным объединить в связи с предстоящей эвакуацией из Ленинграда. Выслушав приведенные Орбели аргументы, отец мой не мог не согласиться с ним в том, что, изменив направление исследований, физиологические институты смогут реально помочь фронту. Впрочем, Леон Абгарович считал нужным сохранить и ряд теоретических направлений, и с этим отец тоже согласился.

* * *

К организации задуманной им Военно-санитарной комиссии Леон Абгарович приступил немедленно и в связи с этим много времени вынужден был проводить в Москве. А в Ленинграде его заместитель А.Г. Гинецинский, не прекращая начатых и необходимых для армии физиологических исследований, начал подготовку к предстоящей эвакуации институтов. Местом эвакуации была назначена Казань, но дата отъезда была еще не установлена. В начале августа, когда многое уже было упаковано и подготовлено к отправке, из Москвы неожиданно пришло указание приостановить эвакуацию научных институтов. Но несмотря на это, отец мой

продолжал руководить работой по упаковке оборудования. И он был прав. Не прошло и месяца, как Ленинград оказался в тисках блокады.

В конце августа институт был извещен о том, что эвакуация намечается на первую декаду сентября. Но время было упущено. Все было давно готово к отъезду, но в ночь с восьмого на девятое сентября вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. Эвакуация стала невозможной. Людей пришлось вывозить на самолетах с большими трудностями, потому что враг бомбил город и аэродромы. Одним из первых был вывезен из Ленинграда академик Орбели с семьей и несколькими сотрудниками. А в ноябре вылетел в Казань с сотрудниками и мой отец. Но основная эвакуация института шла через Ладожское озеро по ледяной "дороге жизни". Об отправке в Казань необходимого для работ оборудования нечего было и думать.

Кроме людей, по ладожскому льду не без труда удалось перевезти и еще одного совсем необычного пассажира. Это был голодный и перепуганный тропический житель: орангутанг по имени Рафаэль, работа с которым велась в Колтушах в лаборатории профессора Э.Г. Вацура. Благополучно доставленный в Казань Рафаэль получил большую просторную комнату и особый паек, в который входили даже фрукты. Людям же пришлось труднее. Многие нуждались в срочной медицинской помощи, очень сложно было с жильем и на первых порах приходилось жить в крайне неблагоустроенном общежитии. Это был большой физкультурный зал Казанского университета, разделенный на множество крошечных клетушек, отделявшихся друг от друга лишь простынями и одеялами. Леон Абгарович, приехавший в Казань много раньше, уже имел к этому времени маленькую квартирку³, двери которой были всегда открыты для его друзей и сотрудников.

Огромное скопление в Казани московских и ленинградских научных учреждений было тяжелой нагрузкой для города и особенно для старинного Казанского университета. Там размещался весь аппарат управления Академией наук, и кроме того, и несколько московских институтов. Физкультурный зал был занят под общежитие, а в университетской столовой питались сотрудники всех эвакуированных в Казань академических учреждений, найти для которых в городе подходящие помещения представляло большие трудности.

* * *

Академик Орбели подыскивал помещения, в которых можно было бы разместить физиологические институты Ленинграда. С этой целью он посетил профессора Андрея Дмитриевича Адо, заведовавшего кафедрой физиологии в Казанском медицинском институте. Имя Орбели было, разумеется, хорошо знакомо казанскому профессору, но личное знакомство с Леоном Абгаровичем: его обаятельная внешность и манера говорить, просьба войти в положение оказавшегося бездомным института, деликатность и приветливость, – все это произвело сильное впечатление на Андрея Дмитриевича, который сразу же откликнулся на просьбу Леона Абгаровича и пообещал сделать все, что в его силах. Он освободил две большие комнаты, а узнав о том, что тщательно запакованное оборудование двух больших институтов осталось в блокадном Ленинграде, дал все, что мог и что нужно было для работы.

В этих комнатах разместилась лаборатория моего отца. Со временем же, когда Орбели уже получил для института хорошее помещение (это было здание казанского музыкального училища), отец мой, очень подружившийся с профессором Адо, оставил за собой одну из выделенных для ленинградцев комнату, там, где он мог работать, время от времени "скрываясь" от административных и хозяйственных дел.

Навряд ли я смогу перечислить все, чем занимался Леон Абгарович в военные годы, но постараюсь отметить хотя бы главное.

Под его руководством была создана своеобразная комиссия⁴, задачей которой было изыскание ранее не использовавшихся пищевых ресурсов. Члены этой комиссии занимались изучением питательности и безопасности для человека не употреблявшихся ранее в пищу растений и животных. Одним из реальных достижений работы этой комиссии стало довольно широкое использование пресноводных пластинчатожаберных моллюсков (*Anadonta*, *Unio*), в изобилии населявших реку Казанку. Кроме того, по рекомендации комиссии стали употреблять в пищу тушки чернобурых лисиц, выращивавшихся в пригородных зверосовхозах. В мирное время эти тушки просто выбрасывались. Теперь же они стали важным, хотя и не очень обильным, добавлением к скупому тогда рациону.

В годы войны и эвакуации Орбели жил между Казанью, где находился его многолюдный, объединенный Физиологический институт, и Москвой, где интенсивно работала Военно-санитарная комиссия, которой Леон Абгарович отдавал много времени. Главной ее задачей было объединение усилий ученых в разработке проблем, поставленных войной перед медицинскими науками. Охваченные ею проблемы имели отношение к хирургии, терапии, эпидемиологии, химической защите, санитарии и авиамедицине.

В том же 1942 г. Леон Абгарович был избран вице-президентом АН СССР, и это требовало от него немало времени, тем более, что президент академик В.Л. Комаров был уже очень стар и, видимо, плохо себя чувствовал. Поэтому Леон Абгарович иногда сам проводил в Казани заседания Президиума АН СССР.

Кроме того, он был членом Ученого совета при начальнике Военно-санитарного управления, председателем комиссии по физиологической оптике и акустике при АН СССР и ответственным редактором ряда научных журналов ("Известия АН СССР, серия биологическая", "Доклады АН СССР", "Общая биология", "Успехи современной биологии"). Все это требовало много времени и сил, и ему были нужны надежные помощники. Это было тем более необходимо, что в следующем 1943 г. он был назначен еще и начальником Военно-медицинской академии, находившейся в те годы в эвакуации в Самарканде. Ездить туда он просто не имел возможности, и Академией фактически управлял В.И. Вилесов, с которым у Леона Абгаровича шла обширная переписка.

Конечно, Леону Абгаровичу помогли его ученики и преданные ему сотрудники, которым он мог доверять. Так, на время пребывания Орбели в Москве его объединенный Физиологический институт возглавлял Александр Григорьевич Гиневский. Его кафедру физиологии в Военно-медицинской академии вел в Самарканде его другой ученик – профессор Андрей Владимирович Лебединский, а обязанности начальника Академии в значительной мере выполнял В.И. Вилесов.

Сам Леон Абгарович при всех его нагрузках не имел возможности ездить в Самарканд, но в 1943 г. отправил туда с рядом дел и поручений своего помощника по Военно-санитарной комиссии – Э.Ш. Айрапетянца.

Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что Леон Абгарович всегда был самостоятелен во всех своих действиях – будь то те или иные вопросы, связанные с деятельностью его институтов, или оказание помощи тем, кто в этом нуждался. Мой отец нередко удивлялся происшедшей в нем перемене, вспоминая как строг и требователен был Леон Абгарович в свои молодые годы. А теперь сотни людей благославляют его за доброту, за желание и умение помочь.

Избрание вице-президентом АН СССР наложило на него ряд дополнительных обязанностей, в том числе и назначение приемных дней, когда к нему могли обращаться сотрудники академических учреждений с самыми разными, в том числе

и личными, делами и просьбами. В такие приемные дни возле его кабинета обычно собиралось множество людей, надеявшихся с его помощью так или иначе разрешить свои подчас нелегкие проблемы. В один из его приездов в Казань возникла и у меня потребность поговорить с ним. Написав свою первую в жизни научную статью⁵, я хотела попросить его рекомендовать эту статью для публикации в журнале "Доклады АН СССР". Отец сказал мне, что "ловить" Леона Абгаровича в институте или идти к нему домой не следует, потому что он очень занят и устал. Он посоветовал мне пойти на прием в отведенные для этого часы. Я так и сделала, но, увидев меня среди ожидавших в приемной, Леон Абгарович взял меня за руку и провел в свой кабинет, сказав, что посмотрит статью, как только возникнет свободная минута. В результате я оказалась невольным свидетелем приема, который он проводил, и его отношения к посторонним, совсем незнакомым ему людям. И все, что я увидела, показалось мне интересным.

Каждый раз, когда в дверях появлялась дама, Леон Абгарович вставал и шел ей навстречу, брал под руку, подводил к своему столу и бережно усаживал в кресло. Лишь после этого он садился сам и просил изложить суть того дела, которое привело ее к нему. Как правило, он все решал в ее пользу. Окончив беседу и выйдя из-за стола, он столь же бережно провожал даму к выходу. Если же на прием приходил мужчина, Орбели лишь вставал и ждал стоя, пока проситель не подходил к его столу. Только после этого он садился и выслушивал его дело.

Вспоминается как однажды Леон Абгарович зашел в нашу лабораторию. Ему нужен был мой отец, но он куда-то вышел, и Леон Абгарович, поджидая его, неторопливо рассказал как накануне зашел к академику Абраму Федоровичу Иоффе, который тоже был вице-президентом. Оказалось, что Орбели случайно пришел в его приемные часы, но какво же было его изумление, когда он увидел в приемной всего двух человек. "А у меня, — сказал он, толпа! А знаете почему? Мы с Абрамом Федоровичем всегда стандартно отвечаем на просьбы посетителей. Но по-разному. Он на заявлениях всегда пишет: "Запретить, отказать", а я пишу: "Разрешить. Командировать". Вот у меня и толпа!"

* * *

Леон Абгарович нередко пренебрегал формальными запретами, и потому люди и стремились к нему, и он помогал чем мог каждому! Это было широко известно, и попавшие в беду люди, а их было в те тяжелые годы немало, старались обратиться с просьбой именно к Орбели, который никому не отказывал. Леон Абгарович смело выдавал командировочные удостоверения, без которых опасно было бы в те страшные годы пускаться в путь по железной дороге.

Эти действия Леона Абгаровича были не только в высшей степени гуманны, но столь же и необходимы. Ведь люди не могут спокойно и плодотворно работать, зная, что их близкие подвергаются той или иной опасности. Особенно важно было для женщин, стремившихся забрать своих детей из детских домов, с которыми они были эвакуированы из Ленинграда. И Леон Абгарович неукоснительно выдавал им свои "незаконные" командировки.

Не могу сказать, как часто Леон Абгарович приезжал в Казань, большую часть времени он проводил в Москве, где был связан Военно-санитарной комиссией и многими другими делами. В каждый свой приезд он задерживался в Казани обычно не больше недели, и иногда и меньше, но и за это краткое время успевал сделать очень многое. Прежде всего, он неизменно обходил все лаборатории, беседуя и с сотрудниками, и с руководителями той или иной лаборатории. Таким образом, он всегда был в курсе дела, отчетливо представляя себе как и над чем работают его институты. И в каждый свой приезд по подолгу беседовал и несколько раз встречался со своим заместителем А.Г. Гинецинским. Они обсуждали

планы дальнейшей работы, насущные потребности института, занимались распределением отпущенных денежных средств. По этому последнему вопросу они не всегда были согласны. Леон Абгарович старался максимально обеспечить развитие павловского наследия, порой в ущерб денежному обеспечению других лабораторий. Но отец, отстаивавший интересы этих лабораторий, в конце концов иногда уступал ему и только дома говорил о том, что был несогласен с Леоном Абгаровичем.

Особенно хочется подчеркнуть, что, несмотря на частые отлучки его из Казани и невероятную загруженность, Леон Абгарович очень следил за тем, чтобы уровень работы института не снижался и чтобы научные семинары проводились регулярно. Он всегда старался сам присутствовать на этих заседаниях и, открыв семинар, обычно садился за председательский стол. Издали казалось, что он дремлет, но, видимо, такова была его манера слушать, потому что сразу после окончания доклада он вставал, руководил ходом дискуссии, задавал вопросы и сам, а после обсуждения выступал с заключительным словом.

Новый 1943 г. мне посчастливилось вместе с родителями встретить в гостеприимном доме Леона Абгаровича. Живя очень близко, мы пришли в начале двенадцатого, но гости уже собирались. Пришла Гаянэ Павловна Цуринова – милый, обаятельный человек, бессменный секретарь Леона Абгаровича и незаменимый его помощник. Был там и Евгений Михайлович Крепс с женой Еленой Юрьевной, и его сотрудница Нина Абрамовна Вержбинская. Мне кажется, что был и еще кто-то, но за давностью лет не могу вспомнить кто.

Стрелки часов неуклонно подвигались вперед, все ближе к новому году, когда в комнату вошла дочь Леона Абгаровича – Маруся. "Академика все еще нет? – спросила она, обращаясь к матери (Елизавете Иоакимовне). – Какое безобразие!" Это и в самом деле было безобразие, но совсем не потому, что гости уже собрались и пора было бы садиться за стол, а потому, что Леон Абгарович, немолодой уже человек, был так загружен своими бесчисленными обязанностями, что даже в новогоднюю ночь не мог вовремя прийти домой. Но за несколько минут до того, как стрелки часов подошли к двенадцати, он все же успел появиться.

В 1943 г. Леону Абгаровичу Орбели было присвоено звание генерал-лейтенанта медицинской службы. Вскоре после этого события он приехал в Казань. Встретив его, гулявшего с маленьким внуком, я поздравила Леона Абгаровича, а он тут же попросил меня спросить у Гарика: кто теперь дедушка? Я удивилась, но все же задала малышу этот странный вопрос. "Дедушка теперь генерал-лейтенант Гинецинской службы", – был ответ. Леон Абгарович весело смеялся.

* * *

А вечером это событие было торжественно отпраздновано в столовой Казанского университета. За столами собрались все сотрудники его института, искренне его поздравлявшие.

В заключение мне хочется отметить еще одну особенность Леона Абгаровича. В конце 1943 г. я готовилась к защите диссертации и собирала необходимые для этого документы с тем, чтобы передать их Леону Абгаровичу. Но свой кандидатский минимум по специальности я сделала еще до войны в Ленинграде, а документа об этом у меня не было. Поэтому я обратилась к моему учителю и руководителю моей работы профессору Валентину Александровичу Догелю с просьбой прислать мне такую справку. Профессор Догель тотчас отозвался на мою просьбу, и я очень скоро получила нужный документ, но оказалось, что он не заверил свою подпись. Передавая эту справку Леону Абгаровичу, я сказала, что, вероятно, придется отложить защиту и снова писать Догелю, чтобы он заверил свою подпись. "Зачем? – удивился Леон Абгарович. – Дайте мне эту справку, почерк Догеля мне хорошо знаком". И, взяв ее у меня из рук, добавил: "Ну, ко-

нечно, так может писать только Догель, видите, как строчки у него всегда ползут влево и вверх? Это ни с кем не спутаешь". Так благодаря Леону Абгаровичу, нетерпевшему советский бюрократизм, я защитила диссертацию в назначенный срок⁶.

* * *

Все здесь написанное – лишь фрагменты, с помощью которых люди, не знавшие академика Орбели, смогли бы представить себе некоторые особенности его характера, его отношение к людям, его разнообразную и всегда направленную на благо деятельность. Леон Абгарович Орбели был человеком смелым и благородным, обладавшим редким талантом умения ненавязчиво помогать людям. Во всех своих действиях он руководствовался такими понятиями, как Правда, Добро и Справедливость. В Науке же, которая составляла главный интерес его жизни, он всегда оставался творцом – тщательным и увлеченным исследователем.

Личный архив Т.А. Гинецинской. Машинопись.

З.И. Барбашова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ ЛЕОНЕ АБГАРОВИЧЕ ОРБЕЛИ¹

Вся моя взрослая жизнь так или иначе протекала рядом с жизнью необыкновенного человека – Леона Абгаровича Орбели.

Сразу после окончания Ленинградского государственного университета я работала в учреждениях, руководимых Леоном Абгаровичем. Сначала – ВИЭМ (с 1934 г.), потом в Физиологическом институте АН СССР имени И.П. Павлова (с 1937 по 1950 г.). После Объединенной сессии двух академий в 1950 г. была уволена (как орбелианка), но через месяц была взята Л.А. в его только что сформированную Группу по индивидуальным работам академика Орбели при Президиуме АН СССР, состоящую из восьми человек научных сотрудников: А.И. Бронштейн – старший научный сотрудник, доктор медицинских наук; З.И. Барбашова – старший научный сотрудник, кандидат биологических наук; Н.А. Итина – старший научный сотрудник, кандидат биологических наук; А.В. Войно-Ясенецкий – старший научный сотрудник, кандидат биологических наук; З.В. Денисова – младший научный сотрудник, кандидат биологических наук; Ф.Р. Дунаевский – младший научный сотрудник; С.Э. Беленькая – младший научный сотрудник Д.В. Малаховская – старший лаборант. В ней я оставалась после ее реорганизации в Лабораторию эволюционной физиологии при Президиуме АН СССР (1954 г.) и затем в Институт эволюционной физиологии АН СССР (1956 г.), где остаюсь и поныне.

Я пишу эти детали не для изложения моей биографии, а для подтверждения моих прав на воспоминания о Леоне Абгаровиче. Не всем выпало счастье быть рядом с Леоном Абгаровичем в тяжелые годы, последовавшие с 1950 г., годы гонений, унижения, "критики" всего, что сделал Л.А. за всю свою жизнь как ученый, как руководитель и даже как человек.

А.В. Войно-Ясенецкий и я очень часто проводили вечера дома у Л.А., чтобы он не оставался один. И поэтому мы в числе тех немногих из оставшихся в живых, которые могут рассказать о поведении, мужестве и стойкости Л.А. в самые тяжелые времена его жизни, когда тучи над его головой сгущались с угрожающей силой и стремительностью.

Мы (сотрудники) были в те времена очень наивными и верили, что можно убедить Научный совет по проблемам учения академика И.П. Павлова при Президиуме АН СССР (павловский совет) в материалистических позициях Л.А., в его правильном понимании учения Павлова. Кроме того, мы допускали мысль о возможности каких-то философских погрешностей у Л.А., которые нам не видны из-за нашей философской малограмотности. Ведь главное обвинение в идеализме Л.А. было сделано на сессии 1950 г. главой отечественной философии – Г.Ф. Александровым.

С огромным энтузиазмом и сознанием необходимости большинство сотрудников Л.А. поступило учиться в Марксистско-ленинский университет² (в том числе и я). Не учился вместе с нами, разумеется, Вацуро, который, по-видимому, считал себя непогрешимым философом, публиковал в это время статьи о философских ошибках Орбели в "Физиологическом журнале СССР". В Марксистско-ленинском университете мы обратились к родникам диалектического материализма – Марксу, Энгельсу, а главное, – к Ленину. Чтение подлинников позволило нам сознательно понять, что никаких идеалистических ошибок у Л.А. в его учении об эволюционной физиологии, о функции вегетативной нервной системы, о высшей нервной деятельности человека и животных нет. Есть отдельные неудачные формулировки в работах, которые при желании могут быть истолкованы вкось и вкривь, если их отдельно выдергивать из контекста статей. Так это и было сделано с книгой Л.А. "Вопросы высшей нервной деятельности"³, в которой красным карандашом были подчеркнуты части абзаца, части фразы, взятые из другой книги.

По моим личным представлениям, событие развивалось так: Сталину было доложено, что академик Орбели (возглавивший в ту пору разные НИИ и ответственные комиссии, был академиком-секретарем при Президиуме⁴ и т.д.) философски безграмотен и далек от диамата, к тому же антипавловец... Для доказательства была дана книга с красными строчками, прочитав которые Сталин благословил открытие дискуссии. Разгром ведь произведен никем иным, а братьями – физиологами, а также философами, у которых были какие-либо неприятности в связи с сессией ВАСХНИЛ. Можно было "реабилитироваться" на критике Орбели. Повторяю, что это мои личные соображения, не больше.

Из физиологов же в бой бросились те, кто хотел получить высокие посты, прославиться как "поборники чистоты" павловского учения. Выступали с "критикой" и некоторые прямые ученики Леона Абгаровича, большинство из которых (не всех) Л.А. жалел, понимая, что их заставили, а времена в ту пору были трудные. Л.А. отовсюду уволили, оставив ему лишь маленькую (исторически дорожную для него) лабораторию при НИИ имени П.Ф. Лесгафта. В нее входили: Э.Г. Вацуро – старший научный сотрудник, доктор биологических наук, принят в 1951 г.; М.Д. Кашкай – старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук; П.И. Кургановский – старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук; С.И. Кайданова – младший научный сотрудник. Там же расположилась и Группа по индивидуальным работам при Президиуме АН СССР. Если бы не смерть Сталина, то едва ли Л.А. дождался до полной реабилитации его взглядов на учение Павлова и его философских взглядов. Мы – тому свидетели.

"Мы" – это преданные ученики Л.А., которые явно или тайно (из-за сложных условий жизни в сталинский период жизни страны) помогали ему как и чем могли. Укрепив свои методологические позиции в Марксистско-ленинском университете и значительно повысив свою философскую грамотность, мы изучили доклад Александрова на Объединенной сессии двух академий в 1950 г и убедились, что доклад был составлен торопливо, непродуманно, а главное – содержал много философской путаницы и местами философскую безграмотность. Войно-Ясенецкий и я написали письмо Сталину⁵ о философской безграмотности доклада Александрова, надеясь, что Сталин прочитает наше письмо, поймет какая несправедливость была

совершена в обвинении Орбели в идеализме. Ответа мы не получили. Теперь остается только поражаться нашей тогдашней наивности и непоколебимой вере в справедливость Сталина.

Был ли наивен Л.А.? За это поручаться трудно. Но если бы он был уверен, что он просто обречен, как Вавилов, Виноградов⁶ и многие другие, то он вел бы себя иначе. Он же активно и с большим вниманием и волнением перечитывал "Философские тетради" и "Материализм и эмпириокритицизм" Ленина. Читал Маркса, Энгельса. Книги Ленина постоянно лежали у него на рабочем столе и в них видна была масса закладок. Частенько в наши вечерние беседы вкрадывались обсуждения тех или иных положений диамата. Инициатором всегда был Л.А. Как правило, он вдруг говорил: "Смотрите, как пишет Ленин", и что-нибудь зачитывал вслух. А потом добавлял: "Но ведь и я так же думаю". Это все свидетельство о большой работе Л.А. по проверке своих философских позиций, над утверждением правильности своего материалистического мышления.

Но не только в этом было содержание наших вечерних встреч. Леон Абгачович обладал феноменальной памятью и большой любовью к острому слову, меткому анекдоту. Он мог быть веселым даже в эти годы. Так, он часто рассказывал нам всякие истории и связанные с ними анекдоты. При этом он заразительно смеялся. Трудно было поверить, что этот весело смеющийся человек весь истерзан неслыханными и чудовищными по несправедливости обвинениями. Моральные силы Л.А. были поистине беспредельными. Он как-то умел на все эти события смотреть еще и со стороны, а не только как на факты, ставившие его самого в центр пристального недоброжелательного внимания. Так, например, понимая, что Айрапетянц был самым активным организатором "критики" и вдохновителем все новых и новых организационных мероприятий, направленных на полную дискредитацию Л.А. как ученого вообще и как советского человека, Л.А. частенько восторгался талантливым ходом, обращенным против него, и восклицал со смехом: "Нет, вы смотрите, как талантлив этот человек! Это же гениально! Настоящий Остап Бендер!"

Элементы наивности в Л.А. можно рассматривать еще в том, что он, как и мы, надеялся, что если очень продуманно составить отчет о наших работах для "павловского совета" и хорошенько его методологически обосновать, то рекомендация IV сессии павловского совета не братья нам за разработку проблемы высшей нервной деятельности у детей из-за некомпетентности Орбели в этом вопросе отпадает сама собой, и все будет хорошо.

Здесь следует напомнить, что наша группа была занята именно изучением высшей нервной деятельности ребенка. Это объяснялось следующими причинами. Во-первых, на Объединенной сессии 1950 г. Л.А. был выдвинут упрек, что он в прошлой своей научной деятельности в меньшей степени разрабатывал вопросы высшей нервной деятельности человека, чем проблему эволюции функций и трофической роли вегетативной нервной системы, изученных на животных. Во-вторых, ни группа АН СССР, ни лаборатория в Институте имени Лесгафта не располагали оборудованием продолжать традиционное направление Л.А., так как изучение высшей нервной деятельности ребенка (которая всегда интересовала Л.А. и работы подобного рода, хотя и в небольшом масштабе, но велись в школе Орбели) с использованием методических приемов того времени было нам доступно. Большую помощь в этом деле оказал нам профессор А.Ф. Тур, предоставив в распоряжении коллектива Л.А. свою детскую клинику при Педиатрическом медицинском институте. Работами руководил лично Л.А.

За годичный срок интенсивной работы нам удалось выполнить работы, результаты которых были хорошо приняты на заседании педиатрического общества (доклады Итиной, Бронштейна, Барбашовой). На заседании Педиатрического общества выступил очень тепло встреченный Л.А.

Все это объясняет почему нам было трудно прекратить уже начатые работы, как это было нам рекомендовано IV сессией павловского совета 8 апреля 1951 г. Надо было закончить хоть какой-то этап начатых исследований. Благоприятная же оценка наших работ укрепляла нашу решимость исследования продолжать. Мы полагали, что павловский совет теперь одобрит наши усилия, и готовились к VIII сессии совета с максимальным вниманием, особенно тщательно, обрабатывая методологические предпосылки нашего плана-отчета.

Перед сессией нас обследовала комиссия, состоящая из Булыгина и М.И. Аринчина. Им понравились наши работы и план. Их отчет был вполне положительным. Это не понравилось павловскому совету и, по-видимому, послужило причиной тому, что оба товарища вскоре были "переведены" из ИЭМа в Белоруссию. Пришла другая комиссия под председательством Д.А. Бирюкова. Оценку работы по изучению высшей нервной деятельности у детей давал член комиссии Н.И. Красногорский. Мы чувствовали, что отчет этой комиссии будет не в нашу пользу, что заставляло нас особенно тщательно готовиться к VIII сессии павловского совета, которая состоялась в декабре 1952 г.

После зачитания мною нашего отчета начался чудовищный разгром. План наш был оценен как антипавловский, идеалистический и методически предельно безграмотный. Заодно жесткой критике был подвергнут специально вызванный на сессию профессор Тур. За его помощь Л.А. он был назван аполитичным. Ему был поставлен "на вид" антипавловский "душок" в мышлении, тенденциозность в поведении и пренебрежении официальной прессой, бичующей "пороки" Орбели. На все это Тур кратко ответил, что всегда преклонялся перед талантом Орбели и очень счастлив теперь, что смог быть ему полезным!!!

Разумеется, Тур получил, как говорится, "сполна"⁷ за такие слова. А нам как-то стало ясно, что все, что бы мы ни делали, все будет плохо, все будет признано антипавловским, все будет извращением диалектического материализма. Даже Педиатрическое общество⁸, хорошо принявшее выступление Л.А. и его сотрудников, получило оценку весьма нелестную: "Академик Орбели выступил в Педиатрическом институте в Ленинграде, где присутствовали не все физиологи, ибо дело было так организовано, что в Педиатрическое общество физиологи не были приглашены, и там под полуовации, полуаплодисменты и под жалобные выкрики сочувствующих людей говорились сладенькие фразы: и, дескать, в чем же заключаются ошибки академика Орбели? Ох, какой он хороший!"

И чем дальше, тем было хуже. Самым страшным было заседание Физиологического общества, состоявшееся 23 февраля 1953 г, на котором Айрапетьянц выступил с докладом об итогах Павловского совета VIII сессии. Заседание готовилось тщательно. Не подлежит сомнению, что выступавшие были заранее проинструктированы. Даже меня вызвал к себе Айрапетьянц и сказал, что я должна выступить так, чтобы всем стало ясно, что даже в своем маленьком коллективе Орбели остался одиноким, и что это является для меня партийным заданием.

Сам же он в своем докладе, говоря о Л.А., называл его уже не просто антипавловцем и идеалистом, но приписывал ему "серьезное методологическое двуличие", "неграмотность не только в вопросах методологии павловского учения, но и в вопросах философии". "Мы считаем, – говорил Айрапетьянц, – что академик Орбели решил дать бой с позиций идеализма материализму, занял реваншистскую позицию в отношении своих идеалистических воззрений и теперь, не считаясь ни с чем, идет против всей советской физиологии. Этот вывод мы сделали с полным единодушием, и он не подлежит сомнению, товарищи, когда мы изучали дополнительные факты конкретной научной деятельности академика Орбели"⁹.

Я сидела в середине пораженного зала и вся похолодела, услышав голос молодой девушки, сидящей передо мной: "А почему же Орбели еще на свободе?"

От нашего коллектива выступили двое: Войно-Ясенецкий и я. Наши выступ-

ления предварительно были обсуждены в "группе", каждое слово было взвешено. Мы оставали материалистические позиции Л.А., сводя имеющиеся "ошибки" к неудачным формулировкам в статьях, которые при желании можно трактовать неоднозначно, если не вдумываться в полный текст написанного. Словом, мы не удовлетворили требование Айрапетьянца и ждали очередного погрома. Но меньше всего мы тогда думали о себе, так как на заседании Физиологического общества обвинения в адрес Л.А. звучали слишком грозно и было очень страшно за его судьбу. Однако накал страстей был оборван временем. Был поздний час, а выступающих было еще много. Заседание было перенесено, но... Наступили драматические события – умер Сталин. Очень быстро произошли изменения в составе Отдела науки в ЦК КПСС: не стало Жданова. В рядах "критиков" Орбели почувствовалась какая-то растерянность, все было каким-то неопределенным.

И хотя после смерти Сталина "критический накал" несколько притупился, но преследования Л.А. не прекратились, и еще много горя ему пришлось пережить. Но были и приятные события. Руководство АН СССР, все время оказывавшее нам помощь, стало оказывать ее во все больших масштабах. К 1954 г. нас уже было не восемь человек, а 25. Группа по индивидуальным работам академика Орбели при Президиуме АН СССР была превращена в Лабораторию эволюционной физиологии АН СССР. Леона Абгаровича стали приглашать читать лекции, и он читал, вопреки яростным, но бессильным попыткам сорвать чтение лекций со стороны отдельных членов формально еще существующего павловского совета.

Еще долго нельзя было говорить, что Объединенная сессия двух академий 1950 г. нанесла большой вред физиологической науке, как это говорилось о сессии ВАСХНИЛ. В 1956 г. наша лаборатория была реорганизована в Институт эволюционной физиологии. В него потянулись старые ученики Л.А. Все становилось на свои места. Если в 1952 г. нам не разрешали даже очень скромно отметить день рождения Л.А. (было его семидесятилетие), то теперь, в 1957 г., было буквально всенародно отмечено его 75-летие. Люди съехались из разных городов Советского Союза, чтобы сказать слова уважения и просто любви. Но здоровье Л.А. было сильно подорвано, и девятого декабря 1958 г. его не стало. Я была у него за 15–20 минут до его смерти. Он уже не вставал, но голова была ясная и свежая. Он шутил и просил обязательно зайти завтра...

На тему о Л.А. как человеку можно говорить бесконечно много, и все это интересно, дорого и весьма поучительно, особенно для молодежи, которая знает о Л.А., прежде всего, только из лекций и книг.

Прежде всего, несмотря на кипучесть темперамента, возможность "пошуметь" по случаю какого-нибудь возмущившего его события, Л.А. был необыкновенно добр. Всю свою жизнь он помогал людям: устраивал в больницы, если они заболели, покупал путевки в дома отдыха и санатории, если больные не имели на то средства, посылал к больным высоких медицинских специалистов на дом. Об этом нужно было только намекнуть Л.А., и он тут же быстро приходил на помощь. Многие семьи, где материальное положение было не из легких, в течение долгих лет получали от него ежемесячную дотацию к своему заработку.

Были люди – типичные вымогатели. Они обманывали Л.А., выдумывая происшествия, драматические события в их жизни, и получали солидные суммы денег. Л.А. знал об этом. Мы иногда подшучивали по этому поводу и говорили, что напрасно Л.А. балует таких вымогателей. Тогда Л.А. сердился. Однажды он сказал, что дверь его дома должна быть открыта для всех без исключения и что помогать он будет всегда и всем. Он говорил примерно так: "Пусть из ста человек даже девяносто девять меня обманывают, но если, боясь обманщиков, я откажу в помощи сотому, действительно нуждающемуся, и он от этого действительно погибнет, я себе [этого] никогда не прощу".

Л.А. оказывал помощь деликатно, тайно для окружающих и никогда об этом

не говорил никому. Об этом знали только близкие люди, которые посылали денежные переводы или передавали конверты с деньгами. Только близкие люди знали, как много личных средств Л.А. вкладывал в текущую работу лабораторий. Так, например, до 1950 г. он никогда не брал зарплату заведующего лабораторией в Естественнонаучном институте имени А.Ф. Лесгафта. Вся она оставалась в лаборатории и шла на дотацию низкооплачиваемых сотрудников, на дополнительный корм животным и прочие нужды лаборатории. После 1950 г., когда Л.А. был уволен из всех мест и ему была оставлена только эта маленькая лаборатория и сумма денег за звание академика, все оставалось по-прежнему. Как ни уговаривала М.Б. Тетяева (старейшая помощница Л.А. по лаборатории в Институте Лесгафта и, в частности, ведущая отчетность по расходованию зарплаты Л.А. и в лаборатории) брать в эти тяжелые времена зарплату себе, Л.А. категорически отказывался это сделать, говоря, что он не может этого допустить, так как пострадают люди и дела лаборатории. Тетрадь с регистрацией расходов зарплаты Л.А. до 1950 г. и после существует в архиве Л.А.

Как-то раз в тяжелые годы мы ехали куда-то с Л.А. и по дороге он заехал в сберкассу, чтобы взять некоторую сумму денег. Я сама слышала, как работник сберкассы сказал как-то очень ласково, что академик Орбели самый необеспеченный академик из всех, кого этот работник обслуживает.

Мы это знали, но ничего не могли поделать. Был один гражданин, который нас очень тревожил. Это из тех, который жил на ежемесячное пособие Л.А. Он продолжал ходить за "конвертами" и в тяжелые годы. Иждивенец был явно психически неполноценным человеком. Несколько раз ранее, помимо ежемесячных конвертов, он просил дать ему порядочную сумму денег на похороны жены, которая умирала где-то всегда далеко (в Сибири, в Средней Азии и так далее). Л.А. каждый раз помогал, хотя в кругу близких людей весело смеялся над ситуацией. Вот мы (несколько сотрудников) и задумали отказать в выдаче очередного конверта, а деньги отдать Елизавете Иоакимовне. Мы так и сделали, когда гражданин пришел в лабораторию. Тогда этот гражданин пошел домой и спросил о конверте Елизавету Иоакимовну. А она, разумеется, ничего не знала о наших замыслах и пообещала выяснить у Л.А. Как же нам попало! Я никогда не забуду выражение лица Л.А. Оно было гневным и сострадательно презрительным. Он сказал примерно следующее: "Как вы не понимаете, что этот человек – убогий. Если ему никто не поможет, он просто погибнет. В прежние времена таких людей кормили и одевали "миром" все простые люди. Теперь его кормлю я. Я пока еще не умираю с голоду и еще могу помогать. Прошу Вас не вмешиваться в мои личные дела". Низко склоняю голову перед величием души Л.А. Л.А. снискал к себе любовь и уважение не только большой массы научных сотрудников, знавших его, не только огромного числа интеллигенции разного профиля (драматических актеров, певцов, танцоров, писателей и т.д.), но и, как говорят, простых людей. Так, например, в тяжелые годы на дачу в Комарово приходили какие-то рыбаки и приносили свежельовленную рыбу, не беря денег, со словами, что это для семьи академика Орбели. И это потому, что где-нибудь на берегу залива или в другом месте Л.А. поговорил с этими рыбаками. А говорил он всегда со всеми людьми без исключения с вниманием, очень приветливо. А, может быть, когда-то чем-то помог. Ведь он никогда не хвастался своим общением с окружающими его людьми не ученого мира, тем более никогда не рассказывал о том, кому и как помог.

Как-то осенью 1955 г. я, находясь далеко от Ленинграда, послала письмо Л.А. и, в частности, спрашивала, чем он занят. Он ответил шутя: "Я совсем зашился с докладами, статьями, сборниками, стенограммами, мемуарами, устройством на работу, в больницы, в печать и всюду, куда может завести воображение. (Если бы у нас в стране существовали дома терпимости, то, вероятно, и туда мне пришлось бы оказывать протекцию.)"

Не могу не вспомнить об одном факте, свидетельствующем о высоком уважении и любви к Л.А., проявленном в тяжелые 50-е годы. Как известно, в 1950 г. после разгромной сессии двух академий Л.А. были даны 8 штатных единиц для создания "Группы", и то были ставки научных работников. Разумеется, у нас не было ни канцелярии, ни бухгалтерии. И вот бухгалтерия ЛАХУ добровольно взялась нас обслуживать. От них мы получали зарплату, а также постоянно встречались с радушием, сочувствием и просто даже лаской. Все это делалось только потому, что во главе нашей "Группы" был Л.А. Орбели. Туда мы ездили с проспекта Маклина на Университетскую набережную не как в официальный орган, выдающий деньги, а как к друзьям.

Всего не написать. О себе могу только сказать, что я счастлива, что мне довелось не только работать под руководством Л.А. Орбели, но и быть в последние годы его жизни его другом, если это не звучит слишком самонадеянно. Основанием для этого является не только его исключительно доброе отношение ко мне, но и надписи на оттисках, которые он мне дарил. Кроме обычных: "Дорогой Зое Ивановне Барбашовой от автора" были и такие, как: "Дорогой З.И. Барбашовой от преданного автора" (сентябрь 1955 г.) или "Дорогой Зое Ивановне Барбашовой в знак уважения" (1955 г.).

Как-то я спросила Л.А.: когда он успевает готовиться к докладам при его ежеминутной занятости на работе и ежедневном наплыве сотрудников, гостей, просителей и т.д. дома до позднего вечера? Он весело посмеялся и согласился с тем, что готовиться к докладам как-то действительно некогда. Но тут же добавил следующее. Он напомнил, что из-за упомянутой занятости и множества помех ведь остается время, когда он едет один в машине по дороге на доклад. Однако и здесь чаще всего он кого-то прихватывает с собой, а попутчик считает своим долгом развлекать Л.А., так как сидеть молча как-то неприлично. Надежда, что перед докладом останется кусочек времени и можно будет сосредоточиться у себя в кабинете, тоже часто не оправдывалась, так как обычно что-то дается на подпись (а Л.А. никогда не подписал ни одной бумаги, не прочитав ее внимательно, не отметив ошибки, если они есть, не отредактировав, если бумага идет от его личного имени, а составлена неудачно) или его "замы" заходят для обсуждения какого-то вопроса и так далее. Но вот он идет в зал. Можно подумать по дороге. Наконец, Л.А. поднимается на кафедру. Он добавляет: "Обратите внимание, как я всегда медленно вынимаю карманные часы, кладу их перед собой на кафедру и расправляю цепочку. Затем вынимаю носовой платок и тщательно тереблю нос, хотя он в этом не нуждается. В это короткое время я мысленно строю весь доклад, подчиняя его основной идее. И начинаю".

Все описанные, стереотипно повторяющиеся перед докладами движения мы действительно ярко помним: часы... цепочка... носовой платок...

Но ясно и другое, что в основе всего лежало постоянное думание, ясность идей в голове и колоссальный опыт, а также глубокие знания в широких областях биологии вообще. А кроме того, я думаю, что перед ответственными докладами он готовился. Об этом свидетельствуют рассказы Гарика (внук Л.А. – Абгар Леонидович Орбели) о том, что обычно Л.А. просыпался ночью и чего-то ходил по квартире, в комнате долго горел свет, а потом утром Л.А. снова засыпал и просыпался поздно.

Л.А. также нам рассказывал, что у него давно уже есть "стариковская" привычка просыпаться среди ночи, когда он читает, думает в полной тишине. Засыпал вновь он часов в пять-шесть и спал еще часа три-четыре. Вот эти тихие ночные часы и были, по-видимому, тем временем для творчества, которое позволяло делать великолепные по форме и содержанию доклады и лекции, стенограммы которых являлись содержанием книг Л.А.

Несколько слов о форме лекций и докладов. Л.А. обладал прекрасным,

простым, ясным и понятным для всех слушателей русским языком. Глубина анализа фактов, полученных учениками, сопоставление их с материалами других исследователей и обязательный прогноз научных исследований на будущее – вот все то, что привлекало громадную массу физиологов, биологов, врачей, студентов на лекции и доклады Орбели и на заседания Физиологического общества, на которых Л.А. "переводил на русский язык" самые непонятные доклады, увязывал заслушанные, казалось, разрозненные доклады отдельных научных работников в единое целое, находил место и в общей физиологической науке и снова давались советы на будущее. На заседаниях Физиологического общества зал всегда был полон. С той поры, как Л.А. был отстранен и от руководства Физиологическим обществом (с 1950 г.), и поныне заседания общества посещаются скудно и главным образом специалистами узких вопросов, которых должны касаться заявленные доклады. Одной из причин этого является отсутствие обобщений доложенных материалов в конце заседаний.

Характер отношения массы физиологов страны к Л.А. и его главному "критику", занявшему посты руководителя коллективов, ранее возглавляемых Л.А., – К.М. Быкову ярко проявились на Всесоюзных съездах физиологов. Так, на съезде в 1955 г. (в Киеве) при избрании членов Правления Всесоюзного физиологического общества К.М. Быков получил так много "черных шаров", что не был избран (голосование тайное!), тогда как Л.А. Орбели не только был избран, но встречен овацией зала, длившейся много минут. Такое же [отрицательное] отношение было к главному организатору всех погромов – Э.Ш. Айрапетьянцу. Так, на следующем Всесоюзном съезде физиологов в Ереване (1964 г.) во время банкета, завершающего работу съезда, был произнесен тост за замечательного сына армянского народа – Леона Абгаровича Орбели и при этом добавлено: "Выпьем стоя! И ты, Айрапетьянц, встань!!!".

Моральный облик академика Быкова в тяжелые годы проявился далеко не с лучшей стороны не только в стремлении морально уничтожить Орбели (он был председателем павловского совета), но и просто с точки зрения человеческих качеств. Так, например, он выдвинул Айрапетьянца, по-видимому, в качестве "платы" за активную организацию всех "погромных" мероприятий не то в члены-корреспонденты, не то прямо в академики АН СССР¹⁰. Он дал блестящую характеристику Айрапетьянцу на предвыборном собрании академиков АН СССР, но... при тайном голосовании Айрапетьянц не получил ни одного голоса "за" (!!!). Академики долго смеялись над непревзойденным казусом. Воображаю, что за сцена была между Быковым и его верным слугой – кипуче страстным Айрапетьянцем! Об этом хочется упомянуть для того, чтобы подчеркнуть моральную чистоту Л.А., который никогда в жизни не был и не мог быть уличенным в двурушничестве. Он был верным, чистым и предельно честным.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 344. Л. 69–88. Авторизованная машинопись.

Т.Н. Несмеянова

АКАДЕМИК ЛЕОН АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ (вспоминания его ученицы)¹

Самое характерное, человеческое [для Л.А.] – это расположение к людям, **доброжелательность**. Типичное для человека ученого – необыкновенная способность ассоциировать, собирать разрозненные факты в стройный ряд, создавать новые научные открытия, обосновывая их. Необыкновенная память, глубокое и

широкое знание биологии, способность ассоциировать факты для него любой новый факт, полученный в эксперименте, интересным и значительным. В его интерпретации этот факт и сопутствующие явления становились в гармоничную цепь, делались понятными, интересными. Наука становилась простой, доступной, наполненной интереснейшими явлениями, связанными в единую цепь.

Он уважал эксперимент и ученых, работающих руками и думающих.

Я начала работать в Институте имени И.П. Павлова, руководимом Орбели с 1942 г., когда Институт находился в Казани. После перерыва, из-за поездки в Иран, я вернулась в него в 1944 г. уже в Ленинград. Работала, как и раньше, у А.Г. Гинецинского.

Общение с Леоном Абгаровичем в ту пору происходило главным образом на ученых советах, которые являлись научными совещаниями, и присутствие на них всех сотрудников Леона Абгаровича считалось обязательным. Нетребовательный к формальной дисциплине, предоставляющий значительную свободу в работе по существу и по времени, в отношении ученых советов он был строг и непреклонен. Очень сердился и громко выговаривал манкирующим. Иногда же только шевелил усами, но все было понятно.

Заседания Ученого совета проходили в нашем небольшом парадном конференц-зале, где в президиуме сидели председательствующий Л.А. и ученый секретарь Е.А. Моисеев. Оба вместе они представляли собой колоритнейший ансамбль. Каждый из них, особенно же Л.А., был красив чрезвычайно зрелой, старческой красотой. Генеральский мундир дополнял впечатление.

Откровенно говоря, в течение заседания мы смотрели не на докладчика, а на Л.А. Орбели. Обычно, если доклад ему нравился, он поглаживал усы, иногда тер переносицу, затем незаметно засыпал. Спал мирно и, как казалось, крепко. Однако как только докладчик кончал говорить, он тут же открывал глаза, поглаживал усы и как ни в чем не бывало вел заседание. При этом обнаруживалось, что весь доклад он слышал гораздо лучше нас. Если с чем-либо не был согласен, подвергал доклад деловой критике.

Особенно суров был к своим ученикам. Ученые же из других учреждений такой критике, как правило, не подвергались. Исключение составляли академик И.С. Беритов и его школа; с ними велись ожесточенные диспуты².

Все интересное и новое, доложенное на Ученом совете, Л.А. улавливал и всегда в заключительном слове находил новым фактам место в своем стройном учении об эволюции функций.

До 1950 г. Л.А. много оперировал на животных. Он очень любил это делать, и качество операции считал чрезвычайно важным условием для успеха работы.

Отличительной чертой Л.А. была честность и добросовестность ученого и человека, а также доброжелательность к человеческим слабостям.

В бытность вице-президентом АН СССР Л.А., несмотря на несогласие со многими концепциями К.М. Быкова и его учеников, а также с академиком И.С. Беритовым, всегда старался в первую очередь создать условия работы ученым из противного лагеря³.

Когда нужно было выдвинуть кандидата в академики или члены-корреспонденты АН СССР, Л.А. выдвигал представителей других школ, а не своих учеников. Он объяснял это тем, что правительство, поставив его на место покойного И.П. Павлова, обязало поддерживать всех учеников последнего: "Мою же школу в АН СССР представляю я сам, больше никого не нужно". Так был и выбран в академики К.М. Быков. Такие же крупные ученые, как А.Г. Гинецинский, Г.В. Гершуни, А.В. Тонких, не были выдвинуты им даже в члены-корреспонденты⁴.

В дальнейшем отсутствие в АН СССР представителей школы Орбели сыграло роковую роль.

Доброжелательность Л.А. была известна широко. Еще во время войны, когда особенно часто приходилось прибегать в ряде дел к помощи членов Президиума, было известно, что академик Бруевич всегда скажет "нет", а академик Орбели всегда скажет "да".

Это стремление сделать людям добро отражалось и на работе всего института. Доброжелательность являлась здесь обязательным качеством для всех сотрудников. Меня поражало, что можно было прийти к главбуху с денежной [просьбой] и он сразу удовлетворял ее, говоря шутливо: "Наша задача удовлетворить клиента". Все в институте старались быть хорошими. Какие они были по существу – показала дальнейшая жизнь, когда во время и после Объединенной сессии со многих друзей спали личины, все благородное ушло, как чуждое, лишь привнесенное извне – общения с таким замечательным человеком, как Л.А. Основная же элита его учеников и сотрудников остались верными себе и его идеям.

Стыдно и странно сознаться, что я не запомнила достаточно ярко Л.А. во время Объединенной сессии. Видимо, мое возмущение происходящим вытеснило образы его участников. Помню только, что он всю, часто бессмысленную, критику принимал совершенно серьезно и старался на основе марксистско-ленинского учения разобраться в своих "ошибках". В то время он не думал, что эта сессия подстроена группой прохвостов в науке, которым хотелось самим занять ведущее место в физиологии, что им и удалось. Во главе этого заговора стоял Э.Ш. Айрапетянц, который прикрывался солидным щитом – беспринципность академика К.М. Быкова.

Отсутствие у Л.А. представителей своей школы в АН СССР не дало возможности достаточно авторитетно защитить его. Ведь после ВАСХНИЛовской сессии, разгрома генетики, гибели Н.И. Вавилова и ряда других биологов прошло всего около 2-х лет. Все было живо и страшно. Слово и дело. Обвиняют – значит виноват.

Вот в эту страшную пору, когда Л.А. лишился не только должности академика-секретаря, но и института и какой-либо возможности работать, когда он оставался одиноким, брошенным, несколько москвичей – его бывших сотрудников, и я в том числе составляли его общество при его наездах в Москву. У него была квартира на ул. Чайковского, куда мы, предварительно позвонив, обычно собирались вечерами.

К этому времени (после сессии) сотрудникам нашей лаборатории пришлось покинуть институт. А.Г. Гинецинский уехал в Новосибирск на кафедру физиологии медицинского института. Меня и Н.М. Шамарину перевели в Москву во вновь открытый Институт высшей нервной деятельности, а З.И. Барбашова осталась в Ленинграде и позже вошла в группу Л.А. Ему от Президиума дали штаты на трех человек. В группу вошел он сам, А.В. Войно-Ясенецкий и Барбашова.

Вечера на ул. Чайковского останутся всегда одним из лучшим, хотя и горьких, воспоминаний. Ведь именно здесь, именно в результате большой беды удалось узнать [его] просто, по дружески общаться с Л.А. Узнать его гораздо глубже. Ведь человек познается в беде.

Если раньше я, да и многие его сотрудники боготворили Л.А. и терялись в его присутствии, то теперь это прошло. Мы были нужны ему, мы были должны и могли поддержать его в это трудное время. Конечно, основные разговоры, особенно в первое время после сессии, велись вокруг нее, вокруг всего происшедшего. Каждый из нас, пришедших, а обычно это были 2–3 человека, жестоко осуждали творцов сессии, в первую очередь "лохматого" – так звали Айрапетянца. Л.А. не соглашался, и прошло много времени прежде, чем он признал, что главную роль в этом предприятии играл именно он, а не академик Быков. Его старая, скрываемая неприязнь к Быкову давала себя знать. С Айрапетянцем же он работал, вернее пытался сделать, чтобы тот работал. Платил ему по совместительству.

Нужно сказать, что уже в это время Л.А. очень снисходительно относился к ученикам, изменившим ему, в частности к Загорулько. Последнего он очень любил, но оказалось, что Загорулько признал правильное обвинение в идеализме и прочем, предъявленные Л.А. на сессии, и отрекся от него.

Конечно, это было очень горько, но Л.А. говорил: "Он просто испугался, не устоял". Я спросила: "А если Загорулько придет к Вам и попросится работать с Вами, что Вы ему скажете?" Л.А. ответил: "Я возьму его к себе".

В дальнейшем так и было: многие сотрудники вернулись к нему, в новый Институт эволюционной физиологии, созданный Президиумом АН СССР для него.

Но это было много позже. В первую очередь туда вернулись верные друзья и ученики, и самым первым – А.Г. Гинецинский, которого Л.А. пригласил на должность заместителя директора.

Я же осталась в Москве, где жила моя семья и была больна мать.

Но мы отвлеклись от времени дружеских встреч с Л.А. на ул. Чайковского. В нем в то время поражало сравнительно спокойное, ровное настроение: он всегда оставался гостеприимным хозяином и возглавлял общество за столом. Характерным для его стола были вина – только грузинские, обязательно белое и красное. Когда он наливал первый бокал, он каждого спрашивал: "Вам какого – белого или красного?" Следующий бокал он наливал только тем вином, которое гость выбрал в первый раз. Сам он пил исключительно белое вино.

Он умел стряпать, но допускал в этом деле помощь гостей – женщин. Кофе же всегда заваривал сам и учил нас как это делать. Я запомнила на всю жизнь, что в кипящую, снятую с огня, отмеренную количественно воду в кофейнике нужно положить свежемолотый кофе – 2–3 чайные ложки на чашку, и поставить кофейник на маленький огонь. Когда кофе начнет слегка подниматься, снять его и дать подняться еще раз. Приготовленный Л.А. кофе всегда был особенно вкусным и ароматным.

Как-то случайно зайдя в другую комнату, я обнаружила на письменном столе раскрытую книгу Л.А. "Эволюционная физиология"⁵ с его пометкой на полях. Рядом лежал том Ленина. Он искал – в чем его идеологические ошибки, так как был твердо уверен, что обвинять огульно человека невозможно. Некоторые из этих спорных абзацев обсуждались им с учениками, специалистами по высшей нервной деятельности.

Он любил выписывать из классиков понравившиеся ему изречения. Как-то я увидела листок с таковыми и попросила дать мне на память. Эти изречения характерны для его тогдашнего настроения.

Мне и Н.М. Шамариной в новом институте⁶, руководимом членом-корреспондентом Э.А. Асратяном, пришлось впервые заниматься физиологией спинного мозга. На тему о работе нами часто велись разговоры с Л.А. Он дал нам много добрых советов.

Как-то раз зашел разговор о возможностях регенерации проводников спинного мозга. Я работала со спинальными собаками и горела желанием восстановить утраченные ими функции, хотя в то время задачи, стоявшие передо мной, были другими.

Л.А. сказал, что в США создано вещество пиромен, с помощью которого пытаются воздействовать на процесс регенерации аксонов в спинном мозгу. Сказал, что его этот вопрос очень интересует и он попросил проф. Х.Х. Пламельса – микробиолога из Института имени Гамалея⁷, разработать получение аналогичного препарата. Советовал мне поинтересоваться им и попробовать испытать. Этот препарат был создан и испытан впервые мною на собаках, на себе, а потом, после разрешения фармкомитета, на больных⁸. Препарат оказался очень перспективным, широкого спектра действия и в настоящее время успешно применяется в различных клиниках и обязательно спинальным больным.

Постоянно видя спокойное, ровное, деловое, доброжелательное настроение Л.А. в такое тяжелое для него время, когда можно было озлобиться на весь мир, меня особенно поражало противоположное настроение его противников на сессии.

* * *

О дальнейшей жизни и деятельности Л.А. в Ленинграде, где он руководил лабораторией, а затем Институтом, лучше меня расскажут сотрудники и близкие, непосредственно соприкасавшиеся с ним.

Вечера на ул. Чайковского кончились, так как квартира была ликвидирована, и я общалась с Л.А. очень редко.

Последнее – были его похороны. В 1958 г., в страшный мороз. Ночь перед ними я и несколько друзей провели у гроба в здании АН СССР, в конференц-зале. Так трудно было поверить, что такая жизнь ушла и не вернется!

Так больно было видеть его мертвым!

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 342. Л. 1–8. Авторизованная машинопись.

З.В. Денисова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹

1976 г.

Последние дни жизни. Оставалось жить немного. Л.А. не вставал с постели, полулежал в кресле, тяжело дышал. По словам Л.А., он впадал в такое состояние, когда перед его мысленным взором возникали яркие, далекие образы того, что он когда-то пережил. Он говорил о том, что у него в памяти всплывают армянские слова, что он видит яркие образы – цветы, не просто цветы, а именно те цветы, которые "я действительно видел".

В последние годы Орбели интересовался проблемой развития сложнейших форм поведения ребенка. Я работала именно в лаборатории по изучению сложных форм поведения ребенка, которой руководил Л.А. Л.А. поручил мне изучение изобразительной деятельности ребенка, казалось бы, область, очень далекую от физиологии.

Последняя встреча дома у Л.А. Он интересуется моей работой. Он говорил, что у каждого человека есть свойства творчества и что мы должны начать изучение этого свойства ребенка. Тогда это представлялось вообще не мыслимо для физиологии. Изучение высшей нервной деятельности ребенка должно вестись человеческими методами.

Он сожалел, что сам уже не сможет работать в этой области. – "Очень жалко, – говорил Леон Абгарович, – что эти работы остались без руководства, потому что никто другой из физиологов не сможет помочь вам в этой области".

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 342. Л. 56–57. Авторизованная машинопись.

Х.О. Выржиковская-Зевальд

ВОСПОМИНАНИЯ О Л.А. ОРБЕЛИ¹

Л.А. Орбели был человеком высокой души и щедрого сердца, и таким он останется в моей памяти до конца жизни.

В августе 1937 г. Л[еон] А[бгарович] отправил моего мужа С.Н. Выржиковского в командировку на Севастопольскую биостанцию² для проведения серии

опытов. Вернувшись (мы ездили всей семьей) 14 сентября в Ленинград муж был той же ночью арестован и при прощании со мной просил утром сообщить об этом Л.А., так как не смог отчитаться о результатах командировки. Обыск длился до 6 часов утра, и к началу работы лаборатории я была в Физиологическом институте на Набережной Макарова. Л.А. еще не было, и Гаянэ Павловна, увидев меня, поняла что что-то случилось, провела меня сразу в кабинет Л.А., усадила в глубокое кресло и закрыла кабинет. Я уснула после бессонной ночи. Пришла в себя от осторожного прикосновения к плечу. Л.А. сказал, что в эту же ночь арестовали Крепса Е.М. и еще троих сотрудников АН и ВИЭМ. Сразу спросил, чем может помочь, предложил денег, от которых я, конечно, отказалась. Л.А. сказал, что будет обязательно хлопотать в Большом Доме³ за 2-х человек: за Крепса Е.М. и Выржиковского С.Н., и чтобы за ответом я пришла через 5 дней к нему на квартиру. Когда я пришла, Л.А. не было дома, меня очень тепло встретила его жена и сказала, что Большой Дом не только отказался от его вмешательства, но пригрозил, что Л.А. будет там же, где его сотрудники.

Меня арестовали в октябре. Возвратившись в 1954 г. по амнистии в Ленинград, я встретила в Физиологическом институте Е.М. Крепса. Как и когда он освободился, я так и не знаю. Выржиковский С.Н. был расстрелян в октябре 1937 г.

Л.А. не забывал обо мне: за все время, пока я была в ссылке, он справлялся обо мне через Льва Оттовича Зевальда, который чудом избежал ареста. В 1943 г. Л.А. трижды делал попытку освободить меня – высылал вызовы в Чимкентское НКВД, но получал отказ, и только на 4-й вызов, посланный им в Алма-Ата в НКВД Южного Казахстана, я получила разрешение и пропуск о выезде в Казань, где тогда находился в эвакуации Физиологический институт. Л.А. позаботился даже о том, чтобы мне была предоставлена работа в канцелярии Физиологического института, хлебная карточка и разрешение московской милиции о моей прописке в Казани. Но в Казани мне в прописке отказали, и заместитель директора Физиологического института В.В. Строганов, связавшись со знакомым ему заведующим леспромхоза, устроил меня в филиал леспромхоза в г. Волжске. В августе 1944 г. институт вернулся в Ленинград. В октябре я заболела водянкой, сын мой отправил Льву Оттовичу телеграмму: "мама умирает", и Леон Абгарович сразу отправил Льва Оттовича в командировку в г. Волжск, снабдив его лекарствами и усиленным пайком для меня.

Мне так и не удалось поблагодарить лично Леона Абгаровича за все доброе, что он сделал в отношении меня. Я вернулась в Ленинград в 1954 г. "по амнистии", но клеймо "врага народа" не было еще снято с меня, и даже мои когда-то близкие друзья опасались встречи со мной во избежание неприятностей. Лев Оттович отговаривал меня от встречи с Леоном Абгаровичем, боясь за него, да к тому [же] Л.А. тогда уже был серьезно болен.

Личный архив Л.Г. Лейбсона.

КОММЕНТАРИИ

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРОГРАММА 2-Й БЕСЕДЫ МЛАДШЕГО ВРАЧА ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА ЛЕКАРЯ ОРБЕЛИ "О НОВОМ МЕТОДЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ"

¹ По просьбе И.П. Павлова в феврале 1905 г. Л.А. Орбели был переведен из Кронштадта в Петербург младшим врачом Гвардейского экипажа. В свободное от работы ординатора время в морском госпитале Орбели занимался в физиологическом отделе ИЭМа в качестве практиканта. Это было самое начало исследований Павлова в области физиологии высшей нервной деятельности. Орбели активно включается в разработку исследований в новой области. Мы полагаем на основании данного документа, что, помимо экспериментальных исследований, Орбели одновременно занимался пропагандой нового метода исследований среди врачей. Обращает внимание тот факт, что Орбели сразу оценил значение метода условного рефлекса для физиологии органов чувств, мало разработанного в России раздела физиологии. Именно этому вопросу была посвящена докторская диссертация Орбели "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.). Одновременно Орбели подчеркивает значение нового метода для изучения психической деятельности. Ценность данного документа заключается в том, что он является первым трудом в форме тезисов Орбели в области физиологии высшей нервной деятельности. В биобиблиографии Орбели первый труд Орбели отмечен 1907 г.: Условные рефлексы с глаза у собаки // Тр. О-ва рус. врачей. 1907. Март/май. С. 257–275.

УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ С ГЛАЗА У СОБАКИ

¹ Диссертация Л.А. Орбели является одним из первых и лучших трудов по условным рефлексам. И.П. Павлов в следующих словах оценил ее: "Безукоризненность в методическом отношении, полная научная достоверность, богатство нового фактического материала... В деле критики автор отличается серьезностью и спокойствием, в деле обобщений – осторожностью и обоснованностью". (Вестн. архивов Армении. 1985. № 1. С. 16).

Введение к диссертации Л.А. Орбели мы включили по формальным соображениям и по существу. Дело в том, что в третьем томе "Избранных трудов" Орбели, в котором собраны его труды по физиологии высшей нервной деятельности, диссертация Орбели – первый его труд по условным рефлексам – опубликована без введения. Причиной тому явилось то обстоятельство, что в нем Орбели выступил сторонником теории познания Э. Канта и в свете этой теории оценил учение Павлова об условном рефлексе. Учение И.П. Павлова, согласно Орбели, чисто эмпирическое учение, не имеющее ничего общего ни с материализмом, ни с идеализмом. Между тем позднейшие "критики", вернее апологеты учения Павлова, оценили его как диалектико-материалистическое. Оценка Орбели, данная им учению Павлова в 1908 г., была определена как идеалистическая, реакционная, унижающая величие учения Павлова. Именно за это и другие "грехи" Орбели был подвергнут жестокому остракизму на "павловской" сессии в 1950 г.

Сила инерции и идеологического давления были так велики, что даже спустя десятилетие после полной "реабилитации" Орбели в "Избранных трудах" (1964 г.) диссертация его не была напечатана полностью. И только спустя 30 лет после этого (в 1994 г.) "Журнал эволюционной физиологии и биохимии имени И.М. Сеченова" (Т. 30, вып. 1. С. 4–14) поместил введение к диссертации, но опять не полностью и без необходимых комментариев.

Введение к диссертации Л.А. Орбели нуждается в оценке в свете современного состояния философии естествознания. Мы полагаем, что оценка, данная Л.А. Орбели учению И.П. Павлова в 1908 г., сохраняет свое значение и сегодня. Во всяком случае, Павлов резко протестовал против попыток представить его учение, как подтверждающее и обосновывающее диалектический материализм.

CURRICULUM VITAE

¹ Физиологический отдел ИЭМа был основан в 1890 г., в 1890–1936 гг. его руководителем был И.П. Павлов.

² Санкт-Петербургская биологическая лаборатория была основана в 1893 г. на средства И.М. Сибирякова. Первым ее руководителем был П.Ф. Лесгафт – известный анатом и общественный деятель. При лаборатории были организованы Высшие женские курсы.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДРЫ ФИЗИОЛОГИИ ПЕТРОГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

¹ Петроградский медицинский институт (бывший Женский медицинский институт) – Первый Ленинградский медицинский институт им. академика И.П. Павлова, ныне Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова был основан в 1897 г.

² Имеется в виду первая мировая война (1914–1918 гг.).

³ Физиологические беседы как форма общения между физиологами, биохимиками, фармакологами и патологами возникли в 1920 г. по инициативе профессора физиологии Петроградского университета Н.П. Резвякова. Совместные заседания поочередно проходили в лабораториях Петроградского университета, ИЭМа, ВМА, Научного института им. П.Ф. Лесгафта, в Физиологической лаборатории АН, Петроградского медицинского института. Первая беседа состоялась 12 июня 1920 г. С докладами на беседах выступали Н.Е. Введенский, А.А. Ухтомский, Л.А. Орбели, В.В. Савич и др.

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКУ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

¹ Начальником ВМА в эти годы был В.Н. Тонков. Рапорт свидетельствует о трудностях Л.А. Орбели в эти годы.

² Государственный институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта был основан в 1919 г. как восприемник Высших курсов им. П.Ф. Лесгафта. Здесь Л.А. Орбели организовал кафедру физиологии.

³ В 1919–1925 гг. Л.А. Орбели был проректором Института физического образования им. П.Ф. Лесгафта.

⁴ Л.А. Орбели не был отчислен из ВМА. Напротив, в 1925 г., когда И.П. Павлов оставил кафедру, он был назначен начальником кафедры физиологии ВМА.

ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ПЭРНА

¹ Н.Я. Пэрна в 1892 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Специализировался по физиологии под руководством профессора Н.Е. Введенского. В 1914 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему: "О функциональных изменениях нерва и мышцы при пропускании тока". Был прозектором кафедры физиологии Санкт-Петербургского университета; как приват-доцент читал самостоятельный курс "Физиология внутренней секреции". С 1918 г. работал в физиологической комиссии Наркомата продовольствия. Н.Я. Пэрна – автор более 50 научных и научно-популярных трудов, среди них наиболее значительные: "Ритм жизни и творчества", "Питание и жизнь", "Строители живого тела. Очерки физиологии внутренней секреции", "Сон и его значение". Перевел с английского монографию Э. Праута "Моцарт". О. Пэрна см.: Николай Пэрна. "Жизнь человека". СПб., 1993. 172 с.

В ПРЕДМЕТНУЮ КОМИССИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

¹ А.Г. Гинецинский был студентом 5-го курса медицинского института.

² Речь идет о статье Гинецинского "Влияние симпатической нервной системы на функции поперечнополосатой мышцы" // Рус. физиол. журн. 1923. Т. 6, Вып. 1–3. 139–150.

³ Данное исследование было опубликовано под названием "Участие симпатической системы в течение стрихнинных судорог" // Рус. физиол. журн. 1924. Т. 7, вып. 1–6. С. 225–232.

⁴ А.Г. Гинецинский был назначен ассистентом кафедры физиологии Ленинградского медицинского института в 1925 г.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА В ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

¹ Объяснительная записка Л.А. Орбели в правление Первого Ленинградского медицинского института – важный документ, свидетельствующий о тягостной атмосфере тех лет. Конец 1920 – начало 1930-х годов были трудными для Л.А. Орбели. К этому времени относится ряд его публичных выступлений, идущих в разрез политическим и идеологическим установкам властей. Л.А. Орбели отказался подписать коллективное письмо с требованием смертной казни по делу Промпартии, это противоречило его совести. Не подписал письмо против папы римского о преследовании религии в СССР. Не признавал новых "демократических форм" преподавания – разные эксперименты и "реформы" – в ущерб знаниям. Орбели считал, что наукой должны заниматься люди, проявившие склонность к научно-исследовательской работе, и в этом решающее слово за профессором. В 1929 г. Орбели рекомендовал для работы в лаборатории при кафедре физиологии студентку Ю.А. Клаас. Однако на это место претендовал другой студент Пенжерков, малоподготовленный и непорядочный человек, но член ВКП(б). Орбели резко отозвался о нем в частном разговоре, что и сообщил ассистент кафедры А.А. Ющенко в своем заявлении в администрацию института. Орбели обвинили в выпад против кандидатов коммунистов. Любопытно, что через два года группа Пенжеркова была разоблачена как троцкистская.

Многотиражная газета Медицинского института "Пульс" от 2 февраля 1931 г. писала: "Наш институт дает свежий отряд командиров на боевые участки фронта социалистического здравоохранения. Партия не потерпит в своих рядах троцкистов, ведущих двурушническую работу, и кулацких агитаторов – правых оппортунистов. Группа троцкистов 1 ЛМИ пыталась дискредитировать большевистское руководство Петроградского райкома ВКП(б)". И затем появилась заметка "Группа разоружена": "Два года назад в партийной организации института свила себе гнездо политическая группа носителей идей контрреволюционного троцкизма, во главе с Пенжерковым, Колыховым, Казанджиевым и Шильдером. В период чистки партии эта группа создала беспринципную склоку вокруг руководящего состава партчасти института. Все они исключены из партии". (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 213. Л. 32, 33).

И все же Л.А. Орбели вынужден был оставить кафедру. Что касается Ю.А. Клаас, то она под руководством Орбели выполнила ряд серьезных исследований, в том числе кандидатскую диссертацию: "Возбудимость нервно-мышечного прибора в процессе развития" (1939 г.).

Биограф Орбели Л.Г. Лейсбон писал: "Уход Орбели с кафедры Первого Ленинградского медицинского института был связан с теми недоразумениями, которые возникали между ним и административно-общественными органами института. Так, при оставлении на кафедре окончившего институт или допущении студента к работе в лаборатории администрация и партийно-общественные организации требовали исходить из социального происхождения, а также участия в партийной и профсоюзной работе. На этой почве у Орбели возникали подчас конфликты". (Лейсбон Л.Г. 1973. С. 100).

КОНСПЕКТ О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ ОТ ПОЕЗДКИ В АМЕРИКУ
(доклад Л.А. ОРБЕЛИ в Физиологическом институте АН СССР)

¹ Несмотря на поручение Советского правительства И.П. Павлов резко возражал против предложения провести XIV Международный физиологический конгресс в СССР. Он считал это преждевременным. И лишь XV Международный конгресс с согласия Павлова был проведен в Ленинграде–Москве в августе 1935 г. Павлов был президентом конгресса.

² В конце 1920-х – начале 1930-х годов по линии Рокфеллеровского фонда в физиологических лабораториях Ленинграда никто не работал. В 1925–1929 гг. в лаборатории Павлова проводил исследовательскую работу В.Х. Гент.

ТИПОВАЯ ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ-ФИЗИОЛОГОВ
НАУЧНОГО ИНСТИТУТА имени П.Ф. ЛЕСГАФТА

¹ В программу, разработанную Орбели входило также основательное знание физиологической литературы. Программа предусматривала "проработку" предмета по литературным источникам. В фонде Орбели большой список иностранной литературы, включающий три раздела: учебники и руководства, основные физиологические журналы и периодические издания и классические монографии. Среди учебников: "Руководство по нормальной и патологической физиологии" под редакцией А. Бете (при этом Орбели рекомендовал выписать все 17 томов); четырехтомное "Руководство по сравнительной физиологии" Г. Винтерштейна; "Основы сравнительной физиологии" В. Будденброка; многотомное "Руководство по физиологическим методам исследования" под редакцией Р. Тигерштедта и др. Предусматривалась также проработка статей из журналов: "Пфлюгеровский архив", "Английский физиологический журнал", "Американский физиологический журнал", "Физиологическое обозрение", "Ежегодник по общей физиологии и экспериментальной фармакологии" (рекомендовалось выписать с первого номера, он издается с 1919 г. и имеется всего 12 томов).

Среди рекомендуемых книг: классические монографии У. Гаскелла ("Автономная нервная система", 1920 г.), Ч. Шеррингтона ("Интегративная деятельность нервной системы", 1929 г.), Дж. Баркрофта ("Дыхание и кровообращение", 1927 г.), "Основы общей физиологии" У. Бейлисса, "Практикум по сравнительной физиологии", Г. Йордана (1917 г.), монографии Г. Радемакера, Г. Винтерштейна, Р. Магнуса ("Установка тела", 1924 г.), Э. Геринга ("Основы учения об органах чувств", 1920 г.), Э. Эдриана ("Основы рецепции"), Кейта Лукаса ("Проведение нервного импульса", 1917 г.), Дж. Фултона ("Мышечная деятельность", 1926 г.) и многие другие. Кроме основного списка Орбели указывал список литературы к каждой лекции.

СПРАВКА-ХАРАКТЕРИСТИКА

¹ Первым учителем физиологии Э.А. Асратяна был Л.А. Орбели, в лаборатории которого в Естественно-научном институте им. П.Ф. Лесгафта Асратян в 1926 г. начал свою научно-исследовательскую деятельность. 1930–1933 гг. Орбели написал несколько отзывов (все положительные) об Асратяне.

² Э.А. Асратян был зачислен в аспирантуру АН СССР по представлению Л.А. Орбели от 19 октября 1930 г. "Асратян является, безусловно, подходящим кандидатом в аспирантуру при Академии наук", – писал Орбели.

ХОДАТАЙСТВО В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СССР
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ АСРАТЯНУ Э.А. ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ

¹ В заграничной командировке Э.А. Асратян не был.

ОТЗЫВ ОБ АСПИРАНТЕ АКАДЕМИИ НАУК
АСРАТЯНЕ ЭЗРАСЕ АСРАТОВИЧЕ

¹ Основным отделением называлась очная аспирантура Академии наук СССР.

² См. коммент. 1 к предыдущему документу.

³ Инцидент-конфликт Э.А. Асратяна с Л.А. Орбели произошел в мае 1933 г., в ре-

зультате которого Асратян покинул лабораторию Орбели и стал работать в Физиологическом институте АН СССР.

Подробнее о конфликте Асратяна с Орбели см. статью Н.А. Григорьян "Леон Абгарович Орбели и Эзрас Асратович Асратян" (Журн. высш. нерв. деятельности. 1994. Т. 44, вып. 2. С. 382–393).

⁴ После окончания аспирантуры Э.А. Асратян работал заведующим сектором физиологии центральной нервной системы Института мозга им. В.М. Бехтерева.

ОТЗЫВ О ПРОФЕССОРЕ ХАЧАТУРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ КОШТОЯНЦЕ

¹ Одновременно с Л.А. Орбели отзыв о научных трудах Х.С. Коштоянца дали А.А. Ухтомский, И.П. Разенков, Б.Л. Исаченко (член-корреспондент АН СССР), А.Н. Северцов, М.Н. Шатерников и др. А.А. Ухтомский, в частности, писал: "Коштоянц удовлетворяет всем признакам, указанным в правительственном декрете для присуждения степени доктора биологических наук по совокупности работ без защиты диссертации" (АРАН. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 190. Л. 15).

Любопытно, что в своем отзыве член-корреспондент Б.Л. Исаченко 2 апреля 1935 г., ссылаясь на статью Коштоянца "О биогенном происхождении во воде источников свободного азота" (1923 г.), писал: "Последовательно поставленные опыты показывают, что будучи еще начинающим исследователем-микробиологом, Х.С. Коштоянц не только овладел внешней стороной бактериологических исследований, но научно мыслит и делает правильные выводы из поставленных опытов, что давало убежденность в том, что Х.Х. Коштоянц будет крупным микробиологом. Остается пожалеть, что эта отрасль естествознания потеряла в лице уважаемого Хачатура Сергеевича полезного адепта" (Там же. Л. 2). Микробиологические исследования Коштоянц выполнял в начале 1920-х годов.

² Речь идет о сборнике "Некоторые вопросы сравнительной физиологии". М.; Л., 1934. 146 с.

³ Ученая степень доктора биологических наук была присуждена Х.С. Коштоянцу без защиты диссертации в 1935 г.

ОТЗЫВ О ЛЬВЕ ГЕРМАНОВИЧЕ ЛЕЙБСОНЕ

¹ Институт охраны здоровья детей и подростков был основан в 1929 г. Л.Г. Лейбсон организовал в Институте лабораторию возрастной физиологии.

² Речь идет о статьях Л.Г. Лейбсона: "О нервной регуляции почечной деятельности" (Рус. физиол. журн. 1926. Вып. 9. С. 265–314); "Потребление кислорода и кровообращение мышц теплокровного животного при утомлении" (Там же. 1930. Вып. 6. С. 696–721. Совместно с А.Г. Гинецинским и С.И. Гальпериным).

³ В 1935 г. Л.Г. Лейбсону была присуждена ученая степень кандидата биологических наук.

О КУЛЬТУРЕ ТРУДА И.П. ПАВЛОВА

¹ Доклады и речи, воспоминания Л.А. Орбели о Павлове опубликованы в пятом томе его "Избранных трудов" (Л.: Наука, 1968. 320 с.). Вместе с тем в приводимых отрывках, не вошедших в пятый том, подчеркивается стиль работы И.П. Павлова, оттенки те стороны личности Павлова, которые мало известны.

В.В. САВИЧ – КАК ФИЗИОЛОГ

¹ Речь идет о Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

² Диссертация В.В. Савича называлась "Отделение кишечного сока" (1904 г.).

³ В 1924 г. по рекомендации И.П. Павлова Савич был назначен заведующим отделом фармакологии ИЭМа.

⁴ Экковская операция – так называется операция, осуществленная в 1877 г. доктором Н.В. Экком. В эксперименте Экк разработал метод неполного выключения функции

печени путем наложения анастомоза (фистула Экка) между нижней полую вену и воротной вену, в результате кровь, минуя печень, поступает в нижнюю полую вену. После усовершенствования техники операции Павловым (1893 г.) метод неполного выключения функции печени стал классическим в физиологии.

⁵ Паратиреокарная тетания – судороги, длительные сокращения мышц, наступающие после оперативного удаления парашитовидных желез.

⁶ "Из встреч Ивана Петровича с сотрудниками мне хорошо запомнилась встреча у Марии Капитоновны Петровой, – вспоминал Орбели. – Мария Капитоновна устроила у себя на квартире встречу всех учеников Ивана Петровича. Это было связано с одним из юбилеев В.В. Савича, которого мы все очень любили. Вечер протекал очень мило, был Иван Петрович. В этот день утром мы чествовали Владимира Васильевича в лаборатории. Вот тогда я впервые применил выражение "староста", назвав Владимира Васильевича старостой павловской школы. Он, действительно, был таким "старшим" у нас, все его одинаково ценили и уважали. Об этом кто-то рассказал Ивану Петровичу, и на ужине у Марии Капитоновны Иван Петрович произнес такую фразу: "Я не люблю повторять чужие слова и никогда чужих слов не повторял, но я сегодня слышал, что Леон Абгарович назвал Владимира Васильевича старостой павловской школы. Я в виде исключения повторю эту фразу и пью за здоровье Владимира Васильевича – старосты моей школы".

На этом вечере по предложению Марии Капитоновны каждый из нас расписался карандашом на скатерти, оставил свой автограф, а потом она дала вышить гладью эти автографы. Эта скатерть со всеми подписями учеников Ивана Васильевича сохранилась.

Иван Петрович этой встречей был очень доволен" (Л.А. Орбели. Избр. труды. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 217).

ОТЧЕТ ДИРЕКТОРА СТАНЦИИ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ О РАБОТЕ ЗА 1936 г. И ПЕРСПЕКТИВАХ НА 1937 г.

¹ Биостанция в Колтушах в 12 км от Ленинграда была основана И.П. Павловым в 1926 г. для систематического изучения законов наследования типических свойств нервной системы и влияния воспитания, внешних условий на характер поведения животных. После смерти Павлова из ВИЭМа (Ленинград) в Колтуши были переведены физиологический отдел (Е.А. Ганике и М.К. Петрова), фармакологическая лаборатория (А.И. Кузнецов). Организационно с Биологической станцией были связаны психиатрическая клиника (А.Г. Иванов-Смоленский) и клиника нервных болезней (С.Н. Давиденков). В 1939 г. Биостанция была реорганизована в Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. Институт проводил исследования в трех направлениях: генетика высшей нервной деятельности; физиология и патология высшей нервной деятельности; физиология и патология антропоидов. В 1944 г. Институт вошел в состав АМН СССР. В 1950 г. после "павловской" сессии Институт был ликвидирован.

ВЫСТУПЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ НА ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АН СССР

¹ Институт физиологии – Физиологический институт им. академика И.П. Павлова АН СССР был создан в 1936 г. в результате объединения Института высшей нервной деятельности (директором был И.П. Павлов) и Лаборатории физиологии животных АН СССР в Москве (лаборатория Л.А. Орбели), а также вновь открытых биохимических и гистологической лабораторий. Новые задачи Физиологического института им. И.П. Павлова, сформулированные в выступлении Орбели, были выполнены, за исключением пятого пункта: журнал международного значения "Acta physiologica Pavloviana" не был создан. Подробно о главных направлениях физиологии в СССР Л.А. Орбели говорил в своем докладе "Основные проблемы физиологии животных и человека во вторую пятилетку" на совещании в январе 1933 г. (см.: Физиол. журн. СССР. 1933. Т. 16, № 2. С. 255–272).

² Фармакологическая лаборатория и специальные установки в Институте для изучения влияния физических факторов на организм человека и животных были созданы.

³ Ученики Л.А. Орбели проводили исследования на биологических станциях в Севастополе и Тихоокеанской (Е.М. Крепс, Прикладовицкий и др.).

⁴ Физиологический институт АН СССР имел тесные связи с Биостанцией в Колтушах. Физиологическое отделение Института им. П.Ф. Лесгафта, возглавляемое Орбели, также сотрудничало с ФИНОм. После сессии 1950 г. в Научном институте им. П.Ф. Лесгафта была сосредоточена работа группы Л.А. Орбели. В 1956 г. Институт им. Лесгафта, к сожалению, по существу, был ликвидирован.

⁵ Имелась в виду прежде всего Военно-медицинская академия.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ОБСУЖДЕНИИ КНИГИ А.Д. СПЕРАНСКОГО "ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ МЕДИЦИНЫ"

¹ Речь идет о монографии А.Д. Сперанского "Элементы построения теории медицины" (ВИЭМ. 1935. 344 с.).

² Туберциннер (tuber cinereum) – субталамические ядра – высшие центры симпатической нервной системы.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ В ПРЕЗИДИУМ АН СССР О ПРИСУЖДЕНИИ И.С. БЕРИТАШВИЛИ ПРЕМИИ имени И.П. ПАВЛОВА

¹ И.С. Бериташвили автор многих фундаментальных трудов, среди которых: "Общая физиология мышечной и нервной системы" (1937 г.), "Основные формы нервной и психонервной деятельности" (1947 г.), "Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных" (1961 г.) и др.

За исследования в области нервно-мышечной физиологии в 1938 г. И.С. Бериташвили был удостоен премии им. Павлова. Следует напомнить, что И.П. Павлов высоко ценил труды Бериташвили. В своем отзыве о монографии Беритова "Учение об основных элементах центральной координации скелетной мускулатуры" Павлов в 1916 г. писал: "В работах молодого физиолога нельзя не видеть критической мысли, значительной инициативы, экспериментальной ловкости и большого рабочего жара" (Неопубликованные и малоизвестные материалы И.П. Павлова. Л.: Наука, 1975. С. 117).

² Речь идет о работе И.С. Бериташвили: "Нейропиль стволовой части головного мозга и его физиологическое значение" (Физиол. журн. СССР. 1937. Т. 22. № 6. С. 755–765).

ХАРАКТЕРИСТИКА НА СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени И.П. ПАВЛОВА АН СССР Э.А. АСРЯТЯНА

¹ Степень доктора биологических наук Э.А. Асратяну была присвоена в 1937 г. без защиты диссертации.

РАПОРТ ПРЕЗИДЕНТУ АН СССР В.Л. КОМАРОВУ О РАБОТЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени АКАДЕМИКА И.П. ПАВЛОВА АН СССР

¹ Первое совещание по физиологическим проблемам состоялось в годовщину смерти И.П. Павлова 22–24 февраля 1937 г. в Ленинграде. На нем с докладом о задачах совещания выступил Л.А. Орбели. (См.: Первое совещание Биогруппы АН по физиологическим проблемам 22–24 февраля 1937 г.; Тез. докл. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1937. С. 3–4).

² Речь идет о статье: Моисеев Е.А., Тонких А.В. Роль симпатической нервной системы в явлениях сна при электрическом раздражении подкорковых узлов // Физиол. журн. СССР. 1939. Т. 26, вып. 4. С. 394–399.

³ Доклад Л.А. Орбели "Основные вопросы физиологии боли" был опубликован в журнале "Вопросы нейрохирургии" (1938. Т. 2, вып. 4. С. 3–12).

⁴ Труды физиологических лабораторий академика И.П. Павлова издавались под редакцией Л.А. Орбели в 1937–1949 гг.

⁵ Название диссертации М.Г. Дурмишьяна "О механизмах возникновения вазомоторных эффектов" (1937 г.).

⁶ Название диссертации Е.Ю. Ченыкаевой "О некоторых функциональных особенностях симпатических нервов лягушки" (1938 г.).

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ КОЛЛЕКТИВА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

¹ Текст выступления Л.А. Орбели взят из рукописи Марии Капитоновны Петровой (1874–1948 гг.) – ближайшей ученицы И.П. Павлова. Рукопись Петровой "Воспоминания об академике И.М. Павлове (моя исповедь)" была начата четыре месяца спустя после смерти Павлова – в июле 1936 г., и закончена в 1945 г. Основное содержание рукописи: личность Павлова; Павлов – прежде всего как человек; Павлов в разные периоды жизни, в разных ситуациях, его привычки, отношение к людям, властям. Значительное место Петрова уделяет атмосфере лабораторной жизни, поведению учеников Павлова при жизни и после его смерти. Произошла "переоценка ценностей": белое стало черным и черное белым" – эта мысль проходит через всю рукопись. Приводимые в рукописи, со слов Павлова, характеристики некоторых его учеников – известных физиологов, оказались очень верными, и что особенно стало очевидным во время событий в биологии и физиологии в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Петрова приводит полностью стенограмму общего собрания коллектива Физиологического института АН СССР 12 декабря 1938 г., созданного Василеостровским районным комитетом партии, характеризующую внутреннюю жизнь ФИНа в конце 1930-х годов. В результате райком партии во главе с первым секретарем Степановым разобрался в ситуации, помог восстановлению творческой атмосферы в Институте. Обстановка разрядилась и люди получили возможность спокойно работать. В сущности, райком поддержал беспартийный коллектив Института во главе с беспартийным директором Л.А. Орбели, а коммунисты Э.А. Асратян, А.А. Линдберг, Н.А. Подкопаев потерпели поражение. Как следует из текста выступления Орбели, он оказался в очень сложной ситуации: его заместитель, будущий академик Е.М. Крепс; научный сотрудник, его бывший аспирант Л.Т. Загоруйко и некоторые другие сотрудники Института были арестованы.

Рукопись М.К. Петровой в 1947 г. была сдана на хранение в Государственную публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. По письму секретаря Ленинградского обкома В. Андрианова в 1950 г. она была передана в ЦК ВКП(б) М.А. Суслову. На основании мнения руководителя Сектора науки Отдела пропаганды и агитации ЦК Кружкова и Ю. Жданова: "Издать воспоминания нецелесообразно, ... опубликовать только те отдельные куски, где говорится о советском патриотизме Павлова... Это имело бы большое воспитательное значение, особенно для ученой среды", последовала резолюция М.А. Суслова: "В архив. 13.10.50 г." До сих пор рукопись хранится в РЦХИДНИ (Ф. 17. Оп. 132. №№ 172–174. Машинопись № 175–176). Отдельные разделы "Воспоминаний Петровой" опубликованы нами в "Вестнике РАН" (1995. № 11. С. 1016–1023). Копия машинописи хранится в СПбФ АРАН.

² См. выступление Л.А. Орбели на Общем собрании АН СССР 22 мая 1937 г., а также его доклад Президенту АН СССР о работе ФИНа.

³ Имеется в виду Василеостровский райком партии Ленинграда.

⁴ После выступления Л.А. Орбели с поддержкой его работы как директора Физиологического института выступили многие сотрудники. Они говорили о выдающихся работах Орбели в области физиологии высшей нервной деятельности, укреплении обороноспособности страны, о его непрерывной 20-летней работе в Военно-медицинской академии, воспитании военных врачей.

"Нельзя терпеть положение, – говорил секретарь райкома, – когда вместо помощи Орбели в работе создается обстановка недоверия к нему. Создается впечатление, что Орбели сознательно нервнируют, мешают работать. Партком обязан дать по рукам клеветникам, создать здоровую обстановку в отношении к Орбели".

Секретарь парткома Института Гуляев: "Коммунисты не пользуются авторитетом у беспартийных. Создана какая-то дикая формула, если поддерживаешь Орбели, дружно работаешь с беспартийными, то значит ты подхалим. Оказывается, что группа това-

рищей восстановила против себя громадное большинство сотрудников Института своим пренебрежительным и наплевательским отношением к мнениям и убеждениям большой массы беспартийных" (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 175. Л. 170–173).

Коммунист Б-в: "По существу, многие выступившие на собрании говорили о том, что эволюционная физиология открывает новый простор для развития учения Павлова. Не секрет, что недостатком павловского учения был механистический подход к решению ряда вопросов. И вот выход, разрешение этого недостатка мы находим, несомненно, в большем, широком аспекте в постановке проблем, которые идут со стороны Л.А. Орбели" (Там же. Л. 179).

Научный сотрудник, комсомолка Б-а: "Наконец-то, совершенно прямо сказано, что наш Институт – советское учреждение, а наш институтский коллектив – коллектив истинно советских людей, советских интеллигентов, и что вся линия Института правильная и продуктивная, и что Институт находится на достаточно высоком уровне. Этого мы ждали давно – дождались, и это окрыляет наши надежды" (Там же. Л. 180).

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ В ПРЕЗИДИУМ АН СССР О ПРИСУЖДЕНИИ К.М. БЫКОВУ ПРЕМИИ имени И.П. ПАВЛОВА

¹ Премию им. И.П. Павлова К.М. Быков получил в 1939 г. за исследования в области физиологии пищеварения.

НАБРОСОК ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С 22-й ГОДОВЩИНОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

¹ Объединение русских физиологов произошло в Петрограде на Первом учредительном съезде (6–9 апреля 1917 г.). Председателем Общества российских физиологов им. И.М. Сеченова был избран И.П. Павлов, он являлся также почетным редактором "Русского физиологического журнала". В 1926 г. Общество было переименовано во Всесоюзное физиологическое общество; с 1930 г. – Всесоюзное общество физиологов, биохимиков и фармакологов; с 1959 г. – Всесоюзное физиологическое общество им. И.П. Павлова. После распада СССР Общество стало называться Физиологическое общество им. И.П. Павлова.

ОТЗЫВ О РАБОТЕ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА "РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ (ОЧЕРК ТЕОРИИ)" (1940 г.) ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

¹ Педагогический институт им. Герцена, ныне Санкт-Петербургский педагогический университет, был основан в 1918 г.

² Тропизмы – движения растущих органов или изменения ориентации отдельных частей растений, обусловленные влиянием внешнего раздражения (света, силы тяжести и т.д.), имеют приспособительное значение.

³ Зоопсихология – направление в психологии, изучающее психику животных. После Объединенной сессии 1950 г. многие видные психологи стали отрицать не только зоопсихологию как науку, но и изучение субъективных явлений, субъективного мира вообще. Наиболее характерно в этом отношении поведение А.Н. Леонтьева, докторская диссертация которого, как видно из отзыва Орбели, была посвящена, в сущности, истории и теории зоопсихологии.

Зоопсихология на сессии 1950 г. была признана "субъективной идеалистической буржуазной наукой". В свете ее постановления понятно изменение взглядов, полный отказ Леонтьевым от положений, защищаемых им в докторской диссертации. В своем выступлении на III сессии Научного совета 12 апреля 1951 г., на которой "разбирали" Беритова, Беритов для подтверждения своей позиции сослался на признание психологов, в частности на учебник по психологии. В ответ Леонтьев сказал: "Подкрепляют ли в самом деле наши психологи воззрения Ивана Соломоновича? Я должен сказать категорически нет! Беритов сослался на коллективный учебник по психологии, в

котором я редактор и автор. Но этот учебник написан за три года до павловской сессии, и там есть целый ряд ошибочных положений, от которых мы полностью отказались.

Нельзя говорить об образе, об образной памяти у животных. Ни у животных, даже у высших, не существует и не может существовать никаких субъективных явлений, иначе говоря, никаких переживаний, переживаемых явлений... Поэтому и зоопсихология, понимаемая как ее понимает буржуазная наука, как наука о субъективных явлениях, невозможна. Такой науки не может быть по отсутствию самого предмета ее" (Архив АН Грузии. Ф. 12. Оп. 1. Д. 71/6. Л. 78–83).

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ АН СССР

¹ На Общем собрании АН СССР 29 мая 1941 г. Л.А. Орбели выступил с докладом: "Задачи АН СССР в области разработки научных основ поднятия продуктивности в животноводстве".

² В.П. Бушинский выступил с докладом "О задачах АН СССР в области растениеводства".

³ Комиссия по подготовке докладов о задачах АН в области сельского хозяйства (по растениеводству и животноводству) была создана по поручению Общего собрания АН СССР в 1940 г. Председателем Комиссии Л.А. Орбели был утвержден на заседании Президиума АН 30 апреля 1941 г. Следует подчеркнуть, что тема "Проблема сельского хозяйства" была новой для АН. По-видимому, правительство в это время считало, что ВАСХНИЛ во главе с Лысенко не может разработать научные основы сельского хозяйства. Недаром с докладами выступили: академик Д.Н. Прянишников ("Наши достижения и очередные задачи в области химизации земледелия"), академик Л.А. Орбели и член-корреспондент В.П. Бушинский.

⁴ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина (ныне ТСХА) была основана в 1932 г.; ее первым президентом был Н.И. Вавилов.

⁵ В докладе Сталина на XVII съезде партии (10–21 марта 1939 г.) о перспективах в области внутренней политики было сказано: "Развернуть дальше подъем земледелия и животноводства с тем, чтобы в течение ближайших 3–4 лет добиться ежегодного производства зерна 8 миллиардов пудов со средней урожайностью на гектар 12–13 центнеров, увеличить производство по техническим культурам на 30–35 процентов в среднем, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота – процентов на 40, поголовье лошадей – процентов на 35".

⁶ Институт питания, задачей которого явилось бы изучение физиологии и патологии питания, до сих пор отсутствует в системе РАН, хотя вопрос о создании института неоднократно обсуждался на заседаниях Президиума АН СССР. Одним из последних, кто настойчиво ставил этот вопрос, был академик А.М. Уголев. Но преждевременная смерть помешала осуществлению идеи. В статье "Достижения физиологии и проблемы питания" (Вестник АН СССР. 1984. № 6. С. 34–45) А.М. Уголев говорил о необходимости создания такого института.

⁷ Единый орган – постоянная комиссия при ОБН по вопросам сельского хозяйства, не был создан из-за начавшейся вскоре Отечественной войны.

⁸ В.П. Бушинский был включен в состав Отделения Биологических наук АН СССР.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ А.Г. ГИНЕЦИНСКОГО В ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ АН СССР

¹ На XVI Международном физиологическом конгрессе (Цюрих, 1938 г.) советские физиологи не принимали участия.

² Новые факты о роли ацетилхолина в нервно-мышечной передаче были опубликованы в статье: Гинецинский А.Г., Шамарина Н.М. "Значение ацетилхолина для развития пессимальной реакции в мышцах млекопитающих" // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1943. № 1. С. 58–64.

³ Речь идет об учебнике "Основы физиологии человека и животных" (Л.: Медгиз, 1947. 745 с.). Рукопись учебника была готова в 1940 г., корректура книги – в 1941 г. Однако война задержала ее выход.

⁴ С 1935 по 1950 г. А.Г. Гинецинский был заместителем директора по научной части Физиологического института им. И.П. Павлова.

⁵ Кафедру физиологии в Ленинградском педиатрическом медицинском институте А.Г. Гинецинский основал в 1932 г. и руководил ею до 1950 г.

⁶ А.Г. Гинецинский не был избран в АН СССР ни в 1943 г., ни позднее, несмотря на неоднократные представления Л.А. Орбели. В последний раз к избранию А.Г. Гинецинского в АН СССР Орбели представил 19 декабря 1956 г. (см. его обращения Президенту АН СССР А.Н. Несмеянову и заведующему Отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллину). И после смерти Л.А. Орбели Ученый совет ИЭФ АН СССР им. И.М. Сеченова 20 апреля 1960 г. представил А.Г. Гинецинского к избранию в АН СССР. Выступали Е.М. Крепс, А.К. Воскресенская, Я.А. Винников. Однако и на этот раз Гинецинский не был избран, хотя имел фундаментальные труды и был директором Института.

ОТЧЕТ ОТДЕЛА СПЕЦРАБОТ ПРЕЗИДИУМА АН СССР ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1945 г.

¹ Юбилейная сессия АН СССР была посвящена 220-летию со дня основания РАН и проходила в июне 1945 г. в Москве и Ленинграде. На торжественном заседании в Большом зале филармонии в Ленинграде Л.А. Орбели выступил с докладом "Академик Иван Петрович Павлов и русская физиологическая школа" (См.: 220 лет АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 177–199). О юбилейной сессии АН СССР см.: Вестн. АН СССР. 1945. № 7–8.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ К.М. БЫКОВА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АН СССР

¹ Этот документ принципиально важен тем, что опровергает бытовавшее среди физиологов мнение, будто Л.А. Орбели не поддерживал К.М. Быкова при выдвижении его в академики. Вместе с отзывом, написанным Л.А. Орбели при выдвижении К.М. Быкова на премию им. И.П. Павлова (1938 г.), документально подтверждается, что Орбели объективно высоко оценивал научную деятельность К.М. Быкова. Кандидатуру К.М. Быкова в действительные члены АН СССР поддержали и написали обстоятельные отзывы академики И.С. Бериташвили и Н.Н. Аничков, член-корреспондент АН СССР Д.Н. Насонов, действительный член АМН СССР В.Г. Гаршин.

² Военно-морская медицинская академия была основана в 1940 г. на базе 3-го Ленинградского медицинского института. К.М. Быков заведовал кафедрой физиологии академии с 1940 по 1950-е годы, когда академия была ликвидирована.

³ Монография К.М. Быкова "Кора головного мозга и внутренние органы" увидела свет в 1942 г.

НЕКРОЛОГ

¹ Некролог посвящен видному деятелю армянской культуры – физиологу, географу, этнографу, историку и педагогу Степану Даниловичу Лисициану. Он преподавал русский язык и литературу Л.А. Орбели и его братьям в 3-й Тифлисской гимназии.

² Детский журнал "Хаскер" был основан в 1905 г. и выходил до 1922 г. в Тифлисе.

ДОКЛАД АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА О XVII МЕЖДУНАРОДНОМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В АНглии

¹ О XVII Международном физиологическом конгрессе Л.А. Орбели выступил в лектории Ленинградского горкома ВКП(б) 12 августа 1947 г. с лекцией "Англия сегодня" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 223. Л. 35–50), а также в Ленинградском доме ученых 28 августа 1947 г. с докладом "Международный физиологический конгресс в Оксфорде" (Там же. Л. 52–94). Содержание доклада представляет большой научно-общественный и

культурный интерес, свидетельствует о дружеской атмосфере вокруг советской делегации, об огромном уважении к советским ученым, к достижениям физиологии в СССР. Доклад воссоздает живую картину дружеского научного общения. Его значение возрастает в связи с тем, что 1947 г. был, по существу, последним мирным, благоприятным годом развития международного научного общения. Очень скоро политическая ситуация в мире и стране изменилась: классовая концепция развития науки приобрела невиданный размах. Наступили 1948–1950-е годы – период политических акций в науке.

Член советской делегации Х.С. Коштоянц писал об отношении к Л.А. Орбели в Англии: "Речь Орбели на открытии конгресса была полна глубокого содержания, полная большого... достоинства, показавшая огромное значение физиологии во время Великой Отечественной войны..."

Я должен сказать, что Л.А. был окружен совершенно исключительным вниманием. Я, как один из членов советской семьи физиологов, чувствующий себя идейным учеником и долголетним помощником Л.А., был этим обстоятельством крайне обрадован, потому что во внимании к нему выражалось исключительное внимание к нашей советской науке. Вообще к нам относились очень хорошо, но к Л.А. отношение было подчеркнуто. Я могу это приписать только, с одной стороны, большому научному авторитету Л.А., который в свое время работал в Англии, а с другой стороны, конечно, огромному авторитету, который имеет наша страна в международных отношениях.

Впервые на международном конгрессе, да еще происходившем за границей, прозвучал наш русский язык. На этом заседании была очень приятная ситуация, что мы оказались в окружении славян, я, в частности, сидел рядом с группой польских физиологов. Почувствовалось, что наш язык сам себе пробивает дорогу на международной арене" (Х.С. Коштоянц. Доклад о Международном конгрессе физиологов. 11 сентября 1947 г. АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 38. Л. 16).

² На конгрессе Орбели сделал доклад: "Некоторые данные о роли нервной системы в функциональной эволюции сократительной ткани".

³ Феномен Орбели–Гинецинского – на фоне развившегося утомления мышцы раздражение симпатического нерва вызывает энергичные сокращения мышцы, ее работоспособность восстанавливается. Впервые этот феномен был описан в статье: Гинецинский А.Г. Влияние симпатической нервной системы на функцию поперечнополосатой мышцы // Рус. физиол. журн. 1923. Т. 6. С. 1–3, 139–150.

⁴ Монография Л.А. Орбели "Лекции по физиологии нервной системы" увидела свет в 1934 г., второе издание – в 1935 г. и третье – в 1938 г. В 1941 г. монография была удостоена Сталинской (Государственной) премии.

⁵ Речь идет о статьях: Савич В.В., Тонких А.В. Влияние адреналина на секрецию надпочечных желез // Рус. физиол. журн. 1923. Т. 5, вып. 4–6. С. 243–254; Они же. О влиянии адреналина на секрецию надпочечников // Там же. С. 280–291.

⁶ В 1924 г. Л.А. Орбели находился в командировке, во время которой посетил Данию, Швецию, Голландию и Англию. Знакомился с деятельностью физиологических лабораторий Кембриджа и Лондона. См. об этом: Орбели Л.А. Заграничные впечатления // Избранные труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 110–115.

⁷ Речь идет о работе А.В. Тонких "Сон при введении хлористого кальция в гипоталамическую область" (Физиол. журн. СССР. 1941. Вып. 2. С. 191–194).

⁸ Итальянский физиолог Дж. Моруцци в 1940-е годы вел интенсивные исследования по ретикулярной формации головного мозга. В своей книге "Problems in cerebellar physiology" (1950 г.) он подчеркивал заслуги Орбели и его школы в изучении влияния мозжечка на вегетативные функции. А.В. Тонких, чьи исследования по автономной нервной системе и ее центральных образований в промежуточном мозгу получили высокую оценку, подчеркивала, что нет необходимости сопоставлять учение о роли ретикулярной формации с учением об адапционно-трофической роли в организме симпатической нервной системы. Учение Орбели об адапционно-трофической роли в организме симпатической нервной системы (1920–1940-е годы) во многом опередило учение о функциях ретикулярной формации.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР Л.Т. ЗАГОРУЛЬКО
"О ТЕЧЕНИИ ЗРИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ
ПРИ УСЛОВИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АФФЕРЕНТНЫХ СИСТЕМ"

¹ В списке диссертаций учеников Л.А. Орбели название работы Л.Т. Загорулько несколько иное: вместо слова "образов" значится слово "ощущений" (см.: Орбели Л.А. Избр. труды. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 312).

МАТЕРИАЛЫ К ПЛАНУ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АН СССР ПО ОТДЕЛУ СПЕЦРАБОТ
НА 1947–1948 гг.

¹ Программа исследований Л.А. Орбели и его школы по отделу спецработ включала в себя развитие перспективных направлений медико-биологических наук. Эти исследования, запланированные на 1947–1948-е годы, замечательны тем, что свидетельствуют о новых направлениях исследований, разворачиваемых в коллективах, руководимых Орбели. Сразу же после войны на основе новой техники, новых физико-химических методов исследования было предусмотрено развитие таких направлений, как физико-химическая физиология, экологическая и эволюционная физиология, этология, радиобиология. К сожалению, успешное развитие этих исследований было искусственно парализовано известными событиями в конце 1940-х–начало 1950-х годов.

² Для изучения функций желез внутренней секреции были созданы две лаборатории: лаборатория эволюции эндокринных функций (Л.Г. Лейбсон) и лаборатория нейроэндокринологии (Е.А. Моисеев), в задачу которой входило изучение нейросекреции, в частности нейросекреторной деятельности гипоталамуса.

³ Серьезные успехи по исследованию органов чувств, в частности слуха, были получены учеником Орбели – Г.В. Гершуни (см. его статьи: "Об изучении ощущаемых (сенсорных) и неоощаемых (субсенсорных) реакций при действии внешних раздражений на органы чувств человека" и "Изучение субъективных реакций при деятельности органов чувств" (1947 г.).

⁴ Разработанные Б.Е. Шейвехманом методы для улучшения голоса и произношения звуков у глухонемых детей описаны в его статьях: К методам исследования слуховых функций с целью подбора вспомогательных средств слуха // Проблемы физиологической акустики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. С. 122–128; Методы закрепления речевых навыков, вырабатываемых у глухонемых, практически лишенных слуха детей // Сб. материалов по эволюционной физиологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 186–195.

⁵ Результатом исследований по экологической физиологии явились труды: А.Н. Промптов. Очерки по проблеме биологической адаптации поведения воробьиных птиц / Под ред. Л.А. Орбели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 311 с.; Г.А. Васильев. Физиологический анализ некоторых форм птенцового поведения. (1940 г., докторская диссертация).

⁶ Физические и химические основы жизненных процессов изучались в биохимической (В.А. Энгельгардт) и биофизической (Г.М. Франк) лабораториях, а также в лаборатории А.Г. Гинецинского (Электрические и химические факторы в процессе нервно-мышечного поведения // Физиол. журн. СССР. 1947. Вып. 6. С. 763–771).

⁷ По теме биологического действия радиации см.: Л.А. Орбели. Избранные труды. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 4. С. 270–294.

ЗНАЧЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИНСТИТУТА им. П.Ф. ЛЕСГАФТА
В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ

¹ Естественнаучный институт им. П.Ф. Лесгафта был основан в 1918 г. на базе Санкт-Петербургской биологической лаборатории. Последняя была создана на средства И.М. Сибирякова – слушателя известного профессора анатомии Петра Францевича Лесгафта. На создание лаборатории для изучения и распространения естественных наук И.М. Сибиряков пожертвовал 200 тысяч рублей и дом на Бассейной улице. Первым директором был избран П.Ф. Лесгафт.

² Организация физиологического кабинета при лаборатории связана с именем И.Р. Тарханова (1846–1908), однако он недолго пробыл здесь; далее кабинетом последовательно недолго заведовали А.А. Вальтер (1870–1902), А.А. Кулябко, П.Ф. Кауфман и В.Ю. Чаговец (1873–1939). В 1911–1912 гг. кабинетом руководил А.А. Ухтомский (1875–1942), ассистентом был И.С. Беритов. В сущности, по-настоящему научно-исследовательская и педагогическая деятельность лаборатории начинается с приходом Л.А. Орбели. Кабинетом Орбели руководил с 1913 по 1950 г. В 1913 г. физиологическая лаборатория была переведена в новое обширное помещение, сразу же начались практические занятия по общему курсу физиологии и исследования. Орбели читал курс физиологии.

³ Первым директором ЕНИ им. Лесгафта был избран Н.А. Морозов, заместителем – Орбели. Здесь работали крупные ученые: зоолог К.Н. Давыдов, анатом А.А. Красуская, ботаник В.Н. Любименко, химик П.Л. Мальчевский, кристаллограф Е.С. Федоров, микробиолог В.Л. Омелянский. К середине 1950-х годов Институт им. Лесгафта, к сожалению, перестал существовать. Академия педагогических наук РСФСР не сумела использовать должным образом этот давний комплексный центр научно-исследовательской мысли и передала его в распоряжение АН СССР. Лаборатории Института были закреплены за Институтом эволюционной физиологии (до переезда его в новое здание в 1959 г.) и Институтом цитологии АН СССР (директор Д.Н. Насонов).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА имени И.П. ПАВЛОВА АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА ПЕРИОД 1936–1948 гг.

¹ Сталинской (Государственной) премии были удостоены труды М.К. Петровой по экспериментальным неврозам.

² К 100-летию со дня рождения И.П. Павлова (сентябрь 1949 г.) помещение Института было расширено, завершено строительство собачника, получена новая научная аппаратура.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Л.А. ОРБЕЛИ НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА АМН СССР

¹ Е.И. Смирнов хорошо знал Л.А. Орбели и высоко ценил его заслуги перед медициной; особенно сблизился с Л.А. Орбели в годы Великой Отечественной войны, когда Орбели был начальником Главного военно-санитарного управления Красной Армии. В аттестации на начальника ВМА им. С.М. Кирова генерал-полковника медицинской службы Орбели Е.И. Смирнов 5 апреля 1945 г., в частности, писал: "Генерал-полковник медицинской службы академик Орбели Л.А. является крупнейшим и выдающимся ученым-физиологом нашей страны, блестящим продолжателем научных проблем И.П. Павлова. Академиком Л.А. Орбели создана школа русских физиологов. Его работы в области физиологии высшей нервной деятельности человека приобрели мировую известность" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 81).

² Речь идет о книге известного невропатолога и генетика С.Н. Давиденкова "Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии", (Л., 1947), вышедшей с предисловием Орбели, оценившим ее как уникальное явление в мировой медико-биологической литературе. В своей монографии С.Н. Давиденков осуществил творческий синтез генетики, дарвинизма, физиологии высшей нервной деятельности и клиники. Об истории создания названной монографии смотри письма С.Н. Давиденкова Орбели (Академик Л.А. Орбели и его окружение // Вестн. АН СССР. 1992. № 5. С. 129–132).

³ Речь идет о генетике Р.А. Мазинг, объектом исследований которой служила дрозофила – классический объект генетики.

⁴ Следует заметить, что большинство физиологов придерживалось тезиса о наследуемости приобретенных признаков.

⁵ В.М. Банщиков в конце 1940-х – начале 1950-х годов был директором медицинского издательства. Речь идет о его брошюре "Против реакционных биологических теорий в медицине" (М.: Медгиз, 1948. 64 с.). В этой брошюре Банщиков, в частности, писал:

"Глубоко не прав академик Орбели, который при обсуждении в Президиуме АН СССР итогов сессии ВАСХНИЛ охарактеризовал острую идеологическую борьбу мичуринцев с войсманистами как "возможные расхождения во взглядах", как "борьбу мнений по чисто биологическому вопросу"... Эта аполитичность и объективизм потворствовали реакционным, чуждым советскому народу взглядам в биологии и означали в то же время склонность к войсманизму и самого Орбели. Именно поэтому в биологическом отделении АН СССР свили себе прочно гнездо войсманисты-морганисты" (С. 13).

⁶ См. коммент. 1 на с. 288 к "Выступлению Л.А. Орбели на Президиуме АН СССР по поводу письма Г. Дэйла".

**ИЗ ДОКЛАДА Л.А. ОРБЕЛИ "О ЗАДАЧАХ АКАДЕМИИ НАУК
В СВЯЗИ С ИТОГАМИ СЕССИИ ВАСХНИЛ"
НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ И ПАТОЛОГИИ
ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АМН СССР**

¹ АН СССР, ее Отделение биологических наук участие в августовской сессии ВАСХНИЛ не принимали. Однако после завершения сессии по указанию ЦК ВКП(б) Президиум АН СССР провел двухдневное (24–26 августа) расширенное заседание, в котором принимали участие Президент АН СССР С.И. Вавилов (вел заседание как председатель), министры, ученые. С докладом выступил академик-секретарь ОБН Л.А. Орбели (подробнее о расширенном заседании см.: Вестник АН СССР. 1948. № 9). В результате постановления Президиума АН Л.А. Орбели был освобожден от должности академика-секретаря Отделения. Собрания коллективов Физиологического института АН СССР и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР, посвященные задачам науки в свете сессии ВАСХНИЛ, состоялись 15 и 17 сентября.

Данный отрывок из доклада Л.А. Орбели на собрании ИЭФиП в.н.д. принципиально важен, так как дает представление о стрессовом состоянии, в котором находился Орбели на протяжении девяти лет в должности академика-секретаря, и показывает, что он взял на себя всю ответственность за генетическую группу и никого из генетиков Института не уволил, хотя этого требовали постановление расширенного Президиума, а также многие выступавшие на собрании.

² В Архиве РАН в Санкт-Петербурге хранится полная стенограмма собрания коллектива ИЭФиП АМН СССР от 17 сентября 1948 г. (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 100. Л. 1–95). На собрании выступили 13 человек и все в основном осудили работу генетиков в Институте. Сотрудники института – генетики (невропатолог-генетик Н.А. Крышова, И.И. Канаев), каялись и обещали больше не проводить генетических исследований. На собрании было зачитано покаянное письмо Ученому совету Института И.И. Канаева от 15 сентября 1948 г., в котором он признавал "свои ошибки, начиная с компилятивной брошюры "Наследственность и изменчивость" (1925 г.)". "Другой моей ошибкой являлось непонимание научного значения прогрессивного мичуринского учения, основанного на идеях диалектического материализма". "Я уверен, – заключил Канаев, – что сознание своих ошибок и заблуждений поможет мне полностью их преодолеть, перестроить свою научную деятельность и стать полезным для развития новой советской биологии. Проф. И.И. Канаев, 15 сентября 1948 г." (Там же. Л. 86–87).

Выступавшие, среди них: А.А. Волохов, С.М. Дионесов, Н.И. Красногорский и другие, требовали "крутых мер", увольнения генетиков: Р.А. Мазинг, И.И. Канаева, Л.В. Крушинского, Н.А. Крышова и С.Н. Давиденкова, однако Л.А. Орбели никого не уволил и взял их под свое покровительство.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ НА ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР
ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Г. ДЭЙЛА**

¹ После разгрома генетики на августовской сессии ВАСХНИЛ постановлением Президиума АН СССР от 27 августа 1948 г. Л.А. Орбели был освобожден от обязанностей академика-секретаря ОБН. На фоне всеобщего осуждения его деятельности на расширенном заседании Президиума АН СССР (24–26 августа 1948 г.) выделяется письмо

Генри Дэйла, выдающегося английского нейрофизиолога, президента Лондонского королевского общества (1940–1945 гг.), избранного в мае 1942 г. почетным членом АН СССР (в том же году Н.И. Вавилов был избран почетным членом Лондонского Королевского общества). В этом письме на имя президента АН СССР С.И. Вавилова, опубликованном в газете "Таймс" (27 ноября 1948 г.) и в "Британском союзнике" (12 декабря 1948 г.), Дэйл писал: "Это – не результат честного и открытого конфликта научных мнений. Все великое построение точного знания, которое продолжает расти усилиями последователей Менделя, Бэтсона и Моргана, подлежит отрицанию и поношению, и последние, немногие, кто еще содействовал его созданию в СССР, теперь лишены своих положений и возможностей. Это не результат честного и открытого конфликта научных мнений. Из предъявлений и заявлений самого Лысенко ясно, что его догмат установлен и насильно введен Центральным Комитетом Коммунистической партии, как отвечающий политической философии Маркса и Ленина. Многие из нас, господин президент, с гордостью считали, что в науке, общей для всего мира, нет политических границ или национальных разновидностей. Однако теперь эта наука должна быть отделена от "советской науки" и порицаема, как "буржуазная" и "капиталистическая".

Постановление, изданное Президиумом Вашей Академии 27 августа текущего года, является ясным выражением этой политической тирании.

Мой старый друг, уважаемый академик Орбели, ... снят с поста секретаря Отделения за то, что он не сумел предвидеть Ваши постановления, ограничивающие всю исследовательскую и преподавательскую работу в области генетики в СССР, подчиняя ее этой политически навязанной ортодоксии. Время покажет, потребуется ли такое подчинение догме и в других отраслях науки.

С тех пор, как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха. Последним потерпел в этом неудачу Гитлер.

Считая, господин Президент, что Вы и Ваши коллеги действуют под аналогичным принуждением, я могу лишь выразить Вам свое сочувствие.

Что касается меня самого, пользующегося свободой выбора, я верю, что оказал бы дурную услугу даже моим коллегам по науке в СССР, если бы я продолжал связь, которая казалась бы в согласии с действиями, согласно которым Ваша Академия теперь ответственна за тот ужасный вред, нанесенный свободе и целостности науки, под каким бы давлением это ни было сделано.

С глубоким сожалением я должен просить Вас исключить меня из числа почетных членов Вашей Академии.

Уважающий Вас Генри Дэйл".

² Обсуждению письма Г. Дэйла было посвящено специальное заседание расширенного Президиума АН СССР, на котором выступил Л.А. Орбели. Положение Орбели было трудное. Он должен был не только гневно осудить вмешательство ученого, но и отречься от поддержки друга, с которым еще недавно, год назад – в 1947 г., встречался в Оксфорде и Лондоне на XVII Международном физиологическом конгрессе. Президиум АН СССР оценил письмо Г. Дэйла как "направленное против науки и демократии" ("Известия", 26 декабря 1948 г.) и просил Общее собрание АН СССР лишить его звания почетного члена Академии. На пятой сессии АМН СССР академик А.А. Абрикосов выступил с предложением поддержать это решение. Как писала газета "Медицинский работник" 31 декабря 1948 г., "весь зал единодушно принял предложение профессора А.А. Абрикосова".

О Г. Дэйле вспомнили на Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР (июль 1950 г.). В соответствии с деклариовавшимся в ту пору постулатом: все, что связано в науке с именами зарубежных ученых, – реакционно, один из выступавших, касаясь вопроса о химической теории передачи нервных процессов как противоречащей нервизму Павлова, требовал "разгромить реакционную теорию англичанина Дэйла" (Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова: Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 212).

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Л.А. ОРБЕЛИ
О НЕСОГЛАСИИ С ВЫВОДАМИ КОМИССИИ ПРЕЗИДИУМА АН СССР
ПО ПРОВЕРКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР**

¹ Комиссия по проверке деятельности ФИНа в области разработки научного наследия И.П. Павлова, в которую входили Л.Н. Федоров (председатель), К.М. Быков, И.П. Разенков, Э.А. Асратян и И.Е. Глушенко, была создана распоряжением Президиума АН СССР от 5 апреля 1949 г. Согласно распоряжению, Комиссия должна была подготовить материалы для майского заседания Президиума АН СССР. В результате Комиссия сделала вывод о "катастрофическом" положении учения И.П. Павлова в учреждениях, и прежде всего в ФИНе и ИЭФиП в.н.д., руководимых Л.А. Орбели. Записка Орбели явилась реакцией на заключение Комиссии. По существу, материалы Комиссии явились очередным звеном в цепи событий, предшествующих Объединенной сессии 1950 г.

² Имеется в виду Н.И. Гращенков.

³ Речь идет о книге Беритова "Об основных формах нервной и психической деятельности" (1947 г.), в которой автор развивал тезис о том, что наряду с условно-рефлекторной деятельностью существует другой тип высшей нервной деятельности, названный Беритовым психонервным.

⁴ Речь идет о статье Э.Г. Вацура, опубликованной в газете "Медицинский работник".

⁵ Ученик Павлова – Б.П. Бабкин, в 1922 г., будучи профессором физиологии Новороссийского университета (Одесса), эмигрировал сначала в Лондон, затем в Канаду. Никакого отношения к ФИНу не имел, ибо ФИН был создан в 1925 г. в Ленинграде.

⁶ Речь идет о книге П.К. Анохина "От Декарта до Павлова" (1945 г.), в которой Анохин положительно оценил вклад зарубежных физиологов в учение о рефлексе.

⁷ Не называя фамилий, Орбели в лекциях "Учение И.П. Павлова об условных рефлексах", прочитанных в апреле-мае 1949 г. в Ленинградском государственном институте для усовершенствования врачей, достаточно обстоятельно отвел критику в адрес учения Павлова (см. об этом: Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. С. 361–367). В предисловии к III тому "Полн. собр. трудов" И.П. Павлова в том же 1949 г. Л.А. Орбели писал: "Недопустимо со стороны некоторых советских ученых известное сопротивление внедрению павловского учения в практику медицины и педагогики... Но никакое сомнение и критические выпады, откуда бы они не исходили, не могут подорвать значение гениального павловского учения, не могут остановить его развитие... Армия учеников и последователей И.П. Павлова вместе с подрастающими кадрами молодых советских ученых неустанно разрабатывает и будет разрабатывать его научное наследие..." (Там же. С. 412).

⁸ Речь идет о работе Д.Я. Глезера "Приспособление для записи слюноотделения собаки, свободно передвигающейся по лабораторной комнате // Физиол. журн. СССР. 1949. Т. 35, вып. 4. С. 476–477.

**ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД Л.А. ОРБЕЛИ НА НАУЧНОМ СОВЕТЕ
ПО ПРОБЛЕМАМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И.П. ПАВЛОВА
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР**

¹ Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова был учрежден при Президиуме АН СССР постановлением Президиума АН СССР и Президиума АМН СССР от 14 июля 1950 г. Ему было поручено: а) заслушать отчеты о работе основных физиологических учреждений страны и давать рекомендации для направления их научной деятельности; б) организовать созыв ежегодных научных совещаний, посвященных деловому и критическому обсуждению конкретных проблем павловской физиологии и в особенности проблем физиологии и патологии высшей нервной деятельности; в) ежегодно представлять Правительству и Президиуму АН СССР отчет о работе физиологических учреждений страны по развитию учения И.П. Павлова. В Совет входили: К.М. Быков (председатель), И.П. Разенков, А.Г. Иванов-Смоленский, Э.А. Асратян, А.О. Долин, Н.И. Красногорский, П.С. Купалов, В.Н. Черниговский, М.А. Усиевич, Д.А. Бирюков, А.А. Волохов, Л.Г. Воронин, Э.Ш. Айрапетянц (секретарь) (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 225. Л. 71–73).

² С докладами о работе своей группы при Институте им. П.Ф. Лесгафта Л.А. Орбели дважды выступал на Совете: на IV сессии – 6 июля 1951 г. и на VIII сессии – 9 декабря 1952 г. Настоящий отчет был подготовлен для VIII сессии. Оба раза представленные Орбели программы исследований были отклонены. Подробнее о заседаниях IV и VIII сессий см.: Л.Г. Лейбсон. Академик Л.А. Орбели. Л.: Наука, 1990. С. 76–180. Об обстоятельствах, связанных с предысторией и результатами VIII сессии Научного совета по докладу Орбели, см. комментарий к письму Л.А. Орбели Сталину.

³ Название докторской диссертации Л.А. Орбели: "Условные рефлексы с глаза у собаки" (1908 г.).

⁴ Понятие о наследственной, точнее зародышевой, плазме сформулировал в книге "Зародышевая плазма. Теория наследственности" (1895 г.) Август Вейсман. Согласно А. Вейсману, зародышевая плазма – это материал наследственности, находящийся в половых клетках.

⁵ Речь идет о работе Ф.П. Майорова "Материалы по вопросу о влиянии воспитания на склад высшей нервной деятельности у собак" (Труды физиологической лаборатории И.П. Павлова. 1933. Т. 5. С. 171).

⁶ Представление о психофизическом параллелизме Л.А. Орбели сформулировал следующим образом: "Душевные явления не переходят в физические и наоборот: психические и физические явления не могут быть звеньями одного и того же ряда процессов. Они представляют два ряда параллельно протекающих процессов. А если мне и кажется, что они порождают, вызывают друг друга, то это указывает лишь на существование между ними закономерной связи, так что при возникновении определенного душевного состояния возникает определенный физиологический процесс и наоборот. Этот вывод и составляет так называемый принцип эмпирического параллелизма! Он чужд всякой метафизике и представляет простое констатирование данных в опыте фактов" (Л.А. Орбели. Докт. дис. С. 14).

⁷ Можно указать на работу М.М. Кольцовой: "О возникновении и развитии второй сигнальной системы у ребенка": Задачи исследования // Труды Физиологического института им. Павлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 4. С. 49–102.

⁸ Доклады сотрудников Л.А. Орбели были доложены на конференции АПН РСФСР в 1954 г. и изданы в 1955 г. в "Известиях АПН" РСФСР (1955. Вып. 75).

⁹ Речь идет о работах Э.Г. Вацуро и М.Д. Кашкай: "Новая модификация методики изучения условных мигательных рефлексов у человека" и "Некоторые данные по исследованию высшей нервной деятельности детей дошкольного возраста" (Известия АПН. 1955. Вып. 75. С. 259–261; С. 201–207).

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДА АКАДЕМИКА Л.А. ОРБЕЛИ НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛАБОРАТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ

¹ Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР состоялась 28 июня–4 июля 1950 г.

² Постановление Президиума АН СССР о реорганизации индивидуальной группы академика Л.А. Орбели в Лабораторию эволюционной физиологии с подчинением Бюро ОБН состоялось 24 сентября 1954 г. (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 225. Л. 94).

³ См. коммент. 8 на с. 291.

⁴ С работой лаборатории Орбели и с условиями, в которых она работала, предварительно ознакомился Е.М. Крепс, о чем он написал в докладной записке. Далее приводим текст этой записки.

Е.М. КРЕПС. ОТЧЕТ ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЛАБОРАТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ, РУКОВОДИМОЙ АКАДЕМИКОМ ОРБЕЛИ

Работа ведется в двух направлениях: в области эволюционной физиологии и по изучению влияния ионизирующей радиации на жизненные процессы.

Знакомство с работой и условиями существования лаборатории и с идеями, лежащими в основе деятельности этой лаборатории, вызывает двойное и горькое чувство:

Проводившиеся до 1950 г. широким планом исследования по эволюционной физиологии

логии, опиравшиеся на мощные коллективы двух больших институтов, составили оригинальную и одну из выдающихся страниц отечественной физиологии и представляют собой один из путей развития павловского учения.

Те же идеи вдохновляют и сейчас как руководителя лаборатории, так и его коллектив. Но малочисленность коллектива и невыносимо трудные условия работы на тесной и чужой базе ЕНИ делают эту работу фрагментарной, отрывочной.

Надо сказать, что существует несоответствие, диспропорция между идейным богатством и практической бедностью, ужасающей теснотой. Возможность развешивания работы упирается в полное отсутствие площади.

Вопрос о лаборатории акад. Орбели более важный и не ограничивается проблемой о 300 метрах площади. Терпимо ли, что в наше время в АН СССР акад. Орбели – наиболее крупный и наиболее глубокий советский физиолог, ученый, полный идей, сил и желаний работать, оказывается скованным в своих возможностях. Нет сомнения у меня, что от создавшегося положения терпит ущерб советская наука, советская физиология, страдает уровень физиологии в АН СССР.

Авторитет Орбели как организатора исследований в области прикладной физиологии стоит высоко в наших вооруженных силах. Все помнят его руководство работами по подводному делу, по водолазной и авиационной физиологии и других разделах военной физиологии и медицины. Недаром к нему снова обращаются с просьбами принять участие или взять руководство в разработке вновь возникших проблем по глубоководной физиологии, по проблемам физиологии межпланетных сообщений, по радиобиологии.

Ему нужна адекватная база. "Ножницы" между опытом, знаниями, творческими и организаторскими силами руководителя и его реальными возможностями столь велики и вопиюще, что нельзя не выразить протеста. Объединенная сессия двух академий... имела, к сожалению, весьма отрицательные организационные последствия. Наиболее серьезным из них явилось лишение на долгое время акад. Орбели возможности вести работу в тех рамках и формах, которые отвечают его творческой и организаторской силе.

Интересы советской физиологии требуют, чтобы АН пересмотрела, наконец, существующее положение вещей и нашла бы правильное организационное решение этому самому больному и ненормальному вопросу в советской физиологии, наносящему ущерб развитию нашей науки. Для этого требуется пересмотреть всю структуру и организацию физиологических институтов и лабораторий АН СССР.

Член-корреспондент АН СССР Е. Крепс. 2 февраля 1955 г.
Ленинград.

СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 89. Л. 3-9. Авторизованная машинопись.

⁵ Члену Бюро члену-корреспонденту АН СССР П.А. Баранову на этом заседании было поручено заниматься вопросом о выделении площади для лаборатории Л.А. Орбели. Заседание Бюро 12 апреля 1955 г. сыграло решающую роль в создании Института эволюционной физиологии АН СССР. Постановление Президиума АН СССР о создании Института эволюционной физиологии с назначением Л.А. Орбели директором состоялось 9 марта 1956 г.

⁶ Вопрос о строительстве специального здания для будущего Института эволюционной физиологии был решен в конце 1955 г., после встречи П.А. Баранова с первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Ф.Р. Козловым.

⁷ Кроме Е.М. Крепса с оценкой исследований лаборатории Л.А. Орбели выступили и задавали вопросы В.А. Энгельгардт, Э.А. Асратян, И.В. Тюрин, В.М. Зезюлинский, А.А. Спасский и др. Решительно и однозначно они говорили о создавшейся ненормальной, нетерпимой ситуации в физиологии в результате деятельности "павловского" совета. Их выступления с небольшими сокращениями приводятся.

Академик В.А. Энгельгардт: "Опарин призывает вести обсуждение в формальном плане, т.е. выполнить обычное рассмотрение, заслушать доклад и дать заключение по плану лаборатории. Это сделать чрезвычайно просто.

... Мне представляется, однако, что всем положением дела мы неизбежно должны затронуть и большие вопросы. Это просто диктуется интересами развития нашей науки, того важного раздела, какой составляет физиологическая наука Советского Союза.

Мы должны затронуть эти более широкие вопросы даже в отношении чисто фактического содержания доклада руководителя лаборатории. Из этого доклада нам пришлось услышать, что фактически работа по эволюционной физиологии, в частности по эволюционной физиологии человека, по изучению высшей нервной деятельности ребенка из плана лаборатории выпала.

Вместо этого возникла тематика радиобиологическая... Мое впечатление такое, что проблема радиобиологии в значительной степени могла бы разрабатываться и осуществляться в других коллективах.

Я не вижу такой специфики, которая заставляет развертывать эту работу именно в данной лаборатории, в то время как работы по эволюционной физиологии высшей нервной деятельности ребенка являются работами, которые нигде, даже приблизительно, не могут развертываться так, как это может быть сделано под руководством Л.А. Орбели.

Можно ли считать правильным, что работа по эволюционной физиологии высшей нервной деятельности человека оказалась закрытой по постановлению павловского совета. Может быть, была допущена ошибка, – я в этом не сомневаюсь, – но ошибку эту никогда не поздно признать и принять меры к ее исправлению. Мне казалось, что это следовало бы сделать.

... Мы всегда говорим об использовании ресурсов, об использовании скрытых резервов... Здесь мы имеем пример исключительно недостаточного использования потенциала выдающегося исследователя и создателя больших коллективов и целых направлений в работе и тех возможностей, которые для реализации этих потенциалов имеются, имеем пример диспропорции между идейным богатством и физическими возможностями, о которых говорил и член-корреспондент Крепс в своих замечаниях.

... Признать ненормальность существующего положения Бюро Отделения вполне уполномочено, и это явилось бы одной из его задач.

Возлагать надежды на то, что это сделает съезд, вряд ли можно. Съезд никакими законодательными правами и исполнительной властью не обладает, он может высказать только пожелание.

... Относительно более решительных шагов, о необходимости каких-нибудь мероприятий, я думаю, Бюро Отделения могло бы вынести свое заключение" (АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 228. Л. 41–46).

Э.А. Асратян: "Я полагаю, что многие из присутствующих знают, что я далеко не идеализировал стиль работы, характер работы, принципы работы Леона Абгаровича до Объединенной сессии. То, что в его ведении было несколько институтов, лабораторий, параллельно несколько других ответственных должностей, – все это отрывало крупного ученого от непосредственной научной работы. И поэтому он, как я был убежден, не отдавал науке все свое время, всю большую мощь своего ума. Поэтому отдельные разделы нашей науки развивались удовлетворительно, а иные менее удовлетворительно. Поэтому у него были ошибки в работе.

На Объединенной сессии во многих отношениях без основания, в иных отношениях с основанием критиковали его работу.

Но ... как уже здесь было отмечено, после Объединенной сессии, сессии хорошей, на которой приняты хорошие решения, было допущено много ошибок, из которых наиболее крупной следует считать то, что было сделано с ведущим физиологом страны. Он был фактически лишен возможности творчески работать, он был лишен этой возможности, будучи в хорошем состоянии здоровья, в возрасте, когда ученый еще многое может дать. Он был поставлен не только в тяжелые материальные условия, но, прежде всего, в очень тяжелые моральные условия.

К счастью, эта полоса уже позади, сейчас трезво смотрят на вещи, отношение к нему изменилось, и мы видим, что сейчас делаются реальные шаги к тому, чтобы улучшить условия его работы.

... Более важным является еще другое: соответствует ли это интересам советской науки. Все, что делается, должно быть главным образом мотивировано тем, будет ли это соответствовать интересам нашей науки.

Сейчас мы должны найти правильное решение в этой новой полосе работы, когда мы стали исправлять допущенные нами ошибки, в частности в отношении Леона Абгаровича. Какой способ исправления должен считаться самым лучшим? Что мы должны

сделать, чтобы наша советская физиология получила максимальную пользу от работы одного из крупнейших деятелей не только отечественной, но и мировой науки?"

Отвергая формальный подход к вопросу, на котором настаивал Опарин, Асратян продолжал: "Я полагаю, что более существенные и принципиальные соображения должны оправдать наше желание выйти из узких рамок обсуждения этого вопроса и поставить вопрос ребром. ... Были допущены грубые ошибки – Леон Абгарович был лишен возможностей для работы. Тов. Барбашова права – ведь Леону Абгаровичу не 20 лет, чтобы еще пять лет потерять, еще ждать несколько лет, чтобы иметь возможность работать. ... Эти вопросы не могут быть дальше отложены. ... Чем еще может быть аргументирована такая постановка вопроса. ... Время проходит, физиология наша – я об этом могу сказать во всеуслышание – во многих важнейших отраслях позорно отстает. Когда же мы возьмемся за решение этой задачи? Ведь это один из важнейших вопросов, одно из важнейших звеньев цепи, которое должно быть поднято. Вы говорили о съезде. Я не понимаю, как на таком съезде могут быть подняты организационные вопросы. Павловский совет? Я – член павловского научного совета. Целый год, если не больше, мы не собирались, и когда соберемся, не знаю.

... Е.М. Крепс правильно поставил вопрос. Я думаю, что члены Бюро, которое сейчас имеет больше прав, чем раньше, должны возможно скорее поднять эти вопросы перед Президиумом, перед другими организациями о коренной реорганизации жизни физиологии в нашей Академии, а в данном конкретном случае – обязательно об организации для Леона Абгаровича института. Надо дать институт Леону Абгаровичу, другой половины чересчур достаточно для другого крупного советского физиолога.

... Леону Абгаровичу должен быть возвращен институт – один, не несколько, как это было раньше, один полнокровный институт. Я глубоко верю, что Леон Абгарович еще много делает. Я очень рад видеть его в таком полном здравии, несмотря на немалодой возраст. И идеями он богат, и физически в форме... Я глубоко верю, что оно еще свое последнее слово для нашей науки скажет. А в этом последнем слове наша наука очень и очень нуждается... Не может быть, чтобы нашу физиологию так продолжало лихорадить. Неблагополучно у нас обстоит с академическими физиологическими учреждениями. Об этом записано в решениях Бюро, но воз и ныне там. Так что, может быть, частный повод, чтобы поднять очень важный вопрос для нашей физиологической науки" (АРАН. Ф. 584. Оп. 1. Д. 228. Л. 53–58).

Академик И.В. Тюрин: "Материальное положение лаборатории Леона Абгаровича является исключительно тяжелым, трудно переносимым и, я бы сказал, позорным для АН СССР. Я удивляюсь, как несмотря на неоднократные указания двух президентов – покойного и нынешнего, Ленинградское управление не может найти возможностей расширить лабораторию и предоставить лаборатории академика Орбели ту небольшую площадь, которую он просит?

Относительно вопросов общего порядка. Я очень благодарен члену-корреспонденту АН СССР Е.М. Крепсу за то, что он в своем заключении обратил внимание на те обстоятельства внешнего порядка, в которых находится лаборатории академика Орбели и вся его работа.

Я далек от вопросов физиологии, но для меня является совершенно ненормальным то двойное подчинение в отношении руководства работой, в котором находятся наши физиологические учреждения. С одной стороны, они входят в состав Отделения биологических наук, они должны подчиняться Бюро Отделения, с другой стороны, Совет физиологии, который при Президиуме АН СССР, который, значит, тоже руководит независимо от Бюро Отделения биологических наук. Таким образом, по сути дела образование этого совета следовало бы оформить укреплением этих физиологических учреждений от Бюро ОБН. А то оказывается, что Бюро Отделения не было поставлено в известность, что план лаборатории не утвержден в отношении некоторых тем. Здесь положение, как мне представляется, совершенно ненормальное.

Я думаю, что если уже целесообразно отдельное существование физиологического совета, то, во всяком случае, он должен быть подчинен ОБН.

... Не могу не отметить, что положение нашей физиологической науки является чрезвычайно странным, удивительным и вредным для науки, положение, когда крупнейший физиолог, имеющий такую плеяду учеников, остался практически без института, в положении руководителя небольшой группы, а сейчас лаборатории.

Вопрос об организации института на базе существующих учреждений для академика Орбели является вопросом актуальным, и мы должны этот вопрос поставить в задачу ближайшей проработки, не дожидаясь съезда. Что на съезде могут сказать? Могут обратить внимание, что Бюро ОБН допустило такое положение с работами в области физиологии, и нам будет только неловко, что мы до этого, до съезда не разработали этого вопроса" (АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 228. Л. 64–67).

⁸ Ученый совет Лаборатории эволюционной физиологии был утвержден в составе, предложенном Л.А. Орбели. На вопрос профессора А.А. Спасского: "У меня есть основание опасаться за одну тему, которая производится в комплексе с военно-морскими организациями. Как там обстоит дело?" Л.А. Орбели ответил: "Самые ближайшие, насущные нужды связаны с определенными акустическими работами, которые мы вынуждены проводить. Я не буду говорить об условиях, кто будет работать, как и что, но эта работа, связанная с физиологической акустикой. Мы имеем аппаратуру, при помощи которой в определенных экспериментальных условиях записываем человеческую речь. Но ее дальше надо анализировать. Записать мы записали, но эти ленточки у нас лежат, потому что анализировать мы не можем, для анализа нужна хотя бы такая комната, как эта. Но даже одной такой комнаты в Ленинграде нельзя найти для такой ответственной работы, которая дана Генеральным штабом.

Что касается установления связей с некоторыми другими организациями, то известная связь установилась. Имеются определенные предложения, которые посланы сюда в Академию из Акустической комиссии. Я потому могу ознакомить с теми постановлениями, которые там приняты. Но что касается непосредственно контактов, в смысле работы с теми организациями, которые явились заказчиками, этот контакт недостаточно установлен, потому что заказчики хотят получить помощь Академии наук, но не хотят нам идти навстречу. Об этом придется либо через президента, либо мне непосредственно докладывать министру обороны, потому что тема исходит от работников Министерства обороны, которые прислали тему и поставили перед нами соответствующие задачи, заставили нас организовать известную работу, а навстречу не идут и помощь не оказывают. Я уверен, что министр обороны сумеет в этом отношении принять меры.

Точно так же, может быть, придется обращаться к тому же Министерству обороны за помощью в смысле помещений, если Академия наук сама не сможет найти соответствующей площади. Положение безвыходное, тема на меня возложена, я уже несу за нее ответственность, а работать негде". (Тематика лаборатории Орбели была включена в государственную программу и выполнялась как государственное задание.) (АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 228. Л. 32–34).

В.М. Зезюлинский (в связи с тем, что В.А. Энгельгардт высказал свою точку зрения о том, что проблемы радиобиологии должны разрабатываться в Институте биофизики, а не в лаборатории Орбели): "То, что Леон Абгарович занялся радиобиологической проблемой, очень важно, потому что сейчас уже в области радиобиологии накоплен большой материал, но никто из наших выдающихся физиологов не синтезирует этого материала, его не собирают вместе и своего ума и сердца к этому делу не прикладывает. И то, что Леон Абгарович входит в эту работу, то, что он собирает материал и дальше его обобщает, дает определенные идеи, – мне кажется, мы все должны всячески приветствовать. Это делает Леон Абгарович как по линии нашего Ученого совета (речь идет об Ученом совете при Президиуме АН СССР – *Н.Г.*), так и по линии других организаций. Поэтому его знание действительного положения вещей является всеобъемлющим. Это первое и самое главное, что я хотел сказать. Я только должен призвать и других наших физиологов, чтобы они тоже входили в эту проблему, тогда мы, может быть, скорее придем к ее решению.

... Я предложил бы принять немедленно несколько конкретных практических предложений. Одно из них такое: следует немедленно обратиться в правительство (и как будто бы такая возможность уже намечается в Академии), чтобы изыскать средства и реставрировать флигель. Второе: обратиться также в правительство с тем, чтобы предоставить хотя бы ту площадь, которую просит сейчас Леон Абгарович, чтобы в какой-то мере разрядить обстановку, в которой работает лаборатория, которая является совершенно нетерпимой" (АРАН. Ф. 534. Оп. 1. Д. 228. Л. 62–64).

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л.А. ОРБЕЛИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ОТЧЕТА ОТДЕЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК АН СССР

¹ Л.А. Орбели имел в виду Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова при Президиуме АН СССР, руководство которого всячески мешало Орбели и его сотрудникам проводить исследования.

² Конференция по вопросам возрастной физиологии, на которой выступили ученики Орбели, организованная АПН РСФСР, состоялась 17–18 апреля 1954 г. Материалы конференции (доклады учеников и сотрудников Орбели) были изданы специалистами сборником в 1955 г. ("Известия АПН РСФСР". Вып. 75).

³ Речь идет о биогеохимической лаборатории, созданной В.И. Вернадским в 1928 г.

⁴ Об этом же говорил И.П. Павлов в беседе с М. Горьким в 1931 г.: "Я держусь того, что миром двигают люди. Смелые, способные люди. С большой волей. Обычно это яркие индивидуальности. Но если Вы начнете им мешать, начнете их подгонять под середняков, что же останется? Вы им только повредите. Попробуйте Пушкина заставить жить и писать по определенной программе. Ведь из этого ничего не выйдет... Пушкин захиреет" (Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 351).

⁵ Предложение Л.А. Орбели об усилении подготовки физиологов по химии и физике получило одобрение. В 1950-е–1960-е годы в программе подготовки аспирантов-физиологов физико-химические науки заняли достаточное место.

ИЗ ОТЧЕТА Л.А. ОРБЕЛИ НА ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ЛАБОРАТОРИИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ В 1955 г.

¹ По проблемам радиобиологии Л.А. Орбели были выполнены следующие работы: "Физиологические механизмы лучевой болезни" (Л.А. Орбели. Избранные труды. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 4. С. 270–279); "Действие ионизирующих излучений на животный организм" (Там же. С. 280–286); "Влияние радиоактивных излучений на нервную систему и значение ее изменений в патогенезе лучевой болезни" (Там же. С. 287–293); "О некоторых механизмах патогенеза лучевой болезни" (Там же. С. 294–298).

² Подробно об исследованиях сотрудников Орбели см. в библиографическом указателе (Л.А. Орбели. Избранные труды. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 292–310).

³ Речь идет о следующих исследованиях М.А. Твердынского: "Материалы к механизму некоторых реакций лягушки на воздействие ультразвука. Сообщ. 1. Роль СНС и гипофиза в реакции сосудов почек на ультразвук // Матер. по эволюционной физиологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 3. С. 61–66; То же. Сообщ. 2. Влияние ультразвука на сосуды почек при диффузии через них адреналина, ацетилхолина, гистамина и пилокарпина // Там же. С. 67–70; Он же. Наблюдения над кровообращением в почечных сосудах у лягушек, подвергнутых воздействию ультразвука // Там же. С. 71–73.

⁴ Специальные работы Л.А. Орбели с сотрудниками выполнял по заданию ВМФ СССР и Министерства обороны СССР. Речь идет об исследованиях по физиологии глубоководных спусков (подводная физиология) и медико-биологических исследованиях в космосе (космическая физиология и медицина).

ПЕРЕПИСКА

1.

¹ Город в Дагестане, где родился М.И. Аствацатуров – однокурсник Л.А. Орбели по ВМА.

² Строка из поэмы Н.А. Некрасова "Рыцарь на час".

³ См. Виллие в именном указателе.

⁴ "Врач" – еженедельная медицинская газета, выходящая в Петербурге с 1880 г. С 1901 г. газета стала называться "Русский врач".

⁵ На конверте М.И. Аствацатуров написал адрес: Тифлис. Его высокоблагородию Леону Абгаровичу Орбели. Ново-Бebutовская.

2.

¹ После окончания ВМА Орбели был направлен в Николаевский военный госпиталь г. Кронштадта. В июне 1904 г. он приступил к работе. Осенью 1904 г. Орбели получил назначение в заграничное плавание (в это время шла русско-японская война, и Орбели в качестве судового врача предстояло отправиться на войну). По чистой случайности поход не состоялся. В 1905 г. Орбели был переведен в Петербург в Морской госпиталь, что дало ему возможность возобновить научную работу под руководством И.П. Павлова в ИЭМе.

² На конверте М. Аствацатуров написал следующий адрес: Кронштадт. Его Высокоблагородию доктору Леону Абгаровичу Орбели. Петербургская ул., 12, кв. 9.

3.

¹ Речь идет об участии Иосифа Орбели – младшего брата Л.А. Орбели, студента историко-филологического факультета Петербургского университета – в экспедиции в Ани под руководством Н.Я. Марра. Ани – столица средневековой Армении (X–XI вв.), крупный экономический и культурный центр на территории Западной Армении. Ко времени проведения экспедиции от города оставались одни развалины.

² Церковь Гагика построена при царствовании Гагика А (989–1020 гг.).

³ Церковь Аракелоц – апостольская церковь в Ани.

⁴ Арарат (Масис) – гора в Западной Армении.

⁵ Эчмиадзин – город в Армении, где была построена первая христианская церковь (301–303 гг.), с тех пор является резиденцией армянских католикосов.

⁶ Эриван – ныне Ереван, столица Республики Армения.

⁷ Алагёз (Арагац) – гора в Армении.

4.

¹ Гюмри (Александрополь, в советские годы – Ленинакан) – второй после Еревана город в Армении.

² Мичнаберд – средневековая крепость.

³ Караклис (в советские годы – Кировакан) – ныне Ванадзор.

⁴ Бана (Банак) – село в 70 км от Карса, теперь развалины.

⁵ Султаншахията – Султан-Шах – известная армянская фамилия в Петербурге. Глава семьи Семен Григорьевич Султан-Шах после смерти А.М. Худобашева стал главой армянского землячества в Санкт-Петербурге. Анна Семеновна – младшая дочь С.Г. Султан-Шаха – мать Е.И. Орбели.

5.

¹ Ряд заседаний Общества русских врачей в Петрограде в 1915–1916 гг., в их числе заседание 3 декабря 1915 г., был посвящен вопросам военного времени. Общество русских врачей в Петербурге было основано в 1833 г.

² Имеется в виду журнал "Труды Общества русских врачей", на бланке которого и было написано письмо.

6.

¹ В "Трудах Общества русских врачей" в Петрограде доклад Л.А. Тарасевича не был напечатан, так как в редакцию не поступил.

7.

¹ В начале 1920-х годов в лаборатории Орбели в Естественно-научном институте им. П.Ф. Лесгафта проводились исследования по изучению роли кислот в организме. В 1921 г. увидела свет первая статья Орбели "О физиологической роли кислот". Отсюда интерес Л.А. Орбели к данным других лабораторий в этом направлении. П.П. Лазарев принял в своей лаборатории А.В. Лебединского. Лебединский совместно с Л.Г. Лейбсоном выполнил работу и опубликовал ее в 1926 г. (О физиологической роли кислот. Сообщ. 7 // Изв. Научного института им. П.Ф. Лесгафта. 1926. Т. 1. С. 89–97).

¹ Название дипломной работы Е.А. Скрыбиной установить не удалось.

¹ Речь идет о Естественнаучном институте им. П.Ф. Лесгафта, в котором Л.А. Орбели руководил физиологическим отделом.

¹ Результаты первых работ Асратяна, выполненных в лаборатории Л.А. Орбели в Естественнаучном институте им. П.Ф. Лесгафта ("Методика постановки хронических опытов по изучению функции почек", "О влиянии частичной резекции почки на ее функцию", "К вопросу об утомляемости почек"), были опубликованы в "Трудах III Всесоюзного съезда физиологов" (1928 г.) и в "Известиях Научного института им. П.Ф. Лесгафта" (1929 г.). В 1930 г. они были опубликованы в Ереване на армянском языке.

¹ Работа Э.А. Асратяна "Влияние экстирпации верхних шейных симпатических узлов на пищевые условные рефлексы собаки" опубликована в журнале "Архив биол. наук" (1930. Т. 30, вып. 2. С. 243–265).

² Работа "Утомляемость почек" опубликована в "Известиях Научного института им. П.Ф. Лесгафта" (1930. Т. 16, № 1–2. С. 243–271).

³ Работа "К вопросу о выделении мочевины почками" опубликована в "Известиях Государственного университета Армении" (1930. № 5, 6. С. 259–282) (арм. яз.).

⁴ Ректором Научного института им. П.Ф. Лесгафта был Н.А. Морозов.

⁵ Работа "К вопросу о связи между выделением мочевины и хлоридов почками" опубликована в "Известиях Научного института им. П.Ф. Лесгафта" (1934. Т. 17–18. С. 243–252).

⁶ Асратян хотел заступиться за Орбели, который на Харьковском съезде физиологов (май, 1930 г.) был подвергнут политическому ostracism. Более подробно о ситуации на IV Всесоюзном съезде (Харьков, 1930 г.) писала А.В. Тонких Асратяну в письме от 24 июня 1930 г. из Ленинграда.

Уважаемый Эзрас!

Получила Ваше письмо. Да, возмутительное поведение главарей IV съезда нам всем уже известно. Злоба и низкая зависть развита, к сожалению, и среди людей науки. В данном случае, что это может вылиться в такие мерзкие формы. Истинную подоплеку всего этого я расскажу Вам, когда Вы приедете. Скажу только свое предположение (между нами): осенью предстоят выборы еще одного академика, и Ив[ан] Петр[ович] назвал кандидатом Леона Абгаровича – вот отсюда и все объяснение.

Теперь отвечаю на Ваши вопросы. Да, Л[еон] Аб[гарович] послал приветственную телеграмму съезду, но ее, оказывается, не огласили, а на заключительном заседании имели наглость утверждать, что он бойкотировал съезд. По телефону проф. Понировскому, говорившему с ним по поручению организационного комитета, он сказал, что собирается приехать на съезд и делать доклад, но что его доклад является сводным и он не видит необходимости в присылке тезисов, на которых настаивал орган[изационный] комитет. Но через день после этого разговора проф. Лихачев получает от орган[изационного] ком[итета] за подписью "Академик Палладин" телеграмму довольно неприличного тона, где его просят вынудить у проф. Орбели ответ и что-то в этом роде. Прочитав эту телеграмму, Л.А. просил Лихачева телеграфировать, что он снимает свой доклад. В этом поддержал его и Лихачев, т.к. телеграмма своим тоном и на него произвела неприятное впечатление. Л.А. получил от орган[изационного] комитета 2 телеграммы: обе за подписью "академик Палладин", по тону довольно официальные, неприятно подействовавшие на Леона Абг[аровича]. Он на них не ответил не потому, что хотел бойкотировать, а в силу своей особенности – не отвечать иногда даже приятным ему людям. К тому же он считал вопрос о том, что он делает доклад на съезде, решенным, т.к. говорил еще об этом лично одному из членов орг[анизационного] ком[итета], бывавшему незадолго перед съездом в Ленинграде. Даже сняв свой доклад,

Л.А. до последнего момента собирался ехать на съезд, но тут подоспела проверка работы Научного института комиссией СКИ; директор Института Морозов заболел, и Л.А. как его заместитель должен бы присутствовать. По этой причине не поехал на съезд и Ал[ександр] Ник[олаевич] Крестовников, который уже имел железнодорожный билет и должен был его вернуть. Как видите, только явно тенденциозно настроенные люди могут утверждать, что Л.А. бойкотировал съезд.

Если Вы хотите что-то предпринимать по этому поводу, то я не советую Вам этого делать – оставьте это. Я думаю, что при случае Л.А. сам публично их изобличит во лжи и т.п. Леон Абг[арович] также не советует Вам что-либо предпринимать по этому делу.

Относительно Ваших работ я спрашивала у Леона Аб[гаровича], и он сам Вам подробно написал записочку, которую я прилагаю к своему письму. Л.А. страшно устал и измотался, ему нужен отдых, а в тот день, когда они собрались ехать на дачу, заболела Маруся scarlatinной, и они должны теперь сидеть в городе еще, по крайней мере, месяц + (плюс) к этому еще постоянная тревога за течение болезни. Болезнь протекает нормально, т° уже нормальна, но при scarlatине нужно шесть недель ждать (возможны всякие осложнения).

Я 1 июля уезжаю в Крым, получила место в доме отдыха Секции научн[ых] работников на 1 месяц, вернусь, вероятно, уже к половине августа. Мы, все сотрудники Леона Абгар[овича], очень рады Вашему приезду сюда и еще на такой долгий срок. Только, вероятно, Ваши молодые сотрудники огорчены будут Вашим отъездом.

Мой привет им всем, а также А.А. Акопяну с семьей и Вашей маме. Если Леон Александрович в Эривани, то приветствуйте его от меня. Как его здоровье?

Всего хорошего.

Личный архив Э.А. Асратяна. Автограф.

А. Тонких.

12.

¹ По рекомендации Л.А. Орбели Э.А. Асратян был принят в лабораторию И.П. Павлова, и работал под его руководством с 1930 по 1934 г. в Физиологическом институте АН СССР. О взаимоотношениях Орбели и Асратяна в эти годы см.: Григорьян Н.А. Леон Абгарович Орбели и Эзрас Асратович Асратян // Журн. высш. нерв. деятельности им. И.П. Павлова. 1994. Т. 44, вып. 2. С. 382–393.

13.

¹ По поручению Л.А. Орбели А.Г. Гинецинский хлопотал в Москве о получении для лаборатории струнного гальванометра из Кембриджа, который был приобретен в 1934 г. Л.А. Орбели ходатайствовал о получении стипендии для заграничной командировки А.Г. Гинецинского, в которой было отказано.

² В это время А.Г. Гинецинский заведовал кафедрой физиологии Ленинградского педиатрического медицинского института, подчиненного Наркомздраву РСФСР.

14.

Письмо написано на бланке Биологического института им. К.А. Тимирязева при ЦИК СССР (Пятницкая, 18), в котором в то время Х.С. Коштоянц руководил Отделением сравнительной физиологии.

¹ В 1932 г. в Риме состоялся XIV Международный физиологический конгресс. Х.С. Коштоянц был членом советской делегации. Речь идет о докладе Коштоянца с анализом работы конгресса. (См.: Коштоянц Х.С. XIV Международный конгресс физиологов в Риме // Под знаменем марксизма. 1932. № 9–10. С. 238–250). На римском конгрессе было принято решение о созыве следующего XV конгресса в СССР в 1935 г. Х.С. Коштоянц был ответственным секретарем Оргкомитета конгресса и должен был обсудить с Л.А. Орбели вопрос о подготовке к нему.

¹ Санкт-Петербургское (Ленинградское) общество естествоиспытателей было основано в 1867 г. В 1957–1958 гг. Л.А. Орбели был председателем этого общества.

² Совещание по вопросам сравнительной физиологии состоялось в 1934 г. в Москве. По материалам совещания Х.С. Коштойнц выступил с докладом "Сравнительная физиология, ее вопросы, ее пути" (Сорена. 1934. № 8. С. 5–22).

¹ Речь идет о работе Барсегян Ракель "Влияние адреналина на ритмическую деятельность *m. sartorii*" (Физиол. журн. СССР. 1936. Т. 20, вып. 2. С. 321–329). Работа была доложена на V Всесоюзном съезде физиологов в 1934 г. в Москве.

² Речь идет о работе Н.И. Михельсон "Влияние анаэробноз и отравления моноид-ацетатом на токи покоя скелетной мышцы" (Физиол. журн. СССР. 1935. Т. 19, вып. 5. С. 987–995).

³ Исследование Е.Ю. Ченыкаевой "О некоторых функциональных особенностях симпатических нервов лягушки" было опубликовано в "Известиях Научного института им. П.Ф. Лесгафта" (1940. Т. 22. С. 231–258).

⁴ Речь идет о работах: Гинецинский А.Г., Михельсон Н.И. Электрическая реакция во время пессимального сокращения мышцы // Физиол. журн. СССР. 1935. Т. 19, вып. 5. С. 968–979; Они же. Электрические явления при непрямом раздражении мышцы, отравленной кураре // Там же. С. 980–986.

⁵ Речь идет о работе: Гинецинский А.Г. Электрические явления в гладких мышцах моллюсков // Физиол. журн. СССР. 1936. Т. 20, вып. 1. С. 108–115.

¹ Сведениями о А.Л. Попове мы не располагаем. Предполагаем, что Попов был научным сотрудником и был арестован в 1929 г. по делу промпартии.

¹ Известно, что К.Е. Ворошилов лично знал Орбели в связи с проведением им работ оборонного значения. Встречался ли Орбели в это время с Ворошиловым, нам неизвестно. В связи с награждением Орденом Ленина 24 ноября 1957 г. Орбели писал Ворошилову (в то время председателю Президиума Верховного Совета СССР): "Ваше постоянное внимание к моей научной деятельности, правильное понимание моих стремлений быть полезным Родине и ее Вооруженным силам всегда служили и служат поддержкой в моих научных исканиях и дают силы к преодолению всех затруднений, неизбежно встречающихся на пути. Я безгранично благодарен Вам за неоднократно проявленную поддержку" (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 165).

Как вспоминал Л.Г. Лейбсон, в связи с проектированием мощной баролаборатории в ВМА для решения вопросов, связанных с глубоководными спусками, в 1936 г. К.Е. Ворошилов пригласил на совещание В.А. Кангеллари (начальник ВМА), Л.А. Орбели, В.И. Воячека, В.Н. Тонкова (Л.Г. Лейбсон. Леон Абгарович Орбели. Л.: Наука, 1973. С. 285). Л.А. Орбели был так загружен, что просто перестал брать отпуск. "В 1940 г. дело дошло до того, что нарком К.Е. Ворошилов отдал приказ, обязывающий Орбели поехать в санаторий для отдыха" (Там же. С. 354).

¹ Письмо Л.А. Орбели является ответом на обращение ученого секретаря Биогруппы АН СССР Рамонова о передаче оборудования московской лаборатории Орбели, переведенной после смерти Павлова в Ленинград. Лаборатория физиологии животных АН СССР была основана Орбели в 1934 г. Е.Д. Рамонов в своем обращении писал: "В целях обеспечения работ академика Ухтомского соответствующей аппаратурой Президиум Биогруппы (председатель биогруппы был В.Л. Комаров) и непрременный секретарь Горбунов считают целесообразным передачу оборудования бывшей Вашей лаборатории в Москве Ухтомскому. Телеграфируйте Ваше согласие.

Ваш доклад о работе института за первое полугодие 1936 г. и тематика 1937 г. назначен 28 сентября, вышлите материалы. 21 сентября 1936 г. Рамонов" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 26. Л. 1).

² В Севастополе и Балаклаве летом и осенью 1936 г. Л.А. Орбели как председатель Постоянной комиссии по аварийно-спасательному делу ВМФ со своими помощниками проводил исследования по физиологии глубоководных спусков.

20.

¹ Творческие и дружеские контакты Н.К. Кольцова с физиологами установились довольно рано, но особенно усилились после основания журнала "Природа" (Кольцов был редактором журнала с момента его основания в 1912 г. и до 1920-х годов) и Института экспериментальной биологии (1917 г.). После публикации статьи И.П. Павлова "Новые исследования по условным рефлексам" (1923 г.) Н.К. Кольцов выступил с резкой критикой гипотезы Павлова о наследственной передаче приобретенных признаков (См.: Кольцов Н.К. Новейшие попытки доказать наследственность благоприобретенных признаков // Рус. евгенический журн. 1924. Т. 2, вып. 2–3. С. 161–163). Кольцов писал, что Павлов никогда не работал в области генетики и не представляет себе всей сложности генетических проблем. Получив оттиск статьи Кольцова, Павлов выразил готовность побеседовать с ним на интересующую его тему. В результате у Павлова обострился интерес к генетике. "На 87-м году жизни, – писал Кольцов, – Павлов еще хотел учиться и определенно говорил, что ему надо изучать генетику, в которой он еще недостаточно сведущ". Описывая свое посещение И.П. Павлова в Колтушах в 1934 г., Кольцов отметил необычайное воодушевление его в связи со строительством нового корпуса Биостанции для экспериментального изучения генетики высшей нервной деятельности. "Он сам наблюдал за постройкой лаборатории и питомников, сам своими руками рассаживал кустарники вокруг зданий... Он с восторгом говорил мне о своем новом деле и развивал планы на будущее" (Кольцов Н.К. Труд жизни великого биолога // Биол. журн. 1936. Т. 5, № 3. С. 401). Последний раз Кольцов навещал Павлова в декабре 1935 г., за два месяца до его смерти. На этот раз И.П. Павлов рассказывал об опытах по определению темперамента собак, выражал сожаление в связи с трудностями создания специальной генетической группы. Павлова радовало, что ему удалось договориться с тогдашним министром здравоохранения Г.Н. Каминским о введении специального курса генетики во все медицинские институты. К этому времени относится незаконченная рукопись И.П. Павлова "Об одном важном долге современного врача", опубликованная лишь в 1975 г., спустя 40 лет после ее написания. В ней указывалось на то, что врач должен иметь основательные знания по генетике. Своим активным интересом к исследованиям павловской лаборатории Н.К. Кольцов сумел повернуть Павлова лицом к генетике. В Колтушах И.П. Павлов перед зданием лаборатории поставил памятник основателю генетики Г. Менделю.

Биографы Кольцова Б.Л. Астауров и П.Ф. Рокицкий среди друзей Кольцова называют Л.А. Орбели. Публикуемые в настоящем томе письма подтверждают это. Письмо Кольцова от 19 июня 1938 г. представляет собой развернутую программу генетического изучения темперамента собак с конкретными предложениями. Следуя совету Кольцова, Орбели приглашает в Колтуши Л.В. Крушинского, выполнившего здесь два исследования: "Речь наследственности и условий воспитания в проявлении и выражении признаков поведения у собак" (1946 г.) и "Наследование пассивно-оборонительного поведения (трусости) в связи с типами нервной системы у собак" (1947 г.). Эти работы впоследствии получили развитие в фундаментальной монографии Крушинского "Биологические основы рассудочной деятельности" (1986 г.).

21.

¹ В 1935–1941 гг. Асратян заведовал сектором физиологии центральной нервной системы Института мозга им. В.М. Бехтерева в Ленинграде.

22.

¹ Второе письмо Н.К. Кольцова, написанное ровно через год после первого, читается с чувством глубокой печали и обиды за судьбу генетики и выдающегося генетика. Оказавшийся в окружении ложных обвинений и клеветы Кольцов в трудную минуту обращается к Орбели, уверенный, что найдет у него понимание и поддержку. В декабре 1940 г. Кольцов умирает от обширного инфаркта. Вслед за ним, покончив жизнь самоубийством, уходит из жизни его жена – М.П. Кольцова. На долю Орбели как академика-секретаря ОБН АН СССР выпали тяжелейшие испытания. Тем не менее в особо трудные

для биологии годы Орбели называл Кольцова выдающимся биологом, а генетику – фундаментальной наукой, в основе которой лежат неопровержимые факты.

² Речь идет о будущей статье Н.К. Кольцова "Нервная регуляция меланофоров" (Докл. АН СССР. 1940. Т. 28, № 5. С. 463–469).

³ Статья "Исследования по раздражимости эффекторных хроматофоров" была опубликована в "Биологическом журнале" в 1938 г. (Т. 7, № 5–6. С. 896–936).

23.

¹ Сталинабад (ныне Душанбе) – столица Таджикистана.

² Результаты этих исследований были опубликованы: Барбашова З.И., Гинецинский А.Г. Особенности приспособления к высоте у гиссарских овец // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1942. Т. 5. с. 295–302; Барбашова З.И. Материалы к проблеме акклиматизации к низким парциальным давлениям кислорода. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 168 с.

24.

¹ Письмо напечатано на бланке, в левом верхнем углу которого значится: Начальник группы контроля при Народном комиссаре обороны СССР.

25.

¹ М.К. Петрова была назначена первым заведующим кафедры физиологии высшей нервной деятельности ГИДУВа, которая была открыта накануне XV Международного физиологического конгресса в августе 1935 г. по распоряжению наркома здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминского (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 174. Л. 120).

² Кафедра психиатрии в ГИДУВе (Ленинград) была основана в 1941 г. В фонде Л.А. Орбели в СПбФ АРАН много документов-характеристик, ходатайств об ускорении присуждения Иванову-Смоленскому звания заслуженного деятеля науки, избрания в действительные члены АМН СССР. 3 августа 1944 г. в ходатайстве на имя Наркома здравоохранения Г.А. Митерева Орбели просил о присвоении звания заслуженного деятеля науки ученому. "Иванов-Смоленский, – писал Орбели, – один из выдающихся учеников Павлова, видный психиатр и крупный специалист в области физиологии и патологии высшей нервной деятельности" (Ф. 895. Оп. 2. Д. 121. Л. 9–10, 22). 8 августа 1949 г. Орбели вновь писал: "Крупные заслуги проф. Иванова-Смоленского дают мне право рекомендовать его кандидатом в действительные члены АМН СССР" (Там же. Д. 98. Л. 170–172). Однако действительным членом АМН СССР Иванов-Смоленский стал после "павловской" сессии, 3 ноября 1950 г., когда подверг политическому ostracismу Орбели, послушно выполняя указание сверху.

26.

¹ Письмо написано дочерью Л.А. Ротиняна – Лусик Ротинян. Л.А. Ротинян в 1903 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, был учеником академика В.А. Кистяковского. Работал на кафедре химии и теоретической электрохимии Ленинградского политехнического института. Автор первого учебного пособия по физической химии. С 1923 по 1930 гг. – профессор физической химии в Ереванском университете, в 1930–1938 гг. – Ереванского политехнического института; с 1938 по 1946 г. был под арестом. В 1946–1948 гг. – профессор неорганической химии Сельскохозяйственного института в Кировабаде (АзССР), в 1948–1953 гг. – профессор в Чувашии (Чебоксары), в 1957–1960 гг. – в НИИ Совнаркома в Армении. Основные научные работы в области химической термодинамики. Л.А. Ротинян – многолетний и близкий друг Орбели.

² Партия Дашнакцун – армянская революционная партия, основанная в 1890 г. в Тифлисе. В годы советской власти ее члены преследовались.

27.

¹ Е.М. Крепс был арестован по ложному обвинению, сослан под Владивосток, а затем на Колыму. Благодаря ходатайству Орбели в 1940 г. он был освобожден, но полностью был реабилитирован в 1944 г.

¹ Одновременно с Л.А. Орбели к В.Л. Комарову обратился Е.М. Крепс.
 Депутату Верховного Совета СССР,
 академику Владимиру Леонтьевичу
 Комарову
 от профессора Крепса Евгения
 Михайловича
 б[ывшего] заместителя директора
 Физиологического института имени
 И.П. Павлова

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

Я позволю себе обратиться к Вам с просьбой помочь мне в том затруднительном положении, в котором я сейчас нахожусь. В течение многих лет я работал под руководством академика Л.А. Орбели, сперва в Военно-медицинской академии, а последние годы в Физиологическом институте имени И.П. Павлова, где с 1936 г. состоял в должности заместителя директора.

В апреле 1937 г. я был арестован органами НКВД в Ленинграде и вскоре осужден Особым Совещанием к пяти годам И.Т.Л. Я не знал за собой никакой вины, обвинение против меня не было поддержано ни свидетельскими показаниями, ни очной ставкой, ни моим признанием. Выдвинутое обвинение состояло в том, что я посетил дом одной из сотрудниц института, куда был приглашен на чашку чая после защиты ею диссертации, где я выступил в качестве официального оппонента. В этом доме я якобы был свидетелем к[онтр]р[еволюционных] разговоров. Мои просьбы вызвать в качестве свидетелей хозяйку дома или других присутствующих лиц не привели ни к чему.

В 1939 г. я обжаловал приговор перед прокурором Союза и перед наркомом внутренних дел. Одновременно академик Л.А. Орбели возбудил ходатайство перед Председателем Совета Народных Комиссаров товарищем В.М. Молотовым о пересмотре моего дела. В результате этих шагов дело мое было пересмотрено Особым Совещанием, и новым постановлением от 27 февраля 1940 г. я был из лагерей освобожден. Однако новое постановление реабилитировало меня не вполне, так как до окончания срока, т.е. до 25 апреля 1942 г., мне запрещается проживание в городах Москва, Ленинград и Киев.

После моего возвращения Физиологический институт имени Павлова в лице директора института академика Л.А. Орбели предложил мне работать по заданиям Института, в частности над проблемами акклиматизации и изучения влияния высокогорных условий на организм человека и животных.

Однако оставшееся за мной ограничение в праве проживания в Москве и Ленинграде служит большим препятствием для работы, так как я лишен возможности пользоваться библиотеками и лабораториями, заниматься конструированием и испытанием приборов и успешно готовиться к полевой работе. Кроме того, неполная моя реабилитация не дает мне возможности пользоваться библиотеками, вести работу на Мурманской или Севастопольской морской биологической станциях Академии наук СССР.

Все это побуждает меня обратиться к Вам, Владимир Леонтьевич, как к депутату Верховного Совета с просьбой, если Вы найдете это возможным, обратиться с ходатайством о снятии с меня оставшегося ограничения и тем вполне реабилитировать меня, освободить от незаслуженного обвинения. 18 мая 1941 г. С глубоким уважением Е. Крепс. (АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 416. Л. 1-2).

¹ После ликвидации "Биологического журнала", созданного Н.К. Кольцовым, в 1940 г. был основан "Журнал общей биологии" (отв. редактор И.И. Шмальгаузен; члены редколлегии: академики В.Л. Комаров, Л.А. Орбели, С.А. Зернов, члены-корреспонденты АН СССР Б.Л. Исаченко и Х.С. Коштоянц, В.В. Алпатов). Уже в 1941 г., не без усилий Дозорцевой, заместителем ответственного редактора назначается Н.И. Нуждин – муж Дозорцевой, в том же году ответственным редактором журнала становится В.Л. Комаров, а с 1943 г. – Л.А. Орбели. И.И. Шмальгаузен становится членом редколлегии.

² Журнал "Известия АН СССР. Серия Биологическая", издавался в Москве, Л.А. Орбели в 1942–1950-х годах был редактором журнала.

³ Собрание сочинений Ч. Дарвина в девяти томах выпустило "Издательство Академии наук СССР" (1935–1954 гг.).

⁴ Переписка Ч. Дарвина на русском языке до сих пор не издана, хотя большая работа в этом направлении велась в Секторе истории биологических наук ИИЕиТ АН СССР.

⁵ В годы Великой Отечественной войны Президиум АН СССР находился в Свердловске.

⁶ Монография Х.С. Коштыянца "Сеченов. 1829–1905." увидела свет в 1945 г. в "Издательстве АН СССР" (2-е издание).

30.

¹ После смерти П.П. Лазарева в 1942 г. его Биофизическая лаборатория была закрыта. В телеграмме уточняется этот вопрос. По инициативе Орбели была основана Биофизическая лаборатория в ФИНе (1945 г.) под руководством Г.М. Франка.

31.

¹ 7 июля 1942 г. Л.А. Орбели исполнилось 60 лет. В.Л. Комаров поздравил его с этой датой. Телеграмма является ответом на поздравление.

² Биоотделение АН СССР во время войны находилось в Казани.

32.

¹ Гельминтологическая лаборатория АН СССР (ГЕЛАН) была основана в 1943 г. при ЗИНе, но территориально находилась в Москве. В 1991 г. лаборатория была реорганизована в Институт паразитологии АН СССР.

² Монография К.И. Скрябина "Гельминтозы" и другие труды, названные в письме, были опубликованы под названием "Трематоды животных и человека". Т. 1–23. М.; Л., 1947–1970.

³ Речь идет о ВИГИСе (Всесоюзный институт гельминтологии), созданном в 1933 г.; в 1972 г. ему было присвоено имя К.И. Скрябина.

34.

¹ См. коммент. к письму № 30.

35.

¹ Ньютоновская комиссия была создана в 1942 г. в связи с подготовкой празднования 300-летия со дня рождения И. Ньютона. Председателем Комиссии является С.И. Вавилов. В результате деятельности Комиссии в 1943 г. была проведена юбилейная сессия АН СССР. Доклады юбилейной сессии были изданы: Исаак Ньютон. 1643–1727 // Сб. статей к 300-летию со дня рождения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. 438 с. В 1943 г. увидела свет и биография Ньютона – автор С.И. Вавилов.

36.

¹ Том "Избранных трудов" И.И. Мечникова "О дарвинизме", подготовленный Р.И. Белкиным под редакцией В.Л. Комарова, вышел в свет в 1943 г.

² Р.И. Белкин был зачислен старшим научным сотрудником при Отделении биологических наук.

³ Рукописи И.И. Мечникова в 1945 г. были переданы в АРАН и ныне хранятся там.

37.

¹ Ученый совет при Физико-техническом институте в Ленинграде был создан.

² Речь идет о продуктах для ученых академических институтов.

38.

¹ Речь идет о статье: Гинецинский А.Г., Барбашова З.И., Шамарина Н.М. Современные стимуляторы нервной системы (бензедрин) // Успехи соврем. биологии. 1943. Т. 16, вып. 2. С. 113–126.

¹ Автор письма К.Н. Тер-Григорьян является родным племянником известного армянского поэта Ваана Теряна (1885–1920). Из личной беседы о нем, живущим в Санкт-Петербурге, в ноябре 1995 г. стало известно, что рукопись была утеряна. Книга К.Н. Тер-Григорьяна "Ваан Терян" увидела свет в 1957 г. в Ленинграде.

¹ Сведений об Н.Н. Улашике, кроме указанных в обращении Л.А. Орбели, обнаружить не удалось. По-видимому, в Казани находились родственники арестованного, которые просили Л.А. Орбели как вице-президента узнать что-либо о судьбе Н.Н. Улашика.

¹ Речь идет о рукописи будущей книги С.Н. Давиденкова "Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии" (1947, издание ГИДУВа) с предисловием Л.А. Орбели, оценившего ее как "настоящее торжество советской науки". "Впервые в истории науки, – писал Орбели в предисловии, – выходит труд, в котором один из труднейших разделов медицины освещается теоретической мыслью, охватывающей все современные основы биологии". В монографии были широко использованы последние достижения генетики. О других письмах Давиденкова Орбели смотри публикацию Н.А. Григорьян: "Л.А. Орбели и его окружение" (Вестн. РАН. 1992. № 5. С. 129–132).

¹ Л.А. Орбели был членом ВАК СССР и поддержал представление Ученого совета МГУ и видных ученых о присуждении Д.Д. Ромашову ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации. Ученая степень Ромашову была присуждена в 1943 г.

² Речь идет о статье: Дубинин Н.П., Ромашов Д.Д. Генетическое строение вида и его эволюция. 1. Генетико-автоматические процессы и проблема экогенотипов // Биол. журн. 1932. Т. 1, вып. 5–6. С. 52–95.

¹ Письмо написано через 3 дня после основания Академии наук Армянской ССР (Академия была основана 29 ноября 1943 г.). В ее первоначальный состав вошли 23 академика. Первым президентом был И.А. Орбели, вице-президентами были В.О. Гулкян и В.А. Амбарцумян, медико-биологические науки представляли: Л.А. Орбели, Л.А. Оганесян, Х.С. Коштоянц, Р.Х. Буниатян, В.О. Гулкян (генетик-селекционер).

² Сухумский питомник обезьян основан в 1927 г. Основной его задачей являлось изучение экологии, физиологии и патологии приматов. На его основе был создан Институт приматологии, который в 1957 г. переименовали в Институт экспериментальной патологии и терапии АМН СССР. Нынешнее состояние Института неизвестно и печально.

¹ На основе ликвидированного Института экспериментальной биологии (Кольцовский институт) в 1944 г. был создан Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, первым директором которого был назначен А.А. Заварзин.

² На заявление академика Заварзина о предоставлении квартиры 31 декабря 1943 г. был получен следующий ответ: "Сообщаю Вам, что в настоящее время свободной площади в АН СССР в Москве не имеется.

Жилищно-коммунальный отдел принял Ваше заявление к рассмотрению и учет Вашей просьбу при наличии жилой площади в будущем.

Вице-президент А.А. Байков".

(СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 431. Л. 16).

¹ Под председательством Л.А. Орбели ежегодно, начиная с 1937 г., проходили совещания по физиологическим проблемам, посвященным памяти И.П. Павлова. VIII совещание состоялось в марте 1944 г. Тезисы докладов издавались под редакцией Л.А. Орбели.

¹ Геотермия, геотермика – раздел геофизики, изучающий тепловые процессы, происходящие в недрах Земли.

² Российское Географическое общество было основано в 1843 г. в Санкт-Петербурге.

³ В декабре 1937 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 17 ноября 1937 г. Президиум АН СССР принял решение о слиянии институтов Геологического, Петрологического им. Н.Ю. Левинсона-Лессинга, Геохимии, кристаллографии и минералогии им. М.В. Ломоносова в единый Геологический институт АН СССР.

⁴ Согласно материалам, содержащимся в личном деле (АРАН. Ф. 411. Оп. 30. Д. 551), Сергей Александрович Красковский (родился в 1903 г.) в 1929 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. С 1940 г. жил и работал в Ленинграде. Автор 41 научной работы, среди которых: Геотермические измерения в Советском Союзе // Наука и техника. 1932. № 11; Использование тепловой энергии земных недр // Природа. 1939. № 3. С. 53–56; Обзор главнейших результатов геотермических измерений в Союзе ССР. // Изв. Географического о-ва. 1938. Вып. 4–5. С. 612–628; Изучение температуры земли // СОРЕНА. 1935. Вып. 7. С. 45–51; О некоторых очередных задачах геотермики (представлено академиком П.И. Степановым) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз. 1940. № 5. С. 691–698. Работа была выполнена в Институте географических наук АН СССР. При поддержке академиком П.И. Степанова и В.И. Вернадского С.А. Красковский был принят на работу в Архив АН СССР в Ленинграде с 1 декабря 1943 г. в должности старшего научного сотрудника для подготовки книги "Практическая геотермия". Однако 22 марта 1944 г. С.А. Красковский был освобожден от работы в Архиве, так как в Управлении кадров АН СССР материалов о присвоении ученой степени кандидата геолого-географических наук А.С. Красковскому не было обнаружено (АРАН. Ф. 411. Оп. 30. Д. 551. Л. 20). Между тем при устройстве на работу С.А. Красковский представился кандидатом геолого-географических наук.

⁵ Помог ли Л.А. Орбели А.С. Красковскому выйти из создавшейся ситуации, установить не удалось.

¹ Как свидетельствует письмо, Л.А. Орбели ходатайствовал об освобождении Л.А. Зильбера, репрессированного в конце 1930-х – начале 1940-х годов.

¹ При поддержке Л.А. Орбели в декабре 1944 г. в Москве была создана лаборатория для исследований Э.А. Асратяна. "Задачей организуемой лаборатории, – было сказано в постановлении Президиума АН СССР, – является исследование теоретических основ восстановительных процессов в организме после нарушения его функций, вызванных органическими и функциональными поражениями. Заведующим лабораторией утвердить члена-корр[еспондента] АН СССР Э.А. Асратяна" (Вестн. АН СССР. 1945. № 1–2. С. 130).

² Монография Э.А. Асратяна "Очерки по этиологии, патологии и терапии травматического шока" была издана в 1945 г.

¹ Речь идет о проекте доклада Л.А. Орбели на Президиуме АН СССР об основных научных проблемах в области биологических наук (Вестн. архивов Армении. 1982. № 1. С. 69–81). С докладом Орбели выступил 16 января 1945 г. Сравнение текстов доклада и записки Д.Н. Прянишникова позволяет говорить о внесении Орбели соответствующих изменений. Опущены слова о "мичуринском направлении в генетике, представляемом академиком Лысенко". В докладе говорится о двух течениях – классической, европейской генетике и течении Лысенко: "Нужно заботиться только о том, чтобы каждая из этих ветвей развивалась и давала бы максимум того, что может принести для развития науки, и не пыталась... подавить другое направление, с которым она не согласна. В науке мы сплошь и рядом наталкиваемся на такие явления, когда то, что сегодня оказывается

невозможным и несущественным, завтра оказывается узаконенным и общепризнанным. Мы должны заботиться о том, чтобы оба течения... оправдали себя... путем представления новых, полноценных и важных для развития науки фактов" (Вестн. архивов Армени. 1982. № 1. С. 77).

² Согласно учению о флогистоне (основатель Г. Шталь), вещества состоят из флогистона и пепла. При горении флогистон покидает вещество. В конце XVIII века эта гипотеза была опровергнута исследованиями Лавуазье, раскрывшем истинную природу горения.

³ Определение из книги Т.Д. Лысенко "О наследственности и ее изменчивости" (1943 г.).

⁴ Книга Лысенко была издана на английском языке в 1951 г.

51.

¹ Мусаэлян – в годы Великой Отечественной войны был директором ВИЭМа. Во время войны Заварзин был эвакуирован в Сибирь и жил в Томске. Был профессором гистологии Томского университета.

² На осеннем Общем собрании АН СССР (1944 г.) А.А. Заварзин собирался выступить с докладом: "О содержании задачи и методах общей биологии. Эволюционная динамика живого вещества и общая биология", в котором он предполагал изложить программу развития биологических наук, а по сути теоретической биологии после войны.

52.

¹ Первая конференция по физиологической оптике, созданная ГОИ и ВИЭМом, проходила в Ленинграде 25–29 декабря 1934 г. Конференция была подготовлена Оргбюро ассоциации физики, физиологии и психофизиологии. Председателем бюро был С.И. Вавилов (директор ГОИ), заместителем – Л.А. Орбели. Из учеников Орбели на конференции с докладами выступили: А.В. Лебединский, В.Г. Самсонова, Н.В. Зимкин, А.А. Волохов, Г.В. Гершуни, Л.Т. Загорюлько. Материалы конференции были опубликованы в "Трудах первой конференции по физиологической оптике". М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 480 с.

В своем вступительном слове на конференции проф. Л.Н. Гассовский сказал, что пионером физического изучения глаза в СССР является ГОИ (1923 г.). Развитие физиологической оптики (Л.А. Орбели) требовало укрепление обороноспособности страны. Одновременно Л.Н. Гассовский подчеркивал: «Дело производства очковых линз и вся "очковая проблема" развивались очень медленно в связи легковесного взгляда на это, как на нечто пустое и малоценное, не связанное никак с оптикой или оплотехникой, интересное исключительно для медицины и не сулящее никаких экономических выгод или преимуществ» (Там же. С. 3). В резолюции конференции был предусмотрен "переход в СССР на производство аппаратуры совершенных очковых линз, аппаратуры по исследованию глаза и создание кадра специалистов по очковой оптике". В заключительном слове Л.А. Орбели сказал: "Именно орган зрения есть тот человеческий орган чувств, который больше всего отличает человека от животного мира. Теперь мы становимся на дорогу комплексной работы, на дорогу объединения сил представителей различных специальностей, на путь использования нашего опыта, наших знаний, нашего умения работать для того, чтобы общими силами, действительно, построить единое научное знание. Вот это обстоятельство я считаю особенно важным в сегодняшней конференции" (Там же. С. 448). Комиссия по физиологической оптике при ОБН была создана 6 августа 1943 г. под председательством Л.А. Орбели.

² Имеется в виду совместная работа ФИНа и ГОИ, где в годы Великой Отечественной войны работал С.И. Вавилов, Л.Н. Гассовский также был сотрудником ГОИ.

53.

¹ Л.А. Орбели помог брату Н.Н. Трауготт. После войны Трауготт работала в психиатрической клинике при ИЭФиП в.н.д. АМН СССР и развивала эволюционное направление в психиатрии. После основания Института эволюционной физиологии АН СССР Трауготт возглавила лабораторию патологии высшей нервной деятельности. Под руко-

водством Орбели она выполнила и защитила в 1946 г. кандидатскую, а в 1954 г. докторскую диссертацию: "О взаимодействии сигнальных систем при некоторых остро возникающих нарушениях деятельности головного мозга".

54.

¹ Среди сотрудников Л.А. Орбели в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности из Азербайджана работал М.Д. Кашкай, выполнивший несколько исследований по физиологии вегетативной нервной системы и высшей нервной деятельности.

55.

¹ Просьба Л.А. Орбели была удовлетворена.

56.

¹ Письмо публикуется с сокращениями. Сокращена часть текста, в которой освещаются исследования лаборатории по эволюционной генетике.

² Через год, в апреле 1946 г., с аналогичной просьбой о сохранении генетической лаборатории (лаборатории эволюционной генетики) к Орбели обратились Н.П. Дубинин, М.С. Навашин, Б.В. Кедровский, Б.Л. Астауров, С.Л. Фролова, И.А. Рапопорт. В своем обращении они писали: "Проблемы наследственности и развития, изучаемые в свете учения о клетке (цитологии), стали теми же стержневыми вопросами, которые объединяли разные лаборатории, и разносторонность работ Института экспериментальной биологии стала его основной силой, ибо именно она дала возможность использовать синтетические методы исследования. Обладая чувством нового, Институт экспериментальной биологии создал комплексность в анализе крупных проблем, в чем, как это теперь ясно всем, лежит основной путь развития современной биологической науки. За это время Институт опубликовал сотни работ по генетике, цитологии, механике развития, оказавших серьезное влияние на развитие мировой науки.

Сравнительно недавно Институт экспериментальной биологии был реорганизован в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии, что выразилось только в сокращении штатов лаборатории генетики и в создании лаборатории гистологии.

В результате 25-летней плодотворной работы в нашем Институте создан коллектив ученых, объединивших свои труды вокруг крупнейшей биологической проблемы современной биологической науки – роли клетки в наследственности и развитии. В случае новой реорганизации Института, мы полагаем, нужно сохранить комплекс его лабораторий для успешной разработки основной проблемы, связанной с цитологией, генетикой и учением о развитии" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 63. Л. 88–90). Однако генетическая лаборатория была ликвидирована после сессии ВАСХНИЛ (1948 г.).

³ Письмо Ромашова Л.А. Орбели направил А.А. Заварзину. См. письмо № 57.

57.

¹ См. коммент. 2 к письму № 156.

² Институт эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова АН СССР, возглавляемый И.И. Шмальгаузенем, был ликвидирован в 1948 г. после сессии ВАСХНИЛ.

³ А.А. Заварзин, в сущности, ставил вопрос о создании в системе АН СССР Института эволюционной генетики.

58.

¹ Л.А. Орбели был заместителем председателя Акустической комиссии АН СССР. Под его редакцией вышел двухтомный труд: Проблемы физиологической акустики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1; 1950. Т. 2.

62.

¹ Сведениями о М.Э. Остен-Сакен пока мы не располагаем.

64.

¹ Есть основание считать, что Орбели помог Н.Н. Трауготт вернуться в Ленинград.

65.

¹ А.А. Баев был арестован 30 апреля 1937 г. по обвинению в террористической деятельности и осужден. Только через 17 лет, в 1954 г., он был реабилитирован. До ареста он был ученым секретарем Института биохимии АН СССР.

² Л.А. Орбели выполнил просьбу В.А. Энгельгардта и обратился с письмом к Берии и в другие инстанции. См. письма № 69, 73 и 74.

66.

¹ Просьба Л.А. Орбели была удовлетворена. В.А. Энгельгардт привез из США гормональные препараты для исследований.

67.

¹ Л.А. Орбели был избран вице-президентом в 1942 г., с мая 1945 г. он – первый вице-президент АН СССР. Заявление Орбели было рассмотрено 19 января 1946 г. Общее собрание АН СССР постановило удовлетворить просьбу Орбели и освободило его от обязанности вице-президента.

² 17 января 1946 г. Л.А. Орбели вновь единогласно был избран академиком-секретарем ОБН АН СССР на новый срок.

68.

¹ В своих "Воспоминаниях" Е.М. Крепс пишет, что летом 1946 г. в районе Сухуми сотрудники Л.А. Орбели проводили экспериментальные глубоководные погружения со спасательного судна "Алтай". Работа была серьезной, были перекрыты мировые достижения по глубине погружения (см.: Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 135–136). В экспедиции под руководством Орбели участвовали Е.М. Крепс, М.П. Бресткин, К.А. Павловский и др.

69.

¹ См. письма № 69, 73, 74 и 79.

70.

¹ "Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова" (первоначальное название "Русский физиологический журнал им. И.М. Сеченова") был основан в 1917 г. на Первом съезде русских физиологов (апрель 1917 г., Петроград).

² Ходатайство аналогичного содержания Л.А. Орбели направил 28 мая 1946 г. в ЦК ВКП(б) (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 62. Л. 399).

71.

¹ Конференция по физиологической оптике состоялась в июне 1946 г. Под редакцией Орбели издан многотомный труд: Проблемы физиологической оптики. Т. 1–7. М.: Изд-во АН СССР, 1941–1949.

73.

¹ В результате ходатайств Л.А. Орбели и В.А. Энгельгардта А.А. Баев стал работать врачом в системе НКВД в г. Норильске.

74.

¹ Это обращение также оказалось безрезультатным.

75.

¹ В 1946 г. действительными членами АН СССР стали Н.А. Максимов и Б.Л. Исаченко. Ю.А. Орлов был избран академиком значительно позднее, в 1960 г. А.В. Тонких не была избрана в академию, несмотря на ходатайство Орбели.

¹ Байкальская лимнологическая станция была основана в 1928 г. на базе стационара Байкальской экспедиции АН СССР (1925 г.). С этого времени началось систематическое комплексное исследование озера Байкал. В 1961 г. станция была реорганизована в Лимнологический институт СО АН СССР.

² Станция не была возвращена в ведение ОБН.

¹ Назовем некоторые труды И.В. Палибина: Предварительный отчет о поездке в Восточную Монголию и застенные части Китая (СПб., 1901); Дикорастущие хлебные злаки монголов (СПб., 1914).

² И.В. Палибин просил Орбели как академика-секретаря ОБН АН СССР содействовать в переводе из БИНа в Главный ботанический сад АН СССР.

¹ Благодаря хлопотам В.А. Энгельгардта и Л.А. Орбели А.А. Баев на некоторое время мог выехать из Норильска. Это время Баев использовал для защиты кандидатской диссертации на тему: "Превращение аденозинтрифосфорной кислоты в ядерных эритроцитах птиц в связи с дыханием" (1946 г.) (оппоненты: Е.М. Крепс, С.Е. Северин), которая была, в сущности, готова уже в 1937 г. Орбели взял на себя всю ответственность и решил защитить диссертацию Баеву. Защита состоялась 6 июня 1947 г. под председательством Орбели в Физиологическом институте АН СССР им. И.П. Павлова. Была утверждена 1 марта 1949 г. Решением Совета Физиологического института им. акад. Павлова АН СССР от 6 июня 1947 г. (протокол № 13) Баеву Александру Александровичу была присуждена ученая степень кандидата биологических наук. "Однако, – как вспоминал Баев, – плоды защиты я использовать не мог, так как мне не разрешили выезд из Норильска, но разрешили жить в Коми АССР, Сыктывкаре, куда я попал благодаря хлопотам Энгельгардта" ("Правда". 22 июня 1990 г.). Организацию защиты диссертации в стенах Института физиологии АН СССР Баев оценивал как "поступок рискованный, так как клеймо врага народа стойко удерживалось за мною еще долго, целых семь лет".

¹ Речь идет о статье И.С. Бериташвили и Н.Н. Дзидзишвили. Развитие физиологии в Советской Грузии // Успехи современной биологии. 1947. Т. 24, вып. 2. С. 185–204. Статья увидела свет без редакционного примечания.

¹ Речь идет о рукописи будущей книги Н.И. Вавилова: "Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использовании в селекции. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур". Она была опубликована лишь в 1957 г. – через 10 лет. В 1960 г. она была издана на английском языке.

¹ Обсуждение в Бюро ОБН вопроса о внутривидовой конкуренции состоялось 11 декабря 1947 г.

² Информация об обсуждении в Бюро ОБН вопроса о внутривидовой конкуренции была опубликована в "Вестнике АН СССР". В решении Бюро было сказано: "В обмене мнениями приняли участие Т.Д. Лысенко, И.И. Шмальгаузен, Е.Н. Павловский, В.Н. Сукачев, П.А. Баранов, А.А. Авакян, сотрудники АН СССР. Бюро пришло к следующим выводам: 1. Внутривидовая борьба имеет место в природе. 2. Необходимо широко развернуть экспериментальные исследования по изучению разнообразных форм взаимоотношений организмов. 3. Необходимо освободить терминологию в области изучения борьбы за существование – разработать более рациональную терминологию, освободив ее, по возможности, от антропоморфизма. 4. Нет никаких оснований квалифицировать даже отдельные выступления, имевшие место во время беседы, как мальтузианство или ламаркизм" (Вестн. АН СССР. 1948. № 3. С. 106).

³ См. коммент. к письму № 82.

¹ Г. Мансфельд – венгерский физиолог. В 1947 г. во время XVII Международного физиологического конгресса в Оксфорде встречался с советскими учеными, в частности с Орбели, как руководителем советской делегации. Известно, что на конгрессе Мансфельд неоднократно выражал благодарность Советской Армии, освободившей его из гитлеровского концентрационного лагеря. По-видимому, Мансфельд, воспользовавшийся встречей, просил Орбели узнать о судьбе своей жены Гезы Мансфельд.

¹ Результаты этих исследований были подытожены в монографии: В.П. Демихов. Пересадка жизненно важных органов в эксперименте: Опыты по пересадке сердца, легких, головы, почек и других органов. М.: Медгиз, 1960. 259 с.

¹ В "Успехах современной биологии" (Т. 26, вып. 1. С. 515–530) в 1948 г. была опубликована статья М.Х. Чайлахяна "Природа веществ ускоряющих и задерживающих цветение растений, и теория Кребса". Предполагаем, что речь идет об одной и той же статье, опубликованной под другим названием. В атмосфере засилия лысенковщины в биологии, когда слово "фитогормоны" было таким же запрещенным, как "ген" и "хромосома", иначе было нельзя, как замаскировать истинное название.

² Редактором журнала "Агробология" был Т.Д. Лысенко.

¹ Письмо почти аналогичного содержания было направлено на имя Ю.А. Жданова: "Я не могу не обратить Ваше внимание на крайне нездоровую атмосферу, создающуюся в последние годы для моей работы, – писал Шмальгаузен Ю.А. Жданову. – Все мои труды, посвященные эволюционным проблемам, получили весьма высокую оценку со стороны специалистов (проф. И. Презента как человека, лишенного биологического образования, я не могу считать специалистом). Положительные отзывы о моих книгах: "Советская книга". № 6. 1947; "Зоологический журнал". 1946. Т. 26, вып. 6; "Успехи совр. биологии". 1948. Т. 25).

С другой стороны, в различные руководящие органы побочно подаются в секретном порядке всевозможные записки и критические работы клеветнического характера, с которыми я не могу ознакомиться и на которые я не могу ответить. Казалось бы более правильным при наличии каких-либо сомнений организовать дискуссию в Академии наук или в Университете, а не давать ход закулисным обвинениям.

Между тем последние, очевидно, производят впечатление на руководящие органы и создают для меня очень тяжелую обстановку для работы.

Так как я не в состоянии дать все объяснение в краткой записке, я прошу Вас принять меня для личной беседы" (АРАН. Ф. 1504. Оп. 3. Д. 27. Л. 4).

Письмо написано за 23 дня до открытия трагической для науки сессии ВАСХНИЛ. Судьба Шмальгаузена и других выдающихся биологов уже была предрешена. Дискуссия не состоялась ни в АН, ни в университете. Была сессия ВАСХНИЛ, в результате которой Шмальгаузен был не только отстранен от должности директора Института эволюционной морфологии АН СССР (Институт фактически был ликвидирован), но и лишился руководства аспирантами.

² Л.А. Орбели не мог ничем помочь Шмальгаузену, так как был освобожден от должности академика-секретаря ОБН АН СССР.

¹ Сессия ВАСХНИЛ проходила с 31 июля по 12 августа 1948 г. Приглашение было отправлено за три дня до открытия сессии. Л.А. Орбели не принимал участие в ее работе.

¹ Речь идет о сессии ВАСХНИЛ 1948 г., в результате которой постановлением Президиума АН СССР от 27 августа Л.А. Орбели был освобожден от должности академика-секретаря ОБН АН СССР.

² Речь идет о хромосомной теории наследственности Т. Моргана.

³ Расширенное заседание Президиума АН СССР по вопросу о состоянии и задачах

биологической науки в институтах и учреждениях АН СССР состоялось 24–26 августа 1948 г. Материалы заседания были опубликованы в "Вестнике АН СССР" (1948. № 9).

⁴ Вскоре после сессии ВАСХНИЛ Л.А. Орбели потерял свою единственную дочь Марию (1916–1949) – талантливого биофизика.

92.

¹ К ходатайству Л.А. Орбели была приложена записка Московской группы пенсионеров – научных работников о персональной пенсии Л.А. Левандовской-Лемпицкой: "Лемпицкой 89 лет, одинока, живет в Алушке в страшной нужде, почти голодая. В свое время об этом хлопотал И.П. Павлов, но не успел довести дело до конца" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 222. Л. 65).

94.

¹ Автор письма В.В. Оппель – сестра незаконно осужденного в 1942 г. биохимика В.В. Опделя, сотрудника Л.А. Орбели. Начиная с августа 1945 г. Орбели неоднократно обращался к Прокурору СССР К.П. Горшенину с просьбой "разобраться с необходимой объективностью с учетом моего поручительства за его советский образ мышления, за его преданность и любовь к своему отечеству и народу" (подробно см.: Н.А. Григорьян. Академик Л.А. Орбели и его окружение // Вестн. АН СССР. 1992. № 5. С. 133, 139).

² Речь идет о Владимире Андреевиче Оппеле – профессоре хирургии ВМА.

96.

¹ Письмо принципиально важно как свидетельство двух взаимоисключающих процессов: научная общественность заслуженно считала Орбели высоким авторитетом в физиологии высшей нервной деятельности. Одновременно в тайне от физиологической и медицинской общественности готовилась так называемая павловская сессия. Именно Орбели просили прочитать лекцию о значении учения Павлова для клинической медицины. Имеются и другие документы аналогичного содержания, в частности письмо директора ГИДУВа Знаменского от 10 марта 1950 г.

97.

¹ Речь идет о статьях академика-секретаря АМН СССР С.А. Саркисова "Учение И.П. Павлова и медицинская наука" и академика А.Д. Сперанского "О современном состоянии медицинской науки", опубликованных в газете "Медицинский работник" 9 и 16 февраля 1950 г. В них отражена атмосфера в обществе, в частности в медицине, в самом начале 1950-х годов. В духе научной политики того времени обсуждались два вопроса: учение И.П. Павлова и отечественный нервизм в борьбе против метафизической реакционной теории целлюлярной патологии Р. Вирхова. Редакция газеты призывала всех медицинских работников высказаться на ее страницах по затронутым вопросам. "Дискуссия" длилась четыре месяца: с 9 февраля по 1 июня 1950 г. В ней приняли участие многие известные ученые – представители теоретической и практической медицины. Приведем лишь одно характерное высказывание Е.И. Смирнова – министра здравоохранения СССР: "Как можно, понимая и утверждая ведущую роль нервной системы, доказывать, что все-таки есть и гуморальная регуляция? По существу, проф. А.И. Струков хочет сказать, что гуморальная регуляция есть такая же равномерная, равноправная регуляция в организме, как и нервная". Было предложено коренным образом перестроить преподавание физиологии в медицинских институтах с тем, чтобы преподавалась именно "павловская" физиология.

² Газета "Медицинский работник" 13 апреля писала о том, что, наконец, дискуссия перешла в научно-исследовательские институты Ленинграда. Обсуждение, однако, состоялось лишь в ИЭМе (доклады Д.Н. Насонова, К.М. Быкова и С.В. Аничкова). Сведениями о дискуссии в ГИДУВе и об участии в ней Л.А. Орбели (о чем говорится в данном письме) мы не располагаем. И в "Медицинском работнике" об этом ничего нет, хотя на его страницах регулярно из номера в номер печатались все материалы по данной теме. Основные физиологические институты Ленинграда, руководимые Л.А. Орбели, остались в стороне от обсуждения и "осуждения" Р. Вирхова. Не успела закончиться "дискуссия" по целлюлярной патологии, как началась другая – Объединенная сессия АН СССР и АМН СССР (29 июня – 4 июля 1950 г.).

¹ Письмо написано под впечатлением Объединенной сессии АН СССР и АМН СССР (1950 г.).

¹ В своем первом выступлении на Объединенной сессии 30 июня 1950 г. Л.А. Орбели не согласился с основными положениями докладов К.М. Быкова и А.Г. Иванова-Смоленского о состоянии физиологической науки в СССР (Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. Стенографический отчет. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 164–177).

¹ На основе отрицательных отзывов К.М. Быкова и А.Г. Иванова-Смоленского план научно-исследовательских работ группы Л.А. Орбели на 1952–1955 гг. не был утвержден ни на IV, ни на VIII сессии Научного совета по проблемам физиологического учения И.П. Павлова (Подробнее об этом см.: Л.Г. Лейбсон. Академик Л.А. Орбели Л.: Наука, 1990. С. 122–149, 153–171). Между тем в плане были предусмотрены исследования по физиологии высшей нервной деятельности человека, работа в детской и психиатрической клиниках Ленинграда.

¹ См. коммент. к письму № 100.

² Научный совет с обсуждением доклада Л.А. Орбели состоялся 27 декабря 1952 г.

¹ Л.А. Орбели поздравил Н.Н. Петрова с 35-й годовщиной Октябрьской революции.

¹ Содержание письма по черновику из Личного архива Л.А. Орбели дано в кратком изложении в книге Л.Г. Лейсона. "Академик Л.А. Орбели". Л.: Наука, 1990. С. 155–156.

² Одновременно с письмом Орбели направил две рукописи: "К вопросу о двух сигнальных системах" и "Объективное и субъективное в физиологии высшей нервной деятельности" (опубликованы посмертно: Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 3. С. 442–469).

³ Вместо Сталина свое мнение о взглядах Орбели высказал Ю.А. Жданов в следующей записке Г.М. Маленкову.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС ТОВАРИЩУ МАЛЕНКОВУ Г.М.

В письме на имя товарища Сталина академик Л.А. Орбели просит рассмотреть записки "Объективное и субъективное в физиологии высшей нервной деятельности" и "К вопросу о двух сигнальных системах", в которых он излагает свои взгляды на принципы изучения высшей нервной деятельности человека.

Записки Л.А. Орбели были направлены на рассмотрение Научного совета по проблемам физиологического учения И.П. Павлова при Президиуме АН СССР. Научный совет с участием Л.А. Орбели 27 декабря 1952 г. и 14 января с.г. обсудил записки Л.А. Орбели и сделал заключение о них.

Научный совет отметил, что академик Л.А. Орбели в записках отстаивает допущенные им ошибки в области физиологии, подвергнутые справедливо критике на Объединенной сессии по физиологии в 1950 г. Л.А. Орбели не считается критикой сессии, игнорирует постановление сессии, в котором была дана развернутая характеристика его антипавловских взглядов.

Л.А. Орбели по-прежнему отстаивает субъективно-идеалистические взгляды в науке. Он ошибочно утверждает, что объективный метод условных рефлексов, разработанный И.П. Павловым для изучения головного мозга животных, является недостаточным и односторонним при изучении высшей нервной деятельности человека и поэтому предлагает дополнить его так называемым субъективным методом. Л.А. Орбели утверждает, что высшая нервная деятельность человека имеет две формы проявления: реакция человека на изменение внешней среды и субъективные переживания человека. Для изучения первой формы проявления, по его мнению, законно применять объективный метод изучения условных рефлексов, для второй – метод учета субъек-

тивных переживаний. Орбели пытается представить дело таким образом, что метод условных рефлексов позволяет лишь констатировать возникновение и развитие внешних реакций животных и человека. В действительности же, как это хорошо известно, этот метод позволяет познать законы внутренней работы головного мозга. Неверие Орбели в силу и истинность объективного метода Павлова приводит его к утверждению необходимости дополнить этот метод неким субъективным методом. Орбели игнорирует тот факт, что, пользуясь методом условного рефлекса, Павлов и павловцы установили и устанавливали законы работы головного мозга. Пользуясь методом описания субъективных переживаний человека, который пропагандирует Орбели, не удалось вскрыть ни одной закономерности в деятельности головного мозга.

Научный совет отметил, что Л.А. Орбели в науке отстаивает позиции "физиологического идеализма", кантианства. Он предлагает физиологам пойти по пути описания субъективных состояний, а через них – к пониманию законов нервной деятельности. Орбели пытается доказать, что ощущения, представления и другие подобные субъективные переживания являются отражением физиологических процессов, протекающих в головном мозгу, а не субъективными образами объективного вне нас существующего мира.

Орбели продолжает дискредитировать И.П. Павлова и клеветать на него. Он догматически заявляет, что И.П. Павлов спасовал перед трудностью изучения высшей нервной деятельности человека и не ставил перед собой задачи изучения и понимания субъективных переживаний человека. Фальсифицируя высказывания Павлова, Орбели пытается доказать, что в своих представлениях о путях изучения высшей нервной деятельности он исходит из идей Павлова, продолжая их развивать. Он пытается убедить читателей своих записок, что применение субъективного метода в физиологии явится высшим этапом в развитии учения Павлова об условных рефлексах.

Научный совет пришел к выводу, что в понимании задач физиологии высшей нервной деятельности человека академик Орбели коренным образом расходится с И.П. Павловым. Продолжая отстаивать свои ошибочные взгляды, академик Орбели остается противником павловского материалистического учения и ставит себя в ряды сторонников идеалистического мировоззрения.

Научный совет также заслушал и обсудил доклад академика Орбели о научно-исследовательской работе руководимых им физиологических лабораторий Естественно-научного института имени П.Ф. Лесгафта и групп для индивидуальной работы АН СССР и АМН СССР и содоклад комиссии Научного совета (профессоры Д.А. Бирюков, Н.И. Красногорский, П.С. Купалов) по проверке выполнения рекомендаций, данных академику Орбели на IV сессии Совета (8 июня 1951). Научный совет в своем постановлении по этому вопросу отметил, что научные исследования академика Орбели и его сотрудников после Объединенной сессии по физиологии не развивались по пути правильной разработки павловского учения.

Научный совет признал, что после Объединенной сессии физиологи ведут недостаточную борьбу с чуждыми материалистическому учению И.П. Павлова взглядами и принял решение, направленное на усиление критики вредных взглядов Л.А. Орбели и его сторонников.

Считаю заключение Научного совета по запискам Л.А. Орбели правильным.

Ю. Жданов, 6.II.1953.

На записке Ю. Жданова резолюция Г.М. Маленкова: "Ознакомить секретариат, Чеснокову и Румянцеву. 9.II.53. Внизу пометка: в Архив. 18.IV.53. Согласовано с Сухановым (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 208–210).

Следует подчеркнуть, что за месяц до письма Орбели Сталину ближайшие ученики Орбели – З.И. Барбашова и А.В. Войно-Ясенецкий – для предупреждения очередного разгрома Орбели на VIII сессии Научного совета также обращались к Сталину с письмом:

"Дорогой Иосиф Виссарионович!"

Мы имеем серьезные основания находиться в крайней тревоге за исход предстоящего Научного совета. Учитывая, что Орбели является не рядовым физиологом, а ученым мирового масштаба..., мы не можем безразлично отнестись к предстоящему и обращаемся к Вам, Иосиф Виссарионович, за помощью.

Причиной нашей серьезной тревоги служат события за истекшие 2 года, та обстановка, в которой вынужден был работать академик Орбели.

Чтобы помочь Орбели и лучше разобраться в ошибках Орбели, пятеро из нас, учеников Орбели, поступили в Университет марксизма-ленинизма. Создалось невыносимое положение для работы. Факты следующие:

1) Нас называют "антипавловской" группировкой. Это в настоящих условиях звучит почти как "антисоветской". Не пускают в новый штат серьезных работников и особенно членов партии. Пожелавшей работать у Орбели д.м.н. Зимкиной А.М. заместитель директора Института физиологии АН СССР Айрапетянц заявил, что он ее отпустит при условии, если она будет информировать руководство Института физиологии о том, что делается у Орбели и будет выполнять даваемые ей инструкции.

Не пустили Воскресенскую А.К., Клаас Ю.А., Кольцову М.М., а при приеме Кольцовой в партию в 1952 г. инкриминировали ей желание перейти работать к Орбели.

Стараниями руководящих физиологов лаборатория Орбели напоминает сейчас нечто вроде лепрозория, куда никто не решается пойти работать, а мы представляем род прокаженных, которых все сторонятся.

2) Работы Орбели нельзя цитировать.

3) Выполненные под руководством Орбели работы печатаются без указаний, что они выполнены под его руководством. Из 40 статей, опубликованных в "Физиологическом журнале СССР" и "Журнале высшей нервной деятельности" за истекшее после Объединенной сессии 2 года от имени Физиологического института, руководимого Быковым, 32, действительно, выполнены в институте, руководителем которых был Орбели.

4) Мы находимся в изоляции... когда мы пытались посещать методологические семинары в Институте физиологии, нас туда не пустили. Наши работы и доклады игнорируются ведущими физиологами.

5) Орбели пришлось уйти из Института усовершенствования врачей, так как начались разговоры о том, что он забивает головы врачей антипавловскими теориями.

6) Орбели вынужден был прекратить посещение психиатрической детской клиники Педиатрического института, где мы плодотворно работали в содружестве с врачами-психиатрами. Попытки понять причину ни к чему не привели. Заведующий горьздравом Похвалин В.П. отказался принять Орбели, когда он обратился к нему за разъяснениями.

7) Отдельные, ныне руководящие физиологи все больше и больше сгущают атмосферу, представляя Орбели общественному мнению: как лжеученого, воинствующего идеалиста и чуть ли не вредителя.

Айрапетянц играет большую роль в формировании общественного мнения, так как без всякого стеснения спекулирует именем ЦК партии, изображает дело так, будто каждое его слово есть слово ЦК.

8) Тяжелые условия и в самом ЕНИ имени П.Ф. Лесгафта: директор института А.А. Шибанов, учитывая все более и более сгущающуюся атмосферу вокруг Орбели и боясь неприятностей для себя лично из-за того, что в его институте работает такой "мракобес" и "воинствующий идеалист", проводит политику самостраховки.

Атмосфера на Научном совете при докладе Орбели в июне 1951 г. – в результате произошел срыв с.н.д. у Орбели. В первый день Орбели спокойно изложил свое отношение к критике по его адресу на Сессии, отвечал на вопросы. Но уже было очевидно, что вопросы задают не столько ради выяснения истины, сколько вывести из равновесия и запутать. На другой день Быков, открывая заседание, обратился к Орбели с заявлением, сделанным в откровенно грубой и оскорбительной форме, направленным на ограничение права Орбели обосновать свою точку зрения на предлагаемый ему тот или иной вопрос. Цель была достигнута. Орбели потерял самообладание. Все, что произошло на последующих заседаниях, носило характер хладнокровного избияния шестидесятидевятого человека, потерявшего способность управлять своими мыслями.

Нам, присутствующим при этом, было стыдно за ученых, облеченных доверием партии и правительства, когда эти ученые, забыв лежащий на них высокий долг, не гнушались никакими средствами в обвинении Орбели в неискренности, идеализме, антипавловских взглядах.

Дело кончилось тем, что академик Орбели, едва поднявшись для произнесения своего заключительного слова, тут же упал в кресло, не будучи в силах произнести

ничего, кроме просьбы поверить в его искреннее желание работать на благо любимой Родины.

После этой "дискуссии" на Научном совете Орбели впал в крайне тяжелое моральное состояние.

...Отзывы Быкова и Иванова-Смоленского о плане исследований Орбели свидетельствуют, что они активно ПРОТИВОДЕЙСТВУЮТ плодотворной работе Орбели, НЕ ХОТЯТ допустить, чтобы он выполнял ими же самими предъявленные требования об изучении СНС.

Мы знаем, что если Орбели не поддержать сейчас и предоставить Научному совету продолжать прежнюю линию в отношении Орбели, то это будет не только последним его выступлением, но и концом его научной деятельности. Повторение обстановки, в которой он оказался в Научном совете в прошлом году, ... приведет к новому нервному потрясению, от которого он уже не оправится.

Мы просим поставить Научный совет перед необходимостью выполнить возложенные на него обязанности беспристрастно и по-деловому.

Только ЦК партии может это сделать!

Глубоко преданные Вам

кандидат биологических наук, член КПСС (партбилет № 7771700)

З.И. Барбашова,

кандидат биологических наук

А.В. Войно-Ясенецкий.

2 ноября 1952 г. Ленинград.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 17-36. Печатается с сокращениями.

На это обращение последовала записка Ю.А. Жданова секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову.

"Научные сотрудники ЕНИ имени Лесгафта Барбашова З.И. и Войно-Ясенецкий пишут о якобы неблагоприятной обстановке, в которой протекает научная работа академика Л.А. Орбели после дискуссии по физиологии, происходившей в 1950 г.

Авторы письма выступают яркими защитниками позиций академика Орбели в физиологии. Из их письма следует, что академик Орбели лишь в прошлой научной деятельности допустил ошибку, написав в 1908 г. предисловие к своей диссертации, в котором защищал позицию Канта в философии. Авторы ни словом не упоминают о своем отношении к постановлению сессии по физиологии в 1950 г., в котором сказано: "В ходе сессии было с полной ясностью установлено, что академик Л.А. Орбели и группа его ближайших ученых (профессоры Гинецинский, Лебединский, Алексанян и др.) пошли по неправильному пути, сбивали исследователей и нанесли ущерб развитию учения Павлова. Свободная дискуссия, проводившаяся на сессии, вскрыла всю ошибочность позиции акад. Л.А. Орбели, который в ряде случаев подменял взгляды И.П. Павлова своими ошибочными высказываниями.

Авторы письма пытаются представить критику взглядов академика Орбели после сессии со стороны Научного совета по проблемам физиологического учения И.П. Павлова и других физиологов, как недобросовестную, необоснованную. Вместе с тем эта критика была лишь продолжением и углублением критики ошибок Л.А. Орбели, развернутой на дискуссии по физиологии в 1950 г.

После дискуссии по физиологии акад. Л.А. Орбели не выступал в научной печати с изложением своего отношения к критике допущенных им ошибок в науке, а предпочитает отмалчиваться.

Письмо сотрудников академика Л.А. Орбели З.И. Барбашовой и А.В. Войно-Ясенецкого показывает, что в научном коллективе, которым в настоящее время руководит Л.А. Орбели, не вскрыты ошибки академика Л.А. Орбели в физиологии, что в этом коллективе нет должной критики и самокритики в научной работе.

Утверждения авторов письма о том, что академик Орбели не имеет условий для ведения научно-исследовательской работы, не соответствуют действительности. Академик Л.А. Орбели является заведующим физиологической лабораторией ЕНИ имени Лесгафта. Кроме того, Президиум АН СССР создал физиологическую группу в составе 11 научных и 7 технических сотрудников для научной работы под руководством академика Л.А. Орбели.

Научный совет по проблемам физиологического учения И.П. Павлова при Президиуме АН СССР в декабре с.г. заслушает отчет о научной работе лабораторий, руководимых академиком Л.А. Орбели. Члены Научного совета профессора П.С. Купалов и Д.А. Бирюков провели проверку научной работы этих лабораторий и результаты проверки доложат Научному совету.

З.И. Барбашова вызывалась в Отдел естественных и технических наук и вузов ЦК КПСС для беседы".

Ю. Жданов, 11. XII. 52 г.

На записке резолюция Суслова: в архив. 13.XII.52.

(РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 260. Л. 15–16).

105.

¹Просьбу Л.А. Орбели Сталину передал Ю.А. Жданов. См. коммент. 3 к письму № 104.

106.

¹Л.А. Орбели не был принят Г.М. Маленковым.

107.

¹2 апреля 1953 г. академик-секретарь АПН РСФСР на обращение Орбели написал: "В дополнении и в разъяснении к моему письму на имя директора Института А.А. Шибанова сообщая, что возражений против временного продолжения работы группы АН в Институте им. Лесгафта – впредь до представления ей другой базы – нет" (Личный архив Л.А. Орбели).

108.

¹После Объединенной сессии А.Г. Гинецинский как ученик Орбели был освобожден от всех должностей. Он вынужден был покинуть Ленинград и уехать в Новосибирск.

109.

¹А.Г. Гинецинский заведовал кафедрой нормальной физиологии Новосибирского медицинского института.

²Л.А. Орбели неоднократно рекомендовал свою ученицу А.В. Тонких для избрания членом АН СССР, но безуспешно.

³В 1953 г. Орбели не представлял Гинецинского в АМН СССР.

⁴Гинецинский вернулся в 1955 г. и вновь стал сотрудником и помощником Орбели в Институте эволюционной физиологии АН СССР.

110.

¹Речь идет о письме В.В. Парина от 12 января 1954 г. с просьбой "принять и приютить дочь Нину" – студентку V курса медицинского института в Ленинграде (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 847. Л. 1–2). В письме от 21 января 1954 г. Парин благодарил Орбели "за доброе отношение к себе и гостеприимство по отношению к дочери".

111.

¹В ответ на просьбу Л.А. Орбели и.о. директора Института истории естествознания и техники АН СССР член-корреспондент АН СССР А.М. Самарин 11 марта 1954 г. писал К.В. Островитянову, что в соответствии с ходатайством академика Л.А. Орбели Институт не возражает против освобождения младшего научного сотрудника М.И. Радовского от работы в Ленинградском отделении института и переводе его в группу для индивидуальной работы академика Л.А. Орбели (АРАН. Ф. 411. Оп. 59. Д. 1561. Л. 29). Распоряжением Президиума АН СССР от 14 апреля 1954 г. М.И. Радовский был переведен в группу для индивидуальной работы академика Л.А. Орбели (Там же. Л. 28).

Биограф Л.А. Орбели Л.Г. Лейбсон отметил, что инициатива предложения Редакции научно-биографической серии написать монографию о жизни и научной деятельности Л.А. Орбели "отчасти принадлежит М.И. Радовскому". Радовский написал небольшую заметку о Л.А. Орбели "Сподвижник великого Павлова: Из материалов к биографии Героя Социалистического труда академика Л.А. Орбели (Природа. 1962. № 12. С. 74–76).

¹В личной беседе 26 января 1993 г. дочь А.Г. Гинецинского – Т.А. Гинецинская сообщила, что история организации лекций Орбели "Избранные главы эволюционной физиологии" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 298–409) связана с именами академиков А.Д. Александрова и А.Л. Тахтаджяна. Известный математик А.Д. Александров в 1950-е годы был ректором Санкт-Петербургского университета, а А.Л. Тахтаджян – деканом биологического факультета. Они решили в ответ на сессию 1950 г. организовать лекции Орбели в университете. Для этого был выделен актовй зал и издан специальный приказ по университету. Узнав об этом, "быковцы" развернули большую деятельность по срыву лекций Орбели. Особенно старался Айрапетянц. Однако им не удалось отменить приказ, хотя актовй зал они "отвоевали". Таким образом, "Избранные главы" по эволюционной физиологии Орбели читал в аудитории № 90 биологического факультета. Небольшая аудитория была переполнена слушателями, многие стояли и сидели в проходе. На эти лекции собирались биологи со всего Ленинграда. Еженедельно по четвергам с 18 февраля по 15 апреля 1954 г. Орбели прочитал 8 лекций.

¹Ученик Орбели А.П. Бресткин, проводивший в 1950 г. на Дальнем Востоке исследования по усовершенствованию методов проведения глубоководных спусков, писал: "Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Н.Г. Кузнецов хорошо знал Леона Абгаровича и ценил работу, которой он руководил. Экспедиция прошла вполне удачно" (Л.А. Орбели в воспоминаниях современников. Л.: Наука, 1983. С. 39). Работа по глубоководным спускам (М.П. Бресткин, И.А. Александров и З.С. Гусинский) была в 1952 г. удостоена Государственной премии СССР.

²После некоторого перерыва, связанного с "павловской" сессией, исследования по изучению теоретических основ глубоководных спусков были возобновлены. Осенью 1954 г. при Президиуме АН СССР была создана специальная Комиссия во главе с Орбели. Для этой работы были приглашены полковник З.С. Гусинский, старший лейтенант И.И. Вискребенцев и др. Необходимо было решить трудный вопрос об увеличении разборчивости речи водолаза при дыхании гелио-кислородными газовыми смесями в условиях высокого давления. По представлению Орбели к работе Комиссии были привлечены три института, водолазные специалисты. Техническое решение проблемы вскоре было найдено. Писклявая "гелиевая" речь водолаза преобразовывалась в обычную. Орбели говорил, что это его последняя радость.

¹Отсрочка Г.Е. Лондону была предоставлена.

¹Выступал ли Л.А. Орбели с докладом в лаборатории Асратяна, нам не известно.

¹См. коммент. 1 к письму № 113.

¹См. коммент. 1 к письму № 113.

¹Л.С. Штерн была репрессирована и находилась в Казахстане с 1948 по 1954 г. По-видимому, речь идет о НКВД. Л.А. Орбели высоко ценил труды Штерн. Он писал, что Штерн разрабатывает вопросы центральной нервной системы в несколько ином аспекте – химическом, изучают метаболиты мозга. Л.С. Штерн создала учение о гематоэнцефалическом барьере, барьере между кровотоком и центральной нервной системой.

²Речь идет о Биофизическом институте АН СССР, в котором Л.С. Штерн заведовала физиологической лабораторией со 2 марта 1954 г. после возвращения из Казахстана.

120.

¹Среди 24 физиков, химиков и математиков Межведомственной комиссии Л.А. Орбели был единственным биологом. В феврале 1955 г. постановлением Президиума АМН СССР была создана Комиссия по исследованию и использованию космического пространства. Председателем комиссии был В.Н. Черниговский (в те годы вице-президент АМН СССР), вторым в списке членов комиссии был Л.А. Орбели.

121.

¹Специальное здание для Института эволюционной физиологии АН СССР было построено в Ленинграде в районе Поклонной горы на Старопарголовском проспекте (ныне пр-т М. Тореза, д. 44), куда Институт переехал в 1959 г.

122.

¹Орбели поздравил А.В. Палладина с 70-летием со дня рождения.

125.

¹Просьба Л.А. Орбели была удовлетворена. 26 ноября 1955 г. вице-президент АН СССР И.П. Бардин утвердил БИНу дополнительно на 1955 г. штатную единицу для зачисления Слепян Э.И. (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 26. Л. 68).

126.

¹См. коммент. к письму № 121.

127.

¹И.С. Бериташвили считал, что в президиуме Всесоюзного физиологического общества отсутствовали крупные ученые, основатели школ.

²Имеется в виду очередной Международный физиологический конгресс в Брюсселе в 1956 г.

³После "павловской" сессии резко ухудшилась ситуация в физиологии, как в научном, так и нравственном отношении. Были разгромлены целые школы, в том числе И.С. Бериташвили, Н.А. Рожанского (Ростов-на-Дону), Л.С. Штерн и др.

⁴VIII Всесоюзный физиологический съезд (май 1955 г.) осудил "деятельность" Научного совета. В "Постановлении" съезда существенным недостатком в работе Центрального совета отмечался "ряд извращений со стороны павловского научного совета, монополизм положения его активных деятелей" (Физиол. журн. СССР. 1956. Т. 12, № 6. С. 530).

⁵В письме президенту АН СССР А.Н. Несмеянову Бериташвили писал, что его участие в работе Международного конгресса зависит от состава делегации (Архив АН ГССР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47/3. Л. 3).

⁶В декабре 1955 г. Бериташвили исполнилось 70 лет. Ни один центральный журнал биологического профиля не отметил эту юбилейную дату. Публикации были только на грузинском языке в местной прессе.

⁷Следует уточнить, что в сентябре 1954 г. для Орбели была создана Лаборатория эволюционной физиологии, а в 1956 г. – Институт эволюционной физиологии АН СССР.

128.

¹В связи с письмом Л.А. Оганесяна следует напомнить о намерении И.П. Павлова представить труды Орбели по физиологии СНС на Нобелевскую премию. Рекомендую Орбели для избрания академиком в представлении Президиуму АН СССР 22 декабря 1931 г., Павлов писал: "Орбели разрабатывается тема исключительного значения, решается положительно вопрос фундаментальный... вопрос о трофической иннервации. Сообщение о результатах этой работы на Международном физиологическом конгрессе в Америке вызвало живейший интерес среди членов конгресса и привело к приглашению Леона Абгаровича для прочтения лекций об этой работе в университетах Америки. В этом году я представляю эту работу на соискание Нобелевской премии, вероятно, со многими иностранными физиологами и считаю очень вероятным удостоение ее этой премии" (Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1949. Вып. 8. С. 102–103).

129.

¹Л.А. Орбели поздравил Л.А. Оганесяна с 70-летием со дня рождения.

130.

¹Л.А. Орбели не принимал участие в работе Закавказского съезда физиологов, биохимиков и фармакологов.

²См. коммент. 2 к письму № 127.

131.

¹См. коммент. к письму № 128.

132.

¹Впервые Орбели рекомендовал А.Г. Гинецинского для избрания членом АН СССР в 1943 г. Однако Гинецинский так и не был избран. Подробнее об этом см. коммент. 6 на с. 284.

²В Физиологическом институте АН СССР А.Г. Гинецинский в 1935 г. создал лабораторию нервно-мышечной физиологии. Кафедра физиологии в Ленинградском педиатрическом институте была основана в 1932 г., а в Новосибирском медицинском институте – в 1951 г.

³Речь идет о руководстве "Основы физиологии человека и животных" (1947 г., совм. с А.В. Лебединским) и "Практический курс физиологии" (1933 г., совм. с Л.Г. Лейбсоном).

⁴А.Г. Гинецинский не был избран в АН СССР.

133.

¹"Атлас мозга собаки" – авторы О.С. Адрианов и Т.А. Мering – был издан в 1958 г. (М.: Медгиз. 238 с.). Он был подготовлен Институтом мозга АМН СССР, директором которого был С.А. Саркисов.

134.

¹Л.А. Орбели хорошо знал историю науки. Он был членом первого состава совета ИИЕиТ АН СССР. По свидетельству слушателей и учеников в своих лекциях он уделял истории той или иной проблемы достаточно внимания. А.П. Бресткин приводил слова Орбели: "В старых работах имеется немало теоретических и экспериментальных идей, которые с успехом можно использовать сегодня на новом, более совершенном научном и техническом уровнях" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 344. Л. 89). Личный архив выдающегося физиолога, ученика И.П. Павлова и И.М. Сеченова, профессора Казанского (1903–1930 гг.) и Московского (1924–1930 гг.) университетов А.Ф. Самойлова бережно хранился у его младшей дочери А.А. Самойловой. При поддержке его учеников – В.В. Парина и Х.С. Коштойнца, высоко оценивших научное значение архива Самойлова, он был приобретен в 1957 г. АРАН.

²Некоторые письма названных ученых, а также коллективное письмо русских композиторов опубликованы в монографии: Григорьян Н.А. Александр Филиппович Самойлов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 202 с.

³Том "Избранных трудов" А.Ф. Самойлова под редакцией В.В. Парина увидел свет в 1967 г., к 100-летию со дня рождения А.Ф. Самойлова. Инициатива Л.Я. Бляхера возродила интерес к изучению творчества и личности Самойлова. Были отмечены 90-летие (1967 г.), 100-летие и 125-летие (1992 г.) со дня рождения А.Ф. Самойлова; с докладом выступали В.В. Парин, Л.М. Рахлин, А.В. Кибяков, М.В. Кирзон, Н.А. Григорьян и др.

135.

¹Избрание В.В. Парина академиком-секретарем АМН СССР в 1957 г. имело принципиальное значение, означало полную его реабилитацию. С 1947 по 1954 г. Парин был арестован и находился во Владимирской тюрьме.

136.

¹20 декабря 1957 г. на Объединенном заседании Ученых советов Ботанического института АН СССР и Института цитологии АН СССР под председательством Д.Н. Насонова было принято решение о присуждении Н.В. Тимофееву-Ресовскому уче-

ной степени доктора биологических наук без защиты диссертации. С отзывами выступили академики В.Н. Сукачев, И.И. Шмальгаузен, члены-корреспонденты АН СССР Д.Н. Насонов, П.А. Баранов. Однако ВАК не утвердил решение ученых советов. Степень доктора биологических наук Н.В. Тимофееву-Ресовскому была присуждена в 1961 г.

²Н.В. Тимофеев-Ресовский направил Л.А. Орбели отписки своих работ, о чем свидетельствует его письмо Орбели (см. письмо № 137).

138.

¹Монография В.Л. Меркулова "Алексей Алексеевич Ухтомский. Очерк жизни и научной деятельности" увидела свет в 1961 г. (М.; Л.: Изд-во АН СССР. 315 с.) под редакцией Э.А. Асратяна.

139.

¹Ходатайство о присвоении А.В. Лебединскому звания заслуженного деятеля науки РСФСР было возбуждено МЗ СССР. С просьбой дать отзыв о научной деятельности Лебединского к Орбели обратился 5 сентября 1957 г. член коллегии МЗ СССР А.И. Бурназян. А.В. Лебединскому было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

140.

18 июля 1957 г. научная общественность широко и торжественно праздновала 75-летие со дня рождения Л.А. Орбели.

²Об отношении И.П. Павлова к генетике Л.В. Крушинский писал следующее: "В начале 20-х годов Павлов поручил Студенцову изучить наследование условных рефлексов у мышей. На эти опыты, не давшие положительных результатов, часто ссылались, причисляя Павлова к сторонникам наследования приобретенных признаков. Это вынудило Павлова в письме Гуттену изложить свою точку зрения по этому вопросу (13 мая 1927 г., "Правда"). В течение всей дальнейшей жизни Павлов стоял на строго генетических позициях. Им была создана в Колтушах лаборатория по изучению генетики высшей нервной деятельности, перед зданием которой памятник Г. Менделю. В качестве постоянного консультанта в своих генетических исследованиях Павлов пригласил крупнейшего генетика-невропатолога Давиденкова; он консультировался также у Кольцова" (Генетика и филогенетика поведения животных // Крушинский Л.В. Избр. труды. М.: Наука, 1991. С. 186).

³Под руководством Л.А. Орбели в Колтушах Л.В. Крушинский выполнил исследование: "Наследование пассивно-оборонительного поведения (трусости) в связи с типами нервной системы у собак" (Труды института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 39–62).

141.

¹Марк Поповский в книге "Дело академика Вавилова" привел ряд фактов, свидетельствующих об искренней любви и уважении Орбели к Н.И. Вавилову и вместе с тем о его бессилии защитить и спасти гениального ученого. В специальной записке, подводящей итог многолетней слежки за Н.И. Вавиловым в начале 1939 г. заместитель Берия Б.С. Кабулов причислил Орбели к противникам Лысенко. Ученица Вавилова – Е.Н. Синская после ареста Вавилова обратилась за поддержкой к Орбели как вице-президенту АН СССР. "Прямой и честный Орбели, – пишет М. Поповский, – попытался что-то предпринять, куда-то писал, но через несколько дней сообщил, что помочь Вавилову нельзя, во всяком случае, его, Орбели, влияние недостаточно".

Жена ученика Вавилова, болгарского ученого цитогенетика Данчо Костова А.А. Костова-Маринова вспоминала, что в июне 1946 г., будучи в Ленинграде, они интересовались прежде всего судьбой Вавилова. В атмосфере страха и насильственного забвения вокруг имени Вавилова они встретили у Орбели готовность открыто говорить о Вавилове: "Первый, кто открыто заговорил с нами о Вавилове, был вице-президент АН СССР академик Л.А. Орбели. И теперь я слышу его слова: «Приветствую Вас, друзья Николая Ивановича. Его гибель – громадная потеря для науки». Но Орбели для нас официальное лицо, мы торопимся в Москву повидать близких Николая Ивановича" (М. Поповский. Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. С. 199, 210, 252).

Л.А. Орбели принимал участие в судьбе семьи Н.И. Вавилова. Он помог возвращению вдовы Н.И. Вавилова – Елены Ивановны Барулиной-Вавиловой из эвакуации из

Саратова в Ленинград. Е.И. Барулина-Вавилова в письме на имя вице-президента АН СССР Орбели 17 мая 1944 г. просила помочь вернуться в Ленинград. Она писала: "Уважаемый Леон Абгарович, очень прошу Вас оказать мне содействие, как только будет возможность. Обстоятельства так сложились, что оставаться здесь больше для нас невозможно (Е.И. жила вместе с 16-летним сыном – Н.Г.). Необходимо, пока еще не поздно, спасти ценнейшую библиотеку Николая Ивановича.

Мой долг спасти и сохранить его рукописи, работы, пока они не погибли. Кроме того, пребывание в Ленинграде мне необходимо еще и для повторного лечения рентгеном. За отсутствием его здесь здоровье мое резко ухудшилось. Буду Вам чрезвычайно признательна. Уважающая Вас Е.И. Барулина-Вавилова" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 3. Д. 106. Л. 1. Автограф).

В ответ на это письмо Орбели была послана правительственная телеграмма о необходимости и возможности возвращения семьи Вавилова в Ленинград. Елена Ивановна вместе с сыном Юрием вернулась домой.

²Л.А. Орбели не успел написать воспоминания о Н.И. Вавилове. Он очень болел и скончался 9 декабря 1958 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

В 1976 г., в год 20-летия со дня основания Института эволюционной физиологии АН СССР, по инициативе журналиста Ашота Арзуманяна – автора книг о выдающихся армянах (в том числе "Братья Орбели", 1988 г.), в Институте состоялся вечер, посвященный памяти Л.А. Орбели. С воспоминаниями выступили: А.Л. Орбели, В.А. Говырин, Н.В. Зимкин, Г.В. Гершуни, И.Г. Карманова, Т.М. Загорулько, Д.Б. Малаховская, З.В. Денисова, О.П. Андонская, З.И. Барбашова, А.П. Бресткин и А.Н. Бренстед (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 344. Л. 1–117).

Воспоминания Н.В. Зимкина, Г.В. Гершуни, А.П. Бресткина были опубликованы в книге "Л.А. Орбели в воспоминаниях современников" (Л.: Наука, 1983. 159 с.). А.П. Бресткин впервые встретился с Л.А. Орбели на кафедре физиологии Военно-медицинской академии в 1927 г., где работал его старший брат М.П. Бресткин. Вскоре они снова увиделись в гостях у М.П. Бресткина. Из воспоминаний А.П. Бресткина был опущен интересный факт: "Он [Орбели] тогда меня поразил как рассказчик. Я не помню, в связи с чем, он очень интересно рассказывал о жизни монахов в Армении, об истории религии в Армении" (СПбФ АРАН. Ф. 895. Оп. 2. Д. 344. Л. 89).

Детский врач А.Н. Бренстед вспоминала (речь идет о 1951–1952 гг.): "Я работала на базе детского сада. Орбели приходил в детский сад и наблюдал за детьми и моими опытами. Дети называли его "дедушкой-генералом". "А вы смотрели на мимику ребенка во время эксперимента?" – спрашивал Л.А. Орбели. Тогда признавался только объективный метод" (Там же. Л. 53).

В настоящем томе публикуются ранее неопубликованные воспоминания М.К. Петровой, З.И. Барбашовой (в те годы нельзя было критиковать Отдел науки ЦК КПСС), а также поступившие после 1976 г. воспоминания Т.Н. Несмеяновой, Т.А. Гинецинской, Л.Г. Лейбсона, Х.О. Выржиковской-Зевальд.

М.К. Петрова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ И.П. ПАВЛОВЕ

Данный отрывок взят из рукописи ближайшей ученицы И.П. Павлова – М.К. Петровой. Она хранится с 1950 г. в Центральном партийном архиве (ныне РЦХИДНИ). Рукопись М.К. Петровой (автограф и машинопись) в феврале 1950 г. была направлена в ЦК ВКП(б) М.А. Суслову. По поручению Суслова с рукописью ознакомились В. Кружков и Ю. Жданов. Они посчитали нецелесообразным издать воспоминания М.К. Петровой и рекомендовали напечатать только отдельные куски, где говорится о патриотизме И.П. Павлова, что могло бы иметь "большое воспитательное значение, особенно для ученой среды". Сознательно искажая правду, они писали: "... Петрова ошибочно считает Орбели последовательным продолжателем дела Павлова, его идей.

В действительности ее собственные материалы свидетельствуют о непоследовательности, а иногда прямого двурушничества Орбели" (РЦХИДНИ, Ф. 17. Оп. 132. Д. 172. Л. 4–6).

На записке В. Кружкова и Ю. Жданова стоит резолюция Г.М. Маленкова: "рассмотреть на секретариате" (13.IV.50). Согласно резолюции М. Суслова от 13.X.50 г., рукопись была сдана в архив ЦК ВКП(б).

¹ М.К. Петрова называет далее П.С. Купалова и А.Д. Сперанского. Купалов, будучи помощником И.П. Павлова по физиологическому отделу ИЭМа (с 1925 г.), агитировал сотрудников поддержать его кандидатуру на заведование Отделом после смерти Павлова. Однако распоряжением из Москвы заведующим Отделом был назначен Л.А. Орбели.

² После смерти Павлова Орбели сосредоточил свою деятельность в двух учреждениях: в ФИНе и в Колтушах (ныне Павлово), куда перевел свою Лабораторию эволюционной физиологии из ВИЭМа. Физиологическим отделом стал руководить П.С. Купалов (с 1937 по 1964 г.).

³ В 1936 г. М.К. Петрова ушла из ВИЭМа и стала работать у Л.А. Орбели в Колтушах, а также в ФИНе.

⁴ Государственную (Сталинскую) премию Л.А. Орбели получил в 1941 г. за работу "Лекции по физиологии нервной системы" (1938. 3-е издание).

Л.Г. Лейбсон

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

¹ Воспоминания Л.Г. Лейбсона написаны в связи с 75-летним юбилеем Л.А. Орбели в июле 1957 г.

² В Германии, Англии и Италии Л.А. Орбели пробыл два года (1909–1911 гг.): работал в физиологических лабораториях Э. Геринга и Дж. Ленгли, на Неаполитанской биологической станции.

³ Результаты этих исследований были опубликованы Л.А. Орбели в 1923 г. в статье "О механизме возникновения спинномозговых координаций", позднее переизданной в "Избранных трудах" (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 70–76).

⁴ См. статью: "К вопросу о механизме расстройств движения после оперативного удаления мозжечка у собак" (совместно с К.И. Кунстман) (Там же. С. 115–121).

⁵ Физиологией почек Л.А. Орбели со своими учениками стал заниматься с 1921 г. См. его обобщающую статью "Физиология почек" (Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 4. С. 85–106), а также статью "Раздельное выведение натуральных отверстий мочеточников как метод для изучения функции почек" (Труды Второго Всесоюзного съезда физиологов. Л., 1926. С. 97–98).

⁶ См. статьи Л.А. Орбели: "Об эффектах ноцицептивных раздражений" (1933 г.), "Боль и ее физиологические эффекты" (1935 г.) (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 4. С. 129–147).

Т.А. Гинецинская

КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕОНА АБГАРОВИЧА ОРБЕЛИ

¹ Воспоминания написаны в конце 1995 г.

² Военно-санитарная комиссия при АН СССР под председательством Л.А. Орбели была создана в 1942 г. Результаты деятельности Комиссии были опубликованы в трех сборниках под редакцией Л.А. Орбели (См.: Военно-медицинский сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1944. Вып. 1. 160 с.; 1945. Вып. 2. 236 с.; 1946. Вып. 3. 288 с.).

³ Эту квартиру в 1920–1940-е годы занимал ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский.

⁴ Комиссия была создана в 1942 г. при ОБН АН СССР и занималась отыскиванием новых пищевых средств, а также расширением кормовых ресурсов. Последним занималась Сапропелевая комиссия под председательством Л.А. Орбели, заместителем был В.Н. Сукачев, разработавшая пути использования сапропеля как кормового средства.

⁵ Статья Т.А. Гинецинской "Новая форма адаптаций перьевых клещей (*Freuana anatina* Koch) к линьке хозяина" по представлению Л.А. Орбели 17 сентября 1942 г. была опубликована в "Докладах АН СССР" (Т. 37. № 4).

⁶ Диссертацию "Эколого-паразитологическое исследование утиных птиц дельты Волги" Т.А. Гинецинская защитила на Ученом совете Казанского университета в апреле 1944 г. (оппоненты: заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных профессор Н.И. Ливанов и гельминтолог профессор Попов).

З.И. Барбашова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ ЛЕОНЕ АБГАРОВИЧЕ ОРБЕЛИ

¹ Из стенограммы заседания Института эволюционной физиологии АН СССР им. И.М. Сеченова (1976 г.).

² Речь идет о вечернем Университете марксизма-ленинизма.

³ Монография Л.А. Орбели "Вопросы высшей нервной деятельности" увидела свет в 1949 г., к 100-летию со дня рождения И.П. Павлова.

⁴ Следует уточнить, Орбели был академиком-секретарем ОБН АН СССР,

⁵ См. коммент. 3 к письму № 104.

⁶ О каком Виноградове идет речь – неясно.

⁷ А.Ф. Тур не пострадал, незадолго до этого, в мае 1952 г., он был избран действительным членом АМН СССР.

⁸ Санкт-Петербургское общество детских врачей (Ленинградское педиатрическое общество) было основано в 1885 г.

⁹ О докладе Э.Ш. Айрапетянца на заседании Ленинградского физиологического общества см.: Л.Г. Лейбсон. Академик Л.А. Орбели. Л.: Наука, 1990. С. 171–173.

¹⁰ К.М. Быков рекомендовал Э.Ш. Айрапетянца для избрания в члены АН СССР в начале 1950-х годов, но сам голосовал против.

Т.Н. Несмеянова

АКАДЕМИК ЛЕОН АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ. ВОСПОМИНАНИЯ ЕГО УЧЕНИЦЫ

¹ По сведениям родственников, "Воспоминания" Т.Н. Несмеяновой написаны в начале 1980-х годов.

² Дискуссии между школой Орбели и грузинской физиологической школой И.С. Бериташвили шли по вопросу о трофической функции симпатической нервной системы. Бериташвили не признавал теорию Орбели об адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы. В своем докладе на IV Всесоюзном съезде физиологов (Харьков, 1930 г.) он говорил: "На основе наших опытов мы заключаем, что симпатическая система не имеет трофического значения как в отношении скелетной мускулатуры, так и к другим тканям. Предположение о трофическом или адаптационном назначении симпатической нервной системы не может быть признано отвечающим действительности" (Тезисы и авторефераты докладов IV Всесоюзного съезда физиологов. 1930. С. 26).

Под влиянием новых данных лаборатории Орбели И.С. Бериташвили через 17 лет признал: "Одним из важнейших открытий физиологического исследования в Советском Союзе является установление Л.А. Орбели и его сотрудниками того факта, что симпатическая система оказывает воздействие на функциональные свойства всех тканей, и, в частности, центральной нервной системы. На основе соответствующих экспериментальных фактов была развита теория об универсальном значении симпатической системы для функций соматических образований о новом типе регулирующих влияний – адаптационно-трофическом" (Беритов И.С. Развитие физиологии центральной нервной системы // Физиол. журн. СССР. 1947. № 11. С. 1022–1023).

³ Об этом свидетельствуют положительные отзывы и высокая оценка им трудов К.М. Быкова и И.С. Бериташвили (см. с. 91–98).

⁴ А.Г. Гинецинский и А.В. Тонких неоднократно выдвигались Л.А. Орбели в АН СССР, однако не были избраны. Г.В. Гершуни был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1964 г. Е.М. Крепс в 1946 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1966 г. – академиком.

⁵ Книги под таким названием у Орбели нет. Возможно, имеются в виду статьи Орбели: "Об эволюционном принципе в физиологии" (Природа. 1933. № 3/4. С. 77–86), "Вопросы эволюционной физиологии" (1941 г.) и "Эволюционный принцип в применении к физиологии центральной нервной системы" (Орбели Л.А. Избр. труды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 152–165 и 166–183).

⁶ Речь идет об Институте физиологии высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, созданном по постановлению Объединенной сессии 1950 г.

⁷ Институт эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи был основан в 1947 г. в результате реорганизации Центрального института эпидемиологии и микробиологии МЗ СССР (последний был создан в 1931 г.). Имя Гамалеи Институту было присвоено в 1949 г.

⁸ Результаты этих исследований были опубликованы в статьях Т.Н. Несмеяновой с соавторами: "К вопросу о регенерации проводящих путей перерезанного спинного мозга" (1958 г.) и "Формирование мозгового рубца и регенерация нервных волокон под влиянием пирогенала" (1961 г.), и обобщены в монографии Т.Н. Несмеяновой "Стимуляция восстановительных процессов при травме спинного мозга" (М.: Наука, 1971. 255 с.). В своей монографии Несмеянова писала: "В 1954 г. в Институте имени Гамалеи АМН СССР проф. Х.Х. Плanelьесом и П.З. Будницкой по предложению академика Л.А. Орбели были начаты работы и затем выделен бактериальный липополисахарид – пирогенал, что сделало реальной возможность исследований по регенерации" (С. 91).

З.В. Денисова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

¹ З.В. Денисова – одна из последних учениц Л.А. Орбели. Под руководством Л.А. Орбели она выполнила следующие исследования, изданные после его смерти: "Детский рисунок в физиологической интерпретации" (Л., 1974. 199 с.) и "Механизмы эмоционального поведения ребенка" (Л., 1978. 193 с.).

Х.О. Выржиковская-Зевальд

ВОСПОМИНАНИЯ О Л.А. ОРБЕЛИ

¹ Воспоминания Х.О. Выржиковской-Зевальд написаны в конце 1995 г.

² Севастопольская биологическая станция была основана в 1873 г. Здесь в 1930–1940-е годы проводились исследования по подводной физиологии.

³ Так называли ленинградцы здание НКВД на Литейном проспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН	– Архив Российской академии наук
АСД	– Аварийно-спасательное дело
АСС	– Аварийно-спасательная служба
ВАН СССР	– Вестник АН СССР
БАН	– Библиотека АН
БИН	– Ботанический институт РАН
ВАСХНИЛ	– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВОВ	– Великая Отечественная война
ВМА	– Военно-медицинская академия
ВММА	– Военно-морская медицинская академия
ВМС	– Военно-морские силы
ВМФ	– Военно-морской флот
ВИЭМ	– Всесоюзный институт экспериментальной медицины
ВНД	– Высшая нервная деятельность
ГИДУВ	– Государственный институт для усовершенствования врачей
ГОИ	– Государственный оптический институт
ЕНИЛ (ЕНИ)	– Естественнонаучный институт им. П.Ф. Лесгафта
ЗИН	– Зоологический институт РАН
ИИЕиТ	– Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
ИЭМ	– Институт экспериментальной медицины
ИЭФиБ	– Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН
ИЭФиП в.н.д.	– Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР
ЛАХУ	– Ленинградское административно-хозяйственное управление
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МГУ	– Московский государственный университет
ОБН	– Отделение биологических наук РАН
ОМЕН	– Отделение математики и естественных наук АН
ОС	– Общее собрание РАН
НКВД	– Народный Комиссариат внутренних дел

РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СО АН СССР	– Сибирское отделение АН СССР
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СНС	– Симпатическая нервная система
ФИН	– Физиологический институт АН СССР
ЦНС	– Центральная нервная система
ЭПРОН	– Экспедиция подводных работ особого назначения

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрикосов Алексей Иванович (1875–1955) – патологоанатом, академик АН СССР и АМН СССР 289
- Авакян А.А. (1907–1966) – агробиолог, сторонник Т.Д. Лысенко, член-корреспондент АН СССР и ВАСХНИЛ 25, 219, 310
- Адо Андрей Дмитриевич (р. 1909) – патофизиолог, академик РАМН 257
- Айрапетьянц (Айрапетянц) Эрванд Шамильевич (1894–1966) – физиолог, профессор Ленинградского университета 35–37, 179, 258, 263–265, 268, 270, 290, 314, 315, 318, 324
- Акопян А.А. 299
- Аладжалова см. Орбели Е.И.
- Александров Александр Данилович (р. 1912) – математик, академик 317
- Александров Георгий Федорович (1908–1961) – философ, академик 24, 25, 262
- Александров И.А. – сотрудник Л.А. Орбели 318
- Алексян Арагат Мартынович (1907–1963) – физиолог, ученик Л.А. Орбели 316
- Алексеев Н.Ю. 133
- Алишан Гевонд (наст. имя Алишанян Керовбэ Петросович) (1820–1901) – армянский поэт, филолог, историк, географ, переводчик. Член Союза мхитаристов – армянского культурного и религиозного центра в Венеции 174
- Алпатов Владимир Владимирович – биолог 303
- Амбарцумян Виктор Амазаспович (1908–1995) – астрофизик, президент АН Армении 305
- Ананьев Борис Герасимович (1907–1972) – психолог, ученик В.М. Бехтерева, декан факультета психологии Ленинградского университета 39
- Андонская О.П. 322
- Андрианов В.М. – секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) 38, 281
- Андрианов Олег Сергеевич (1923–1994) – физиолог-морфолог, член-корреспондент РАМН 320
- Андровская Ольга Николаевна (1898–1975) – народная артистка СССР 172
- Аничков Николай Николаевич (1885–1964) – патологоанатом, академик АН СССР и АМН СССР, президент АМН СССР (1946–1953) 35, 36, 113, 232, 233, 284
- Аничков Сергей Викторович (1892–1981) – фармаколог, академик АМН СССР 46, 241, 312
- Анохин Петр Кузьмич (1898–1974) – физиолог, академик АН СССР и АМН СССР, ученик И.П. Павлова 17, 147, 240, 241, 290
- Анреп Глеб Васильевич (1889–1955) – физиолог, ученик И.П. Павлова, член Лондонского Королевского общества. С 1920 г. – профессор физиологии Лондонского, с 1931 г. – профессор физиологии Каирского университета 71
- Арзуманян Ашот – журналист, автор книг о выдающихся армянах 322
- Аринчин М.И. 264
- Асафьев Борис Владимирович (1884–1949) – композитор, музыковед, академик (1943) 225
- Асафьева И.С. – жена Б.В. Асафьева 225
- Асоян Г.А. – медик, работал по проблеме пересадки органов 220
- Асратян Эзрас Асратович (1903–1981) – физиолог, ученик И.П. Павлова 35, 36, 73–76, 92–94, 96, 97, 179–181, 187, 190, 202, 235, 247, 271, 277, 278, 280, 281, 290, 292–294, 298, 299, 301, 306, 318, 321
- Астауров Борис Львович (1904–1974) – генетик, академик 24, 29, 301, 308
- Астахов Федор Александрович (1892–1966) – маршал авиации, в 1942–1947 гг. – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота 117
- Аствацатуров (Аствацатурянц) Михаил Иванович (Ованесович) (1877–1936) – русский невропатолог, армянин по происхождению, сокурсник Л.А. Орбели по ВМА. С 1916 г. и до конца жизни – профессор кафедры нервных болезней ВМА 11, 29, 173, 174, 296, 297
- Ахутин М.В. – генерал-майор медицинской службы, хирург 209
- Бабкин Борис Петрович (1877–1950) – физиолог, ученик И.П. Павлова. С 1924 г. – про-

- фессор физиологии Далхузийского (Канада), с 1928 г. – профессор физиологии Мак-Гилловского (Монреаль) университетов 71, 80, 82, 147, 290
- Баев Александр Александрович (1903–1994) – биохимик, академик, академик-секретарь Отделения биологии АН СССР (1970–1990). Основные труды в области биохимии, молекулярной биологии, генной инженерии, биотехнологии 6, 8, 10, 46, 211, 213, 215, 217, 308–310
- Базанова Найла Уразгуловна (р. 1911) – физиолог, директор Института физиологии АН Казахстана, академик АН Казахстана 241
- Байков Александр Александрович (1870–1946) – металлург, химик, академик, вице-президент АН СССР 305
- Бакулев Александр Николаевич (1890–1967) – хирург, академик АН СССР и АМН СССР, президент АМН СССР (1953–1960) 240, 242
- Бакурадзе Александр Николаевич – физиолог, ученик И.С. Бериташвили, академик АН Грузии 241
- Балаховский С.Д. – профессор 114
- Балонов Лев Яковлевич (1917–1983) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, заведующий лабораторией патологии высшей нервной деятельности 227
- Банщиков Василий Михайлович – психиатр 143, 287
- Баранов Павел Александрович (1892–1962) – ботаник, член-корреспондент АН СССР 238, 239, 292, 310, 321
- Барбашова Зоя Ивановна (1910–1980) – физиолог, ученица Л.А. Орбели, доктор биологических наук. Окончила Ленинградский университет (1934), с 1934 г. работала в ВИЭМе, в 1937–1950 гг. – в ФИНе, с 1951 г. – в индивидуальной группе Л.А. Орбели, заведовала лабораторией в ИЭФиБ РАН 7, 39, 157, 161, 171, 197, 261, 263, 267, 270, 294, 302, 304, 314, 316, 322, 324
- Бардин Иван Павлович (1883–1960) – металлург, академик 40, 319
- Баркрофт (Barcroft) Джозеф (1872–?) – английский физиолог 277
- Барсегян Ракель – физиолог, ученица Л.А. Орбели 183, 300
- Барулина-Вавилова Елена Ивановна (1895–1957) – генетик, ботаник, жена Н.И. Вавилова 321, 322
- Бах Алексей Николаевич (1857–1946) – биохимик, академик 115, 192
- Бах Л.А. – корреспондент 35, 36
- Бейлисс (Beyliss) Уильям (1866–1924) – английский физиолог 277
- Беленецкая В.В. – секретарь-референт вице-президента Л.А. Орбели 200
- Беленькая С.Э. – сотрудница Л.А. Орбели 261
- Белкин Рафаил Исаакович (1894–1964) – биолог, историк биологии 195, 221, 304
- Бенедиктов Иван Александрович (р. 1902) – министр сельского хозяйства 25
- Берг Лев Семенович (1876–1950) – географ, биолог, иктиолог, академик. В 1934–1950 гг. работал в ЗИНе 108, 192
- Бериташвили (Беритов) Иван Соломонович (1884–1974) – физиолог, основатель грузинской физиологической школы, академик АН СССР и АМН СССР 32–34, 36, 91, 117, 118, 133, 146, 147, 218, 242, 243, 269, 280, 282, 284, 287, 290, 310, 319, 324
- Бериташвили Ольга Антоновна (1898–1987) – физиолог, супруга И.С. Бериташвили 243
- Беритов см. Бериташвили И.С.
- Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – нарком внутренних дел (1938–1945), первый заместитель председателя СНК СССР (1945–1953) 6, 190, 191, 211, 215, 308, 321
- Берн 129
- Бернштейн Николай Александрович (1896–1966) – физиолог, член-корреспондент АМН СССР 33
- Бете (Bethe) Альбрехт – немецкий физиолог 59, 277
- Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1928) – анатом, физиолог, невропатолог, психиатр, основатель нейронаук 39
- Бирюков Дмитрий Андреевич (1904–1969) – физиолог, академик АМН СССР 35, 264, 290, 314, 316
- Бляхер Леонид Яковлевич (1900–1984) – биолог, историк биологии 246, 320
- Бойко Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, ученый секретарь серии "Научное наследство" 10
- Болдырев Василий Николаевич (1872–1946) – физиолог, ученик И.П. Павлова, с 1923 г. – заведующий павловской лабораторией в Батл-Крик (США) 71, 80
- Борисоглебский – заместитель председателя военной коллегии Верховного суда СССР, полковник юстиции 239
- Борисяк Алексей Алексеевич (1872–1944) – геолог, палеонтолог, академик, первый директор ПИНа АН СССР 115, 192, 215
- Боришпольский 173
- Брадребер 130

- Бренстед А.Н. – сотрудница Л.А. Орбели 322
- Бресткин Александр Павлович (1912–1993) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели 30, 46, 318, 320, 322
- Бресткин Михаил Павлович (1895–1992) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, генерал-майор медицинской службы 26, 28, 235, 309, 322
- Бронер 181
- Бронк (Bronk) Детлев Вулф (1897–1975) – американский физиолог, иностранный член АН СССР (1958) 114
- Бронштейн Аркадий Израилевич (1896–1958) – сотрудник Л.А. Орбели 157, 261, 263
- Бруевич Николай Григорьевич (1896–1987) – механик, академик, академик-секретарь АН СССР (1943–1949) 219, 270
- Брызгалов И. 41
- Брюкке (Brücke) Эрнст Теодор (1880–1941) – физиолог, ученик Э. Геринга, внук известного физиолога Э. Брюкке, профессор физиологии (Австрия) 182
- Будденброк – немецкий физиолог, автор руководства по сравнительной физиологии 277
- Будницкая П.З. 325
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) – русский писатель 172
- Булыгин Иван Андреевич (р. 1907) – физиолог, ученик К.М. Быкова, академик АН Беларуси 241, 264
- Буннятян Рачиа Хачатурович (р. 1907) – биохимик, академик АН Армении 305
- Бурназян Аветик Игнатьевич (р. 1906) – деятель советского здравоохранения 248, 321
- Бушинский В.П. – биолог, растениевод, член-корреспондент РАН 102, 109, 283
- Быков Константин Михайлович (1886–1959) – физиолог, академик АН СССР и АМН СССР. Исследования Быкова по физиологии пищеварения в 1939 г. были удостоены премии им. И.П. Павлова 9, 33–39, 91, 98, 115, 117, 147, 154, 227, 228, 268–270, 282, 284, 290, 312, 313, 315, 324
- Быстров Алексей Петрович (1899–1959) – профессор ВМА, доктор биологических наук, анатом, палеонтолог 6
- Бэкон (Bacon) Роджер (1214–1292) – английский философ и естественный исследователь 203
- Бэр Т. – немецкий биолог 59
- Бэтсон (Bateson) Уильям (1861–1926) – английский биолог, один из основателей генетики 289
- Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – биолог, ботаник и растениевод, генетик и агроном, академик 21–23, 25, 219, 249, 263, 270, 283, 289, 310, 321, 322
- Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) – физик, академик, президент АН СССР, брат Н.И. Вавилова 7, 21–25, 33, 35–37, 40, 86, 163, 204, 210, 212, 214, 225, 234, 288, 289, 304, 307
- Вавилов Юрий Николаевич (р. 1928) – физик, сын Н.И. Вавилова 249, 322
- Вайнберг П.С. – сотрудник ГИДУВ, врач 198
- Вальтер Антон Антонович (1870–1902) – физиолог, ученик И.П. Павлова 287
- Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – экономист, академик 105
- Вартанов Вартаан Иванович (1853–1919) – физиолог, ученик И.Р. Тарханова и И.П. Павлова 62, 63, 81
- Васильев Георгий Аркадьевич (1893–после 1970) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели 132, 286
- Васильев Леонид Леонидович (1891–1966) – физиолог, профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АМН СССР 178, 179
- Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922) – актер, режиссер 172
- Вацуро Эразм Григорьевич (1907–1976) – физиолог, ученик И.П. Павлова и Л.А. Орбели 146, 158, 257, 262, 290, 291
- Введенский Александр Иванович (1856–1925) – философ, профессор логики и психологии Санкт-Петербургского университета 17, 18, 44, 56, 59
- Введенский Николай Евгеньевич (1852–1922) – физиолог, ученик И.М. Сеченова 87, 91, 100, 108, 275
- Вейсман (Weismann) Август (1834–1914) – немецкий зоолог и эволюционист 291
- Верещагин П.К. 241
- Вержбинская Нина Абрамовна (р. 1906) – доктор биологических наук, ученица Л.А. Орбели и Е.М. Крепса, физиолог, биохимик 260
- Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – геолог, геохимик, минералог, академик, создатель учения о био- и ноосфере. Основатель научной школы 21, 167, 201, 296, 306
- Верхоглядыв – секретарь делегации советских физиологов на XVII Международном физиологическом конгрессе (Оксфорд, 1947 г.) 117, 118
- Веселкин Николай Васильевич (1904–1984) – патофизиолог, академик АМН СССР 63
- Вилесов В.И. – помощник Л.А. Орбели по ВМА 258

- Виллие (Wylie) Яков Васильевич (1768–1854) – врач-хирург. По национальности шотландец, с 1790 г. в России. Президент Петербургской медико-хирургической академии (1808–1838), почетный член Петербургской АН (1814). Основатель "Военно-медицинского журнала" (1823). Премия имени Виллие была учреждена для лучших студентов с целью совершенствования в клиниках Германии, Франции и Англии. Одним из таких стипендиатов был М.И. Аствацатуров 173
- Вильямс Петр Владимирович (1902–1947) – советский живописец и театральный художник 172
- Виндельбанд (Windelband) Вильгельм (1848–1915) – немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства 59
- Винников Яков Абрамович – сотрудник Л.А. Орбели 284
- Виноградов В.А. – и.о. начальника Управления кадров АН СССР 39
- Виноградов М.И. – профессор Ленинградского университета 179, 197
- Виноградов Н.А. – директор Медгиза 245
- Вирхов (Virchow) Рудольф (1821–1902) – немецкий патолог и общественный деятель, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1881). Выдвинул теорию клеточной патологии 312
- Войно-Ясенецкий Алексей Валентинович (1909–1985) – доктор биологических наук, ученик Л.А. Орбели 28, 39, 46, 157, 161, 166, 171, 261–264, 270, 314, 316
- Володин А.М. (р. 1919) – писатель 7
- Волохов Александр Александрович – физиолог, ученик Л.А. Орбели 135, 241, 288, 290, 307
- Воронин Леонид Григорьевич (1908–1981) – физиолог, член-корреспондент АН СССР и АПН, ученик Л.А. Орбели 240, 241, 290
- Воронцов Даниил Семенович (1886–1965) – физиолог, академик АН СССР 240, 241
- Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – советский государственный, партийный и военный деятель 26, 40, 46, 184, 189, 300
- Воскресенская Анна Капитоновна (1904–1967) – физиолог, ученица Л.А. Орбели 284, 315
- Вревский 180
- Вруйр (наст. фам. Макашчян) Арам Минасович (1863–1924) – артист, режиссер, театральный деятель, писатель, переводчик и фотограф (фотографировал древние архитектурные памятники Армении). В 1904–1917 гг. под руководством Н.Я. Марра участвовал в научных экспедициях (Ани, Гарни, Ван). Имеет ряд исследований по древней культуре Армении. При его непосредственном участии были выявлены развалины собора Григория Просветителя в Ани 174
- Выржиковская-Зевальд Хедда Оттовна – жена С.Н. Выржиковского и сестра Л.О. Зевальды 272, 322, 325
- Выржиковский Станислав Николаевич (1896–1944) – физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова. Работал на Биостанции в Колтушах. Репрессирован. Реабилитирован посмертно 272, 273
- Выскребенцев Иван Иванович – старший лейтенант, участник работ по глубоководным спускам 235–237, 318
- Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский юрист и дипломат, академик, генеральный прокурор СССР, в 1940–1953 гг. – на руководящих постах в МИД СССР 118, 191
- Гагик (?–1020) – царь Анийского царства (990–1020). Объединил армянские земли 174, 175, 177, 297
- Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642) – итальянский ученый, один из основателей точного естествознания 289
- Галлер Лев Михайлович (1883–1950) – советский военачальник, адмирал, начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова 28
- Гамалея Николай Федорович (1859–1949) – советский микробиолог и эпидемиолог, почетный член АН СССР, академик АМН СССР 325
- Ганике Евгений Александрович (1869–1948) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели. Обеспечивал всю технико-методическую сторону исследований лаборатории И.П. Павлова. Им была разработана методика изучения высшей нервной деятельности у мышей 11, 224, 279
- Гаршин Владимир Георгиевич (1897–1956) – патологоанатом, гистолог, академик АМН СССР 284
- Гаскелл (Gaskell) Уолтер (1847–1915) – английский физиолог 277
- Гассовский Л.Н. – физик 204, 307
- Гент В.Х. (Gantt W. Horsley) (1893–197) – американский физиолог и психиатр, основал Павловское научное общество в США 277
- Георгиевский Анатолий Сергеевич (1908–1996) – генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук 27, 47

- Геринг (Херинг) (Hering) Эвальд (1834–1918) – немецкий физиолог, специалист в области физиологии органов чувств. Иностраный член-корреспондент Петербургской АН 277, 323
- Гершуни Григорий Викторович (1905–1992) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, член-корреспондент АН СССР 131, 169, 241, 269, 286, 307, 322, 325
- Гесс Вальтер Рудольф (Hess Walter Rudolf) (1881–1973) – швейцарский физиолог, Нобелевская премия присуждена в 1949 г. за открытие функциональной организации промежуточного мозга 93, 128
- Гзгзян – физиолог, сотрудник Л.А. Орбели 136
- Гилл А. см. Хилл А.
- Гинецинская Татьяна Александровна (р. 1917) – доктор биологических наук, дочь А.Г. Гинецинского 234, 256, 261, 317, 322–324
- Гинецинский Александр Григорьевич (1895–1962) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, член-корреспондент АМН СССР 15, 16, 37, 38, 40, 64, 67, 69, 77, 93, 96, 111–113, 135, 169, 181–183, 189, 197, 232–234, 241, 244, 245, 252, 256, 258, 259, 269–271, 276, 278, 283–286, 299, 300, 302, 304, 316, 317, 320, 325
- Гирголав Семен Семенович (1881–1957) – хирург, профессор ВМА, академик АМН СССР 30
- Гиршфельд 114
- Гитлер (Hitler) (наст. фам. Шикльгруббер) Адольф (1889–1945) – немецко-фашистский военный преступник, основатель Национал-социалистической (фашистской) партии в Германии, глава германского правительства (1933–1945) 119, 289
- Глезер Д.Я. – физиолог, сотрудник Л.А. Орбели 147, 290
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857) – русский композитор, родоначальник русской классической музыки 172
- Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75–1956) – русский композитор, народный артист СССР 41
- Глушенко И.Е. – генетик, сподвижник Т.Д. Лысенко 25, 35, 290
- Глязер Гуго – австрийский врач, историк медицины 7, 8
- Говырин Владимир Александрович (1924–1984) – физиолог, академик, ученик Л.А. Орбели 322
- Голант Р.Я. – невропатолог, ученик В.М. Бехтерева 39
- Головкин Арсений Григорьевич (1906–1962) – адмирал, советский военачальник 236
- Горбунов Николай Петрович (1892–1937) – химик, академик, советский государственный деятель 300
- Горлинский Н. – начальник Управления МГБ Ленинградской области 39
- Горшенин К.П. – прокурор СССР 208, 312
- Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868–1936) – русский писатель 296
- Гошева Ирина Прокофьевна (1911–1988) – народная артистка РСФСР, актриса МХАТа 172
- Грачев Николай Иванович (1901–1965) – физиолог, невропатолог, член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР и АН БССР 25, 146, 147, 290
- Гречанинов Александр Тихонович (1864–1956) – русский композитор 41
- Григ Эдвард (1843–1907) – норвежский композитор, пианист, дирижер 113
- Григорий Просветитель (Григор Лусаворич) (около 239–325/326) – первый католикос армян, основавший в 302 г. первую христианскую церковь в Армении и крестивший страну при царе Трдате 175
- Григорьян Норавад Андреевна (р. 1928) – доктор медицинских наук, историк науки 6, 48, 245, 246, 278, 299, 305, 312, 320
- Гулкаян Вардан Ованесович (1902–1976) – генетик-селекционер 305
- Гуляев – секретарь парткома ФИНа 281
- Гуревич Михаил Осипович (1878–1953) – психиатр, академик АМН СССР 39
- Гусейнов Г.Н. – академик АН АзССР 205
- Гусинский Зиновий Самойлович – полковник медицинской службы, участник работ по глубокowodным спускам 235, 236, 318
- Гуссейн – ученый из Южной Америки 120
- Гюмбринг 129
- Давиденков Сергей Николаевич (1880–1961) – невропатолог, основатель нейрогенетики, академик АМН СССР 7, 21, 22, 25, 142, 143, 198, 279, 287, 288, 305, 321
- Давыдов К.Н. – зоолог 287
- Данилевский Александр Яковлевич (1838–1923) – биохимик, профессор 8, 9, 25, 136
- Данилов 241
- Данилов А.А. – физиолог, ученик Л.А. Орбели 93, 179, 180, 241, 242
- Данилов Б.Н. – работник Отдела науки и культуры при ЦК КПСС в 1950-е годы 240, 241
- Дарвин Чарлз (1809–1882) – биолог, основатель эволюционной теории 192, 303

- Декарт (Descartes) Рене (1596–1650) – французский философ и математик, основатель учения о рефлексе 147
- Демихов В.П. – врач, доктор медицинских наук, специалист в области пересадки органов 218, 220, 310
- Денисов 180
- Денисова Зоя Васильевна – физиолог, ученица Л.А. Орбели 44, 157, 261, 272, 322, 325
- Дерябин – физиолог, сотрудник Л.А. Орбели 136
- Джелепов Венедикт Петрович (р. 1913) – физик, член-корреспондент АН СССР 196
- Джеферсон – английский физиолог 120, 121
- Дживани (Левонян Сероб) (1846–1909) – армянский ашуг, народный певец 45
- Дзидзишвили Николай Николаевич – физиолог, ученик И.С. Бериташвили 310
- Дионесов Семен Максимович (1910–1990) – физиолог, доктор биологических наук, ученик Л.А. Орбели 288
- Добнаш А.А. – физик 248
- Догель Валентин Александрович (1882–1955) – зоолог, член-корреспондент АН СССР, профессор Ленинградского университета 260, 261
- Дозорцева Рахиль Львовна (р. 1906) – ученый секретарь ОБН АН СССР в 1940–1950-е годы, жена Н.И. Нуждина 194, 303
- Долин Александр Осипович (1897–19?) – невропатолог и физиолог, ученик И.П. Павлова 290
- Дубинин Николай Петрович (р. 1907) – генетик, академик, был директором Института общей генетики АН СССР с 1966 по 1981 г. Созданная им лаборатория цитогенетики входила в состав Института цитологии и эмбриологии АН СССР (1944), первым директором которого был А.А. Заварзин 24, 144, 198, 199, 207, 305, 308
- Дуглас 123
- Дунаевский Федор Романович (1887–1960) – сотрудник Л.А. Орбели 133, 157, 158, 261
- Дурмишян М.Г. – физиолог 93, 94, 281
- Душинова З.И. – сотрудница Л.А. Орбели в Первом Петроградском медицинском институте 64
- Дьяконов Михаил Нудович (1878–1958) – животновод 105
- Дэвис – швейцарский физиолог 128
- Еланская Клавдия Николаевна (1898–1972) – народная артистка СССР 172
- Елизавета Иоакимовна см. Орбели Е.И.
- Ефремов Иван Антонович (1907–1912) – палеонтолог, писатель-фантаст 6
- Ждаиов Андрей Александрович (1896–1948) – советский государственный деятель, в 1930–1940-е годы – секретарь Ленинградского обкома ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии 24, 265
- Жданов Юрий Андреевич (р. 1919) – химик, член-корреспондент АН СССР, сын А.А. Жданова, в конце 1940-х – начале 1950-х годов – заведующий Отделом науки ЦК ВКП(б) 8, 32–37, 39, 41, 219, 240, 242, 281, 311, 313, 314, 316, 317, 323
- Жебрак Антон Романович (1901–1965) – генетик, академик ВАСХНИЛ 24, 144
- Жиронкин А.Г. – физиолог, ученик Л.А. Орбели 28
- Жуков Евграф Константинович (1907–1970) – физиолог, доктор биологических наук 241
- Жуковский Петр Михайлович (1888–1975) – ботаник, академик ВАСХНИЛ, профессор ТСХА (1934–1951) 199, 219
- Завадовский Борис Михайлович (1895–1951) – зоолог 71
- Завадовский Михаил Михайлович (1891–1957) – зоолог, академик ВАСХНИЛ 104, 186
- Заварзин Алексей Алексеевич (1886–1945) – гистолог, академик АН СССР и АМН СССР, основатель эволюционной гистологии и научной школы гистологов, профессор ВМА. Автор фундаментальных монографий: "Очерки по эволюционной гистологии нервной системы" (1941) и "Очерки по эволюционной гистологии соединительной ткани и крови" (1945) 7, 21, 113, 200, 204, 208, 305, 307, 308
- Загорулько Л.Т. – физиолог, ученик Л.А. Орбели 8, 46, 131, 189, 271, 281, 286, 307, 322
- Закс Максим Гурович (1901–1975) – физиолог, сотрудник и друг А.Г. Гинецинского 234
- Закусов А.А. – фармаколог 241
- Залесский Михаил Дмитриевич (1877–1945) – палеоботаник и палеознтомолог, член-корреспондент АН СССР 217
- Зарубайло Т. – заведующий лабораторией ВИРа 24
- Захарьина 129
- Зевальд Лев Оттович (1903–1987) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели 273
- Зезулинский Владимир Михайлович – биохимик 292, 295

- Зеленый Георгий Павлович (1878–1951) – физиолог, ученик И.П. Павлова 82
- Землячка (Самойлова) Розалия Самойлова (урожденная Залкинд) (1876–1947) – советский государственный и партийный деятель, в 1939–1943 гг. – заместитель председателя СНК СССР 196
- Зернов Сергей Алексеевич (1871–1945) – зоолог-гидробиолог, академик 192, 194, 303
- Зильбер Лев Александрович (1894–1966) – микробиолог, вирусолог, академик АМН СССР 8, 46, 201, 306
- Зимкин Николай Васильевич – физиолог, ученик Л.А. Орбели 307, 322
- Зимкина Анна Михайловна – физиолог, ученица Л.А. Орбели 314
- Злобин К.В. – музыкальный работник 43
- Зотов – работник военного стола в Казани 195
- Знаменский Г.А. – профессор, директор ГИДУВа в 1940-е годы 226, 312
- Иванов Леонтий Петрович – личный врач Л.А. Орбели 30
- Иванов-Смоленский Анатолий Георгиевич (1895–1981) – патофизиолог, психиатр, академик АМН СССР 9, 34–37, 154, 155, 189, 197, 204, 227, 228, 279, 290, 302, 312, 313, 315
- Икскуль (Uexkull) И. (1864–1944) – немецкий зоолог и физиолог 59
- Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – физик, академик. Основатель Физико-технического института в Ленинграде 259
- Иржак Л.И. – физиолог, профессор Сыктывкарского университета 16
- Исаченко Борис Лаврентьевич (1871–1948) – микробиолог и ботаник, академик, с 1939 г. – директор Института микробиологии АН СССР 192, 215, 278, 303, 309
- Итина Нина Азарьевна (1902–1997) – физиолог, ученица Л.А. Орбели 47, 157, 261, 263)
- Йордан (Jordan) Герман – голландский физиолог 182, 183, 277
- Казанджиев – студент Первого Ленинградского медицинского института 276
- Кайданова С.И. – сотрудница Л.А. Орбели 157, 262
- Калаушин М.М. – филолог, сотрудник Института литературы (Пушкинский дом) 197
- Каминский Григорий Наумович (1895–1939) – народный комиссар здравоохранения РСФСР. Репрессирован. Посмертно реабилитирован 301
- Канаев Иван Иванович – генетик, профессор 22, 288
- Кангеллари В.А. – с 1930 г. – начальник ВМА, в 1934–1937 гг. – первый заместитель народного комиссара здравоохранения 26, 300
- Кант Иммануил (Kant) (1724–1804) – философ, основатель немецкой философии 17, 18, 45, 51, 52, 54, 59, 274, 316
- Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, академик 195
- Карманова И.Г. – сотрудница Л.А. Орбели 322
- Кауфман П.Ф. 287
- Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1979) – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы, министр высшего и среднего образования 25, 196
- Качалов Василий Иванович (1875–1948) – народный артист СССР 42, 172
- Кашкай М.Д. – физиолог 158, 205, 262, 291, 307
- Кашенко 161
- Кедровский Б.В. 308
- Келлер Борис Александрович (1874–1945) – ботаник, флорист, академик 113
- Кеннон (Cannon) Уолтер (1871–1945) – американский физиолог, основатель Гарвардской физиологической школы 245
- Кеплер (Kepler) Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, открыл законы движения планет 210
- Кечек Амбарцум Серафимович (1872–1948) – хирург, профессор, общественный деятель. Окончил медицинский факультет Московского университета (1897), работал в ВМА в Петербурге. С 1923 г. – заведующий кафедрой хирургии медицинского факультета Ереванского университета, с 1930 г. – Медицинского института. Председатель армянского хирургического общества 181
- Кибяков Алексей Васильевич (1899–1985) – физиолог, член-корреспондент АМН СССР 241, 320
- Кирзон Марк Викторович – физиолог 320
- Кириллин Владимир Алексеевич (1913) – заведующий Отделом науки ЦК КПСС, специалист в области энергетики, академик 244, 284
- Кисель З.М. – сотрудница Л.А. Орбели в Первом Петроградском медицинском институте 64
- Клаас Ю.А. – физиолог, ученица Л.А. Орбели 68, 69, 276, 315
- Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – народная артистка СССР 172
- Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) – доктор исторических наук, директор Архива АН СССР в Ленинграде 210

- Кобеко Павел Павлович (1897–1954) – физик, член-корреспондент АН СССР 196
- Ковшарь Ф.В. – профессор (Украина, г. Станислав) 31
- Коган Александр Борисович (1912–1989) – физиолог, доктор биологических наук, профессор Ростовского медицинского института 241
- Козлов Фрол Романович (1908–1965) – советский партийный деятель, в 1950-е годы – секретарь Ленинградского обкома КПСС 238–240, 292
- Кольри Морис – биолог, президент французской АН 113
- Кольцов Николай Константинович (1872–1940) – биолог, генетик, член-корреспондент АН СССР, академик ВАСХНИЛ, основатель московской генетической школы и Института экспериментальной биологии (1917) 7, 21–23, 185, 187, 188, 300, 301, 303, 321
- Кольцова М.М. – физиолог 152, 291, 315
- Кольцова-Солодовникова Мария Полиевктовна (1882–1940) – супруга Н.К. Кольцова 187, 301
- Колыхоев – студент Первого Ленинградского медицинского института 276
- Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник и географ, академик, президент АН СССР (1936–1945) 21, 92, 98, 113, 191, 192, 193, 195, 196, 215, 217, 258, 280, 300, 302, 303, 304
- Комарович М.А. – работник аппарата Президиума АН СССР 35, 36
- Конюс Г. – композитор 41
- Костов Данчо – болгарский генетик, ученик Н.И. Вавилова 321
- Костова-Маринова А.А. – жена Данчо Костова 321
- Костюк Платон Григорьевич (р. 1924) – физиолог, академик АН СССР и АН УССР 241
- Коштыянец Хачатур Седракович (Сергеевич) (1900–1961) – физиолог, член-корреспондент АН СССР и академик АН АрмССР, профессор МГУ 76, 113, 117, 182, 183, 192, 194, 197, 240, 241, 278, 285
- Кравков Николай Павлович (1865–1924) – фармаколог, ученик И.М. Сеченова 253
- Кравчинский П.Д. – физиолог, ученик Л.А. Орбели 28
- Красковский Сергей Александрович (1903–?) – геолог-геофизик 200, 201, 306
- Красногорский Николай Иванович (1882–1961) – физиолог, педиатр, ученик И.П. Павлова, академик АМН СССР 155, 264, 288, 290, 314
- Красусская А.А. – анатом, заведующая Отделом анатомии ЕНИ им. П.Ф. Лесгафта 287
- Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – филолог, арабист, академик 197
- Кребс (Krebs) Ханс (1900–1981) – английский биохимик, лауреат Нобелевской премии (1953) 311
- Крепс Евгений Михайлович (1899–1985) – физиолог и биохимик, академик, ученик И.П. Павлова и Л.А. Орбели 7, 8, 28, 29, 41, 46, 169, 183, 190, 191, 260, 273, 280, 281, 284, 291–294, 302, 303, 309, 325
- Крестовников Алексей Николаевич (1885–1955) – физиолог, ученик И.П. Павлова, ассистент Л.А. Орбели в ЕНИЛе 63, 65, 83, 136, 299
- Кривичкий А.Я. – сотрудник Л.А. Орбели в Первом Петроградском медицинском институте 64
- Кричевский Я.Н. – доктор медицинских наук, профессор 27
- Криштофович Африкан Николаевич (1885–1953) – палеоботаник, член-корреспондент АН СССР, академик АН УССР 217
- Крог (Krogh) Август (1874–1949) – датский физиолог, лауреат Нобелевской премии 130
- Кружков В. – заведующий Отделом науки ЦК ВКП(б) 35, 281, 323
- Крушинский Леонид Викторович (1911–1984) – физиолог, генетик, ученик Н.К. Кольцова и Л.А. Орбели, член-корреспондент АН СССР. Основные труды в области физиологической генетики, биологических основ поведения 22, 186, 249, 288, 301, 321
- Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) – механик и математик, кораблестроитель, академик 195
- Крышова Нина Александровна (1895–1971) – невропатолог, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки, нейрогенетик, работала у И.П. Павлова и Л.А. Орбели 22, 288
- Кторов Анатолий Петрович (1898–1994) – народный артист СССР 172
- Кузнецов Николай Герасимович (1902–1974) – адмирал флота Советского Союза, в 1950-е годы – командующий Тихоокеанским флотом, в 1951–1953-е годы – военно-морской министр 28, 234, 318
- Кузнецов Н.Н. 46
- Кузнецов Н.Я. – энтомолог 114
- Кулябко Алексей Александрович (1866–1930) – физиолог, сотрудник Ф.В. Овсянникова; профессор Казанского и Томского университетов 253, 287
- Кумакова Е.П. – сотрудница Н.К. Кольцова 187

- Кунстман Клара Ивановна – сотрудница Орбели по ЕНИ им. Лесгафта 65, 134, 135, 253, 323
- Купалов Петр Степанович (1888–1964) – физиолог, ученик И.П. Павлова 34, 35, 71, 147, 218, 241, 250, 290, 314, 316, 323
- Курбатов М. – композитор 41
- Курганский П.И. – сотрудник Л.А. Орбели, кандидат медицинских наук 157, 262
- Кусто (Cousteau) Жак (р. 1910) – французский ученый, океанолог, океанограф-исследователь 28
- Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – русский полководец, главнокомандующий в Отечественной войне 1812 г. 209
- Лавдовский Михаил Дормидонтович (1846/47–1902/03) – гистолог, эмбриолог, профессор ВМА 11, 25, 59
- Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794) – французский химик, один из основоположников современной химии 203, 306
- Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – физик, биофизик, академик, с 1938 по 1942 г. возглавлял Биофизическую лабораторию АН СССР 41, 178, 193, 195, 297, 304
- Латмазинова Л.В. – физиолог 241
- Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) – русский физик 38, 210
- Лебединский Андрей Владимирович (1902–1965) – физиолог, биофизик, академик АМН СССР 112, 178, 248, 258, 297, 307, 316, 320, 321
- Лебединский Владимир Константинович (1868–1937) – физик, радиотехник, отец А.В. Лебединского 248
- Левандовская-Лемпицкая Лидия Александровна – внучатая племянница И.М. Сеченова 224, 225, 311
- Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) – петрограф, академик 305
- Левшин Борис Венедиктович (р. 1926) – доктор исторических наук, директор АРАН 10
- Лейбсон Лев Германович (1900–1994) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, основатель эволюционного направления в эндокринологии 6, 7, 10, 16, 26, 32, 73, 76, 77, 99, 224, 252, 256, 273, 276, 278, 286, 291, 297, 300, 313, 317, 320, 322–324
- Лейбсон Нина Львовна (р. 1932) – кандидат биологических наук 10
- Ленгли Джон (Langley) (1852–1925) – английский физиолог, профессор Кембриджского университета 323
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – основатель Советского государства 262, 263, 289
- Лео (Левон) Александрович см. Ротинян Л.А.
- Леонтьев Алексей Николаевич (1903–1979) – психолог, первый декан факультета психологии (основан в 1966 г.) МГУ, академик АПН СССР 33, 101, 282
- Лесгафт Петр Францевич (1836–1909) – анатом, педагог, общественный деятель, основатель биологической лаборатории в Петербурге (1894) 12, 133–135, 286
- Лечков М.К. 41
- Лещенко – профессор 204
- Лёб Жак (Loeb) (1859–1924) – физиолог, биолог. Работал в Германии, с 1901 г. руководил Отделом экспериментальной биологии в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке 59
- Ливанов Николай Иванович – зоолог, профессор Казанского университета 324
- Лим – китайский физиолог 120
- Линдберг Александр Августович (1898–?) – физиолог, с 1933 г. работал в ФИНе 94–96, 281
- Лискуи Ефим Федотович (1873–1958) – животновод, академик ВАСХНИЛ 104, 105
- Лисицян Степан Данилович (1865–1947) – филолог, географ, этнограф, педагог, 116, 284
- Лихачев Алексей Алексеевич (1866–1942) – фармаколог, профессор Первого Ленинградского (бывшего медицинского) института 63, 68, 298
- Лобачевский Николай Иванович (1792–1856) – математик, создатель неевклидовой геометрии, ректор Казанского университета 323
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, художник, историк 210
- Лондон Григорий Ефимович – сын Е.С. Лондона 235, 318
- Лондон Ефим Семенович (1869–1939) – биохимик, патофизиолог, профессор биохимии Ленинградского университета 235
- Луганский Н.И. 241
- Лукиянов Сергей Михайлович (1855–1935) – патолог, директор ИЭМа (1894–1902) 63
- Лунцгер 130
- Лусик Р. см. Ротинян Л.
- Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) – агроном, академик 9, 22–24, 40, 113, 144, 202, 203, 214, 219, 223, 283, 289, 306, 310, 311, 321
- Любименко Владимир Николаевич (1873–1937) – ботаник, физиолог, член-корреспондент АН СССР 287
- Магнус (Magnus) Рудольф (1873–1927) – голландский физиолог и фармаколог 91, 245

- Мазинг Р.А. – генетик, сотрудник ИЭФНП в.н.д. в Колтушах 22, 287, 288
- Майкапар С.М. – русский композитор 41
- Майоров Федор Петрович (1900–1964) – физиолог, ученик И.П. Павлова 34, 151, 291
- Макаров – сотрудник П.П. Лазарева 195
- Максимов Александр Александрович (1874–1929) – гистолог, профессор ВМА, в 1922 г. эмигрировал в США 71
- Максимов Николай Александрович (1880–1952) – физиолог растений, академик 113, 215, 221, 309
- Малаховская Дебора Борисовна – сотрудник Л.А. Орбели 261, 322
- Маленков Георгий Максимилианович (1903–1988) – советский государственный и партийный деятель, курировал науку 8, 24, 30, 33–35, 38, 39, 231, 313, 316, 317, 323
- Мальчевский П.Л. – химик 287
- Мансурова В.В. 114
- Мансфельд Г. (Mansfeld) – венгерский физиолог. Во время XVII Международного физиологического конгресса в Оксфорде встречался с Л.А. Орбели. Был освобожден из гитлеровского концлагеря Советской Армией 46, 220, 310
- Мансфельд Геза – жена Г. Мансфельда 46, 220, 310
- Маркс Карл (1818–1883) – немецкий экономист, основатель учения о капитале, автор Коммунистического манифеста 262, 263, 289
- Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – востоковед, арменовед, лингвист, академик, заведующий кафедрой армяно-грузинской филологии в Санкт-Петербургском университете 174–177, 297
- Массальский Павел Владимирович (1904–1979) – народный артист СССР 172
- Матвеев Борис Степанович (1889–1973) – морфолог, профессор МГУ 198
- Медведев Н.И. – клиницист, профессор ВМА, помощник Л.А. Орбели по клинической части ВМА 30
- Мезерницкий П.Г. – врач 173
- Мендель Грегор (Mendel) (1822–1884) – чешский натуралист, открыл законы наследственности 289, 301, 321
- Меринг Т.А. – морфолог, сотрудница Института мозга РАМН 320
- Меркулов Василий Лаврентьевич (1908–1980) – физиолог, историк науки 247, 321
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) – выдающийся русский биолог, иммунолог, лауреат Нобелевской премии (1908), почетный член Петербургской АН (1902) 195, 196, 304
- Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – советский государственный и партийный деятель. В 1940-е годы – заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внешней торговли 20, 205, 211
- Миславский Николай Александрович (1854–1928) – физиолог, основатель Казанской физиологической школы, член-корреспондент АН СССР 98, 100
- Митерев Георгий Алексеевич (1900–1977) – доктор медицинских наук, министр здравоохранения СССР (1939–1947) 189, 302
- Митин Марк Борисович (1901–1987) – философ, академик 25
- Миткевич Владимир Федорович (1872–1951) – электротехник, академик 248
- Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971) – народный артист СССР, певец (бас) 172
- Михайлова Е.И. – сотрудница библиотеки АН СССР 221
- Михайловский-Данилевский А.И. – прапрадед В.В. Оппеля, генерал, участник совета в Флях в качестве адъютанта М.И. Кутузова 209
- Михельсон Надежда Исаевна (1901–1956) – ученица, ближайшая сотрудница и помощница Л.А. Орбели 26, 126, 183, 300
- Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – биолог, селекционер, почетный член АН СССР 9, 202, 221, 222
- Мкртычева Люси Ивановна – врач-физиолог, ученица Л.А. Орбели 47
- Могуний М.А. – генерал-майор 226
- Монсеев Евгений Александрович (1899–1976) – физиолог, ученик Л.А. Орбели, заведующий лабораторией гистофизиологии ФИНа 39, 93, 131, 133, 161, 162, 166, 171, 269, 280, 286
- Молоков 184
- Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный деятель, министр иностранных дел, председатель СНК (1930–1941) 8, 24, 191, 303
- Молчанова-Сеничева – врач 152
- Морган (Morgan) Томас (1866–1945) – американский биолог, создатель хромосомной теории наследственности. Лауреат Нобелевской премии, почетный член АН СССР 289, 311
- Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционер-народовец, ученый-астроном, математик. Директор Естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта 134, 287, 298
- Моруцци Дж. (Moruzzi) (1910–?) – итальянский нейрофизиолог 128, 285

- Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – народный артист СССР 172
- Мусаэлян – в годы Великой Отечественной войны был директором ВИЭМа 203, 307
- Мухелишвили Николай Иванович (1891–1976) – математик, академик, президент АН Грузии 36
- Мясищев В.Н. – психолог, ученик В.М. Бехтерева 39
- Навашин Михаил Сергеевич (1896–1973) – цитолог, цитогенетик 308
- Найденев – комбриг 189
- Нарикашвили Сергей Павлович – физиолог, ученик И.С. Бериташвили 241
- Насонов Дмитрий Николаевич (1895–1957) – цитофизиолог, член-корреспондент АН СССР и академик АМН СССР, профессор Санкт-Петербургского университета, директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР (1953–1957) 38, 232, 234, 241, 284, 287, 312, 321
- Наташа М. см. Шамарина Н.М.
- Наточин Юрий Викторович (р. 1932) – физиолог, академик, ученик А.Г. Гинецинского 16
- Некрасов Алексей Дмитриевич (1874–1960) – зоолог, историк биологии 198, 296
- Некрасов Н. 296
- Неманова – врач-педиатр 152
- Немилова 161
- Несмеянов Александр Николаевич (1899–1983) – химик, академик, президент АН СССР (1951–1961) 39, 40, 46, 163, 231, 234, 236, 237, 239, 241, 244, 284, 319
- Несмеянова Татьяна Николаевна (1907–1991) – физиолог, доктор биологических наук, ученица Л.А. Орбели, сестра президента АН СССР А.Н. Несмеянова 38, 268, 322, 324, 325
- Нехорошев Н.П. – сотрудник Л.А. Орбели в Первом Петроградском медицинском институте 64
- Нидхэм Дж. (Needham) (1900–1986) – английский биохимик, автор трудов по эмбриологии 114
- Новлянская М. – стенографистка 117
- Новоселов 214
- Нуждин Николай Иванович (1904–1972) – генетик и радиобиолог, сподвижник Т.Д. Лысенко, работал в Институте генетики 192, 303
- Ньютон Исаак (1643–1727) – английский физик, механик, астроном и математик 304
- Ньюэл – французский физиолог 59
- Обухова М.А. 133
- Оганесян Левон Андреевич (1885–1970) – терапевт, академик АМН СССР и АН АрмССР, автор фундаментального пятитомного труда "История медицины Армении с древнейших времен до наших дней" (1950) 242, 243, 305, 319
- Октябрьский (наст. фам. Иванов) Филипп Сергеевич (1899–1969) – адмирал, с 1939 г. командовал Черноморским флотом 212
- Омелянский Василий Леонидович (1867–1928) – микробиолог, академик 287
- Опарин Александр Иванович (1894–1980) – биохимик, академик, академик-секретарь ОБН СССР (1948–1956) 37, 39, 113, 219, 228, 294
- Оппель А.А. – русский композитор 209
- Оппель Варвара Владимировна – сестра биохимика В.В. Оппеля 225, 312
- Оппель Владимир Андреевич (1872–1932) – хирург, профессор и первый президент ВМА, создатель кафедры военно-полевой хирургии, отец В.В. Оппеля 209, 312
- Оппель Владимир Владимирович (1900–1962) – биохимик, профессор кафедры биохимии ВМА, после реабилитации возглавил лабораторию биохимии мышечных белков в Институте эволюционной физиологии и биохимии АН СССР 8, 46, 208, 209, 225, 239, 312
- Оппель Христофор – прапрадед В.В. Оппеля, врач 209
- Орбели Абгар Иосифович (1849–1913) – юрист, отец Л.А. Орбели 11
- Орбели Абгар Леонович (р. 1939) – физик, внук Л.А. Орбели 10, 233, 246, 260, 267, 322
- Орбели Варвара Моисеевна (1857–1937) – мать Л.А. Орбели, урожденная княжна Аргутинская-Долгорукова см. фото на вклейке
- Орбели Елизавета Иоакимовна (1879–1974) – жена Л.А. Орбели, урожденная Аладжалова 12, 45, 64, 174, 176, 232–234, 243, 246, 260, 266
- Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) – востоковед, лингвист, археолог, младший брат Л.А. Орбели 11, 175, 216, 297
- Орбели Иосиф Иоакимович (?–1891) – священник, дед Л.А. Орбели см. фото на вклейке
- Орбели Мария Леоновна (1916–1949) – биофизик, дочь Л.А. Орбели 260, 299, 311
- Орбели Рубен Абгарович (1880–1943) – юрист, основатель подводной археологии, старший брат Л.А. Орбели 11, 175
- Орел Владимир Михайлович (р. 1931) – доктор экономических наук, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН 10

- Орлов Юрий Александрович (1893–1966) – палеонтолог и гистолог, академик, директор ПИН АН СССР (1945–1966) 215
- Остен-Сакен Мария Эмильевна – стенографистка, дочь Э.Ю. Остен-Сакена 46, 78, 210, 308
- Остен-Сакен Э.Ю. (?–1940) – хирург, немец по происхождению, директор Всесоюзного института протезирования в Ленинграде 210
- Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – экономист, академик, общественный деятель 233, 317
- Островский Александр Николаевич (1823–1886) – драматург 41
- Павлов Иван Петрович (1849–1936) – физиолог, лауреат Нобелевской премии, академик 6, 11–20, 22, 25, 26, 30, 32–35, 37–49, 59, 67, 70–72, 75–89, 91–98, 100, 107, 108, 110, 114, 115, 120, 129, 130, 132, 133, 136–142, 146–153, 155, 160, 181, 182, 184, 186, 189, 190, 200, 205, 206, 210, 226, 229, 230, 245, 248, 250–255, 262, 269, 274, 275, 277–282, 284, 287, 289, 290, 296–302, 305, 311–314, 316, 317, 319–323
- Павловский Евгений Никанорович (1884–1965) – зоолог-паразитолог, академик 106, 113, 114, 194, 219, 310
- Павловский К.А. – главный врач ЭПРОН 309
- Палибин Иван Владимирович (1872–1949) – палеоботаник, путешественник. С 1895 г. сотрудник Петербургского ботанического сада. Ученый, специалист по субтропическим культурам 217, 309
- Палладин Александр Владимирович (1885–1972) – биохимик, академик АН СССР и АН УССР 71, 117, 118, 238, 240, 298, 319
- Панкратьев – прокурор СССР 191
- Панченко – военный комиссар Ленинграда в 1950-е годы 235
- Панюков А.А. – начальник Норильского комбината НКВД в 1940-е годы 213
- Парин Василий Васильевич (1903–1971) – физиолог, академик АН СССР и АМН СССР 7, 8, 233, 246, 317, 320
- Парнас Якуб Оскарович (1884–1949) – биохимик, академик 114
- Паульсен (Paulsen) Фридрих (1846–1908) – немецкий философ-идеалист 59
- Пенжерков – студент Первого Ленинградского медицинского института, болгарин 68, 69, 276
- Петров Борис Дмитриевич (1904–1991) – историк медицины, член-корреспондент АМН СССР 117, 118
- Петров Николай Николаевич (1876–1964) – онколог, академик АМН СССР 229, 313
- Петрова Мария Капитоновна (1874–1948) – физиолог, терапевт, доктор медицинских наук, ученица И.П. Павлова 34, 100, 137, 140, 189, 197, 250, 279, 281, 287, 302, 322, 323
- Пинес Лев Яковлевич (1895–1951) – гистолог, невропатолог-клиницист, заведующий нейрогистологической лабораторией ФИНа 187
- Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – великий русский хирург и анатом, педагог и общественный деятель. Основатель военно-полевой хирургии 209
- Плanelьес Хуан Хуанович (1900–1972) – микробиолог, академик АМН СССР 271, 325
- Платонов Константин Иванович – психолог 39
- Поварнин К.П. – ученик В.М. Бехтерева 39
- Подкопаев Николай Александрович (1892–1950) – физиолог, ученик И.П. Павлова. С 1923 по 1950 г. работал в ФИНе 34, 94–96, 281
- Полторацкий – художник 174
- Поляков Иван Васильевич – сотрудник Эрмитажа 216
- Понаровский 298
- Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–19?) – советский государственный и партийный деятель, член Президиума ЦК КПСС 39
- Попов А.Л. – репрессированный, научный сотрудник 46, 184, 300
- Поповский Марк – писатель, исследователь жизни и автор книг о Н.И. Вавилове 321
- Похвалин В.П. – заведующий горздравом Ленинграда 315
- Праут Э. – английский писатель 275
- Презент Исаак Израилевич (1902–1969) – биолог, академик ВАСХНИЛ (1948), сподвижник и идеолог Т.Д. Лысенко 222, 311
- Прикладовицкий С.И. – физиолог, сотрудник Л.А. Орбели 28, 280
- Промптов Александр Николаевич – зоолог-орнитолог, сотрудник Л.А. Орбели 286
- Протопопов В.П. – невропатолог, ученик В.М. Бехтерева 39
- Прудкин Марк Исаакович (1898–1994) – народный артист СССР 172
- Прянишников Дмитрий Николаевич (1856–1948) – агрохимик, академик, основатель школы агрохимии, учитель Н.И. Вавилова 21, 23, 24, 113, 114, 144, 203, 219, 283, 306
- Пулл – профессор, президент колледжа Сен-Джонс в Оксфорде 122
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – великий русский поэт 296

- Пшеничников – профессор, председатель общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в 1940-е годы 117
- Пэрна Николай Яковлевич (1878–1925) – русский физиолог, эстонец по происхождению, ученик Н.Е. Введенского, приват-доцент Санкт-Петербургского университета 66, 275
- Рабинович Л.М. – врач 63, 64
- Радовский Мойсей Израилевич (1903–19?) – физик, ученый секретарь Ньютоновской комиссии АН СССР, сотрудник ИИЕиТ АН СССР 195, 233, 234, 317
- Радченко Семен Иванович – секретарь партбюро ЕНИЛ 228, 229
- Разенков Иван Петрович (1888–1954) – физиолог, ученик И.П. Павлова, академик АМН СССР 35, 36, 117, 146, 147, 278, 290
- Ракис 130
- Рамонов Евгений Давыдович (1883–?) – ученый секретарь Биогруппы АН СССР 184, 300
- Рапопорт Иосиф Абрамович (1912–1990) – биолог, генетик, член-корреспондент АН СССР 24, 308
- Рахлин Леопольд Матвеевич – врач-кардиолог, заслуженный деятель науки РСФСР 320
- Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – выдающийся русский композитор, гениальный пианист и дирижер 41, 245
- Резвяков Н.П. – физиолог, профессор Ленинградского и Казанского университетов 275
- Родендорф Б.Б. – энтомолог 114
- Рожанский Николай Аполлинариевич (1884–1957) – физиолог, ученик И.П. Павлова, основатель физиологической школы в Ростове-на-Дону 15, 241, 319
- Розанов Э. 41
- Ройтбак Александр Ильич (1919–1993) – физиолог, член-корреспондент РАН, ученик И.С. Бериташвили, работал в Институте физиологии им. И.С. Бериташвили АН Грузии 241
- Рокицкий Петр Фомич – генетик 301
- Розенблюм Юрий Захарьевич (р. 1925) – врач-окулист, доктор медицинских наук, профессор Московского НИИ глазных болезней им. Г. Гельмгольца 26, 28
- Ромашов Дмитрий Дмитриевич (1899–1964) – генетик, ученик Н.К. Кольцова 199, 207, 208, 305, 308
- Ротбергер А. – венский кардиолог 245
- Ротинян Левон Александрович (1879–1964) – химик, профессор, основатель физико-химической школы в Армении. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Профессор химии и теоретической электрохимии в Петербургском политехническом институте. В 1918 г. – профессор Тифлисского университета, в начале 1920-х годов переехал в Армению. Л.А. Орбели был знаком и дружен с семьей Л.А. Ротиняна еще в Тифлисе. Л.А. Ротинян – многолетний и близкий друг Л.А. Орбели 46, 181, 190, 302
- Ротинян Лусик 190, 302
- Рубинштейн Дмитрий Леонидович – физиолог, профессор 33
- Румянцев Алексей Всеволодович (1889–1947) – гистолог 192
- Румянцев – сотрудник ЦК ВКП(б) 314
- Русинов Владимир Сергеевич (1903–1995) – физиолог, член-корреспондент РАН и академик РАМН. В последние годы работал в Институте нейрофизиологии и высшей нервной деятельности РАН 184
- Русишвили – физиолог, сотрудник Л.А. Орбели 136
- Рыжков Виталий Леонидович (1896–1977) – вирусолог, член-корреспондент АН СССР 114
- Савич Владимир Васильевич (1874–1936) – физиолог, фармаколог, доктор медицинских наук, ученик И.П. Павлова 9, 11, 63, 64, 69, 73, 74, 78–85, 127, 128, 275, 278, 279, 285
- Садовский Пров Михайлович (1874–1947) – русский актер, народный артист СССР 42
- Самойлов Александр Филиппович (1867–1930) – физиолог, основатель электрофизиологии, электрокардиографии и клинической физиологии, ученик И.П. Павлова и И.М. Сеченова 17, 41, 42, 71, 245, 246, 320
- Самойлова И.К. 157
- Самсонова Вера Георгиевна – доктор физико-математических наук 47, 307
- Саркисов А.А. 199
- Саркисов Семен Александрович (1895–1971) – морфолог и невропатолог, академик АМН СССР, академик-секретарь АМН СССР (1947–1950) 35, 36, 226, 245, 312, 320
- Сахаров В.В. 114
- Свидерский Владимир Леонидович (р. 1931) – физиолог, академик, директор Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН 5, 10
- Северин Сергей Евгеньевич (1901–1993) – биохимик, академик РАН и РАМН 36, 310
- Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) – биолог, основатель эволюционной морфологии животных 278

- Селье (Selye) Ганс (1907–1982) – канадский врач, физиолог и патолог, основатель учения о стрессе 113
- Серов И. – заместитель министра МВД СССР 220
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) – физиолог, основатель отечественной школы физиологов, почетный академик (1904). Профессор Медико-хирургической академии, Новороссийского, Санкт-Петербургского и Московского университетов 8, 30, 41, 87, 108, 141, 192, 224, 225, 245, 320
- Сибиряков И.М. – меценат, ученик П.Ф. Лесгафта 275, 286
- Сизов И. – заместитель директора ВИРА 24
- Симонов Павел Васильевич (р. 1926) – физиолог, академик 43, 44
- Симонов Рубен Николаевич (1899–1968) – актер, режиссер, народный артист СССР 172
- Сисакян Норайр Мартirosович (1907–1966) – биохимик, академик АН СССР и АН Армении 35
- Скворцов Владислав Иринархович (1879–1959) – фармаколог, академик АМН СССР 197
- Скворцов Н.А. – министр совхозов 25
- Скрябин Константин Иванович (1878–1972) – гельминтолог-паразитолог, основатель школы, академик АН СССР, ВАСХНИЛ и АМН СССР 7, 21, 106, 107, 114, 194
- Скрябина Е.А. – аспирантка А.А. Ухтомского 178, 179, 297, 304
- Слепян Эрик Иосифович (р. 1931) – доктор биологических наук, биолог-эколог 239, 319
- Словцов Б.И. – профессор 63
- Смирнов Александр Иванович (1887–1976) – физиолог, ученик И.П. Павлова, член-корреспондент АМН СССР 63
- Смирнов Георгий (Юрий) Донатович – физиолог 241
- Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) – организатор здравоохранения, министр здравоохранения СССР, академик АМН СССР 142, 224, 225, 287, 312
- Соболь Самуил Львович (1893–1960) – биолог, историк биологии, исследователь творчества Дарвина, переводчик трудов Дарвина на русский язык 192
- Соколов М.И. – работник аппарата Президиума АН СССР 35, 36
- Сосновский – консул Советского Союза в Берлине 117
- Спасский А.А. – профессор 292, 295
- Сперанская-Степанова Е.Н. – физиолог 63, 83
- Сперанский Алексей Дмитриевич (1888–1961) – физиолог и патолог, ученик И.П. Павлова, основатель научной школы 36, 89–91, 200, 226, 250, 280, 312, 323
- Стакалич Е.П. – сотрудница Л.А. Орбели 135
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – руководящий деятель КПСС и советского государства 8, 30, 33, 39, 229–231, 262, 263, 265, 283, 291, 313, 314, 317
- Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) – режиссер, актер, педагог и теоретик театра, народный артист СССР 42, 44, 172
- Степанов Павел Иванович (1880–1947) – геолог, академик 200, 201, 306
- Строганов Василий Васильевич (1881–1950) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели 94, 132, 273
- Струков Анатолий Иванович (1901–1992) – патологоанатом, академик РАМН 312
- Студенцов Николай Павлович (1873–1934) – физиолог, ученик И.П. Павлова 321
- Суворов Сергей Георгиевич (1902–?) – заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 24
- Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) – ботаник, лесовод, академик 7, 21, 113, 114, 219, 310, 321, 323
- Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – партийный и государственный деятель, секретарь ЦК КПСС по идеологии 35, 39, 281, 316, 323
- Суханов Д.Н. – работник ЦК КПСС, секретарь Г.М. Маленкова 39, 314
- Суханова Н.В. – сотрудница Л.А. Орбели 157
- Сент-Дьердьи А. (Szent-Györgyi) (р. 1893) – американский биохимик, один из основоположников биоэнергетики, иностранный член-корреспондент АН СССР (1947). По национальности венгр, с 1947 г. в США. Лауреат Нобелевской премии (1937) 114
- Сушкин Петр Николаевич (1868–1928) – зоолог, палеонтолог, академик 180
- Танеев Сергей Иванович (1856–1915) – русский композитор, пианист 41
- Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) – микробиолог, один из основателей журнала "Природа" 177, 178, 297
- Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса, народная артистка СССР 172
- Таренецкий – анатом, профессор ВМА 25
- Тарханов (Тархнишвили) Иван Рамазанович (1846–1908) – физиолог, ученик И.М. Сеченова, про-

- фессор Военно-медицинской академии и Санкт-Петербургского университета 29, 253, 287
- Тахтаджян Армен Леонович (р. 1910) – ботаник, академик АН СССР АрмССР 317
- Твердынский М.А. – физиолог 171, 296
- Тевосян Иван (Ованес) Федорович (Тевадросович) (1902–1958) – советский государственный, партийный деятель 19
- Тен-Кате Яспер Ясперович (1888–19?) – физиолог, ученик И.П. Павлова и сотрудник Л.А. Орбели 65, 134, 135
- Тер-Григорьян (Григорян) Камсар Нерсесович (р. 1911) – литературовед, доктор филологических наук. В 1955–1970 гг. был заместителем директора Института мировой литературы (Пушкинский дом). Труды в области русско-армянских литературных связей. Автор книги "Ваан Терян" (1957). Племянник В. Теряна 197, 304
- Терехов Д. – заместитель Главного военного прокурора, полковник юстиции 239
- Терян (Терьян) Ваан (наст. имя и фам. Ваан Сукиасович Тер-Григорьян) (1885–1920) – выдающийся армянский поэт и общественный деятель, учился в Лазаревском институте, Московском университете, окончил факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета 197, 304
- Тетьева Мария Борисовна (1886–1963) – физиолог, сотрудница Л.А. Орбели 65, 134, 171, 253, 266, 267
- Тигерштедт (Tigerstett) Роберт (1853–1923) – физиолог, работал в Финляндии и Швеции 277
- Тимме Е.И. – деятель культуры 225
- Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900–1981) – биолог, биофизик, генетик 246, 247, 321
- Тихомиров Николай Павлович (1879 – после 1955) – физиолог, ученик И.П. Павлова 80
- Тонких Анна Васильевна (1886–1979) – физиолог, ученица и помощница Л.А. Орбели. Основные исследования в области физиологии симпатической нервной системы, заведующая лабораторией физиологии вегетативной нервной системы 63, 64, 93, 96, 122, 127, 128, 131, 134, 135, 215, 232, 252, 269, 280, 285, 298, 299, 309, 317, 325
- Тонков Владимир Николаевич (1872–1954) – анатом, академик АМН СССР 275, 300
- Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) – химик, академик, главный ученый секретарь АН СССР (1949–1958) 35, 36, 39, 146, 163, 238, 241, 242
- Тораманян Торос Арутюнович (1864–1934) – архитектор, основатель научного изучения армянской архитектуры. Древнюю архитектуру изучал в Египте, Греции, Риме. Вместе с Н.Я. Марром и филологом К. Басмаджяном в 1903 г. начал систематические исследования архитектурных памятников Ани – древней столицы Армении 174
- Трауготт Наталия Николаевна (1904–1994) – психиатр и невропатолог, ученица А.Г. Иванова-Смоленского, сотрудница Л.А. Орбели 47, 204, 205, 211, 227, 307, 308
- Третьяков Андрей Федорович (1905–1966) – заместитель министра здравоохранения СССР (1953–1954) 227
- Тур Александр Федорович (1894–1974) – педиатр, академик АМН СССР 153, 160, 263, 264, 324
- Турпаев Тигран Мелкумович (р. 1918) – физиолог, академик 241
- Тюрин Иван Владимирович (1892–1962) – биолог-почвовед, академик 292, 294
- Уголев Александр Михайлович (1926–1988) – физиолог, академик, ученик В.Н. Черниговского 283
- Улащик Н.Н. – учитель истории, аспирант, репрессированный 46, 197, 198, 304
- Усневич Михаил Александрович (1899–198?) – физиолог, ученик И.П. Павлова 35, 290
- Ухтомский Алексей Алексеевич (1875–1942) – физиолог, академик, основатель школы и физиологического института (1935) Санкт-Петербургского университета и учения о доминанте 91, 179, 247, 275, 278, 287, 300, 321
- Федоров Евграф Степанович (1853–1919) – кристаллограф, академик 287
- Федоров Лев Николаевич (1891–1952) – физиолог, академик АМН СССР, ученик И.П. Павлова 35, 117, 124, 146, 147, 225, 290
- Федосеев – директор ЛАХУ 201
- Фетваджян Аршак Абраамович (1866–1947) – армянский художник. Учился в Академии художеств в Риме, работал в Вене. Был членом Общества художников в России, участвовал в выставках в Петербурге. Писал картины древних памятников Армении. Личные выставки в Батуми, Тифлисе, Баку, Париже. Последние годы жизни провел в США. Похоронен в Ереване 177
- Филатов Дмитрий Петрович (1876–1943) – эмбриолог, академик 198

- Фольбоорт Георгий Владимирович (1885–1960) – физиолог, ученик И.П. Павлова, академик АН УССР 35, 71
- Франк Глеб Михайлович (1904–1976) – биофизик, академик АН СССР и АМН СССР 20, 132, 133, 232, 286, 304
- Фредерик Анри – бельгийский физиолог, сын Л. Фредерика 120
- Фредерик (Frédéricq) Леон (1851–1935) – бельгийский физиолог 71
- Фролов Александр Андреевич – вице-адмирал 236, 237
- Фролова С.А. 114
- Фролова С.Л. – генетик 308
- Фултон (Fulton) Джон – американский физиолог, историк физиологии 245
- Фурсиков Дмитрий Степанович (1893–1929) – физиолог, ученик И.П. Павлова, директор Института высшей нервной деятельности, основанного в 1925 г. в Москве при Комакадемии 65
- Халатьян Григорий Абраамович (1858–1912) – арменовед, историк-филолог, педагог. Окончил Лазаревский институт в Москве и историко-филологический факультет Московского университета. Много сделал для развития арменоведения в России 177
- Хилл (Hill) Арчибалд (1886–1977) – английский физиолог, биофизик, лауреат Нобелевской премии 245
- Хмелев Николай Павлович (1901–1945) – народный артист СССР 172
- Хмельницкий – адъютант народного комиссара обороны 189
- Холдейн Дж. (Haldane) (1860–1936) – английский физиолог 123
- Холодковский Николай Александрович (1858–1921) – зоолог, профессор ВМА 11, 25
- Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971) – советский государственный и партийный деятель, член Политбюро ЦК КПСС 39
- Хрущов Григорий Константинович (1897–1962) – гистолог, член-корреспондент АН СССР 113
- Худобашев Александр Макарович (1780–1861) – видный общественный деятель, переводчик, издатель, видный деятель армянской общины в Санкт-Петербурге 12
- Хэд (Head) Генри (1861–?) – английский невролог и невропатолог 136
- Цветков Николай Иванович – вице-адмирал 236
- Циглер – немецкий биолог 59
- Циммерман Ариадна Николаевна – сотрудница Л.А. Орбели 157
- Цитович Иван Сергеевич (1876–1955) – физиолог и фармаколог, ученик И.П. Павлова, профессор фармакологии Донского университета, позже – Ростовского медицинского института 11, 15, 63
- Цидин Николай Васильевич (1898–1980) – ботаник, генетик, селекционер, академик 113
- Цуринова Гаянэ Павловна (1900–1972) – референт Л.А. Орбели 260, 273
- Чаговец Василий Юрьевич (1873–1941) – физиолог, академик АН УССР 287
- Чайлахян Михаил Христофорович (1902–1991) – физиолог растений, академик, создал теорию о гормональной регуляции роста и развития растений 221, 311
- Чаплев В.Н. – работник аппарата Президиума АН СССР 36
- Ченькаева Елена Юрьевна (1909–1986) – физиолог, биохимик, ученица Л.А. Орбели, жена Е.М. Крелса 93, 94, 135, 183, 281, 300
- Черкашин Александр Николаевич – физиолог, работник отдела науки ЦК ВКП(б) 31, 36, 242
- Черниговский Владимир Николаевич (1907–1981) – физиолог, академик АН СССР и АМН СССР 168, 241, 290, 318
- Чесноков – работник ЦК ВКП(б) 314
- Четвериков Сергей Сергеевич (1880–1959) – генетик, основатель популяционной генетики. В 1921 г. в Институте экспериментальной биологии организовал генетическую лабораторию 207
- Чехов Антон Павлович (1860–1904) – классик русской литературы 172
- Чигаев Николай Федорович (1859–1917) – физиолог, ученик И.П. Павлова 83
- Шабанов Александр Николаевич (1904–1982) – хирург, заместитель министра здравоохранения СССР, член-корреспондент АМН СССР 36
- Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – русский певец (бас), народный артист Республики 172
- Шамарина Наталья Марковна (1901–1956) – физиолог, ученица Л.А. Орбели 197, 232, 270, 271, 283, 304
- Шатален Михаил Андреевич (1866–1957) – электротехник, член-корреспондент АН СССР 248
- Шатерников Михаил Николаевич (1870–1939) – физиолог, ученик И.М. Сеченова 278
- Шаховский – работник прокуратуры Москвы 198
- Шварц Станислав Семенович (1919–1976) – зоолог, академик 247

- Шебакин Виссарион Яковлевич (1902–1963) – музыкант, композитор, директор Московской консерватории им. П.И. Чайковского 208
- Шевелев – начальник 6-го отделения МВД СССР, подполковник 220
- Шейвехман Б.Е. 132, 133, 286
- Шелованов Н.И. – невропатолог 39
- Шенкман 196
- Шеридан Ричард (1751–1816) – английский политический деятель, драматург 172
- Шеррингтон (Sherrington) Чарлз (1857–1952) – физиолог, лауреат Нобелевской премии (1932), профессор Оксфордского университета 34, 46, 73, 74, 277
- Шибанов А.А. – директор ЕНИЛ 231, 315, 317
- Шидловский П.Г. – управделами Президидума АН СССР 35
- Шильдер – студент Первого Ленинградского медицинского института 276
- Шингарова А.И. – врач 63
- Шишкин Борис Константинович (1886–1963) – ботаник, член-корреспондент АН СССР 217
- Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – зоолог и морфолог, академик АН СССР и АН УССР, директор Института эволюционной морфологии АН СССР 7, 21, 24, 114, 192, 216, 219, 221, 222, 303, 308, 310, 311, 321
- Шмидт А.А. – физиолог 241
- Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – математик, астроном, геофизик, академик 201
- Шопен (Chopin) Фридерик (1810–1849) – польский композитор и пианист 177
- Шор Дмитрий – пианист 41
- Шталь (Stahl) Георг (1660–1734) – немецкий химик и врач, сформулировал теорию флогистона 306
- Штерн Лина Соломоновна (1878–1968) – физиолог, академик АН СССР и АМН СССР 32, 33, 39, 71, 200, 237, 318, 319
- Штробиндер М.Ф. – спецпоселенка 46, 220
- Шелованов Н.М. – невропатолог, ученик В.М. Бехтерева 39
- Эдельтоны Грасс и Дюк – супруги 129
- Эдриан Берик 129
- Эдриан (Adrian) Эдгар Дуглас (1889–1977) – английский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1932) 73, 113, 114, 277
- Эйнтховен (Eindhoven) Виллем (1860–1927) – голландский физик и физиолог, лауреат Нобелевской премии (1924). Основатель электрокардиографии 245
- Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–1955) – физик-теоретик 46
- Эйхенвальд А. – музыкант 41
- Экк Н.В. – русский хирург 278, 279
- Экономо (Economo) Константин (1876–1931) – австрийский невропатолог 93
- Энгель Ю. 41
- Энгельгардт Владимир Александрович (1894–1984) – биохимик, академик АН СССР и АМН СССР, основатель Института молекулярной биологии 20, 21, 113, 211, 213, 215, 240, 241, 286, 292, 295, 308–310
- Энгельс Фридрих (1820–1895) – один из основоположников научного коммунизма 262, 263
- Эрве (1825–1892) – французский композитор и дирижер. Один из основоположников французской оперетты 172
- Юнусов Адхам Юнусович (1910–1971) – физиолог, академик АН УзССР 241
- Ющенко Александр Александрович – физиолог, ассистент Л.А. Орбели в Первом Ленинградском медицинском институте 64, 68–70, 276
- Яблочкина Александра Александровна (1868–1964) – актриса, народная артистка СССР 42
- Яковкин Н. – директор БАН 221
- Яковлев М. – работник ЦК КПСС 31
- Яншин Михаил Михайлович (1902–1976) – актер и режиссер, народный артист СССР 172

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	6
НОВОЕ ОБ АКАДЕМИКЕ ЛЕОНЕ АБГАРОВИЧЕ ОРБЕЛИ	11
НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ	49
Программа 2-й беседы младшего врача Гвардейского экипажа лекаря Орбели "О новом методе экспериментального исследования психических явлений"	49
Условные рефлексы с глаза у собаки	49
Curriculum vitae	59
Отчет о деятельности кафедры физиологии Петроградского медицинского инсти- тута	62
Рапорт начальнику Военно-медицинской академии	65
Отзыв о научной деятельности Николая Яковлевича Пэрна	66
В Предметную комиссию Ленинградского медицинского института	67
Объяснительная записка в Правление Ленинградского медицинского инсти- тута	68
Конспект о впечатлениях от поездки в Америку (доклад Л.А. Орбели в Физиологи- ческом институте АН СССР)	70
Типовая программа подготовки аспирантов-физиологов Научного института имени П.Ф. Лесгафта	72
Справка-характеристика	73
Адрес, прочитанный Л.А. Орбели в день тридцатилетия научно-преподавательской деятельности В.В. Савича	73
Ходатайство в Президиум Академии наук СССР о предоставлении Асратяну Э.А. заграничной командировки	74
Отзыв об аспиранте Академии наук Асратяне Эзрасе Асратовиче	75
Отзыв о профессоре Хачатуре Сергеевиче Коштойянце	76
Отзыв о Льве Германовиче Лейбсоне	76
О культуре труда И.П. Павлова (из выступления Л.А. Орбели на заседании Военно- медицинской академии, посвященном памяти И.П. Павлова)	77
В.В. Савич – как физиолог (доклад Л.А. Орбели на заседании Ленинградского общества физиологов имени И.М. Сеченова, посвященном памяти В.В. Савича)	78
Отчет директора станции академика Л.А. Орбели о работе за 1936 г. и перспек- тивах на 1937 г. (Из протокола общего собрания сотрудников Биологической станции им. И.П. Павлова)	85
Выступление академика Л.А. Орбели на вечернем заседании (из стенограммы Общего собрания АН СССР)	86
Выступление Л.А. Орбели на обсуждении книги А.Д. Сперанского "Элементы построения теории медицины"	89
Представление академика Л.А. Орбели в Президиум АН СССР о присуждении И.С. Бериташвили премии имени И.П. Павлова	91

Характеристика на старшего научного сотрудника Физиологического института имени И.П. Павлова Академии наук СССР Э.А. Асратяна	92
Рапорт президенту АН СССР В.Л. Комарову о работе Физиологического института имени академика И.П. Павлова АН СССР	92
Выступление Л.А. Орбели на общем собрании коллектива Физиологического института	94
Представление академика Л.А. Орбели в Президиум АН СССР о присуждении К.М. Быкову премии имени И.П. Павлова	98
Докладная записка Л.А. Орбели президенту АН СССР В.Л. Комарову	98
Справка (о Л.Г. Лейбсоне)	99
Набросок заметки в связи с 22-й годовщиной Октябрьской революции	99
Отзыв Л.А. Орбели о научной деятельности М.К. Петровой для получения академической пенсии	100
Отзыв о работе А.Н. Леонтьева "Развитие психики (очерк теории)" (1940 г.), представленной на соискание ученой степени доктора педагогических наук	101
Выступление Л.А. Орбели (из стенограммы Общего собрания АН СССР)	102
Отчет в Президиум АН СССР о научной работе Физиологического института имени И.П. Павлова Академии наук СССР за военный период	110
Представление Л.А. Орбели А.Г. Гинецинского в члены-корреспонденты АН СССР	111
Отчет отдела спецработ Президиума АН СССР Отделения биологических наук о деятельности за 1945 г.	113
Отчет генерал-полковника медицинской службы академика Л.А. Орбели за 1945 г.	114
Представление К.М. Быкова в действительные члены АН СССР	115
Некролог	116
Доклад академика Л.А. Орбели на заседании Ученого совета Физиологического института о XVII Международном физиологическом конгрессе в Англии	117
Представление на присуждение премии Президиума АН СССР Л.Т. Загорюлько "О течении зрительных последовательных образов при условии взаимодействия афферентных систем", утвержденное на заседании ОБН	131
Материалы к плану научно-исследовательских работ Отделения биологических наук АН СССР по отделу спецработ на 1947–1948 гг.	131
Значение физиологической лаборатории Естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта в развитии советской физиологии (доклад, посвященный 55-летию со дня основания Биологической лаборатории и 30-летию ЕНИЛ)	133
Информация об основных научных достижениях Физиологического института имени И.П. Павлова Академии наук СССР за период 1936–1948 гг.	136
Из выступления Л.А. Орбели на расширенном заседании Президиума АМН СССР ..	142
Из доклада Л.А. Орбели "О задачах Академии наук в связи с итогами сессии ВАСХНИЛ" на заседании Ученого совета Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности АМН СССР	143
Выступление Л.А. Орбели на Президиуме АН СССР по поводу письма Г. Дэйла	145
Докладная записка Л.А. Орбели о несогласии с выводами комиссии Президиума АН СССР по проверке деятельности Физиологического института АН СССР	146
Отчетный доклад Л.А. Орбели на Научном совете по проблемам физиологического учения И.П. Павлова при Президиуме АН СССР	147
Из стенограммы доклада академика Л.А. Орбели на заседании Бюро Отделения биологических наук о деятельности лаборатории эволюционной физиологии	159
Выступление Л.А. Орбели при обсуждении отчета Отделения биологических наук АН СССР	166
Из отчета Л.А. Орбели на заседании Ученого совета лаборатории эволюционной физиологии о научно-исследовательской работе в 1955 г.	170

Содружество науки и искусства	171
ПЕРЕПИСКА	173
ВОСПОМИНАНИЯ	250
<i>Петрова М.К.</i> Воспоминания об академике И.П. Павлове (моя исповедь)	250
<i>Лейбсон Л.Г.</i> Страницы большой жизни	252
<i>Гинецинская Т.А.</i> Казанский период жизни и деятельности Леона Абгаровича Орбели	256
<i>Барбашова З.И.</i> Воспоминания об академике Леоне Абгаровиче Орбели	261
<i>Несмеянова Т.Н.</i> Академик Леон Абгарович Орбели (воспоминания его ученицы) ..	268
<i>Денисова З.В.</i> Из воспоминаний	272
<i>Выржиковская-Зевальд Х.О.</i> Воспоминания о Л.А. Орбели.....	272
КОММЕНТАРИИ	274
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	326
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	328

CONTENTS

FROM THE EDITOR	5
FROM THE COMPILER	6
NEW MATERIALS ABOUT ACADEMICIAN LEON ABGAROVICH ORBELI	11
PREVIOUSLY UNPUBLISHED MATERIALS	49
The Program for the Second Talk of the Junior Physician of the Guards Crew Doctor Orbeli "On the New Method of the Experimental Study of Psychological Phenomena"	49
Conditional Reflexes of Eye in Dog	49
Curriculum vitae	59
Report About the Activities of the Department of Physiology of the Petrograd Medical Institute	62
Report to the Chief of the Military-Medical Academy	65
Testimonial of the Scientific Activities of Nikolai Yakovlevich Pern	66
To the Subject Commission of the Leningrad Medical Institute	67
Explanatory Note to the Board of the Leningrad Medical Institute	68
Synopsis On the American Trip (Orbeli's Talk at the USSR Academy of Sciences' Physio- logical Institute)	70
The Standard Training Program for the Physiology Graduate Students at the P.F. Lesgaft Scientific Institute	72
Reference-Testimonial	73
Address, Given by Orbeli on the Occasion of 30th Anniversary of the V.V. Savich's Scientific and Teaching Activities	73
Application to the USSR Academy of Sciences' Presidium for the Abroad Mission of E.A. Asratian	74
Testimonial of Ezras Asratovich Asratian, Graduate Student of the Academy of Sciences	75
Testimonial of Professor Khachatur Sergeevich Koshtoiants	76
Testimonial of Lev Germanovich Leibson	76
About I.P. Pavlov's Culture of Labor (From Orbeli's Talk at the I.P. Pavlov Memorial Session of the Military-Medical Academy)	77
V.V. Savich as Physiologist (Orbeli's address at the V.V. Savich memorial meeting of the I.M. Sechenov Society of Leningrad physiologists)	78
Orbeli's Report as Director of the Station about Its Work in 1936 and the Prospects for 1937 (From the records of the general meeting of the staff of I.P. Pavlov Biological Station)	85
Academician Orbeli's Report at the Evening Session (From the Minutes of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences)	86

Orbeli's Talk at the Discussion of A.D. Speranskii's Book "Elements of Building Up the Theory of Medicine"	89
Academician Orbeli's Recommendation, Sent to the Presidium of USSR Academy of Sciences, to Award the I.P. Pavlov Prize to I.S. Beritashvili	91
Testimonial of E.A. Asratian, the Senior Scientific Worker of I.P. Pavlov Physiological Institute of the USSR Academy of Sciences	92
Report on the Work of I.P. Pavlov Physiological Institute of the USSR Academy of Sciences Forwarded to V.L. Komarov, the President of the Academy	92
Orbeli's Talk at the General Meeting of the Physiological Institute's Staff	94
Academician Orbeli's Recommendation, Sent to the Presidium of USSR Academy of Sciences, to Award the I.P. Pavlov Prize to K.M. Bykov	98
Memorandum of L.A. Orbeli Presented to V.L. Komarov, the President of the USSR Academy of Sciences	98
Letter of Reference (about L.G. Leibson)	99
Draft of a Note on the 22th Anniversary of the October Revolution	99
The Letter of Reference about the Scientific Activities of M.K. Petrova, to Be Awarded the Academic Pension	100
The Letter about the A.N. Leont'ev's Work "The Development of Mentality" (1940), Submitted for seeking for the Doctor of Pedagogical Sciences' Degree	101
Orbeli's Talk (From the Minutes of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences) ...	102
Report to the Presidium of the USSR Academy of Sciences about the Scientific Work of I.P. Pavlov Physiological Institute of the USSR Academy of Sciences During the War Period ..	110
Orbeli's Recommendation to Elect A.G. Ginetsinskii a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences	111
Report of the Section of Special Tasks of the Division of Biological Sciences to the USSR Academy of Sciences' Presidium about the Section's Work in 1945	113
Report of L.A. Orbeli, the Colonel-General of the Army's Medical Service, about His Work in 1945	114
Recommendation to Elect K.M. Bykov a Full Member of the USSR Academy of Sciences	115
Obituary	116
Academician Orbeli's Talk at the Session of the Physiological Institute's Scientific Council about the XVIIth International Physiological Congress in England	117
Recommendation to Award the Prize of the USSR Academy of Sciences' Presidium to L.T. Zagorulko, Approved at the Session of the Division of Biological Sciences	131
Materials to the Plan of Scientific Work of the Division of Biological Sciences of the Academy of Sciences, Section of Special Tasks, for the Years 1947-1948	131
On the Significance of Works of the Physiological Laboratory of P.F. Lesgaft Natural-Scientific Institute for Soviet Physiology (Address devoted to the 55th anniversary of the Biological Laboratory and the 30th anniversary of P.F. Lesgaft Natural-Scientific Institute)	133
Information about the Main Scientific Achievements of I.P. Pavlov Physiological Institute of the USSR Academy of Sciences for the Period of 1936-1948	136
From Orbeli's Talk at the Extended Session of the Presidium of the USSR Academy of Sciences	142
From Orbeli's Talk "On the Tasks of the Academy of Sciences in Connection with the Results of the Meeting of VASKhNIL" at the Session of Scientific Council of the USSR of Academy of Medical Sciences' Institute of Evolutionary Physiology and Pathology of Higher Nervous Activity	143
Orbeli's Talk at the Session of the USSR Academy of Sciences' about H. Dale's Letter	145

Orbeli's Report about His Disagreement with the Conclusions of the Commission Appointed by the USSR Academy of Sciences' Presidium to Inspect the Activities of the Academy's Physiological Institute	146
Orbeli's Report at Session of the USSR Academy of Sciences' Scientific Council on the Problems of Physiological Teaching of Academician I.P. Pavlov	147
From the Minutes of Academician Orbeli's Talk at the Session of the Bureau of the Division of Biological Sciences about the Activities of the Laboratory of Evolutionary Physiology	159
Orbeli's Talk at the Discussion of the Report of the USSR Academy of Sciences' Division of Biological Sciences	166
From Orbeli's Report at the Session of the Laboratory of Evolutionary Physiology's Scientific Council about Scientific Work in 1955	170
Concord of Science and Arts	171
CORRESPONDENCE	173
RECOLLECTIONS	250
<i>Petrova M.K.</i> Recollections about Academician I.P. Pavlov (My Confession)	250
<i>Leibson L.G.</i> The Chapters of Big Life	252
<i>Ginetsinskaia T.A.</i> The Kazan' Period in the Life and Activities of Leon Abgarovich Orbeli	256
<i>Barbashova Z.I.</i> Recollections about Academician Leon Abgarovich Orbeli	261
<i>Nesmeianova T.N.</i> Academician Leon Abgarovich Orbeli (Recollections of a Student)	268
<i>Denisova Z.V.</i> From Recollections	272
<i>Vyrzhikovskaia-Zewald Ch.O.</i> Recollections about L.A. Orbeli	272
COMMENTS	274
LIST OF ABBREVIATIONS	326
INDEX OF PERSONS	328

Academician Leon Abgarovich Orbeli: Scientific heritage. – M.: Nauka, 1997. – 351 p., il. (Scientific heritage; Vol. 26).
ISBN 5-02-001922-4

This volume of scientific heritage of Academician Leon Abgarovich Orbeli includes his unpublished manuscripts: articles, the texts of talks, addresses, and the correspondence with the outstanding Soviet scientists: S.I. Vavilov, V.L. Komarov, N.K. Kol'tsov, A.A. Zavarzin, A.G. Ginetsinskii and others. The special section of the book contains the texts of Orbeli's intercessions in favor of oppressed scientists, the documents about the situation in Soviet physiology in the late 1940 – early 1950s, and the materials on the role of Orbeli and other scientists in the normalization of moral atmosphere in Soviet science. The documents and materials collected by the compiler shed a new light on Orbeli's role in the organization of Soviet science, on the activities of a significant scientific school he has created in Soviet physiology, and on his relationships with Soviet authorities. The book contains the unpublished recollections on L.A. Orbeli. The volume is richly illustrated by the photopictures kindly provided by the family of the Academician L.A. Orbeli.

For physiologists, biologists and historians.

Научное издание

Академик
ЛЕОН АБГАРОВИЧ
ОРБЕЛИ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
(Научное наследство; Т. 26)

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
"Научное наследство"*

Заведующая редакцией
"Наука – биология, химия" Е.В. Тихомирова
Редактор Т.И. Белова
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор З.Б. Павлюк
Корректоры Н.Л. Голубцова,
Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 2232

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Подписано к печати 27.01.97

Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл. печ. л. 30,0. Усл. кр.-отт. 31,3. Уч.-изд. л. 38,3

Тираж 550 экз. Тип. зак. 3071

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

